M 43
35

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 годовъ.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ ПО ПОВОДУ СОЧИНЕНІЯ

М. И. БОГДАНОВИЧА.

СОСТАВИЛЪ

Н. Дубровинъ.

Членъ-корреспондентъ Императорской Академіи Наукъ.

РУМЯНЦЕВ. МУЗЕЙ БИБЛІОТЕКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(ВАС. ОСТР., 9 ЛИН., № 12.)
1878.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1878 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

2007096091

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Критическій разборъ сочиненія не можетъ имѣть ни полноты, ни законченности. Несмотря на то, я рѣшился издать отдѣльною книгою обзоръ главнѣйшихъ событій «Восточной войны» единственно потому, что располагалъ нѣсколькими до сихъ поръ неизвѣстными документами. Восточная война 1853—1856 годовъ еще такъ мало разработана, что изданіе хотя бы и незначительнаго числа новыхъ документовъ не можетъ считаться явленіемъ безполезнымъ въ литературѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Глава I. Нѣсколько словъ о посольствѣ князя Меншикова въ Константинополь, и о результатахъ этого посольства. — Занятіе Княжествъ. — Объявленіе войны. — Краткій обзоръ дѣйствій нашихъ войскъ до осады Силистріи 1

Глава II. Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ въ началѣ 1854 года. — Прибытіе Князя Варшавскаго въ Фокшаны и вступленіе въ командованіе войсками. — Его мнѣніе о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Движеніе къ Силистріи и осада этой крѣпости. — Письма Императора. — Нерѣшительность дѣйствій фельдмаршала.—Политическое положеніе Россіи.— Обратное отступленіе нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная. 15

Глава III. Нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ азіятской Турціи. — Упраздненіе укрѣпленій черноморской береговой линіи и снятіе съ нихъ гарнизоновъ. — Крымъ передъ высадкою союзниковъ. — Поведеніе Татаръ. — Дѣятельность князя Меншикова до начала военныхъ дѣйствій. — Мнѣніе князя Варшавскаго и генерала Лидерса о значеніи Севастополя и о средствахъ для его защиты. — Боевыя средства князя Меншикова. — Письма Императора. — Князь Меншиковъ проситъ о присылкѣ подкрѣпленій. — Опредѣленіе мѣста высадки. — Усиленіе крымской арміи. — Укрѣпленіе Севастополя. — Командированіе въ Севастополь подполковника Тотлебена. — Его прибытіе и представленіе князю

СТРАН.

Меншикову. — Увѣренность послѣдняго что высадка не состоится. — Появленіе союзнаго флота въ виду Крымскихъ береговъ..... 29

Глава IV. Распоряженія князя Меншикова по сосредоточенію войскъ на р. Алмѣ.—Занятіе Евпаторіи англо-французами.—Прокламація ихъ къ жителямъ города. — Пріемъ оказанный союзникамъ татарами.—Волненіе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.—Грабежи и разбои. — Краткое описаніе мѣстности занятой нашими войсками на р. Алмѣ.—Нѣсколько словъ о войскахъ собранныхъ для отраженія первыхъ покушеній непріятеля.—Причины нашей неудачи въ сраженіи 8-го сентября.—Князь Меншиковъ и отношеніе его къ войскамъ. Отступленіе къ Севастополю.—Переселеніе жителей полуострова.—Симферопольскій пикникъ.—Выселеніе изъ г. Перекопа.—Безпорядки въ городѣ и мѣры къ водворенію спокойствія въ Перекопѣ. 78

Глава V. Положеніе Севастополя во время и послѣ сраженія на р. Алмѣ.—Военный совѣтъ собранный Корниловымъ.—Предложеніе капитана 1-го ранга Зорина. — Затопленіе кораблей.—Вліяніе этой мѣры на дѣйствія союзниковъ. — Переходъ англо-французовъ на южную сторону рейда.—Фланговое движеніе нашей арміи. — Оцѣнка его..... 120

Глава VI. Расположеніе войскъ въ долинѣ Бельбека. — Преосвященный Иннокентій архіепископъ херсонскій и таврическій.—Отношеніе кн. Меншикова къ войскамъ. — Прибытіе подкрѣпленій.—Участіе кн. М. Д. Горчакова въ судьбѣ Крымской арміи. — Ея состояніе.—Первыя свѣдѣнія о переходѣ союзниковъ на южную сторону. — Участіе жителей въ оборонѣ города. — Занятіе Балаклавы союзниками. — Перемѣна французскаго главнокомандующаго. — Генералъ Канроберъ. — Освященіе оборонительной линіи укрѣпленій. — Заслуги вице-адмирала Корнилова..... 159

Глава VII. Приближеніе арміи князя Меншикова къ Севастополю.—Рескрипты Императора.—Князь П. Д. Горчаковъ и его положеніе въ арміи. — Дѣятельность союзниковъ. — Первые раненые въ Севастополѣ.—Расположеніе союзной арміи. —

СТРАН.

Раздѣленіе ея на два корпуса: осадный и обсерваціонный.— Состояніе союзныхъ армій. — Усиленіе севастопольскаго гарнизона. — Рекогносцировка генерала Краснова. — Блокада Евпаторіи — Составъ евпаторійскаго гарнизона..... 196

Глава VIII. Раздѣленіе оборонительной линіи на дистанціи.—Слабость укрѣпленій Севастополя. — Рескрипты Императора.— Набѣгъ англо-французовъ на Ялту. — Начало осадныхъ работъ. — Кавалерійская рекогносцировка въ тылу непріятеля. — Заложеніе траншей. — Черноморскіе пластуны въ Севастополѣ. — Преобразованіе морскихъ батальоновъ въ экипажи. — Значеніе этого преобразованія. — Заслуга черноморцевъ въ первые дни осады Севастополя. — Осада и оборона до 5-го октября. — Вылазки. — Дѣятельность гарнизона. — Рескриптъ Императора кн. Меншикову..... 215

Глава IX. Назначеніе князя Меншикова главнокомандующимъ со всѣми правами этому званію присвоенными. — Отправленіе подкрѣпленій. — Письма Императора князю Меншикову и князю Горчакову. — Главнокомандующій опасается за недостатокъ пороха и боевыхъ припасовъ.—Справедливо ли такое опасеніе. — Князь Меншиковъ помышляетъ объ оставленіи Севастополя.—Его предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Рескриптъ Императора. — Намѣреніе князя Меншикова перейти въ наступленіе. — Проэктъ генерала Липранди. — Балаклавское сраженіе. — Его послѣдствія и критическая оцѣнка..... 243

Глава X. Канунъ Инкерманскаго сраженія.—Распоряженія предшествовавшія сраженію. — Диспозиціи главнокомандующаго и начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ. — Генералъ Данненбергъ. — Краткій обзоръ хода сраженія и критическая оцѣнка его..... 270

Глава XI. Положеніе союзниковъ послѣ Инкерманскаго сраженія.— Мнѣніе князя Меншикова о дальнѣйшемъ ходѣ обороны. — Рескриптъ Императора.—Опасеніе за недостатокъ пороха.— Отсутствіе правильно организованнаго управленія въ арміи.— Характеристика ближайшихъ помощниковъ главнокомандую-

СТРАН.

щаго.—Одинокость его положенія.—Формированіе штаба. — Назначеніе генерала Семякина начальникомъ штаба.—Буря 2-го ноября. — Письмо Императора князю Меншикову.... 304

Глава XII. Вліяніе осени на дѣятельность атакующаго и обороняющагося. — Рескрипты Императора князю Меншикову.— Состояніе нашихъ боевыхъ запасовъ. — Оставленіе нами лѣваго берега р. Черной.—Перемѣщеніе внутрь полуострова кавалеріи и артиллеріи. — Образованіе блокаднаго евпаторійскаго отряда.—Появленіе непріятельскихъ судовъ у Перекопа, Ѳеодосіи и Керчи. — Заявленіе кн. Меншикова о недостаткѣ въ арміи генераловъ. — Извѣстіе о намѣреніи союзниковъ высадиться у Перекопа.—Мнѣніе фельдмаршала о защитѣ Севастополя и Крымскаго полуострова.—Формированіе особаго отряда у Перекопа. — Письма Императора князю Меншикову.—Состояніе союзныхъ армій..... 323

Глава XIII. Надежды Императора на возможность наступательныхъ дѣйствій. — Мнѣніе Князя Меншикова о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ. — Оцѣнка этого мнѣнія. — Письма Императора Князю Меншикову. — Слухи о намѣреніи союзниковъ дѣйствовать въ тылъ крымской арміи. — Положеніе Евпаторіи и ея гарнизона. — Перенесеніе главной атаки противъ Малахова кургана. — Прибытіе въ Крымъ генерала Ніеля. — Приближеніе союзныхъ судовъ ко входу на рейдъ. — Затопленіе на фарватерѣ новыхъ судовъ. — Предположеніе объ атакѣ Евпаторіи..... 348

Глава XIV. Сосредоточеніе войскъ у Евпаторіи. — Рекогносцировка барона Врангеля и его мнѣніе о безполезности штурма. — Генералъ Хрулевъ предлагаетъ свои услуги съ ручательствомъ, что возьметъ Евпаторію. — Диспозиція Хрулева. — Штурмъ Евпаторіи. — Заложеніе передовыхъ редутовъ. — Увольненіе князя Меншикова и назначеніе князя М. Д. Горчакова главнокомандующимъ крымскою арміею. 368

Глава XV. Князь Горчаковъ при назначеніи его главнокомандующимъ крымскою арміею. — Прощальный приказъ князя Меншикова. — Положеніе атакующаго и обороняющагося.—

СТРАН.

Заложеніе Камчатскаго люнета. — Прибытіе князя Горчакова въ Севастополь. — Состояніе края и арміи. — Численный составъ гарнизона. — Осада и оборона. — Положеніе союзниковъ. — Мнѣніе князя Горчакова о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Второе бомбардированіе Севастополя и результаты его. — Недостатокъ пороха. — Установленныя правила стрѣльбы. — Просьба главнокомандующаго о присылкѣ подкрѣпленій. — Боевыя наши средства въ Крыму.— Бой въ контръ-апрошахъ впереди редута Шварца, въ ночь съ 19-го на 20 апрѣля 391

Глава XVI. Нерѣшительность союзныхъ главнокомандующихъ. — Проэктъ экспедиціи въ Керчь. — Новый планъ дѣйствій, присланный Наполеономъ генералу Канроберу. — Несогласія, возникшія между французскимъ и англійскимъ главнокомандующими. — Просьба Канробера объ увольненіи и назначеніе Пелисье главнокомандующимъ французскими войсками. — Переформированіе армій. — Направленіе въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій. — Дѣло съ 10-го на 11-е мая у кладбища 418

Глава XVII. Приготовленіе союзной эскадры къ эспедиціи въ Азовское море. — Мѣры къ укрѣпленію Керченскаго пролива.— Численный составъ войскъ, назначенныхъ для охраненія восточной части Крымскаго полуострова. — Положеніе дѣлъ передъ высадкою непріятеля 430

Глава XVIII. Появленіе союзной эскадры въ виду Ѳеодосіи и Керчи. — Занятіе Керчи непріятелемъ. — Отступленіе нашихъ войскъ.—Письмо барона Врангеля генералу Броуну.— Грабежи въ городѣ. — Выселеніе Керченскихъ жителей . . . 453

Глава XIX. Штурмъ передовыхъ редутовъ. — Намѣреніе князя Горчакова оставить Севастополь. — Впечатлѣніе произведенное этимъ извѣстіемъ въ Петербургѣ. — Генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій и его записка. — Мысль о возможности атаковать непріятеля на р. Черной. — Командированіе Вревскаго въ Крымъ.—Его совѣщанія съ главнокомандую-

СТРАН.

щимъ и письма военному министру. — Канунъ сраженія на р. Черной. — Послѣдствія сраженія. — Бомбардированіе и штурмъ Севастополя. — Оставленіе города. — Дѣйствія союзниковъ въ Балтійскомъ морѣ и нашихъ войскъ въ Азіятской Турціи. — Паденіе Карса. — Заключеніе..... 469

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА 1853—1856 ГОДОВЪ.

Сочиненіе Генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича.

Рецензія Н. Дубровина.

I.

Нѣсколько словъ о посольствѣ Князя Меншикова въ Константинополь, и о результатахъ этого посольства.—Занятіе Княжествъ. — Объявленіе войны.— Краткій обзоръ дѣйствій нашихъ войскъ до осады Силистріи

Появленіе обширнаго труда М. И. Богдановича, какъ нельзя болѣе кстати, совершенно отвѣчаетъ требованію нашего общества и современнымъ событіямъ. — «Восточная война» была встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ, и настолько быстро разошлась въ массѣ читающей публики, что мы имѣемъ уже второе изданіе.

До изданія этого сочиненія, не было полнаго описанія прошлой кампаніи, хотя, независимо отъ архивныхъ документовъ, существуетъ весьма обширная литература, касающаяся отдѣльныхъ эпизодовъ, описанія сраженій и проч. Не говоря уже о сочиненіяхъ: Тотлебена, Ковалевскаго, Лихутина, Ушакова, Затлера, біографіи Корнилова, составленной Жандромъ, запискахъ Алабина и Берга,— мы имѣемъ нѣсколько сборниковъ: «Сборникъ рукописей», изданныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Сборникъ Путилова и пять выпусковъ. «Матеріаловъ для исторіи крымской войны». Сверхъ того существуетъ много иностранныхъ сочиненій, а въ нашей періодической литературѣ разбросана масса статей, содержаніе которыхъ относится къ различнымъ эпохамъ дѣйствій нашихъ войскъ. Я не стану перечислять этихъ статей, такъ какъ стоитъ только за-

глянуть въ иностранные каталоги и наши библіографическіе указатели, изданные Императорскою Академіею Наукъ, что бы насчитать ихъ десятками сотенъ.

Большая часть статей, какъ свидѣтельство очевидцевъ, весьма важны при изученіи хода историческихъ событій, но требуютъ критической оцѣнки, точнаго и всесторонняго изученія, ибо въ противномъ случаѣ изслѣдователь можетъ затеряться въ массѣ противорѣчивыхъ указаній и придти къ ошибочнымъ заключеніямъ

Для исторіи «Восточной войны, столько матеріаловъ, что они стѣсняютъ писателя своимъ обиліемъ, а не недостаткомъ. Въ этихъ данныхъ видны живыя люди, ихъ дѣятельность и мы вправѣ желать, чтобы то и другое сдѣлалось достояніемъ исторіи, — чтобы она была столь же живою и увлекательною, какъ и ихъ подвиги.

Исторія слагается изъ совокупности обстоятельствъ и никто не станетъ отрицать, чтобы характеры лицъ и даже цѣлыхъ массъ, не имѣли вліянія на защиту крѣпости или исходъ сраженія. Мы защищали Севастополь грудью въ буквальномъ смыслѣ слова, а не при помощи однѣхъ только укрѣпленій, и слѣдовательно уловить особенность войскъ, характеры дѣйствующихъ лицъ и наконецъ побужденія ими руководившія, столь же важно, сколько перечисленіе батарей и указаніе на какомъ мѣстѣ онѣ поставлены. Такой взглядъ давно уже установился въ военной литературѣ и мы руководясь имъ разсмотримъ сочиненіе М. И. Богдановича.

Приступая къ объясненію причинъ, приведшихъ насъ къ столкновенію съ Турціею и западными державами, авторъ предпосылаетъ краткій очеркъ отношеній нашихъ къ Портѣ начиная съ XV столѣтія и доводитъ ихъ до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія т. е. до возникновенія спора о Святыхъ мѣстахъ. Споръ этотъ, какъ извѣстно, былъ вызванъ политическими видами Императора Наполеона III, желавшаго отвлечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ внутреннихъ дѣлъ Франціи и упрочить тѣмъ свое положеніе.

Излагая ходъ дипломатическихъ переговоровъ, окончившихся посольствомъ князя Меншикова въ Константинополь, М. И. Богдановичъ, хорошо рисуетъ тогдашнее двуличіе Порты и французскаго императора. При составленіи этого очерка, авторъ пользовался нѣкоторыми документами архива министерства иностранныхъ дѣлъ, изъ которыхъ наиболѣе важными и интересными являются: 1) Записка о ходѣ дѣлъ по вопросу о Святыхъ мѣстахъ; 2) Проектъ конвенціи и отдѣльнаго секретнаго договора, предложеннаго Портѣ заключить съ Россіею, и 3) Инструкція, данная князю Мен-

шикову, для руководства въ сношеніяхъ съ представителями европейскихъ державъ въ Константинополѣ [1]).

Конвенція, предложенная Портѣ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, «не заключала въ себѣ никакихъ новыхъ обязательствъ въ отношеніи къ Россіи и наше правительство требовало только соблюденія правъ и преимуществъ Православной церкви, условленныхъ по прежнимъ трактатамъ. Но наши противники не признавали самой сущности этихъ условій, утверждая будто бы статья 7-я Кайнарджисскаго договора давала намъ право блюсти о покровительствѣ *не православныхъ подданныхъ султана, а русскихъ пребывающихъ въ Турціи*».

Вслѣдствіе интригъ Франціи и Англіи посольство князя Меншикова не имѣло успѣха. Не смотря на всѣ старанія пріискать самую безъобидную форму обязательства, для исполненія въ будущемъ обѣщаній турецкаго правительства, Меншиковъ не успѣлъ въ этомъ. Проектъ его не былъ принятъ и нашъ посолъ вернулся въ Одессу. Переговоры имъ прерванные не были возобновлены, и въ Константинополь была отправлена нота, въ которой нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ требовалъ, чтобы проектъ былъ подписанъ и отправленъ въ Одессу не позже восьми-дневнаго срока. Въ противномъ случаѣ русскія войска перейдутъ границу, не для военныхъ, впрочемъ, дѣйствій, а чтобы пріобрѣсть матеріальный залогъ, до полученія отъ Турціи ручательства, въ исполненіи нашихъ требованій. Порта отвѣчала, что требованія Россіи не совмѣстны съ верховными правами независимаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ согласилась на приближеніе англо-французской эскадры къ Дарданеламъ. Предписанія находившимся въ Средиземномъ морѣ союзнымъ адмираламъ Ласюссу и Дундасу—приблизиться къ Дарданеламъ—были посланы въ концѣ мая (въ началѣ іюня) тогда, когда еще не было объявлено о намѣреніи нашего правительства занять Дунайскія княжества.

Между тѣмъ одновременно съ отправленіемъ князя Меншикова въ Константинополь императоръ Николай, желая имѣть возможность поддержать свои требованія силою оружія, принялъ мѣры къ приведенію части войскъ на военное положеніе. Тогда же былъ начертанъ и планъ дѣйствій, въ основаніе котораго положены быстрота, неожиданность и рѣшительность. Императоръ предполагалъ

---

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь о письмѣ императора султану, такъ какъ это письмо не ново и было напечатано въ «Русской Старинѣ» 1873 г. т. VII.

произвести морскую экспедицію противъ Босфора, быстро двинуться къ Константинополю и порѣшить тамъ дѣло однимъ ударомъ. «Князь Меншиковъ, говоритъ авторъ, которому въ качествѣ ближайшаго исполнителя предположеній Государя, сообщенъ былъ проектъ дѣйствій, донесъ, что морское предпріятіе на Царьградъ весьма трудно и даже невозможно». Почему это было невозможно, авторъ не говоритъ, а между тѣмъ документъ этотъ весьма важенъ потому, что уничтожилъ смѣлый и, какъ выразился фельдмаршалъ великій планъ Императора. «Ваше Императорское Величество, писалъ князь Варшавскій, изволили сказать мнѣ, что князь Меншиковъ находитъ дессантъ и занятіе Босфора затруднительнымъ. Жаль, ибо мысль была великая. Такимъ образомъ не только война сразу была бы окончена, но можно бы сдѣлать завоеванія въ Европейской Турціи».

Какъ бы то ни было, но неблагопріятный отвѣтъ князя Меншикова побудилъ Императора обратиться къ другому предположенію—произвести высадку въ Бургасскомъ заливѣ, овладѣть, при помощи флота, Варной и въ тоже время занять княжества конечно при условіи, что мы господствуемъ на Черномъ морѣ. Противъ этаго плана возражалъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ. Приведя это возраженіе въ своей книгѣ, авторъ говоритъ что оно служило отвѣтомъ на первое предположеніе императора, но это несправедливо. Записка князя Варшавскаго подписана 24 марта 1853 года и служитъ отвѣтомъ на второй проектъ Государя. Затѣмъ М. И. Богдановичъ знакомитъ насъ послѣдовательно съ тремя записками фельдмаршала отъ 2-го іюля, 11-го и 24 сентября, но записки эти написаны послѣ вступленія нашихъ войскъ въ княжества, составлены при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ и слѣдовательно, безъ нарушенія хронологической послѣдовательности, не могли быть включены въ настоящую главу [1]). Вообще изъ сообщаемыхъ авторомъ свѣдѣній, о первоначальныхъ предположеніяхъ нашего правительства, нельзя усвоить себѣ плана кампаніи и намъ кажется, что глава эта, при ея громадномъ интересѣ, требуетъ болѣе тщательной обработки, чѣмъ простое цитированіе нѣсколькихъ записокъ, изъ коихъ нѣкоторыя были написаны послѣ вступленія нашихъ войскъ въ предѣлы Турціи.

---

[1]) Авторъ не приводитъ другихъ не менѣе важныхъ записокъ князя Варшавскаго, печатанныхъ еще до выхода его сочиненія въ «Русской Старинѣ.» Изъ этихъ записокъ видно, какъ, подъ вліяніемъ политическихъ событій, измѣнялся взглядъ фельдмаршала, имѣвшій вліяніе на всѣ его распоряженія.

Окупація Дунайскихъ княжествъ послѣдовала по мысли фельдмаршала, совѣтовавшаго занять ихъ только какъ залогъ до выполненія Турціею своихъ обязательствъ. Для этой цѣли были назначены 4-й пѣхотный корпусъ, 15-я пѣхотная дивизія, 5-я легкая кавалерійская дивизія и три казачьихъ полка, подъ общимъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя М. Д. Горчакова.

14-го іюня 1853-го года послѣдовалъ Высочайшій манифестъ, а 21-го іюня (3-го іюля) авангардъ русской арміи переправился черезъ р. Прутъ у Леова и форсированнымъ маршемъ двинулся въ Бухарестъ. За авангардомъ слѣдовали главныя силы, переправившіяся у Скулянъ и Леово въ промежутокъ времени съ 21-го іюня по 4-е іюля. На нижнемъ Дунаѣ у Рени, Киліи и Измаила расположилась 15-я пѣхотная дивизія, подъ начальствомъ командира 5-го корпуса генералъ-адъютанта Лидерса.

Оставляя на время разсказъ о дальнѣйшемъ движеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, авторъ сообщаетъ характеристику главныхъ дѣйствующихъ лицъ, организацію нашей арміи, тактическое обученіе войскъ и въ приложеніи къ своему труду говоритъ нѣсколько словъ о руководствѣ для боя противъ Турокъ, составленномъ въ штабѣ Южной арміи. Руководство это, подписанное княземъ Горчаковымъ, было разослано всѣмъ отряднымъ начальникамъ. Оно осталось свидѣтелемъ того, что мы, пренебрегая непріятелемъ, смотрѣли на турокъ съ высока, не имѣя никакаго понятія о военныхъ средствахъ и силахъ Турціи и ихъ вооруженіи. Всѣ эти свѣдѣнія, прекрасно изложенныя, крайне любопытны, поучительны и намъ остается сожалѣть, что они не помѣщены въ текстѣ, а въ приложеніи.

Непосредственно за характеристикою войскъ слѣдуетъ описаніе театра дѣйствій и изложеніе послѣдствій, вызванныхъ переходомъ нашихъ войскъ черезъ границу. Въ циркулярѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, адресованномъ къ европейскимъ державамъ, было объявлено, что императоръ не желаетъ разрушенія Турецкой имперіи и не ищетъ пріобрѣтеній; что войска будутъ выведены изъ княжествъ, какъ только Порта удовлетворитъ нашимъ требованіямъ; что Россія не откроетъ военныхъ дѣйствій, пока не будетъ къ тому принуждена упорствомъ Порты и что, наконецъ, императоръ будучи далекъ отъ мысли возбуждать къ возстанію христіанскихъ жителей Турціи, будетъ содержать ихъ въ повиновеніи Султану.

Не смотря на столь откровенное заявленіе, переходъ русскихъ

войскъ черезъ границу былъ принятъ въ западной Европѣ за посягательство Россіи на цѣлость владѣній Порты Оттоманской. «Наполеонъ, желавшій заглушить громомъ побѣдъ на Востокѣ воспоминаніе канонады парижскихъ бульваровъ, возвѣстившей его владычество надъ Франціей, искалъ случая возжечь войну»—и скоро достигъ своей цѣли. Онъ былъ увѣренъ, что враждебный Россіи англійскій посолъ въ Константинополѣ, Страдфордъ Редклифъ, сдѣлаетъ все возможное, чтобы раздражить общественное мнѣніе Англіи и Турціи. По настоянію Страдфорда, въ Константинополѣ былъ собранъ совѣтъ, протестовавшій противъ занятія княжествъ русскими войсками. Слѣдствіемъ этого протеста была конференція въ Вѣнѣ, изъ уполномоченныхъ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. Совѣщавшіеся, въ качествѣ посредниковъ, приняли проектъ примирительной ноты, составленной въ Парижѣ, съ незначительными измѣненіями сдѣланными австрійскимъ министерствомъ. Нота эта была отправлена въ Петербургъ и безъусловно принята императоромъ, изъявившемъ даже согласіе на пріѣздъ въ Петербургъ турецкаго посланника. Принятіе ноты русскимъ правительствомъ озадачило искателей войны и тогда, по настоянію Редклифа Порта рѣшилась отвергнуть вѣнскую ноту. Она сдѣлала въ ней такія измѣненія, которыя не могли быть приняты русскимъ правительствомъ. Императоръ Николай настаивалъ на принятіе вѣнской ноты безъ всякихъ измѣненій, а парижскій и лондонскій кабинеты, отказавшись отъ документа ими же составленнаго, признали справедливыми измѣненія сдѣланныя Портою.

9-го сентября Наполеонъ, получивъ депешу о народномъ волненіи въ Константинополѣ, предложилъ великобританскому правительству ввести въ Босфоръ соединенные эскадры Франціи и Англіи, что и было исполнено 27 октября (8-го ноября) 1853 года. Демонстрація эта поставила обѣ западныя державы въ непріязненныя отношенія къ Россіи и на оборотъ — въ союзныя къ Турціи. Ободренная такою помощью, Порта рѣшилась объявить войну Россіи. Главнокомандующій турецкими войсками Омеръ-паша получилъ приказаніе потребовать очищенія княжествъ въ теченіи двухъ недѣль, и въ случаѣ отказа открыть военныя дѣйствія. Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ вести переговоры ни о мирѣ, ни о войнѣ, ни о выводѣ русскихъ войскъ изъ Княжествъ.

Въ концѣ сентября турки успѣли собрать на правой сторонѣ Дуная отъ 120 до 130 тысячь человѣкъ, изъ коихъ до 30 тыс. находились въ Шумлѣ, столько же въ Андріанополѣ, а прочіе по те-

ченію Дуная, отъ Видина до устья рѣки. Число русскихъ войскъ въ княжествахъ, за отдѣленіемъ отряда Лидерса, простиралось до 55 тыс. человѣкъ.

«Превосходство турокъ въ числѣ войскъ, говоритъ авторъ, подавало имъ возможность появляться неожиданно на лѣвой сторонѣ Дуная, въ различныхъ пунктахъ, и потому съ нашей стороны нельзя было непосредственно прикрывать отъ вторженія турокъ занятыя нами княжества, а было бы выгоднѣе, расположивъ главныя силы въ одной или двухъ центральныхъ позиціяхъ, ограничиться наблюденіемъ теченія Дуная и дѣйствовать рѣшительно противъ непріятеля не прежде, какъ допустивъ его удалиться на значительное разстояніе». Вмѣсто того, князь Горчаковъ, желая преградить туркамъ доступъ на лѣвый берегъ Дуная, раздробилъ свои силы на нѣсколько мелкихъ отрядовъ, долженствовавшихъ встрѣтить непріятеля, какъ только онъ появится на лѣвомъ берегу. При тѣхъ силахъ, которыми располагалъ Князь Горчаковъ, онъ не могъ, конечно, прикрыть всей линіи Дуная и турки, по ночамъ, переправлялись небольшими партіями и нападали на наши аванпосты. Такія нападенія продолжались до второй половины октября, когда Омеръ-паша, сосредоточивъ до 14 тыс. человѣкъ у Туртукая, 21-го октября сталъ переправляться на лѣвый берегъ Дуная, занялъ ольтеницкій карантинъ и въ немъ укрѣпился. Князь Горчаковъ предписалъ генералу Данненбергу прогнать непріятеля за рѣку. Сосредоточивъ бригаду пѣхоты съ двумя пѣшими батареями, 6 эскадроновъ уланъ, три сотни казаковъ и два орудія донской батареи, Доннепбергъ атаковалъ турокъ, при ольтеницкомъ карантинѣ. Смѣлое наступленіе нашихъ войскъ устрашило непріятеля на столько, что часть его пѣхоты и кавалеріи стала поспѣшно уходить къ берегу рѣки. Огонь турокъ замѣтно ослабѣлъ. Уже наши охотники стали спускаться въ ровъ, когда генералъ Данненбергъ, «сообразивъ, что если бы даже и удалось намъ овладѣть укрѣпленіями карантина, мы не могли бы удержаться въ нихъ» приказалъ отступать.

И такъ атака эта, весьма подробно описанная авторомъ и стоившая намъ 970-ти человѣкъ выбывшими изъ строя, была безуспѣшна. Князь Горчаковъ стянулъ войска къ Ольтеницѣ и тѣмъ заставилъ Омеръ-пашу, 31-го октября, переправиться обратно на правый берегъ Дуная. Съ этихъ поръ, на пространствѣ между Рущукомъ и Ольтою, оба противника ограничивались одною перестрѣлкою. Главныя же дѣйствія происходили въ Малой Валахіи,

гдѣ турки сосредоточивали свои войска у Калафата. Незначительному нашему отряду предстояла здѣсь довольно трудная задача удерживать непріятеля, значительно превышавшаго въ силахъ, отъ вторженія внутрь края.

Расположенный въ Краіовѣ отрядъ этотъ, имѣлъ на дорогѣ къ Радовану авангардъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта князя Васильчикова. Онъ имѣлъ назначеніемъ производить постоянно поиски въ различныхъ направленіяхъ и не позволять турецкимъ партіямъ пользоваться средствами края. «Исполненіе такого порученія, говоритъ авторъ, требовавшее столько же смѣлости, сколько и осторожности, было весьма затруднительно, и въ особенности потому, что жители, позабывъ всѣ прежнія благодѣянія нашего правительства, увлекались увѣреніями валахскихъ выходцевъ участвовавшихъ въ смутахъ 1848 года, которые, обольщая своихъ земляковъ несбыточными надеждами, побуждали ихъ покровительствовать турецкимъ агентамъ и извѣщать ихъ о движеніи русскихъ отрядовъ».

Такое покровительство содѣйствовало нечаянному нападенію турокъ на нашъ малочисленный отрядъ и вызвало извѣстное дѣло при Четати. Описавъ подробно это сраженіе, авторъ знакомитъ насъ въ послѣдующихъ главахъ перваго тома съ дальнѣйшими дѣйствіями Мало-валахскаго отряда, съ истребленіемъ турецкой флотиліи подъ Рущукомъ, и наконецъ съ дѣйствіями противъ Силистріи и Туртукая, съ лѣваго берега Дуная.

Всѣ эти дѣйствія охватывая значительный періодъ времени, изложены весьма кратко и, сколько можно судить по ссылкамъ и примѣчаніямъ, основаны преимущественно на журналѣ военныхъ дѣйствій. Правда, что не смотря на это М. И. Богдановичъ сообщаетъ много новыхъ свѣдѣній, но еще большее число весьма любопытныхъ архивныхъ документовъ остаются нетронутыми. Такъ авторъ ничего не говоритъ о положеніи князя Горчакова какъ распорядителя арміи и умалчиваетъ объ его отношеніяхъ къ фельдмаршалу князю Паскевичу. Князь Горчаковъ былъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ и его постоянная переписка съ фельдмаршаломъ уясняетъ много любопытныхъ, но до сихъ поръ еще темныхъ сторонъ. Не касаясь этой переписки нельзя понять многихъ мѣръ и распоряженій командовавшаго войсками на Дунаѣ.

Въ послѣдней главѣ перваго тома авторъ знакомитъ насъ съ политическими событіями приведшими Россію къ разрыву съ западными державами. Пораженіе турецкой эскадры при Синопѣ, въ

виду англо-французскаго флота, послужило поводомъ къ появленію соединенной эскадры въ Черномъ морѣ. 24 декабря (5 января) 1854 года, лордъ Редклифъ объявилъ англичанамъ живущимъ въ Константинополѣ, что соединенный англо-французскій флотъ вошелъ въ Черное море съ цѣлью «защищать, по возможности, законные интересы Порты, не нарушая, однако же, существующихъ до сихъ поръ дружескихъ отношеній между Англіею и Россіею». На вопросъ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, имѣетъ ли плаваніе соединеннаго флота цѣлью поддержанія перемирія или ограниченія движеній, русскаго флота, западныя державы отвѣчали, что имѣютъ въ виду не только защищать турокъ, отъ всякаго нападенія со стороны моря, но и способствовать имъ въ снабженіи своихъ портовъ, препятствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободному плаванію русскихъ судовъ, на прилежащихъ къ нашимъ владѣніямъ водахъ Чернаго моря. Послѣ такого отвѣта наши посланники немедленно прервали дипломатическія сношенія и потребовали свои паспорты. Императоръ Николай «обратился къ берлинскому и вѣнскому дворамъ, съ предложеніемъ заключить, на случай войны Англіи и Франціи противъ Россіи, договоръ, на основаніи котораго обѣ германскія державы обязались бы соблюдать стражайшій нейтралитетъ, поддержанный силою оружія. Оба кабинета уклонились отъ заключенія такого договора, точно также какъ уклонились и отъ приглашенія западныхъ державъ присоединиться къ ихъ союзу. Они согласились только подписать вмѣстѣ съ Франціею и Англіею протоколъ, по которому постановлено: 1) поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній, и слѣдовательно, очищеніе княжествъ отъ русскихъ войскъ, и 2) признаніе правъ христіанъ, но безъ нарушенія власти султана.

Нѣсколько дней спустя Австрія и Пруссія заключили между собою союзный трактатъ, особою статьею котораго было положено: «какъ неопредѣленное продолженіе занятія русскими войсками Дунайскихъ княжествъ опасно и вредно для Германіи, и какъ опасность увеличивается по мѣрѣ распространенія Россіею военныхъ дѣйствій, то въ случаѣ, если не послѣдуетъ вскорѣ выступленія рускихъ войскъ, Австрія потребуетъ очищенія княжествъ, а Пруссія поддержитъ это требованіе; если же и за тѣмъ не будетъ со стороны Россіи удовлетворительнаго отвѣта, то должны быть предприняты обѣими государствами наступательныя дѣйствія, которыя поведетъ за собою, какъ присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ княжествъ, такъ и переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы».

На основаніи этой конвенціи Австрія обязалась усилить число своихъ войскъ, и съ этою цѣлью стала мобилизовать армію. Положеніе принятое германскими державами и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе дипломатическихъ сношеній съ Франціею и Англіею, побудили императора произвести рекрутскій наборъ, объявить многія губерніи на военномъ положеніи и переформированіемъ полковъ усилить свою армію въ полтора раза.

Второй томъ своего сочиненія авторъ начинаетъ описаніемъ переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай. Не приводя въ подлинникѣ замѣчательной собственноручной записки императора Николая, М. И. Богдановичъ ссылается только на нее и говоритъ, что переправу эту предполагалось произвести близъ Видина, «дабы, войдя въ непосредственную связь съ Сербами и другими славянскими племенами, содѣйствовать ихъ возстанію противъ Турціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлались приготовленія на нижнемъ Дунаѣ другой переправы, которая должна была служить для демонстраціи и для облегченія дѣйствительной переправы главныхъ силъ».

По недостатку подножнаго корма Паскевичъ непризнавалъ возможнымъ привести этотъ планъ въ исполненіе и предлагалъ произвести переправу у Измаила. Съ своей стороны князь Горчаковъ находилъ лучшимъ переправиться у Галаца, а если представится возможнымъ то и выше Рущука. Послѣ неоднократнаго обмѣна мнѣній рѣшено было переправится одновременно въ трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ.

Въ исходѣ февраля 1854 года, всѣ приготовленія къ переправѣ уже оканчивались и Государь съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстія о томъ что она состоялась. Съ каждымъ днемъ положеніе наше становилось болѣе затруднительнымъ и расположеніе Австріи въ пользу морскихъ державъ было очевидное. «Съ нетерпеніемъ ожидать буду, писалъ императоръ князю Горчакову, было ли благословеніе Божіе нашему предпріятію черезъ Дунай».

11-го марта переправа совершилась и по словамъ автора «оставалось ею воспользоваться, преслѣдовать по пятамъ ошеломленнаго непріятеля и въ десять, либо двѣнадцать переходовъ дойти до Силистріи, которой укрѣпленія, по показаніямъ лазутчиковъ и плѣнныхъ тогда еще не были окончены; а возведеніе отдѣльнаго укрѣпленія Абдулъ-Меджидъ, по справедливости считавшагося ключемъ всей силистрійской обороны, едва начато; гарнизонъ крѣпости по всѣмъ имѣвшимся свѣдѣніямъ не превосходилъ 12 тысячь человѣкъ».

«Вмѣсто того, продолжаетъ М. И. Богдановичъ, войска наши весь день оставались въ бездѣйствіи на правомъ берегу противъ Браилова. Вечеромъ прибылъ изъ Варшавы курьеръ съ предписаніемъ фельдмаршала не переходить за Дунай, а если переправа совершена, то не двигаться далѣе Мачина, вывести войска изъ Малой Валахіи и немедленно приступить къ вывозу раненыхъ и больныхъ, а также всѣхъ излишнихъ тяжестей изъ княжествъ въ Бессарабію и губерніи: Подольскую, Кіевскую, и Херсонскую». Не смотря на такое приказаніе князь Горчаковъ занялъ Гирсовъ и Бабадагъ, но опасаясь отвѣтственности передъ княземъ Варшавскимъ «сталъ удерживать наступленіе Лидерса, который могъ бы въ десять или двѣнадцать дней перейти отъ Гирсова къ Силистріи и, заставъ турокъ врасплохъ, овладѣть неоконченною крѣпостью при помощи демонстраціи съ лѣваго берега».

«Таково было положеніе дѣлъ, когда прибылъ къ арміи новый главнокомандующій фельдмаршалъ князь Варшавскій. Назначеніе его главнокомандующимъ обѣими арміями было послѣдствіемъ неудовольствія Государя на медленность и нерѣшительность дѣйствій князя Горчакова».

Все здѣсь сказанное основано авторомъ на показаніяхъ Ушакова, все невѣрно и противорѣчитъ письмамъ Императора, частію приведеннымъ въ разсказѣ самого М. И. Богдановича, а частію хранящимся въ архивахъ. Въ этихъ письмахъ Государь неоднократно благодарилъ князя Горчакова за его дѣятельность и находилъ всѣ его распоряженія соотвѣтствующими обстоятельствамъ.

Дѣло въ томъ что Ушаковъ писалъ свои записки на память, часто по слухамъ и спустя долгое время послѣ кампаніи. Ему не трудно было перепутать событія, перемѣшать обстоятельства и жаль что авторъ предпочелъ его показанія тѣмъ неопровержимымъ свидѣтельствамъ, которыя, въ формѣ разнаго рода документовъ, находятся въ нашихъ военныхъ архивахъ. Для возстановленія истины позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности.

Двусмысленная политика Австріи и предположеніе о скорой разрывѣ съ этою державою заставляли наше правительство принять мѣры къ защитѣ западныхъ границъ Имперіи и въ то же время обезпечить, — отъ нападенія тѣхъ же австрійцевъ,—тылъ и фланги южной арміи дѣйствовавшей на Дунаѣ. Сосѣдственное положеніе двухъ армій: южной и западной и необходимость взаимной поддержки другъ другу, привели къ мысли, что, для единства и

лучшаго направленія дѣйствій, полезно соединить въ одномъ лицѣ начальство надъ обѣими арміями.

Такимъ лицомъ былъ избранъ князь Варшавскій.

Боевая репутація фельдмаршала, его опытность и огромное довѣріе къ нему императора ставили Паскевича въ совершенно исключительное положеніе, выдѣляющее его изъ ряда всѣхъ остальныхъ государственныхъ людей того времени. Высказываемые имъ взгляды на военныя событія не требовали тѣхъ вѣскихъ доказательствъ и подтвержденій, какія требовались отъ другихъ; его мнѣніе считалось непогрѣшимымъ и всѣ его требованія исполнялись съ особою предупредительностію.

Принимая званіе главнокомандующаго надъ двумя арміями, растянутыми вдоль границъ отъ Рижскаго залива на Балтійскомъ морѣ, до устья р. Буга на Черномъ—Паскевичъ понималъ всю трудность лежащей на немъ обязанности. Опасаясь на закатѣ своей жизни потерять всю свою боевую славу, пріобрѣтенную въ предшествовавшихъ кампаніяхъ, онъ считалъ себя вправѣ предложить такія условія и заявить такія требованія, которыя могли бы дать ему нѣкоторый залогъ въ успѣхѣ предстоящихъ дѣйствій. Руководимый этою идеею фельдмаршалъ видѣлъ опасность только тамъ, гдѣ самъ командовалъ войсками; онъ видѣлъ ее на юго-западной нашей границѣ, со стороны Австріи и не признавалъ важности другихъ пунктовъ обороны.

Опасаясь что Австрія въ самомъ непродолжительномъ времени объявитъ намъ войну, князь Варшавскій находилъ необходимымъ ввести въ царство Польское какъ можно болѣе войскъ.

— Война съ Австріей неизбѣжна, часто повторялъ фельдмаршалъ, и если она будетъ, то австрійцы возьмутъ насъ въ тылъ.

Имѣя громадное вліяніе на окружающихъ, Паскевичъ скоро убѣдилъ всѣхъ въ справедливости своихъ доводовъ и за тѣмъ старался присоединить къ себѣ всѣ войска, которыя оказывались до нѣкоторой степени свободными. Онъ просилъ отмѣнить отправленіе 17-й пѣхотной дивизіи на Кавказъ и резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи—въ Севастополь, считая присутствіе послѣдней въ Одессѣ болѣе нужнымъ, чѣмъ въ Крыму.

«Мнѣ эта перемѣна не очень нравится, писалъ императоръ въ собственноручной запискѣ военному министру князю Долгорукову [1]), но, чтобы не противорѣчить князю въ его соображеніяхъ, Я согла-

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. д. № 160.

сенъ отмѣнить первыя распоряженія и тогда резервная бригада 14-й дивизіи останется въ Одессѣ и Николаевѣ, о чемъ сдѣлать распоряженіе и увѣдомить Меншикова сказавши и причину».

Получивъ назначеніе главнокомандующимъ обѣими арміями, князь Варшавскій, по своему характеру, считалъ себя въ правѣ распоряжаться самостоятельно и будучи еще въ Петербургѣ, посылалъ предписанія, не допуская въ нихъ никакихъ измѣненій со стороны князя Горчакова. Приказанія эти были совершенно противоположны указаніямъ императора и стоитъ только заглянуть въ дѣло о сношеніяхъ князя Горчакова съ фельдмаршаломъ [1]), чтобы убѣдиться въ какомъ затруднительномъ положеніи находился князь Михаилъ Дмитріевичъ.

Придавая преувеличенное значеніе враждебной намъ политики Австріи, фельдмаршалъ, сначала совѣтовалъ, а потомъ приказывалъ князю Горчакову остановиться переправою на правый берегъ Дуная. — Императоръ желалъ скорѣйшей переправы, а князь Варшавскій, въ письмѣ отъ 1-го февраля писалъ князю Горчакову: «Имѣя всегда въ Венгріи 60 тыс. и пославъ уже 30 тыс., на свою военную границу, ей (Австріи) не трудно будетъ прибавить тысячь тридцать, чтобы составить армію почти въ 100 тыс. и дѣйствительно заставить насъ подумать, прежде чѣмъ переходить Дунай; ибо если бы въ то время, когда мы за Дунаемъ встрѣтимъ турецкую армію, поддержанную дессантомъ европейцовъ— турки вышли бы изъ Калафата и соединились съ австрійцами, то намъ нечѣмъ ихъ остановить; они заняли бы Фокшаны и Яссы, прежде чѣмъ мы успѣемъ отступить изъ-за Дуная и отрѣзали бы нашу дунайскую армію отъ своихъ коммуникацій.

«Итакъ, въ сихъ обстоятельствахъ, прежде чѣмъ приступить къ исполненію первоначальнаго плана дѣйствій за Дунаемъ, не слѣдуетъ-ли еще подумать: какія средства употребить необходимо въ сихъ критическихъ для насъ обстоятельствахъ?»

Спустя мѣсяцъ, въ то самое время когда Государь съ нетерпѣніемъ ожидалъ «было-ли благословеніе Божіе нашему предпріятію черезъ Дунай», фельдмаршалъ писалъ князю Горчакову, чтобы на случай наступленія австрійцевъ, онъ приготовился къ отступленію за р. Серетъ, «гдѣ мы, будучи закрыты рѣкою, можемъ встрѣтить непріятеля. Для сего позаботьтесь о переправахъ, устроивъ по нѣсколько мостовъ,—гдѣ удобнѣе».

---

[2]) Военно-ученый архивъ д. № 3358.

«Къ тому времени я надѣюсь пріѣхать къ вамъ: а между тѣмъ употребите всевозможныя мѣры къ очищенію вашихъ магазиновъ и госпиталей, *расположенныхъ впереди сей линіи*....»

«Еще разъ скажу, что если вы еще не взяли Мачина, Исакчи и Тульчи и не устроили переправы, *то не начинайте перехода*; потому что пока дѣла съ Австріею не объяснятся, намъ нѣтъ необходимости переходить черезъ Дунай».

Вслѣдъ за тѣмъ фельдмаршалъ снова указалъ на необходимость приготовиться теперь же къ отступленію всей линіей за р. Серетъ и повторилъ приказаніе не переправляться черезъ Дунай. «Если вы, писалъ онъ князю Горчакову, не совершили переправы за Дунай, то и не форсируйте ее, ибо переправа наша теперь не будетъ уже нужна, какъ было прежде; отступая за Серетъ мы сохранимъ только Галацъ. Если же вы переправились уже за Дунай, то отрядъ отъ переправы *долженъ будетъ отступать на Исакчу*, если она взята».

Не смотря на столь противорѣчивыя приказанія князь Горчаковъ, какъ мы видѣли, совершилъ переправу, но на другой день получилъ приказаніе князя Варшавскаго, по овладѣніи Мачиномъ, Исакчею и Тульчею, не подыматься вверхъ по Дунаю къ Гирсову, а ограничиться занятіемъ этихъ трехъ пунктовъ, устройствомъ сильнаго предмостнаго укрѣпленія и затѣмъ въ такомъ положеніи, выжидать дальнѣйшаго разъясненія обстоятельствъ. На это князь Горчаковъ отвѣчалъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ приказаніе фельдмаршала вызвано разсчетомъ, что для «овладѣнія Мачиномъ, Исакчею и Тульчею потребуется не менѣе двухъ недѣль, что движеніе къ Гирсову могло бы начаться только въ концѣ марта, а овладѣніе Гирсовымъ послѣдовать не прежде, какъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Но неожиданно быстрое овладѣніе Тульчею и Мачиномъ, оставленіе непріятелемъ Исакчи и свѣдѣнія, полученныя: а) *что турки очистили уже береговыя батареи противъ Гирсова* [1]) и б) что силы ихъ сосредоточиваются не у Бабадага, а у Черноводъ — измѣняютъ положеніе дѣлъ.

«Имѣя неожиданно свободнаго времени болѣе двухъ недѣль, я счелъ, что вмѣсто того, чтобы провести эти 15 дней въ бездѣй-

---

[1]) Подчеркнуто рукою Государя и на рапортѣ написано: «все прекрасно» По полученіи этого рапорта князь Долгоруковъ писалъ князю Горчакову: «Его Величеству благоугодно было отозваться съ особеннымъ удовольствіемъ, что всѣ соображенія изложенныя въ помянутомъ донесеніи вашемъ, совершенно согласны съ Высочайшими видами».

ствіи, надлежитъ воспользоваться ими для занятія Гирсова и устройства тамъ моста и мостоваго укрѣпленія, такъ какъ это доставитъ намъ большія выгоды, какой бы оборотъ война не приняла. ...» Овладѣніе Гирсовымъ, по словамъ князя Горчакова «въ большой степени облегчать дѣйствія наши въ Валахіи и Бабадагской области и наступательныя дѣйствія къ Силистріи, если окажется возможнымъ таковыя предпринять..... По соображеніи съ обстоятельствами и съ общимъ начертаніемъ Государя Императора, на счетъ послѣдующихъ дѣйствій нашихъ, я не дѣлаю теперь измѣненій въ вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ. Я разсчитываю, что дессанта въ наши предѣлы прежде апрѣля они (союзники) не предпримутъ, и что наступательный видъ, сохраняемый моими дѣйствіями, есть лучшее средство удержать ихъ отъ высадки въ Бессарабію или около Одессы. Лидеръ же всегда успѣетъ, если нужно, своевременно отойти за Дунай или черезъ Гирсовъ, или черезъ Браиловъ».

Послѣ всего сказаннаго надо еще удивляться, что не смотря на положительныя предписанія князя Варшавскаго, князь Горчаковъ продолжалъ дѣйствовать согласно желанія Императора, и конечно онъ не могъ навлечь на себя неудовольствіе Государя. Вообще событія предшествовавшія осадѣ Силистріи изложены авторомъ «Восточной войны» весьма кратко. Прибытіе къ арміи фельдмаршала, его дѣятельность и вліяніе на медленность дѣйствій обрисованы не съ достаточною полнотою, и требуютъ, съ нашей стороны, нѣсколькихъ словъ для поясненія событій.

II.

Положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ въ началѣ 1854 года. — Прибытіе Князя Варшавскаго въ Фокшаны и вступленіе въ командованіе войсками. Его мнѣніе и предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Движеніе къ Силистріи и осада этой крѣпости — Письма Императора. — Нерѣшительность дѣйствій фельдмаршала. — Политическое положеніе Россіи. — Обратное отступленіе нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная.

Переходъ арміи кн. Горчакова за Дунай сильно встревожилъ какъ турокъ, такъ и ихъ союзниковъ. — По поводу этого перехода въ Константинополѣ происходили частыя совѣщанія между министрами султана, раздѣлившимися на двѣ партіи: одна надѣялась,

что турецкій главнокомандующій съумѣетъ удержаться нѣсколько мѣсяцевъ въ горныхъ проходахъ черезъ Балканы; другіе, напротивъ предполагали, что русскія войска, будучи многочисленнѣе турецкихъ, запрутъ Омеръ-пашу въ Шумлѣ, и, перевалившись черезъ Балканы, быстро двинуться къ Адріанополю, овладѣютъ имъ и явятся у столицы султана гораздо прежде, чѣмъ англо-французы успѣютъ сосредоточить къ этому пункту свои силы. — Прибывшій прежде другихъ въ Константинополь генералъ Канроберъ, видя неустройство турецкой арміи, плохую гражданскую и военную администрацію, хлопоталъ о скорѣйшемъ сосредоточеніи союзныхъ войскъ въ Галлиполи.—Сосредоточеніе это происходило весьма медленно. — Главнокомандующій маршалъ Сентъ-Арно только въ концѣ Апрѣля прибылъ въ Константинополь, гдѣ впрочемъ нашелъ уже нѣкоторыхъ начальниковъ дивизій: Принца Наполеона, Герцога Кембриджскаго и другихъ. — Вмѣсто распоряженій по устройству арміи Сентъ-Арно и подчиненные ему генералы были заняты пріемами, аудіенціями и балами.—Принцъ Наполеонъ говорилъ громкія рѣчи, стараясь увѣрить слушателей и самаго себя, что предстоящія дѣйствія предприняты во имя цивилизаціи. — Среди веселой и праздной жизни, проводимой въ Константинополѣ, англо-французы узнали, что русскія войска изъ Добруджи подымаются вверхъ по Дунаю къ Силистріи и угрожаютъ Омеръ-пашѣ въ Шумлѣ.—Въ виду опаснаго положенія турецкаго главнокомандующаго, плохаго устройства его войскъ и не зная что предпринять, союзники рѣшились съѣхаться на совѣщаніе въ Варнѣ. — Сентъ-Арно отправилъ къ Омеръ-пашѣ своихъ адъютантовъ, съ порученіемъ узнать о положеніи и состояніи турецкихъ войскъ. — Привезенныя ими свѣдѣнія были самаго печальнаго свойства. — Посланные увѣряли, что турецкая армія состоитъ изъ главнокомандующаго безъ офицеровъ и солдатъ, не имѣетъ тѣни устройства, не знаетъ дисциплины и подчиненности и переполнена самыми вопіющими злоупотребленіями. — Омеръ-паша не имѣлъ понятія о численности и наличномъ составѣ своихъ войскъ, не зналъ о нуждахъ солдата, никогда не посѣщалъ госпиталей и больные умирали въ совершенномъ пренебреженіи безъ всякихъ пособій, безъ докторовъ и медикаментовъ. — Не составивъ опредѣленнаго плана дѣйствій, Омеръ намѣренъ былъ съ своими 45 т. человѣкъ защищаться въ укрѣпленномъ лагерѣ до прибытія союзниковъ. — О русской арміи и ея численности онъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній, но справедливо полагалъ, что мѣсяцъ проведенный нами въ До-

бруджѣ будетъ для него гораздо выгоднѣе выиграннаго сраженія, такъ какъ войска наши уменьшатся отъ болѣзней.

Получивши свѣдѣнія о печальномъ положеніи турецкой арміи Сентъ-Арно, въ Маѣ, съ цѣлымъ сонмомъ генераловъ, отправился въ Шумлу. — Съ нимъ поѣхали: Лордъ Рагланъ, сераскиръ, военный и морской министры султана, адмиралъ Дондасъ и Гамеленъ. — Они нашли Омеръ-пашу въ полномъ отчаяніи и узнали отъ него что русскіе стягиваютъ войска къ Силистріи и строятъ мосты на Дунаѣ. — Сознавая невозможность противодѣйствовать русской арміи паша отказывался принять сраженіе и признавалъ, что осада Силистріи ставитъ его въ опасное положеніе. — По увѣренію Омера всѣ его силы не превышали 101 т. человѣкъ разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ: тогда какъ число русскихъ войскъ сосредоточенныхъ на Дунаѣ, простирается до 130 т. человѣкъ. — Сердаръ говорилъ что въ Крыму и у Севастополя расположено до 75 т человѣкъ и что тамъ производятся большія работы по укрѣпленію прибрежныхъ пунктовъ. — На совѣщаніи Омеръ-паша объявилъ что Силистрія можетъ пасть черезъ 15 дней и что если русскіе будутъ блокировать Шумлу, то положеніе его, безъ помощи союзниковъ, будетъ весьма тягостнымъ. — Въ виду такого отчаяннаго положенія турецкаго главнокомандующаго совѣтъ на первый разъ положилъ привезти въ Варну двѣ союзныя дивизіи, при чемъ французскую расположить у Варны, а англійскую — у Девно [1]). — Союзники надѣялись, что появленіе этихъ войскъ на театрѣ войны принудитъ насъ или отступить или усилить дѣйствія подъ Силистріею, паденія которой они даже желали, полагая, что это обстоятельство понудитъ Австрію высказаться окончательно.

Между тѣмъ 3-го Апрѣля генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій прибылъ въ Фокшаны и принявши главное начальство надъ южною арміею, внесъ въ нее тотъ элементъ осторожности, которымъ отличались всѣ послѣдующія дѣйствія этой арміи.

Удрученный тяжестію лѣтъ, перешедшихъ за седьмой десятокъ, фельдмаршалъ носилъ на себѣ отпечатокъ глубокой старости: въ немъ совершенно угасла прежняя энергія, а физическія силы, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе слабѣли. — Постоянно твердившій объ отвѣтственности, которая лежитъ на главнокомандующемъ, кн. Варшавскій сталъ крайне остороженъ и весьма недовѣр-

---

[1]) Рус. Инвал 1856 г. № 156. — Ст. Саковича.

чивъ къ окружающимъ его лицамъ, за исключеніемъ не многихъ, въ рукахъ которыхъ находился. — Довѣряясь только ихъ показаніямъ, онъ впадалъ въ ошибки свойственныя человѣку выслушивающему мнѣніе только одной стороны и не обращающему вниманія на показанія другихъ, нерѣдко ближе стоящихъ у дѣла и знакомыхъ съ большими подробностями. — «Опытный, искусный и свѣдущій полководецъ, говоритъ одинъ изъ близко знавшихъ фельдмаршала[1]), въ послѣдніе годы жизни слишкомъ увлекался системою шпіонства и вѣрилъ часто недостойнымъ и ничтожнымъ людямъ, которые играли роль политическихъ агентовъ. — Точно такой же агентъ состоялъ при фельдмаршалѣ и въ Букарестѣ; онъ вывезенъ изъ Варшавы, и, не смотря на то, что принадлежалъ къ простому состоянію, умѣлъ быть вкрадчивымъ и пользовался полною довѣренностію главнокомандующаго.»

Только сообщенія подобныхъ лицъ имѣли значеніе въ глазахъ фельдмаршала, остававшагося глухимъ къ извѣстіямъ исходящимъ изъ другихъ источниковъ. — Основываясь на показаніяхъ своихъ кліентовъ, Паскевичъ считалъ не безопаснымъ переносить военныя дѣйствія за Дунай, гдѣ, по его мнѣнію, мы могли встрѣтиться съ значительными силами турокъ, въ соединеніи съ англо-французами.

«По всѣмъ свѣдѣніямъ, писалъ Императоръ князю Варшавскому[2]), въ отвѣтъ на его опасенія, врядъ-ли раньше конца Мая всѣ союзныя войска могутъ быть собраны въ Царьградѣ, потому никакъ не полагаю, чтобъ они въ силахъ могли подоспѣть на соединеніе съ турками, до обложенія Силистріи, а можетъ быть и еще позднѣе. — Быть можетъ, что они будутъ дѣлать частыя диверсіи малыми высадками, на лѣвомъ нашемъ флангѣ, но врядъ ли удаляться могутъ отъ берега моря, за невозможностью перевезть лошадей для артиллеріи и обозовъ, а еще менѣе для кавалеріи, почему эти высадки не могутъ представить большой опасности.

«Про Австрію ничего новаго и положительнаго не знаю. — Говорятъ будто новый договоръ съ Пруссіею заключенъ о вооруженномъ нейтралитетѣ; условій не знаю.

«Письмо мое было дописано до этого мѣста, какъ прибылъ курьеръ отъ Мейндорфа; хотя онъ новаго ничего не пишетъ, но вотъ одно мѣсто его письма, которое по соглашенію со всѣми прочими

---

[1]) Н. Ушаковъ. — «Записки очевидца о войнѣ Россіи противу Турціи» 88.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 13-го Апрѣля.

свѣдѣніями очень важно. Avant le premier juin n. s. les alliés ne seront pas sur les lieux; encore sans chevaux. — On en demande à Vienne 1500 pour les Français. — Sina (?), pour la forme, s'est chargé de les leur faire parvenir mais il n'en fera rien, prenant pour excuse que tout a été acheté pour l'Autriche. — L'armée Turque, à ce que l'ont soit ici, est dans une état deplorable et ne peut pas tenir la campagne. — Ainsi donc le Maréchal a tout le temps de prendre Silistrie, et même Routchouk» [1]).

«Вотъ его слова. — Къ сему я прибавлю, что быть не можетъ, чтобъ ранѣе шести недѣль прибыло къ туркамъ, противъ тебя, или англичанъ или французовъ болѣе много что 25 т., и то съ плохо запряженной артиллеріей и еще худшей кавалеріей. Потому въ полѣ, т. е. въ равнинѣ мы должны ихъ встрѣтить съ полной выгодой нашей сильной артиллеріи и славной кавалеріи.»

Не такъ думалъ фельдмаршалъ. — Въ Фокшанахъ онъ получилъ отъ своихъ агентовъ извѣстіе, что Омеръ-паша, въ ожиданіи прибытія на помощь 30 т. союзниковъ, стягиваетъ свои силы къ Шумлѣ и Разграду; что прибытіе къ нему англо-французовъ можетъ послѣдовать между 15 и 19 числами апрѣля.

— Высадивъ тысячь тридцать, говоритъ князь Варшавскій, и соединившись съ турками находящимися въ Бабадагской области— число которыхъ простирается отъ 70 до 80 т. — союзники будутъ имѣть всего сто тысячь человѣкъ. — Они могутъ атаковать наши переправы на Дунаѣ, или насъ, если мы будемъ подъ Силистріею.— Намъ придется тогда или отходить отъ Силистріи, или оставивши противъ крѣпости одну дивизію, съ остальными войсками встрѣтить сто-тысячную армію соединенныхъ силъ. — Осада наша не можетъ быть успѣшна, ибо осадная артиллерія можетъ прибыть къ Калараш у только 16-го апрѣля, и то лишь съ одною четвертью снарядовъ, а продовольствія у насъ только на три недѣли. — Отходить далеко отъ Дуная мы не можемъ, потому что здѣсь мы получаемъ все продовольствіе и даже фуражъ, который должны возить за собою, ибо до селѣ нѣтъ еще и былинки травы.

---

[1] Раньше 1-го Іюня нов. ст. союзники не могутъ быть на мѣстахъ, да и то безъ лошадей. — Въ Вѣнѣ требовали ихъ 1500 для французовъ. — Для виду Сина (?) вызвался ихъ доставить, но ничего не сдѣлаетъ, сославшись на то, что всѣ были закуплены для Австріи. — По здѣшнимъ свѣдѣніямъ турецкая армія въ печальномъ положеніи и не можетъ держаться въ полѣ. — И такъ у фельдмаршала будетъ довольно времени, чтобы взять не только Силистрію, но даже и Рущукъ.

Съ такимъ взглядомъ на положеніе дѣлъ фельдмаршалъ отправился по Дунаю изъ Фокшанъ въ Измаилъ. — На дорогѣ онъ узналъ о появленіи въ Кюстенджи партіи турокъ и французовъ съ артиллеріею и союзнаго флота въ виду Одессы. — Въ Гирсовѣ онъ получилъ извѣстіе, что Австрія подписала вмѣстѣ съ Франціею и Англіею протоколъ, съ цѣлью дѣйствовать согласно съ ними, для того чтобы принудить насъ оставить княжества.

Это извѣстіе окончательно убѣждало князя Варшавскаго не только въ невозможности дѣйствовать наступательно, но въ необходимости оставить Дунай и княжества.

— Если одновременно съ высадкою англо-французовъ, говорилъ онъ, Австрія объявитъ намъ войну и станетъ угрожать нашему правому флангу и тылу, то нѣтъ сомнѣнія, что положеніе нашей арміи будетъ столь затруднительно, что мы принуждены будемъ оставить княжества и пробиваться сквозь окружающаго насъ непріятеля. — При этомъ, будучи преслѣдуемы всѣми силами турокъ, мы можемъ потерять половину арміи. — Лучше бы избѣжать принужденія оставить княжества, а очистить ихъ добровольно, для того чтобы быть сильнѣе въ нашихъ предѣлахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отнять у Германіи всякій предлогъ къ разрыву съ нами.—Благоразуміе требуетъ теперь же оставить Дунай и стать въ другой позиціи, гдѣ мы тожемъ быть также сильны, какъ теперь слабы на Дунаѣ.

Находя, что такая позиція должна быть за Серетомъ и даже за Прутомъ, фельдмаршалъ настаивалъ на необходимости прекратить наступленіе и очистить княжества [1]).

Основываясь на томъ, что во время пребыванія и совѣщаній въ Петербургѣ рѣшено было, въ случаѣ непріязненныхъ дѣйствій со стороны Австріи избрать для нашихъ войскъ позицію за Серетомъ [2]), фельдмаршалъ не сомнѣвался, что его мнѣніе будетъ принято и одобрено. — По этому не получая еще разрѣшеній изъ Петербурга, князь Варшавскій приготовилъ уже армію къ отступательному движенію за Серетъ [3]). — Съ этою цѣлію онъ дѣлалъ распо-

---

[1]) Всеподдан. письмо кн. Варшавскаго отъ 11-го Апрѣля и записка его отъ 15-го числа.

[2]) Всеподдан. письмо кн. Варшавскаго 29 Апрѣля 1854 г.

[3]) «Я ожидаю объ этомъ (отступленіи) повелѣнія, писалъ Князь Варшавскій князю Меншикову въ письмѣ отъ 23-го Апрѣля, а между тѣмъ сохраняю видъ наступательный, для того чтобы угрожая Турціи оттянуть дессанты европейцевъ отъ нашихъ береговъ, притягивая ихъ на себя, хотя, признаюсь и безъ нихъ довольно непріятелей. См. Военно-ученый архивъ д. № 4311.

ряженія объ укрѣпленіи Фокшанъ и сосредоточеніи тамъ вагенбурговъ; хлопоталъ о постройкѣ шанцевъ на р. Серетѣ, усиленіи обороны Измаила, очищеніи нашими войсками Малой Валахіи, о вывозѣ больныхъ и раненныхъ въ Россію и наконецъ объ устройствѣ запасныхъ магазиновъ въ тылу Одессы.—Всѣ эти распоряженія не указывали желанія быстро двинуться впередъ, а напротивъ того убѣждали каждаго, что фельдмаршалъ намѣренъ вести войну оборонительную.

Императоръ не раздѣлялъ опасеній князя Варшавскаго. — Неужели спрашивалъ онъ, появленіе флотовъ у Одессы и даже потеря ея: неужели появленіе какихъ то французскихъ партій съ артиллеріею у Кюстенджи, могутъ все измѣнить, заставить все бросить и отказаться отъ всѣхъ положительныхъ выгодъ не даромъ пріобрѣтенныхъ? — «Право стыдно и подумать говорилъ онъ. — И такъ остается боязнь появленія Австрійцевъ.—Дѣйствительно могло быть дурно мѣсяцъ тому (назадъ), когда мы бы были слабы и войска съ тѣмъ предвидѣніемъ приведенныя не были еще на мѣстахъ. — Но онѣ уже тамъ. — Да и нѣтъ никакихъ свѣдѣній, чтобъ подобное нападеніе готовилось теперь, а развѣ когда бы мы двинулись къ Балканамъ, чего мы и не затѣваемъ. — Вчера же черезъ Берлинъ получены свѣдѣнія и еще болѣе положительныя, что они только насъ стращать хотятъ, чтобъ задержать наши успѣхи и что они насъ не атакуютъ и въ Сербію не хотятъ войти, боясь у себя въ тылу возмущенія. — Словомъ эта опасность дальняя и во многомъ измѣниться можетъ по нашимъ успѣхамъ. — Между тѣмъ время дорого, мы положительно знаемъ, что ни французы, ни англичане въ силахъ и устройствѣ не могутъ примкнуть къ Омеръ-пашѣ, развѣ какъ въ Іюнѣ, и при такихъ выгодныхъ данныхъ мы все должны бросить даромъ, безъ причинъ и воротиться со стыдомъ! Мнѣ право больно и писать подобное.

«Изъ сего ты положительно видишь, что я отнюдь не согласенъ съ твоими странными предположеніями, а напротивъ требую, чтобъ ты самымъ дѣятельнымъ образомъ исполнилъ твой прежній прекрасный планъ, не давая себя сбивать опасеніями, которыя ни на чемъ положительномъ не основаны. — Здѣсь стыдъ и гибель, — тамъ честь и слава!...

«Ожидаю нетерпѣливо твоего донесенія, что Лидерсъ подъ Силистріей и удалось ли устроить новую переправу у Калараша.

«Ради Бога не теряй драгоцѣннаго времени.» [1])

[1]) Собственноручное письмо Г. И. Кн. Варшавскому 17 — 29 Апрѣля.

Фельдмаршалъ однако же медлилъ, въ ожиданіи не выяснится-ли относительное положеніе Россіи къ многочисленнымъ ея врагамъ. — Онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе той помощи, которую могутъ оказать туркамъ англо-французы и преждевременно опасался разрыва съ Австріею, тогда какъ ни то, ни другое, въ то время, не могло имѣть мѣста.

Князю Варшавскому было извѣстно изъ сообщенныхъ ему министерствами свѣдѣній, что экспедиціонный корпусъ англо-французовъ не былъ еще сосредоточенъ въ Турціи; что войска союзниковъ, въ то время только частями прибывали въ Галлиполи и Константинополь; что помощь, которую они могли оказать туркамъ была лишь въ далекомъ будущемъ и что, наконецъ, Австрія была совершенно не готова къ открытію военныхъ дѣйствій. — Она только формировала свою армію, и, собирая ее съ разныхъ концовъ, расквартировывала по границамъ Трансильваніи. — Ничто еще не предвѣщало скораго разрыва съ этою державою, находившеюся въ колебательномъ положеніи. — Австрійское правительство выказывало всѣ наружные знаки расположенія, устранявшіе повидимому возможность скорой борьбы и нашъ посланникъ оставался въ Вѣнѣ.—Положеніе его было конечно трудно, но не безъисходно.—

«Воротился изъ Берлина, вчера, племянникъ мой Принцъ Мекленбургскій, писалъ Императоръ князю Варшавскому [1]), съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что никогда король на насъ не обратится и что положительно знаетъ, что никогда Австрія не атакуетъ нашихъ границъ. — Сегодня же воротился изъ Вѣны генералъ-адъютантъ Гринвальдъ. — Всѣ имъ привезенныя свѣдѣнія подтверждаютъ, что насъ атаковать не намѣрены; что очень рады будутъ, чтобъ мы взяли Силистрію и даже Рущукъ, а Императоръ велѣлъ ему мнѣ передать, что ежелибъ турки хотѣли занять Малую Валлахію, то онъ ихъ къ сему не допуститъ, а займетъ самъ. — Всѣ военные въ одинъ голосъ противъ войны съ нами»...

«Между тѣмъ свѣдѣнія о высадкѣ войскъ подтверждаютъ, что они въ большой нуждѣ и покуда безъ лошадей и артиллеріи, такъ что сами говорятъ, что ранѣе по крайней мѣрѣ трехъ мѣсяцевъ ничего вдаль предпринять не могутъ.»

Сознавая самъ, что слишкомъ рѣзкій переходъ, отъ наступленія къ оборонѣ, можетъ имѣть дурное вліяніе на политическое положеніе Россіи и значительно усилитъ нашихъ враговъ, фельдмар-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 24-го Апрѣля.

лалъ счелъ необходимымъ сгладить этотъ переходъ и сдѣлать его менѣе замѣтнымъ. — Имѣя въ виду, что, по свѣдѣніямъ доставленнымъ изъ Вѣны, Австрійцы даже и въ случаѣ войны прежде шести недѣль не могутъ быть готовы къ движенію князь Варшавскій рѣшился продолжать до времени наступленіе по правому берегу Дуная къ Силистріи [1]), что было удобно сдѣлать, такъ какъ сильный отрядъ генералъ-адъютанта Лидерса былъ уже на пути къ этой крѣпости и наши батареи обстрѣливали ее со стороны Калараша.

Съ этою цѣлію всѣ силы арміи начали стягиваться къ лѣвому флангу; Лидерсъ получилъ приказаніе подвинуться къ Черноводамъ; занимавшій Малую Валлахію отрядъ генералъ-лейтенанта Липранди отведенъ, 13-го апрѣля, къ Краіову, а главный корпусъ, расположенный у Траянова вала, усиленъ до 135 батальоновъ съ 16-ю эскадронами и 104 орудіями.

Въ первыхъ числахъ мая войска Лидерса безпрепятственно приблизились къ Силистріи, отбѣснили непріятеля подъ самыя стѣны крѣпости и, посредствомъ наведенныхъ на Дунаѣ мостовъ, вошли въ соединеніе съ войсками, собранными у Калараша на лѣвомъ берегу рѣки.

При появленіи нашихъ отрядовъ турки всюду быстро отступали. — Они вышли даже изъ Базарджика и одна часть пошла къ Силистріи, а другая къ Варнѣ. — Это быстрое отступленіе турокъ не радовало а заботило главнокомандующаго.

— Видно, говорилъ фельдмаршалъ, что они отступаютъ, вслѣдствіе вновь принятаго плана, на соединеніе съ французами. — Кажется, вслѣдствіе перехода нашего за Дунай французы измѣнили планъ кампаніи и предполагаютъ къ 1-му іюня новаго стиля т. е. къ 18-му мая, собрать по крайней мѣрѣ 50 т. человѣкъ.

Рѣшившись двинуться впередъ князь Варшавскій немного расчитывалъ на взятіе Силистріи и оттого всѣ его движенія отличались медленностью и нерѣшительностью. — Онъ считалъ свои силы недостаточными для полнаго обложенія крѣпости и полагалъ что Омеръ-паша, расположившись за укрѣпленіями, съ 20 или 30 т человѣкъ, могъ свободно усиливать и снабжать гарнизонъ всѣмъ необходимымъ. — Здѣсь онъ могъ выждать прибытіе англо-французскихъ вспомогательныхъ войскъ, которые по слухамъ высажи-

---

[1]) Всепод. записка кн. Варшавскаго отъ 15-го Апрѣля и письмо отъ 29-го Апрѣля.

вались уже въ Галлиполи и Константинополѣ. — Передовыя части союзниковъ прибыли въ Варну и даже встрѣчались съ нашими казачьими постами у Кюстенджи.

Эти обстоятельства, по мнѣнію фельдмаршала, не давали надежды на успѣхъ, тѣмъ болѣе что Силистрія, считавшаяся одною изъ важнѣйшихъ крѣпостей Европейской Турціи, въ послѣднее время, при содѣйствіи французскихъ и англійскихъ инженеровъ, была усилена новыми передовыми фортами, возведенными на господствующихъ надъ городомъ высотахъ. — Гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 25 т. турецкихъ войскъ, руководимыхъ въ дѣйствіяхъ европейскими инженерами и обезпеченныхъ продовольствіемъ на годъ. — «Имѣя противъ себя, писалъ князь Варшавскій [1]), отъ 80 до 90 т. турокъ и французовъ, на флангѣ сильную крѣпость, а въ тылу рѣку въ разливѣ, съ невѣрною переправою, мы ни какъ не могли бы удержаться, на правомъ берегу и должны были бы отойти... Если даже мы возмемъ Силистрію, то это не принесетъ намъ много пользы, ибо должны будемъ оставить ее, когда въ тылу будутъ Австрійцы.»

Опасеніе быть атакованнымъ австрійцами наиболѣе всего заботило фельдмаршала. — Онъ смотрѣтъ на эту державу совершенно другими глазами и полагалъ, что, подобно азіятскимъ народамъ, австрійцы могутъ вторгнутся въ наши границы безъ формальнаго объявленія войны и безъ соблюденія правилъ принятыхъ въ подобныхъ случаяхъ между европейскими державами. — «Если Австрія, писалъ онъ позже [2]), сдѣлаетъ формальное объявленіе войны, то отъ нее ожидать можно, — чему и бывали примѣры, — что въ то же самое время, т. е. вмѣстѣ съ объявленіемъ войны двинетъ и свои войска, которыя у нея находятся въ сборѣ». — Князь Варшавскій ежеминутно повторялъ что у Австрійцевъ сосредоточено уже противъ насъ до 200 т. человѣкъ, которые не вступаютъ въ Молдавію только въ ожиданіи начала осады Силистріи нашими войсками.

— Приготовляясь къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Россіи, говорилъ фельдмаршалъ, австрійцы очень хорошо расположили свои войска, ибо резервъ поставленъ соотвѣтственно цѣли.— Если они сочтутъ нужнымъ идти въ Валахію, то посылаютъ корпусъ изъ Германштадта или Кронштадта, а за нимъ 50 т. резерва

---

[1]) Отъ 22-го Апрѣля 1854 г.

[2]) Въ письмѣ Г. И. отъ 13-го Октября Арх. Канц. Воен. Минист. д. № 102.

изъ Песта; если захотятъ двинуть войска намъ въ тылъ на Молдавію посылаютъ резервъ на Быстрицу и увеличиваютъ имъ корпусъ тамъ стоящій до 70 т. человѣкъ; если бы мы хотѣли напасть на Галицію изъ Царства Польскаго, — резервъ выходитъ къ Кракову и составляетъ 100 т. Для насъ всего опаснѣе, и потому именно всего вѣроятнѣе, что они будутъ дѣйствовать намъ въ тылъ. — Въ четыре или пять переходовъ отъ границы, австрійскія войска могутъ быть въ Яссахъ или Фокшанахъ, а нашимъ до Яссъ отъ Букареста 340 и отъ Браилова 235 верстъ, т. е. 14 обыкновенныхъ и 9 усиленныхъ переходовъ. — Атакованные съ фронта французами и турками, съ тыла австрійцами, мы, окруженные со всѣхъ сторонъ, должны будемъ оставить княжества, пробиваться, потерять половину арміи и артиллеріи, госпитали и магазины. — Въ подобномъ положеніи мы были въ 1812 году и ушли отъ французовъ только потому, что имѣли передъ ними три перехода.

Рисуя такъ положеніе дѣлъ и опасаясь за свой путь отступленія въ Бессарабію, Паскевичъ отказывался отъ всякихъ побѣдъ на правомъ берегу Дуная. Опасенія его были преждевременны и происходили отъ того, что фельдмаршалъ смотрѣлъ на политическія событія съ своей точки зрѣнія. Не было сомнѣнія, что Австрія принадлежала къ числу государствъ враждебныхъ Россіи, но такихъ, которыя не высказались окончательно. Переговариваясь съ германскими державами, австрійское правительство не рѣшалось отдѣлиться отъ нихъ и объявить войну Россіи. Дружественныя отношенія къ намъ Пруссіи сдерживали австрійцевъ и имѣли вліяніе на ихъ рѣшеніе. Можно было быть увѣреннымъ, что если разрывъ съ Австріею и состоится, то онъ послѣдуетъ не такъ скоро, и притомъ не иначе, какъ при какихъ либо измѣнившихся обстоятельствахъ, а потому Императоръ и не могъ согласиться съ опасеніями фельдмаршала. «Небойся австрійцевъ, писалъ онъ князю Варшавскому [1]), но съ помощью Божіею *и съ твоими героями бей всѣхъ* [2]), кто не явится».

Фельдмаршалъ всетаки оставался неподвиженъ, нерѣшителенъ и боязливъ. Мы не будемъ слѣдить за подробностями осады Силистріи, но скажемъ только что въ ночь съ 5-го на 6-е мая были открыты первыя осадныя работы на правомъ берегу Дуная. Работы эти подвигались медленно, туго и на каждомъ шагу парализовались

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 11 (23) Мая 1854 г.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

распоряженіями главнокомандующаго. Опытъ показалъ, что необходимо было предварительно овладѣть восточными передовыми фортами, къ которымъ, потому, и направлены были подступы. Преждевременное нападеніе произведенное на эти форты въ ночь съ 16 на 17-ое мая, безъ всякаго на то распоряженія, по единственно по безотчетному увлеченію передовыхъ нашихъ войскъ, не могло имѣть успѣха и къ сожалѣнію стоило намъ чувствительной потери. Потера эта могла бы быть вознаграждена энергическими дѣйствіями и быстрымъ овладѣніемъ крѣпости, но фельдмаршалъ не только не думалъ объ этомъ, но считалъ даже невозможнымъ обложить Силистрію. «Мы не можемъ держать всю крѣпость въ обложеніи, писалъ онъ военному министру [1]), ибо для сего нужно было бы раздробляться на пространствѣ 15 верстъ, что опасно сдѣлать, имѣя сильную непріятельскую армію, сосредоточенную между Базарджикомъ и Шумлою».

Благодаря такому воззрѣнію Силистрія во все время осады сохраняла свободное сообщеніе, какъ съ Шумлою, такъ и съ другими пунктами, изъ которыхъ турки безпрепятственно подвозили продовольствіе, боевые припасы и вводили подкрѣпленія.

Н. М. Богдановичъ справедливо замѣчаетъ что если бы мы «не потеряли напрасно цѣлый мѣсяцъ и успѣли овладѣть Силистріею въ началѣ (въ концѣ) мая, то, съ одной стороны, Австрія была бы осторожнѣе въ своихъ домогательствахъ, а съ другой англо-французы, будучи заняты непосредственною защитою Турціи, можетъ быть не рѣшились бы предпринять крымскую экспедицію».

Между тѣмъ прошелъ май мѣсяцъ и политическія обстоятельства значительно измѣнились. Отношенія наши къ Австріи, съ каждымъ днемъ, становились все болѣе и болѣе натянутыми. Заключивши договоръ съ Портою австрійское правительство видимо переходило на сторону нашихъ враговъ и значительно усиливало число своихъ войскъ въ южной Галиціи и Трансильваніи, ежеминутно угрожая вторженіемъ въ княжества или въ Бессарабію, въ тылъ нашей Дунайской арміи. Каждый день приносилъ новыя подтвержденія о дѣятельномъ приготовленіи Австріи къ открытію военныхъ дѣйствій и конечно не противъ турокъ, и не противъ англо-французовъ. Омеръ-паша концентрировалъ свою армію около Шумлы. Въ Варну прибыло въ это время 15 тыс. англичанъ, которые

---

[1]) Въ отношеніи отъ 11 (23) Мая 1854 г.

закупали воловъ для движенія впередъ. По свѣдѣніямъ, полученнымъ въ Петербургѣ, часть французскихъ войскъ была на пути къ Балканамъ. При такихъ условіяхъ фельдмаршалъ находилъ необходимымъ безъотлагательно снять осаду Силистріи. Въ письмѣ своемъ Императору, князь Варшавскій писалъ [1]), что если непріятель явится за Дунаемъ въ превосходныхъ и соединенныхъ силахъ, то принять противъ него сраженіе, имѣя съ одной стороны непріятельскую сильную крѣпость окруженную рытвинами, удобными для дѣйствія даже иррегулярныхъ его стрѣлковъ, а сзади большую рѣку съ двумя только мостами, было бы совершенно пагубно. При этомъ фельдмаршалъ присовокуплялъ, что Князь Горчаковъ, имѣя приказаніе не отходить, не отступить даже и тогда, когда это будетъ совершенно необходимо для спасенія арміи.

Почему Князь Варшавскій предвидѣлъ такое упорство или неумѣлость въ дѣйствіяхъ Князя Горчакова — неизвѣстно, но въ тотъ день, когда онъ писалъ свое письмо Государю, въ Петербургѣ уже было рѣшено, въ случаѣ нужды, снять осаду Силистріи.

«Дѣла принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ, писалъ Императоръ князю Варшавскому [2]). Австрія принимаетъ рѣшительно враждебныя мѣры и доселѣ удерживается только еще отказомъ Короля прусскаго, на предложеніе намъ безъ условныхъ уступокъ;—онъ требуетъ, чтобъ были взаимныя предложенія и противникамъ нашимъ».

«И такъ настало время готовиться бороться уже не съ турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную неблагодарность. Сейчасъ получилъ донесеніе что австрійцы будутъ готовы не раньше 1 (13) іюля. Симъ мѣсяцомъ надо воспользоваться дѣятельно, чтобъ вывести изъ княжествъ всѣ лишнія тягости, какъ то: лишніе мѣстные парки, склады, а главное тѣхъ раненыхъ и больныхъ, кои перевозку безъ вреда вынести могутъ.

«Ежели до полученія сего письма Силистрія не будетъ еще взята, или совершенно нельзя опредѣлить когда взята будетъ, думаю, что осторожность требуетъ снять осаду, сплавивъ осадный паркъ въ Измаилъ».

Письмо это было отправлено фельдмаршалу тогда, когда осада Силистріи подвинулась на столько, что князь Горчаковъ призналъ возможнымъ штурмовать передовые форты—Князя Варшавскаго не

---

[1]) Въ письмѣ отъ 1-го іюня Воен. учен. ар. № 4328.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 1 (13) іюня 1854 г.

было тогда подъ Силистріею. Контуженный при одной изъ рекогносцировокъ, онъ отправился въ Яссы, гдѣ и получилъ письмо Императора. Не зная что всѣ распоряженія къ штурму уже сдѣланы онъ отправилъ тотчасъ же курьера, съ приказаніемъ снять осаду Силистріи, перейти на лѣвый берегъ Дуная и постепенно отходить къ границамъ Имперіи [1]).

«Любезнѣйшій и почтенный князь Михайло Дмитріевичъ! писалъ при этомъ фельдмаршалъ князю Горчакову [2]). Наши желанія исполняются. Дай Богъ, чтобы въ это время не застала васъ атака отъ турковъ и французовъ и прочихъ. Кажется что дѣла поправляются. Я здѣсь занимаюсь корпусомъ Шабельскаго. Я угадалъ, что австрійцы могутъ спустить корпусъ на Окно и уже началъ посылать узнавать объ этомъ и вчерась получилъ извѣстіе, что они послали саперовъ, дабы разработывать дороги, что я сдѣлалъ по этому распоряженія, вы получите завтра извѣстія. Еще разъ дай Богъ, чтобы успѣли хорошо отойтить. Если вы что перемѣните, то я разрѣшаю» [3]). Письмо и предписаніе Фельдмаршала были отправлены съ адъютантомъ князя ротмистромъ Протасовымъ прибывшимъ къ Силистріи около полуночи и въ то время когда войска назначенныя для штурма двинулись уже на указанныя мѣста. «Приказаніе объ отмѣнѣ приступа, говоритъ авторъ, было получено нѣкоторыми войсками только за четверть часа до ракеты — сигнала кровопролитной сѣчи. Никогда вѣстникъ самаго бѣдственнаго событія не былъ встрѣченъ такъ непривѣтливо, какъ встрѣтили наши офицеры и солдаты Протасова. Конечно, отмѣною штурма были сохранены тысячи храбрыхъ; но они, не помышляя о себѣ, изъявили сожалѣніе о товарищахъ своихъ, павшихъ въ продолженіе осады и не отмщенныхъ покореніемъ Силистріи».

Описаніе осады Силистріи составляетъ одну изъ самыхъ полныхъ главъ сочиненія М. И. Богдановича. Въ ней подробно разсмотрѣны тѣ условія, при которыхъ приходилось дѣйствовать войскамъ, точно также и затрудненія съ которыми долженъ былъ бороться главный распорядитель осады генералъ-адъютантъ Шильдеръ. Жаль только, что почтенный авторъ помѣщая въ приложеніи «Журналъ осадныхъ дѣйствій» не обставилъ его примѣчаніями, от-

---

[1]) Всеподданнѣйшее письмо Кн. Варшавскаго отъ 7 (19) іюня.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 6-го іюня —Воен. учен. архивъ дѣло № 3358.

[3]) Авторъ приводитъ это письмо (Т. II стр. 101) изъ Записокъ Ушакова, но въ измѣненномъ видѣ, несогласномъ съ подлинникомъ.

сутствіе которыхъ причиною того, что разсказъ автора и журналъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ противорѣчатъ другъ другу.

Снятіе осады Силистріи и отступленіе были произведены съ такимъ успѣхомъ и осторожностію, что 14 іюня армія наша перешла спокойно на лѣвый берегъ Дуная, сняла за собою всѣ мосты, не потерявши при этомъ ни одного человѣка и ни одной повозки.

Русская армія оставила Дунайскія Княжества и въ концѣ августа главныя силы переправились на лѣвую сторону р. Прута у Скулянъ, а отрядъ генерала Ушакова, очистивъ Добруджу, расположился на нижнемъ Дунаѣ у Измаила. По мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ Омеръ-паша подвигался впередъ и 10-го августа вступилъ въ Бухарестъ. «Тогда же, говоритъ авторъ, перешли границу Валахіи австрійскія войска фельдмаршалъ-лейтенанта Каронини, которыя, по соглашеніи союзныхъ державъ съ турецкимъ правительствомъ, смѣнили турокъ и заняли княжества. Прибытіе австрійскихъ войскъ было встрѣчено жителями сихъ областей весьма холодно, и вскорѣ возбудило общее неудовольствіе. Вмѣсто уплаты золотомъ за всѣ припасы, поставляемые для арміи, (какъ было въ продолженіи занятія страны русскими войсками), австрійцы платили бумажными деньгами, безпрестанно терявшими цѣну, да и вообще распоряжались такъ, какъ будтобы Дунайскія княжества имъ были уступлены на вѣчное время».

III.

Нѣсколько словъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ азіятской Турціи.—Упраздненіе укрѣпленій черноморской береговой линіи и снятіе съ нихъ гарнизоновъ. Крымъ передъ высадкою союзниковъ.—Поведеніе татаръ.—Дѣятельность князя Меншикова до начала военныхъ дѣйствій.—Мнѣніе князя Варшавскаго и генерала Лидерса о значеніи Севастополя и о средствахъ для его защиты. — Боевыя средства князя Меншикова. — Письма императора. — Князь Меншиковъ проситъ о присылкѣ подкрѣпленій.—Опредѣленіе мѣста высадки. — Усиленіе крымской арміи.—Укрѣпленіе Севастополя.—Командированіе въ Севастополь подполковника Тотлебена.—Его прибытіе и представленіе князю Меншикову. — Увѣренность послѣдняго что высадка не состоится. — Появленіе союзнаго флота въ виду Крымскихъ береговъ.

Говоря о событіяхъ на Дунаѣ и паралельно тому слѣдя затѣмъ, что происходило на другихъ театрахъ дѣйствій, авторъ посвящаетъ IX главу перваго тома описанію военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи.

Компанія 1853 года на азіятской нашей границѣ открылась совершенно неожиданно для намѣстника кавказскаго, князя Воронцова. Границы наши не были еще заняты достаточнымъ числомъ войскъ, когда, въ ночь съ 15-го на 16-е октября, значительныя полчища турокъ напали на постъ Св. Николая, защищаемый двумя некомплектными ротами Черноморскаго линейнаго № 12-го баталіона (въ числѣ 255 человѣкъ), двумя орудіями и нѣсколькими человѣками казаковъ и милиціи. Не смотря на отчаянное сопротивленіе гарнизона, бывшаго подъ начальствомъ капитана Щербакова, турки овладѣли укрѣпленіемъ, но въ свою очередь, были вытѣснены полковникомъ Коргановымъ, пришедшимъ на помощь съ отрядомъ изъ трехъ ротъ Литовскаго егерскаго полка, взвода Черноморскаго № 12-го баталіона, съ двумя орудіями и сотнею гурійской милиціи. Принужденные скрыться въ лѣсу, турки отступили потомъ на соединеніе съ батумскимъ корпусомъ.

Посвятивъ нѣсколько страницъ описанію нашей границы съ Азіятскою Турціею, характеристикѣ пограничнаго населенія и путей, ведущихъ въ Анатолію, М. И. Богдановичъ переходитъ къ описанію взаимнаго положенія двухъ противниковъ, и сообщаетъ біографическія подробности о главныхъ дѣятеляхъ: князѣ Бебутовѣ, князѣ Андрониковѣ и генералѣ Ковалевскомъ.

Въ концѣ октября 1853 года, анатолійская армія, въ числѣ 40,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Абди-паши, двинулась изъ Карса къ Александрополю и выслала впередъ сильныя партіи курдовъ, для вторженія въ наши владѣнія. Главныя же силы Абди-паши расположились у сел. Башъ-Шурагель, на правомъ берегу Арпачая, въ 15-ти верстахъ отъ Александрополя. Желая положить предѣлъ грабежамъ турокъ, князь Бебутовъ, командовавшій дѣйствующимъ корпусомъ на кавказско-турецкой границѣ, послалъ къ Баяндуру генералъ-маіора князя Илико Орбеліани, съ отрядомъ отъ 6,000 до 7,000 человѣкъ, съ 24-мя пѣшими и 4-я конными орудіями. 2-го ноября Орбеліани встрѣтился съ 30,000-мъ корпусомъ турецкихъ войскъ, и былъ атакованъ всѣми непріятельскими силами. Положеніе его было весьма опасно, пока на помощь не прибылъ самъ князь Бебутовъ, съ тремя баталіонами, шестью эскадронами и двѣнадцатью орудіями. Прибытіе этого подкрѣпленія заставило турокъ отступить къ Башъ-Шурагелю и побѣда осталась за нами.

Послѣ прекраснаго и увлекательнаго изложенія сраженія при Баяндурѣ и побѣды нашихъ войскъ при Ацхурѣ и Ахалцихѣ, ав-

торъ переходитъ къ описанію дѣйствій князя Бебутова противъ главной турецкой арміи.

Испытавъ неудачу подъ Баяндуромъ, турки отступили къ Башъ-Кадыклару и расположились въ окрестностяхъ этого селенія. Сосредоточивъ свои войска въ Александрополѣ, князь Бебутовъ перешелъ въ наступленіе и 14-го ноября остановился у селенія Башъ-Шурагель. Имѣя въ отрядѣ до 10,000 человѣкъ съ 32-мя орудіями, онъ рѣшился атаковать непріятеля, находившагося впереди селенія Пирвали, въ числѣ 36,000 человѣкъ при 46 орудіяхъ. Съ разсвѣтомъ, 19-го ноября, наши войска двинулись по карсской дорогѣ на встрѣчу непріятелю: турки не допускали, чтобы малочисленный отрядъ русскихъ рѣшился атаковать ихъ, и когда, временно командовавшій анатолійскою арміею, Ахметъ-паша, получилъ извѣстіе о приближеніи князя Бебутова, то принялъ это за маневръ, съ цѣлію скрыть обратное движеніе къ Александрополю. Удостовѣрившись же въ наступленіи русскихъ, Ахметъ удивился ихъ дерзости.

— Русскіе съ ума сошли, сказалъ онъ, либо упились своею поганою водкою.

Увѣренный въ побѣдѣ, Ахметъ-паша выступилъ изъ лагеря съ барабаннымъ боемъ, музыкою и распущенными знаменами, и рѣшился встрѣтить наши войска на позиціи у Башъ-Кадыклара.

Встрѣча двухъ противниковъ окончилась совершеннымъ пораженіемъ турокъ, и двѣ побѣды, одержанныя нами при Ахалцихѣ и Башъ-Кадыкларѣ имѣли весьма большое значеніе на Кавказѣ. Непосредственнымъ послѣдствіемъ побѣды при Ахалцыхѣ было занятіе Посховскаго санджака, (округа) и введеніе тамъ нашего управленія, а башъ-кадыкларское сраженіе упрочило наше вліяніе на мусульманское населеніе, сознавшее, что «Османъ (турки) пропалъ».

Послѣ столь блестящихъ побѣдъ, Императоръ Николай находилъ вполнѣ умѣстнымъ перейти немедленно въ непріятельскіе предѣлы и овладѣть Батумомъ, Ардаганомъ, Карсомъ и Баязетомъ. Князь Воронцовъ, которому Онъ выразилъ свое желаніе, признавалъ такое наступленіе невозможнымъ, по недостатку войскъ и въ особенности офицеровъ, по ограниченности боевыхъ припасовъ и необходимости ихъ пополненія и, наконецъ, по наступавшему суровому времени года. Намѣстникъ полагалъ отложить дѣйствія до весны, въ чемъ и былъ поддержанъ княземъ Варшавскимъ, повторившемъ при этомъ мысль о необходимости упразднить укрѣпленія черноморской береговой линіи и снять ихъ гарнизоны.

— Скажутъ, говорилъ фельдмаршалъ, что эта мѣра произведетъ дурное вліяніе, но еще хуже будетъ, когда непріятель возьметъ укрѣпленія съ плѣнными и орудіями.

Опасаясь за будущность этихъ укрѣпленій и за потерю нашего вліянія на горцевъ, князь Воронцовъ предлагалъ даже сдѣлать нѣкоторую уступку въ нашихъ требованіяхъ и тѣмъ устранить разрывъ съ западными державами.

Императоръ не могъ, конечно, согласиться съ такимъ предложеніемъ, и почтенный авторъ приводитъ весьма достопамятный отрывокъ изъ собственноручнаго письма Государя, въ которомъ Онъ писалъ князю Воронцову, что уступка невозможна, потому что Россія требуетъ только то, *«что ей слѣдуетъ по трактатамъ»*. Сожалѣя объ участи гарнизоновъ, Императоръ прибавлялъ, что «въ военномъ быту бываютъ несчастные случаи, гдѣ частью войскъ жертвуютъ, хотя скрѣпя сердце, для достиженія главной цѣли».

«Не смотря, однакоже, на то, пишетъ М. И. Богдановичъ что очищеніе черноморскихъ фортовъ, открывая доступъ на Кавказъ туркамъ и союзникамъ ихъ, повидимому замедляло покореніе горскихъ народовъ, рѣшено было приступить къ этой мѣрѣ, указанной самою необходимостью. Изъ донесеній начальника черноморской береговой линіи, вице-адмирала Серебрякова, оказалось, что наши укрѣпленія не могли быть ни обезпечены отъ покушеній даже однихъ турокъ, ни снабжены провіантомъ на продолжительное время. Это заставило насъ очистить всѣ укрѣпленія на восточномъ берегу Чернаго моря: кромѣ Анапы, Новороссійска и Геленджика».

Почему необходимо было сохранить за собою эти послѣдніе пункты, авторъ не объясняетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ умалчиваетъ о подробностяхъ снятія гарнизоновъ. Считая эти подробности, составляющія одну изъ прекрасныхъ страницъ въ исторіи черноморскаго флота, не безъинтересными, мы позволяемъ себѣ сказать о нихъ нѣсколько словъ.

Съ самаго начала несогласій нашихъ съ Портою, турецкое правительство употребляло всѣ усилія къ тому, чтобы возмутить горцевъ противъ Россіи и уговорить ихъ произвести единодушное вооруженное возстаніе. Посланные изъ Константинополя одинъ за другимъ являлись на восточномъ берегу Чернаго моря, возбуждая черкесъ и обѣщая имъ помощь трехъ союзныхъ державъ.

Подговоры ихъ не прошли безслѣдно. Магомедъ-Аминъ, захватившій тогда власть почти во всемъ Закубаньѣ, повѣстилъ горцевъ,

чтобы они собирались въ походъ и были готовы, въ числѣ до 30,000 человѣкъ, спуститься съ горъ и напасть на наши укрѣпленія, съ первымъ появленіемъ иностранныхъ судовъ для дѣйствія со стороны моря.

Такимъ образомъ, положеніе гарнизоновъ черноморской береговой линіи становилось крайне затруднительнымъ. Поставленные въ два огня, не имѣющіе сухопутныхъ сообщеній и разобщенные другъ съ другомъ, малочисленные гарнизоны этихъ укрѣпленій могли держаться только до израсходованія провіанта, бывшаго въ запасѣ. Но и при этомъ, оставаясь безъ улучшенной пищи, при тамошнемъ климатѣ, люди должны были подвергнуться сильному развитію цингогной болѣзни, не говоря уже, что, при паденіи укрѣпленій, имъ угрожали жестокость и звѣрство горцевъ.

Съ появленіемъ англо-французскаго флота въ виду кавказскихъ береговъ, спасеніе гарнизоновъ черноморской береговой линіи становилось невозможнымъ. Нашъ флотъ, запертый тогда въ Севастополѣ, не могъ бы оказать помощи гарнизонамъ укрѣпленій, изъ которыхъ почти всѣ, начиная отъ Геленджика и до границы Абхазіи, не имѣли никакого отступленія. Блокируя Севастополь и нашъ черноморскій флотъ, союзникамъ достаточно было одного турецкаго флота, чтобы уничтожить береговыя укрѣпленія и захватить ихъ гарнизоны.

Въ виду такого положенія черноморской береговой линіи, начальникъ ея, вице-адмиралъ Серебряковъ, въ январѣ 1854 года отправился въ Севастополь, чтобы лично доложить князю Меншикову объ угрожающей опасности. Тамъ нашелъ онъ весь нашъ флотъ въ сборѣ, такъ какъ князь Меншиковъ не рѣшался высылать его въ море, изъ боязни, чтобы объявленіе войны съ западными державами не застало наши суда въ такомъ положеніи, изъ котораго они не успѣютъ отступить въ Севастополь. Заботясь о сохраненіи морскихъ силъ, дающихъ намъ значительный перевѣсъ надъ турками и господство на Черномъ морѣ, Меншиковъ отказался усилить эскадру, крейсеровавшую у восточнаго берега и состоявшую только изъ двухъ фрегатовъ и двухъ корветовъ. Тогда вице-адмиралъ Серебряковъ рѣшился просить объ уничтоженіи нѣкоторыхъ среднихъ укрѣпленій и снятіи съ нихъ гарнизоновъ до объявленія войны западнымъ державамъ, тѣмъ болѣе, что съ началомъ военныхъ дѣйствій укрѣпленія эти оказывались совершенно безполезными.

Владѣя вокругъ себя пространствомъ не далѣе пушечнаго вы-

стрѣла, среднія укрѣпленія были заложены не для содержанія въ нашей власти морскаго берега, но какъ опорные пункты для гребной азовской флотиліи. Съ потерею нашимъ флотомъ господства на Черномъ морѣ, прекращалось наше крейсерство вдоль восточнаго берега, а слѣдовательно и укрѣпленія теряли всякое значеніе. Существовали-ли укрѣпленія или нѣтъ, ни для насъ, ни для непріятеля не могло быть никакой разницы въ общемъ ходѣ войны, но для насъ было весьма важно снять гарнизонъ, состоявшій изъ отборныхъ и испытанныхъ войскъ, могущихъ принести большую пользу въ другомъ мѣстѣ.

Совсѣмъ иное значеніе имѣли фланги береговой линіи — Анапа, Новороссійскъ, Геленджикъ и Сухумъ-кале. Утвердившись въ нихъ непріятель пріобрѣталъ существенныя выгоды въ военномъ отношеніи. Съ занятіемъ сѣверной оконечности, т. е. Анапы, Новороссійска и Геленджика, союзники получали въ свое распоряженіе двѣ хорошія бухты, въ которыхъ суда, въ теченіи восьми мѣсяцевъ въ году, имѣли бы удобную якорную стоянку и притомъ вблизи крымскихъ береговъ. Отсюда англо-французы могли угрожать хлѣбородному прибрежью Азовскаго моря, могли поддерживать предпріятія горцевъ противъ Черноморіи, возмущать крымскихъ татаръ и угрожая ежеминутнымъ вторженіемъ въ Крымъ и прекращеніемъ сообщенія Грузіи съ внутренними губерніями, держать наши войска въ постоянно напряженномъ состояніи.

Съ другой стороны, паденіе Сухума передавало во власть непріятеля рейдъ, удобный для зимовки флота, и возможность, изъ Абхазіи, вторгнуться въ Гурію и Имеретію. Все это заставляло насъ защищать фланги береговой линіи до послѣдней крайности и, напротивъ того, озаботиться уничтоженіемъ среднихъ укрѣпленій и снятіемъ съ нихъ гарнизоновъ. Князь Меншиковъ и намѣстникъ Кавказа, князь Воронцовъ, раздѣляли мнѣніе о необходимости такой мѣры, но оба устраняли себя отъ исполненія. Князь Воронцовъ находилъ, что всѣ распоряженія по снятію гарнизоновъ должны быть «совершенно чужды отъ здѣшняго (кавказскаго) управленія и отъ войскъ здѣшняго корпуса», а князь Меншиковъ говорилъ, что не можетъ назначить ни одного судна, кромѣ тѣхъ, которыя были уже въ распоряженіи вице-адмирала Серебрякова. Послѣднихъ же было недостаточно для выполненія столь труднаго предпріятія и къ тому же въ зимнее время года. Снимая гарнизоны по одиночкѣ, мы подвергали ихъ опасности понести большія потери отъ горцевъ, а снимать по нѣскольку вдругъ можно было только

при большомъ числѣ судовъ. Сверхъ того, въ зимнее время въ Черномъ морѣ бываетъ не много дней, удобныхъ для амбаракціи войскъ и нагрузки судовъ на открытыхъ рейдахъ, слѣдовательно, предпріятіе это могло протянуться на неопредѣленное время, а каждая потерянная минута могла быть не вознаградимою. Поэтому, какъ только Императоръ Николай убѣдился въ возможности спасти гарнизоны, Онъ тотчасъ же поручилъ князю Меншикову войти въ сношеніе съ Серебряковымъ и спасти людей [1]).

Получивъ приказаніе Императора, князь Меншиковъ отправилъ изъ Севастополя три парохода, подъ флагомъ контръ-адмирала Панфилова. 27-го февраля Панфиловъ находился въ Новороссійскѣ, гдѣ соединился съ судами сухумской эскадры, подъ начальствомъ контръ-адмирала Вукотича.

Въ Черномъ морѣ свирѣпствовали сильныя бури; по всему прибрежью продолжались еще морозы и глубокіе снѣга препятствовали развитію растительности, которая, обыкновенно, появляется тамъ въ это время. Стужа и ненастье были причиною, что пароходная эскадра была долго задержана въ Новороссійскѣ и Геленджикѣ, и только 3-го марта выступила оттуда въ составѣ семи пароходовъ, буксировавшихъ пять транспортовъ и нѣсколько гребныхъ судовъ.

Слѣдуя вдоль кавказскаго берега, эскадра оставляла суда у каждаго укрѣпленія для пріема гарнизона. Подходя къ Навагинскому укрѣпленію, наши моряки замѣтили два непріятельскихъ парохода: одинъ—французскій, а другой—англійскій. Нагрузка была тотчасъ же пріостановлена эскадра приготовилась къ бою, но непріятель прошелъ мимо и посадка на суда продолжалась.

Между тѣмъ, союзные пароходы, слѣдуя вдоль того же берега остановили на высотѣ Вельяминовскаго укрѣпленія транспортъ «Бзыбь», къ которому подъѣхали два непріятельскихъ офицера.

— Какіе пароходы видѣли мы у Навагинскаго укрѣпленія? спросили они у командира транспорта, лейтенанта 44-го экипажа Чебышева.

— Русскіе, военные, отвѣчалъ тотъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ?

— Тамъ адмиралъ; онъ мнѣ не сообщаетъ своихъ намѣреній.

— Черкесы или вы уничтожаете укрѣпленія?

— Мы.

---

[1]) Собственноручное письмо Императора князю Меншикову 10-го февраля 1854 года. Арх. канц. воен. мин.

— Для чего вы ихъ уничтожаете?

— Такъ приказано.

— Гдѣ вашъ флотъ?

— Не знаю, но полагаю, что въ морѣ и близко.

Послѣ такого разговора, спрашивавшіе удалились, наши пароходы сняли гарнизоны, нагрузили на транспорты большую часть артиллерійскаго вооруженія и 5-го марта вся эскадра благополучно прибыла въ Новороссійскъ, гдѣ и высадила на берегъ 3,849 человѣкъ.

Бури и непогода воспрепятствовали контръ-адмиралу Вукотичу снять вмѣстѣ съ другими гарнизонъ укрѣпленія Св. Духа. Вукотичъ былъ отнесенъ къ берегамъ Крыма, и для снятія гарнизона Св. Духа былъ отправленъ вторично полковникъ Сколковъ, который, по доставленіи въ Новороссійскъ 438 душъ обоего пола, былъ тотчасъ же отправленъ княземъ Меншиковымъ съ донесеніемъ о благополучномъ окончаніи столь труднаго предпріятія [1]). Семейства офицеровъ и нижнихъ чиновъ, снятыхъ съ покинутыхъ укрѣпленій, находились въ самомъ крайнемъ положеніи, относительно средствъ къ жизни и не имѣли ничего, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Они были немедленно отправлены въ Крымъ, вмѣстѣ съ семействами офицеровъ новороссійскаго и геленджикскаго гарнизоновъ. Только по полученіи всѣхъ этихъ свѣдѣній Императоръ благодарилъ князя Меншикова письмомъ, которое приводитъ авторъ въ своей исторіи (т. II стр. 145).

Въ концѣ апрѣля былъ доставленъ въ Керчь и гарнизонъ снятый съ укрѣпленія Гагры.

Укрѣпленіе Гагры закрывало собою единственное ущелье, черезъ которое можно было проникнуть съ сѣвера въ Абхазію. Хотя пунктъ этотъ былъ весьма важенъ, но, въ виду его изолированнаго положенія и немногисленнаго гарнизона, рѣшено было его также оставить, тѣмъ болѣе, что Магометъ-Аминъ собиралъ противъ него всѣ силы черкесовъ и исправлялъ дорогу, чтобы легче было подступить къ укрѣпленію съ значительными силами. Недостатокъ перевозочныхъ средствъ и свирѣпствовавшія бури не дозволили снять гагринскій гарнизонъ одновременно съ прочими, а потомъ посылка военныхъ судовъ оказалась дѣломъ невозможнымъ, такъ какъ они легко могли быть отрѣзаны союзниками, вступившими уже въ Черное море. Гагринскій гарнизонъ, казалось, былъ обре-

---

[1]) Всеподданнѣйшія донесенія князя Меншикова 21-го февраля, 4-го и 13-го марта 1854 г. Военно-учен. арх., дѣло № 4,251.

ченъ на гибель, но въ это время въ Керчи проявилось большое движеніе среди грековъ. Руководимые чувствомъ патріотизма, они вооружили до 300 человѣкъ своихъ соотечественниковъ и предоставили ихъ въ распоряженіе правительства. Одинъ изъ грековъ по имени Фотья, явился къ керчь-еникольскому градоначальнику, князю Гагарину, съ предложеніемъ дозволить ему снять гарнизонъ Гагры. За Фотью ухватились, какъ за спасительный якорь, и обѣщали за то деньги.

— Это за деньги не дѣлается, отвѣчалъ Фотья.

Тогда ему обѣщали награду.

— Еслибы Богъ послалъ мнѣ, говорилъ Фотья, спасти 500 человѣкъ, то что можетъ быть лучше этой награды!

Объявивъ своей командѣ, что идетъ въ Гагры спасать гарнизонъ, Фотья заявилъ, что самъ онъ отказался отъ денегъ, обѣщанныхъ правительствомъ, но предоставляетъ командѣ получить ихъ, если желаетъ. Восторженные греки отказались даже отъ жалованья за все время плаванія.

Въ среду, на Пасхѣ, 14-го апрѣля, Фотья вышелъ въ море, благополучно совершилъ свое путешествіе, снялъ гарнизонъ и возвратился въ Керчь. Входя въ проливъ, Фотья, въ пылу восторга, поднялъ на своихъ судахъ русскій и греческій флаги и сталъ салютовать. Кордонные казаки, не разпознавшіе флаговъ, дали знать въ Керчь, что къ городу приближается непріятель. Поднялась всеобщая тревога, но скоро дѣло разъяснилось, и жители съ восторгомъ встрѣтили прибывшихъ. На слѣдующій день Фотью данъ былъ обѣдъ, на которомъ присутствовалъ наказной атаманъ войска донскаго, генералъ отъ кавалеріи Хомутовъ, и восторгу грековъ не было предѣловъ.

Но обратимся къ разсказу автора. Послѣ характеристики главныхъ дѣятелей на Кавказѣ: князя Воронцова, Реада и князя Барятинскаго, М. И. Богдановичъ переходитъ къ описанію военныхъ дѣйствій, открывшихся весною 1854 года. Значительное подкрѣпленіе, полученное турками, дозволило имъ перейти въ наступленіе, и они, 27-го мая, въ числѣ 12,000 человѣкъ, напали на сел. Нигоети, гдѣ находилось десять некомплектныхъ ротъ, десять сотенъ гурійской милиціи и четыре орудія, подъ начальствомъ подполковника князя Эристова. Потерпѣвъ пораженіе, непріятель отошелъ сначала къ Озургетамъ; но когда турки узнали, что къ этому мѣстечку приближается князь Андрониковъ съ 10,000 человѣкъ и 18 орудіями, то поспѣшно отступили за рѣку Чолокъ, гдѣ, соеди-

нившись съ остальными войсками Селимъ-паши, образовали армію въ 34,000 человѣкъ съ 13 орудіями. Не смотря на многочисленность непріятеля, болѣе чѣмъ втрое превышавшаго нашъ отрядъ, князь Андрониковъ, 4-го (16-го) іюня, атаковалъ турокъ, разбилъ ихъ и тѣмъ надолго обезпечилъ край, ввѣренный его попеченію и защитѣ.

Не менѣе успѣшны были дѣйствія нашего эриванскаго отряда подъ начальствомъ генерала барона К. К. Врангеля. Сосредоточивъ, въ концѣ мая, свой отрядъ на правой сторонѣ Аракса и желая обезпечить нашу границу отъ вторженія турокъ, баронъ Врангель двинулся въ предѣлы Турціи и встрѣтилъ непріятеля на Чингильскихъ высотахъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи только 1,700 человѣкъ пѣхоты и 1,200 кавалеріи съ 8 орудіями, баронъ Врангель, 17-го (29-го) іюля, атаковалъ непріятеля, въ пять разъ превышавшаго его въ силахъ. Турки потерпѣли пораженіе и весь ихъ баязетскій корпусъ былъ разсѣянъ. Врангель 19-го (31-го) іюля, занялъ Баязетъ, откуда остатки непріятельскаго корпуса, въ числѣ 2,000 человѣкъ, бѣжали въ Ванъ.

«Побѣда на Чингильскихъ высотахъ, справедливо замѣчаетъ М. И. Богдановичъ, и занятіе Баязета оказали вліяніе на жителей окрестной страны — хищныхъ курдовъ. Страхъ, внушенный успѣхами нашего оружія и присутствіемъ нашихъ войскъ, оказался болѣе дѣйствительнымъ, нежели покушенія привлечь къ намъ эти дикія племена подарками и деньгами».

Двѣ побѣды, одержанныя въ короткій промежутокъ времени княземъ Андрониковымъ и барономъ Врангелемъ, оказали большое вліяніе на туземное населеніе и непріятельскія войска. Турки потеряли увѣренность въ свою непобѣдимость и не безъ страха сходились съ русскими. Сомнѣніе въ успѣхѣ сраженія есть первый шагъ къ пораженію, отъ котораго не обезпечиваютъ ни численное превосходство, ни сила и выгоды позиціи. Справедливость этого, всѣмъ извѣстнаго, закона подтверждается сраженіемъ при сел. Кюрукъ-Дара. Въ этомъ сраженіи, происшедшемъ 24-го іюля (5-го августа), князь Бебутовъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи 18,000 человѣкъ съ 64 орудіями, былъ атакованъ турками въ числѣ 60,000 человѣкъ съ 84 орудіями. Столь огромный численный перевѣсъ не спасъ непріятеля отъ совершеннаго пораженія и огромныхъ, почти невѣроятныхъ потерь, простиравшихся до 10,000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ было 2,000 человѣкъ, взятыхъ въ плѣнъ. Князь Бебутовъ совершенно разсѣялъ турецкую армію, отбилъ у непріятеля

15 орудій, 16 зарядныхъ ящиковъ, множество знаменъ, значковъ и оружія.

Сраженіе при Кюрукъ-Дара закончило собою военныя дѣйствія на азіятской границѣ въ 1854 году. Жаль только, что уважаемый авторъ, описывая весьма подробно ходъ сраженія, избѣгаетъ критическаго анализа и не касается оцѣнки причинъ, заставившихъ князя Бебутова остановиться въ пятнадцати верстахъ отъ непріятеля и въ теченіе цѣлаго мѣсяца оставаться безъ всякой дѣятельности. При изученіи подробностей, предшествовавшихъ этому сраженію, невольно возбуждается вопросъ, почему князь Бебутовъ, имѣя отличныя войска, «жаждавшія встрѣчи съ непріятелемъ», имѣя прекрасное и постоянное сообщеніе съ Александрополемъ и обезпеченное продовольствіе—почему, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, спокойно смотрѣлъ какъ непріятельская армія постепенно усиливалась.

Онъ не рѣшался атаковать турокъ при меньшей ихъ численности, но когда они усилились настолько, что сами намѣрены были перейти въ наступленіе, князь Бебутовъ вышелъ тогда изъ своего выжидательнаго положенія. Получивъ извѣстіе, что турки отправили въ ночь съ 22-го на 23-е іюля (съ 3-го на 4-е августа) свои обозы изъ лагеря въ Карсъ и желая «ударить во флангъ и тылъ непріятелю», князь Бебутовъ двинулся въ промежутокъ между турецкимъ лагеремъ и крѣпостью Карсомъ, рискуя, въ случаѣ неудачи, попасть между двухъ огней. Необычайная храбрость нашихъ войскъ преодолѣла всѣ препятствія, но оправдывалось ли столь рискованное движеніе какою либо необходимостью или же оно было случайною ошибкою со стороны князя Бебутова, къ сожалѣнію, въ «Исторіи Восточной войны», не разъяснено.

Слѣдующія двѣ главы, XVII и XVIII, авторъ посвящаетъ описанію дѣйствій союзниковъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ. Дѣйствія эти ограничивались одними варварскими наѣздами на беззащитныхъ жителей и вполнѣ соотвѣтствовали той инструкціи, которая была дана англійскимъ адмираламъ: «грабить, жечь и раззорять». Руководясь этими инструкціями, союзники истребляли магазины, жгли прибрежныя селенія и грабили жителей. Въ половинѣ іюня, и именно 14-го (26-го) числа, союзный флотъ появился въ виду Кронштадта, но, не рѣшаясь вступать въ бой, 20-го іюня (2-го іюля) отошелъ къ Сескару, а потомъ къ Баро-Зунду, для приготовленія къ атакѣ бомарзундскихъ укрѣпленій. Съ прибытіемъ 6,000 десантныхъ французскихъ войскъ, обѣ союзныя эскадры подошли

къ Аланду и 27-го іюля (8-го августа) произвели высадку противъ укрѣпленій, защищаемыхъ гарнизономъ, не превосходившимъ 1,700 человѣкъ. Послѣ восьми-дневной защиты, комендантъ укрѣпленій, генералъ-маіоръ Бодиско, вступилъ въ переговоры и въ два часа дня 4-го (16-го) августа французы заняли укрѣпленіе. «По свидѣтельству французскихъ писателей, говоритъ М. И. Богдановичъ, не смотря на явную невозможность продолжать оборону укрѣпленій, обращенныхъ въ груды развалинъ, офицеры и солдаты гарнизона едва было не нарушили долга повиновенія коменданту, отвергая заключенную имъ капитуляцію. Одинъ изъ нихъ кинулся съ горящимъ фитилемъ къ пороховому магазину, чтобы взорвать казарму, но былъ удержанъ окружившими его французами».

Занятіе бомарзундскихъ укрѣпленій, провозглашенное союзными правительствами какъ громкая побѣда, не удовлетворило ни французовъ, ни англичанъ. Надежды ихъ на побѣды и блистательные успѣхи въ Балтійскомъ морѣ не осуществились, и великолѣпный флотъ возвратился въ свои гавани безъ трофеевъ, съ офицерами, упавши духомъ, обманутыми и недовольными тѣмъ, что не были въ дѣлѣ. Блокада балтійскихъ гаваней не уничтожила русской вывозной торговли и въ одной англійской газетѣ было сказано про лорда Пенира: «Пришелъ, увидѣлъ, но не побѣдилъ. Онъ хотѣлъ продѣть кольцо сквозь ноздри грозному Левіаоану и вмѣсто кита поймалъ салакушку. Русскіе смѣются и мы смѣшны въ самомъ дѣлѣ».

Подвиги англичанъ въ Бѣломъ морѣ были не лучше тѣхъ, которые оказали ихъ товарищи въ Балтійскомъ. Они точно также занимались захватомъ мелкихъ купеческихъ судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ и рыбою. 6-го (18-го) іюля два англійскихъ парохода, подъ начальствомъ капитана Оманей, подошли къ Соловецкому монастырю, произвели до тридцати выстрѣловъ въ стѣны каменной ограды, но, встрѣченные огнемъ двухъ трехъ-фунтовыхъ орудій, принуждены были отойти отъ берега, такъ какъ одинъ изъ пароходовъ былъ поврежденъ нашими выстрѣлами. На слѣдующій день Оманей потребовалъ, чтобы черезъ шесть часовъ, гарнизонъ сдался со всѣми орудіями, флагами и военными припасами, угрожая въ противномъ случаѣ приступить къ бомбардированію монастыря. Получивъ отказъ, англичане въ теченіе девяти часовъ обстрѣливали обитель, но не причинили вреда никому изъ жившихъ и защищавшихъ манастырь. Видя безполезность своихъ усилій, они удалились отъ Соловецкаго монастыря и перенесли свою дѣятельность въ

Онежскій заливъ. Тамъ грабили они церкви и мирныхъ жителей, жгли казенныя зданія, а затѣмъ подошли къ городу Колѣ и бомбардировали его.

Что касается до дѣятельности союзниковъ въ Восточномъ океанѣ, то она была также безуспѣшна и предпріятіе ихъ противъ Петропавловскаго порта окончилось совершенною неудачею. Эти неудачи, которыя испытали англо-французы на морѣ и сухомъ пути (экспедиція въ Добруджу) заставили ихъ поспѣшить нанесеніемъ удара въ иномъ направленіи, и они торопились привести въ исполненіе давно задуманную экспедицію въ Крымъ.

«Экспедиція въ Крымъ, пишетъ М. И. Богдановичъ, не входила въ общій первоначальный планъ дѣйствій англо-французовъ, и даже Наполеонъ III охотнѣе готовъ былъ предпринять, по слѣдамъ своего дяди, кампанію въ Польшу. Но онъ не могъ на то рѣшиться, не войдя въ тѣсный союзъ съ германскими державами, и къ тому же походъ въ Польшу былъ несогласенъ съ видами англійскаго министерства, а Наполеонъ, паче всего, желалъ дѣйствовать за одно съ Англіею: такимъ образомъ, дѣйствія союзныхъ державъ преимущественно зависѣли отъ иниціативы великобританскаго правительства».

Послѣднее слѣдовало общественному мнѣнію, требовавшему, въ вознагражденіе за всѣ издержки войны, уничтоженія черноморскаго флота и всѣхъ военныхъ учрежденій въ Севастополѣ. Въ половинѣ іюня 1854 года герцогъ Ньюкестль сообщилъ англійскому главнокомандующему, лорду Раглану, рѣшеніе великобританскаго кабинета, произвести высадку въ Крымъ и осадить Севастополь. Въ инструкціяхъ же, отправленныхъ изъ Парижа другому главнокомандующему, маршалу Сентъ-Арно, запрещено было идти къ Дунаю, а въ замѣнъ того велѣно поддерживать англичанъ, еслибы они предприняли экспедицію въ Крымъ.

Населеніе Крыма состояло преимущественно изъ татаръ, обитавшихъ въ мѣстности весьма разнообразной, какъ по характеру такъ и по естественнымъ богатствамъ. Описанію природы Крыма и его путей сообщеній авторъ посвящаетъ нѣсколько страницъ, но, къ сожалѣнію, не говоритъ ничего о характерѣ татаръ и о томъ настроеніи, которое замѣчалось среди ихъ передъ началомъ военныхъ дѣйствій съ Турціею. Послѣ того броженія умовъ, которое проявилось между татарами въ зиму 1853—1854 годовъ, англо-французы считали возстаніе ихъ противъ русскаго правительства дѣломъ весьма вѣроятнымъ. Надежда на это возстаніе была одною

причинъ, почему союзники рѣшились произвести высадку безъ всякихъ перевозочныхъ средствъ, надѣясь найти ихъ на мѣстѣ. Авторъ не уменьшилъ бы достоинства своего труда, если бы посвятилъ нѣсколько лишнихъ страницъ характеристикѣ событій, предшествовавшихъ появленію англо-французовъ на берегахъ Крыма.

Приведемъ нѣкоторыя подробности по этому предмету.

Волненіе между татарами проявилось гораздо ранѣе высадки непріятеля: оно стало замѣчаться съ первыхъ дней по объявленіи войны Турціи. Мѣстныя власти, приписывая причину броженія умовъ близости театра военныхъ дѣйствій, находили естественнымъ что татары не остаются равнодушными къ тѣмъ событіямъ, въ которыхъ принимаютъ участіе турки, ихъ единовѣрцы; лица же высшей правительственной власти думали объ этомъ нѣсколько иначе. Смотря на сходки и совѣщанія татаръ; на ихъ сочувствіе туркамъ и на враждебное настроеніе противъ всего христіанскаго населенія края, они признавали необходимымъ установить надъ всѣмъ магометанскимъ населеніемъ самый бдительный надзоръ.

Съ своей стороны, татары, не рѣшаясь открыто высказывать сочувствіе туркамъ, скрывали до времени свои намѣренія и старались усыпить бдительность правительства: по праздникамъ въ мечетяхъ духовенство произносило рѣчи, жители дѣлали пожертвованія въ пользу войскъ, принимали ихъ къ себѣ съ видомъ радушія и безпрерывно заявляли таврическому губернатору о своей преданности къ Россіи [1]).

Подобными поступками татары вполнѣ достигли своей цѣли. Таврическій губернаторъ генералъ Пестель увѣрялъ всѣхъ, что слухи о волненіи магометанскаго населенія ложны; что, управляя девять лѣтъ губерніею, онъ вполнѣ изучилъ всѣ оттѣнки татарскаго характера и можетъ поручиться, что никто изъ нихъ не желаетъ подданства Турціи; что имъ приняты мѣры къ предупрежденію всякой, даже частной шалости и что, наконецъ, ему «будетъ извѣстно все, что будетъ дѣлаться и говориться не только у татаръ, но и у христіанъ, въ числѣ которыхъ есть вредные болтуны [2]).»

Такое заявленіе губернатора оказалось впослѣдствіи одною фразою.

---

[1]) Всеподданнѣйшій рапортъ полковника Герштенцвейга 6-го декабря 1853 года.

[2]) Рапортъ Пестеля новороссійскому генералъ-губернатору 17-го ноября 1853 года.

Замкнувшись въ кругу своихъ единовѣрцевъ, татары продолжали устраивать сходки и совѣщанія, тщательно скрывая ихъ отъ христіанскаго населенія. Скоро среди магометанъ стали появляться эмисары, частію подосланные турками, частію туземные жители, возвратившіеся изъ Мекки, побывавшіе въ Константинополѣ, получившіе тамъ приличное наставленіе, снабженные воззваніями и множествомъ обѣщаній турокъ, щедро сулившихъ татарамъ улучшеніе ихъ положенія и соединеніе съ правовѣрными.

Въ концѣ декабря 1853 года сильная буря, а потомъ наводненіе надѣлали много бѣдъ въ Евпаторійскомъ уѣздѣ и въ особенности въ прибрежномъ селеніи Кучукъ-узень, принадлежавшемъ помѣщику В. Княжевичу. Одинъ изъ его людей, по имени Останъ (Евстафій), отправился въ сосѣднюю деревню Туакъ нанять рабочихъ для исправленія поврежденій. Тамъ онъ приглашенъ былъ на кофе къ муллѣ Абдулъ-Керимъ эфенди, у котораго было собраніе нѣсколькихъ муллъ, въ числѣ которыхъ были и прибывшіе съ дальнихъ мѣстъ Крыма. Одинъ изъ нихъ, пріѣхавшій изъ Сарабузской волости, Симферопольскаго уѣзда, читалъ собранію привезенную съ собою бумагу возмутительнаго содержанія.

Вслушиваясь въ неблагопріятныя для русскихъ рѣчи и опасаясь попасть въ число участниковъ, Останъ пытался было уйти, но его не пускали; на бѣду у дверей два татарина крошили табакъ большими ножами. Останъ струсилъ, выскочилъ въ окно и бросился въ кусты. Татары погнались за нимъ, но догнать не могли; темнота ночи спасла Остапа отъ преслѣдованія. Къ свѣту онъ выбрался кустами къ берегу, и, опасаясь оставаться дома, перешелъ со всѣмъ своимъ семействомъ на казачій кордонъ, гдѣ и остался жить.

Поступокъ Остапа сильно встревожилъ татаръ всей деревни. Чтобы замаскировать свое поведеніе, они рѣшились всѣ вмѣстѣ, въ томъ числѣ и Абдулъ-Керимъ, отправиться съ жалобою на Остапа. Абдулъ-Керимъ подалъ Княжевичу письмо на русскомъ языкѣ, въ которомъ писалъ, что приглашенный, 29-го декабря, на кофе, человѣкъ его, рѣшившись отомстить, — но за что, проситель не объяснилъ,—выпрыгнулъ въ окно, чѣмъ обидѣлъ его, какъ имама деревни [1]). Письмо это было отправлено таврическому губернатору, генералу Пестелю, и по произведенному слѣдствію обнаружилось, что Абдулъ-Керимъ былъ до нѣкоторой степени центромъ, вокругъ котораго группировались лица, замышлявшія возстаніе.

[1]) Письма Княжевича отъ 6-го и 14-го января 1854 года Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова отъ 27-го января 1854 года, № 241.

Предполагая выслать изъ Крыма, на жительство въ Россію, Абдулъ-Керима и еще нѣкоторыхъ муллъ. Пестель, съ разрѣшенія князя Меншикова, поставилъ роту солдатъ въ селеніяхъ Ускютъ и Туакъ, и просилъ таврическаго муфтія внушить мусульманскому духовенству, чтобы оно, какъ имѣющее вліяніе на народъ, старалось отклонить татаръ отъ поступковъ, несогласныхъ съ званіемъ вѣрноподанныхъ.

Муфтій Сеидъ-Джелилъ-эфенди воспользовался этимъ предложеніемъ, чтобы отъ имени всѣхъ татаръ заявить о своей преданности Россіи и убѣдить Пестеля, что между татарами нѣтъ никакого колебанія. Онъ написалъ воззваніе къ народу [1]), въ которомъ говорилъ, что со дня присоединенія Крыма, русскіе Цари не только допускали свободу вѣроисповѣданія, но всегда охраняли религію магометанъ, даровали имъ многія права и преимущества, оказывали милости, и потому всѣ мусульмане, отъ мала до велика, должны быть искренно преданы Царю и Отечеству, и для нихъ не щадить ни крови, ни жизни.

Копію съ этого воззванія Сеидъ представилъ Пестелю при особомъ письмѣ, въ которомъ увѣрялъ, что губернаторъ можетъ быть совершенно спокоенъ въ томъ, что всѣ татары, не менѣе русскихъ преданы Государю и Отечеству, и что было бы весьма обидно для татарской націи думать, что между ними есть разномыслящіе. «Я, напротивъ, писалъ муфтій [2]), смѣло увѣряю, что между всѣмъ татарскимъ населеніемъ, нѣтъ никого, на котораго бы нынѣшній разрывъ съ Портою и война съ нею наводили даже мысль, доброжелательную единовѣрцамъ, извѣстнымъ здѣсь, у насъ, между татарами, своимъ безумнымъ, необузданнымъ и своевольнымъ фанатизмомъ, гибельнымъ для нихъ самихъ и для каждаго своего гражданина....»

«Впрочемъ, между татарами могутъ найтись и такіе, которые неосторожными словами навлекли на себя подозрѣніе въ дурномъ образѣ мыслей; но повѣрьте, что это люди, которые, своимъ поведеніемъ и всегдашнимъ образомъ жизни, во всякое время требуютъ строгаго за ихъ нравственностію и поведеніемъ надзора и удержанія отъ разгульной жизни. Такихъ во всемъ народонаселеніи татарскомъ найдется не много, да и тѣ, въ ненормальномъ только

---

[1]) Это и есть то воззваніе, которое было напечатано во всѣхъ газетахъ того времени и включено въ «Матеріалы для Исторіи Крымской войны» I, 250.

[2]) Въ письмѣ отъ 19-го января 1854 года.

положеніи своемъ могутъ болтнуть, но для этого средства извѣстны и они въ рукахъ власти, которая тотчасъ же все укрощаетъ».

Между тѣмъ, происшествіе въ Туакахъ скоро распространилось по всему Крымскому полуострову и всѣ мурзы и беи также обратились къ Пестелю, съ просьбою повергнуть къ подножію Престола ихъ клятву въ непоколебимой вѣрности, съ увѣреніемъ, что всякій нарушитель этой клятвы «будетъ преслѣдуемъ, какъ измѣнникъ, по всей строгости законовъ [1])».

Послѣ заявленій подобнаго рода, мусульмане, повидимому, оставались покойными, но появленіе союзныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ и четырехъ пароходовъ въ виду Ѳеодосіи произвело на нихъ большое впечатленіе [2]).

Въ виду случайностей войны, большая часть татаръ считала, однакоже, необходимымъ запастись звонкою монетою, и въ Крыму въ скоромъ времени исчезло изъ обращенія все серебро и мелкихъ денегъ не было видно. Казначейство принуждено было пустить въ обращеніе всю мѣдь, но и та скрылась такъ скоро, что въ мѣняльныхъ лавкахъ за весьма большой лажъ не могли удовлетворить многочисленнымъ требованіямъ.

Не полагаясь вообще на татарское населеніе, князь Меншиковъ, при всей ограниченности своихъ средствъ, рѣшился принять такія мѣры, которыя могли бы указать татарамъ, что въ Крыму достаточно войскъ для ихъ усмиренія. Съ приходомъ, 1-го іюня, въ Евпаторію донскаго казачьяго № 57-го полка, командующій войсками расположилъ его кордонами по берегу моря къ Перекопу въ одну сторону и къ Севастополю въ другую. Для наблюденія же за татарскимъ населеніемъ, и для убѣжденія его въ многочисленности войскъ, были составлены двѣ подвижныя колонны, каждая изъ двухъ ротъ Минскаго пѣхотнаго полка, которыя и посылались изъ Севастополя на военную прогулку. Одна колонна шла по южному берегу и обратно черезъ горную часть Крыма, а другая—на встрѣчу первой, черезъ горную часть и обратно южнымъ берегомъ [3]).

Хотя татары при проходѣ этихъ колоннъ черезъ ихъ селенія и оказывали полное радушіе, но крымскимъ властямъ извѣстно было,

---

[1]) Матеріалы, вып. 1, 253.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова 27-го января 1854 года Арх. канц. воен. мин., дѣло № 10 (а.)

[3]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова, отъ 5-го іюня 1854 года Арх. канц. воен. мин., дѣло № 10 (а.)

что въ то же время и тѣ же татары продолжаютъ устраивать у себя собранія, читаютъ собравшимся какія то бумаги, секретно ими получаемыя изъ Турціи, говорятъ рѣчи возмутительнаго содержанія и т. п. Такое поведеніе мѣстнаго населенія вынудило управляющаго таврическою палатою государственныхъ имуществъ, еще въ іюлѣ 1854 года, просить князя Меншикова объ удаленіи всѣхъ вообще татаръ отъ морскаго берега и о переводѣ ихъ въ одну изъ губерній, отдаленныхъ отъ театра дѣйствій. Мѣры этой не успѣли, однакоже, привести въ исполненіе до высадки непріятеля, и послѣдствія показали, что подозрѣнія въ малой преданности татаръ къ русскому правительству были не напрасны. Но, не опережая событій, послѣдуемъ за разсказомъ автора «Исторіи Восточной войны».

Послѣ топографическаго очерка Севастополя и его окресностей, М. И. Богдановичъ переходитъ къ описанію укрѣпленій города и его защиты, какъ береговой, такъ и сухопутной. Описаніе это какъ видно изъ ссылокъ, составлено исключительно по сочиненію генералъ-адъютанта Тотлебена, и заключается въ перечисленіи тѣхъ укрѣпленій, которыя охраняли Севастополь ко дню высадки непріятеля.

Что же касается до сухопутныхъ силъ въ Крыму, то они состояли изъ мѣстныхъ и дѣйствующихъ войскъ. Въ составъ послѣднихъ входили: первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи и резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи. Послѣ разрыва съ Франціею и Англіею были направлены въ Крымъ 17-я пѣхотная дивизія, 6-й саперный и 6-й стрѣлковый баталіоны, съ нѣсколькими полками донскихъ казаковъ. По очищеніи Валахіи нашими войсками, князь Меншиковъ писалъ Государю, что, въ случаѣ непріятельскаго десанта въ Крымъ, можно предполагать, что союзники предпримутъ нападеніе на Ѳеодосію или направятся черезъ Керченскій проливъ, либо сдѣлаютъ высадку у Евпаторіи или между этимъ городомъ и Севастополемъ. По мнѣнію свѣтлѣйшаго, союзники могли направить въ Крымъ, кромѣ турокъ, отъ 50,000 до 60,000 человѣкъ англо-французовъ, для противодѣйствія которымъ мы могли собрать не болѣе 25,000 человѣкъ. Князь Меншиковъ просилъ занять сѣверную часть полуострова хотя одною пѣхотною бригадою и двинуть на усиленіе крымскихъ войскъ 16-ю пѣхотную дивизію, стоявшую въ Бесарабіи. Полагая, что съ отступленіемъ нашихъ изъ княжествъ, въ дивизіи этой южная армія не имѣетъ особой нужды, князь Меншиковъ просилъ князя Горчакова направить ее въ Крымъ, не ожидая Высочайшаго повелѣнія. Императоръ Николай

раздѣлялъ мысль о необходимости учредить особый отрядъ у Перекопа, но не находилъ это возможнымъ по неимѣнію свободныхъ войскъ. Онъ писалъ князю Меншикову, что хотя и приказалъ князю Горчакову послать одну бригаду съ двумя батареями, но на прибытіе ея пройдетъ болѣе мѣсяца, а князь Меншиковъ, по всей вѣроятности, будетъ атакованъ гораздо ранѣе. Государь находилъ, что для первой встрѣчи непріятеля было достаточно войскъ, находившихся въ Крыму, и когда получилъ донесеніе князя Горчакова объ отправленіи въ Крымъ всей 16-й пѣхотной дивизіи, то повелѣлъ князю Меншикову, съ прибытіемъ этой дивизіи, возвратить въ Черноморію находившіеся въ Крыму черноморскіе линейные баталіоны.

Вотъ все, что узнаемъ мы изъ «Исторіи Восточной войны» относительно тѣхъ мѣръ, которыя были приняты для защиты Севастополя и всего Крыма. Приводя рескрипты и письма Императора, въ которыхъ упоминается объ отрядѣ генерала Хомутова и черноморскихъ линейныхъ баталіонахъ, авторъ не говоритъ, какъ они попали въ Крымъ и какое имѣли назначеніе? М. И. Богдановичъ не упоминаетъ о мѣрахъ, принятыхъ для защиты восточной части Крыма, и, описывая состояніе Севастополя съ его укрѣпленіями, ко дню высадки непріятеля, не достаточно полно обрисовываетъ дѣятельность князя Меншикова, а потому, становится непонятнымъ, почему онъ оставаясь въ Севастополѣ болѣе года, не принялъ никакихъ мѣръ къ укрѣпленію города и принужденъ былъ приступить къ этому въ виду непріятеля. Упрекъ, который ложится на Меншикова, при чтеніи этой главы, могъ бы быть устраненъ, если бы то положеніе, въ которомъ дѣйствительно находился князь, было обрисовано съ большею полнотою.

Князь Меншиковъ далеко не оставался бездѣятельнымъ въ Севастополѣ и сдѣлалъ все, что было въ его силахъ. Прослѣдимъ же хотя въ главныхъ только чертахъ его дѣятельность и отдадимъ ему должное.

Стратегическое значеніе Севастополя, его аванпостное положеніе на краю государства и сосредоточеніе въ немъ всей дѣятельности черноморскаго флота, требовали обезпеченія его отъ всякихъ непріятельскихъ покушеній. Вопросъ объ укрѣпленіи столь важнаго порта явился съ самаго начала его основанія и шелъ паралельно съ развитіемъ и расширеніемъ самаго города.

Какъ приморскій городъ и портъ, Севастополь, прежде всего, могъ ожидать нападенія съ моря, и потому естественно, что все

вниманіе было обращено на береговую его защиту. Что же касается до оцѣпленія города непрерывнымъ рядомъ укрѣпленій съ сухопутной стороны, то мѣру эту считали излишнею роскошью, такъ какъ въ укрѣпленіяхъ такого рода могла встрѣтиться необходимость, только въ томъ случаѣ, если бы непріятель рѣшился предпринять высадку и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ. Такое событіе считалось въ то время мало вѣроятнымъ; допускали возможность высадки только небольшихъ десантовъ, съ цѣлью угрожать тылу береговыхъ укрѣпленій, когда флотъ атакуетъ ихъ со стороны моря. Высадку же цѣлой арміи, которая могла бы дѣйствовать самостоятельно на сухомъ пути, считали дѣломъ почти несбыточнымъ.

Въ подтвержденіе справедливости нашихъ словъ мы можемъ привести слѣдующее:

Въ 1853 году одному изъ нашихъ лучшихъ боевыхъ генераловъ, Лидерсу, было предложено представить свои соображенія относительно способовъ обороны прибрежья Чернаго моря отъ устья Дуная до г. Керчи. Лидерсъ полагалъ, что десантъ въ Крыму можетъ быть сдѣланъ только на южномъ берегу и притомъ въ составѣ не болѣе 20 или 30,000 человѣкъ. По мнѣнію его, Евпаторія не представляла никакихъ удобствъ для высадки: «вокругъ нее, говорилъ онъ, однѣ только степи, татарскихъ селеній очень мало и хотя евпаторійскій рейдъ довольно хорошъ, но представляетъ то неудобство, что судамъ невозможно наливаться прѣсною водою».

Предположивъ, однако же, что высадка у Евпаторіи можетъ состояться, Лидерсъ находилъ, что движеніе непріятеля къ Севастополю будетъ крайне неудобно, потому что главныя наши силы, направившись изъ Симферополя, не перерѣзъ пути, поставятъ союзниковъ въ большое затрудненіе. Изъ этого слѣдуетъ, говорилъ Лидерсъ, что Евпаторія не можетъ служить опорнымъ пунктомъ для дѣйствій, и потому городъ этотъ можетъ быть охраняемъ *сотнею казаковъ*. Относительно же Севастополя, онъ писалъ, что «быть можетъ, непріятель будетъ стараться высадить десантъ, чтобы дѣйствовать съ сухаго пути, но *резервная бригада въ самомъ Севастополѣ, а на сѣверной сторонѣ одинъ полкъ пѣхоты съ полевою батареею, при содѣйствіи морскаго вѣдомства, кажется, достаточно охранили бы Севастополь*» [1]).

---

[1]) Записка генералъ-адъютанта Лидерса, приложенная къ рапорту его князю Горчакову, отъ 10-го августа 1853 года, № 1,467,

Нѣсколько позже и именно въ апрѣлѣ 1854 года князь Варшавскій писалъ князю Меншикову [1]): «Наконецъ, когда объяснилось, что противъ насъ не одни турки, но съ ними англичане и французы, надобно ожидать, что вы прежде всѣхъ встрѣтитесь съ ними на морѣ или въ Крыму. Англичане, вѣрно всего болѣе грызутъ зубы на нашъ Черноморскій флотъ, но вы не дадите его въ обиду, *а десанты, теперь, когда придетъ къ вамъ бригада 17-й дивизіи, едва ли вамъ что сдѣлаютъ серьезное*».

Если подобный взглядъ на высадки существовалъ въ 1853 и 1854 годахъ, когда въ составъ флота давно уже были введены паровыя суда, то несправедливо было бы обвинять тѣхъ, которые, проектируя оборону Севастополя въ 1837 году, обратили исключительное вниманіе на защиту его съ моря. Прямымъ послѣдствіемъ такой защиты было то, что къ концу 1852 года, когда князь Меншиковъ прибылъ въ Севастополь, постройка береговыхъ фортовъ была почти окончена и оставалось вооружить ихъ и снабдить боевыми припасами. То и другое шло весьма медленно, и въ маѣ 1853 года батареи не были еще готовы для встрѣчи непріятеля: они не имѣли полнаго вооруженія, не имѣли достаточнаго числа прислуги и во всей крѣпости не было ни одной снаряженной бомбы. Гарнизонная артилерія производила практическую стрѣльбу только изъ двухъ ближайшихъ къ морю батарей, а для остальныхъ не было опредѣлено ни угловъ возвышенія, ни дѣйствительности выстрѣловъ.

Видя совершенную беззащитность города, князь Меншиковъ рѣшился не ожидать распоряженій инспектора артилеріи и приказалъ производить практическую стрѣльбу со всѣхъ батарей. Находившемуся въ Севастополѣ генералъ-маіору Баранцеву адмиралъ приказалъ приступить немедленно къ снаряженію бомбъ и вооруженію Павловской батареи какими нибудь орудіями, хотя бы и не тѣхъ калибровъ, которые назначались по положенію [2]). «Впрочемъ прибавлялъ князь Меншиковъ [3]), то, что я приказалъ, составляетъ только часть того, что нужно еще сдѣлать, чтобы пополнить оборонительныя средства».

---

[1]) Отъ 23-го апрѣля 1854 года. Воен. учен. арх., дѣло № 4,311.

[2]) Отношеніе князя Меншикова военному министру 21-го мая 1853 г. № 367. Арх. канц. воен. мин., дѣло № 1.

[3]) Письмо его же, отъ 21-го мая 1853 г. Воен. учен. арх., дѣло № 4,254, ч. I. Какъ это, такъ и послѣдующія письма писаны на французскомъ языкѣ. Чтобы не увеличивать объема нашего разбора, мы приводимъ ихъ только въ переводѣ.

Въ іюнѣ въ Севастополь пріѣхалъ начальникъ штаба инспектора артиллеріи, генералъ-адъютантъ Безакъ, съ порученіемъ привести въ исполненіе постановленіе ученаго комитета о новомъ вооруженіи крѣпостей. Постановленіе это, по мнѣнію князя Меншикова, лишало Севастополь всѣхъ средствъ защиты, по крайней мѣрѣ, на два мѣсяца, «Этого нельзя считать благоразумнымъ, писалъ онъ военному министру [1]) въ такое время, когда эскадры двухъ морскихъ державъ находятся въ такомъ положеніи, что черезъ пять или шесть дней могутъ явиться передъ Севастополемъ. Я не говорю, чтобы это было непремѣнно (que cela soit probable), но, въ случаѣ войны, считаю это дѣломъ весьма возможнымъ».

Эта возможность и побуждала принять болѣе энергическія мѣры по защитѣ города и порта. Князь Меншиковъ торопилъ вооруженіемъ, образовалъ особыя пѣхотныя команды, которыя обучались дѣйствію изъ орудій, и поручилъ генералу Баранцеву провести на фортахъ *сигнальныя линіи* [2]). Эти линіи, обозначавшія своимъ пересѣченіемъ со створною линіею время вступленія судовъ въ сферу прицѣльнаго дѣйствія крѣпостныхъ орудій, были зачаткомъ идеи о сосредоточенной стрѣльбѣ изъ орудій. Благодаря дѣятельности генерала Баранцева, въ Севастополѣ строились ядрокалительныя печи, приготовлялись заряды, ставились новыя орудія и проч. [3]).

Между тѣмъ, послѣ взаимныхъ совѣщаній князь Меншиковъ и генералъ Безакъ признали необходимымъ принять скорѣйшія мѣры къ усиленію защиты Севастополя и просили о постройкѣ нѣсколькихъ новыхъ укрѣпленій. Императоръ Николай принялъ живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ и тогда же назначилъ князя Меншикова, на правахъ корпуснаго командира, командующимъ всѣми войсками, находившимися въ губерніяхъ Таврической и части Херсонской по лѣвому берегу р. Буга [4]). Ему Высочайше повелѣно было распоряжаться самостоятельно и укрѣплять Севастополь, не испрашивая разрѣшеній.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 6-го іюля 1853 г. Тамъ же.

[2]) Рапортъ генерала Баранцева военному министру 20-го августа 1853 года, № 124. Арх. канцл. воен. мин., дѣло № 1.

[3]) Тоже отъ 5-го ноября 1853 г. № 168. Тамъ же.

[4]) Указъ сенату отъ 19-го ноября 1853 г. Одновременно съ этимъ все прибрежье Чернаго моря: область Бесарабская, губерніи Херсонская и Таврическая были объявлены на военномъ положеніи.

Получивъ такое полномочіе, князь Александръ Сергѣевичъ, для обезпеченія города отъ нечаяннаго нападенія, приказалъ снять вѣхи со взморья, закрыть створные маяки хворостомъ, устроить бонъ и протянуть телеграфъ по берегу моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приступилъ къ постройкѣ средствами флота трехъ новыхъ батарей [1]) и къ исправленію прежде существовавшихъ. Въ Севастополѣ находилось тогда не болѣе 8,000 человѣкъ пѣхоты, но и тѣ были заняты строевою службою настолько, что князь Меншиковъ не рѣшался назначать ихъ на земляныя работы, а потому исправленіе батарей подвигалось весьма медленно, и въ концѣ января 1854 года батарея № 10-й находилась еще въ полуразрушенномъ состояніи. «Чтобы дать вамъ понятіе, писалъ князь Меншиковъ [2]), о состояніи, въ которомъ находится эта постройка, скажу, что я съ офицерами, меня сопровождавшими, въѣхалъ въ укрѣпленіе на лошади, переправившись черезъ ровъ и брустверъ».

Командующій войсками въ Крыму просилъ прислать ему 6-й саперный баталіонъ и подкрѣпленія, необходимыя для защиты столь важнаго пункта, въ виду появившагося уже непріятеля. 19-го января 1855 года, въ виду Ѳеодосіи, показались два французскіе и два англійскіе парохода [3]). Появленіе это произвело большое впѣчатлѣніе какъ на жителей, такъ и на самаго князя Меншикова. «Я очень озабоченъ моимъ положеніемъ, писалъ онъ [4]), съ тѣхъ поръ какъ узналъ, что союзники Турціи дѣйствительно приготовляютъ экспедиціонные корпуса, въ пять или шесть разъ сильнѣйшіе тѣхъ, которые я могу имъ противопоставить здѣсь.... Черезъ шесть недѣль мы будемъ имѣть прекрасную погоду, которая въ 10 или 12 дней плаванія можетъ привести изъ Тулона въ Крымъ 20,000 французовъ, сосредоточенныхъ для всѣхъ случайностей на Востокѣ. Я надѣюсь, что этого не будетъ, но надежда не есть еще увѣренность».

Въ Петербургѣ также видѣли, какъ затруднительность положенія князя Меншикова, такъ и опасность, угрожавшую Крыму. Въ февралѣ 1851 года, въ нашемъ военномъ министерствѣ было досто-

---

[1]) Двѣнадцати-Апостольской, Парижской и Святославской.

[2]) Военному министру, отъ 20-го января 1854 года. Арх. канцл. воен. мин., дѣло № 60.

[3]) Объемъ статьи не дозволяетъ намъ слѣдить съ подробностью за непріятельскими крейсерами и мы принуждены ограничиться только заявленіемъ о времени ихъ появленія.

[4]) Военному министру, отъ 27-го января 1854 г.

вѣрно извѣстно, что въ Парижѣ и Лондонѣ разработывался проектъ экспедиціи въ Крымъ и высадки недалеко отъ Севастополя. Въ «Journal des Débats» появилось довольно вѣрное, описаніе севастопольскихъ укрѣпленій [1]), а газета «Times» давно уже высказывала мысль о необходимости экспедиціи въ Крымъ и уничтоженія черноморскаго флота.

Въ концѣ февраля въ С.-Петербургѣ была получена депеша отъ одного изъ нашихъ посланниковъ, не оставлявшая уже сомнѣнія, что союзники рѣшились высадиться въ Крыму и атаковать Севастополь съ моря и сухаго пути. Тогда на усиленіе князя Меншикова рѣшено было отправить изъ Одессы и Николаева резервную бригаду 14-й пѣхотной дивизіи, а головной бригадѣ 16-й пѣхотной дивизіи приказано слѣдовать на подводахъ. Императоръ надѣялся, что подкрѣпленія успѣютъ прибыть во-время и писалъ князю Меншикову [2]), что въ случаѣ атаки съ моря, черноморскій флотъ не допуститъ сжечь себя въ гавани, а *умретъ или одержитъ побѣду.*

На другой день по полученіи этого рескрипта, князь Меншиковъ получилъ письмо военнаго министра, въ которомъ онъ сообщалъ, что движеніе въ Крымъ резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи пріостановлено [3]), послѣ переговоровъ съ вызваннымъ въ Петербургъ фельдмаршаломъ княземъ Варшавскимъ.

Послѣдній, будучи назначенъ главнокандующимъ южною и западною арміями и пользуясь огромнымъ авторитетомъ, успѣлъ убѣдить всѣхъ, что главная опасность грозитъ намъ не въ Крыму, а на западной границѣ. Достигнувъ этого, онъ старался присоединить къ себѣ всѣ войска, которыя, до нѣкоторой степени, оставались свободными и, недѣлю спустя, князю Меншикову было сообщено, что и 16-я пѣхотная дивизія будетъ отправлена вмѣсто Крыма въ Николаевъ, а взамѣнъ ея будетъ прислана вторая бригада 17-й пѣхотной дивизіи. «Le maréchal, писалъ при этомъ военный министръ, veut tout prendre pour augmenter le nombre des troupes qui se trouvent sous son commandement [4]).

Между тѣмъ, событія шли своимъ чередомъ. Въ военномъ министерствѣ получены были новыя свѣдѣнія, что англо-французы

---

[1]) Отношеніе военнаго министра князю Меншикову 20-го февраля № 130.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ, отъ 10-го февраля 1854 г. Авторъ не приводитъ этого замѣчательнаго документа.

[3]) Письмо военнаго министра князю Меншикову 11-го февраля 1854 г.

[4]) Фельдмаршалъ хочетъ взять все себѣ, чтобы увеличить число войскъ находящихся подъ его начальствомъ.

намѣрены прежде всего занять Перекопскій перешеекъ и, сильно укрѣпившись въ немъ, учредить тамъ опорный пунктъ, изъ котораго можно было бы, смотря по обстоятельствамъ, дѣйствовать къ западу—на Прутъ и къ востоку—на Анапу. Это извѣстіе ставило незначительный отрядъ крымскихъ войскъ въ опасное положеніе быть отрѣзаннымъ и возбуждало серьезныя опасенія въ Петербургѣ.

— Ваше положеніе ужасно трудно, писалъ князь Долгоруковъ князю Меншикову, но я надѣюсь, что съ помощію Божіею и при вашемъ талантѣ, вы выйдете изъ него съ честью и славою.

— Да, отвѣчалъ Меншиковъ, dans ce moment je ne peux que dire: fais que dois, arrive que pourra [1]).

Придерживаясь этой поговоркѣ, оставалось, не обращая вниманія на беззащитность прочихъ пунктовъ Крымскаго полуострова, защищать только одинъ Севастополь, какъ пунктъ наиболѣе важный. Князь Меншиковъ такъ и сдѣлалъ.

Не имѣя средствъ для устройства обширной и правильной обороны города, свѣтлѣйшій употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы исправить существовавшія уже укрѣпленія и снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ. Всѣ свободныя отъ службы войска были употреблены на земляныя работы, но онѣ подвигались весьма медленно. Недостатокъ рабочихъ рукъ, шанцеваго инструмента и запасовъ сухопутнаго вѣдомства были тому причиною. Для вооруженія оконечныхъ укрѣпленій не имѣлось орудій и князь Меншиковъ принужденъ былъ раздѣлить всю линію укрѣпленій на двѣ части и поручить вооруженіе ихъ двумъ различнымъ вѣдомствамъ: сухопутному и морскому.

Не смотря на всѣ усилія подвинуть оборону впередъ, большинство укрѣпленій имѣли характеръ временныхъ построекъ и состояли, преимущественно, изъ различнаго рода заваловъ и стѣнокъ, сложенныхъ изъ плитняка частію на сухо, частію на глинѣ и съ весьма незначительною высотою. Хотя непрочность этихъ укрѣпленій и малая профиль обусловливались свойствомъ грунта, но князь Меншиковъ былъ недоволенъ размѣрами вновь строющихся укрѣпленій. Онъ справедливо находилъ, что лучше имѣть ихъ менѣе по числу, но прочнѣе по постройкѣ. Власть корпуснаго командира, которою онъ былъ облеченъ, не давала ему права вмѣшиваться въ дѣла инженеровъ и руководить ими. «Вы себѣ представить не мо-

---

[1]) «Въ настоящее время я могу только сказать: дѣлай, что должно дѣлать, случись, что можетъ случиться».

жете, писалъ онъ князю Горчакову [1]), какую борьбу долженъ я выдерживать съ инженерами, строющими мнѣ укрѣпленія едва достаточныя, чтобы прикрыть двѣнадцати-лѣтняго ребенка».

Не разсчитывая много на силу такихъ укрѣпленій, командующій войсками приказалъ, въ мартѣ, загораживать улицы и строить баррикады, чтобы за ними можно было защищаться мужскому населенію города. Охотниковъ для такой защиты явилось весьма много, но для вооруженія ихъ не было ружей. «Я бы могъ, писалъ князь Меншиковъ военному министру [2]) употребить ихъ (охотниковъ) для защиты амбразуръ, но я не имѣю оружія для раздачи, даже пикъ противъ штурма, потому что въ этой мѣстности нѣтъ возможности пріобрѣсти шестовъ. Рекруты, которые придутъ къ намъ также съ пустыми руками, будутъ только однимъ бременемъ. Не могутъ ли они захватить ружья при проходѣ черезъ депо?»

По Высочайшему повелѣнію, было отпущено изъ херсонскаго склада 2.000 кремневыхъ ружей, которые и предполагалось раздать охотникамъ и разнымъ нестроевымъ командамъ.

Въ такомъ положеніи находился Севастополь, когда 17-го марта въ виду его снова появились два непріятельскіе парохода, очевидно, имѣвшіе цѣлью обозрѣніе береговъ Крымскаго полуострова. Съ этого времени, крейсерство союзныхъ пароходовъ не прекращалось почти до дня высадки и мы крайне сожалѣемъ, что не можемъ войти въ подробности движеній и дѣйствій, какъ непріятельскаго, такъ и нашего черноморскаго флота.

Здѣсь мы скажемъ только, что по характеру производимыхъ рекогносцировокъ видно было, что непріятель сосредоточивалъ все свое вниманіе на Севастополѣ и Керчи. Опасеніе, чтобы союзники не прорвались въ Азовское море, и тѣмъ не лишили насъ средствъ къ удобнѣйшей доставкѣ всего необходимаго для войскъ, расположенныхъ въ Крыму, заставляли принять мѣры къ прегражденію Керченскаго пролива. Князю Меншикову, занятому приведеніемъ Севастополя въ оборонительное положеніе, не было никакой возможности слѣдить въ тоже время и за работами по защитѣ Керченскаго пролива, а потому, въ концѣ апрѣля 1854 года, состоялось Высочайше повелѣніе, по которому защита этого пролива была возложена на исключительное попеченіе наказнаго атамана войска донскаго, генерала Хомутова. Послѣднему подчинена была вся

---

[1]) Отъ 24-го марта 1854 года.

[2]) Въ письмѣ отъ 18-го марта 1854 года.

мѣстность между Керчью, Ѳеодосіею и Арабатомъ со включеніемъ и этихъ пунктовъ,—словомъ, вся территорія, такъ называемаго. Керченскаго полуострова. Такимъ образомъ, весь полуостровъ, относительно обороны, былъ раздѣленъ на двѣ части: на западную или бо̀льшую, защита которой была поручена князю Меншикову, и восточную или мѐньшую, оборона которой лежала на обязанности Хомутова.

Такое раздѣленіе власти, было какъ нельзя болѣе кстати, потому что дозволяло князю Меншикову обратить исключительное вниманіе на Севастополь, которому въ это время, несомнѣнно, грозила наибольшая опасность. Снятіе осады Силистріи и, затѣмъ, отступленіе нашихъ войскъ изъ княжествъ дало иной оборотъ военнымъ дѣйствіямъ. «Les positions respectives sont changées, писалъ Меншиковъ, et celle de la Crimée devient moins assurée qu'elle ne l'a été jusqu'ici».

Дѣйствительно, занятые происшествіями на Дунаѣ и обѣщавшіе оказать помощь туркамъ, англо-французы не въ состояніи были отдѣлить значительный отрядъ для высадки въ Крымъ и потому наши войска расположенныя на полуостровѣ, по своей численности еще могли противостоять непріятельскимъ покушеніямъ. Теперь же, съ отступленіемъ нашихъ войскъ изъ при-Дунайскихъ княжествъ, союзники, не опасаясь болѣе за турокъ, имѣли полную возможность, высадить если не всѣ, то большую часть своихъ силъ, значительно превышающихъ тѣ, которыя были въ распоряженіи князя Меншикова. При томъ же, союзникамъ необходимо было заявить о своемъ существованіи, а не оставаться въ Турціи безъ всякой дѣятельности. Явиться на защиту Порты, быть праздными зрителями совершающихся событій и терять людей отъ болѣзней, было бы несообразно съ достоинствомъ и военною честью двухъ морскихъ державъ. Крымъ казался англо-французамъ ближайшимъ и единственнымъ мѣстомъ куда они могли броситься съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ успѣха. Англійскія газеты были переполнены статьями разбиравшими положеніе союзниковъ и доказывавшими необходимость наступательнаго образа дѣйствій, какъ единственнаго средства къ достиженію какого либо результата. Газета Times прямо указывала на Крымъ, какъ мѣсто на которое долженъ быть направленъ ударъ.

«Въ то время, говорила она [1]), когда русскіе дѣйствовали наступательно за Дунаемъ, союзники обязаны были подкрѣпить оборо-

---

[1]) Въ нумерѣ отъ 3 (15) іюня 1854 года.

нительную линію турокъ со стороны Константинополя и удерживать въ своихъ рукахъ какъ проходы черезъ Балканы, такъ и прибрежныя крѣпости. Теперь же, съ отступленіемъ рускихъ, не можетъ входить въ намѣреніе союзныхъ генераловъ направлять свои войска въ Молдавію, или преслѣдовать ихъ въ томъ случаѣ, если бы они отступили въ Бессарабію. Нужно искать другихъ средствъ для нанесенія чувствительнаго удара Россіи, ключь господства которой на Черномъ морѣ заключается въ обладаніи Крымомъ. Севастополь сдѣлавшись первокласною крѣпостью дозволяетъ русскому флоту господствовать надъ дунайскими гирлами, угрожать берегамъ Малой Азіи и въ нѣсколько часовъ перенести армію къ самому Босфору.

«Морскія державы не могутъ постоянно содержать флотъ для наблюденія за Севастополемъ и потому главная цѣль политики и войны не можетъ быть достигнута до тѣхъ поръ пока будутъ существовать Севастополь и русскій флотъ. Но разъ только этотъ центръ могущества Россіи на югѣ имеріи будетъ уничтоженъ, разрушится и все зданіе сооруженіемъ котораго Россія занималась сотню лѣтъ. Взятіе Севастополя и занятіе Крыма вознаградятъ всѣ военныя издержки и рѣшатъ вопросъ въ пользу союзниковъ».

По мнѣнію англичанъ, Крымъ во многихъ отношеніяхъ былъ благопріятенъ для дѣйствій союзниковъ. Климатъ южной его части здоровъ, тогда какъ сѣверной болотистой части полуострова онъ заразителенъ. Берега изрѣзаны многочисленными бухтами и Ѳеодосійская на столько обширна, что въ ней можетъ помѣститься флотъ и служить операціонною базою. Тѣ же самые берега представляютъ многія удобства для подвоза ко всевозможнымъ пунктамъ подкрѣпленій, продовольствія и даже артиллеріи. Русскія войска, напротивъ, принуждены будутъ проходить обширныя степи южныхъ провинцій Имперіи.

Такъ говорилъ наиболѣе распространенный въ Англіи органъ печати, присовокупляя, что «укрѣпленія Севастополя съ сухопутной стороны не особенно страшны если не сдѣланы таковыми за послѣднее время. Положеніе города на возвышенности командуетъ фортами, построенными для защиты гавани и огонь послѣднихъ вѣроятно мало будетъ мѣшать дѣйствіямъ предпринятымъ позади города и къ тому же на возвышенной мѣстности. Итакъ мы полагаемъ, что 40 тыс. человѣкъ, опираясь на флотъ, могли бы съ успѣхомъ дѣйствовать противъ того числа войскъ, которое Россія можетъ направить въ Крымъ. Что союзныя государства будутъ

дѣйствовать именно въ этомъ направленіи насъ убѣждаетъ то, что изъ французскихъ и англійскихъ арсеналовъ отправлены осадныя орудія большихъ калибровъ». Подробности высадки уже разрабатывались въ Парижѣ и намѣренія союзниковъ не были тайною ни для одного изъ европейскихъ дворовъ.

«Спѣшу тебя увѣдомить любезный Меншиковъ, писалъ Императоръ [1]), что со всѣхъ сторонъ подтверждается что скоро тебѣ предстоитъ ожидать сильной атаки на Крымъ, что сегодня еще телеграфической депешей отъ Хрептовича вновь подтверждено и что будто о томъ послано рѣшительное приказаніе адмираламъ. Какъ эта атака послѣдуетъ во все не знаю; вѣроятно высадкой у Ѳеодосіи, ежели прежде замышлявшаяся у Евпаторіи на Перекопъ несбыточна».

Итакъ экспедиція въ Крымъ была уже рѣшена союзниками и и оставался только нерѣшеннымъ вопросъ; куда будетъ направленъ ударъ, въ какомъ пунктѣ будетъ произведа высадка? «Нѣтъ сомнѣнія, писалъ военный министръ князю Меншикову [2]), что Англія, въ настоящей войнѣ, поставляетъ себѣ главнѣйшею цѣлью уничтоженіе нашего преобладанія на Черномъ морѣ, *но едвали можно допустить чтобы непріятель рѣшился прямо атаковать Севастополь* для истребленія тамъ нашего флота. Надобно полагать, что англичане, съ свойственною имъ осторожностью и послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ, будутъ стараться предварительно утвердиться на какомъ либо другомъ пунктѣ Крыма, чтобы имѣть тамъ складъ запасовъ, убѣжище для флота и основаніе для дѣйствія дессантныхъ войскъ на сухомъ пути».

Основываясь на этомъ и на извѣстіяхъ иностранныхъ газетъ наше министерство сначала болѣе всего опасалось за Ѳеодосію, но впослѣдствіи должно было отказаться отъ своего взгляда. Городъ этотъ не представлялъ никакихъ выгодъ для занятія его союзниками. Они могли высадиться въ Ѳеодосіи только для того, чтобы двинуться къ Севастополю, или сдѣлать набѣгъ на Арабатъ съ цѣлью разстроить наши подвозы, или, наконецъ, дѣйствовать въ тылъ войскамъ расположеннымъ въ Керчи. Завладѣть этимъ городомъ и открывши себѣ входъ въ Азовское море они могли уничтожить наше каботажное плаваніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить насъ средствъ доставлять водою продовольственныя и боевыя припасы для Крым-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 18 іюня 1854 г.

[2]) Отъ 11 іюля 1854 г. за № 9152.

ской арміи. Съ этой точки зрѣнія Феодосія должна была имѣть большую важность въ общей системѣ обороны, но входя въ ближайшее разсмотрѣніе вопроса, дѣло это представлялось въ иномъ видѣ.

Чтобы овладѣть какимъ либо пунктомъ непріятель прежде всего долженъ былъ высадить на берегъ самостоятельный отрядъ, снабженный всѣмъ необходимымъ, и, утвердившись на сухомъ пути, дѣйствовать наступательно. Феодоссія не была пунктомъ удовлетворяющимъ такимъ условіямъ и требованіямъ. Расположенный у подошвы окружающихъ высотъ, городъ этотъ не обладаетъ хорошею гаванью, удобною для высадки. Въ Феодосіи, собственно говоря нѣтъ гавани, а есть открытый рейдъ, правда никогда не замерзающій и удобный для комерческихъ судовъ, но по своей глубинѣ дозволяющій линейнымъ судамъ останавливаться только въ открытомъ морѣ, далеко отъ города. По этому при овладѣніи городомъ англо-французы должны бы были отказаться отъ содѣйствія флота и за тѣмъ имъ все таки трудно было бы держаться въ городѣ подверженномъ дѣйствію огня съ окрестныхъ высотъ и имѣющемъ столь мало прѣсной воды, что ее едва хватало на довольствіе незначительнаго гарнизона, въ то время тамъ находившагося.

Съ занятіемъ Феодосіи непріятель не пріобрѣталъ никакихъ выгодъ и чтобы достигнуть какихъ либо результатовъ, какъ мы сказали уже, долженъ былъ предпринять наступательное движеніе или на Севастополь, Арабатъ или Керчь. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ былъ отдалиться отъ флота, углубиться внутрь полуострова, пройти 200 верстъ безъ достаточныхъ перевозочныхъ средствъ, по странѣ бѣдной продовольствіемъ съ вѣроятіемъ выдержать нѣсколько сраженій, съ рискомъ быть разбитымъ и, при невозможности вернуться на суда, совершенно уничтоженнымъ.

Тѣ же самыя затрудненія, хотя и въ меньшей степени, представлялись непріятелю при движеніи на Арабатъ или Керчь. Высадиться же прямо въ Керчи по мнѣнію князя Меншикова было крайне неудобно «по тѣснотѣ мѣстности, не дозволяющей направить вдругъ большой десантъ». Къ тому же приближеніе равноденственныхъ бурь, усиливающихъ неудобство Керченскаго залива, дѣлало мало вѣроятнымъ возможность высадки союзниковъ въ этомъ пунктѣ.

Съ достовѣрностью можно было сказать, что на всемъ Крымскомъ полуостровѣ только одинъ Севастополь могъ привлекать

серьезное вниманіе англо-французовъ. Князя Меншикова увѣдомляли изъ Варшавы, Вѣны и другихъ мѣстъ, что главныя силы союзниковъ направляются на Севастополь. Береговая оборона этого города была на столько сильна, что можно было быть увѣреннымъ что непріятель, не рѣшившись атаковать портъ съ моря, высадится на берегу, гдѣ нибудь въ окрестностяхъ города и поведетъ атаку сухимъ путемъ. Ближайшія къ Севастополю бухты Херсонесскаго полуострова, точно также какъ и Балаклавская, по своей необширности и тѣснотѣ входа, не могли считаться удобными для высадки значительной массы войскъ и слѣдовательно союзникамъ оставалось избрать мѣсто сѣвернѣе города.

Произведенный непріятельскими крейсерами тщательный осмотръ всего прибрежья отъ Херсонесскаго полуострова до Евпаторіи, сдѣланные имъ промѣры и опись берега въ этомъ мѣстѣ, не оставляли никакого сомнѣнія, что высадка будетъ произведена именно въ этомъ направленіи, весьма удобномъ для подобнаго предпріятія. Въ самомъ дѣлѣ большая часть пространства между Евпаторіею и Севастополемъ представляла открытую равнину съ пологими берегами постепенно возвышающимися къ Севастополю. Подойдя къ такому берегу съ десантомъ, непріятель имѣлъ возможность предварительно обстрѣлять его, потомъ, подъ прикрытіемъ огня съ многочисленныхъ судовъ своего флота, произвести высадку и утвердившись на сушѣ, подъ защитою того же флота, слѣдовать вдоль берега къ Севастополю.

Во второй половинѣ іюня командующему войсками въ Крыму было доставлено показаніе корабельнаго смотрителя, титулярнаго совѣтника Янникова, взятаго въ плѣнъ, 14-го апрѣля, на евпаторійскомъ рейдѣ. Освобожденный изъ плѣна, Янниковъ былъ отправленъ въ Россію черезъ Вѣну, гдѣ разсказывалъ барону Мейендорфу, что, будучи захваченъ англо-французами, онъ тотчасъ былъ приведенъ къ адмиралу Гамелену, забросавшему его множествомъ вопросовъ, относившихся до Крымскаго полуострова.

— Сколько войскъ въ Крыму? спрашивалъ Гамеленъ; сколько матросовъ и солдатъ въ Севастополѣ? сколько кораблей, пароходовъ, орудій и какихъ калибровъ? Каковы средства края и можно ли найти въ Крыму достаточное число лошадей?

Янниковъ отвѣчалъ, что ему неизвѣстно положеніе края.

— Какъ расположены татары къ христіанскому населенію? продолжалъ разспрашивать французскій адмиралъ; гдѣ находится князь Меншиковъ и знаютъ ли въ Севастополѣ, что его хотятъ атаковать

одновременно съ моря и съ сухаго пути? Есть ли казармы въ Евпаторіи и въ прочихъ мѣстахъ Крыма? хороша ли дорога между Евпаторіею и Севастополемъ и между Севастополемъ и Балаклавою?

«Этотъ допросъ, писалъ баронъ Мейендорфъ [1]), заставляетъ предполагать, что распространенные слухи о намѣреніяхъ нашихъ непріятелей имѣютъ большую вѣроятность. Этотъ же чиновникъ, между прочимъ, мнѣ сообщилъ, что французскіе корабли (пароходы?) сдѣлали промѣры и описи береговъ окрестностей Евпаторіи съ такимъ стараніемъ, что это заставляетъ предполагать, *что на этомъ мѣстѣ будетъ произведена предполагаемая высадка*».

Къ этому надо прибавить, что шкипера прибывавшихъ въ наши порты купеческихъ судовъ также единогласно утверждали, что Евпаторія избрана союзниками мѣстомъ высадки.

Послѣ полученія всѣхъ этихъ свѣдѣній, князю Меншикову, хорошо знакомому съ мѣстностью полуострова и свойствами его береговъ, не трудно было уже опредѣлить, съ нѣкоторою вѣроятностью, мѣсто высадки непріятеля. Указывая на пространство между Севастополемъ и Евпаторіею, какъ на такую часть берега, гдѣ непріятель можетъ явиться въ Крыму въ значительнымъ силахъ, князь Александръ Сергѣевичъ, между прочимъ, писалъ [2]), что переходъ черезъ рѣчки (Алму и Качу), протекающія въ этой мѣстности и черезъ овраги съ крутыми берегами, представитъ непріятелю нѣкоторое затрудненіе и, по его словамъ, «*это будутъ именно тѣ позиціи*, съ которыхъ мы будемъ дѣйствовать противъ его силъ, имѣя въ тоже время въ виду перейти въ наступленіе при первой возможности».

Съ оставленіемъ нами при-Дунайскихъ княжествъ, англо-французы, по мнѣнію князя Меншикова, могли обратить на дѣйствія въ Крыму отъ 50,000 до 60,000 человѣкъ, не считая турецкихъ войскъ. Такое число значительно превышало численность нашихъ силъ, сосредоточенныхъ въ Севастополѣ и его окрестностяхъ и простиравшихся не многимъ болѣе 24,000 человѣкъ съ 36 легкими орудіями.

— Войска мои хороши, говорилъ князь, но я долженъ сказать, что при отсутствіи батарейныхъ орудій, немногочисленная моя легкая артилерія принуждена будетъ дѣйствовать не иначе, какъ подъ огнемъ непріятельскихъ штуцерныхъ. Я имѣю приказаніе и обязанъ защищаться до крайности, но за всѣмъ тѣмъ мнѣ пред-

---

[1]) Канцлеру отъ 16-го (28-го) іюня 1854 г. Госуд. арх. XI, № 1256

[2]) Князю Долгорукову, отъ 22-го іюня 1854 г.

стоитъ быть раздавленну безъ успѣха, если непріятель высадитъ отъ 50 до 60 тысячъ человѣкъ, не считая турокъ [1]).

Все это заставляю командующаго войсками хлопотать о скорѣйшей присылкѣ подкрѣпленій и онъ просилъ князя Горчакова, не ожидая распоряженій изъ Петербурга, прислать къ нему 16-ю пѣхотную дивизію, двинувъ ее немедленно къ Перекопу. «Я располагаю здѣсь, писалъ князь Меншиковъ военному министру [2]), числомъ людей равнымъ или нѣсколько поменьше того, какое союзники имѣли возможность высадить для дѣйствій противъ Севастополя; теперь же, обезпеченные на Дунаѣ, они въ состояніи послать сюда цѣлую армію вдвое сильнѣйшую тѣхъ силъ, которыя я могу имъ противопоставить».

«Мы будемъ сражаться съ мужествомъ, самоотверженіемъ и съ патріотизмомъ, которые выскажутся въ каждомъ подданномъ Императора въ столь критическую минуту, но пока сѣверъ Крыма не будетъ занятъ подкрѣпленіемъ состоящимъ хотя изъ одной бригады съ ея артиллеріею, непріятель будетъ имѣть болѣе шансовъ на успѣхъ, чѣмъ мы.

«Я разсчитываю, что ему нужно еще отъ четырехъ до шести недѣль, а можетъ быть и болѣе, для организаціи въ большомъ размѣрѣ такой противъ Севастополя экспедиціи, которая могла бы быть самою рѣшительною изъ всѣхъ, кои онъ можетъ предпринять.

«Мнѣ кажется что во время этихъ приготовленій 16-я пѣхотная дивизія будетъ имѣть время возвратиться къ намъ, вся или частью изъ Бессарабіи, гдѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ войско это составляетъ излишнюю роскошь. Крымъ теперь есть именно тотъ важный и существенный (essentiel) пунктъ, гдѣ долженъ рѣшиться вопросъ о нашемъ вліяніи на Востокѣ. Подумайте объ этомъ, дорогой князь, и вспомните старую пословицу: «le ciel est du côté des gros bataillons».

Высказывая эту пословицу, князь Меншиковъ зналъ уже, что въ Варнѣ сосредоточено значительное число союзныхъ войскъ и ежедневно прибываютъ новыя; что въ Константинополѣ происходитъ большое движеніе судовъ; что французы формируютъ осадные парки, строятъ понтоны, мелководные баркасы, подвозныя лодки и проч.; что въ столицу блистательной Порты прибываютъ ко-

---

[1]) Письма князя Меншикова князю Долгорукову, отъ 21-го, и князю Горчакову, отъ 22-го и 30-го іюня 1854 года.

[2]) Въ письмѣ отъ 29-го іюня 1854 года Воен. учен. арх. д. № 4,251 ч. I.

рабли и пароходы съ войсками, провіантомъ, военными снарядами и, не выгружая ихъ, отправляются въ Варну, куда выступаютъ изъ Галлиполи и остальныя войска союзниковъ. Князю Меншикову было сообщено, что оба союзные главнокомандующіе оставили Константинополь и также отправились въ Варну; что слѣдомъ за ними поѣхали туда же принцъ Наполеонъ, герцогъ Кембриджскій и другіе генералы союзной арміи. Намъ извѣстно было, что союзники закупали буксирные пароходы и зафрахтовывали, по мѣсячно, турецкія купеческія суда, не поясняя, впрочемъ, въ какой изъ портовъ Чернаго моря должны они будутъ слѣдовать [1]).

Скоро узнали, что въ Варнѣ на рейдѣ стоятъ 250 транспортныхъ судовъ, кромѣ флота и купеческихъ пароходовъ, что тамъ дѣлаются всѣ приготовленія къ обширной экспедиціи, а въ городѣ и окрестностяхъ сосредоточено до 40,000 союзныхъ войскъ предназначенныхъ для дѣйствія противъ Севастополя.

Заглядывая въ будущее и понимая послѣдствія, которыя могутъ произойти съ паденіемъ Севастополя и съ уничтоженіемъ черноморскаго флота, князь Меншиковъ, въ теченіе всего іюня и іюля, просилъ безпрерывно письменно и словесно, черезъ посланныхъ, о скорѣйшей присылкѣ ему подкрѣпленій.

— Я настаиваю въ Петербургѣ, говорилъ онъ пророчески [2]), на необходимости подкрѣпленія, потому что если наши морскія силы будутъ уничтожены, то въ теченіи *двадцати лѣтъ* [3]), мы будемъ лишены всякаго вліянія на Востокѣ, такъ какъ всѣ доступы къ нему, какъ моремъ, такъ и черезъ княжества будутъ для насъ недосягаемы.

Въ Петербургѣ видѣли опасное положеніе Крыма, но для усиленія его боевыхъ средствъ не рѣшались тронуть войска, находившіяся подъ начальствомъ фельдмаршала, все еще утверждавшаго что главный узелъ настоящей войны будетъ развязанъ на западной нашей границѣ. Онъ не только не соглашался отдѣлить отъ себя какую либо часть войскъ, но напротивъ, просилъ о присылкѣ еще одной дивизіи, прибытіе которой въ Царство Польское, по его словамъ, «принесетъ, безъ сомнѣнія, большую пользу».

— Каковъ бы не былъ планъ кампаніи французовъ, говорилъ фельдмаршалъ, не они, не англичане и не турки, а австрійцы всего намъ опаснѣе.

---

[1]) Воен. ученый арх., дѣло № 3,361.

[2]) Въ письмѣ князю Горчакову, отъ 30-го іюня 1854 г.

[3]) Онъ ошибся весьма не многимъ.

Князь Варшавскій находилъ, что предпріятія англо-французовъ на Крымъ не могутъ быть опасны, «ибо князь Меншиковъ имѣетъ до 25 тыс. войскъ и до 20 тыс. матросовъ, половину которыхъ можетъ вооружить. Атаковать же 45 тыс. русскихъ войскъ для дессанта, хотя бы въ 50 тыс., или 60 тыс., не такъ легко» [1]).

Правъ или неправъ былъ въ этомъ случаѣ князь Варшавскій — это вопросъ другой, но справедливость требуетъ сказать, что тогдашнее поведеніе Австріи повидимому оправдывало опасенія стараго вождя. Въ поведеніи вѣнскаго кабинета не было ничего прямаго, и опредѣленнаго: вчера казалось что австрійское правительство не раздѣляетъ взглядовъ западныхъ державъ, сегодня кажется, напротивъ, что оно присоединяется къ нимъ. Какъ Россія, такъ и западныя державы были одинаково недовольны политикою Австріи. Всѣ видѣли въ поведеніи вѣнскаго кабинета желаніе принять участіе въ столкновеніи, чтобы безъ всякихъ пожертвованій, при удачѣ, воспользоваться всѣми выгодами участника, а въ противномъ случаѣ скрыться за ширмами своей политики.

Вѣнскій кабинетъ велъ дѣла такъ, какъ будто хотѣлъ оправдать слова своего знаменитаго соотечественника князя Шварценберга, выразившагося однажды что Австрія скоро удивитъ свѣтъ величіемъ, своей неблагодарности. Спасенная Россіею въ 1848 и 1849 годахъ, и чувствовавшая тяжелое иго обязательства и благодарности, Австрія торопилась сбросить ихъ, но не находила къ тому достойныхъ средствъ.

Въ концѣ іюня (28) 1854 года она успѣла заключить съ Турціею договоръ, по которому Порта предоставила исключительно ей протекторатъ при-Дунайскихъ княжествъ, подъ гарантіею двухъ союзныхъ западныхъ державъ. Войдя въ такое соглашеніе съ Турціею и обѣщаясь до времени занять княжества вѣнскій кабинетъ тѣмъ самымъ какъ-бы говорилъ Портѣ: — «я принимаю тебя подъ свое покровительство». Франціи и Англіи Австрія твердила: «я займу княжества и тѣмъ развяжу вамъ руки, заставивъ русскихъ перейти черезъ р. Прутъ; наконецъ она увѣряла Россію, что всѣ враждебныя дѣйствія дѣлаются только для вида, а занятіе княжествъ даже и съ благою цѣлью, чтобы отъ ненависти и фанатизма турокъ, не погибло христіанское населеніе края.

Не высказывая послѣдняго слова Австрія приводила на военное

---

[1]) Всеподд. письмо фельдмаршала отъ 28 іюня 1854 г.

положеніе большую часть своей арміи и располагая ее на границѣ съ Россіею, заставляла наше правительство держать войска въ сборѣ, чтобы быть готовымъ, въ случаѣ разрыва начать военныя дѣйствія. Такое напряженное состояніе возбуждало справедливое негодованіе въ русскихъ людяхъ. Прямой и рыцарски честный характеръ императора Николая I долго недопускалъ возможности двуличія со стороны правительства, обязаннаго ему своимъ спасеніемъ. Онъ вправѣ былъ ожидать, что въ благодарность за русскую кровь пролитую для спасенія Австріи, вѣнскій дворъ не станетъ, безъ причины, на сторону враговъ Россіи. Къ сожалѣнію разочаровавшись въ поведеніи Турціи, также имъ спасенной, императоръ Николай скоро долженъ былъ разочароваться и въ Австріи. «Богъ накажетъ ихъ (австрійцевъ) рано или поздно, пророчески предсказывалъ Государь въ одномъ изъ писемъ къ князю Горчакову [1]), но покуда будемъ осторожны».

— Меня, говорилъ Онъ, всякій можетъ обмануть *разъ*, но за то послѣ обмана Я уже никогда не возвращаю утеряннаго довѣрія [2]).

Поведеніе Австріи вызывало справедливое негодованіе Императора и почувству собственнаго достоинства возбуждало въ немъ естественное желаніе, если не наказать государство обязанное ему своимъ существованіемъ, то по крайней мѣрѣ быть готовымъ встрѣтить непріязненныя съ его стороны дѣйствія и отразить ихъ съ успѣхомъ.

Вотъ причина почему бо́льшая часть нашихъ войскъ была сосредочена на юго-западной границѣ, по сосѣдству съ двумя державами чувствовавшими на себѣ неловкое для нихъ вліяніе Россіи. Въ распоряженіи нашего правительства не оставалось затѣмъ ни одной свободной части, которая могла бы быть безотлагательно отправлена въ Крымъ на помощь князю Меншикову. «Назначить мнѣ пѣхоту *неоткуда*, писалъ Императоръ князю М. Д. Горчакову [3]), *ибо уже ничемъ не располагаю* съ той поры какъ князь Иванъ Ѳедоровичъ (Паскевичъ) взялъ, Меня не спрося, 16-ую дивизію въ Молдавію. Крайне желательно какъ *наискорѣе* отправить хоть одну бригаду съ двумя батареями къ Перекопу. Обсуди *откуда* послать наилучше и *сейчасъ же распорядись*, увѣдомя Меншикова, Анненкова [4])

---

[1]) Въ письмѣ отъ 19-го іюля 1854 г.

[2]) Собственноручное письмо Императора князю Варшавскому отъ 3 (15) іюля.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7 (19) іюля 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 88.

[4]) Новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ.

и Меня. Кажется выборъ пасть долженъ на 16-ю дивизію, но я не *гобъ-крисъ-ратъ*; необходимость тебѣ ставлю на видъ, *образъ же исполненія* предоставляю тебѣ, полагаясь на тебя совершенно и увѣренъ бывъ, что также проникнутъ *будешъ* [1]) убѣжденіемъ сей необходимости».

Не расчитывая однакоже чтобы подкрѣпленія эти пришли вóвремя и предполагая, что князь Меншиковъ будетъ атакованъ гораздо ранѣе, военное министерство не видѣло инаго исхода, какъ сообщить генералу Хомутову, чтобы онъ, при первой опасности угрожающей Севастополю, двинулся на помощь князю Меншикову, со всѣми войсками расположенными на Керченскомъ полуостровѣ [2])

Совокупныя дѣйствія этихъ лицъ давали Императору нѣкоторую надежду на возможность успѣшнаго отраженія непріятеля.

«Хотя писалъ я Горчакову, говорилъ Императоръ въ письмѣ князю Меншикову [3]), чтобы онъ старался послать хоть одну бригаду съ двумя батареями, но на прибытіе ее пройдетъ болѣе мѣсяца ты же будешь вѣроятно атакованъ гораздо ранѣе, потому навѣрное расчитывать можешь только на то, что у тебя въ распоряженіи уже есть. Думаю однако, что сего на первый разъ достаточно и вотъ почему: дессантъ, какъ ты говоришь быть можетъ: первое въ Ѳеодосіи, но неудобство его, не говоря уже объ отрядѣ Хомутова, который до того недопуститъ, столь очевидно, что врядъ-ли тамъ серьезнаго дессанта ожидать можно; второе въ Евпаторіи и быть можетъ третье — у мыса Херсонеса, въ одно время для развлеченія силъ. Признаю это гораздо вѣроятнѣе».

«Твой гарнизонъ, кромѣ флота, кажется довольно силенъ, чтобы непріятеля встрѣтить при самой высадкѣ или нѣсколько отступя отъ берега, чтобы не подвергать сильному дѣйствію съ судовъ. Непріятелю же должно будетъ сгружать лошадей, артиллерію и проч.—все это не скоро дѣлается. Но положимъ, что черезъ четыре или пять дней они въ этомъ успѣютъ. Когда же объяснится, что главный дессантъ не въ Ѳеодосіи, а у Евпаторіи или Херсонеса, съ той поры думаю Я, должно сейчасъ Хомутову спѣшить къ тебѣ, и направиться въ тылъ *туда*, гдѣ появленіе его можетъ имѣть наиболѣе успѣха и немедленныхъ послѣдствій. Перейти же

---

[1]) Всѣ слова набранныя курсивомъ подчеркнуты въ подлинникѣ.

[2]) Письмо военнаго министра генералу Хомутову 10 іюля № 423. Арх. канцел. воен. минис. д. № 42.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10 іюля 1854 г. тамъ же.

200 верстъ войска Хомутова *должны и могутъ* [1]) въ пять или шесть дней, безъ большаго напряженія, ежели при томъ ранцы везти на подводахъ. Съ появленіемъ Хомутова въ тылу непріятеля, будь онъ и въ 60 тыс., чѣму что-то я мало вѣрю, онъ ничего важнаго, предпринять не можетъ, а еще менѣе правильную осаду или бомбардировку».

«Атаки съ моря ты не опасаешься—и я также. Стало (быть) надѣясь на милость Божію, на тебя и храбрость твоихъ подчиненныхъ, я буду ожидать съ покорностью, что Промыслъ Всевышняго намъ опредѣлилъ..... Какъ бы я радъ былъ ежелибъ незваные гости объ тебя обломились».

Между тѣмъ князь М. Д. Горчаковъ, получивши просьбу князя Меншикова о присылкѣ къ нему 16-й пѣхотной дивизіи, тотчасъ же двинулъ ее въ Крымъ. Хотя мѣра эта и превышала предоставленную ему власть, но писалъ князь Горчаковъ [2]), «въ убѣжденіи что она будетъ повелѣна Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и что она необходима для пользъ Вашихъ, я на нее рѣшился. Это долгъ совѣсти и вѣрноподданнической присяги. Потеря Крыма и нашего черноморскаго флота имѣли бы самыя гибельныя послѣдствія».

Императоръ вполнѣ оцѣнилъ поступокъ князя Горчакова [3]), и тотчасъ же сообщилъ князю Меншикову о направленіи къ нему подкрѣпленій. «Съ отправленіемъ 16-й пѣхотной дивизіи, писалъ Государь князю Горчакову [4]), менѣе опасаюсь за Крымъ. Полагаю, что непріятель вѣроятно туда обратитъ большія усилія, но и оборону встрѣтитъ отчаянную».

Распоряженіе князя Горчакова объ отправленіи подкрѣпленій князю Меншикову непонравилось фельдмаршалу. Князь Варшавскій не понявъ величія поступка своего бывшаго начальника штаба удивлялся какимъ образомъ князь Горчаковъ могъ рѣшиться обезсилить себя цѣлою дивизіею и тотчасъ же написалъ военному министру записку, въ которой старался доказать, что князю Меншикову подкрѣпленія вовсе ненужны, тогда какъ присутствіе 16-й ди-

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Всепод. письмо кн. Горчакова отъ 6-го іюля. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 88.

[3]) На письмѣ князя Горчакова Государь написалъ: «благородная душа, искренній другъ и вѣрный слуга». «Ты мнѣ вѣрный другъ и слуга, писалъ Императоръ князю Горчакову 21-го іюля, какимъ тебя всегда зналъ и любилъ».

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го іюля 1854 г.

визіи въ южной арміи крайне необходимо. Фельдмаршалъ находилъ что вся задача князя Меншикова должна состоять въ защитѣ одного только Севастополя, не обращая вниманіе на прочіе пункты полуострова.

— Князь Меншиковъ, говорилъ онъ, хочетъ драться въ самомъ Крыму, на цѣломъ полуостровѣ, маневрировать на всемъ протяженіи онаго,—словомъ вести войну внѣ Севастополя. Конечно, если онъ намѣренъ дѣйствовать такимъ образомъ, то ему мало 27 тыс. регулярныхъ войскъ, кромѣ матросовъ, ибо у непріятеля будетъ 60 тыс. человѣкъ. Чтобы отразить ихъ вездѣ, какъ онъ предполагаетъ, ему нужно имѣть тоже по крайней мѣрѣ 60 т. человѣкъ.— Но если защищаться въ одномъ Севастополѣ, то не только 60 т. непріятеля ничего намъ не сдѣлаютъ, но имѣя даже 80 т., онъ долженъ будетъ отступить, ибо 27 т. регулярныхъ войскъ, съ 20 т. матросовъ нельзя форсировать въ укрѣпленіи и восьмидесятью тысячами.

Такъ думалъ фельдмаршалъ, когда дѣло касалось Крыма и его защиты. Онъ находилъ, что союзники и при этой численности не могли отдѣлить значительнаго отряда для занятія Перекопа.

— Но если бы непріятель и рискнулъ, говорилъ онъ, держа Севастополь въ сильной блокадѣ послать 10 тыс. въ Перекопъ, то и тогда не было бы бѣды, ибо безъ кавалеріи, онъ не можетъ далеко отойти отъ Перекопа, тогда какъ атаманъ (донской) тутъ съ кавалеріею. Къ тому же непріятель не можетъ оставаться у Перекопа долѣе 1-го сентября, а потомъ долженъ уйти въ море бросивши всѣ завоеванія. До этого времени онъ Севастополя ни въ какомъ случаѣ взять не можетъ и потому мнѣ кажется прибавлять войска въ Крымъ едва-ли нужно.

«Посылка 16-й дивизіи, писалъ на это Императоръ князю Варшавскому [1]), какъ бы она не была полезна въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе намъ отстоять не только Крымъ, но и Севастополь, котораго защита, по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы, тогда какъ извѣстно съ какими силами союзники собираются атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и быть можетъ рѣшитъ дѣло въ нашу пользу и уничтожитъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Можно надѣяться, по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Вѣны, что австрійцы не атакуютъ ранѣе 8 (20) августа и потому

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 21 іюля (1 августа) 1854 г.

Горчаковъ еще успѣетъ и отойти и соединиться съ Сакеномъ и стать такъ, чтобы лишить австрійцевъ теперешнихъ стратегическихъ выгодъ ихъ расположенія противъ насъ.

«Сохраненіе Крыма, обезпеченіе Севастополя и флота теперь для насъ первѣйшая важность; ежели будемъ такъ несчастливы, что лишимся ихъ—надолго Россія ощущать будетъ этотъ тяжкій ударъ. Отвратить его слико можно предметъ наиважнѣйшій».

Сознаніе этой важности и заставляло князя Меншикова, по полученіи увѣдомленія, что 16-я дивизія можетъ прибыть къ Перекопу между 20 и 23 числами августа принять всѣ мѣры къ облегченію и ускоренію движенія войскъ и хлопотать о доставленіи въ Крымъ на подводахъ хотя передовыхъ полковъ этой дивизіи.

Скорѣйшее прибытіе подкрѣпленій князь Меншиковъ считалъ настоятельно необходимымъ, въ виду совершенной беззащитности Севастополя.

Оборонительная линія укрѣпленій все еще была въ самомъ плохомъ состояніи и работы подвигались весьма медленно. Не имѣя въ своемъ распоряженіи ни денегъ, ни матеріальныхъ запасовъ, князь Меншиковъ принужденъ былъ ограничиваться насыпкою земляныхъ брустверовъ, въ которыхъ не только не было никакихъ блиндированныхъ построекъ, но и пороховыхъ погребковъ. Безпрерывная борьба его со строителями укрѣпленій не привела ни къ какимъ результатамъ. Неподчиненные князю Меншикову инженеры получали приказаніе отъ своего департамента и терялись въ перепискѣ съ Петербургомъ. За неотпускомъ денегъ, они цѣлый годъ строили редюитъ въ Сѣверномъ укрѣпленіи и не достроили его до начала осады. На южной сторонѣ города они весь іюль мѣсяцъ провели въ обтесываніи камней, для возведенія оборонительной казармы, которая должна была примкнуть къ существовавшей уже оборонительной стѣнкѣ. «Не лучше ли бы было, писалъ князь Меншиковъ [1]), употребить эти средства на продолженіе ограды, съ тѣмъ, чтобы сомкнуть ее вокругъ города, окончить бастіоны и устроить помѣщенія, непроницаемыя для снарядовъ». Онъ просилъ, чтобы въ Севастополь былъ присланъ директоръ инженернаго департамента, съ полномочіемъ составить окончательный планъ обороны и приступить безотлагательно къ работамъ. Посылка эта не состоялась, хотя князь Меншиковъ считалъ ее весьма возможною потому, что около этого времени и именно

---

[1]) Военному министру князю Долгорукову 31-го іюля 1854 года.

въ началѣ августа явилось убѣжденіе, что экспедиція англо-французовъ въ Крымъ не состоится въ текущемъ году. Мнѣніе это было на столько сильно, что уже дѣлались соображенія относительно размѣщенія на зимнія квартиры войскъ крымской арміи. Поводомъ къ такому предположенію было полученное изъ Варны извѣстіе о движеніи союзниковъ къ Добруджѣ. Извѣстіе это поставило князя Меншикова въ колебательное положеніе: онъ вѣрилъ и не вѣрилъ тому, что англо-французы имѣютъ еще время высадиться въ Крыму. Вѣрилъ потому, что слухи о скорой высадкѣ не только не опровергались, но, напротивъ, сходились на томъ, что 15-го (27-го) августа назначена посадка войскъ на суда. Онъ долженъ былъ вѣрить въ возможность экспедиціи и потому еще, что въ Варну приведено было изъ Константинополя и другихъ мѣстъ множество транспортныхъ судовъ, очевидно, необходимыхъ для амбаркаціи значительнаго числа войскъ.

С ь другой стороны, князь Меншиковъ видѣлъ, что и безъ того замедлившаяся экспедиція въ Крымъ, съ движеніемъ французовъ въ Добруджу, еще болѣе замедлится и слѣдовательно можетъ состояться развѣ только къ равноденствію или позже, когда время года не будетъ уже благопріятствовать высадкѣ. Не считая удобнымъ, а напротивъ, весьма рискованнымъ со стороны союзныхъ генераловъ пускаться въ море въ такое время года съ значительнымъ десантомъ, Меншиковъ ласкалъ себя надеждою, что, быть можетъ, въ текущемъ году минуетъ опасность и Севастополь не будетъ атакованъ [1]).

Большинство предполагало, что приготовленія въ Варнѣ дѣлаются съ цѣлью ознаменовать кампанію 1854 года уничтоженіемъ нѣкоторыхъ нашихъ прибрежныхъ пунктовъ, напримѣръ, Новороссійска или Анапы. Временный успѣхъ въ этихъ пунктахъ хотя и не могъ имѣть такого значенія, какъ на берегахъ Крыма, но могъ удовлетворить тщеславію союзниковъ и былъ бы провозглашенъ въ цѣлой Европѣ какъ блистательная побѣда, одержанная надъ русскими. Не желая подать повода къ такому провозглашенію, Императоръ Николай счелъ необходимымъ подкрѣпить эти пункты, но не находилъ возможнымъ этого сдѣлать иначе какъ насчетъ князя Меншикова, усиленнаго отправленіемъ въ Крымъ 16-й пѣхотной дивизіи. Признавая полезнымъ часть войскъ, находившихся

---

[1]) Письма князя Меншикова князю Долгорукову 2-го, 5-го и 8-го августа 1854 года.

на Керченскомъ полуостровѣ, перевести на Таманскій, для подкрѣпленія закубанскихъ отрядовъ, Императоръ повелѣлъ князю Меншикову отправить на Керченскій полуостровъ бригаду 17-й пѣхотной дивизіи, а находившіеся тамъ черноморскіе линейные и казачьи пѣшіе баталіоны съ казачьею артилеріею отправить въ Черноморію [1]).

Между тѣмъ, князь М. Д. Горчаковъ, по полученіи достовѣрнаго извѣстія, что 15-го августа назначена посадка на суда экспедиціоннаго корпуса, потребовалъ къ себѣ подполковника Тотлебена.

— Я получилъ, сказалъ князь Тотлебену, достовѣрныя свѣдѣнія, что англо-французы предпринимаютъ высадку въ Крымъ. Поѣзжайте сейчасъ же въ Севастополь и осмотрите въ какомъ положеніи онъ находится. Вотъ вамъ письмо къ князю Меншикову, въ которомъ я отзываюсь о васъ, какъ о знающемъ и опытномъ инженерѣ, какъ о достойномъ ученикѣ Шильдера и предлагаю князю, если онъ найдетъ это полезнымъ, оставить васъ при себѣ. Будьте готовы къ тому, что князь Александръ Сергѣевичъ приметъ васъ непріязненно—онъ щекотливъ къ постороннимъ услугамъ, которыя предлагаются ему помимо его желанія. Не обращайте на это вниманія, будьте осторожны и оставайтесь тамъ, пока будетъ возможно. Не ожидайте себѣ какого либо особаго назначенія, не напрашивайтесь на командованіе, но старайтесь вездѣ быть, все видѣть, осмотрѣть и быть полезнымъ въ Севастополѣ не только при устройствѣ укрѣпленій, но и всюду, гдѣ потребуютъ обстоятельства.

Получивъ такого рода наставленіе, Тотлебенъ отправился въ Крымъ и 10-го августа былъ уже въ Севастополѣ. Вмѣсто того чтобы найти въ немъ кипучую дѣятельность по оборонѣ города, онъ нашелъ всѣхъ совершенно спокойными. По всему замѣтно было, что мнѣніе, будто бы высадка не состоится въ текущемъ году, проникла уже во всѣ слои общества и сдѣлалась достояніемъ жителей города. Въ одномъ только флотѣ замѣтны были усиленныя работы, но и онѣ вовсе не относились къ защитѣ города.

Въ день пріѣзда Тотлебенъ явился къ командующему войсками.

— Съ какими вѣстями пріѣхали вы въ Севастополь? спросилъ его князь Меншиковъ.

Тотлебенъ передалъ ему письмо князя Горчакова.

— Въ этомъ письмѣ, сказалъ онъ свѣтлѣйшему, князь Михаилъ Дмитріевичъ объясняетъ причины моего пріѣзда въ Севастополь.

---

[1]) Собственноручное письмо Императора князю Меншикову 1-го августа 1854 года.

Князь Меншиковъ вскрылъ письмо князя Горчакова.

«Я смотрю на ваше положеніе, писалъ послѣдній [1]), какъ на затруднительное въ высшей степени. Весьма вѣроятно, что англо-французы высадятъ около 50,000 человѣкъ, и съ подобными силами весьма возможно, что, отбросивъ васъ къ Севастополю, начнутъ осаду города съ сухопутной стороны. Вы можете быть поставлены тогда въ необходимость защищать мѣсто, по меньшей мѣрѣ открытое.

«Въ такомъ случаѣ, всего лучше устроить полевыя укрѣпленія и защищать ихъ по способу турокъ при помощи контръ-апрошей. Но для этого необходимы инженеры не только съ благими намѣреніями и умомъ, но и такіе, которые бывали подъ огнемъ.

«Послѣ того, что вы мнѣ писали однажды [2]), я думаю, что вы не совсѣмъ богаты хорошими инженерами и во всякомъ случаѣ сомнѣваюсь, чтобы вы имѣли такихъ, которые были бы знакомы на практикѣ съ осадою. Поэтому думаю, что окажу вамъ услугу, какъ истинный другъ, предоставляя въ ваше распоряженіе подполковника Тотлебена, который вручитъ вамъ это письмо. Это лучшій ученикъ Шильдера, человѣкъ дѣятельный, разумный и храбрый. Онъ совершенно посвященъ во всѣ таинства покойнаго....

«Если вы полагаете, какъ я въ томъ не сомнѣваюсь, что Тотлебенъ будетъ вамъ полезенъ, то оставьте его у себя, пока я не вызову, потому что его отсутствіе будетъ для меня очень ощутительно, и весьма возможно, что я буду поставленъ въ необходимость просить о его возвращеніи. Если же вы, напротивъ, найдете, что онъ вамъ не нуженъ, то пришлите мнѣ его сейчасъ же».

Первое свиданіе подполковника Тотлебена съ княземъ Меншиковымъ происходило позднимъ вечеромъ, такъ что ставни, такъ называемаго, Екатерининскаго дворца, гдѣ жилъ свѣтлѣйшій, были заперты. При тускломъ освѣщеніи комнаты, князь Александръ Сергѣевичъ долго разбиралъ передъ свѣчкою письмо князя Горчакова, при чтеніи котораго, по временамъ, насмѣшливая улыбка нѣсколько разъ скользила по лицу читавшаго.

— Князь Горчаковъ, по своей разсѣянности, проговорилъ онъ, продолжая читать письмо, вѣроятно, забылъ, что у меня въ Севастополѣ цѣлый саперный баталіонъ.

— Отдохните послѣ дороги, сказалъ князь Меншиковъ, обра-

---

[1]) Отъ 1-го августа. Воен. учен. арх., дѣло № 4,253, ч. II.

[2]) См. письмо князя Меншикова отъ 24-го марта 1854 года.

щаясь по окончаніи чтенія къ подполковнику Тотлебену, а затѣмъ поѣзжайте обратно въ дунайскую армію.

Имѣя приказаніе князя Горчакова и помня его наставленія, Тотлебенъ рѣшился, однакоже, оставаться въ Севастополѣ, до тѣхъ поръ, пока окажется возможнымъ и въ промежутокъ этого времени ознакомиться съ состояніемъ севастопольскихъ укрѣпленій.

Съ этою цѣлью, онъ на слѣдующій же день осмотрѣлъ форты и приморскія батареи, преграждавшіе непріятельскому флоту входъ на рейдъ и обезпечивавшіе городъ отъ атаки съ моря. Эта часть обороны была найдена имъ во всѣхъ отношеніяхъ въ превосходномъ состояніи. Почти всѣ укрѣпленія были долговременной профили, отлично вооружены, имѣли перекрестную оборону фарватера и находились въ полной готовности встрѣтить непріятеля. При содѣйствіи черноморскаго флота, стоявшаго на рейдѣ и въ южной бухтѣ въ боевомъ порядкѣ, форты и батареи могли сосредоточивать на различныя точки фарватера одновременно до 300 выстрѣловъ.

Осмотрѣвъ всѣ эти укрѣпленія, Тотлебенъ не могъ не выразить, что Севастополь, со стороны моря, можно считать почти недоступнымъ и въ разговорѣ съ однимъ изъ лицъ, близкихъ князю Меншикову, онъ отозвался, что приморская оборона города находится въ такомъ состояніи, что она можетъ отбить охоту у самаго предпріимчиваго непріятеля заглянуть въ севастопольскую бухту. Слова эти были тотчасъ же переданы князю Меншикову и подозрѣнія послѣдняго, что Тотлебенъ присланъ для критической оцѣнки его дѣйствій по укрѣпленію города, отчасти разсѣялись и замѣнились нѣкоторою долею расположенія. На слѣдующій день князь Александръ Сергѣевичъ пригласилъ подполковника Тотлебена къ себѣ обѣдать, былъ очень веселъ, ласковъ и простеръ свою любезность до того, что самъ предложилъ осмотрѣть сухопутныя укрѣпленія Севастополя. Тотлебенъ воспользовался этимъ предложеніемъ и въ сопровожденіи адъютанта князя, ротмистра Грейга, объѣхалъ городъ съ южной стороны. Осмотръ этотъ произвелъ на него совершенно противуположное впечатлѣніе: на сколько Севастополь обезпеченъ былъ отъ атаки съ моря, на столько же, если еще не болѣе, онъ беззащитенъ былъ съ сухаго пути. Здѣсь были только начатки укрѣпленій, но не самыя укрѣпленія; здѣсь вся оборонительная линія состояла изъ нѣсколькихъ батарей, слабо вооруженныхъ артилеріею, которая, какъ выразился Тотлебенъ, могла оказать только нѣкоторое сопротивленіе татарамъ, а не регулярнымъ войскамъ.

Отзывъ Тотлебена о беззащитности Севастополя съ сухопутной стороны не понравился князю Меншикову и на слѣдующій день за обѣдомъ, на который приглашенъ былъ и Тотлебенъ, свѣтлѣйшій, будучи вообще возстановленъ противъ инженеровъ, въ присутствіи человѣкъ двѣнадцати разсказалъ анекдотъ, указывавшій, по его мнѣнію, на сколько иногда инженеры понимаютъ свое дѣло и съ какою осторожностію слѣдуетъ довѣряться ихъ знанію.

— Въ турецкую войну 1810 года, — такъ началъ князь, — въ которой, подъ начальствомъ графа Каменскаго, мы съ княземъ М. Д. Горчаковымъ участвовали поручиками артилеріи, графъ Каменскій, прибывъ къ Рущуку, рѣшился овладѣть имъ немедленно. Чтобы штурмъ удался вѣрнѣе и съ меньшими потерями, онъ спросилъ объ этомъ мнѣніе состоявшаго при его штабѣ инженера изъ иностранцевъ. По происхожденію голандецъ, инженеръ этотъ, у себя въ Голандіи, былъ простымъ каменьщикомъ, работалъ въ крѣпостяхъ и впослѣдствіи поступилъ въ нашу службу капитаномъ. Голандецъ отвѣтилъ графу, что для полнаго успѣха необходимо передъ крѣпостью поставить рядъ маленькихъ габіоновъ (туровъ), отъ нихъ ближе къ крѣпости поставить другіе габіоны, съ тѣмъ, чтобы подъ защитою ихъ двинуть войска и овладѣть Рущукомъ. Вотъ, продолжалъ князь Меншиковъ, по указанію голандца, поставили мы рядъ маленькихъ габіоновъ, но лишь только турки замѣтили работу, какъ открыли огонь, разметали поставленные габіоны и принудили наши войска отступить. Тогда графъ Каменскій спросилъ снова голандца, что же теперь предпринять для овладѣнія Рущукомъ? Надобно, отвѣчалъ на это голандецъ, положить теперь рядъ большихъ габіоновъ, за которыми расположить штурмующія колонны и приказать войскамъ катить эти габіоны къ крѣпости и затѣмъ броситься на штурмъ. Положили мы рядъ большихъ габіоновъ и покатили ихъ къ Рущуку, но, къ несчастію нашему, надкнулись на турецкое кладбище, черезъ которое не въ силахъ были перекатить габіоновъ. Турки опять открыли по нашимъ колоннамъ жестокій огонь и выгнали насъ изъ-за габіоновъ. Попытка наша овладѣть Рущукомъ не удалась [1]).

Кончивъ свой разсказъ и будучи вообще въ веселомъ расположеніи духа, князь Александръ Сергѣевичъ, во все время обѣда, не лишалъ себя случая съострить что нибудь на счетъ инженеровъ. Послѣ обѣда онъ пригласилъ къ себѣ въ кабинетъ подполковника

---

[1]) Изъ записокъ капитана 2-го ранга Хомутова.

Тотлебена, и, подойдя съ нимъ вмѣстѣ къ столу, указалъ на лежащую на немъ фортификацію Кармонтаня.

— Хорошее сочиненіе, замѣтилъ свѣтлѣйшій, совѣтую вамъ познакомиться съ нимъ.

Тотлебенъ отвѣчалъ, что, находясь въ инженерномъ училищѣ, онъ изучилъ сочиненіе Кармонтаня и, развернувъ атласъ чертежей, сталъ объяснять князю, къ какому мѣсту текста относится разсматриваемый ими чертежъ.

— Всетаки, сказалъ Меншиковъ, возьмите съ собой эту книгу и просмотрите—хорошее сочиненіе.

Тотлебенъ исполнилъ желаніе князя, но оборона Севастополя отъ этого не выиграла. Время уходило, наступила вторая половина августа, а Тотлебенъ оставался безъ всякой дѣятельности и не получалъ никакихъ приказаній отъ князя. Это не мѣшало князю Меншикову писать, что Горчаковъ «оказалъ мнѣ большую услугу присылкою подполковника Тотлебена, которому я тотчасъ же поручилъ необходимыя работы (que j'ai mis de suite à la besogne). Этотъ офицеръ съ большою дѣятельностію и имѣетъ военный взглядъ, который ставитъ его выше обыкновенныхъ строителей (des bâtisseurs ordinaires) [1]).

Не имѣя никакого порученія и не получая никакихъ приказаній, Тотлебенъ рѣшился, однакоже, не покидать Севастополя и ежедневно выѣзжалъ за городъ, гдѣ знакомился съ окружающею мѣстностію, набрасывалъ на бумагѣ проекты укрѣпленій и даже имѣлъ случай показывать ихъ князю Меншикову, который разсматривалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ.

Среди такого рода занятій, Тотлебенъ узналъ, что въ Севастополѣ совершенно не имѣется шанцоваго и рабочаго инструмента, и что число наличнаго инструмента совершенно ничтожно. Причиною тому, по донесенію главнаго строителя севастопольскихъ укрѣпленій, генералъ-лейтенанта Павловскаго, было то, что на весь 1854 годъ инженерный департаментъ отпустилъ на покупку и починку инструментовъ только 150 рублей. Столь незначительная ремонтная сумма дозволяла имѣть запасъ инструмента не болѣе какъ на 200 человѣкъ рабочихъ, что, очевидно, было совершенно ничтожно въ виду возможной осады города. Необходимость заготовить инструментъ въ большемъ размѣрѣ заставила Тотлебена неоднократно

---

[1]) Письмо князя Меншикова князю Долгорукову, отъ 26-го августа Воен. учен. арх., дѣло № 4,254, ч. I.

обращаться съ этимъ вопросомъ къ князю Меншикову. То прямо отъ себя, то черезъ приближенныхъ князя онъ доводилъ до свѣдѣнія свѣтлѣйшаго, что необходимо безотлагательно приступить къ улучшенію старыхъ и возведенію новыхъ укрѣпленій, а также и къ заготовленію въ обширныхъ размѣрахъ шанцеваго инструмента. Послѣднимъ онъ въ особенности надоѣдалъ командующему войсками. Уступая настаиванію, князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе о заготовленіи инструмента [1]), но былъ увѣренъ что въ немъ не встрѣтится надобности.

— Что вы хлопочите объ инструментѣ, говорилъ онъ подполковнику Тоглебену, теперь уже поздно дѣлать высадку, а къ веснѣ будетъ миръ.

Съ наступленіемъ второй половины августа уничтожились всѣ сомнѣнія и явилась увѣренность въ томъ, что Крыму нечего опасаться непріятельскаго нашествія.

— Я льщу себя надеждою, говорилъ военный министръ [2]), что по крайней мѣрѣ, въ теченіе настоящаго года ни полуостровъ, ни Севастополь не подвергнутся жребію, который казалось ожидалъ ихъ.

Князь Меншиковъ пошелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе. Онъ не только не колебался, но самъ вѣрилъ безусловно и убѣждалъ другихъ въ томъ, что высадка не состоится.

«Предположенія мои совершенно оправдались, писалъ онъ новороссійскому генералъ-губернатору; непріятель никогда не могъ осмѣлиться сдѣлать высадку, а по настоящему позднему времени она невозможна».

Недѣли за двѣ до появленія непріятеля у крымскихъ береговъ, булганакскій помѣщикъ, отставной генералъ-маіоръ Т., безпокоясь тревожными слухами о готовящейся высадкѣ, пріѣхалъ къ Меншикову, чтобы узнать, можетъ ли онъ съ семействомъ оставаться безопасно въ своемъ имѣніи на рѣкѣ Булганакѣ, или благоразумнѣе будетъ выбраться изъ него заблаговременно [3]).

— Предпринять высадку, отвѣчалъ князь Меншиковъ на сдѣланный ему вопросъ, менѣе чѣмъ съ 40,000 человѣкъ непріятелямъ нашимъ невозможно, а 40,000 человѣкъ поднять имъ еще не начѣмъ.

---

[1]) Предписаніе князя Меншикова г. л. Павловскому 23-го августа, Воен. учен. арх., дѣло № 4,306.

[2]) Въ письмѣ князю Меншикову, отъ 16-го августа 1854 г. Воен. учен. арх., дѣло № 4,254, ч. I.

[3]) Изъ записокъ капитана 2-го ранга Хомутова (рукоп.).

Хотя 18-го августа курьеръ изъ Петербурга и привезъ депешу графа Хребтовича о томъ, что англичане упорно настаиваютъ на безотлагательной атакѣ Севастополя, и что приготовленія къ экспедиціи не прекращаются ни въ Константинополѣ, ни въ Варнѣ, но тѣмъ не менѣе князь считалъ это дѣломъ несбыточнымъ. Онъ не придавалъ даже никакого значенія и позднѣйшимъ сообщеніямъ, что на варнскомъ рейдѣ стоитъ множество судовъ, нагруженныхъ уже провіантомъ и боевыми припасами, и что самая посадка войскъ уже началась [1]). Приближеніе равноденственныхъ бурь, обыкновенно бывающихъ въ Черномъ морѣ въ осеннее время года, вселяло на столько сильную увѣренность въ невозможности плаванія съ большимъ десантомъ, что князь Меншиковъ удивлялся даже тому, что князь М. Д. Горчаковъ такъ безпокоился за него и за Крымъ.

«Михаилъ Горчаковъ, писалъ онъ [2]), кажется, убѣжденъ, что союзники не оставляютъ идеи покушенія на Севастополь, ибо онъ только что прислалъ ко мнѣ фельдъегеря, чтобы доставить съ нимъ поскорѣе извѣстіе о высадкѣ ихъ. Я не вѣрю этому вовсе держа себя на сторожѣ и готовый къ встрѣчѣ непріятеля.

«Я думаю, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [3]), что адмиралы и генералы, которые видятъ вещи лучше, чѣмъ видятъ ихъ въ «Downing Street» не послѣдуютъ требованіямъ (impulsions) кабинетовъ, и что мы не будемъ атакованы здѣсь въ теченіи этого года.

«Мы не будемъ атакованы по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что всѣ приготовленія къ значительному десанту не могли выясниться до настоящаго времени, и, вѣроятно, не могутъ быть окончены къ извѣстному сроку, въ виду приближающагося поздняго времени. Вторая причина та, что непріятель знаетъ, что *мы сильны и сосредоточены, и что численное превосходство, независимо отъ позицій, съ приближеніемъ 16-й пѣхотной дивизіи, переходитъ на нашу сторону.* Это положеніе можетъ, очевидно, измѣниться, если война продолжится. Въ 1855 году непріятель будетъ подкрѣпленъ войсками, которыя продолжаютъ къ нему подходить, тогда какъ наши средства къ сопротивленію будутъ уменьшены

---

[1]) Воен.-учен. арх., дѣло № 3,361.

[2]) Письмо князя Меншикова князю Долгорукову 26-го августа. Воен. учен. арх., дѣло № 4,254.

[3]) Князю Долгорукову, отъ 19-го августа 1854 г. Тамъ же.

предположеннымъ уходомъ восьми *прекрасныхъ* баталіоновъ 14-й пѣхотной дивизіи».

Считая вопросъ о высадкѣ союзниковъ отложеннымъ въ долгій ящикъ и желая воспользоваться временемъ, князь Меншиковъ намѣренъ былъ безотлагательно приступить къ болѣе положительному и серьезному укрѣпленію города. Получивъ же 22-го августа вторичное повелѣніе Императора [1]), о немедленномъ возвращеніи въ Черноморію линейныхъ и казачьихъ пѣшихъ баталіоновъ и казачьей артиллеріи, князь Меншиковъ поручилъ генералу Хомутову переправить эти войска на Таманскій полуостровъ. Распоряженіе это, сдѣланное только за нѣсколько дней до высадки, достигло до Хомутова въ день появленія непріятельскаго флота въ виду крымскихъ береговъ, и потому не было приведено въ исполненіе.

1-го сентября 1854 года союзная эскадра остановилась противъ Евпаторіи. Весь этотъ день, говоритъ авторъ «Восточной войны», «союзники были заняты сборомъ отставшихъ судовъ у Евпаторіи и приготовленіями къ высадкѣ. Въ тотъ же день, около полудня, пароходы *Карадокъ*, подъ парламентерскимъ флагомъ, *Сампсонъ* и *Фридландъ* подошли къ городу, а 36-ти пушечный винтовой фрегатъ *Трибунъ*, ставъ еще ближе къ берегу, готовился открыть огонь по городскимъ строеніямъ. Исправлявшій должность коменданта, маіоръ Браницкій, съ командою слабосильныхъ Тарутинскаго егерскаго полка въ числѣ до 200 человѣкъ [2]), отступилъ по дорогѣ на Симферополь. Непріятель, занялъ городъ отрядомъ въ 3 т. человѣкъ съ 12-ю орудіями, оставивъ для поддержанія ихъ нѣсколько судовъ. Въ городѣ найдено союзниками 60 тыс. четвертей пшеницы, принадлежавшей мѣстному купечеству» [3]).

Вотъ все, что говоритъ М. И. Богдановичъ о занятіи Евпаторіи англо-французами, а между тѣмъ занятіе это сопровождалось такими особенностями, которыя, независимо отъ общаго интереса, имѣютъ значеніе и въ исторіи военныхъ дѣйствій въ Крыму. Приведемъ эти подробности въ томъ видѣ, въ какомъ представляются онѣ по нашимъ архивнымъ документамъ.

---

[1]) Изложенное въ собственноручномъ письмѣ отъ 16 августа 1851 г.

[2]) Число это невѣрно и какъ увидимъ въ командѣ Браницкаго было гораздо болѣе нижнихъ чиновъ.

[3]) Количество захваченнаго хлѣба заимствовано авторомъ изъ сочиненія Du Casse, и потому не согласуется съ нашими оффиціальными донесеніями приведенными ниже.

IV.

Появленіе союзнаго флота въ виду крымскихъ береговъ.—Распоряженія князя Меншикова по сосредоточенію войскъ на р. Алмѣ.—Занятіе Евпаторіи англо-французами. Прокламація ихъ къ жителямъ города.—Пріемъ оказанный союзникамъ татарами.—Волненіе въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.—Грабежи и разбои.—Краткое описаніе мѣстности занятой нашими войсками на р. Алмѣ.—Нѣсколько словъ о войскахъ собранныхъ для отраженія первыхъ покушеній непріятеля.—Причины нашей неудачи въ сраженіи 8-го сентября. Князь Меншиковъ и отношеніе его къ войскамъ. Отступленіе къ Севастополю.—Переселеніе жителей полуострова—Симферопольскій пикникъ.—Выселеніе изъ г. Перекопа.—Безпорядки въ городѣ и мѣры къ водворенію спокойствія въ Перекопѣ.

Часу въ десятомъ утра 1-го сентября 1854 года въ Севастополѣ замѣтили приближавшіеся со стороны моря сначала два корабля, а за ними густое облако дыма отъ большаго числа пароходовъ. Находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города телеграфъ сообщилъ, что мимо Тарханъ-Кута прошло уже 70 непріятельскихъ судовъ; потомъ, что появившійся флотъ идетъ въ трехъ колоннахъ, что число судовъ съ каждымъ часомъ увеличивается и, наконецъ, въ шесть часовъ вечера, было донесено, что насчитано до 106 непріятельскихъ вымпеловъ. Прискакавшій, затѣмъ, въ городъ казакъ объявилъ, что судовъ видимо-невидимо, такая сила, что и пересчитать нельзя.

Въ самомъ дѣлѣ, издали казалось, что къ берегу подходитъ большой движущійся городъ со множествомъ дымовыхъ трубъ, фабрикъ и заводовъ. Это былъ союзный флотъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ 330 судовъ разной величины, имѣвшихъ на себѣ до 63,000 человѣкъ пѣхоты, кавалеріи и артилеріи, съ 134 полевыми и 73 осадными орудіями.

Теперь стало очевиднымъ, что всѣ усилія врага клонились къ овладѣнію Севастополемъ, какъ средоточіемъ флота и опорою могущества Россіи на Черномъ морѣ; всѣмъ было понятно, что уничтоженіе этого могущества составляло главную цѣль экспедиціи предпринятой союзниками. Со стороны каждаго русскаго явилось естественное желаніе противодѣйствовать врагу всѣми средствами и преградить путь къ осуществленію его желаній и намѣреній. Въ городѣ проявилась усиленная и торопливая дѣятельность, но ни въ комъ не замѣтно было ни упадка духа, ни унынія. При первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля улицы наполнились народомъ; всѣ шумѣли, спорили и разсуждали о предстоящихъ событіяхъ. Что

предприметъ непріятель? гдѣ остановится, гдѣ высадится и какъ скоро?—вотъ вопросы которые занимали теперь всѣхъ и вызывали горячія пренія, кончавшіеся тѣмъ, что спорившіе, слѣдуя общему движенію толпы, спѣшили по направленію къ зданію морской библіотеки, какъ самому возвышенному пункту въ городѣ, откуда открывался обширный видъ на море и на всѣ окрестности Севастополя. Туда же отправился и князь Меншиковъ въ сопровожденіи вице-адмирала Корнилова. Долго смотрѣли они на непріятельскую эскадру, стараясь опредѣлить то мѣсто, которое будетъ признано союзниками удобнымъ для высадки.

Слѣдя съ большимъ вниманіемъ за всѣми движеніями союзнаго флота, Корниловъ, около десяти часовъ утра, послалъ за состоявшимъ при немъ лейтенантомъ Стеценко.

— Вы получите приказаніе отъ самаго командующаго войсками [1]) сказалъ Корниловъ прибывшему лейтенанту.

— Непріятельскій флотъ, говорилъ князь Меншиковъ обратившись къ Стеценко, показался у Евпаторіи; на немъ есть войска, и нужно думать, что онъ свезетъ десантъ. Поѣзжайте немедленно въ селеніе Кропенталь; тамъ расположенъ казачій полкъ; возьмите столько казаковъ, сколько вамъ нужно, и отправляйтесь съ ними туда, гдѣ будетъ непріятельскій флотъ; возьмите эти конверты и извѣщайте меня о всемъ, что замѣтите.

На конвертахъ было напечатано: *«по приказанію командующаго»*. Донесенія, вложенныя въ такіе конверты, передавались безъ задержки по летучей почтѣ, содержимой казаками.

Отправивъ Стеценко, князь Меншиковъ торопился принять мѣры какъ по защитѣ города, такъ и по сосредоточенію войскъ на р. Алмѣ. Онъ находился въ лихорадочномъ состояніи и какъ человѣкъ, застигнутый врасплохъ, растерялся. Съ этихъ поръ, если можно такъ выразиться, князь Меншиковъ не былъ похожъ на самаго себя—это былъ другой человѣкъ, совершенно не узнаваемый.

Онъ тотчасъ же отправилъ курьера къ князю М. Д. Горчакову съ краткимъ извѣстіемъ, что непріятель высаживается, и разослалъ приказаніе въ Керчь, Симферополь, Перекопъ и Николаевъ, чтобы расположенныя въ этихъ городахъ и ихъ окрестностяхъ войска немедленно выступали въ походъ и слѣдовали къ Симферополю.

«По числу непріятельскихъ судовъ предполагать должно, писалъ

---

[1]) Г-нъ Стеценко въ своихъ «Воспоминаніяхъ и разсужденіяхъ», называетъ князя Меншикова главнокомандующимъ, но это невѣрно. Званіе главнокомандующаго было пожаловано святлѣйшему гораздо позже.

князь Меншиковъ генералъ-адъютанту Кнорринту, [1]) что непріятель имѣетъ дессантъ. Какія онъ имѣетъ намѣренія и гдѣ предприметъ высадку еще не объяснилось, но если непріятель высадившись у Евпаторіи предприметъ движеніе, какъ гласятъ газеты, къ Перекопу, тогда встрѣтится надобность двинуть вашу кавалерію [2]) къ Перекопу, почему прошу васъ имѣть таковую въ совершенной готовности».

Часовъ въ восемъ вечера получено было донесеніе что флотъ становится на якорѣ у Евпаторіи и потому войска бывшія въ Севастополѣ и его окрестностяхъ получили приказаніе быть готовыми къ выступленію по тревогѣ. Съ ранняго утра 2-го сентября, въ лагерѣ на сѣверной сторонѣ Севастополя замѣтно было большое движеніе. Утро было весьма прохладное, но солнце свѣтило ярко. Непріятельскій флотъ ясно былъ видѣнъ изъ города; многочисленныя суда его то сдвигались, то расходились, то подходили къ Евпаторіи, то удалялись отъ нея. Небольшіе пароходы то и дѣло шныряли возлѣ береговъ и, дѣлая промѣры, то приближались къ Севастополю, то убѣгали къ Евпаторіи, по направленію къ которой тянулись и наши войска выступившія изъ города.

Къ полудню, 2-го сентября, Севастополь опустѣлъ, но отсутствіе войскъ пока не смущало еще жителей. Вечеромъ они узнали, что князь Меншиковъ остановился на р. Алмѣ и занялъ войсками высоты лѣваго ея берега.

«Никто не сомнѣвался въ предусмотрительности князя, пишетъ Батьяновъ [3]), всѣ надѣялись на него какъ на полководца достойнаго занимать ввѣренный ему постъ и всѣ оставались покойными въ отношеніи сохраненія предводимыхъ имъ войскъ, и безопасности не только города, но и всего полуострова, тѣмъ болѣе что надѣялись на быстрый спкурсъ отъ генерала Хомутова изъ Ѳеодоссіи и Керчи».

Находившійся въ сел. Аргинъ генералъ отъ кавалеріи Хомутовъ, какъ только получилъ извѣстіе о высадкѣ, тотчасъ же отправилъ въ отрядъ князя Меншикова казачій № 60-го полкъ, а вслѣдъ затѣмъ Московскій полкъ и донскую батарейную № 3-го батарею. «Положеніе наше довольно критическое, писалъ онъ при этомъ князю Меншикову [4]), Богъ да поможетъ вашей свѣтлости

---

[1]) Командовавшему войсками въ Николаевѣ отъ 1-го сентября Воен. учен. арх. д. № 3342.

[2]) Резервная кавалерійская бригада генералъ-лейтенанта Рыжова.

[3]) Дневникъ о Севастопольской осадѣ (рукоп.).

[4]) Отъ 3-го сентября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 3346.

утѣшить Царя. Сохрани насъ Всевышній отъ бѣдъ и напасти— будемъ молить за васъ нашего Искупителя».

Отправленнымъ войскамъ приказано было идти какъ можно скорѣе на р. Алму, на соединеніе съ главнымъ дѣйствующимъ отрядомъ. Хотя люди были облегчены наймомъ подводъ подъ ранцы, но, по случаю дурной и грязной дороги, войска принуждены были оставить обозъ далеко за собою [1]). Обозъ Московскаго полка былъ оставленъ въ Симферополѣ, окрестности котораго представляли небывалое движеніе. Бывшія въ городѣ войска покидали его и спѣшили на Алму. На ихъ мѣсто прибывали другія и тотчасъ же отправлялись далѣе. Изъ Евпаторіи тянулась вереница жителей съ дѣтьми и имуществомъ; многіе симферопольцы покидали городъ, а оставшіеся находились между страхомъ и надеждою. «Довѣрія къ вашимъ войскамъ много, писалъ одинъ изъ обитателей города [2]), но все же страшно для каждаго семейнаго».

Въ эти дни Симферополь былъ похожъ на толчею, въ которой толпились жители, стекавшіеся съ разныхъ концовъ Крыма и искавшіе способа отправится далѣе во внутреннія губерніи Россіи. Переселенцевъ было такъ много, что въ самое короткое время почтовыя лошади были разобраны и курьеры принуждены нѣкоторыя станціи слѣдовать пѣшкомъ. «Не прикажете ли, спрашивалъ по этому случаю Хомутовъ князя Меншикова [3]), чтобы частнымъ лицамъ не выдавали подорожныхъ».

Князю Меншикову было теперь не до подорожныхъ; передъ его небольшимъ отрядомъ стоялъ многочисленный непріятель, поглощавшій все его вниманіе и заботы. Не получая отвѣтовъ на свои вопросы и желая сколь возможно облегчить трудное положеніе князя Меншикова, Хомутовъ отправилъ къ нему своего адъютанта, чтобы на мѣстѣ разъяснить нѣкоторыя недоразумѣнія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, узнать о положеніи и нуждахъ дѣйствующаго отряда.

— Мнѣ нужны подкрѣпленія и подкрѣпленія, отвѣчалъ князь посланному.

Получивъ такой отвѣтъ, наказный атаманъ Войска Донскаго рѣшился оставить Феодосію вовсе безъ защиты и тотчасъ же приказалъ генералу Жабокритскому двинуться въ Симферополь, съ двумя черноморскими пѣшими баталіонами, черноморскимъ резерв-

---

[1]) Рапортъ генерала Жабокритскаго 4-го сентября № 872. «Воен. учен. арх.» дѣло № 3346.

[2]) В. Княжевичъ въ письмѣ къ брату отъ 5-го сентября 1854 года.

[3]) Въ письмѣ отъ 5-го сентября, Воен. учен. арх. дѣло № 3346.

нымъ линейнымъ баталіономъ, четырьмя сотнями донскаго № 67-го полка и донскою конно-легкою № 2-го батареею. Отряду этому приказано слѣдовать какъ можно скорѣе къ Симферополю и тамъ ожидать приказаній князя Меншикова [1]). Одновременно съ этимъ генералъ Хомутовъ передвинулъ изъ Анапы въ Керчь Бутырскій полкъ и послалъ приказаніе двумъ донскимъ полкамъ, № 55-го и № 61-го двинутся въ Крымъ: одному черезъ Чонгарскій мостъ, а другому—черезъ Перекопъ [2]).

Въ то время, когда войска наши сходились съ разныхъ концовъ Крыма, союзный флотъ около полудня 1-го сентября сталъ на якорѣ противъ Евпаторіи. Въ тотъ же день, часу въ четвертомъ пополудни, подошли къ городу, три непріятельскихъ парохода, причемъ на мачтѣ одного изъ нихъ былъ парламентерскій флагъ. За пароходами шелъ 36-ти пушечный винтовый фрегатъ. «Трибунъ», который, подойдя къ городу, повернулъ къ нему бортомъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности открыть огонь. Остановившіеся на разстояніи полуверсты отъ Евпаторіи пароходы спустили два баркаса: одинъ англійскій, другой французскій, также подъ парламентерскими флагами. Приблизившись къ карантинной пристани, парламентеры потребовали коменданта города [3]). Къ нимъ вышелъ маіоръ Браницкій въ походной солдатской шинели.

Они выразили желаніе передать кому нибудь объявленіе военному начальнику г. Евпаторіи, написанное на ломанномъ русскомъ языкѣ и требовавшее сдачи города. Случившійся при этомъ инспекторъ карантина, желая отдалить занятіе города, заявилъ парламентерамъ, что подобныя объявленія слѣдуетъ подать черезъ карантинъ, на что они тотчасъ же согласились.

Объявленіе это заключалось въ слѣдующемъ:

«ПОЗЫВЪ».

«Г-ну военному начальнику города Евпаторіи.

«Главные командующіе союзныхъ войскъ, также морскихъ, какъ и сухопутныхъ, судья что городъ Евпаторія бывшій совершенно безъ всякаго укрѣпленія, не находится въ возможности выдерживать настоящаго нападенія и желая избавить жительямъ сего го-

---

[1]) Рапортъ Хомутова князю Меншикову отъ 5-го сентября № 378.

[2]) Полки эти были расположены въ Маріуполѣ и станицѣ Новониколаевской (на Кривой косѣ).

[3]) Рапортъ маіора Браницкаго князю Меншикову 1-го сентября № 335. Воен. учен. арх. д. № 3323.

рода отъ всѣхъ несчастій, которые могутъ послѣдовать отъ каково ни будь сопротивленія, который впрочемъ военные права и дозволяютъ, требуютъ отъ начальника города или гарнизона опорознить онаго и выдать свободнаго владѣнія союзнымъ войскамъ [1]).»

На фарватерѣ при Евпаторіи 13 сентября нов. стил. 1854 года.

Имѣя приказаніе отступить при первомъ появленіи непріятеля, маіоръ Браницкій въ теченіе двухъ часовъ заливалъ и пересыпалъ извѣстью хлѣбъ, находившійся въ казенныхъ магазинахъ, и затѣмъ оставилъ городъ, вмѣстѣ съ находившимися подъ его командою слабосильными нижними чинами, собранными отъ разныхъ полковъ для пользованія морскими грязями [2]).

Съ удаленіемъ Браницкаго и его команды на городской пристани осталась огромная толпа татаръ, числомъ до 2,000 человѣкъ. Парламентеры обратились тогда къ собравшимся съ требованіемъ, чтобы было доставлено союзникамъ 4,000 окъ [3]) говядины и баранины. На требованіе это городничій Костюковъ отвѣчалъ, что такого количества собрать нельзя, но двое мясниковъ изъ татаръ выдѣлились изъ толпы и заявили, что если имъ будутъ выданы задаточныя деньги, то они доставятъ требуемое. Парламентеры отказались выдать задатокъ, замѣтивъ, что не болѣе какъ черезъ часъ городъ будетъ занятъ союзниками.

Дѣйствительно, около пяти часовъ пополудни къ евпаторійской пристани подошли нѣсколько баркасовъ и высадили на берегъ отъ 30 до 40 человѣкъ англійскихъ солдатъ при офицерѣ, а вслѣдъ за ними былъ высаженъ и весь десантъ, назначенный для занятія города. Отрядъ этотъ состоялъ изъ 3,050 человѣкъ французской, англійской и турецкой пѣхоты, 120 человѣкъ саперовъ, 8 осадныхъ и 4 горныхъ орудій [4]).

Одновременно съ десантомъ вышли на берегъ и два эмисара, присланные союзными главнокомандующими. Одинъ изъ нихъ, Сендъ-Ибраимъ-паша, былъ посланъ для склоненія татаръ къ вол-

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. дѣло № 110.

[2]) Въ составѣ команды Браницкаго находилось: 6 оберъ-офицеровъ и 734 челов. нижнихъ чиновъ, въ томъ числѣ 510 вооруженныхъ. Рапортъ подполковника Сухарева 12-го сентября № 8798. Архивъ Главнаго Штаба. Дѣла Крымской арміи. Связка 174 д. № 1.

[3]) По показанію другихъ 8,000 окъ. Ока равна 3 фунт. $12^1/_2$ зол.

[4]) Auger. «Siége de Sebastopol». T. I, 54 и 55.

станію противъ русскаго правительства, а другой, польскій эмигрантъ Токарскій, назначенъ былъ маршаломъ Сентъ-Арно гражданскимъ правителемъ города Евпаторіи.

Послѣдній потребовалъ къ себѣ эфенди и почетныхъ татаръ. Всѣ они явились къ нему съ поклонами.

— Кто изъ васъ городской голова? спросилъ Токарскій, говорившій порядочно по-русски.

Татаринъ Шерфеддинъ вышелъ изъ толпы.

— Вы должны служить теперь англо-французамъ, сказалъ Токарскій.

Замѣтивъ въ числѣ собравшихся татаръ нѣсколькихъ караимовъ, онъ приказалъ имъ удалиться, а остальнымъ объявилъ, что власть надъ ними русскаго правительства прекратилась.

— Отнынѣ, сказалъ Токарскій, Крымъ не будетъ уже принадлежать Россіи, а, оставаясь подъ покровительствомъ Франціи, будетъ свободнымъ и независимымъ.

Чтобы еще болѣе расположить къ себѣ мусульманское населеніе края, Токарскій вмѣстѣ съ нашою и въ сопровожденіи собравшихся отправились въ мечеть и совершили тамъ торжественное богослуженіе. Восторгу толпы не было предѣловъ. Энтузіазмъ дошелъ до того, что татары подняли на руки нашу, объявившаго себя потомкомъ Гиреевъ [1]), носили его по улицамъ и даже цѣловали руки и платья турецкихъ солдатъ. Оба эмисара распустили слухъ, что съ турками, высадившимися въ Крыму, привезено Магометово знамя (санджакъ шерифъ) и тѣмъ произвели огромное впечатлѣніе на татаръ. Во всѣхъ татарскихъ селеніяхъ замѣтно было большое движеніе, слышны были толки и пересуды. Лица пожилыхъ уже лѣтъ спѣшили обертывать свои шапки бѣлыми полотенцами и подбривать головы, чтобы въ глазахъ турокъ, даже и по наружности, явиться истинными мусульманами. Мурзы, которые обыкновенно десятками шатались въ канцеляріи губернатора, съ появленіемъ непріятеля исчезли и не показывались, а нѣкоторые жившіе вблизи Евпаторіи передавались на сторону союзниковъ. Въ самомъ Симферополѣ замѣтно было также оживленное движеніе между татарами: они ковали лошадей и въ такомъ большомъ числѣ, что христіанскому населенію въ первыхъ числахъ сентября невозможно было подковать ни одной лошади — всѣ кузницы постоянно были

[1]) Онъ былъ дѣйствительно потомокъ Гиреевъ, но нашою никогда не былъ, и жилъ частнымъ человѣкомъ въ Болгаріи. Воен. учен. арх. д. № 3338.

заняты. Въ Евпаторію стекались татары цѣлыми толпами и записывались въ *аскеры* или милицію правовѣрныхъ. Они полагали, что вся ихъ обязанность будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы загонять въ Евпаторію помѣщичій скотъ, но когда французы стали учить ихъ фронту, то почти всѣ татары разбѣжались [1]).

Между тѣмъ восторженный пріемъ, оказанный татарами присланнымъ эмисарамъ, заставилъ всѣхъ христіанъ и служащихъ, которые по дѣламъ или обязанностямъ оставались еще въ Евпаторіи, искать спасенія въ бѣгствѣ, но по дорогѣ ихъ нагоняли конные татары, грабили, били и нерѣдко связанными доставляли въ руки непріятеля. Многіе поплатились увѣчьемъ, а нѣкоторые были умерщвлены самымъ звѣрскимъ образомъ. Городничій, частный приставъ и переводчикъ полиціи были арестованы за порчу хлѣба, будто бы произведенную ими въ магазинахъ и за пересыпку его негашеною известью [2]). Новый гражданскій губернаторъ Евпаторіи (Токарскій) сформировалъ себѣ изъ мѣстныхъ татаръ *Диванъ* или городское управленіе. Гласный думы Османъ-Ага-Чардачи-Оглу, извѣстный болѣе подъ уличнымъ именемъ Сукуръ-Османа, былъ назначенъ вице-губернаторомъ города; кузнецъ Хусейнъ—капитаномъ. Оба они были главными руководителями возстанія.

Усердіе татаръ евпаторійскаго уѣзда вселило въ союзникахъ надежду, что и все остальное населеніе крымскихъ татаръ окажетъ имъ свое содѣйствіе. Поэтому изъ Евпаторіи были разосланы лазутчики по всему краю, съ цѣлью убѣдить татаръ содѣйствовать нашимъ врагамъ доставленіемъ хлѣба, скота и перевозочныхъ средствъ. Появленіе нѣсколькихъ донскихъ казачьихъ полковъ лишило татаръ возможности исполнить требованіе англо-французовъ, и они, опасаясь преслѣдованія, цѣлыми селеніями переселились въ Евпаторію, гдѣ гибли отъ голода и недостатка помѣщенія. До появленія же казаковъ на театрѣ дѣйствій, татары грабили всѣхъ жителей христіанскаго исповѣданія. Почти всѣ прибрежные владѣльцы испытали насиліе татаръ, производившихъ буйства въ самомъ большомъ размѣрѣ [3]). Ворвавшись въ имѣніе князя Ворон-

---

[1]) Показаніе дьячка Сериги. Воен. учен. арх. д. № 3364.

[2]) Показанія евпаторійскаго купца Луцкаго и почетнаго гражданина Пампусова. Арх. канц. воен. мин. дѣла №№ 96 и 111.

[3]) Уѣздный судья Стойковичъ былъ совершенно ограбленъ; бывшія при немъ дѣла сожжены, а самъ онъ отправленъ связаннымъ въ Евпаторію. Рапортъ маіора Гангардта 30-го сентября 1854 г. Арх. канц. военнаго министерства, дѣло № 96 часть I.

цова, они разломали церковныя двери, расхитили церковную утварь, прокололи во многихъ мѣстахъ запрестольный образъ, а прислугу и крестьянъ били и подвергали всякаго рода оскорбленіямъ. Не ограничиваясь этимъ, они угнали изъ того же имѣнія 10,000 овецъ, продали непріятелю всѣхъ лошадей и забрали почти все движимое имущество [1]). Крестьяне князя спасались въ одиночку и едва успѣли уйти въ чемъ только были. Большинство уцѣлѣвшихъ помѣщиковъ въ обезпеченіе себя отъ насилія татаръ, принуждены были купить за подписью паши охранные листы, платя за нихъ различную и довольно высокую цѣну. Такъ, помѣщикъ Энцилло купилъ себѣ такой листъ за 5,000 левовъ (около 250 рублей) [2]).

Вскорѣ послѣ занятія Евпаторіи, городъ былъ раздѣленъ на двѣ части: одна поручена французскому, а другая англійскому правителямъ. Высаженный же для возмущенія татаръ паша былъ отданъ подъ строжайшій надзоръ. Поводомъ къ тому послужило его корыстолюбіе и алчность. Видя, что мусульманское населеніе приняло его съ большимъ энтузіазмомъ, паша сталъ требовать денегъ. Татары, признавая его за потомка Гиреевъ, сволили ему все награбленное имущество. «Почти изъ всѣхъ волостей, доносилъ маіоръ Гангардтъ [3]), сборщики принесли ему государственныя подати до 100,000 руб. сер. Онъ очень презрительно выражался о татарахъ и жестоко ихъ билъ. Нагло и мелочно требовалъ отъ всѣхъ подарки».

Въ Евпаторіи непріятель захватилъ до 28,000 четвертей ржаного хлѣба, принадлежавшаго частнымъ лицамъ, и 40 воловьихъ подводъ съ крупчаткой, шедшихъ изъ Евпаторіи въ Севастополь [4]). Сверхъ того, 3-го сентября, незначительный французскій отрядъ, изъ 30 человѣкъ зуавовъ при двухъ офицерахъ, былъ отправленъ, по указанію татаръ, къ провіантскому магазину, находившемуся въ селеніи Сакахъ. Одинъ изъ офицеровъ, подъѣхавъ къ вышедшему на встрѣчу старшему вахтеру Гаврилу, спросилъ его довольно чистымъ русскимъ языкомъ: «что это за зданіе?»

— Провіантскій магазинъ, отвѣчалъ спрошенный.

---

[1]) Рапортъ генералъ-адъютанта Анненкова военному министру отъ 25-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. мин. дѣло № 96 часть I.

[2]) Рапортъ маіора Гангардта генералу Анненкову 3-го октября. Воен. учен. арх. д. № 3338.

[3]) Генералъ-адъютанту Анненкову отъ 3-го октября. Тамъ же.

[4]) Рапортъ жандармскаго штабъ-офицера генералу Анненкову. Воен. учен. арх. д. № 3364.

— Сколько здѣсь провіанта?

— Муки 2.265 четвертей и крупъ 202 четверти, отвѣчалъ бойко Гавришъ.

— А ячменя сколько?

— 407 четвертей.

Провіантъ былъ захваченъ непріятелемъ, а Гавришъ отведенъ въ главную квартиру для дальнѣйшаго допроса [1]).

Обезпеченные на довольно продолжительное время хлѣбомъ и мукою, союзники нуждались въ мясной провизіи. Первое время татары привозили изъ ближайшихъ деревень птицъ и пригоняли барановъ, за которыхъ имъ производилась самая щедрая плата фальшивыми турецкими ассигнаціями [2]), но съ прибытіемъ казаковъ изсякъ и этотъ источникъ снабженія арміи. Тогда Токарскій разослалъ объявленіе [3]), которымъ требовалъ, чтобы помѣщики и владѣльцы евпаторійскаго уѣзда доставили въ городъ весь излишній скотъ, за который и обѣщалъ уплатить такую сумму, которую назначатъ сами владѣльцы.

Помѣщики, конечно, не явились и скота не пригнали, но за то большинство татаръ сочувственно отозвалось на призывъ англо-французовъ. Конечно, было бы несправедливо обвинять ихъ въ поголовномъ возстаніи, потому что и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, при исчезновеніи гражданскаго начальства, мы все-таки имѣли много намъ преданныхъ, но исключительно людей пожилыхъ. Молодежь же волновалась, передавалась на сторону непріятеля [4]), разбойничала и наводила всеобщій страхъ на жителей. Шайки татаръ въ 200 и 300 человѣкъ бродили по разнымъ направленіямъ, разоряли имѣнія, грабили и разбойничали. Насилія татаръ достигли до такихъ размѣровъ, что князь Меншиковъ счелъ необходимымъ обратить на это вниманіе воинскихъ начальниковъ и приказалъ, чтобы они при походномъ движеніи соблюдали особую осторожность, «дабы не подвергнуться нечаянному нападенію со стороны какъ непріятеля, такъ и жителей» [5]).

---

[1]) Рапортъ Гавриша Симферопольской провіантской комисіи отъ 8-го сентября № 1. Воен. учен. арх. д. № 3364.

[2]) Одна изъ такихъ асигнацій находится въ дѣлахъ канцеляріи военнаго министерства.

[3]) Архивъ канцеляріи военнаго министерства, дѣло № 96 часть I.

[4]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова 16 го сентября. Арх. канц. военнаго министерства, дѣло № 110.

[5]) Препис. князя Меншикова командующему резервными баталіонами Волынскаго и Минскаго полковъ 10-го сент № 1185. Воен. учен арх д № 3346

Грабежи татаръ распространились далеко и достигли до предмѣстья Перекопа—Армянскаго Базара. Проѣздъ по большимъ дорогамъ сдѣлался не безопаснымъ, и въ первые дни послѣ высадки сообщеніе между городами было прервано. Въ эти немногіе дни полуостровъ жилъ лихорадочною жизнію, не только со дня на день, но съ часу на часъ. Каждый входившій въ домъ приносилъ какую либо вѣсть и все ждало чего-то чрезвычайнаго. Многіе изъ жителей, даже мѣстъ болѣе или менѣе удаленныхъ отъ театра военныхъ дѣйствій, покидали свои дома, имущество и торопились укрыться или въ немногихъ городахъ полуострова или уѣзжали вовсе изъ Крыма. Оставшіеся помышляли о средствахъ какъ бы скорѣе послѣдовать за уѣхавшими, и такимъ образомъ почти половина населенія полуострова пришла въ движеніе.....

Но мы увлеклись событіями, а потому обратимся къ разсказу самого автора «Исторіи Восточной войны».

Занявъ Евпаторію, союзники отплыли на югъ къ такъ называемому Старому форту, и, избравъ пространство между озерами Камышлу и Кичикъ-бельскимъ, приступили къ высадкѣ. Они высаживались никѣмъ не тревожимые, и авторъ справедливо замѣчаетъ, «что появленіе въ виду непріятеля даже незначительнаго нашего отряда замедлило бы и весьма затруднило бы союзниковъ».

Конечно, князь Меншиковъ не могъ воспрепятствовать высадкѣ англо-французовъ на мѣстности, отлично обстрѣливаемой съ флота; онъ не могъ атаковать ихъ пѣхотою потому, что прежде столкновенія съ непріятелемъ, она понесла бы отъ огня флота такую потерю, которая не могла бы окупить временнаго замѣшательства непріятеля, но князь Меншиковъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи кавалерію съ конною артиллеріею, которыя могли бы быть употреблены съ большою пользою. Вся кавалерія союзниковъ, при высадкѣ состояла изъ нѣсколькихъ сотъ всадниковъ на измученныхъ морскимъ переѣздомъ лошадяхъ, тогда какъ численность нашей кавалеріи доходила до 3,600 человѣкъ.

Подойдя, напримѣръ, въ сумерки къ мѣсту расположенія непріятеля и открывъ артиллерійскій огонь, кавалерія произвела бы большое замѣшательство въ рядахъ не устроившихся, промокшихъ и прозябшихъ англо-французовъ, а произведя рядъ хотя и незначительныхъ атакъ она еще болѣе увеличила бы безпорядокъ въ непріятельскомъ лагерѣ. Никто не могъ ожидать отъ такихъ атакъ какихъ либо серьезныхъ послѣдствій, но можно быть увѣреннымъ,

что онѣ нанесли бы существенныя потери англо-французамъ и убѣдили бы ихъ въ предпріимчивости русскихъ войскъ въ первыя минуты вступленія ихъ на русскую почву. Князь Меншиковъ не счелъ возможнымъ препятствовать высадкѣ и она тянулась до вечера 4-го сентября. Только 6-го числа англо-французы сочли возможнымъ, прикрываясь флотомъ, двинуться вдоль морскаго берега по направленію къ рѣкѣ Алмѣ, на лѣвомъ берегу которой мы успѣли сосредоточить 35,000 человѣкъ съ 84-мя орудіями.

Войска эти нѣкоторые называютъ обрѣзками арміи [1]), но справедливо ли такое мнѣніе?

Въ составъ войскъ собранныхъ на р. Алмѣ входили: вся 16-я пѣхотная дивизія въ полномъ ея составѣ, пришедшая въ Крымъ съ своимъ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Квицинскимъ; три полка 17-й пѣхотной дивизіи, съ артиллеріею и начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Кирьяковымъ; первая бригада 14-й пѣхотной дивизіи, съ начальникомъ дивизіи генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ; четыре резервные баталіона 13-й пѣхотной дивизіи, 6-й стрѣлковый, 6-й саперный баталіоны и наконецъ вторая бригада 6-й легкой кавалерійской дивизіи съ ея бригаднымъ командиромъ.

Такимъ образомъ, въ числѣ собранныхъ войскъ было только четыре баталіона резервныхъ, а остальныя всѣ— дѣйствующія. Послѣднія, за исключеніемъ бригады 14-й пѣхотной дивизіи, входили въ составъ одного 6-го корпуса, въ которомъ до полнаго состава не доставало лишь одной 18-й дивизіи. Это-ли обрѣзки арміи?

Объ этихъ обрѣзкахъ князь Меншиковъ всегда отзывался съ особою похвалою и почти наканунѣ сраженія писалъ, что рвеніе ихъ только усиливается [2]). «J'usqu'ici, писалъ онъ князю Долгорукову [3]), le temps et les routes protégent nos ennemis, mais quoiqu'il en soit nous nous battrons comme des enragés en dépit de l'ordre du jour de St. Arnaud et des phrases de son empereur». Таково было мнѣніе князя Меншикова о войскахъ передъ началомъ сраженія.

Посвятивъ нѣсколько страницъ описанію мѣстности и расположенію войскъ, авторъ входитъ въ оцѣнку выгодъ и недостатковъ занятой нами позиціи и затѣмъ переходитъ къ описанію боя, про-

---

[1]) В. Стеценко. «Воспоминанія и разсужденія». Сборникъ рукоп. издан. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Т. I, 254.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова отъ 6-го сентября Арх. канц. воен. мин. дѣло № 102

[3]) Отъ 6-го сентября 1854 года.

исшедшаго 8-го сентября. Послѣ подробнаго и живаго описанія хода сраженія, М. И. Богдановичъ излагаетъ причины, заставившія нашу армію оставить позицію и отступить. По его мнѣнію, онѣ главнѣйшимъ образомъ заключались: 1) въ несоразмѣрномъ протяженіи позиціи съ числомъ занимавшихъ ее войскъ; 2) въ отсутствіи искусственныхъ преградъ; 3) въ оставленіи, безъ всякой обороны, ближайшаго къ морю лѣваго фланга позиціи; 4) въ неудобствѣ построенія глубокихъ батальонныхъ колоннъ противъ непріятеля, у котораго первая линія была построена частью въ ротныхъ колоннахъ, частью въ развернутомъ фронтѣ; 5) въ неравенствѣ вооруженія нашей и непріятельской пѣхоты, и наконецъ 6) въ отсутствіи взаимной связи въ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ.

Эта послѣдняя причина, по нашему мнѣнію, главнѣйшимъ образомъ происходила отъ отсутствія всякихъ предварительныхъ распоряженій, отчего не только войска, но и главные начальники оставались въ полномъ невѣдѣніи относительно предстоящихъ дѣйствій. Никто не зналъ, что́ предпринять въ случаѣ успѣха и куда отступать въ случаѣ неудачи; полки не знали, гдѣ ихъ патронные ящики и лазаретныя фуры. Перевязочные пункты не были назначены и госпитальная часть находилась въ полномъ разстройствѣ. Неточность и неопредѣленность распоряженій, предшествовавшихъ сраженію, были поводомъ къ тому, что князь Горчаковъ и генералъ Кирьяковъ не согласовали между собою дѣйствій: одинъ не зналъ что́ дѣлается у другаго и наоборотъ.

Назначая князя Горчакова начальникомъ центра и праваго фланга, а Кирьякова—лѣваго крыла, князь Меншиковъ не разграничилъ ихъ точнымъ образомъ, такъ что оба эти генерала, спустя два года послѣ сраженія, спорили о томъ, подъ чьимъ начальствомъ находился Бородинскій полкъ; ни тотъ, ни другой не признавалъ его входящимъ въ составъ подчиненныхъ ему войскъ, но и не могъ доказать справедливость своихъ доводовъ по неимѣнію письменныхъ документовъ. До сихъ поръ никому еще не удавалось видѣть диспозиціи или другаго какого письменнаго распоряженія передъ сраженіемъ на рѣкѣ Алмѣ. Въ арміи царствовала полнѣйшая безурядица и князь Меншиковъ не принималъ въ ней лично никакого участія.

Князь А. С. Меншиковъ, по складу ума и характера, принадлежалъ къ числу людей считающихъ себя внѣ всякихъ вліяній, увѣренныхъ въ своей самостоятельности, но на дѣлѣ легко подчиняющихся людямъ хитрымъ, наружно потворствующимъ ихъ волѣ. Без-

спорно умный и одаренный блестящими способностями, князь Меншиковъ былъ человѣкъ упрямый и самоувѣренный, не желавшій пользоваться совѣтами другихъ. Крайне недовѣрчивый и подозрительный, онъ привыкъ все сохранять въ глубокой тайнѣ и придавать всему таинственное значеніе. Сосредоточенный въ себѣ самомъ, онъ никому не сообщалъ своихъ мыслей, вездѣ хотѣлъ быть самъ и не любилъ чужаго ума. Князь требовалъ отъ окружающихъ не совѣта, а безпрекословнаго исполненія своей воли и своихъ приказаній. Онъ былъ равнодушенъ къ тому, что внушаетъ инымъ мягкое и любящее сердце; невѣря никому, онъ подъ конецъ своей жизни потерялъ вѣру къ самаго себя. Чрезвычайныя событія на полуостровѣ застигли князя Меншикова въ совершенный расплохъ. Ему не съ кѣмъ было посовѣтоваться; у него не было начальника штаба, ни самаго штаба правильно организованнаго, не было и довѣренныхъ лицъ, на которыхъ онъ могъ бы положиться—словомъ онъ чувствовалъ свое одиночество.

Объѣзжая войска, онъ дѣлалъ это нехотя, какъ бы вскользь, а осматривая позицію, говоритъ участникъ [1]): «никому и ничего не сообщалъ изъ своихъ замѣчаній, какъ будто сознаваясь, что принятое имъ на себя дѣло ему не по силамъ и невольно заставлялъ думать другихъ, что не хочетъ принять сраженія». Молчаніе командующаго войсками, налагая на всѣхъ завѣсу неизвѣстности и бездѣятельности, было причиною, что всѣ приготовленія къ предстоящему сраженію производились медленно и шли какъ бы ощупью. Получившій отъ князя Меншикова приказаніе приготовить позицію и расположить на ней войска, подполковникъ Заѣскій переводилъ ихъ съ мѣста на мѣсто и кончилъ тѣмъ, что спустилъ ихъ внизъ къ рѣкѣ. Обѣ боевыя линіи были сведены съ гребня высотъ и расположены на покатости или у подошвы горъ и такъ стѣснены, что между первою и второю линіями было не болѣе 150 шаговъ: стрѣлковую же цѣпь можно было разсыпать только въ 50-ти шагахъ впереди баталіоновъ первой линіи. Двѣ роты стрѣлковаго баталіона, высланныя въ цѣпь передъ Бородинскимъ полкомъ, были выдвинуты отъ него впередъ только на 10 шаговъ. Вмѣсто того чтобы расположившись на возвышеніи имѣть возможность поражать противника сверху и сбросить его обратно къ рѣкѣ, если бы онъ отаковалъ насъ,—распорядители находили что лучше поставить

[1]) Начальникъ артилеріи крымской арміи генералъ Кишинскій въ своихъ запискахъ.

обѣ боевыя линіи такъ, чтобы они не думали объ отраженіи непріятеля, а заботились о собственномъ отступленіи.

Такъ оно и было въ дѣйствительности.

Сближенныя дистанціи между линіями, утесистый въ тылу берегъ р. Алмы, съ котораго резервы наши не могли свободно спускаться, точно также какъ и части боевыхъ линій на него подниматься, привели къ тому, что непріятель, съ первыхъ выстрѣловъ, сталъ наносить нашимъ войскамъ, стоявшимъ совершенно открытыми у подошвы горъ, такое пораженіе, что поставилъ ихъ въ необходимость помышлять о скорѣйшемъ подъемѣ на верхъ, а не объ отпорѣ. Такая несообразность въ размѣщеніи войскъ была очевидна для многихъ, но ни кто не въ силахъ былъ отвратить ее. Ближайшіе помощники командующаго войсками, генералы: князь П. Д. Горчаковъ, Кирьяковъ, Квицинскій и Кишинскій, были устранены отъ этого дѣла. Князь Меншиковъ распоряжался черезъ своихъ приближенныхъ, молодыхъ офицеровъ, и довелъ дѣло до того, что во время боя нѣкоторые изъ его адъютантовъ вмѣшивались всюду и дозволяли себѣ выходки, не допускаемыя въ благоустроенной арміи [1].

Отсутствіе общаго распорядителя вело къ произволу, среди котораго каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію: одни отступали тогда, когда другіе наступали. Такъ, раннее отступленіе войскъ, стоявшихъ лѣвѣе севастопольской дороги, дозволило дивизіямъ Канробера и принца Наполеона почти безъ всякихъ затрудненій переправиться на нашъ берегъ Алмы.

Притомъ же, многіе полки вовсе не были введены въ дѣло Таковы были полки: Тарутинскій, Суздальскій, Угличкій, Волынскій, вся кавалерія и двѣ батареи 14-й артиллерійской бригады. Какъ будто всѣми забытыя, войска эти все время сраженія простояли на мѣстахъ и, не принимая участія въ дѣйствіяхъ, все-таки понесли потери убитыми и ранеными. «Въ нашъ баталіонъ (Тарутинскаго полка), пишетъ участникъ, ни разу не привозили приказанія отступать и даже вовсе не было никакихъ приказаній съ самаго начала боя [2]).

---

[1]) Въ этомъ только отношеніи записки Панаева, помѣщенныя въ №№ 1 и 2 «Русской Старины», служатъ прямымъ подтвержденіемъ всего сказаннаго. При всемъ нашемъ уваженіи къ свидѣтельствамъ очевидцевъ, а тѣмъ болѣе къ показанію бывшаго адъютанта князя Меншикова, мы не можемъ однако же сказать, чтобы въ остальномъ записки эти были безпристрастны и вѣрны съ истиною.

[2]) Матер. вып. IV, 146.

Вообще, слѣдя за ходомъ сраженія, можно замѣтить, что ближайшіе къ атакованному пункту полки часто оставлялись на мѣстѣ въ полномъ бездѣйствіи, а полки болѣе отдаленные выводились изъ резерва и, конечно, приходили не во-время—опаздывали Такъ, для подкрѣпленія крайняго лѣваго фланга были отправлены три баталіона Минскаго полка изъ резерва, тогда какъ ближайшій къ лѣвому флангу Тарутинскій полкъ былъ оставленъ на мѣстѣ. Подоспѣй онъ во-время на помощь, намъ можетъ быть удалось бы сбросить колонны Боске съ высотъ и дать иной оборотъ дѣлу, тѣмъ болѣе, что мѣстность благопріятствовала оборонѣ.

Въ этомъ отношеніи рѣдкая позиція можетъ быть благопріятнѣе Алмской для защиты ея при правильномъ занятіи войсками. Князь Меншиковъ самъ признавалъ, что лучшей позиціи не было на всемъ прибрежьѣ [1]). Отъ насъ совершенно зависѣло не растягивать фронта влѣво къ морю и, въ то же время, сдѣлать обходъ его невозможнымъ, но мы не умѣли воспользоваться всѣми выгодами, которыя представляла мѣстность При должномъ размѣщеніи войскъ, растянутость нашей позиціи не должна была имѣть вреднаго вліянія на исходъ дѣла, потому что пространство отъ мыса до оврага противъ селенія Алма-Тамакъ могло быть защищено весьма небольшимъ числомъ войскъ. Не сдѣлавъ этого и не воспользовавшись мѣстностью, мы, напротивъ того, всѣ выгоды ея какъ бы съ намѣреніемъ обратили въ собственный ущербъ.

«Подробности несчастнаго сраженія 8-го (20-го) сентября, сказано въ одномъ изъ писемъ князю Варшавскому, - кажется ясно указываютъ, что главною причиною неудачи было ошибочное расположеніе войскъ на избранной позиціи».

Въ самомъ дѣлѣ, спустивъ свои боевыя линіи съ высотъ къ рѣкѣ и лишившись всѣхъ выгодъ нагорнаго положенія, мы подвергли полки жестокому урону при отступленіи и подъемѣ на высоты. Самыя тяжкія потери этого дня относятся ко времени подъема нашихъ войскъ снизу на верхъ. На лѣвомъ флангѣ баталіонъ Московскаго полка, въ центрѣ Бородинскій полкъ, а на правомъ флангѣ роты Сапернаго и 6-го стрѣлковаго баталіоновъ, принуждены были побросать свои ранцы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли, чтобы только скорѣе подняться на гору.

Располагая свои войска на позиціи, мы не приняли никакихъ мѣръ къ усиленію ее искуственными преградами; наши стрѣлки

---

[1]) Записка князя Меншикова. Воен. учен. арх., дѣло № 4270.

оставались совершенно открытыми, тогда какъ непріятельскіе были скрыты въ садахъ и виноградникахъ. При такихъ условіяхъ, даже и при одинаковомъ вооруженіи, всѣ выгоды находились на сторонѣ союзниковъ, а если вспомнить при этомъ, что большая часть нашихъ войскъ была вооружена гладкоствольнымъ оружіемъ, а союзники штуцерами, то неравенство положеній дѣлается еще болѣе рѣзкимъ. Наша пѣхота могла открывать огонь съ увѣренностью въ его дѣйствительности только на 300 шаговъ, тогда какъ непріятель открывалъ огонь по нашимъ войскамъ съ разстоянія 1,200 шаговъ и болѣе.

Находясь внѣ досягаемости нашихъ выстрѣловъ, непріятельскіе стрѣлки съ полнымъ спокойствіемъ и безопасностью били на выборъ. Въ войскахъ, принимавшихъ участіе въ алмскомъ сраженіи, были вооружены штуцерами: 6-й стрѣлковый и морской баталіоны и при каждомъ полку по 96 человѣкъ, составлявшихъ особую команду. Слѣдовательно, все число штуцерныхъ доходило до 2,000 человѣкъ [1]). Сосредоточивъ ихъ на болѣе важныхъ пунктахъ, мы могли бы нѣсколько уравновѣсить бой и встрѣтить непріятеля съ дальней дистанціи огнемъ не менѣе сильнымъ и смертоноснымъ; но этого сдѣлано не было. Штуцерные, дѣйствуя съ застрѣльщиками своихъ полковъ, были разбросаны частью по всему пространству, а частью вовсе не были употреблены въ дѣло, такъ какъ полки, въ которыхъ они находились, оставались въ бездѣйствіи. Стрѣлковый же баталіонъ, вмѣсто назначенія для исключительной защиты моста, былъ разбросанъ вдоль всей позиціи.

Имѣя достаточно времени (цѣлую недѣлю), чтобы познакомить ближайшихъ своихъ помощниковъ съ характеромъ предстоящихъ дѣйствій, князь Меншиковъ не сдѣлалъ этого и не принялъ никакихъ мѣръ къ расчисткѣ садовъ и уничтоженію каменныхъ оградъ на правомъ берегу р. Альмы. Онъ не озаботился и объ укрѣпленіи собственной позиціи, а между тѣмъ устройство ложементовъ, или даже простыхъ ровиковъ для стрѣлковъ принесло бы громадную пользу. Съ 3-го сентября на позиціи было сосредоточено до 30 баталіоновъ, такъ что безъ особаго обремененія можно было высылать ежедневно на работу до 10 тыс. челов. и въ пять дней окончить довольно значительныя работы, но объ этомъ никто не думалъ. «Шесть дней, пишетъ участникъ, со 2-го по 6-е октября нашъ лагерь предавался совершенной праздности; никто не былъ

---

[1]) 16-я пѣхотная дивизія имѣла 380 штуцерныхъ; бригады 14-й и 17-й пѣх. дивиз. по 190, резервн. баталіоны 13-й пѣх. дивиз. 90, 6-й стрѣлковый 600—всего 2,050 человѣкъ отличныхъ стрѣлковъ.

занятъ: войска не видали главнокомандующаго. Только начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи (генералъ Кирьяковъ) ежедневно былъ посылаемъ княземъ Меншиковымъ, осматривать правый флангъ позиціи и мѣстность выше оной».

Эта посылка и построеніе княземъ П. Д. Горчаковымъ двухъ укрѣпленій на правомъ флангѣ позицій указываютъ, что среди начальствующихъ лицъ существовало убѣжденіе, что непріятель долженъ непремѣнно атаковать насъ въ правый флангъ, съ тѣмъ чтобы прижать къ морю и отрѣзать отъ большой севастопольской дороги.

Напора на правый флангъ князь Меншиковъ опасался болѣе всего; къ нему стянулъ большую часть силъ и оставилъ вовсе безъ обороны свой лѣвый флангъ. Здѣсь не было выставлено ни одной батареи, не построено ни одного укрѣпленія и не сдѣлано никакой искуственной преграды. Князь Меншиковъ считалъ свой лѣвый флангъ недоступнымъ для непріятеля, а между тѣмъ въ Севастополѣ всѣмъ было извѣстно, что дорога изъ селенія Алма-Тамакъ на нашъ лѣвый берегъ р. Алмы, къ селенію Аджи-Булатъ, хотя и имѣла видъ тропинки, но движеніе по ней было возможно не только для пѣхоты, но, съ помощью людей, и для артиллеріи. По этой дорогѣ татары постоянно возили въ Севастополь сѣно, арбузы и другіе громоздкіе продукты земледѣльческой промышленности. Когда начальникъ артиллеріи войскъ расположенныхъ на позиціи, генералъ-маіоръ Кишинскій, лично разставлявшій на мѣста большую часть батарей, замѣтилъ генералу Кирьякову, въ присутствіи князя Меншикова, что непріятель не только легко можетъ взойти, но и ввезетъ свою артиллерію на высоты нашего лѣваго фланга, то свѣтлѣйшій отвернулся и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ прочь.

Впослѣдствіи, причину оставленія лѣваго фланга вовсе безъ обороны старались оправдать опасеніемъ подвергнуть тамъ находившіяся войска пораженію съ флота.

Такое объясненіе не выдерживаетъ серьезныхъ возраженій. «Въ день высадки союзныхъ войскъ, разсказываетъ участникъ, на мысѣ въ старомъ татарскомъ укрѣпленіи, стояла 2-я гренадерская рота Владимірскаго полка. Въ девять съ половиною часовъ утра, къ устью рѣки Алмы подошли восемь непріятельскихъ фрегатовъ [1]) и четыре изъ нихъ открыли огонь по старому татарскому укрѣпленію. Почти до половины перваго непріятель не перерывая стрѣлялъ разрывными снарядами. Во все продолженіе канонады, гренадеры

---

[1]) То была эскадра посланная для диверсіи къ р. Качѣ.

стояли въ ротной колоннѣ и когда эскадра ушла по направленію къ р. Качѣ, оказалось, что только одинъ осколокъ бомбы попалъ въ ротный котелъ. Слѣдовательно мы могли безъ опасенія занять разсыпнымъ строемъ все вышеозначенное пространство». Наконецъ опасность отъ огня непріятельскаго флота не могла намъ помѣшать устроить для стрѣлковъ самые простые ложементы. При помощи незначительныхъ работъ, мы могли обрыть подъемы, устроить въ оврагахъ завалы и испортить дороги.

Оставленіе лѣваго фланга вовсе безъ обороны дозволило Боске безъ затрудненій переправиться на лѣвый берегъ р. Альмы и подняться на высоты. Появленіе его колоннъ на флангѣ нашего расположенія рѣшило судьбу сраженія. Укрѣпивъ лѣвый флангъ и позицію, занятую резервными баталіонами, мы заставили бы непріятеля атаковать насъ тамъ, гдѣ всходы были удобнѣе — слѣдовательно, удалили бы мѣсто боя, по крайней мѣрѣ, версты на четыре отъ моря и могли сосредоточить свои войска на остальныхъ трехъ верстахъ занятой нами позиціи. Такимъ образомъ, мы могли бы уничтожить одну изъ главныхъ невыгодъ—растянутость позиціи.

Атаки противъ англичанъ носятъ на себѣ отпечатокъ частныхъ схватокъ войскъ, ближайшихъ къ наиболѣе угрожаемому пункту. Атаки эти были не подготовлены, оттого произведены малыми силами, безъ всякой поддержки со стороны остальныхъ войскъ. Если бы мы допустили переправиться подъ сильнымъ картечнымъ огнемъ большее число англійскихъ войскъ и, затѣмъ, атаковали ихъ не двумя только баталіонами егерскаго Великаго Князя Михаила Николаевича полка, а, напримѣръ, двумя полками, поддержанными резервами, тогда вправѣ были бы надѣяться на большій успѣхъ.

Разстроенные сильнымъ картечнымъ огнемъ и атакованные двумя полками, англичане принуждены были бы отступить и, конечно, не ускользнули бы всѣ по мосту, какъ ускользнулъ одинъ ихъ баталіонъ; оставшіеся же на лѣвомъ берегу погибли бы на штыкахъ нашихъ солдатъ. Атака двухъ баталіоновъ егерей, ничѣмъ не подготовленная и притомъ не усиленная своевременно подкрѣпленіями, привела только къ огромнымъ потерямъ, понесеннымъ обоими баталіонами. Владимірскій же полкъ бросился въ атаку по частямъ и экспромтомъ, по личной энергіи князя П. Д. Горчакова и генерала Квицинскаго, и остался точно также безъ всякой поддержки. Увлеченіе боемъ князя Горчакова объясняетъ причину, почему нѣкоторые полки праваго фланга не приняли никакого участія въ судьбѣ сраженія. Увлеченіе и самоотверженіе—качества

весьма похвальныя въ частномъ начальникѣ, будутъ всегда укоромъ для лица, командующаго цѣлымъ отрядомъ. Вмѣсто того, чтобы, оставаясь на гребнѣ высотъ, управлять общимъ ходомъ дѣла, князь Горчаковъ спустился къ рѣкѣ, увлекся сраженіемъ и забылъ объ остальныхъ войскахъ, которыя могли бы принести большую пользу, чѣмъ, оставаясь на мѣстѣ, нести потери.

Наша кавалерія простояла все время сраженія въ полномъ бездѣйствіи, тогда какъ, пользуясь ея численнымъ превосходствомъ надъ кавалеріею союзниковъ, мы могли бы употребить ее съ значительною для себя пользою. Если бы мы переправили ее въ бродъ на правый берегъ р. Алмы выше сел. Тарханкара и, перемѣнивъ фронтъ, атаковали или, по крайней мѣрѣ, угрожали атакою лѣвому флангу англійской пѣхоты, то атаки англичанъ были бы не такъ стремительны и упорны. Во всякомъ случаѣ, англійская пѣхота только въ ожиданіи атаки нашей кавалеріи должна была бы останавливаться и перестраиваться: всякая же остановка непріятеля была выгодна для насъ и стоила бы ему значительныхъ потерь, причиняемыхъ мѣткимъ огнемъ нашей артилеріи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что избранная на Алмѣ позиція имѣла чисто оборонительный характеръ и была такова, что послѣ сраженія нашимъ войскамъ приходилось отступать во всякомъ случаѣ: одержали ли бы они побѣду или потерпѣли неудачу. Дѣйствительно, что могъ предпринять князь Меншиковъ въ случаѣ успѣха? Если бы ему удалось сбросить отрядъ Боске съ высотъ, если бы онъ былъ въ силахъ не допустить дивизіи Канробера, принца Наполеона и англичанъ переправиться на нашъ берегъ, то и тогда онъ не въ состояніи бы былъ перейти въ наступленіе. Принять на себя роль атакующаго съ половиннымъ числомъ войскъ противъ тѣхъ, которыми владѣлъ непріятель, имѣя передъ собою рѣку и закрытія, за которыми укрылись непріятельскіе стрѣлки и ихъ резервы, не значило ли идти на вѣрную неудачу. Оставаться на мѣстѣ также не было никакой цѣли, потому что потерпѣвшій въ первый разъ неудачу непріятель, пользуясь своею многочисленностью, не преминулъ бы атаковать насъ вторично. Побѣда и овладѣніе полемъ сраженія были важны для союзниковъ, тогда какъ для насъ удержаніе позиціи не имѣло никакого значенія. Лишенные возможности перейти въ наступленіе, т. е. воспользоваться послѣдствіями побѣды, мы не могли спасти Севастополя отъ осады. Мы могли бороться на Альмѣ два и, пожалуй, три дня и въ концѣ концовъ принуждены были бы отступить. Самъ князь Меншиковъ не

разсчитывалъ переходить въ наступленіе и, собирая полки на р. Алмѣ, приводилъ только въ исполненіе ту мысль, которую высказалъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ [1]). Онъ не искалъ побѣды, но хотѣлъ задержать непріятеля въ трехъ послѣдовательныхъ и весьма сильныхъ позиціяхъ: на р. Алмѣ, Качѣ и Бельбекѣ, съ тѣмъ, чтобы допустить его къ Севастополю ослабленнымъ значительными потерями. Задерживая непріятеля, онъ выигрывалъ время и надѣялся на полученіе подкрѣпленій. Никто не обвинитъ князя Меншикова за то, что онъ оставилъ позицію, но для него нѣтъ оправданій, когда вспомнишь, что онъ говорилъ одно, а дѣлалъ другое и не слѣдовалъ опредѣленному плану дѣйствій.

Одно алмское сраженіе, безъ ожидаемыхъ отъ него послѣдствій, не имѣло для насъ ни стратегическаго, ни тактическаго значенія, но, благодаря необыкновенной стойкости нашихъ войскъ, сраженіе это замѣчательно нравственнымъ вліяніемъ на послѣдующій ходъ военныхъ дѣйствій. Далеко превосходя насъ численностью и совершенствомъ оружія, союзники шли въ бой самонадѣянно и смѣло. Стойкость, мужество и храбрость русскаго солдата возбудили глубокое уваженіе къ нему самихъ противниковъ. Они видѣли, что всѣ полки, съ которыми имъ приходилось имѣть дѣло, оказали чудеса храбрости; что всѣ частные начальники, полковые и баталіонные командиры лично водили ихъ въ штыки и умирали передъ колоннами. Это имѣло такое сильное нравственное вліяніе на англо-французовъ, что самонадѣянность смѣнилась осторожностью, какъ слѣдствіемъ глубокаго уваженія къ доблестямъ русскаго солдата.

Оставляя поле сраженія, войска наши потянулись по направленію къ Качѣ. Они шли быстро, никѣмъ не руководимыя, отдѣльными частями, перегоняя другъ друга и торопясь «все впередъ и впередъ, не зная, говоритъ участникъ [2]), ни пути, ни цѣли нашего движенія: шли на удачу по слѣдамъ попадавшихся на дорогѣ труповъ, обломковъ оружія и амуниціи и на утро достигли Севастополя». Нѣкоторые полки остались ночевать на Качѣ, другіе прослѣдовали прямо къ Севастополю. Такъ, Тарутинскій полкъ достигъ до Севастополя въ полночь съ 8 го на 9-е сентября, а Владимірскій явился туда раннимъ утромъ 9-го сентября. Многіе солдаты по одиночкѣ приходили въ сѣверное укрѣпленіе и, не найдя своихъ полковъ, снова уходили на Качу. Командующій войсками не сдѣлалъ

---

[1]) См. выше письмо князя Меншикова кн. Долгорукому отъ 22 іюня 1854 г.

[2]) Воспоминанія Горбунова. Рукописи о «Севаст. оборонѣ». Вып. I стр. 60.

никакихъ распоряженій относительно отступленія, и не удивительно послѣ того, что, по словамъ г. Панаева, князь Меншиковъ, вскорѣ послѣ сраженія, потерялъ свою армію [1]). Она шла никѣмъ не останавливаемая и по пути никѣмъ не указанному, — шли кому, какъ и гдѣ удобнѣе, и скоро части разныхъ войскъ перемѣшались между собою. «Тутъ шла, говоритъ участникъ [2]), пѣхота и артилерія, морскіе баталіоны, пришедшіе изъ Севастополя на подкрѣпленіе нашимъ войскамъ, и кавалерія частями. Все это сталкивалось и снова расходилось и до того перепуталось, что однѣ части примыкали къ другимъ, не разбирая, съ кѣмъ идутъ и куда направляются». Отступая на Качу, полки руководились только тѣмъ, что шли на соединеніе съ своими обозами, которые были туда отправлены еще до начала сраженія. Они расположились на правомъ берегу рѣки въ двухъ колоннахъ: одна близъ главной севастопольской дороги, другая близъ деревни Эфенди-Кой. Отсутствіе при арміи не только полевой полиціи, но и лица, исполнявшаго обязанность генералъ-вагенмейстера, было причиною, что и здѣсь царствовалъ полнѣйшій безпорядокъ; въ однѣхъ повозкахъ были запряжены лошади, въ другихъ — нѣтъ; нѣкоторыя стояли вдоль, иныя—поперекъ. «Обозамъ не было дано знать объ отступленіи отряда, пишетъ Еннперловъ [3]), а потому, увидавъ отступающихъ (прежде всего, разумѣется, перевязочныя повозки и раненыхъ), они подняли страшную суматоху. Неподчиненные одному лицу, обозы всѣхъ полковъ, а особенно офицерскія повозки, запрягли поспѣшно лошадей и бросились къ переправѣ черезъ рѣку, не соблюдая порядка и очереди». Весь правый берегъ рѣки Качи былъ покрытъ строеніями и садами, обнесенными оградами, и потому переправа черезъ нее могла быть произведена только по единственному броду, къ которому ведетъ узкій переулокъ. Въ этомъ узкомъ переулкѣ происходила ужасная давка. Столпившіяся повозки перемѣшались съ артилеріею, сцѣпились между собой и до такой степени перепутались, что могли окончить переправу только къ утру 9-го сентября.

Войска же, прождавъ переправы до самой ночи и не дождавшись ее, стали переправляться по одиночкѣ. Солдаты пробирались между обозами, перелѣзали черезъ ограды и кое какъ достигали до высотъ лѣваго берега рѣки, гдѣ и располагались бивакомъ.

---

[1]) «Гдѣ войска, пишетъ Панаевъ, и что и какъ намъ не было извѣстно... они разбрелись».

[2]) Подполковникъ Ваксмутъ «Воспоминанія Севастопольца» (рукоп.).

[3]) См. «Воен. Сборникъ» 1859 г. № 1.

Если бы непріятель преслѣдовалъ насъ самыми ничтожными силами, то и тогда онъ легко могъ уничтожить весь обозъ арміи и захватить часть артилеріи. Наши войска опасались этого преслѣдованія и «мы думали, пишетъ одинъ изъ участниковъ боя, что намъ придется на своихъ ранцахъ внести французовъ въ Севастополь» [1]). Только около полуночи всѣ войска собрались на Качѣ.

Отсюда князь Меншиковъ отправилъ въ Петербургъ своего адъютанта, ротмистра Грейга, съ словеснымъ и короткимъ донесеніемъ, что 8-го числа англо-французскія десантныя войска принудили его оставить позицію, которую онъ занималъ на Алмѣ; что причиною оставленія позиціи была недостаточная стойкость войскъ, и что онъ отступаетъ къ Севастополю [2]).

Князь Александръ Сергѣевичъ былъ несправедливъ, обвиняя русскаго солдата въ недостаточной стойкости и укоряя войска въ томъ, что они дурно дрались на Алмѣ [3]). Конечно, принять всю

---

[1]) Матер. Вып. IV 147.

[2]) Собственноруч. письмо Императора къ кн. Горчакову отъ 17-го сентября.

[3]) Къ сожаленію спустя двадцать слишкомъ лѣтъ, бывшій адъютантъ князя, г. Панаевъ спешится подтвердить мнѣніе своего начальника, и бросить тѣнь на войска. Считая себя вправѣ обвинять ихъ въ трусости и недостаткѣ стойкости, Панаевъ, какъ очевидецъ, увѣряетъ въ своихъ запискахъ, что полки Московскій и Казанскій Великаго Князя Михаила Николаевича не выдержали натиска и бѣжали, а Бородинскій и Угличкій—въ замѣшательствѣ уходили самовольно съ поля сраженія. Изъ нашего разсказа видно, что сверхъ того три полка пѣхоты, вся кавалерія и двѣ батареи не были совсѣмъ введены въ дѣло и, слѣдовательно, по показанію г. Панаева, изъ всѣхъ войскъ собранныхъ на р. Альмѣ оставалось только 14 баталіоновъ, на долю которыхъ пришлось бороться съ 60,000-ною непріятельскою арміею. Неужели же эти 14 баталіоновъ, въ которыхъ было менѣе 10,000 человѣкъ, имѣя сравнительно плохое вооруженіе, въ состояніи были въ теченіе многихъ часовъ удерживать армію англо-французовъ и нанести ей пораженіе въ 3,553 человѣка, тогда какъ 60,000 союзниковъ, вооруженныхъ превосходнымъ оружіемъ, нанесли намъ уронъ всего въ 5,709 человѣкъ. Неужели Казанскій Великаго Князя Михаила Николаевича полкъ, не принимая непосредственнаго участія въ дѣлѣ, могъ во время своего бѣгства потерять 1,124 человѣка? Неужели Владимірскій полкъ, понесшій въ сравненіи съ Казанскимъ почти одинаковую потерю (1,260 человѣкъ), могъ одинъ бороться со всею англійскою арміею, заставить ее отступить за рѣку и потомъ повторить атаку? Неужели англо-французы не могли замѣтить нашего бѣгства, а между тѣмъ иностранные историки не скрываютъ, что упорное сопротивленіе нашихъ войскъ поразило непріятеля. Въ настоящее время обнародовано, какъ въ нашей, такъ и въ иностранной литературахъ достаточно данныхъ для того, чтобы опредѣлить вѣрность своихъ впечатлѣній и воспоминаній о событіяхъ, случившихся 20 лѣтъ тому назадъ. Повторять ихъ голо-

отвѣтственность на себя гораздо труднѣе, чѣмъ обвинить другихъ, и князь Меншиковъ послѣдовалъ послѣднему внушенію. Черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія, встрѣтивъ на сѣверной сторонѣ Севастополя Московскій полкъ, князь Меншиковъ обратился къ нему съ ѣдкимъ укоромъ.

— Благодарю васъ за отрицательную храбрость, сказалъ онъ обращаясь къ полку.

— Рады стараться, ваша свѣтлость, отвѣчали солдаты, не понявшіе упрека.

Здѣсь не мѣсто входить въ длинныя разсужденія и опроверженіе мнѣнія командующаго войсками, но достаточно сказать, что князь самъ себя опровергаетъ предъидущею и послѣдующею перепискою съ военнымъ министромъ и другими лицами. Полки: Владимірскій, Великаго Князя Михаила Николаевича, Минскій и Московскій, Брестскій и Бѣлостокскій резервные баталіоны, долгое время удерживали наступленіе 60,000-ной арміи и были растрепаны непріятелемъ. Значитъ ли это драться дурно? Владимірцы три раза отстаивали свои знамена, остальные полки сдѣлали бы тоже, но не ихъ вина, что не введенные въ дѣло, они остались праздными зрителями геройскаго сопротивленія своихъ товарищей.

Еще до отъѣзда Грейга, командующій войсками, оставляя поле сраженія, потребовалъ къ себѣ генерала Кирьякова. Послѣдній догналъ его на четвертой верстѣ отъ позиціи. Князь Меншиковъ ѣхалъ по большой севастопольской дорогѣ въ сопровожденіи прискакавшихъ изъ Севастополя генералъ-адъютанта Корнилова и подполковника Тотлебена.

— Всѣмъ войскамъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Кирьякову, отступать на Качу, перейдя рѣчку сдѣлать тамъ ночлегъ, а завтра, въ шесть часовъ утра, прикажите слѣдовать на Бельбекъ, гдѣ вы выстроите ихъ лѣвымъ флангомъ къ верховью севастопольской бухты, правымъ—къ Бельбеку и фронтомъ—къ морю, такъ чтобы прикрыта была дорога въ Бакчисарай.

Это приказаніе было послѣднимъ распоряженіемъ князя Меншикова, которое было извѣстно ротмистру Грейгу передъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, а потому, прибывши въ столицу, онъ могъ повторить только то, что слышалъ, но не могъ сообщить никакихъ подробностей о будущихъ намѣреніяхъ командующаго войсками.

словно и безъ провѣрки можно только для какихъ нибудь скрытныхъ цѣлей, для того, чтобы казаться оригинальнымъ или изъ желанія безпристрастнѣе обвинить нашу армію и прокричать о своихъ заслугахъ.

Отъ того первыя свѣдѣнія, полученныя въ столицѣ, были сбивчивы и крайне неопредѣленны. Въ Петербургѣ знали только, что сраженіе было неудачно, что мы отступили — и только.

За отступавшими тянулась вторая искалѣченная армія — огромная толпа раненыхъ. Положеніе ихъ было въ полномъ смыслѣ безотрадное. Разсыпавшись на огромной площади между Симферополемъ, Бакчисараемъ и Севастополемъ и не зная, куда отступила армія, контуженные и раненые брели на удачу, не зная гдѣ найдутъ пріютъ и облегченіе своимъ страданіямъ. Одни успѣли добраться до Симферополя, другіе пришли въ Бакчисарай, наконецъ третьи, двигаясь по направленію къ Севастополю, добрели до Качи и были встрѣчены попеченіемъ уцѣлѣвшихъ товарищей. Весь путь отъ рѣки Альмы вплоть до самой Качи былъ унизанъ ранеными.

Санитарная часть находилась тогда въ самомъ плохомъ состояніи, и запасовъ почти не было. Въ корпіи и бинтахъ чувствовался значительный недостатокъ; небольшой запасъ ихъ при лазаретныхъ фурахъ расходовался на вѣсъ золота и солдаты принуждены были для перевязки ранъ рвать собственныя рубахи.

Положеніе оставшихся на полѣ сраженія и преимущественно тяжело раненыхъ было еще того хуже. Предоставленные попеченію непріятеля, они не встрѣтили никакой помощи. Союзники оказались въ дѣйствительности вовсе не такъ человѣколюбивы, какъ прокричалъ о томъ Сентъ-Арно въ своемъ донесеніи объ алмскомъ сраженіи, а за нимъ повторили и многіе французскіе историки. Правда, нѣкоторые изъ нашихъ раненыхъ были подобраны, перевезены на корабли и затѣмъ отправлены въ Константинополь, но что они вытерпѣли, что перенесли, объ этомъ можно вспомнить лишь съ содраганіемъ. Достаточно указать только на тѣхъ, которые были перевезены на англійскомъ пароходѣ въ Одессу; они были оставлены въ совершенно безпомощномъ состояніи, ихъ раны перевязаны были сѣномъ и соломою. Многіе изъ раненыхъ, оставшіеся неподобранными, присоединились къ отряду на второй, третій и даже четвертый день послѣ сраженія и все это время оставались не перевязанными.

Вплоть до 14-го сентября, вся дорога отъ Бельбека до сѣвернаго укрѣпленія Севастополя была усѣяна ранеными. Сверхъ того, союзники бросили на Алмѣ безъ всякаго призрѣнія около 320 человѣкъ нашихъ тяжело раненыхъ [1]). Только обильною росою под-

[1]) Собственноручная записка князя Меншикова. Воен. учен. арх. дѣло № 4270. Показаніе рядоваго Ивана Андреева.

держивали они свое существованіе; раны многихъ изъ нихъ покрылись червями. Наблюдавшіе за движеніемъ непріятеля казаки подбирали безпомощныхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, 14-го сентября дали знать таврическому губернатору, что на рѣкѣ Альмѣ есть еще наши раненые, числомъ болѣе двухсотъ человѣкъ. Получивъ эти свѣдѣнія, генералъ Пестель тотчасъ же отправилъ изъ Симферополя сорокъ фургоновъ, прибывшихъ въ городъ изъ нѣмецкихъ колоній и снабдивъ ихъ конвоемъ и людьми, поручилъ имъ подобрать раненыхъ. Такихъ раненыхъ было доставлено въ Симферополь 120 человѣкъ, остальные были первое время призрѣны мѣстнымъ помѣщикомъ княземъ Хункаловымъ, въ его имѣніи [1]).

Не веселъ былъ бивакъ послѣ такого ужаснаго побоища. Русскій солдатъ не любитъ отступать даже и тогда, когда не въ силахъ преодолѣть завѣдомо многочисленнаго врага; онъ предпочитаетъ сложить свою молодецкую голову, чѣмъ уступить врагу клочокъ родной земли. Такъ было и теперь. Хотя каждый и видѣлъ во время самаго боя, что на одного приходилось болѣе чѣмъ по два непріятеля, а все-таки наши солдаты были недовольны отступленіемъ. Сознавая, что дрались, какъ Богъ и Государь велѣлъ, полки шли молча на рѣку Качу, молча они и расположились на бивакѣ. Бивакъ представлялъ мрачную картину. Ночь была темная, тучи обложили все небо.

Но утро 9-го сентября, князь Меньшиковъ измѣнилъ свое предположеніе стать во фланговой позиціи, и войска, оставивъ бивакъ на Качѣ, потянулись къ Севастополю. Они шли подъ прикрытіемъ арьергарда, бывшаго подъ начальствомъ полковника Хрущева и состоявшаго изъ Волынскаго и Бородинскаго полковъ и двухъ легкихъ №№ 3-го и 4-го батарей 11-й артиллерійской бригады (8 батальоновъ и 16 орудій), численностью въ 6,500 человѣкъ. За войсками слѣдовали и жители деревень, лежавшихъ на пути отступленія арміи.

Около полудня полки подошли къ Бельбеку. Здѣсь они расположились на привалъ, который необходимъ былъ людямъ, уставшимъ послѣ горячаго боя и измученнымъ южнымъ жаромъ. Жители, мужчины и женщины, толпами спѣшили изъ города на встрѣчу раненымъ и по мѣрѣ своихъ силъ старались облегчить страданія несчастныхъ. На привалѣ посѣтили войска севастопольскія дамы. Одѣтыя въ траурныя платья, они угощали офицеровъ завтракомъ и распрашивали о ходѣ сраженія.

---

[1]) Отношеніе Пестеля 17-го сентября. Воен. учен. арх. дѣло № 4289.

Герои дня, 8-го сентября, владимірцы, были, вмѣстѣ съ тѣмъ приглашены генералъ-адъютантомъ Корниловымъ къ обѣду, на корабль «Великій Князь Константинъ». Это первое дружеское соединеніе моряковъ съ пѣхотою было весьма знаменательно для будущаго. Принявъ владимірцевъ съ распростертыми товарищескими объятіями, моряки положили между войсками различнаго рода оружія, то прочное начало взаимнаго дружества, которое не прекращалось во все время знаменитой защиты Севастополя.

Послѣ кратковременнаго привала, войска потянулись къ городу. Тарутинскій полкъ занялъ Сѣверное укрѣпленіе, 5-ые и 6-ые баталіоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ поступили въ составъ гарнизона, нѣкоторые полки переправились черезъ рейдъ, на приготовленныхъ судахъ черноморскаго флота, но большинство ихъ, обогнувъ Сѣверную сторону города, спустились въ долину Черной рѣчки и, перейдя ее по никерманской гати, поднялись на Сапунъ-гору. Въ этотъ день Севастополь запруженъ былъ войсками, артилеріею и обозами [1]). Только вечеромъ 9-го сентября всѣ полки собрались на Южной сторонѣ города, гдѣ и расположились бивакомъ между Карантинною и Сарандинакиною балками, на мѣстности, извѣстной подъ именемъ *Куликова поля*. Черезъ день, 11-го сентября, къ нимъ присоединился генералъ Жабокритскій, съ отрядомъ въ 3,572 человѣка строевыхъ нижнихъ чиновъ [2]).

Между тѣмъ, князь Меншиковъ, по прибытіи въ Севастополь, донесъ о томъ Государю Императору. «Для водворенія стройности въ войскахъ, писалъ онъ [3]), впервые бывшихъ подъ непріятельскимъ огнемъ и *для укомплектованія ихъ снарядами*, я передвинулся черезъ никерманскій дефилей и нахожусь на позиціи впереди Севастополя, *откуда постараюсь перейти въ наступленіе*, согласуя мои движенія съ мѣропріятіями къ оборонѣ города».

Получивъ такое донесеніе, Императоръ Николай, самъ близко и хорошо знавшій окрестности Севастополя, выразилъ сомнѣніе и не могъ понять, какимъ образомъ съ того мѣста, гдѣ находились наши войска, можно было перейти въ наступленіе. «Въ одно почти время, писалъ Императоръ [4]), когда прибылъ твой фельдъегерь любезный

[1]) Воен. ученый арх. дѣло № 3353.

[2]) Журналъ военныхъ дѣйствій. Рапортъ генерала Жабокритскаго князю Меншикову 6-го сентября № 897. Воен. учен. арх. дѣла №№ 3346 и 3590.

[3]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи 10-го сентября. Арх. канц. воен. мин. дѣло № 110.

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ князю М. Д. Горчакову отъ 17 сентября.

Горчаковъ изъ Кишинева отъ 10 числа, пріѣхалъ другой отъ князя Меншикова, отъ того же числа, съ подтвержденіемъ несчастныхъ свѣдѣній, которыя словесно мнѣ привезъ адъютантъ его Грейгъ.— Буди воля Божія, роптать не буду и покорюсь Святой его волѣ.— Но больно мнѣ, что причиной поставляется *молодушіе войскъ!* Непонятно для меня, зная какъ хороши были и по общему слуху и донесеніямъ самаго князя, какой духъ (между) ими господствовалъ.— Но поздно о семъ говорить, надо помышлять о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ.

«Вопервыхъ избранная Меншиковымъ позиція не спасетъ флота, котораго потеря неизбѣжна; врядъ-ли спасетъ и Севастополь, а можетъ быть поведетъ и къ истребленію всего отряда. — Не льщу себя надеждой, чтобъ могъ быть иной исходъ.— Хотя Меншиковъ надѣется еще перейти въ наступленіе, но сему мало вѣрю, ибо откуда онъ стоитъ считаю это дѣло невозможнымъ. — Быть можетъ что отрядъ собираемый у Симферополя и назначаемый какъ кажется, Меншиковымъ дѣйствовать въ тылъ непріятеля, нѣсколько облегчитъ это отчаянное положеніе. — Но большихъ послѣдствій не предвижу, ибо непріятель отдаляясь отъ Евпаторіи пріобрѣлъ у Качи и Бельбека другое удобное и близкое мѣсто высадки. — Нѣтъ сомнѣнія, что онъ скоро и легко съ тылу овладѣетъ нашими приморскими укрѣпленіями сѣвернаго берега и тогда однѣ батареи южнаго берега не удержатъ его вторгнуться въ рейдъ и довершить пораженіе.

«Сколь все это ни горько, но надо вѣроятное умѣть себѣ высказать и мѣры наши брать согласно тому.

«Съ потерей Севастополя, флота и уничтоженіемъ корпуса Меншикова, Крымъ для насъ потерянъ будетъ ранѣе чѣмъ наши резервы прибудутъ. Дѣло предстоитъ уже не въ сохраненіи, *а въ обратномъ завоеваніи Крыма*, а потому и способы должны быть соразмѣрны цѣли».

Императоръ поручилъ князю Горчакову отдѣлить часть войскъ Южной арміи и какъ можно скорѣе отправить ихъ въ Крымъ. Въ скоромъ прибытіи подкрѣпленій Государь видѣлъ единственную возможность вывести князя Меншикова изъ того затруднительнаго положенія, въ которое онъ поставилъ себя переходомъ на южную сторону города.

Дѣйствительно, съ перваго взгляда трудно понять образъ дѣйствій князя Меншикова. Въ оправданіе своихъ дѣйствій онъ писалъ, что отступленіе на Севастополь было вызвано необходимостью за-

щитить этотъ городъ и подъ его прикрытіемъ устроить войска, укомплектовать артилерію и пополнить боевые запасы [1]).

Ни то, ни другое не было справедливо.

Если бы князь Меншиковъ имѣлъ въ виду дѣйствительно защищать Севастополь, то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ его распоряженія имѣли бы характеръ послѣдовательности и опредѣленности, и онъ не перешелъ бы на южную сторону города. Изъ послѣдующей дѣятельности командующаго войсками видно, что онъ вовсе не думалъ защищать городъ тѣми войсками, которыя участвовали въ алмскомъ сраженіи.

Что касается до движенія его на Севастополь по необходимости пополнить боевые запасы арміи, то и это несправедливо: никакого пополненія боевыми припасами въ это время не происходило. Изъ вѣдомости, приложенной къ рапорту начальника артилерійскихъ гарнизоновъ Южнаго округа [2]), видно, что въ промежутокъ времени съ 8-го по 22-е сентября [3]) не было отпущено въ полки дѣйствующаго отряда ни одного патрона, и слѣдовательно, князю Меншикову не представлялось никакой необходимости вести армію въ Севастополь. Если бы онъ имѣлъ опредѣленный и заранѣе составленный планъ дѣйствій, то не избралъ бы этотъ путь отступленія, а съ бивака на Качѣ двинулся бы прямо на Бакчисарай. Ставъ на флангѣ непріятеля, онъ сохранялъ сообщеніе съ Перекопомъ, угрожалъ бы союзной арміи и могъ присоединить къ себѣ всѣ спѣшившія къ нему подкрѣпленія. Движеніе на Бакчисарай не вызывало никакихъ опасеній за недостатокъ боевыхъ припасовъ. При тогдашней организаціи, въ каждомъ полку было по 16 патронныхъ ящиковъ, изъ которыхъ каждый вмѣщалъ въ себѣ по 10,000 патроновъ. Слѣдовательно, въ девяти пѣхотныхъ полкахъ и четырехъ резервныхъ баталіонахъ, сосредоточенныхъ на рѣкѣ Альмѣ, было не менѣе 148 патронныхъ ящиковъ съ 1,480,000 патроновъ. Если къ этому числу прибавить 1,800,000 боевыхъ патроновъ, находившихся въ сумахъ на людяхъ, то общее число патроновъ, бывшихъ при войскахъ, доходило до 3,280,000. Предположивъ, что третья

[1]) Собственноручная записка князя Меншикова безъ числа Письмо его же, князя Горчакову отъ 20-го сентября Воен. учен. арх. д. №№ 3331 и 4270.

[2]) Инспектору артилеріи отъ 18-го октября за № 4508. Арх. главн. артил. управ. дѣло № 8059.

[3]) Т. е. со дня сраженія на Алмѣ до возвращенія арміи, послѣ фланговаго движенія, къ Сѣверной сторонѣ Севастополя.

часть патроновъ, находившихся въ сумахъ (600,000), была израсходована въ сраженіи, то и тогда въ войскахъ оставалось болѣе чѣмъ по сто патроновъ на человѣка. Вызвавъ своевременно патронные ящики и полупаркъ № 8-го [1]) на соединеніе съ отрядомъ, князь Меншиковъ могъ не опасаться за недостатокъ боевыхъ припасовъ и смѣло выдержать два большихъ сраженія. Пополненіе батарей могло быть произведено точно такимъ же способомъ и недостатка въ зарядахъ быть не могло. Князь Меншиковъ самъ раздѣлялъ это мнѣніе. По словамъ адъютанта его, ротмистра Грейга, командующій войсками предполагалъ перейти Бельбекъ и стать такимъ образомъ, чтобы угрожать лѣвому флангу непріятеля [2]). Изъ всего сказаннаго должно вывести заключеніе, что отступленіе наше въ Севастополь и переходъ на Южную сторону, совершились случайно, помимо желанія командующаго войсками и только потому, что нѣкоторые полки сами пришли въ этотъ городъ.

Слухъ о неудачѣ нашей арміи и о критическомъ положеніи Севастополя быстро распространился по полуострову и повлекъ за собою еще большее переселеніе жителей.

По пути переселенцы разсказывали о многочисленности непріятельскихъ войскъ и наоборотъ о малочисленности нашихъ; увѣряли, что Севастополь окруженъ со всѣхъ сторонъ непріятелемъ и что спасеніе Крыма, въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, можно ожидать только съ прибытіемъ новыхъ войскъ и лучшихъ генераловъ [3]).

Разсказы переселенцевъ имѣвшихъ за собою авторитетъ очевидцевъ и личныхъ свидѣтелей казались прочимъ жителямъ достовѣрными. — «Въ Николаевѣ духъ у многихъ упалъ, писалъ генералъ Кнорринг [4]), потому что по большей части у нихъ родственники въ Севастополѣ, а многія имѣютъ тамъ имѣнія: потерявши ихъ — потеряютъ все. — Стараемся музыкой на бульварѣ ихъ развеселить не совсѣмъ удачно».

«Весь край здѣшній въ смутѣ, писалъ П. Кукольникъ изъ Ростова-на-Дону [5]). Доходящіе сюда слухи хотя не лишаютъ еще

[1]) Въ которомъ было 175,000 патроновъ.

[2]) Собственноручное письмо Императора князю Меншикову отъ 12-го сентября 1854 г.

[3]) Изъ письма преосвященнаго Иннокентія. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 78.

[4]) Кн. Меншикову (письмо безъ числа) Воен. учен. арх. д. № 3361.

[5]) Барону Вревскому отъ 17 сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 78.

надежды, но не могутъ считаться утѣшительными. Главное что печалитъ народъ — это то, что князь Меншиковъ отступилъ въ Севастополь».

Уныніе еще болѣе усиливалось слухами о безпорядкахъ, безначаліи и волненіи татаръ, разбои которыхъ достигали до самаго Перекопа. — Населеніе въ городахъ быстро возрастало. — Въ Бакчисараѣ и Симферополѣ недоставало квартиръ для размѣщенія всѣхъ прибывающихъ въ городъ; многимъ изъ нихъ пришлось оставаться подъ открытомъ небомъ. — Таврическій гражданскій губернаторъ генералъ Пестель совершенно растерялся и не зналъ что съ ними дѣлать.

Отступленіе нашихъ войскъ къ Севастополю казалось ему опаснымъ для Симферополя, тѣмъ болѣе что въ городѣ было уже извѣстно, что татары прервали сообщеніе и грабили по дорогамъ. — Пестель собралъ совѣтъ изъ гражданскихъ чиновниковъ для обсужденія мѣръ которыя необходимо было принять при настоящихъ обстоятельствахъ. — Собравшіеся рѣшили, что какъ армія отступила къ Севастополю, а непріятель можетъ двинуться на Симферополь то и вывезти, какъ изъ Симферополя такъ и изъ Карасубазара всѣ присутственныя мѣста съ казною и дѣлами [1]), причемъ городская и земская полиціи, почтовая контора съ почтовою станціею и жандармская команда не изъяты были отъ этого бѣгства.

Утромъ 9-го сентября, генералъ Пестель объявилъ, что всѣ должностныя лица обязаны выѣхать изъ города черезъ часъ или черезъ два.—Считая дорогу на Перекопъ не безопасною онъ предупредилъ, что поведетъ черезъ Чонгарскій мостъ на Мелитополь.

Объявленіе это произвело сильное волненіе среди населенія города. — Всѣ торопились отыскать подводы для имущества, но или не находили ихъ вовсе, или нанимали за весьма высокую цѣну. За простой фургонъ платили по 150 и по 200 руб., а за открытую телѣгу 100 руб. Въ каждомъ домѣ видны были сборы въ дорогу, хлопоты и суетня.—Вынимали изъ камодовъ наиболѣе дорогія вещи укладывали ихъ въ торопяхъ въ чемоданы и экипажные сундуки, связывали въ громадные узлы, переносили мебель изъ одной комнаты въ другую, отдавали приказаніе людямъ на завтрашній день, посылали въ лавки за покупками и все это двигалось, дѣйствовало и говорило подъ вліяніемъ какого то паническаго страха».[2])—

[1]) Рапортъ управляющаго Симферопольскою провіантскою комиссіею 11-го сентября за № 5793.

[2]) Изъ «Записокъ Чиновника» Матеріал. III, 29.

Заботы и горе написаны были на всѣхъ лицахъ. Бѣдное населеніе города покидая свои жилища лишалось послѣднихъ средствъ къ жизни; для переселенія требовались значительные расходы, а пятидесяти и даже ста рублей было недостаточно чтобы собраться въ путь.

По приказанію губернатора всѣ присутственныя мѣста прекратили производство дѣлъ, связывали ихъ въ пачки и укладывали на заранѣе заготовленныя подводы, и телеги принадлежащія почтовому вѣдомству. — Въ городѣ быстро исчезла вся звонкая монета — въ ней ощущался большой недостатокъ, а бумажные деньги потеряли половину своей цѣнности. — Генералъ Пестель отправилъ одного за другимъ нѣсколькихъ чиновниковъ къ Кн Меншикову испрашивая разрѣшенія оставить городъ со всѣми присутственными мѣстами. — Посланные не возвращались и губернаторъ долженъ былъ отложить свое бѣгство до слѣдующаго утра, подъ предлогомъ того, чтобы выступить всѣмъ вмѣстѣ. —При этомъ онъ счелъ необходимымъ предупредить чиновниковъ, что кто изъ нихъ не выѣдетъ изъ города вмѣстѣ съ нимъ тотъ будетъ сочтенъ измѣнникомъ [1]).

Получивши такое категорическое заявленіе губернатора Симферопольская коммисія отправила въ главную квартиру Штабсъ-ротмистра Мищенко съ донесеніемъ, что Таврическій губернаторъ требуетъ, чтобы всѣ присутственныя мѣста были готовы къ выѣзду изъ Симферополя, — и потому коммисія испрашиваетъ на то разрѣшеніе главнокомандующаго.

Между тѣмъ недождавшись и на слѣдующее утро возвращенія посланныхъ генералъ Пестель увѣдомилъ Кн. Меншикова что выѣзжаетъ изъ Симферополя со всѣми присутственными мѣстами. Такимъ образомъ онъ преждевременно отступился отъ Крыма уступивъ свою власть татарамъ, которые и не упустили ею воспользоваться.

Въ 9 часовъ утра, 20-го сентября, длинный обозъ болѣе чѣмъ въ 2500 подводъ, нагруженныхъ женщинами, дѣтьми и разнаго рода имуществомъ тронулся изъ города конвоируемый 60-ю солдатами внутренняго гарнизоннаго баталіона, растянувшимися болѣе чѣмъ на двѣ версты. Число удалявшихся простиралось приблизительно до 10 т. человѣкъ. — Экипажи всѣхъ возможныхъ видовъ, размѣровъ

---

[1]) Записка д. с. сов. Григорьева (рукоп.) Рап. Симфер. провіантской коммисіи Кн Меншикову отъ 9 сентября № 5753. Арх. Глав. Штаба дѣла Крымской арміи Св. 174 д. № 1.

и названій, всадники, пѣшеходы, нѣсколько въ сторонѣ лошади, коровы, волы, собаки» — все это уходило изъ города съ шумомъ крикомъ и различнаго рода восклицаніями. — Многіе мужчины вооружились ружьями, пистолетами, саблями и шашками, надѣясь, въ случаѣ нападенія не большаго непріятельстаго отряда, дать ему значительный отпоръ.—Губернаторъ забралъ съ собою почтовыхъ лошадей и полиціймейстера съ его командою, забралъ жандармовъ и почтовую контору. Уѣзжавшіе принуждены были бросить все свое имущество и дома на расхищеніе татаръ.

Къ полудню Симферополь опустѣлъ; всѣ лавки были заперты, только братья Бычковы удержали при своемъ магазинѣ прикащиковъ, которымъ приказали продавать оставшимся бѣднымъ жителямъ чай, сахаръ и закуски по дешевой цѣнѣ.

Въ Симферополѣ остались провіантская коммисія и начальникъ гарнизоннаго батальона Подполковникъ Сухаревъ, въ распоряженіи котораго было нѣсколько ротъ гарнизона, инвалидная команда, партія рекрутъ и полсотни казаковъ; общая численность этого отряда доходила до 2 т. человѣкъ [1]) — изъ коихъ только 1085 челов. имѣли вооруженіе [2]).

Подполковникъ Сухаревъ принялъ всѣ мѣры къ сохраненію спокойствія въ городѣ; онъ установилъ казачьи разъѣзды по всѣмъ даже самымъ глухимъ улицамъ и объявилъ татарамъ, что всякое преступленіе съ ихъ стороны будетъ судиться военнымъ судомъ,— и порядокъ въ этотъ день не былъ нарушенъ.

Находя однакоже что силы его недостаточны для сопротивленія непріятелю, если бы онъ вздумалъ двинуться на Симферополь, подполковникъ Сухаревъ отправилъ нарочнаго къ генералу Хомутову съ просьбою о помощи. — Хомутовъ отвѣчалъ съ тѣмъ же посланнымъ, что самъ выступаетъ съ войсками изъ Керчи въ Симферополь и просилъ Сухарева держаться до послѣдней крайности.

Часовъ около трехъ пополудни черезъ Симферополь проѣхалъ изъ главной квартиры Князя Меншикова, Штабсъ Капитанъ Мезенцевъ, присланный Кн. Горчаковымъ и возвращавшійся къ своему мѣсту служенія. — Онъ привезъ губернатору приказаніе Кн. Меншикова, чтобы всѣ присутственныя мѣста оставались въ Симферополѣ.

---

[1]) Рапортъ подполковника Сухарева генералу Хомутову 10-го сентября № 8753. Арх. канц. воен. минис. по снаряжанію войскъ дѣло № 110.

[2]) Рапортъ его же Кн. Меншикову 12-го сентября № 8798. Арх. глав. шт. Связка 174, д. № 1.

Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ офицеръ провіантской коммисіи привезшій ей предписаніе, не трогаясь съ мѣста, продолжать свою обязанность. Подполковникъ Сухаревъ тотчасъ же отправилъ съ этими извѣстіями нарочнаго къ генералъ-лейтенанту Пестелю, котораго едва нашли въ степи верстъ за 20 отъ города во главѣ поѣзда расположившагося на привалѣ, для корма лошадей и воловъ.— По полученіи этого извѣстія эмигранты пришли въ неописанный восторгъ: раздалось громкое «ура» и въ пустынной степи прогремѣло до сотни выстрѣловъ....

Только позднимъ вечеромъ и то по одиночкѣ стали возвращаться въ городъ путешественники Оставшіеся смѣялись надъ возвращавшимися, смѣялись и надъ губернаторомъ, положеніе котораго въ Симферополѣ сдѣлалось весьма незавиднымъ.—«Народъ давно уже его не любитъ, писалъ одинъ изъ Симферопольцевъ, но этотъ случай раздражилъ всѣхъ до крайности». — Бѣдные чиновники въ особенности пострадали: ихъ заставили покинуть свое имущество и выѣзжать изъ города. Имъ выдали впередъ третное жалованье которое они истратили на совершенно безполезную, но дорогую и разорительную прогулку по степи. — Прогулку эту Симферопольцы прозвали *городскимъ пикникомъ* [1]....

Въ тотъ же самый день произошло такое же выселеніе и изъ Перекопа, куда въ день высадки прибылъ Евпаторійскій казначей Джіоти, съ суммою и чиновниками, а на другой день явился и приставъ казенной палаты Сенниковъ, находившійся при Сакскомъ озерѣ. Слѣдомъ за ними тянулись жители разныхъ сословій спасавшіе себя и свои семейства. — Послѣдніе разсказывали о тѣхъ лишеніяхъ и опасности, которымъ подвергались они отъ разбоевъ татаръ Евпаторійскаго уѣзда. — Какъ бы въ подтвержденіе ихъ словъ жители Перекопа узнали, что въ городъ прибыли ограбленные, избитые и раненые купцы, занимавшіеся торговлею соли.— Въ числѣ этихъ несчастныхъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ солепромышленниковъ Караимъ Луцкій, у котораго татары отняли болѣе 11 т. руб. сер.

Всѣ эти свѣдѣнія и разсказы распространили панику въ окрестномъ населеніи и многіе торговые люди стали уѣзжать изъ Перекопа. — Къ сожалѣнію само начальство увлеклось общимъ пото-

---

[1]) Изъ «Записокъ чиновника» Мат. III, 30 — 37. Письмо Княжевича отъ 11-го Сентября. «Записка проѣзжаго» (рукоп.). «Десятое сентября въ Симферополѣ». Мат. III, 39.

комъ и не нашло въ себѣ силы и рѣшимости, чтобы подать примѣръ противнаго. — Конечно это послужило къ еще большему упадку народнаго духа. — Не имѣя ни какихъ свѣдѣній о своихъ чиновникахъ находившихся въ Евпаторійской дистанціи, перекопское Соляное правленіе, въ ожиданіи ихъ прибытія и дальнѣйшей развязки дѣла, учредило въ двухъ пунктахъ посты изъ четырехъ конныхъ объѣздчиковъ: одинъ въ селеніи Кенигезъ, на дорогѣ въ Евпаторію, верстахъ въ 50 отъ Перекопа, а другой въ селеніи Колончакъ, для наблюденія за положеніемъ береговъ по Джегарлыцкому заливу, до Тендры и далѣе къ Кинбурну. — Съ послѣдняго пункта свѣдѣнія доставлялись въ Перекопъ благопріятныя, но со стороны Евпаторіи, они были не успокоительны.

Посланный съ двумя объѣздчиками въ селен. Кенигезъ чиновникъ Турчаниновъ нашелъ селеніе это раззореннымъ татарами, а жителей бѣжавшими въ дер. Кошкары. — Турчаниновъ видѣлъ, что татары остановили обозъ чумаковъ, отняли у нихъ до 100 воловъ и погнали ихъ по направленію къ Евпаторіи. — Бросившись въ сел. Кошкары и собравъ тамъ десять человѣкъ конныхъ жителей, Турчаниновъ успѣлъ отбить воловъ и захватилъ одного татарина, отъ котораго узналъ что кардонъ пограничной стражи № 3-го былъ раззоренъ татарами.

Раззореніе этаго кардона повлекло за собою снятіе всей линіи кардонной пограничной стражи до Ахмечетской бухты, оставленъ былъ только одинъ постъ № 1-й у берега Чернаго моря при Перекопскомъ валѣ. — Вскорѣ получено свѣдѣніе, что татары отняли 46 паръ воловъ близъ самыхъ озеръ, а 7-го Сентября прибыли въ предмѣстье Перекопа — Армянскій базаръ 50 казаковъ вышедшихъ изъ Шейхъ-Лара (имѣнія кн. Воронцова, извѣстнаго также подъ именемъ Ахмечетская бухта). — Вмѣстѣ съ казаками прибыли помощникъ пристава казенной палаты за-евпаторійскихъ озеръ Сагандинный и писецъ съ женою, которая была ранена въ одной изъ перестрѣлокъ съ татарами.

Съ каждымъ днемъ множество угрожающихъ слуховъ о возмущеніи и вражебныхъ намѣреніяхъ татаръ, достигали до Перекопа.— Можно было опасаться что ямщики на крымскихъ почтовыхъ станціяхъ, испуганные близостью непріятеля и грабежами татаръ, также разбѣгутся и тогда сообщеніе Перекопа съ Симферополемъ и Севастополемъ прекращалось само собою,

Хотя въ распоряженіи Солянаго правленія и было 75 человѣкъ конныхъ объѣздчиковъ, но опасаясь отвѣтственности за несо-

храненіе суммъ, Соляное правленіе рѣшилось оставить городъ. Казенныя суммы простиравшіеся до 160 т. рублей были отправлены въ Херсонское губернское казначейство, дѣла и книги за десять лѣтъ перенесены въ домъ смотрителя Бериславской переправы, и само правленіе 10-го Сентября выѣхало изъ Перекопа въ селеніе Каховку, Таврической губерніи, противъ г. Берислава. — Вслѣдъ за соляным правленіемъ оставили городъ Перекопское и Евпаторійское казначейства, отправившіяся въ г. Мелитополь [1]. — Такимъ образомъ продажа соли прекратилась; Таврическая губернія лишилась главнаго своего дохода, а казенная палата — возможности удовлетворить потребностямъ края, значительно увеличившимся съ началомъ военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ.

Выселеніе присутственныхъ мѣстъ и отсутствіе войскъ на пространствѣ между Перекопомъ и Симферополемъ навело на жителей Перекопа и Армянска такой страхъ, что большинство изъ нихъ также оставляли городъ. — Перекопъ первое время послѣ такого выселенія походилъ на кладбище: такъ мало было въ немъ живыхъ существъ. Въ оставленномъ городѣ толпилось только до тысячи подводъ чумаковъ пришедшихъ изъ южныхъ губерній за солью, и постоянно прибывали транспорты съ порохомъ, заарестными вещами и гурты скота, направленнаго въ Крымъ на продовольствіе войскамъ. Все это собралось въ небольшомъ городѣ, въ которомъ почти мгновенно не оказалось никакой полицейской власти. Въ городѣ прекратилась всякая торговля и затруднилось до крайности продовольствіе проходящихъ командъ. Подрядчики и извощики дойдя до Перекопа, и узнавъ здѣсь что дальнѣйшее сообщеніе прервано татарами, не знали что предпринять и къ кому обратиться. Не находя продовольствія для своихъ воловъ и лошадей подводчики оставляли возы и уходили. Подрядчики пробовали было уговорить чумаковъ, оставшихся безъ клади доставить въ Симферополь провіантъ для войскъ, но они отказывались и разъѣзжались по домамъ. Вмѣсто нихъ прибывали въ Перекопъ новые обозы и вступали войска направленныя на подкрѣпленіе Крымской арміи. Скопленіе войскъ и обозовъ было причиною многихъ безпорядковъ, не прекращавшихся за отсутствіемъ власти и какихъ бы то ни было распоряженій. Губернское начальство не предпринимало никакихъ мѣръ къ возстановленію порядка.

---

[1]) Донесен. Крымскаго Солян. Прав. въ Департ. Горн. и соляныхъ дѣлъ 10-го Сентября № 2133. Арх. канц. воен. минист. по снаряженію войскъ дѣло № 122-й.

Таврическій губернаторъ генералъ Пестель послѣ Симферопольскаго пикника, объявилъ себя больнымъ, никуда не выходилъ [1]) и не принималъ никакихъ энергическихъ мѣръ къ подавленію возстанія. Отъ Губернатора нельзя было добиться никакихъ свѣдѣній, онъ ничего не зналъ что дѣлается въ подвѣдомственныхъ ему мѣстахъ. «Князь Меншиковъ писалъ флигель-адъютантъ Шеншинъ [2]) очень недоволенъ тѣмъ, что въ Симферополѣ ничего не знаютъ о томъ, что происходитъ въ краѣ. Можно сказать что власть губернатора рушилась сама собою съ того дня, какъ онъ въ испугѣ выѣхалъ изъ города съ присутственными мѣстами. Ежели бы его не успѣли вовремя воротить, то оставшимся въ Симферополѣ жителямъ плохо пришлось бы отъ татаръ». Съ выѣздомъ присутственныхъ мѣстъ изъ городовъ каждый изъ жителей предоставлялся самому себѣ, не имѣлъ никакой защиты и не зналъ къ кому обратиться за помощью въ случаѣ нужды. Татары, остававшіеся еще намъ преданными, принуждены были скоро послѣдовать общему движенію и лишь не многіе были на столько тверды что не поддались посторонним внушеніямъ. Изъ многихъ деревень являлись къ военному начальству сборщики податей за приказаніемъ куда отвозить подати и кому сдавать деньги, но оно, за отсутствіемъ гражданскихъ властей, не могло указать имъ соотвѣтствующаго пути [3]). На просьбу военнаго начальства выслать чиновниковъ для успокоенія края и для пріема податей Таврическій губернаторъ отмалчивался и никакихъ распоряженій не дѣлалъ. Отсутствіе чиновниковъ и вообще властей дѣлало участь оставшихся намъ вѣрными далеко не привлекательною: правые бѣдствовали одинаково съ виноватыми.

Среди такого смятенія въ полдень 12-го Сентября прибылъ въ Перекопъ преосвященный Иннокентій архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Увидѣвъ положеніе, въ которомъ находился городъ и весь Крымскій полуостровъ, онъ тотчасъ же сообщилъ о томъ Новороссійскому и Бессарабскому Генералъ Губернатору.

---

[1]) Письма камеръ-юнкера Чарыкова генералу Анненкову отъ 12 и 13-го сентября. Воен. учен. арх. дѣло № 3361. Донесеніе таврическаго губернатора ему же отъ 12 сентября. Арх. канц. воен. минист. дѣло № 78.

[2]) Письмо Шеншина воен. минис. отъ 24-го сентября. Арх. канц. воен. мин. дѣло № 111.

[3]) Рап. Маіора Гангардта генералу Анненкову 20-го сентября Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ д. № 96 ч. I.

«Душевный поклонъ вамъ изъ Перекопа! писалъ онъ генералъ-адъютанту Анненкову [1]). Въ три дня мы едва добрались до него— такое множество затрудненій въ пути. Здѣсь мы съ половины вчерашняго дня и остановились на время по невозможности слѣдовать далѣе. Татары Евпаторійскаго уѣзда страшно бунтуютъ; прочіе уѣзды тоже готовы развить знамя возмущенія. Это навело большой страхъ на все христіанское населеніе и оно бѣжитъ съ полуострова въ Россію. Страннѣе всего то, что начальство первое подало постыднѣйшій примѣръ этого бѣгства, именно въ Перекопѣ, гдѣ вовсе нѣтъ опасности, все здѣшнее управленіе перебѣжало въ Бериславъ не поручивъ никому города. Отчего здѣсь— у воротъ Крыма въ Россію, — совершенное безначаліе и городъ почти пустъ. Бѣдные чумаки съ тысячью подводъ возвращаются назадъ съ плачемъ, тогда какъ ихъ можно бы было преспокойно надѣлить солью. Въ такомъ случаѣ, вы сдѣлаете истинную услугу краю, приславъ какого-либо чиновника поскорѣе сюда, чтобъ было къ кому обращаться въ случаѣ нужды.

«Войска со вчерашняго числа начали вступать сюда, съ тѣмъ, чтобы слѣдовать по большой дорогѣ далѣе къ Симферополю и обезопасить ее, а равно чтобъ стать противъ разбоевъ татарскихъ. Дорога на Арабатскую стрѣлку тоже опасна отъ татаръ, да отсюда теперь трудно и добраться до ней. — Для принятія войскъ прибылъ сюда молодой Меншиковъ: сейчасъ онъ отправляется впередъ, а мы за нимъ. Но едва-ли поспѣемъ вовремя . . . Еще повторю: въ Перекопѣ, — у воротъ въ Россію, — нужно хоть какое либо начальство, коего вовсе нѣтъ. Губернское начальство (Симферопольское) слышно само хотѣло бѣжать въ Мелитополь, но удержано княземъ. Сердце разрывается отъ жалости — отъ такихъ недосмотровъ и нераспоряженій».

По полученіи первыхъ свѣдѣній о безпорядкахъ и безначаліи въ Перекопѣ, главнокомандующій Южною арміею кн. М. Д. Горчаковъ, — сознавая что городъ этотъ по своему положенію пріобрѣлъ важное стратегическое значеніе, какъ пунктъ обезпечивающій сообщеніе Крымскаго полуострова съ остальною частью Таврической губерніи — отправилъ генералъ-лейтенанта Богушевскаго, для временнаго исполненія должности военнаго начальника и водворенія порядка.

«Возстановите порядокъ въ городѣ, писалъ ему кн. Михаилъ

---

[1]) Отъ 13-го сент. 1854 г. Воен. учен. арх. дѣло № 3361.

Дмитріевичъ [1]), возвратите удалившихся изъ онаго полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, или назначте вмѣсто ихъ другихъ лицъ изъ гражданскаго вѣдомства или изъ военныхъ офицеровъ и строго наблюдайте за сохраненіемъ впредь общественнаго порядка и благополучія; успокойте умы и объявите всѣмъ что въ Крымъ идутъ сильныя подкрѣпленія направленныя мною въ Перекопъ. . . Будте бдительны и примите всѣ мѣры къ отраженію въ случаѣ нужды всякихъ покушеній со стороны непріятельскихъ партій или вооруженныхъ шаекъ туземныхъ татаръ.»

Съ пріѣздомъ генерала Богушевскаго въ Перекопъ, порядокъ въ немъ мало-по-малу началъ водворяться, а вслѣдъ за тѣмъ прибылъ въ Симферополь флигель-адъютантъ полковникъ графъ Адлербергъ, назначенный вмѣсто генерала Пестеля и вступившій не номинально, а фактически въ должность таврическаго губернатора. Энергическими распоряженіями новаго губернатора населеніе было успокоено, безпорядки прекращены и Симферополь, послѣ кратковременнаго удаленія его обитателей и начальства, какъ бы стыдясь своего прежняго малодушія, принялся въ широкихъ размѣрахъ за дѣло благотворительности. Жители устраивали помѣщеніе для раненыхъ, хлопатали объ улучшеніи ихъ положенія и оказывали посильное содѣйствіе войскамъ во всемъ необходимомъ.

Въ остальныхъ городахъ полуострова также приходило все въ должный порядокъ. Въ Карасубазарѣ было спокойнѣе всѣхъ городовъ крымскихъ. Начальникъ города не слушалъ ни чьихъ совѣтовъ и не покидалъ города ни на минуту. Татары и здѣсь начинали волноваться, но ограничились сходками и разговорами. Ѳеодосія нѣсколько дней казалась совершенно пустою, но съ пріѣздомъ преосвященнаго Иннокентія жители стали стекаться въ городъ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ полиція не покидала города и потому порядокъ не былъ ни чѣмъ нарушенъ. На Арабатской стрѣлкѣ, въ Геническѣ и далѣе все было спокойно [2]).

---

[1]) Въ предписаніи отъ 16-го сентября № 3331.

[2]) Изъ письма Преосвящ. Иннокентія. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 78.

Отступая послѣ сраженія на р. Альмѣ къ Севастополю, князь Меншиковъ, по словамъ М. И. Богдановича, приказалъ генералъ-адъютанту Корнилову затопить нѣсколько кораблей на рейдѣ, чтобы тѣмъ преградить доступъ въ бухту непріятельскому флоту.

Утромъ 9-го сентября Корниловъ собралъ военный совѣтъ и не объявляя полученнаго приказанія, предложилъ выдти въ море и атаковать непріятеля. Мысль эта не была одобрена совѣтомъ, большинство членовъ котораго соглашалось съ мнѣніемъ капитана 1-го ранга Зорина предложившаго заградить фарватеръ «старѣйшими по службѣ кораблями и обратить экипажи съ нихъ и съ другихъ кораблей на подкрѣпленіе гарнизона».

Въ свою очередь Корниловъ отвергъ предложеніе совѣта и прекратилъ совѣщаніе словами: «готовтесь къ выходу; будетъ данъ сигналъ что кому дѣлать». Распустивъ совѣтъ Корниловъ отправился къ князю Меншикову и заявилъ о своемъ намѣреніи выдти въ море, но получилъ отъ князя вторичное приказаніе затопить корабли.

Такъ разсказанъ этотъ эпизодъ въ книгѣ Жандра [1]) и въ «Воспоминаніяхъ и разсужденіяхъ», В. Стеценко [2]) но намъ кажется не вполнѣ достовѣрнымъ. — Ниже этотъ важный эпизодъ въ жизни Севастополя изложенъ такъ какъ онъ представляется намъ по современнымъ документамъ и запискамъ участниковъ.

Приступая противъ воли къ затопленію кораблей, генералъ-адъютантъ Корниловъ медлилъ исполненіемъ этой мѣры, и подалъ условный сигналъ только 10-го сентября, въ 6 часовъ вечера. Утромъ 11-го числа суда были затоплены, рейдъ загражденъ и по словамъ автора, князь Меншиковъ въ тотъ же день сообщилъ Корнилову свое намѣреніе — оставя для «обороны Севастополя моряковъ, саперъ и резервные баталіоны 13-й пѣхотной дивизіи» — выступить съ прочими войсками въ поле къ Бакчисараю, чтобы обезпечить сообщеніе съ Перекопомъ и занять *фланговую позицію, для упрожненія непріятелю въ случаѣ его наступленія къ Севастополю.*

Въ ночь съ 11 на 12-го сентября армія князя Меншикова оставила Севастополь и двинулась къ Бакчисараю. «Послѣдующія событія, говоритъ М. И. Богдановичъ, вполнѣ оправдали мѣру принятую княземъ Меншиковымъ — выдти на дорогу, ведущую къ

---

[1]) Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и для біографіи В. А. Корнилова.

[2]) Сборникъ рукописей т. I.

Перекопу, откуда могли подходить къ нему подкрѣпленія изъ южныхъ областей Россіи и занять фланговую позицію, для угроженія непріятелю, въ случаѣ его наступленія къ Севастополю».

Не относясь критически къ обстоятельствамъ предшествовавшимъ фланговому движенію нашей арміи, и повторяя, на вѣру, только слова самого князя Меншикова, авторъ приходитъ къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Ниже мы позволимъ себѣ войти въ нѣкоторыя подробности относительно того при какихъ условіяхъ совершилось это движеніе и насколько оно было необходимо. Теперь же скажемъ, что съ удаленіемъ князя Меншикова къ Бакчисараю, Севастополь предоставленъ былъ защитѣ моряковъ и жителей, причемъ оборона сѣверной стороны города была поручена генералъ-адъютанту Корнилову, а завѣдываніе морскими командами на южной — вице-адмиралу Нахимову. Авторъ довольно подробно знакомитъ насъ, какъ съ средствами защитниковъ, такъ и съ результатами ихъ дѣятельности, происходившей почти на глазахъ приближавшагося непріятеля.

Прошло нѣсколько дней, прежде чѣмъ англо-французы рѣшили, что имъ дѣлать послѣ сраженія 8-го сентября. Лордъ Рагланъ предлагалъ, пользуясь одержанною побѣдою, немедленно овладѣть сѣвернымъ укрѣпленіемъ. Но совершенное незнаніе края, потери въ сраженіи, недостатокъ кавалеріи и обозовъ и, наконецъ, трудность согласить дѣйствія союзныхъ армій, были причиною, что маршалъ Сентъ-Арно колебался, и не соглашался съ лордомъ Рагланомъ.

Въ такомъ положеніи союзники въ семь часовъ утра 11 (23) сентября двинулись къ р. Качѣ и *все еще имѣли намѣреніе* атаковать сѣверное укрѣпленіе. Получивъ же, говоритъ М. И. Богдановичъ, утромъ 12-го (24) «свѣдѣніе о расположеніи сильной русской батареи на лѣвомъ флангѣ сѣверной позиціи и о затопленіи кораблей на рейдѣ, лишавшемъ союзную армію, при нападеніи на Севастополь, содѣйствія флота» маршалъ Сентъ-Арно, сперва отложилъ, а потомъ и вовсе отмѣнилъ нападеніе съ сѣверной стороны. Послѣ того, по замѣчанію автора, лорду Раглану оставалось только принять предложеніе маршала Сентъ-Арно, либо отказаться отъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Къ тому же инженеръ-генералъ Бургоэнъ, старый опытный воинъ, пользовавшійся довѣріемъ Раглана, также совѣтовалъ атаковать Севастополь съ южной стороны.

Доводы Бургоеня, приведенныя въ сачиненіи М. И. Богдановича, оказались на столько убѣдительными, что 13-го сентября

англо-французы стали огибать Севастопольскую бухту и двинулись къ Балаклавѣ.

Гарнизонъ сѣверныхъ укрѣпленій вздохнулъ свободнѣе но за то самый городъ былъ поставленъ въ еще худшее положеніе: его оборонительныя средства были ничтожны и для защиты укрѣпленій почти не было войскъ. Прибытіе Корнилова и переправа съ сѣверной на южную сторону рейда флотскихъ баталіоновъ въ числѣ 6 т. человѣкъ, нѣсколько усилило боевыя средства Севастополя. На квартирѣ Корнилова былъ собранъ совѣтъ, постановившій предоставить ему всѣ распоряженія по защитѣ города. Авторъ довольно подробно описываетъ всѣ мѣры принятыя Корниловымъ, говоритъ о расположеніи войскъ, объ участіи учителей и кончаетъ описаніемъ состоянія обороны къ 15-му сентября.

Въ этотъ день союзники появились въ виду города и произвели первую рекогносцировку нашихъ укрѣпленій въ цѣлью рѣшить вопросъ: штурмовать-ли ихъ немедленно, или приступить къ правильной осадѣ.

Рекогносцировка показала, что русскіе успѣли возвести вокругъ города рядъ укрѣпленій надъ окончаніемъ которыхъ и постройкою новыхъ они усиленно трудились. Тѣмъ не менѣе адмиралъ Лайонсъ предлагалъ штурмовать Севастополь и лордъ Рагланъ склонялся въ пользу этого мнѣнія, но генералъ Бургоэнь предпочиталъ приступить къ правильной осадѣ. Приведенные авторомъ въ текстѣ книги доводы Бургоэня не убѣдили Раглана и онъ послѣ вторичной рекогносцировки, снова предлагалъ штурмовать Севастополь. Но генералъ Канроберъ, вступившій послѣ Сентъ-Арно въ командованіе французскою арміею, не далъ сначала рѣшительнаго отвѣта, а потомъ поставилъ на видъ союзнымъ генераламъ всю опасность, которая будто-бы угрожала имъ со стороны князя Меншикова, и потери, которымъ подвергались атакующіе, штурмуя укрѣпленія прежде уничтоженія огня ихъ орудій.

Мнѣнія генераловъ Канробера и Бургоэня побудили союзниковъ приступить къ правильной осадѣ. Городъ былъ спасенъ и обѣ стороны погрузились въ земляныя работы продолжавшіяся до 5-го октября т. е. до *дня перваго бомбардированія* Севастополя.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, содержаніе главы непосредственно слѣдующей за описаніемъ сраженія на р. Алмѣ. Жаль, что уважаемый авторъ не касается критической оцѣнки фланговаго движенія князя Меншикова и не говоритъ ничего о положеніи нашей

арміи въ долинѣ Бельбека. Въ «Исторіи Восточной войны» мы не встрѣчаемъ никакихъ свѣдѣній о состояніи края, на пространствѣ между Евпаторіею и Севастополемъ, о рекогносцировкѣ генерала Краснова и мѣрахъ принятыхъ для блокады Евпаторіи. Умалчивая о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ въ этомъ направленіи, М. И. Богдановичъ вовсе не упоминаетъ о той горячей дѣятельности и заслугѣ передъ отечествомъ, которую оказали князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ и генералъ Хомутовъ, явившись на помощь князю Меншикову со всѣми своими средствами. Положеніе Севастополя и его оборонительныхъ средствъ со дня высадки непріятеля и до перваго бомбардированія, на столько характеристично, что, въ нижеслѣдующихъ четырехъ главахъ, мы позволили себѣ войти въ нѣкоторыя подробности.

V.

Положеніе Севастополя во время и послѣ сраженія на р. Алмѣ. — Военный совѣтъ собранный Корниловымъ. — Предложеніе капитана 1-го ранга Зорина. — Затопленіе кораблей.—Вліяніе этой мѣры на дѣйствія союзниковъ.— Переходъ англо-французовъ на южную сторону рейда. — Фланговое движеніе нашей арміи. — Оцѣнка его.

Когда, послѣ сраженія на р. Алмѣ, наша армія отступала къ Севастополю, городъ не былъ готовъ къ встрѣчѣ незванныхъ гостей: укрѣпленія его были ничтожны, въ инженерныхъ запасахъ не было достаточнаго количества матеріаловъ, не было шанцеваго инструмента, не было наконецъ и войскъ для защиты города и укрѣпленій.

Далекій отъ театра войны, происходившей до сихъ поръ на Дунаѣ, въ Балтійскомъ и Бѣломъ моряхъ, Севастополь оставался не поддержаннымъ до послѣдней минуты. Скоплявшіяся въ теченіе двухъ мѣсяцевъ тучи наконецъ разразились надъ городомъ, не имѣвшемъ громоотводовъ.

Съ уходомъ войскъ на р. Алму въ городѣ оставлены были четыре резервные батальона Виленскаго и Литовскаго егерскихъ полковъ, четыре дессантныхъ батальона, съ двумя подвижными морскими батареями и разныя морскія команды, находившіяся частію

на судахъ, частію на берегу. Городъ защищался еще флотомъ, состоявшимъ изъ 15 кораблей [1]), 7-и фрегатовъ [2]), 2-хъ корветовъ [3]), 2-хъ бриговъ [4]), 11-и пароходовъ [5]), и нѣсколькихъ мелкихъ военныхъ судовъ. Всѣ они, имѣя главнѣйшею цѣлью защиту входа въ Севастопольскую бухту, были разставлены такъ, что защищая входъ на рейдъ, въ тоже время, содѣйствовали по возможности и сухопутной оборонѣ.

Въ день появленія непріятельскаго дессанта Корниловъ отдалъ приказъ всѣмъ судамъ быть готовыми сняться съ якоря во всякое время, а вице-адмиралъ Нахимовъ поднялъ сигналъ: *«приготовиться къ походу»* и составилъ диспозицію на случай выхода въ море. Тогда же приказано было судамъ принять всѣ мѣры противъ пожара, убрать купеческія суда въ глубину южной бухты и сформировать изъ матросовъ четыре флотскихъ батальона: № 34 подъ командою капитанъ-лейтенанта князя Ширинскаго-Шихматова; № 36 капитанъ-лейтенанта Воеводскаго; № 37 капитанъ-лейтенанта Стройникова и первый рекрутскій батальонъ капитана 2-го ранга Коцебу [6]). Общее начальство надъ всѣми четырьмя батальонами поручено капитану 2-го ранга Скоробогатову, въ помощь которому былъ назначенъ капитанъ 2-го ранга Спиринъ.

Незначительное число сухопутныхъ войскъ оставленныхъ въ Севастополѣ было причиною, что князь Меншиковъ приказалъ всѣ городовыя караулы занимать нижними чинами морскаго вѣдомства, на которыхъ была возложена и главная защита города.

Оставшись съ моряками Корниловъ, какъ начальникъ штаба, трудился безъ устали. Онъ собиралъ флагмановъ и командировъ кораблей, отдавалъ имъ приказанія и опредѣлялъ порядокъ, въ которомъ должны быть свозимы съ судовъ команды для подкрѣпленія войскъ, въ случаѣ нападенія непріятеля. Въ тоже самое

---

[1]) Великій князь Константинъ, Ягудіилъ, Три—Святителя, Двѣнадцать-Апостоловъ, Храбрый, Парижъ, Императрица Марія, Чесма, Варна, Святославъ, Селафаилъ, Уріилъ, Гавріилъ, Ростиславъ и Силистрія.

[2]) Коварна, Кулевчи, Месемврія, Флора, Мидія, Кагулъ и Сизополь.

[3]) Калипсо и Орестъ.

[4]) Язонъ и Эней.

[5]) Тамань, Громоносецъ, Владиміръ, Бессарабія, Одесса, Крымъ, Херсонесъ, Грозный, Дунай, Турокъ и Эльборусъ.

[6]) Батальонъ № 34 сформированъ изъ команды корабля Уріилъ и фрегата Флора, № 36—команды корабля Ростиславъ и фрегата Сизополь; № 37—команды корабля Гавріилъ и фрегата Кагулъ, а первый рекрутскій—команды корвета Калипсо и только что прибывшей, 2-го сентября, партіи рекрутъ.

время онъ пробовалъ пушки и ракеты, устанавливалъ особые сигналы, заготовлялъ продовольствіе для гарнизона сѣвернаго укрѣпленія, установилъ летучую почту между Севастополемъ и главною квартирою князя Меншикова, и вмѣстѣ съ тѣмъ хлопоталъ объ укрѣпленіи города какъ съ сѣверной такъ и южной стороны.

Встрѣтивши въ лицѣ подполковника Тотлебена дѣятельнаго и энергическаго помощника, Корниловъ поручилъ ему главное и общее завѣдываніе всѣми оборонительными работами. Для болѣе быстраго въ этомъ успѣха, со 2-го сентября были остановлены всѣ портовыя работы и прекращены работы производившіеся въ сѣверномъ укрѣпленіи по возвышенію и утолщенію его брустверовъ. Оставшіеся свободными рабочіе были обращены на вновь устраиваемые земляныя укрѣпленія, возводимы одновременно по всей линіи съ тою цѣлію, что бы откуда ни явился непріятель можно было бы вездѣ дать ему отпоръ.

Необходимо было работать такъ, что бы укрѣпленіе сегодня насыпаемое, завтра могло огнемъ своимъ встрѣтить непріятеля и оказать сопротивленіе при его нападеніи. Труда было много, но не задумались надъ нимъ защитники и въ городѣ закипѣла необыкновенная дѣятельность. Всѣ рабочіе, какіе только были подъ рукою обращены на постройку укрѣпленій: писаря, вахтера, музыканты, пѣвчіе, рота карантинной стражи и даже арестанты были высланы на работу, и всетаки такого люду насчитывалось не болѣе 800 человѣкъ. Жители города, старый и малый, богатый и бѣдный, чиновный и простой всѣ спѣшили туда, гдѣ строились укрѣпленія, гдѣ устанавливались преграды непріятелю. Тѣлеги, лошади и волы, тачки и носилки, принадлежащія частнымъ людямъ, безъ всякаго требованія, по одной доброй волѣ, употреблены были для переноски и перевозки различныхъ предметовъ. Полиція, обходя дома, приглашала обывателей на работу, и, случалось, долго стучалась въ дверь, что бы услышать отъ ребенка, что отецъ и мать давно ушли туда безъ всякаго приглашенія. Такихъ работниковъ разнаго званія, пола и возраста собралось около пяти тысячъ человѣкъ. Оставшіеся въ городѣ солдаты и матросы были вооружены лопатами, кирками, мотыгами и прочими инструментами необходимыми при постройкѣ укрѣпленій. Рабочіе носили землю во всемъ въ чемъ было можно: носили ее въ корзинахъ, мѣшкахъ и полахъ шинелей. По улицамъ города тащили бревна, доски и другіе матеріалы.

Работа кипѣла, шумъ и всеобщее движеніе замѣтно усилились

въ Севастополѣ. Звуки мѣдныхъ роговъ и бой барабановъ, въ разныхъ частяхъ города, призывали рабочихъ къ дѣятельности послѣ кратковременнаго отдыха; звучно гремѣли якорныя цѣпи кораблей, переводимыхъ съ мѣста на мѣсто, для лучшаго поражения подступающаго къ городу непріятеля. Стклянки или морскіе часы черезъ каждые полчаса указывали время безчисленнымъ звономъ, но за ними нѣкогда было слѣдить, да и не кому, исключая часовыхъ.

Объѣзжая укрѣпленія по нѣскольку разъ въ день, адмиралъ Корниловъ радовался успѣху, видя, что въ недѣлю сдѣлано столько, сколько въ другой разъ не сдѣлаешь въ цѣлый годъ. Работы шли съ большимъ успѣхомъ: «не только рабочіе, но мужики съ охотою работаютъ» писалъ Корниловъ своей супругѣ. У насъ въ Севастополѣ все благополучно; все спокойно и даже одушевлено, на укрѣпленіяхъ работаютъ безъ устали, и они идутъ съ большимъ успѣхомъ [1]).

И дѣйствительно въ самое короткое время, передъ глазами непріятеля выростали твердыни Севастопольскія, мощныя не толщиною и крѣпостію своихъ стѣнъ, а силою духа русскаго, безустальнаго народа православнаго. Выше всякой похвалы и достойна всякаго уваженія та необыкновенная дѣятельность, которую выказали Севастопольцы, какъ мужчины, такъ и женщины. Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, тянувшейся верстъ на семь и повсюду кипѣла работа съ одинаковымъ успѣхомъ: мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины таскали иногда издали землю въ своихъ подолахъ. Появилась и такая батарея, которая безъ участія мужчинъ, насыпана была только одними женщинами проститутками. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе *дѣвичьей* и осталась свидѣтельницею ихъ любви къ родной странѣ и неутомимой посильной дѣятельности.

Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, какъ оставшіеся въ городѣ матросы снимали съ кораблей свои огромныя орудія и и переводили ихъ на батареи. Люди человѣкъ по сто, впрягались въ тяжелую пушку, и гдѣ съ припѣвомъ «дубинушки», а гдѣ и просто съ крикомъ ура! втаскивали ее на гору и ставили на батарею. Изъ порта тащили на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки, для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ.

[1]) Письмо — Журналъ Корниловъ стр. 7 сентября. Журналъ 191 и 192.

Подъ руководствомъ инженеръ подполковника Тотлебена работа производилась день и ночь. Тысячь пять человѣкъ съ разсвѣтомъ начинали работу и продолжали ее безъ перерыва цѣлый день. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души понимая, что работа эта необходима и что онъ долженъ работать.

Во все это время жители Севастополя, не имѣя ни какихъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о дѣйствіи нашихъ войскъ, терялись въ предположеніяхъ и разнаго рода догадкахъ. Подъ видомъ новостей и слуховъ разсказывались самыя не бывалыя вещи и если при этомъ выставлялись поступки лестные для народной гордости, то они тотчасъ же запивались шампанскимъ. Разсказъ въ клубѣ морскаго офицера III. о томъ, что часть высадившихся непріятельскихъ войскъ будто бы отрѣзана княземъ Меншиковымъ, стоилъ многихъ бутылокъ шампанскаго.

Въ городѣ новостямъ не было конца, и хотя всѣ они не имѣли никакой достовѣрности, но за то одна быстро смѣняла другую. Севастопольцы разсказывали другъ другу, съ ручательствомъ за вѣрность, что генералъ Хомутовъ спѣшитъ на помощь нашимъ войскамъ съ 50 тыс. казаковъ [1]), а вслѣдъ затѣмъ увѣряли, что на порученный попеченію того же Хомутова Ѳеодосійскій берегъ, высаживается значительный дессантъ англо-французовъ [2]). Въ то горячее время всѣ эти разсказы сходили съ рукъ самымъ благополучнымъ образомъ и противорѣчій въ нихъ никто не замѣчалъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали развязки и надѣялись на стойкость нашихъ войскъ.

Наконецъ наступило раннее утро 8-го сентября. Съ возвышенныхъ мѣстъ города можно было видѣть лѣсъ мачтъ непріятельскаго флота, вытягивавшагося противъ устья р. Альмы и по большей части заслоненнаго выдавшимся въ море мысомъ Лукуллъ. Клубы чернаго дыма съ непріятельскихъ пароходовъ высоко подымались въ воздухѣ и легкій вѣтерокъ сгонялъ его по направленію къ позиціи занятой нашими войсками.

Около часу пополудни до Севастополя достигла отдаленная канонада, а вслѣдъ затѣмъ, въ два часа пополудни, лукулльскій телеграфъ подалъ послѣдній свой сигналъ: *«армія вступила въ бой»*.

Выстрѣлы слышавшіеся сначала у морскаго берега постепенно

---

[1]) Дневникъ инженеръ-капитана Телятникова (рукоп.)

[2]) Дневникъ о Севастопольской осадѣ. Батьянова (рукоп.)

подвигались вправо и становились все глуше и глуше. По временамъ канонада то какъ будто стихала, то прекращалась на нѣсколько минутъ, то вдругъ разсыпалась бѣглымъ огнемъ.

Севастополь переживалъ томительныя минуты ожиданія.

Около пяти часовъ пополудни выстрѣлы смолкли и надъ кровавымъ полемъ колыхались только одни облака пороховаго дыма.

Находясь между страхомъ и надеждою жители до сумерекъ оставались на улицѣ и разошлись по домамъ, не зная о результатѣ сраженія. Позднимъ вечеромъ привезли въ городъ раненаго флигель-адъютанта полковника Сколкова и севастопольцы узнали отъ него, что сраженіе было кровопролитное, что наши войска дрались славно, лихо, по-русски, но всетаки принуждены были отступить.

Между тѣмъ съ первыми выстрѣлами на р. Альмѣ вице-адмиралъ Корниловъ и подполковникъ Тотлебенъ поскакали на поле сраженія, но успѣли прибыть туда только тогда, когда войска наши, отступая послѣ кровопролитнаго боя, подходили къ р. Качѣ. Здѣсь они встрѣтили кн. Меншикова, который поручилъ Корнилову принять самыя рѣшительныя мѣры къ защитѣ бухты, а подполковнику Тотлебену осмотрѣть мѣстность по сѣверную сторону рейда, чтобы выбрать такую фланговую позицію на Инкерманскихъ высотахъ, съ которой можно бы было угрожать непріятелю при движеніи его къ сѣверной части Севастополя.

Возвратившись въ Севастополь, поздно вечеромъ, Корниловъ прежде всего сдѣлалъ распоряженіе о размѣщеніи по госпиталямъ и лазаретамъ раненыхъ прибывающихъ съ поля сраженія. На сѣверной сторонѣ ожидали ихъ шлюпки для переправы черезъ бухту, а на пристаняхъ южнаго берега стояли люди съ носилками. Вся дорога, вплоть до госпиталей и казармъ назначенныхъ для пріема раненыхъ, была освѣщена факелами и всю ночь тянулись по ней мрачныя тѣни говорившіе о нашей потерѣ [1]).

Переправа эта продолжалась и на слѣдующій день; вся бухта была покрыта гребными судами перевозившими раненыхъ. Улицы наполнились народомъ, но среди населенія не было уже слышно ни радостныхъ привѣтствій, ни восторженныхъ возгласовъ. Надежда на несокрушимость нашу рушилась, самоувѣренность смѣнилась глубокимъ безмолвіемъ и только весьма немногіе твердили о небывалой дальности непріятельскихъ выстрѣловъ. Большинство сознавало предстоящую опасность и критическое положеніе Севастополя.

---

[1]) Жандръ «Матеріалы для обороны Севастополя» 196.

Всѣ заключенные въ стѣнахъ города хорошо понимали, что теперь настало время, когда каждый долженъ стать на защиту отечества и своего роднаго пепелища.

Утромъ 9-го сентября Корниловъ собралъ военный совѣтъ изъ адмираловъ и капитановъ.

— Армія наша отступаетъ къ Севастополю, сказалъ онъ собравшимся, вслѣдствіе чего непріятель легко можетъ занять южныя Бельбекскія высоты, распространиться къ Инкерману и Голландіи и, дѣйствуя съ высотъ по кораблямъ эскадры Нахимова, принудить флотъ оставить настоящую позицію. Съ перемѣною же боевой позиціи нашихъ судовъ облегчится доступъ на рейдъ непріятельскому флоту, и если союзная армія успѣетъ въ тоже время овладѣть сѣверными укрѣпленіями, то геройское сопротивленіе наше не спасетъ Черноморскаго флота отъ гибели и позорнаго плѣна.

Руководимый такими соображеніями Корниловъ предложилъ совѣту смѣлый планъ: выдти въ море и атаковать непріятельскій флотъ стоявшій у мыса Лукуллъ. По его мнѣнію, въ случаѣ успѣха мы могли уничтожить непріятельскія корабли и тѣмъ лишить союзную армію продовольствія и возможности получить подкрѣпленія, а въ случаѣ неудачи Корниловъ предлагалъ стараться сцѣпиться на абордажъ, взорвать себя и часть непріятельскаго флота на воздухъ и умереть со славою [1]).

Спасая честь роднаго флота, Корниловъ видѣлъ въ геройской его смерти залогъ къ спасенію города; по его словамъ, союзники, оставшись даже побѣдителями были бы разстроены на столько что не рѣшились бы атаковать сильныхъ приморскихъ батарей. Съ другой стороны союзная армія, лишенная сильнаго содѣйствія флота, не могла бы предпринять ничего рѣшительнаго противъ войскъ кн. Меншикова, если бы онъ, рѣшился, укрѣпившись, защищаться до прибытія подкрѣпленій изъ Россіи. Съ прибытіемъ же подкрѣпленій непріятель могъ быть окончательно уничтоженъ превосходными силами.

Такъ думалъ Корниловъ, но не такъ думали собравшіеся члены совѣта. Большинство ихъ было несогласно съ отважнымъ предложеніемъ адмирала, какъ съ предпріятіемъ не обѣщающимъ въ дѣйствительности никакого успѣха.

Среди союзнаго флота только французская эскадра была нагружена войсками и припасами, но англійская эскадра, въ составѣ 10 ли-

[1]) Жандръ «Матеріалы для обороны Севастополя». 197.

нейныхъ кораблей, нѣсколькихъ фрегатовъ и большаго числа пароходовъ, не была вовсе занята дессантомъ и явилась въ виду Крымскихъ береговъ въ боевой линіи готовая принять атаку нашего флота. Если вспомнить при этомъ, что въ числѣ англійскихъ кораблей было пять винтовыхъ, то очевидно что силы непріятеля были слишкомъ несоразмѣрны съ нашими.

Независимо отъ этой несоразмѣрности были и другія причины, которыя дѣлали атаку съ нашей стороны почти невозможною. Эти причины лежали въ особенностяхъ севастопольскаго рейда, по узкости входа, имѣющаго то неудобство, что при противномъ вѣтрѣ, парусным судамъ нельзя выходить лавировкой; пароходовъ же для букспрованія судовъ мы не имѣли въ достаточномъ числѣ, а тѣ которые были могли при тихомъ вѣтрѣ букспровать корабли отъ 5 до 6 узловъ, но при волненіи они шли не болѣе одного узла или совсѣмъ не двигались. Такъ послѣ Синопскаго сраженія поврежденные корабли съ большимъ трудомъ могли быть выбуксированы только съ рейда, а у выхода въ море принуждены были бросить буксиры, хотя вѣтеръ былъ умѣренный, но волненіе довольно сильное. Къ тому же узкость входа севастопольскаго рейда не дозволяла нашему флоту выйти соединенно, и потому онъ подвергался опасности быть разбитымъ по частямъ.

Допустимъ однако же что всѣ неблагопріятныя условія выхода были бы устранены, то и тогда число нашихъ кораблей были гораздо менѣе чѣмъ непріятельскихъ; наши суда были большею частію парусные и движеніе ихъ вполнѣ зависѣло отъ вѣтра, тогда какъ непріятель, имѣя много судовъ паровыхъ, могъ располагать своими движеніями по произволу. Даже если бы, при удачѣ, часть союзнаго флота и была взорвана нами на воздухъ, то другая могла отрѣзать насъ или ворваться въ Севастополь вмѣстѣ съ нами и тогда погибель флота всетаки не спасла бы города.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній большинство членовъ совѣта готово было предложить другой способъ дѣйствія—преграждение непріятелю входа на рейдъ. Мысль эта явилась не моментально, не въ день собранія совѣта, она обсуждалась моряками ранѣе и можно сказать, что со дня высадки непріятеля, въ Севастополѣ поговаривали уже объ этой мѣрѣ. Еще за нѣсколько дней до собранія совѣта контръ-адмиралъ Истомина высказывалъ П. А. Перелешину [1]) эту мысль и находилъ ее при извѣстныхъ условіяхъ

[1]) Слышано мною отъ Павла Александровича Перелешина.

весьма основательною. Но какъ ее было приложить къ дѣлу послѣ кипучихъ и полныхъ отваги словъ Корнилова?

Сознавая всю щекотливость подобнаго предложенія члены совѣта долгое время не въ силахъ были высказать, то, что считали необходимымъ. Среди собравшихся нашелся однако же человѣкъ, рѣшившійся для общей пользы принять починъ на себя и произнести первое слово.

— Хотя я не прочь, сказалъ обращаясь къ совѣту капитанъ 1-го ранга Зорпнъ, вмѣстѣ съ другими выйти въ море, вступить въ неравную битву и искать счастія или славной смерти, но я смѣю предложить другой способъ защиты: заградить рейдъ потопленіемъ нѣсколькихъ кораблей, выдти всѣмъ на берегъ и защищать съ оружіемъ въ рукахъ свое пепелище до послѣдней капли крови [1]).

Прискорбно было представителямъ славнаго Черноморскаго флота выслушать подобное предложеніе; у многихъ изъ нихъ навернулись на глазахъ слезы. Каково же было положеніе Зорина рѣшившагося сдѣлать подобное предложеніе? Чѣмъ сильнѣе были боровшіеся въ немъ ощущенія, тѣмъ выше заслуга его передъ отечествомъ. Въ самомъ дѣлѣ не легко было черноморцамъ рѣшиться на такую мѣру. Запрудить портъ и запереться въ немъ безвыходно значило сознать свое безсиліе и вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ званія моряка, столь высоко чтимаго черноморцами. Своею любовію къ дѣлу, своимъ единодушнымъ стремленіемъ на общую пользу, черноморцы довели свои корабли до того высокаго совершенства, которому завидовали иностранныя державы. Теперь, когда они могли справедливо гордиться своимъ созданіемъ, приходилось собственными руками потопить эти корабли въ волнахъ родимаго моря. Рѣшаясь на такую мѣру, моряки принуждали себя уничтожить сразу то, къ чему они стремились болѣе полувѣка, въ чемъ видѣли свое призваніе, свою будущность.

Громкій говоръ, оживлявшій совѣтъ, перешелъ теперь въ безмолвіе. Всѣ молчали, но въ этомъ безмолвіи, Корниловъ видѣлъ, что большинство одобряетъ предложеніе Зорина и согласно съ нимъ: онъ видѣлъ, что всѣ члены совѣта признаютъ затопленіе кораблей единственнымъ средствомъ къ спасенію Севастополя.

Не раздѣляя мнѣнія совѣта, Корниловъ вызвалъ тѣмъ самый оживленный споръ, конечнымъ результатомъ котораго было все-таки рѣшеніе затопить корабли.

---

[1]) Батьяновъ. Записка. (рукоп.).

— Не сомнѣваясь въ храбрости офицеровъ и матросовъ, говорили собравшіеся, мы увѣрены что флотъ съумѣетъ съ честью умереть, если это необходимо для пользы и чести отечества, но выходъ флота въ море оставитъ Севастополь безъ всякой защиты, на жертву непріятелю. По этому, если умирать, то лучше на стѣнахъ Севастополя, гдѣ можетъ быть удастся задержать непріятеля до прихода арміи, которая вѣроятно не замедлитъ придти къ намъ на помощь.

Корниловъ и на этотъ разъ не согласился съ рѣшеніемъ совѣта. При всѣхъ своихъ блестящихъ способностяхъ, онъ въ этомъ случаѣ, не стоялъ на высотѣ или въ уровень съ предложеніемъ, и, защищая честь морскаго флага, не понималъ всего величія мысли, относительно потопленія кораблей. Среди оживленныхъ споровъ членовъ совѣта Корнилову доложили, что главнокомандующій князь Меншиковъ пріѣхалъ въ Севастополь и находится на четвертомъ нумерѣ [1]). Корниловъ тотчасъ же распустилъ совѣтъ и отправился къ главнокомандующему.

— Готовтесь къ выходу, сказалъ онъ уходя, — будетъ данъ сигналъ, что кому дѣлать.

Въ это время князь Меншиковъ переправившись на южную сторону города, успѣлъ встрѣтить тамъ командира парохода Громоносецъ шедшаго съ военнаго совѣта въ вицъ-мундирѣ и шляпѣ.

— Откуда вы въ такомъ нарядѣ? спросилъ его кн. Меншиковъ

— Съ военнаго совѣта ваша свѣтлость, отвѣчалъ онъ.

— О чемъ же тамъ говорили?

— Одни говорили, чтобы выдти съ флотомъ въ море, другіе предлагали затопить у входа корабли.

— Послѣднее лучше замѣтилъ князь [2]).

---

[1]) Такъ называли батарею № 4-го на сѣверной сторонѣ рейда.

[2]) Нѣкоторые мысль затопленія кораблей приписываютъ кн. Меншикову и говорятъ что объ этомъ было отдано имъ приказаніе вице-адмиралу Корнилову въ то время, когда они встрѣтились на р. Качѣ послѣ Алминскаго сраженія. Не оспаривая этой заслуги у кн. Меншикова, я разсказалъ этотъ важный эпизодъ изъ жизни Севастополя такъ, какъ онъ представляется по современнымъ документамъ и запискамъ участниковъ. Но если и вполнѣ справедливо то, что княземъ Меншиковымъ отдано было такое приказаніе Корнилову, то становится совершенно непонятнымъ, во первыхъ почему Корниловъ, заносившій въ свои письма всѣ мелочи, не упоминаетъ ни слова о столь крупномъ явленіи, а во вторыхъ какимъ образомъ тотъ же Корниловъ дозволилъ себѣ умышленно скрыть сначала приказаніе князя Меншикова, а потомъ постановленіе совѣта. Поступая такимъ образомъ Корниловъ подры-

Познакомившись съ сущностью мнѣній высказанныхъ на совѣтѣ князь Меншиковъ уже подготовленный, встрѣтилъ Корнилова, который явился къ нему чтобы изложить мнѣніе совѣта и объяснить свое намѣреніе выйти въ море. Меншиковъ согласился съ совѣтомъ и приказалъ затопить корабли на фарватерѣ. Корниловъ отказался исполнить это приказаніе.

— Ну такъ поѣзжайте въ Николаевъ къ своему мѣсту службы, сказалъ Меншиковъ, разсерженный такимъ упорствомъ Корнилова и приказалъ своему ординарцу попросить къ себѣ командира порта вице-адмирала Станюковича.

— Остановитесь, вскричалъ Корниловъ, это самоубійство..... то къ чему вы меня принуждаете.... но чтобы я оставилъ Севастополь окруженный непріятелемъ, невозможно! Я готовъ повиноваться вамъ.

Кн. Меншиковъ настоятельно требовалъ исполненія этой мѣры, имѣя главною цѣлью защиту города. «Флотъ какъ неминуемая жертва, доносилъ онъ [1]), употребится на эту защиту, и ежели намъ не удастся отбить непріятеля сухопутнымъ движеніемъ, то будемъ удерживать только городъ и гавань, хотя можетъ быть въ пеплѣ—дабы не дать непріятелю удовольствія овладѣнія».

Идею затопленія кораблей можно назвать геніальною, а приведеніе ее въ исполненіе однимъ изъ крупныхъ подвиговъ въ жизни Севастополя. Жертвуя нѣсколькими старыми судами, мы преграждали непріятелю всякую возможность ворваться на рейдъ и вмѣстѣ

валъ авторитетъ командовавшаго войсками и совершалъ преступленіе противъ дисциплины и предоставленной ему власти, и притомъ въ такое время, когда строгое исполненіе приказаній было болѣе чѣмъ необходимо. Предположимъ, что онъ преднамѣренно не объявилъ совѣту о приказаніи кн. Меншикова, затопить корабли, но тогда онъ не явился бы къ свѣтлѣйшему съ «изъявленіемъ своего намѣренія» выйти въ море. Оба поступка не могли существовать вмѣстѣ; одинъ исключаетъ другой, а оба несообразны съ характеромъ Корнилова. Зная его какъ человѣка весьма строгаго ко всѣмъ служебнымъ обязанностямъ, мы должны допустить, что если онъ рѣшился на созваніе совѣта и на послѣдующій разговоръ съ княземъ Меншиковымъ, то это потому только, что не получалъ отъ него категорическаго приказанія, а можетъ быть только намекъ или вскользь высказанную мысль. Во всякомъ случаѣ совѣту не было извѣстно приказаніе кн. Меншикова и среди его членовъ мысль о необходимости затопить суда на фарватерѣ явилась самостоятельно и независимо отъ вліянія командующаго войсками.

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 10-го сентября. Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ дѣло № 110.

съ тѣмъ усиливали Севастополь болѣе чѣмъ 10,000 человѣкъ матросовъ испытанной храбрости.

Принимая на себя исполненіе этой мѣры Корниловъ составилъ новую диспозицію судамъ Черноморскаго флота и приказалъ всѣмъ фрегатамъ и мелкимъ судамъ войти въ южную бухту и приготовить пять старыхъ кораблей и два фрегата [1]) къ затопленію на фарватерѣ, между Константиновскою и Александровскою батареями. Онъ упразднилъ Парижскую и Двѣнадцати-Апостольскую батареи, приказалъ по всему сѣверному берегу рейда не имѣть ни людей, ни судовъ и наконецъ приготовить къ затопленію всѣ безъ исключенія суда, если бы пришлось уступить городъ непріятелю.

Въ четыре часа пополудни по сигналу съ корабля «Великій князь Константинъ» суда стали переходить на вновь назначенныя имъ мѣста и въ $10\frac{1}{2}$ часовъ вечера передвиженіе было окончено. Корабли расположились вдоль южнаго берега рейда въ слѣдующемъ порядкѣ: При входѣ въ артилерійскую бухту сталъ корабль «Ростиславъ» (съ 90 оруд.); въ устьѣ южной бухты были расположены: «Великій князь Константинъ» (121 оруд.), «Ягудіилъ» (88 оруд.) и «Двѣнадцать Апостоловъ» (121 оруд.). На протяженіи отъ Павловскаго мыса до Киленъ-балочной бухты: корабли «Парижъ» (126 оруд.), «Святославъ» (90 оруд.), «Императрица Марія» (84 оруд.), «Чесма» (90 оруд.), «Храбрый» (88 оруд.) и «Гавріилъ» (96 оруд.).

Всѣ суда были размѣщены теперь такъ, что могли поражать своими выстрѣлами непріятеля при появленіи его на высотахъ сѣвернаго берега рейда, могли обстрѣливать обращенные къ рейду балки и овраги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до нѣкоторой степени, могли прикрыть отступленіе нашихъ войскъ съ сѣверной стороны на южную, въ томъ случаѣ если бы они не устояли противъ натиска многочисленнаго непріятеля.

Утромъ 10-го сентября суда, назначенныя для потопленія, были поставлены на указанныя имъ мѣста; съ нихъ спустили брамъ-стеньги и отвязали паруса. Въ это время на взморьѣ показались два непріятельскихъ парохода осматривавшіе нашу позицію. Видя передвиженіе флота и вытянутые въ линію семь судовъ союзные крейсеры не обратили вниманія на отвязанные паруса и донесли что русскій флотъ готовится къ бою.

Около 6-ти часовъ вечера, на башнѣ высившейся надъ морскою

---

[1]) Для потопленія были назначены корабли: «Три-Святителя», «Уріилъ», «Сотѣфаилъ», «Варна» и «Силистрія»; фрегаты: «Флора» и «Сизополь».

библіотекою былъ поднятъ русскій національный флагъ—сигналъ, что рѣшеніе затопить корабли принято безвозвратно.

Въ теченіе ночи приказано было свезти на берегъ все что можно за исключеніемъ орудій [1]); а на разсвѣтѣ слѣдующаго дня срубить мачты и затопить корабли на занятыхъ ими мѣстахъ.

Въ восемь часовъ вечера на этихъ корабляхъ, по морскому обычаю, сыграли зорю и спустили флаги. Ни что ни напоминало ихъ близкой гибели, и только тогда, когда уже совершенно стемнѣло, экипажи ихъ съѣхали на берегъ. Большинство матросовъ и многіе изъ офицеровъ были грустны: имъ было жаль, что корабли, на которыхъ они служили, съ которыми сроднились должны погибнуть, не помѣрявшись силами съ врагами въ честномъ и горячемъ бою.

Въ полночь 11-го сентября глухой трескъ и клокотаніе воды возвѣстили, что потопленіе кораблей совершилось. По утру надъ поверхностью моря плавали лишь обломки мачтъ шести потопленныхъ судовъ. Одинъ только корабль «Трехъ-Святителей» оставаясь на поверхности, долго сопротивлялся, нежелая разстаться съ жизнію. Съ шумомъ лилась вода въ отверстія, прорубленныя въ подводной его части, но кораблю всетаки не хотѣлось погружаться въ воду. Тогда приказано было пароходу «Громоносецъ» подойти и пустить нѣсколько бомбъ въ подводную часть несчастнаго корабля.

У Корнилова навернулись при этомъ слезы.

— Вотъ горькое зрѣлище! сказалъ онъ окружающимъ. Что вѣками создавалось, о чемъ Михаилъ Петровичъ (Лазаревъ) такъ усердно хлопоталъ все въ одинъ мигъ уничтожено. Черноморскій флотъ погибъ.

Видя что не смотря на выстрѣлы Громоносца корабль все еще стоитъ на поверхности воды, Корниловъ казалось досадовалъ на его упорство.

— Не могу равнодушно смотрѣть, сказалъ онъ, это хуже чѣмъ разстрѣливаютъ человѣка.

Корниловъ готовъ былъ подать сигналъ прекратить стрѣльбу, но было уже поздно [2]). Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, обреченный на погибель корабль «Трехъ-Святителей» зашатался, волны

---

[1]) Орудія были оставлены Корниловымъ на судахъ съ тою цѣлью, чтобы, на случай атаки непріятеля съ моря, они могли содѣйствовать приморскимъ батареямъ. Краткость времени не дозволила разгрузить суда вполнѣ и онѣ были опущены на дно со всѣми припасами, матеріалами и даже съ имуществомъ нѣкоторыхъ офицеровъ.

[2]) Записки объ осадѣ Севастополя Сербина (рукоп.).

разступились передъ нимъ, и онъ, послѣ долгой борьбы, какъ герой отстаивающій самаго себя, свое величіе и славу, медленно опустился на дно, предназначенное быть его могилой...

Шумъ воды, трескъ ломающихся мачтъ, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, скатывающихся съ одного борта на другой, сопровождали эту борьбу съ моремъ, — корабля, владыки моря. Не одна горячая слеза скатилась съ рѣсницъ зрителей этой печальной сцены [1]).

Выстрѣлы «Громоносца» болѣзненно отозвались въ сердахъ моряковъ. Смотря, какъ тонулъ корабль «Три-Святителя», многіе изъ нихъ горько плакали. Все время слѣдившій за движеніями корабля Корниловъ, грустный и задумчивый, какъ только замѣтилъ что корабль, шатаясь, сталъ опускаться на дно, вдругъ встрепенулся, лицо его оживилось, и онъ обратился къ собравшимся съ словами утѣшенія: «Товарищи! писалъ онъ вслѣдъ затѣмъ въ приказѣ. Войска наши, послѣ кровавой битвы съ превосходнымъ непріятелемъ, отошли къ Севастополю, чтобы грудью защищать его.

«Вы пробовали непріятельскіе пароходы и видѣли его суда, не нуждающіяся въ парусахъ? Онъ привелъ двойное число такихъ, чтобъ наступить на насъ съ моря. Намъ надо отказаться отъ любимой мысли — разразить врага на водѣ. Къ тому же мы нужны для защиты города.

«Главнокомандующій рѣшилъ затопить пять старыхъ кораблей на фарватерѣ: они временно преградятъ входъ на рейдъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ свободныя команды усилятъ войска.

«Грустно уничтожать свой трудъ! много было употреблено нами усилій, чтобы держать корабли, обреченные жертвѣ, въ завидномъ свѣту порядкѣ. Но надо покориться необходимости!

«Москва горѣла, а Русь отъ этого не погибла! напротивъ стала сильнѣе. Богъ милостивъ! Конечно, онъ и теперь готовитъ вѣрному Ему народу русскому такую же участь.

«Итакъ помолимся Господу, и не допустимъ врага сильнаго покорить себя! Онъ цѣлый годъ набиралъ союзниковъ, и теперь окружилъ царство русское со всѣхъ сторонъ. Зависть коварна! Но царь шлетъ уже свою армію; и если мы не дрогнемъ, то скоро дерзость будетъ наказана, и врагъ будетъ въ тискахъ»!

Затопленіе кораблей было ударомъ для Черноморскаго флота,

---

[1]) Атака Севастополя англо-французскимъ флотомъ и проч. П. Бабенчикова Матер. вып. III, 360.

но, какъ увидимъ ниже, оно было еще большимъ ударомъ для союзниковъ совершенно не ожидавшихъ такой мѣры.

Съ прегражденіемъ фарватера Севастополь пересталъ быть портомъ и его знаменитый рейдъ, по выраженію Корнилова, обратился въ озеро, недоступное впрочемъ для непріятельскаго флота. Чувство долга и любовь къ родинѣ обращали городъ въ крѣпость, а моряковъ-матросовъ,—въ солдатъ-пѣхотинцевъ. Морякъ становился теперь стрѣлкомъ, артиллеристомъ, саперомъ и чернорабочимъ, не знавшимъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Это крутое превращеніе, возможное только въ Россіи, совершилось на глазахъ многочисленнаго непріятеля уже приближавшагося къ Севастополю.

Французскіе и англійскіе историки несогласны между собою въ причинахъ по которымъ союзники послѣ сраженія на р. Алмѣ, оставаясь на мѣстѣ болѣе чѣмъ двое сутокъ, не преслѣдовали отступавшаго кн. Меншикова. Французскіе писатели сваливаютъ всю вину на англичанъ; англичане—на французовъ. Первые говорятъ, что маршалъ Сентъ-Арно высказывалъ желаніе немедленно двинуться къ Севастополю, но что Лордъ Рагланъ, запуганный потерею 8 сентября и ссылаясь на то, что въ его арміи много раненыхъ, которыхъ приходится отправлять на суда, удаленныя болѣе чѣмъ на три мили отъ мѣста расположенія его арміи, находилъ не возможнымъ двинуться ранѣе какъ по истеченіи двухъ дней. Англичане говорятъ противное и сваливаютъ вину на французскаго главнокомандующаго. Рагланъ говорятъ они, намѣревался преслѣдовать русскихъ и просилъ содѣйствія французовъ, но ему было въ этомъ отказано. Маршалъ Сентъ-Арно будто бы, вопреки настояніямъ герцога Кембриджскаго и принца Наполеона, опасался преслѣдовать кн. Меншикова полагая что онъ отступаетъ на Бахчисарай и не вслѣдствіе проиграннаго сраженія, а съ желаніемъ завлечь союзниковъ внутрь страны, что совершенно измѣняло планъ кампаніи утвержденный французскимъ и англійскимъ правительствами.

Не входя въ разборъ кто правъ и кто виноватъ, т. е. англичане или французы задерживали наступленіе, замѣтимъ только, что союзники оставались на полѣ сраженія болѣе чѣмъ двое сутокъ. Это промедленіе было весьма важною съ ихъ стороны ошибкою и дало намъ возможность оглядѣться и принять для обороны города всѣ тѣ мѣры, какія только были возможны въ этотъ краткій промежутокъ времени. Изъ числа этихъ мѣръ самою крупною конечно и наиболѣе дѣйствительною было прегражденіе входа на рейдъ.

Не подозрѣвая возможности ничего подобнаго союзники въ 6-ть часовъ утра 11-го сентября двинулись на Качу. Они шли подъ прикрытіемъ стрѣлковой цѣпи и въ томъ же порядкѣ, въ которомъ встрѣтились съ русскими войсками на р. Альмѣ: ближе къ морю двигались турки и французы, правѣе ихъ и дальше отъ моря — англичане [1]). Вдоль берега и на одной высотѣ съ арміею слѣдовалъ союзный флотъ. Три легкихъ парохода шли впереди, дѣлали промѣры и указывали путь остальнымъ судамъ.

Около 11-ти часовъ утра англо-французы подошли къ р. Качѣ, и лишь только непріятельскій адмиральскій корабль «Городъ Парижъ» вышелъ изъ-за мыса Лукулла, какъ со стороны Севастополя послышалось нѣсколько выстрѣловъ слѣдовавшихъ одинъ за другимъ. То были выстрѣлы парохода Громоносецъ въ подводную часть корабля «Трехъ-Святителей». Встревоженный такою стрѣльбою союзный флотъ продолжалъ однако же свое движеніе и бросилъ якорь противъ устья Качи. Отсюда съ высокихъ мачтъ кораблей было замѣчено, что изъ всѣхъ семи судовъ, вытянутыхъ въ одну линію у входа на Севастопольскій рейдъ, осталось только одно. По приказанію адмирала Гамелена былъ тотчасъ же отправленъ для осмотра Севастопольскаго рейда пароходъ «Голландъ», тотъ самый, который 10-го сентября донесъ о приготовленіи русскаго флота къ бою. Приблизясь ко входу въ бухту капитанъ парохода убѣдился, что семи судовъ стоявшихъ поперегъ рейда уже не было. Только по торчавшимъ изъ воды мачтамъ онъ могъ догадаться, что видѣнныя имъ тутъ суда были затоплены и доступъ на рейдъ преграженъ [2]). Какъ громомъ поразило это извѣстіе союзниковъ. Англійскій адмиралъ Лайонсъ, сознавая виновѣстіи [3]), что онъ отъ досады, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, а адмиралъ Гамеленъ счелъ необходимымъ безотлагательно отправить на берегъ нарочнаго къ маршалу Сентъ-Арно, который вполнѣ оцѣнилъ значеніе мѣры предпринятой черноморцами.

— Севастополь будетъ для насъ второю Москвою, воскликнулъ онъ въ первый моментъ полученія этого извѣстія, и послѣ совѣщанія съ Лордомъ Рагланомъ рѣшился перемѣнить планъ дѣйствій.

«Les Russes ont comblé l'entrée de leur port, писалъ маршалъ

---

[1]) Слова правый и лѣвый выражаютъ положеніе если стать лицомъ къ непріятелю.

[2]) Базанкуръ 248.

[3]) Слышано много отъ адмирала А. И. Панфилова.

Сентъ-Арно въ своемъ журналѣ отъ 11-го (23) сентября во время бивуака на р. Качѣ.—Cela changera peut-être mon plan d'attaque.—J'irai probablement au sud.—J'attend l'opinion de lord Raglan et des Anglais pour le mouvement de demain [1])».

Дѣйствительно прегражденіе непріятелю входа на рейдъ передавало въ распоряженіе кн. Меншикова все морское населеніе Севастополя, и дозволяло главнокомандующему употребить его на защиту города противъ наступающаго непріятеля. Князь Меншиковъ хорошо зналъ черноморцевъ, зналъ ихъ стойкость, энергію и потому былъ увѣренъ, что они съумѣютъ приняться за новое для нихъ дѣло. Совершившіяся въ короткое время столь крупныя событія естественно вызывали различныя толки въ городѣ. Всѣ были въ неизвѣстности о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ и терялись въ догадкахъ, не зная что будетъ впереди. «Городъ, пишетъ г. В. Степенко [2]), въ которомъ дѣятельность каждаго заключалась почти единственно въ томъ, что бы отъ кого нибудь получать или кому нибудь отдавать приказанія, въ настоящія минуты при неизвѣстности, что исполнять или приказывать, представлялъ хаотическое состояніе».

Съ прибытіемъ въ Севастополь кн. Меншикова распоряженія частныхъ начальниковъ должны были по необходимости пріостановиться. Всѣ ожидали распоряженія отъ командующаго войсками, но онъ упорно молчалъ и никому ничего неговорилъ. Изрѣдка онъ совѣщался только съ однимъ княземъ П. Д. Горчаковымъ, съ которымъ со времени сраженія на р. Алмѣ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ. По совѣту кн. Петра Дмитріевича, онъ рѣшился, изъ опасенія быть запертымъ въ городѣ и отрѣзаннымъ отъ остальной Россіи, предпринять фланговое движеніе изъ Севастополя на Бахчисарай [3]).

Когда кн. Меншиковъ высказалъ Корнилову свое желаніе уйти изъ города и поручить его защиту исключительно однимъ моря-

---

[1]) Базанкуръ т. I, 250. «Русскіе заградили входъ въ свой портъ. — Это измѣнитъ можетъ быть мой планъ атаки. — Я вѣроятно двинусь на югъ. Ожидаю мнѣнія Лорда Раглана и англичанъ относительно завтрашняго движенія».

[2]) Рукописи т. I, 220.

[3]) Письмо флигель-адъютанта ротмистра Шеншина воен. министру 24-го сентября № 1. Арх. канц. воен. министер. д. № 111. — «Il a fait preuve, писалъ впослѣдствіи баронъ Вревскій про князя П. Д. Горчакова, d'une brillante bravoure à la bataille d'Alma, plus tard il a contribué de la manière la plus efficace au mouvement de flanc du Prince Menchikoff sur la ferme de Meckensie et la haut Belbek.» (Письмо барона Вревскаго военному министру 24-го іюня 1855 г. № 7).

камъ, то Владиміръ Алексѣевичъ отвѣчалъ, что съ уходомъ войскъ Севастополю не устоять и что горсть моряковъ не въ силахъ остановить напора многочисленнаго врага.

— Непріятель, замѣтилъ на это кн. Меншиковъ, неможетъ повести рѣшительную атаку на сѣверныя укрѣпленія, имѣя у себя на флангѣ и въ тылу нашу армію.

Удаляясь изъ Севастополя кн. Меншиковъ оставилъ въ немъ моряковъ и 8-мъ батальоновъ резервной бригады 13-й пѣхотной дивизіи, изъ коихъ два батальона были расположены на сѣверной и шесть батальоновъ—на южной сторонѣ города. Начальство надъ этими послѣдними шестью батальонами поручено было генералъ лейтенанту Моллеру.

Вмѣстѣ съ тѣмъ командующій войсками отправилъ сына своего генералъ-маіора кн. Меншикова въ Перекопъ, поручивъ ему, если встрѣтитъ на дорогѣ войска, то поторопить ихъ скорѣйшимъ прибытіемъ и въ особенности генерала Рыжова слѣдовавшаго съ двумя сводными кавалерійскими полками.

«Посылаю къ в. п. писать свѣтлѣйшій генералу Рыжову [1]), свиты Его Величества генералъ-маіора князя Меншикова для объясненія обстоятельствъ, въ которыхъ находится ввѣренное мнѣ войско и край.

«Движеніе ваше прошу съ возможною поспѣшностію направить на Симферополь, стараясь войти со мною въ сношеніе и не допускать непріятеля къ движенію на Бахчисарай, а также угрожать его тылу, если представится къ тому возможность».

Едва только въ городѣ узнали что Меншиковъ оставляетъ Севастополь какъ поднялись споры о томъ чей постъ важнѣе: генерала Моллера, какъ начальника дивизіи и чиномъ старше всѣхъ въ городѣ, или командира порта вице-адмирала Станюковича, старшаго изъ всѣхъ адмираловъ и имѣвшаго въ своихъ рукахъ всѣ средства порта. Что бы помирить ихъ обоихъ Меншиковъ отдалъ 11-го сентября приказъ, по которому на генералъ-адъютанта Корнилова возложилъ оборону всей сѣверной части Севастополя, а завѣдываніе морскими командами, назначенными для защиты южной части, поручилъ вице-адмиралу Нахимову.

Генералъ-адъютантъ Корниловъ хотя и былъ младше всѣхъ чиномъ, но по званію начальника штаба Черноморскаго флота, управлялъ имъ самовластно и имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ сред-

---

[1]) Отъ 10-го сентября № 1184. Воен. учен. арх. дѣло № 3316.

ства къ самому быстрому движенію всѣхъ матеріальныхъ средствъ и личнаго состава флота. Къ тому же Владиміръ Алексѣевичъ былъ человѣкъ въ высшей степени энергичный и находчивый. Назначеніе его на такой постъ было совершенно у мѣста, точно также какъ и назначеніе вице-адмирала Нахимова.

Павелъ Степановичъ Нахимовъ по своему авторитету между моряками, по прямому и благородному характеру, всегда стоялъ во главѣ Черноморскаго флота. Полное самоотверженіе его и безустанная дѣятельность ручались за успѣхъ всего порученнаго ему и не давали никакого повода, въ минуту опасности, отодвинуть на задній планъ недавняго синопскаго побѣдителя. Такимъ образомъ младшіе были предпочтены старшимъ.

Вице-адмиралъ Станюковичъ и генералъ-лейтенантъ Моллеръ остались при своихъ должностяхъ, но безъ всякаго дѣла.

Корниловъ съ радостью принялъ почетное назначеніе, — съ горстью храбрыхъ первымъ встрѣтить многочисленную союзную армію и, героически защищая городъ, умереть для отечества. Ему не трудно было собрать на этотъ пунктъ всѣ средства защиты. Какъ непосредственный помощникъ командующаго войсками, Корниловъ распоряжался собственною властью, не сносясь съ другими, не испрашивая ничьего разрѣшенія и не встрѣчая затрудненія со стороны. Нахимовъ смотрѣлъ на свое назначеніе нѣсколько иначе. Привыкши браться за то, что хорошо и отчетливо могъ выполнить, Павелъ Степановичъ, изъ опасенія своею неопытностью навлечь гибель подчиненнымъ, явился къ кн. Меншикову и высказалъ, что для блага Россіи онъ готовъ умереть, готовъ подчиниться младшему, которому будетъ содѣйствовать во всемъ, но что самъ онъ не можетъ быть хорошимъ сухопутнымъ генераломъ. Кн. Меншиковъ воспринялъ этого за серьезный отказъ и уѣхалъ изъ Севастополя не перемѣнивъ назначенія.

Моряки стали дѣятельно готовиться къ оборонѣ. Со всѣхъ судовъ стоявшихъ на рейдѣ были сняты команды, которые вмѣстѣ съ экипажами затопленныхъ судовъ образовали 12-ть морскихъ батальоновъ [1]), что съ четырмя дессантными и рекрутскимъ составило 17-ть морскихъ батальоновъ.

---

[1]) Изъ командъ затопленныхъ кораблей и фрегатовъ Куленей и Коварна сформировано шесть батальоновъ, съ сохраненіемъ нумеровъ экипажей: 29, 32, 34, 42, 13 и 14. Изъ командъ фрегатовъ Флора и Сизополь составленъ одинъ батальонъ, къ которому присоединена и морская подвижная артиллерія. (Приказъ Корнилова 11-го сентября № 95-и Жанръ стр. 205). Изъ командъ

Изъ этихъ вновь сформированныхъ батальоновъ, четыре десантныхъ батальона капитана 1-го ранга Варницкаго и пять батальоновъ, составленные изъ командъ взятыхъ съ кораблей, были расположены въ Сѣверномъ укрѣпленіи. Общее начальство надъ ними поручено было контръ-адмиралу Истомину. На южной сторонѣ подъ общимъ начальствомъ вице-адмирала Новосильскаго находились пять нумерныхъ батальоновъ изъ экипажей затопленныхъ судовъ, рекрутскій бьтальонъ, Сизопольско-флорскій батальонъ и подвижная морская артиллерія. Батальонъ № 44-го составлялъ подкрѣпленіе батареи № 10-го.

Принявши начальство надъ войсками сѣверной стороны, Корниловъ тотчасъ же приказалъ для ускоренія работъ употреблять всѣхъ свободныхъ нижнихъ чиновъ, которымъ и производить ежедневно по двѣ чарки водки.

Ко времени высадки непріятеля сѣверная сторона города, какъ мы видѣли, оставалась вовсе безъ защиты. Такъ называемое Сѣверное укрѣпленіе имѣло на своемъ вооруженіи только 12-ть такихъ орудій, которые могли дѣйствовать въ сторону наступающаго непріятеля. Что бы сколько нибудь усилить оборону этой мѣстности подполковникъ Тотлебенъ предположилъ устроить нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, расположивъ ихъ по обѣ стороны Сѣвернаго укрѣпленія. Избраніе мѣста для этихъ укрѣпленій, ихъ величина и направленіе огня обусловливались необходимостію: 1) занять болѣе обширную и сильную фронтальную позицію на линіи Сѣвернаго укрѣпленія и выставить на ней по возможности большее число орудій. 2) Дать возможность сильнымъ ружейнымъ огнемъ обстрѣливать впереди лежащую мѣстность и подступы къ позиціи, закрытые отъ выстрѣловъ Сѣвернаго укрѣпленія. 3) Воспрепятствовать непріятельскому флоту близко подходить къ берегу и 4) прикрыть занятую нами позицію отъ обхода съ праваго фланга [1]).

Подробности инженерныхъ работъ относящіяся до обороны Севастополя, изложенныя въ сочиненіи Э. И. Тотлебена, не от-

кораблей стоявшихъ на позиціи было сформировано пять батальоновъ подъ командою корабельныхъ капитановъ: 1-ый Бартенева съ кораблей Ягудіилъ и Храбрый; 2-ой Микрюкова съ кораблей Чесьма и Ростиславъ; 3-й Перелешина 2-го съ кораблей Парижъ и Гавріилъ; 4-й Юрковскаго съ кораблей Двѣнадцать-Апостоловъ и Святославъ и 5-й Будищева съ кораблей Велик. кн. Константинъ и Императрица Марія. Общее начальство надъ ними поручено капитану 1-го ранга Бартеневу.

[1]) Оборона Севастополя Э. Тотлебена ч. I, 211.

носятся къ цѣли настоящаго разсказа. Опуская ихъ мы скажемъ, что проэктъ начертанный подполковникомъ Тотлебеномъ быстро приводился въ исполненіе. При содѣйствіи и горячемъ участіи контръ-адмирала Истомина работа шла весьма успѣшно. Ежедневно на сѣверной сторонѣ работало 1200 человѣкъ матросъ флота и весь гарнизонъ Сѣвернаго укрѣпленія.

Усиленными трудами этихъ войскъ были насыпаны лѣвѣе Сѣвернаго укрѣпленія двѣ батареи: № 1-го на восемь орудій, и № 2-го на шесть орудій. Послѣдняя батарея была соединена съ Сѣвернымъ укрѣпленіемъ траншеею приспособленною къ ружейному огню, для обстрѣливанія впереди лежащей лощины закрытой отъ выстрѣловъ Сѣвернаго укрѣпленія. Позади этой траншеи была расположена другая, которая соединяла Сѣверное укрѣпленіе съ батареею № 1-го и предназначалась для помѣщенія резервовъ.

Правѣе Сѣвернаго укрѣпленія была насыпана батарея № 3-го на 12-ть орудій и соединена съ нимъ брустверомъ приспособленнымъ къ ружейной оборонѣ и имѣющимъ впереди ровъ. Если прибавить къ этому перемѣны сдѣланныя въ приморской № 4-го батареи, которая, вмѣсто трехъ орудій дѣйствовавшихъ по сухопутной сторонѣ, могла теперь дѣйствовать девятью орудіями, и не значительныя работы въ Сѣверномъ укрѣпленіи для усиленія ружейной обороны, — то вотъ и всѣ тѣ грозныя укрѣпленія, которыя могли представиться глазамъ союзниковъ когда они 12-го сентября подходили къ сѣверной сторонѣ Севастополя.

Къ этому надо прибавить: что «въ Сѣверномъ укрѣпленіи едва только успѣли довести тонкій, низкій и полуразвалившійся бруствер до полевой профили, что бы закрыть стрѣлковъ отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. . . . При насыпкѣ бруствера старыя эскарповыя стѣны, не выдерживая давленія земли, обваливались, засыпали собою при этомъ узкій ровъ и въ западномъ бастіонѣ образовали уже готовый обвалъ, прежде чѣмъ непріятель подошелъ къ укрѣпленію [1]).

Изъ этаго краткаго очерка положенія нашего на сѣверной сторонѣ видно, что не смотря на всѣ усилія гарнизона, трудившагося днемъ и ночью, возведенныя имъ укрѣпленія не представляли надежной защиты. Растянутые на протяженіи около полуторы версты они могли встрѣтить непріятеля только 29-ю орудіями; остальныя же предназначались для взаимной обороны укрѣпленій, фланки-

---

[1]) Оборона Севастополя ч. I, 213.

рованія рвовъ и проч. Трудно было надѣяться при такихъ условіяхъ оказать продолжительное сопротивленіе непріятелю, но защитники не унывали. Подполковникъ Тотлебенъ дни и ночи пропадалъ на работахъ укрѣпленій приводимыхъ къ окончанію, съ тѣмъ рѣдкимъ всеобщимъ воодушевленіемъ и мужествомъ, которые доказывали что малочисленный гарнизонъ рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

— Отступленіе съ сѣверной стороны не возможно, говорилъ Корниловъ; мы всѣ тутъ ляжемъ. Смерть меня не страшитъ но быть взяту въ плѣнъ — это ужасно.

Присутствуя самъ на работахъ Корниловъ проявилъ въ эти дни необыкновенную энергію и дѣятельность. Избравши себѣ помощникомъ контръ-адмирала Истомина и возложивъ на него званіе начальника штаба войскъ на сѣверѣ расположенныхъ, Корниловъ далъ каждому изъ своихъ флагъ-офицеровъ особое порученіе сообразное съ потребностями обороны, назначилъ комендантомъ крѣпости капитана 1 го ранга Бартенева, которому и подчинилъ всѣ войска гарнизона.

Независимо отъ распредѣленія должностей между адъютантами, Владиміръ Алексѣевичъ самъ хлопоталъ о пополненіи артиллеріи боевыми припасами, объ устройствѣ гоститаля и перевязочныхъ пунктовъ. По его приказанію съ судовъ подвозили систерны для воды, воду и провизію, а для перевязки раненыхъ приказано доставить съ каждаго судна по боченку уксуса смѣшаннаго съ водкою.

Между тѣмъ непріятель перешолъ на Бельбекъ и остановился. Около шести часовъ вечера шесть непріятельскихъ пароходовъ подошли къ Воронцовой башнѣ и Константиновской батареѣ и завязали перестрѣлку, продолжавшуюся до 8-ми часовъ пополудни и кончившуюся тѣмъ, какъ писалъ Корниловъ, «что наши ядра далѣе летали ихъ». Перестрѣлка эта не причинила намъ никакого урона. Со стороны непріятеля было замѣчено, что одинъ изъ пароходовъ спустилъ двѣ шлюпки [1]) и вскорѣ послѣ того вышелъ изъ линіи выстрѣловъ.

Въ ожиданіи на слѣдующій день атаки Корниловъ перевелъ съ южной стороны города на сѣверную пять нумерованныхъ (29, 32, 34, 42 и 45) и Сизопольско-флорскій батальоны, и поручилъ подпол-

---

[1]) «Замѣчательно» пишетъ между прочимъ въ своемъ дневникѣ инженеръ капитанъ А. А. Телятниковъ, что на рулевой доскѣ этихъ шлюпокъ были нарисованы Саваоѳъ и Распятіе, а на носовой части — луна и звѣзды

ковнику Тотлебену распредѣлить войска по укрѣпленіямъ и сдѣлать всѣ распоряженія необходимыя для предстоящаго дѣла.

«У меня десять тысячь нашихъ моряковъ взятыхъ съ кораблей, писалъ Корниловъ своей супругѣ въ письмѣ отъ 13-го сентября. Укрѣпленія въ надежномъ видѣ, и я, если армія сдѣлаетъ свое, надѣюсь отдуться. Берегъ этотъ кромѣ войска защищается кораблями и пароходами; съ моря же мы не досягаемы. Городъ порученъ тріумвирату: Станюковичу, генералу Моллеру и Нахимову. Богъ поможетъ Меншикову побить или хоть потревожить Арно, такъ Россія не потеряетъ чуднаго порта и флота».

Надежда на успѣхъ какъ видно не покидала ни Корнилова, ни его подчиненныхъ. Каждый изъ защитниковъ ожидалъ встрѣчи съ непріятелемъ съ увѣренностію дорого продать свою жизнь и не уступить врагу ни шагу земли русской.

Такимъ образомъ для обороны сѣверной стороны Севастополя были сосредсточены: пятые резервные батальоны Литовскаго и Виленскаго полковъ и около 10 т. челов. матросовъ. Вся численность этого гарнизона простиралась до 11350 челов. строевыхъ нижнихъ чиновъ. Изъ этого числа 5200 человѣкъ назначались для защиты Сѣвернаго укрѣпленія, 640 челов. для защиты лѣвыхъ траншей и 380 челов. для защиты праваго бруствера. Въ Константиновской батареѣ находился пятый резервный батальонъ Виленскаго егерскаго полка, численностію въ 786 человѣкъ строевыхъ нижнихъ чиновъ. Остальные войска оставаясь въ резервѣ были размѣщены: 1740 человѣкъ за лѣвымъ флангомъ въ сухой балкѣ и 2600 человѣкъ, за правымъ флангомъ у Сѣверной пристани. Начальство надъ войсками лѣваго фланга было поручено вице-адмиралу Новосильскому; въ Сѣверномъ укрѣпленіи — капитану 1-го ранга Бартеневу, а на правомъ флангѣ — капитану 1-го ранга Варницкому.

Для обезпеченія отступленія было поставлено четыре парохода у Сѣверной пристани и четыре — возлѣ батареи № 4. Для воспрепятствованія непріятелю, — въ случаѣ если бы онъ завладѣлъ сѣверною стороною — дѣйствовать по городу изъ нашихъ же Сѣверныхъ укрѣпленій, по распоряженію Корнилова были разрушены всѣ амбразуры обращенныя на городъ и рейдъ, а стоявшія въ нихъ орудія сброшены къ бухтѣ. Двѣ же батареи Михайловскую и № 4-го предположено было взорвать, для чего и были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія.

Этими распоряженіями и ограничились всѣ мѣры принятыя

для встрѣчи наступающаго непріятеля. Нельзя не удивляться неутомимости Корнилова и его достойныхъ сподвижниковъ, нельзя не удивляться быстротѣ, съ которою воздвигались батареи, но должно сознаться что положеніе сѣверной стороны было совершенно безнадежно. Неговоря о томъ что вся позиція, длиною около полуторы версты, обстрѣливалась только 29-ю орудіями и при томъ не на всемъ протяженіи, мы должны замѣтить что многія неровности мѣстности и ложбины были скрыты отъ дѣйствія орудій и непріятель могъ наступать по нимъ или совершенно безнаказанно, или съ весьма малою потерею.

Сѣверное укрѣпленіе находилось на возвышеніи по обѣимъ сторонамъ котораго пролегали двѣ главныя лощины. Атакуя нашу позицію и двигаясь по лощинѣ противъ праваго фланга, непріятель могъ быть поражаемъ только изъ 7-ми орудій; та колонна, которая была бы направлена противъ самаго Сѣвернаго укрѣпленія имѣла бы противъ себя огонь только 6 орудій; а при атакѣ лѣваго фланга непріятель могъ быть встрѣченъ только 7-ю орудіями. Можно-ли считать такую позицію не только трудно доступною, но и достаточно защищенною отъ атаки 60 т. арміи.

Но съ другой стороны являются вопросы: должны-ли были союзники атаковать сѣверную часть города или не должны? Могли-ли они овладѣть ею или не могли? Вступивъ на русскую землю англо-французы имѣли при себѣ только одну полевую артиллерію и самый необходимый запасъ продоволствія и боевыхъ припасовъ. Осадная артиллерія ихъ оставалась на судахъ и выгрузка ея въ Евпаторіи или даже въ устьѣ р. Алмы, была дѣломъ безцѣльнымъ и рискованнымъ, потому вопервыхъ, что доставка ея къ Севастополю, при совершенномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ, была невозможна, а во вторыхъ — она могла сдѣлаться добычею нашихъ войскъ, если бы они появились въ виду Евпаторіи, или на сообщеніяхъ союзниковъ. Затѣмъ, не только вблизи Севастополя, но и на всемъ протяженіи морскаго берега, между р. Алмою и городомъ, не было мѣста сколько нибудь удобнаго для выгрузки. Для этого необходимо было остановить эскадру въ открытомъ морѣ и выгружать припасы на открытомъ берегу, при помощи мелкихъ судовъ. Работа эта требовала значительнаго времени, каждый часъ котораго усиливалъ князя Меншикова и замедлялъ дѣйствія союзниковъ. Для успѣха экспедиціи и достиженія какого либо результата англо-французамъ необходимо было преслѣдовать цѣль быстро и потому предпринимая штурмъ сѣверной стороны города, поло-

житься на содѣйствіе одной полевой артиллеріи. При одновременной и совокупной атакѣ сухопутными войсками и флотомъ, полевая артиллерія конечно принесла бы значительную пользу и союзники могли надѣяться прочно утвердиться въ Севастополѣ, но съ загражденіемъ рейда всѣ планы ихъ рушились сами собою. Затопленные корабли преграждали союзному флоту доступъ въ бухту и атаковать Сѣверныя укрѣпленія одними сухопутными войсками не было ни какой цѣли, такъ какъ подъ огнемъ нашего флота англо-французы не могли бы удержаться въ занятой позиціи. Къ тому же съ занятіемъ Сѣвернаго укрѣпленія и фортовъ они не пріобрѣтали никакихъ преимуществъ, такъ какъ линія огня этихъ укрѣпленій, или направленіе выстрѣловъ, сосредоточена была преимущественно на рейдъ, и слѣдовательно возможность сжечь флотъ и бомбардировать городъ при помощи одной полевой артиллеріи была болѣе чѣмъ сомнительна и едвали исполнима. А между тѣмъ занявши Сѣверныя укрѣпленія союзники становились тыломъ ко всей Россіи, оставались безъ основанія дѣйствій, безъ продовольствія и въ ежеминутномъ опасеніи, что русская армія можетъ прервать сообщеніе ихъ съ Евпаторіею и съ флотомъ и поставить между двухъ огней.

Послѣ сраженія на р. Алмѣ маршалъ Сентъ-Арно и лордъ Рагланъ потеряли изъ вида князя Меншикова [1]) и, не зная гдѣ именно онъ находиться, опасались, что усиленный прибытіемъ свѣжихъ войскъ, онъ можетъ явиться въ тылу союзниковъ въ то время, когда они будутъ стоять противъ Сѣверныхъ укрѣпленій. Броситься же на штурмъ не обезпечивши своего тыла было крайне рисковано тѣмъ болѣе, что союзникамъ не было извѣстно сколько русскихъ войскъ находиться въ Севастополѣ. Они знали только, что съ загражденіемъ рейда, судя по составу черноморскаго флота, армія князя Меншикова усилилась болѣе чѣмъ 10 т. человѣкъ матросовъ испытанной храбрости. Имѣя при томъ преувеличенныя свѣдѣнія о численности нашихъ войскъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи на р. Алмѣ [2]), и считая что за всею потерею въ ра-

[1]) Въ своемъ донесеніи военному министру Сентъ-Арно писалъ съ поля сраженія: «Dans la soirée du 8 (20), l'armée russe s'était partagée en deux. Le P. Menchikoff avec l'aile gauche marchait sur Baktchi-Seraï., l'aile droite se dirigeait sur Belbek». Арх. канц. воен. министер. д. № 110.

[2]) Не подлежитъ сомнѣнію что въ главномъ штабѣ союзныхъ армій имѣли преувеличенныя понятія о силахъ князя Меншикова. Между прочимъ это видно изъ того, что Сентъ-Арно, не смотря на настоянія Лорда Раглана огра-

споряженіи князя Меншикова все таки оставалось около 30 т. человѣкъ, союзные главнокомандующіе расчитывали, что армія эта будетъ усилена прибытіемъ подкрѣпленій и можетъ достигнуть болѣе чѣмъ до 40 т. человѣкъ, поддержанныхъ огнемъ съ флота и прибрежныхъ батарей. Къ тому же они получили ложное извѣстіе будто бы русскіе успѣли устроить батареи, которыя затруднили входъ въ р. Бельбекъ могутъ воспрепятствовать выгрузкѣ войскъ и осадной артиллеріи и что наконецъ окружили Константиновскій фортъ непрерывной цѣпью укрѣпленій, дѣлающихъ атаку сѣверной части затруднительною и опасною [1]). Полагаясь на донесенія капитановъ пароходовъ и на татаръ, маршалъ Сентъ-Арно и Лордъ Рагланъ были введены въ большія заблужденія. Обозрѣвая городъ только съ моря, откуда грозные приморскіе форты казались недоступными твердынями, непріятель не смѣлъ предположить, что бы такой важный пунктъ, какимъ былъ Севастополь, не имѣлъ обороны съ сухаго пути. Къ этому надо прибавить, что измѣнники татары, служившіе союзникамъ лазутчиками, не понимая сущности дѣла еще болѣе запутывали обоихъ главнокомандующихъ. Прослышавши о мѣрахъ принятыхъ нами къ подорванію батарей Михайловской и № 4-го и будучи склонны къ всякаго рода преувеличеніямъ, татары утверждали, что русскіе минировали все пространство отъ сѣверныхъ укрѣпленій до самаго Бельбека.

При такихъ условіяхъ, благоразуміе требовало отказаться отъ штурма и для самостоятельности дѣйствій прежде всего обезпечить свой тылъ и примкнуть къ такому мѣсту, которое было-бы не доступно для обхода русскихъ войскъ. На этомъ основаніи оба союзные главнокомандующіе положили, обогнувши Севастопольскій рейдъ, овладѣть Балаклавою и атаковать городъ съ южной стороны. Такая перемѣна плана, представляла для союзниковъ ту важную выгоду, что занявши Херсонесскій полуостровъ, составляющій какъ бы редюитъ Крымскаго полуострова, англо-французы тѣснѣе соединялись съ своимъ флотомъ, отдѣлиться отъ котораго они не имѣли никакой возможности. Бухты: Балаклавская, Камышевая, Казачья и Стрѣлецкая, представляли всѣ удобства для якорной стоянки, тогда какъ на сѣверномъ берегу не было не только удобной, но и никакой бухты. Союзному флоту приходилось бы оставаться

ничиться приваломъ на р. Качѣ и двигаться далѣе на Бельбекъ, не рѣшался сдѣлать этого до тѣхъ поръ пока не присоединитъ къ себѣ подкрѣпленій высадившихся въ Евпаторіи.

[1]) Базанкуръ. 249.

здѣсь въ открытомъ морѣ, подвергаться разнымъ случайностямъ и опасаться за сообщеніе съ арміею. Перейдя на южную сторону севастопольскаго рейда и ставши тыломъ къ морю, англо-французы обезпечивали себя отъ обхода и имѣли передъ собою городъ, совсѣми его складами и заведеніями, городъ противъ котораго они могли смѣло открыть осадныя работы.

И такъ движеніе на югъ было необходимо для союзниковъ. но предпринять его не пытаясь овладѣть сѣверною стороною, значило сознаться въ неудачномъ выборѣ мѣста высадки. По этому не рѣшаясь прямо и откровенно высказать уполномочившимъ ихъ правительствамъ причины такого перехода, главнокомандующіе сочли болѣе приличнымъ прибѣгнуть къ вымыслу и сослаться на необыкновенную силу укрѣпленій, будто-бы возведенныхъ русскими на сѣверной сторонѣ рейда.

Лордъ Рагланъ, въ своемъ оффиціальномъ рапортѣ писалъ, что причиною перехода союзной арміи на южную сторону было то, что устья р. р. Качи и Бельбека столь сильно укрѣплены, что не представлялось никакой возможности производить тамъ выгрузку тяжестей и осадной артиллеріи. Какъ будто ставши въ долинѣ Бельбека англо-французы не отрѣзывали эти мнимыя укрѣпленія съ тыла и не могли овладѣть ими. Только дойдя до р. Качи они убѣдились что на сѣверной сторонѣ нѣтъ удобной гавани для флота, тогда какъ объ этомъ должны были знать ранѣе, чѣмъ оставили берега Франціи и Англіи. При устьѣ Бельбека они видѣли укрѣпленіе будто-бы преграждающее входъ въ рѣку, тогда какъ въ дѣйствительности это были остатки старой земляной батареи, не имѣвшей на своемъ вооруженіи ни одного орудія и въ прикрытіи ни одного солдата. Не это укрѣпленіе, а отсутствіе свѣдѣній о численности русской арміи и мѣстѣ ея нахожденія, опасеніе быть атакованными въ тылъ, совершенное незнакомство съ характеромъ возведенныхъ на сѣверной сторонѣ укрѣпленій, необходимость прочной связи съ флотомъ, отъ котораго союзники получали всѣ жизненныя и боевыя потребности и наконецъ загражденіе нами рейда — вотъ совокупность тѣхъ причинъ, по которымъ маршалъ Сентъ-Арно и Лордъ Рагланъ на совѣщаніи происходившемъ на р. Качѣ рѣшились перейти на южную сторону города.

Хотя совѣщаніе это окончилось поздо вечеромъ 11-го сентября, но рѣшеніе совѣщавшихся было въ тотъ же день сообщено адмираламъ соединенныхъ флотовъ Франціи и Англіи и сэръ Лайонсъ, получивъ приказаніе, отъ лорда Раглана, слѣдовать къ Балаклавѣ.

На слѣдующій день, 12-го сентября, около 9-ти часовъ утра, союзная армія, снявшись съ бивуака на Качѣ, двинулась по направленію къ р. Бельбеку, до которой и достигла только вечеромъ. На лѣвомъ берегу этой рѣки, на возвышеніи близъ моря, непріятель увидѣлъ именно ту мнимо-страшную батарею, которая преграждала входъ въ рѣку и могла препятствовать выгрузкѣ войскъ и боевыхъ припасовъ. Хотя на батареѣ этой не замѣчено было ни одного живаго существа, но союзные генералы предпочли посторониться ее, и принявъ со всею арміею влѣво начали переправу лѣвѣе дер. Бельбекъ. Переправа на лѣвый берегъ рѣки продолжалась до ночи; бивуакъ союзниковъ былъ ясно видѣнъ изъ Сѣвернаго укрѣпленія.

Отсюда англо-французы должны были начать свое фланговое движеніе по направленію къ хутору Мекензи. Имъ приходилось проходить черезъ лѣсистое, узкое и длинное дефиле, принудившее ихъ вытянуться въ одну линію. Въ авангардѣ шли англичане, позади ихъ французы и турки. Французы построились по обѣимъ сторонамъ дороги; во главѣ правой колонны шла 3-я дивизія, а за нею 2-я и 1-я, въ бригадныхъ колоннахъ подъ общимъ начальствомъ генерала Канробера; по лѣвую сторону шла 4-я дивизія, а за нею турки подъ начальствомъ генерала Форе. Въ срединѣ между колоннами и по дорогѣ двигались артиллерія, обозы и проч. Подобный порядокъ слѣдованія былъ принятъ и англичанами: легкая дивизія шла по возвышенности съ одной стороны, шотландцы и гвардія слѣдовали по другой сторонѣ, а въ срединѣ шла легкая артиллерія. Потомъ слѣдовали прочія дивизіи въ такомъ же порядкѣ. Войска подвигались впередъ медленно и артиллерія съ большимъ трудомъ была свезена по крутому спуску въ Бельбекскую долину.

Временемъ для выступленія назначено 6 часовъ утра 13-го сентября, но англичане на столько задержали французовъ, что они могли начать свое движеніе только въ полдень [1]).

Изъ Севастополя очень хорошо было видно, какъ непріятель потянулся вдоль бухты въ правую сторону. Первое движеніе союзниковъ замѣчено было съ башни устроенной на крышѣ морской библіотеки, расположенной на одной изъ самыхъ высокихъ горъ города. Съ башни этой открывался обширный и прекрасный видъ на всѣ окрестности, и можно было видѣть множество красныхъ

---

[1]) Les Anglais, пишетъ Базанкуръ, emportant avec eux d' immenses bagages et des arabas chargés outre mesure et traînés par des bœufs ou des buffles, eussent cessé de défiler. Aussi notre armée ne put se mettre en mouvement qu' á midi».

мундировъ, которые двигались, по опушкѣ лѣса, на Мекензіеву гору и спускались потомъ въ долину Черной рѣчки. То были англійскія войска тянувшіеся длинною вереницею вдоль сѣверныхъ нашихъ укрѣпленій. За ними слѣдовали французы, въ темныхъ шинеляхъ. Тысячи штыковъ блестѣли на полуденномъ солнцѣ; казалось что весь лѣсъ былъ въ движеніи.

Всѣ видѣли что непріятель переходилъ на южную сторону Севастополя и сѣверная сторона, ожидавшая скораго нападенія, вздохнула спокойнѣе:—она была избавлена отъ опасности.

Въ томъ направленіи въ которомъ слѣдовали союзники пролегала только одна дорога, которую необходимо было уступить для артиллеріи, кавалеріи и обоза. Пѣхота же принуждена была сама прокладывать себѣ дорогу безъ проводниковъ, съ компасомъ въ рукахъ, сквозь столь густой лѣсъ, что люди едва могли видѣть въ немъ другъ друга; въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ всѣ части войскъ были совершенно смѣшаны между собою. Въ такомъ нестройномъ движеніи союзная армія только утромъ слѣдующаго дня вышла на дорогу ведущую изъ Севастополя въ Симферополь.

Почти одновременно съ этимъ наши войска совершали также фланговое движеніе изъ Севастополя къ Бахчисараю.

Когда 11-го сентября союзники явились на р. Качѣ кн. Меншиковъ отправилъ въ тотъ же день на Бельбекъ для наблюденія за непріятелемъ генералъ-лейтенанта Кирьякова съ Тарутинскимъ и Бородинскимъ Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича полками и съ двумя батареями [1]). Получивши приказаніе расположиться на высотахъ лѣваго берега Бельбека Кирьяковъ, долженъ былъ въ тоже время прикрыть предположенное фланговое движеніе нашихъ войскъ.

Подойдя около четырехъ часовъ пополудни къ Бельбеку, Кирьяковъ увидѣлъ на противоположномъ берегу англійскія войска, а вслѣдъ затѣмъ получилъ извѣстіе, что дорога въ селен. Дуванкіои также занята англичанами. Не считая себя въ силахъ противиться многочисленному непріятелю Кирьяковъ около $10^1/_2$ часовъ вечера началъ отступать къ Инкерману. Дойдя до Инкерманскаго спуска онъ оставилъ здѣсь одинъ батальонъ Тарутинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 1 батареи 16-й артиллерійской бригады, а самъ съ остальными войсками поднялся на высоты Сапунъ-горы. Такимъ образомъ князь Меншиковъ совершалъ впослѣдствіи свое фланговое движеніе безъ всякаго прикрытія.

---

[1]) Журналъ военныхъ дѣйствій Крымской арміи.

Вечеромъ 12-го сентября, наши войска, оставивши свои тяжести и обозъ въ Севастополѣ, выступили изъ лагеря на Куликовомъ полѣ и потянулись налегкѣ, въ томъ въ чемъ были, по направленію къ Черной рѣчкѣ. Жители города были крайне встревожены уходомъ арміи. Они громко кричали и обвиняли князя Меншикова въ измѣнѣ называя его «Измѣнщиковымъ»; солдаты были также недовольны этимъ движеніемъ и говорили, что командующій войсками ведетъ ихъ къ Бахчисараю только для того, чтобы стеречь татарскіе огороды [1]). Впослѣдствіи толки эти дошли до кн. Меншикова, и хотя онъ смѣялся надъ ними, но приписывая происхожденіе ихъ Корнилову, не могъ сохранить полнаго хладнокровія. Однажды, спустя довольно долгое время послѣ этого движенія, свѣтлѣйшій встрѣтилъ чиновника дипломатической части Батьянова.

— Передайте Корнилову, сказалъ кн. Меншиковъ, что я не получилъ еще всѣхъ денегъ отъ Раглана для сдачи Севастополя.

Такое порученіе удивило Батьянова.

— Ваша свѣтлость, отвѣчалъ онъ, богаче Раглана и вамъ доступнѣе его подкупить, нежели ему васъ.

— Хорошо, сказалъ князь, но я вамъ поручаю передать отъ меня Корнилову слышанное вами.

Батьяновъ долженъ былъ исполнить порученіе, на которое Корниловъ не обратилъ вниманія.

Слово *«измѣна»* повторялось въ Севастополѣ довольно часто и громко, и при тогдашнемъ положеніи дѣлъ было весьма естественно. Князю Меншикову не оставалось ничего болѣе какъ дѣлать тоже самое.

— Хотѣлъ продать Севастополь англичанамъ, да дешево давали, повторялъ онъ нѣсколько разъ въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ.

Остряки сочинили по этому поводу анекдотъ весьма хорошо характеризующій тогдашнее настроеніе общества. Они разсказывали будто бы союзные главнокомандующіе прислали къ кн. Меншикову своего парламентера съ предложеніемъ, чтобы городъ сдался и ключи были присланы въ ихъ главную квартиру.

— Ключи я потерялъ подъ Бурлюкомъ [2]), отвѣчалъ кн. Меншиковъ посланному, а Севастополь брать я вамъ не мѣшаю.... и оставивъ городъ повелъ войска къ Бахчисараю.

---

[1]) Дневникъ Инженеръ Капит. Телятникова (рукоп.). Письмо Вл. Княжевича отъ 25-го сентября.

[2]) Въ сраженіи на р. Алмѣ.

Предпринимая свое фланговое движеніе кн. Меншиковъ не сдѣлалъ никакого распоряженія, не отдалъ ни приказа, ни приказанія по войскамъ; всѣ дѣлалось на словахъ: одному начальнику говорили такъ, другому иначе и никто рѣшительно не зналъ, что хочетъ предпринять командующій. Отъ этого, какъ увидимъ ниже, генералъ Кирьяковъ не попалъ на ту дорогу, на которую слѣдовало и перепуталъ остальныя войска.

Нашимъ войскамъ предстояло спуститься въ долину Черной рѣчки, перейти ее въ бродъ или по единственному мосту, потомъ пробираться по узкой инкерманской гати, а затѣмъ уже взбираться на крутую Мекензіеву гору, опять таки по единственной дорогѣ, которая у хутора Мекензи, пролегала не далѣе 4-хъ верстъ отъ передовыхъ непріятельскихъ постовъ, бивуачные огни которыхъ были видны весьма ясно.

Въ авангардѣ шелъ отрядъ генералъ-маіора Жабокритскаго состоявшій изъ 15-ти батальоновъ, 8-ми эскадроновъ, 9-ти сотенъ казаковъ и 38-ми орудій — всего около 13 тыс. человѣкъ. Ночью 12-го сентября Жабокритскій долженъ былъ двинуться къ хутору Мекензи, и, сдѣлавъ тамъ привалъ, ожидать прибытія генерала Кирьякова, съ войсками 17-й пѣхотной дивизіи, которому приказано было выступить по слѣдамъ Жабокритскаго въ 4 часа пополуночи [1]). За Кирьяковымъ слѣдовали, остальные войска подъ начальствомъ кн. П. Д. Горчакова.

Темнота ночи скрывала наши колонны отъ взоровъ непріятеля. «Батальоны шли скорымъ шагомъ, пишетъ участникъ, не по дорогѣ, а *воробьинымъ путемъ*, какъ выражались солдаты. Погода стояла сухая. Воздухъ былъ пропитанъ запахомъ полыни. Тишина нарушалась лишь добрымъ стукомъ нашихъ шаговъ. Солдаты шепотомъ разговаривали между собою. Трубокъ не велѣно было курить».

Приближаясь къ Черной рѣчкѣ полки останавливались въ ожиданіи переправы черезъ мостъ. Въ это время, къ столпившимся у моста войскамъ, подскакалъ одинъ изъ ординарцевъ и отыскавши Черноморскій резервный баталіонъ, приказалъ двумъ его ротамъ остановиться у моста, и, дождавшись прибытія подвижнаго полупарка № 8-го, составить его прикрытіе.

Свернувши вправо отъ дороги 1-я и 2-я роты черноморцевъ легли отдохнуть въ ожиданіи прибытія полупарка [2]). Мимо ихъ про-

---

[1]) Матер. вып. IV, 150.

[2]) Записки. Першина (рукоп.)

ходили по мосту полкъ за полкомъ и подымались на Мекензіеву гору. Уступивъ единственную дорогу для артиллеріи, обозовъ и другихъ повозокъ, солдаты шли цѣликомъ по каменистому грунту, покрытому терновымъ и кизилевымъ кустарникомъ, или дубнякомъ, или лѣсомъ, карабкались на высоты и, по мѣрѣ того какъ взбирались на нихъ, дѣлали привалъ. Путь былъ трудный, утомительный: тишина соблюдалась еще строже, запрещали даже шептать и приказывали мягче ставить на землю ноги [1]).

«Въ эту ночь, пишетъ одинъ изъ офицеровъ Владимірскаго полка шедшаго въ авангардѣ, намъ пришлось перейти двѣ рѣчки въ бродъ. Послѣ такого несвоевременнаго купанья, солдаты согрѣвались добытымъ ими, въ оставленныхъ жителями погребахъ, виномъ, заѣдая его превосходными яблоками.... На Мекензіевыхъ высотахъ, въ лѣсу попались намъ навстрѣчу англійскіе разъѣзды; непріятель вѣжливо посторонясь далъ намъ дорогу» [2]).

Не зная дорогъ и не имѣя карты окрестной мѣстности войска блудили, сбивались съ пути, такъ что многіе полки съ большими затрудненіями достигали до назначенныхъ имъ пунктовъ. Дойдя до Мекензіева хутора войска располагались на отдыхъ, кто въ лѣсу, кто близъ дороги; одни варили пищу, другіе отдыхали молча, боясь пошевельнутся, чтобы не навлечь вниманія непріятеля. Отдохнувъ немного полки подымались и слѣдовали далѣе: одни по кратковременности отдыха не успѣли сварить пищу, другіе сварили, да не пообѣдали. Въ темнотѣ ночи случалось и такъ, что три батальона полка подымались и шли впередъ, а четвертый оставался на мѣстѣ.

По слѣдамъ Жабокритскаго долженъ былъ двигаться Кирьяковъ съ своимъ отрядомъ, но послѣдній сбился съ дороги, потерялъ много времени въ напрасныхъ передвиженіяхъ и тѣмъ задержалъ движеніе колонны кн. Горчакова. Наконецъ, переправившись въ бродъ между Инкерманскимъ и Трактирнымъ мостами, онъ двинулся также къ хутору Мекензи, а за нимъ спустился съ Сапунъ горы и кн. Горчаковъ, который поднявшись по крутому подъему къ селенію Черкесъ-Керменъ, находившемуся верстахъ въ трехъ отъ хутора Мекензи, остановился здѣсь на привалѣ [3]).

До разсвѣта ни русскіе, ни союзники не подозрѣвали что ихъ раздѣляетъ только темная ночь и что они находятся другъ возлѣ

[1]) Матер. IV, 151. Сборникъ рукоп. т. I, 64.

[2]) Рукописи о севастопольской оборонѣ т. II, 208.

[3]) Тотлебенъ «Оборона Севастополя» т. I, 231.

друга. Съ разсвѣтомъ дѣло объяснилось. Всѣ три главнокомандующіе съ удивленіемъ замѣтили, что они, по мѣткому выраженію П. С. Нахимова *играли въ жмурки* и обмѣнялись позиціями: мы шли съ юга на сѣверъ, а англо-французы—съ сѣвера на югъ.

Съ наступленіемъ утра наша армія ушла на столько впередъ, что не могла уже быть атакована непріятелемъ. Союзники успѣли захватить только часть обоза и парковыхъ повозокъ, опоздавшихъ своимъ движеніемъ.

Мы сказали, что для прикрытія полупарка были оставлены, у моста черезъ Черную рѣчку, двѣ роты Черноморскаго пѣшаго батальона. Отойдя въ сторону роты эти ожидали прибытія парка. Войска ушли далеко впередъ, все стихло, а парка не было Наконецъ на разсвѣтѣ показались дрожки командира полковника Х. за которыми тянулись длинною вереницею повозки съ порохомъ и снарядами. Паркъ подвигался медленно, лѣниво и, не смотря на близость непріятеля, совершалъ свое путешествіе также спокойно, какъ спокойно было сидѣть его командиру на мягкихъ дрожкахъ.

Было утро 13-го сентября. Не успѣлъ паркъ подойти къ подошвѣ Мекензіевой горы, какъ съ лѣвой стороны его послышалось ржаніе лошадей указывавшее на близость непріятеля. На это ржаніе откликнулись парковыя лошади и пошла перекличка, не возбудившая впрочемъ вниманія полковника Х. Послѣдній спокойно и не торопясь взбирался на Мекензіеву гору и поднявшись на ея вершину, остановилъ паркъ, приказалъ разнуздать лошадей и кормить ихъ. Не прошло и 20 минутъ какъ изъ ближайшихъ кустовъ вышелъ казачій офицеръ съ нѣсколькими казаками.

— Гдѣ начальникъ? спросилъ офицеръ.

Ему указали на Х. которому и было объявлено, что непріятель находится не болѣе какъ въ полутора верстѣ и что часть его двигается прямо на паркъ.

То были англичане шедшіе въ авангардѣ союзной арміи.

Извѣстіе это произвело большое замѣшательство среди парка: люди наскоро запуздывали лошадей и торопились спуститься, по извилистой дорожкѣ внизъ къ рѣкѣ Бельбеку. На пути они встрѣтили значительный гуртъ скота направленный въ Севастополь и загородившій дорогу парковымъ повозкамъ. Люди, лошади скотъ и повозки—все перемѣшалось между собою. Въ это время лѣвѣе дороги послышался звукъ непріятельской трубы, а вслѣдъ затѣмъ блеснулъ выстрѣлъ, за нимъ другой и завязалась перестрѣлка. Пользуясь закрытою мѣстностью англичане разсыпали стрѣлковую

цѣпь и поставили на обрывѣ свою артиллерію, открывшую огонь по спускавшимся съ горы повозкамъ. Вслѣдъ затѣмъ англійскій гусарскій № 8-го полкъ, при содѣйствіи конной батареи, бросился въ атаку на повозки шедшія въ хвостѣ парка. Прикрывавшіе ихъ черноморцы стойко выдержали атаку и отбивались до тѣхъ поръ пока англичане не подвезли орудія на весьма близкое разстояніе и не стали обстрѣливать ихъ картечью. Тогда прикрытіе принуждено было отступить, оставивъ на мѣстѣ нѣсколько убитыхъ лошадей и нѣсколько телегъ разбитыхъ и опрокинутыхъ [1]). Четырнадцать парковыхъ и нѣсколько офицерскихъ повозокъ, сломавшихся при спускѣ, достались въ руки англичанъ. Третій батальонъ Тарутинскаго полка и дивизіонъ батарейной № 1 батареи 16 й артиллерійской бригады, оставленные генераломъ Кирьяковымъ у Инкерманскаго спуска были отрѣзаны отъ арміи и принуждены возвратиться въ Севастополь.

Таже самая участь могла постигнуть и многіе полки нашей арміи, если бы союзники поторопились своимъ движеніемъ. Тогда князь Меншиковъ принужденъ бы былъ принять сраженіе, совершенно неожиданно, въ положеніи самомъ невыгодномъ и съ огромною потерею пробиваться или къ Бахчисараю, или отступить къ Севастополю и въ послѣднемъ случаѣ на своихъ плечахъ принести непріятеля въ городъ.

Если кн. Меншиковъ успѣлъ избѣжать опасной для него встрѣчи съ англо-французами, то обязанъ единственно ветхости союзныхъ главнокомандующихъ и совершенному незнанію ими театра дѣйствій. Если бы союзники, въ обезпеченіе своего фланговаго марша, выслали заранѣе незначительный отрядъ къ Мекензіеву хутору, чтобы стать на дорогѣ ведущей къ переправѣ черезъ Черную рѣчку, то они могли остановить движеніе всей нашей арміи, или разорвать ее на двѣ части.

На движеніе подобное предпринятому кн. Меншиковымъ можно рѣшиться развѣ только въ такомъ случаѣ, когда положеніе арміи становится безвыходнымъ. Но было-ли безвыходно положеніе кн. Меншикова въ Севастополѣ? Послѣдующій разсказъ не приводитъ къ такому убѣжденію, и если кн. Меншиковъ считалъ его опаснымъ, то онъ самъ поставилъ себя въ такое положеніе.

Какія основательныя побужденія заставляли нашего главнокомандующаго рѣшиться на это движеніе и вообще бросаться изъ

---

[1]) Изъ записокъ Першина (рукоп.).

стороны въ сторону мы не знаемъ, но полагаемъ что не тѣ, которыя приводятъ сторонники кн. Меншикова и его приверженцы.

Защитники необходимости фланговаго движенія говорятъ, что поводомъ къ тому было: 1-е, совершенно безполезное нахожденіе арміи на южной сторонѣ и невозможность подать помощь сѣвернымъ укрѣпленіямъ, въ случаѣ нападенія на нихъ непріятеля; 2-е, можно было ожидать, что, въ случаѣ атаки Сѣверныхъ укрѣпленій, непріятель протянется вдоль сѣвернаго берега бухты и займетъ позицію на крутыхъ и обрывистыхъ скалахъ дачи Мекензи и Инкерманскихъ высотахъ. 3-е, По всему протяженію Черной рѣчки тянутся утесы проходимые только въ четырехъ мѣстахъ, весьма близкихъ одно отъ другаго, такъ что еслибы непріятель занялъ эту позицію, то нашимъ войскамъ пришлось бы ожидать его на Сапунъ-горѣ, позиціи хотя сильной, но растянутой на протяженіи около 12-ти верстъ. 4-е, Съ занятіемъ союзниками позиціи у Инкермана кн. Меншиковъ былъ бы отрѣзанъ отъ сообщенія съ Россіею, что въ случаѣ успѣха союзниковъ мы теряли городъ, флотъ и всю Крымскую армію.

Самъ кн. Меншиковъ объяснялъ цѣль своего фланговаго движенія тѣмъ, чтобы, ставши на флангѣ или въ тылу союзной арміи воспрепятствовать ей овладѣть Сѣверными укрѣпленіями.

Для выполненія этой послѣдней цѣли, т. е. чтобы спасти сѣверную часть города ему необходимо было по меньшей мѣрѣ два перехода. Выступая изъ Севастополя въ ночь 12-го сентября, онъ могъ расчитывать на окончаніе своего движенія только вечеромъ 13-го числа, между тѣмъ непріятель находясь 12-го числа на Бельбекѣ, только въ нѣсколькихъ часахъ отъ Сѣверныхъ укрѣпленій, могъ атаковать ихъ утромъ 12-го сентября, слѣдовательно гораздо ранѣе чѣмъ кн. Меншиковъ могъ появиться у него въ тылу.

Что армія наша оставаясь на южной сторонѣ города не могла подать помощи Сѣвернымъ укрѣпленіямъ объ этомъ спорить, конечно, никто не станетъ, но если свѣтлѣйшій хотѣлъ оказать имъ свое содѣйствіе, то становится совершенно непонятнымъ зачѣмъ кн. Меншиковъ не оставилъ Севастополь нѣсколькими днями ранѣе и не предпринялъ своего движенія въ то еще время когда союзники подошли къ р. Качѣ?

Переводя полки на южную сторону рейда, командующій войсками, очевидно, не имѣлъ еще тогда въ виду ни фланговаго движенія, ни защиты сѣверной стороны города — словомъ не составилъ себѣ никакого опредѣленнаго плана дѣйствій. Онъ пошелъ изъ Севасто-

поля къ Бахчисараю налегкѣ, безъ обозовъ и хотя впослѣдствіи писалъ, что заходилъ на южную сторону для пополненія запасовъ и «водворенія стройности въ войскахъ», но объясненія эти позднѣйшаго происхожденія. Пополненія запасовъ, какъ видѣли, не было никакого, а водвореніе стройности въ войскахъ, или другими словами переформированіе частей, могло быть произведено и послѣ фланговаго движенія. Во всякомъ случаѣ лучше было идти съ непереформированными частями, но безъ опасенія и на свободѣ, чѣмъ переформировать ихъ и потомъ слѣдовать въ виду непріятеля, подъ опасеніемъ быть атакованнымъ въ порядкѣ весьма невыгодномъ для боя и на мѣстности весьма затруднительной для подобнаго движенія.

Если бы кн. Меншиковъ выступилъ въ ночь съ 11 на 12 сентября онъ имѣлъ бы огромное преимущество надъ непріятелемъ, тянувшимся длинною вереницею отъ Бельбека къ р. Черной, и могъ поставить его въ крайне затруднительное положеніе. Фланговый маршъ союзниковъ стоилъ бы имъ весьма не дешево, потому что при всемъ желаніи сохранить стройность и порядокъ, они не могли этого сдѣлать, по затруднительности пути: колонны ихъ безпрерывно или разрывались или сталкивались въ дефилеяхъ и проходили по такой мѣстности, на которой никакъ нельзя было устроиться для принятія боя. На дорогѣ, по которой они шли были оставлены слѣды большой торопливости и поспѣшности: въ кустахъ было забыто много киверовъ въ особенности англійскаго полка № 33-го; по всему пути валялись вальтрапы и прочіе принадлежности одежды и вооруженія [1]).

Къ тому же, если бы кн. Меншиковъ былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, находясь на флангѣ или въ тылу непріятеля, онъ можетъ воспрепятствовать ему атаковать Сѣверныя укрѣпленія, то отступая послѣ Алмскаго сраженія, онъ не пошелъ бы въ Севастополь. Мы уже говорили что движеніе это было совершенно безполезно, но оно кажется еще болѣе ошибочнымъ, если мы вспомнимъ что онъ перевелъ всѣ войска на южную сторону города, въ чемъ рѣшительно не было ни какой надобности.

Что касается до того что онъ могъ быть запертъ въ Севастополѣ и отрѣзанъ отъ сообщенія съ Россіею, то и это положеніе не вполнѣ справедливо.

Свѣтлѣйшему было извѣстно, что союзники, не имѣя пере-

---

[1]) Записки Першина (рукоп.).

вочныхъ средствъ, не могутъ обезпечить себя продовольствіемъ на продолжительное время, а потому имъ было только два исхода: или атаковать безотлагательно Сѣверныя укрѣпленія, или перейти на южную сторону, утвердиться въ Балаклавѣ и на Херсонесскомъ полуостровѣ и, войдя въ непосредственныя сношенія съ флотомъ, атаковать городъ съ этой стороны. Только въ этихъ двухъ случаяхъ они могли быть обезпечены матеріальнымъ и боевымъ довольствіемъ и могли надѣяться на успѣхъ.

По однимъ продовольственнымъ причинамъ англо-французы могли двигаться только по берегу моря, на которомъ къ счастію ихъ стоялъ и Севастополь. Слѣдовательно занимать хотя и сильныя позиціи, но не имѣть обезпеченнаго продовольствія и становиться тыломъ ко всей остальной Россіи, для того только чтобы издали смотрѣть на Севастополь и ожидать когда русская армія, обезпеченная продовольствіемъ почти на полгода, вздумаетъ атаковать ихъ, было бы крайне невыгодно для союзниковъ.

Князь Меншиковъ на южной сторонѣ Севастополя былъ несравненно сильнѣе чѣмъ на рѣкѣ Алмѣ. Въ его распоряженіи было около 33,800 челов. строевыхъ нижнихъ чиновъ [1]). На вооруженіи южной стороны города къ этому времени стояло уже 145 орудій различнаго калибра, а нѣкоторыя балки и овраги могли быть обстрѣливаемы съ флота. Къ тому же въ случаѣ атаки непріятелемъ южной стороны города, кн. Меншиковъ имѣлъ полную возможность присоединить къ себѣ до 10 тыс. человѣкъ гарнизона сѣверной стороны и тогда численность его арміи простиралась бы до 43 тыс. челов. Такое число войскъ расположенныхъ хотя и въ слабо, но все таки укрѣпленной позиціи и обезпеченныхъ продовольствіемъ и фуражемъ, едва-ли можно считать безвыходнымъ противъ атаки 58 тыс. непріятельской арміи [2]), не имѣющей при

---

[1]) Передъ сраженіемъ на р. Алмѣ кн. Меншиковъ успѣлъ сосредоточить 33,600 челов. Исключивъ изъ этого числа потерю во время сраженія, убитыми, ранеными, контуженными и безвѣсти пропавшими 5709 челов; мы увидимъ что съ кн. Меншиковымъ пришло на южную сторону 27,891 челов. Число это было усилено остававшимися на южной сторонѣ города: шестыми резервными батальонами Виленскаго и Литовскаго полковъ численностію въ 1794 челов., 44-мъ Флотскимъ экипажомъ въ 567 челов. и прибывшими съ генераломъ Жабокритскимъ 3,572 челов.

[2]) Въ день высадки у союзниковъ было: французовъ 27,600, англичанъ 26,800 и турокъ 7,000 — всего 61,400 человѣкъ. Въ сраженіи на р. Алмѣ выбыло изъ строя по собственному значительно уменьшенному показанію союзниковъ: у Французовъ 1339; у англичанъ 1975—всего 3314 человѣкъ. Слѣдова-

себѣ осадной артиллеріи и продовольствія [1]). По этому занятіе крутыхъ скалъ Мекензи и Инкерманскихъ высотъ не имѣло для нихъ никакого смысла. Да и въ этомъ въ крайнемъ и не событочномъ случаѣ кн. Меншиковъ всетаки имѣлъ свободный выходъ черезъ Байдарскую долину.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго видно, что если кн. Меншиковъ желалъ оказать дѣйствительную помощь Севастополю то долженъ былъ начать свое движеніе гораздо ранѣе. Выступивъ же въ ночь 12-го числа онъ рисковалъ быть атакованнымъ и потерпѣть неудачу безъ всякой видимой пользы, не имѣлъ никакой возможности спасти сѣверную сторону города и оставлялъ въ безнадежномъ состояніи южную, уводя съ собою войска, которые кромѣ защиты города, съ большою пользою могли быть употреблены на возведеніе укрѣпленій.

Фланговое движеніе въ томъ видѣ и при тѣхъ условіяхъ при которыхъ оно произведено, можно назвать безполезнымъ и случайно удавшимся. Въ послѣднемъ случаѣ мы обязаны тому, что союзники, въ тоже самое время совершая такое же движеніе вокругъ Севастополя, заботились только о своей безопасности. Двигаясь одновременно и находясь въ одинаковомъ затруднительномъ положеніи, обѣ арміи старались скрыть свое движеніе другъ отъ друга. Кн. Меншиковъ желалъ скрытно достигнуть до Бахчисарая, точно также какъ союзники, съ своей стороны, хотѣли дойти не замѣченными до Балаклавы.

Въ свое время объ этомъ движеніи говорилось и писалось очень много: одни считали его плодомъ глубокихъ соображеній командующаго войсками, другіе были совершенно противнаго мнѣнія. Еще такъ не давно одинъ изъ писателей разсказывая объ этомъ движеніи кн. Меншикова приводитъ стихи Пушкина:

Народъ, таинственно спасаемый тобою,
Смѣялся надъ твоей священной сѣдиною.

Вышеприведенное описаніе и самыя донесенія свѣтлѣйшаго,

тельно наибольшее число войскъ, которыми располагали союзные главнокомандующіе при переходѣ на южную сторону города, простиралось до 58 тысячъ.

[1]) Союзники оставили р. Качу имѣя съ собою продовольствія только на 7-мь дней. Конечно кн. Меншиковъ не могъ знать этого, но долженъ былъ знать что предпринимая обходное движеніе на южную сторону и удаляясь отъ своего базиса—флота, союзники не могли запастись продовольствіемъ на продолжительное время, не имѣя для того перевозочныхъ средствъ.

какъ кажется ясно указываютъ: что движеніе это не входило въ предварительныя соображенія кн. Меншикова; что опасеніе быть запертымъ въ Севастополѣ было не основательно; что опасеніе это явилось моментально и также моментально, безъ всякихъ предварительныхъ соображеній, было произведено и фланговое движеніе.

Уходя изъ Севастополя кн. Меншиковъ не зналъ гдѣ онъ будетъ завтра, такъ что посылая своего адъютанта къ Корнилову, онъ могъ только сказать ему что выходитъ *изъ города и будетъ вблизи Севастополя* [1]). Эта неопредѣленность и отсутствіе точныхъ приказаній составляютъ характеристическую черту командующаго войсками, привыкшаго скрывать все въ себѣ самомъ и не сообщать своихъ намѣреній никому изъ окружающихъ [2]). Такая замкнутость неблагопріятно отражалась на нашихъ дѣйствіяхъ и давала мѣсто часто повторявшимся случайностямъ. Она же, какъ увидимъ впослѣдствіи, была причиною нашей неудачи въ Инкерманскомъ сраженіи.

Избѣжавши благополучно встрѣчи съ непріятелемъ, кн. Меншиковъ, послѣ привала съ главными силами у Черкесъ-Кермена, сдѣлалъ усиленный переходъ по Бахчисарайской дорогѣ, и остановился у селен. Отаръ-кой, верстахъ въ 5-ти отъ Бахчисарая, куда и стянулъ отряды Жабокритскаго и Кирьякова.

«Мы прибыли сюда, писалъ кн. Меншиковъ Корнилову, въ 8 часовъ утра и двинули впередъ казаковъ; дальнѣйшія предпріятія наши зависѣть будутъ отъ положенія непріятеля, почему и желательно имѣть повременныя свѣдѣнія изъ Севастополя о положеніи нашихъ противниковъ; для сообщенія между этимъ городомъ и арміею, будетъ выставленъ казачій постъ на р. Черной, не далеко отъ резервуара водопроводнаго канала, близъ большой дороги пересѣкающей сей каналъ».

На слѣдующій день, оставивъ въ авангардѣ, у селенія Отаръ-кой, генерала Жабокритскаго, кн. Меншиковъ отвелъ остальныя войска на р. Качу, гдѣ и оставался до 16 го сентября, въ ожиданіи доставки провіанта изъ Симферополя. Въ Петербургѣ не знали ни

---

[1]) «Воспом. и разсужденія» В. Стеценко. Авторъ удивляется тому что послѣ говорили будто армія вышла неизвѣстно куда. — Дѣйствительно слово вблизи Севастополя ничего не опредѣляетъ.

[2]) Подтвержденіе нашихъ словъ находимъ и въ воспоминаніяхъ г. Панаева, самаго ревностнѣйшаго защитника кн. Меншикова (См. Русскую Старину 1877 г.).

о подробностяхъ сраженія на Алмѣ, ни о фланговомъ движеніи [1]), и даже о положеніи Севастополя имѣли самое смутное понятіе.

О своемъ фланговомъ движеніи, кн. Меншиковъ донесъ Г. И. весьма кратко: «Отъ Севастополя, писалъ онъ [2]), оставя тамъ резервные батальоны 13-й пѣхотной дивизіи и Саперный батальонъ, я перешелъ фланговымъ маршемъ съ дѣйствующимъ отрядомъ на большую дорогу изъ Севастополя къ Бахчисараю.

«Духъ въ войскахъ поднялся, буду стараться дѣйствовать во флангъ непріятеля, коль скоро придетъ ко мнѣ генералъ-лейтенантъ Рыжовъ, который двинулся позднѣе предполагавшагося мною».

Видя нерѣшительность дѣйствій кн. Меншикова и получая отъ него только одни обѣщанія покойный Императоръ не находилъ ничего утѣшительнаго въ распоряженіяхъ командующаго войсками въ Крыму. «Все что получено, надежды на хорошій успѣхъ Я не имѣю изволилъ написать Онъ на одномъ изъ донесеній кн. Меншикова [3]). Одна мѣра хороша — это посылка сына Меншикова въ Симферополь, чтобы, собравъ что есть, дѣйствовать въ тылъ непріятелю, — но удастся ли, Богъ вѣдаетъ?!»

VI.

Расположеніе войскъ въ долинѣ Бельбека. — Преосвященный Иннокентій архіепископъ херсонскій и таврическій. — Отношеніе кн. Меншикова къ войскамъ. — Прибытіе подкрѣпленій — Участіе кн. М. Д. Горчакова въ судьбѣ Крымской арміи.—Ея состояніе. — Первыя свѣдѣнія о переходѣ союзниковъ на южную сторону — Участіе жителей въ оборонѣ города —Занятіе Балаклавы союзниками. — Перемѣна французскаго главнокомандующаго. — Генералъ Канроберъ. — Освященіе оборонительной линіи укрѣпленій — Заслуги вице-адмирала Корнилова.

Остановившись въ долинахъ Качи и Бельбека, между Бахчисараемъ и селен. Дуванкіой, кн. Меншиковъ расположилъ здѣсь свои войска бивуакомъ. На одной изъ возвышенностей, среди кустар-

[1]) «Его Величество изволилъ выразить желаніе, писалъ кн. Долгоруковъ кн. Меншикову, получить отъ васъ полное и откровенное описаніе означеннаго сраженія (Алмскаго), а равно и послѣдующихъ за тѣмъ движеній вашихъ и непріятельскихъ, такъ какъ до сего времени важныя дѣйствія сіи извѣстны Государю почти исключительно изъ словесныхъ только донесеній посланныхъ вами курьеровъ.» (Письмо отъ 3-го окт. Арх. канц. воен. минис. д. № 110).

[2]) Отъ 14-го сентября. Арх. канц. воен. министер. дѣло № 110 част. I.

[3]) На донесеніе отъ 10-го сентября.

никовъ, была поставлена палатка командующаго войсками, а за нею стояло еще двѣ-три такихъ-же, разбитыхъ для канцеляріи — вотъ и вся главная квартира. Всѣ же остыльные генералы, офицеры и салдаты располагались подъ открытымъ небомъ.

При арміи не было ни обоза, ни палатокъ, такъ что командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса генералъ отъ инфантеріи кн. П. Д. Горчаковъ помѣщался подъ нѣсколькими кустами связанными за верхнія вѣтви [1]).

На слѣдующій день прибылъ въ Бахчисарай преосвященный Иннокентій архіепископъ херсонскій и таврическій, движимый святою любовью къ Россіи и самоотверженіемъ древнихъ пастырей церкви. Онъ торопился видѣть войска, что бы благословить православныхъ на побѣду надъ врагами и раздѣлить съ ними опасность.

Узнавши, что армія находится въ пяти верстахъ отъ города, Иннокентій тотчасъ же отправилъ своего посланнаго къ князю Меншикову съ просьбою дозволить ему прибыть въ главную квартиру и проѣхать потомъ въ Севастополь. Пастырь желалъ помолиться вмѣстѣ съ войсками и передать имъ привезенную съ собою явленную икону Касперовской Божіей матери, съ которою Иннокентій хотѣлъ обойти войска. Князь приказалъ сказать преосвященному, что теперь не до того и что надобно выбрать другое болѣе удобное время; на поѣздку же Иннокентія въ Севастополь князь вовсе не согласился.

— Я боюсь, замѣтилъ свѣтлѣйшій, чтобы чудотворная Божія матерь, не попала въ руки непріятеля.

Князь Меншиковъ совѣтовалъ Иннокентію возвратиться къ своей паствѣ въ Одессу. Преосвященный вернулся въ тотъ же день въ Симферополь, а 16-го сентября отправился оттуда по южному берегу Крыма, для осмотра церквей въ Ѳеодосіи и Керчи.

По дорогѣ въ Карасубазаръ, на Зуйской почтовой станціи, Иннокентій встрѣтилъ батальонъ Бутырскаго полка, слѣдовавшій въ Севастополь и остановившійся здѣсь на ночлегѣ.

— Бѣгите! сказалъ пастырь Бутырцамъ, бѣгите на помощь Севастополю.

Солдаты отвѣчали что здѣсь назначенъ имъ ночлегъ самимъ начальствомъ.

— Не слушайте князя, бегите на помощь Севастополю, повторилъ Иннокентій.

---

[1]) Отрывки изъ воспоминаній: «Крымская война» матеріалы вып. III, 156

Эти слова поразили всѣхъ безъ исключенія, и свидѣтельствовали о глубокомъ огорченіи нанесенномъ ему княземъ Александромъ Сергѣевичемъ [1]). Послѣдній былъ вообще не расположенъ къ преосвященному за его донесенія о состояніи края и о нѣкоторыхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ еще до высадки непріятеля. Отказавши Иннокентію посѣтить войска и проѣхать въ Севастополь кн. Меншиковъ скоро созналъ свою ошибку, но было уже поздно. Хотя онъ и послалъ своего адъютанта отыскивать архіепископа, а впослѣдствіи отправилъ къ нему въ Одессу извинительное письмо, но взаимное нерасположеніе другъ къ другу отъ этого не измѣнилось.

Подобный поступокъ князя съ Иннокентіемъ можно объяснить только тѣмъ мрачнымъ расположеніемъ духа, въ которомъ онъ находился. Князь Меншиковъ сознавалъ, что положеніе его, при огромной отвѣтственности, самое критическое; что ни тылъ ни фланги его арміи ни чѣмъ не обезпечены; что сообщеніе полуострова съ материкомъ Россіи подвержено большой опасности, отъ грабежей татаръ, останавливавшихъ обозы слѣдовавшія безъ конвоя, назначить которой для ихъ прикрытія онъ былъ не въ состояніи. Меншиковъ видѣлъ что войска съ нимъ находившіяся обезпечены продовольствіемъ только на нѣсколько дней; онъ зналъ, что въ Симферопольской провіантской коммисіи было только 5322 руб. [2]), и что пользуясь ограниченною властью корпускаго командира онъ не въ силахъ принять рѣшительныхъ мѣръ къ скорому поправленію недостатковъ. Не облеченный властью главнокомандующаго, т. е. такою, когда всѣ лица и средства страны, находящіеся въ раіонѣ театра военныхъ дѣйствій, подчиняются одному лицу, кн. Меншиковъ не могъ требовать, а долженъ былъ просить содѣйствія различныхъ лицъ, весьма часто не откликающихся на подобныя просьбы.

Крымскія войска не составляли еще тогда отдѣльной самостоятельной арміи и всѣ распоряженія по обезпеченію ихъ предметами провіантской, коммисаріатской и госпитальной частямъ, зависѣли отъ соотвѣтствовавшихъ департаментовъ находившихся въ Петербургѣ, слишкомъ за 2 т. верстъ отъ театра дѣйствій. Командую-

---

[1]) Записка по поводу войны 1853—1855 годовъ д. с. с. Григорьева (дуки) Записки очевидца и проч. Н. Ушакова стр. 174. Записка коллежск. совѣтника Чарыкова отъ 19-го сентября арх. канц. воен. министр. д. № 58.

[2]) Рапортъ управляющаго коммисіею отъ 5-го сент. за № 5753. Арх. глав. шт. дѣла крымской арміи св. 174 д. № 1.

щему войскамъ приходилось испрашивать ихъ разрѣшенія, писать о своихъ нуждахъ и ожидать постороннихъ распоряженій; но князю Меншикову лучше другихъ было извѣстно, что бумага все терпитъ, тогда какъ войска требуютъ безотлагательныхъ мѣръ къ обезпеченію ихъ матеріальнаго быта.

Все это заботило кн. Александра Сергѣевича и не разъ подчиненные видѣли какъ ихъ адмиралъ [1]), надвинувъ на глаза черную папаху, накинувъ на плечи флотскую шинель и опираясь на палку, ходилъ въ задумчивости взадъ и впередъ возлѣ своей палатки по свѣже-расчищенной площадкѣ, шаговъ въ десять длиною. Онъ думалъ крѣпкую думу и переживалъ трудныя минуты. Князь никогда не былъ въ такомъ положеніи — оно было для него совершенно ново и неожиданно. Будучи начальникомъ главнаго морскаго штаба въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ привыкъ приводить въ исполненіе всѣ желаемыя распоряженія, тогда какъ теперь приходилось на все испрашивать разрѣшеніе.

Кн. Меншиковъ сознавалъ что положеніе его относительно войскъ крайне щекотливо: знать о нуждахъ ихъ и не быть въ силахъ безотлагательно устранить эти нужды, тяжело для человѣка поставленнаго во главѣ арміи.

«Не стану описывать В. И. В. доносилъ онъ [2]) всю затруднительность нашего положенія, спѣшу отправить флигель-адютанта Альбединскаго, который какъ личный свидѣтель, въ состояніи передать всѣ тѣ подробности кои проистекаютъ именно изъ обстоятельствъ этого положенія, какъ относительно войскъ, такъ и самой мѣстности. . . .»

Обстоятельства эти были таковы, что Крымская армія могла двинуться впередъ только дождавшись подвоза выпекаемыхъ въ тылу ея сухарей и прибытія подкрѣпленій [3]). Прежде другихъ на помощь къ ней прибыла изъ г. Николаева резервная легкая кавалерійская бригада генералъ-лейтенанта Рыжова [4]), который выступилъ изъ Николаева въ Крымъ 8-го сентября, въ день сраженія

---

[1]) Такъ называли солдаты Меншикова во все время командованія имъ крымскою арміею.

[2]) Отъ 14-го сентября. Арх. канц. воен. министер. по снаряженію войскъ дѣло № 110.

[3]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 11-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. министер. по снаряженію войскъ дѣло № 110.

[4]) Бригада эта состояла изъ резервныхъ эскадроновъ 3-й, 4-й и 5-й легкихъ кавалерійскихъ дивизій.

на р. Алмѣ [1]) Слѣдуя форсированными маршами безъ дневокъ, онъ 16-го числа прибылъ въ Симферополь, гдѣ и былъ остановленъ кн. Меншиковымъ до дальнѣйшихъ приказаній [2]).

Присоединеніе къ арміи двухъ полковъ кавалеріи не могло дать иной оборотъ дѣлу. Кн. Меншикову необходимы были подкрѣпленія въ болѣе значительныхъ силахъ. Ему нужны были войска для занятія Перекопа, для сохраненія сообщенія, для успокоенія края и наконецъ для блокады Евпаторіи, куда по прежнему стѣкались татары, а турецкій паша, приводя ихъ къ присягѣ, требовалъ поголовнаго возстанія. Кн. Меншиковъ просилъ всѣхъ кого только могъ прислать ему подкрѣпленія, просилъ Хомутова, просилъ Новороссійскаго генералъ-губернатора Анненкова и главнокомандующаго южною арміею кн. М. Д. Горчакова. «Высылайте все что можете, писалъ кн. Александръ Сергѣевичъ, и дайте средства прибыть имъ сюда, какъ можно скорѣе».

Сознавая необходимость усилить Крымскую армію и вывести ее изъ затруднительнаго положенія, покойный Императоръ, не имѣя подъ рукою свободныхъ войскъ, рѣшился отдѣлить и отправить въ Крымъ часть войскъ изъ арміи кн. Горчакова.

«Тебѣ уже вѣроятно подробнѣе извѣстны теперешнія обстоятельства въ Крыму, любезный Горчаковъ, чѣмъ намъ здѣсь, писалъ собственноручно покойной Императоръ въ письмѣ отъ 10-го сентября [3]). Кн. Долгоруковъ пишетъ тебѣ въ общихъ чертахъ, что намъ кажется необходимымъ вслѣдствіе сего новаго оборота дѣлъ. Мое желаніе есть, что бы ты *совершенно свободно распоряжался всѣми способами тебѣ данными, не ожидая Моихъ разръ-*

[1]) Съ уходомъ бригады генерала Рыжова въ Николаевъ, остался отрядъ состоявшій изъ 3-хъ резервныхъ батальоновъ 14-й пѣхотн. дивизіи, 8-ми орудій резервной пѣшей артиллеріи 5-го пѣхотн. корпуса, 2-хъ сводныхъ резервн кавалерійскихъ полковъ въ 9-ти рядномъ составѣ и 20-ти орудій резервн конныхъ батарей, придвинутыхъ сюда изъ Вознесенска. Изъ этихъ войскъ предписано было княземъ Горчаковымъ отправить два батальона и 8 орудія на Арабатскую косу, въ Геничи, и тамъ укрѣпиться. Для занятія карауловъ въ Николаевѣ, кромѣ одного оставшагося батальона, вооружены были два батальона морскаго вѣдомства, а для вооруженія еще двухъ подобныхъ батальоновъ ожидались ружья изъ Херсонскаго арсенала (Рапортъ флигель-адъютанта ротмистра Шепшина военному министру 12-го сентября № 23. Арх. канц. воен. мимистерства дѣло № 111).

[2]) Рапорты Рыжова кн. Меншикову 8-го и 16-го сентября № 1-й и 16-й Воен. учен. арх. дѣло № 3346.

[3]) Арх. канц. воен. минис. дѣло № 42.

шеній, дабы отвращать угрожающую опасность, или остановить успѣхи непріятеля. Положеніе князя Меншикова тяжелое, и желательно ему наискорѣе помочь; вопросъ: какъ это исполнить во-время? Отсюда это указать съ вѣрностію невозможно. Кажется, что ближайшая кавалерія, ежели помощь таковой потребуется, былъ бы драгунскій корпусъ; но тогда необходимо было бъ резервную уланскую дивизію пріостановить такъ, чтобъ въ случаѣ нужды могла служить резервомъ вмѣсто драгунъ корпусу Лидерса.

«Но труднѣе найти подкрѣпленіе пѣхотой. Не знаю какъ ты распорядишся; выборъ кажется мнѣ только изъ двухъ способовъ: или передвиженіе изъ Николаева къ Перекопу резервныхъ шести батальоновъ 14-й дивизіи съ ихъ артиллеріею, замѣня въ Николаевѣ изъ Одессы восемь батальоновъ 12-й съ ихъ артиллеріею и смѣня ихъ на первый разъ резервными четырмя батальонами 10-й дивизіи изъ Бендеръ, которые смѣнить четырмя резервн. бат. 11-й дивизіи или отъ самой 12-й дивизіи. Другой способъ движеніемъ всей 12-й дивизіи съ ея артиллеріею къ Перекопу.

«Очевидно что все это требуетъ *времени* и сообщаю тебѣ о семъ только какъ то, что мнѣ на мысль пришло, *вовсе не стѣсняя тебя въ твоихъ распоряженіяхъ*.

«Не скрою тебѣ, что Меня все положеніе дѣлъ въ Крыму крайне безпокоитъ, ибо непріятельскіе способы выходятъ изъ всѣхъ мѣръ, которыя предвидѣть было можно. Несомнѣнно, что наши молодецкія войска подерутся славно, но успѣхъ въ рукахъ Божіихъ и Его Святой волѣ покоримся безропотно.

«Богъ съ тобой, жду нетерпѣливо твоихъ донесеній.»

По получаемымъ постоянно свѣдѣніямъ, къ непріятелю съ каждымъ днемъ подходили новыя подкрѣпленія и подвозились боевыя припасы. По слухамъ извѣстно было что въ Балаклавѣ высаживается турецкая кавалерія, съ цѣлью распространить возмущеніе въ горной части Крыма. Эти ложныя свѣдѣнія, въ то время казавшіеся достовѣрными, убѣждали однако же что непріятель избратъ главнымъ театромъ дѣйствій окрестности Севастополя, и надѣется стать здѣсь твердою ногою, для дальнѣйшихъ военныхъ операцій.

Съ другой стороны наше министерство получивъ телеграфическое извѣстіе, о томъ что союзники намѣрены высадить до 15 т. турокъ у Феодосіи, поручило генералу Хомутову сосредоточить до 10-ти батальоновъ у г. Керчи, опасаясь что съ потерею этого города прекратится послѣднее сообщеніе Крыма съ Россіею, черезъ Арабатскую стрѣлку.

Генералъ Хомутовъ, успѣвшій отправить кн. Меншикову Бутырскій полкъ, Черноморскій линейный батальонъ, батарейную батарею и двѣ сотни казаковъ, теперь въ ожиданіи высадки пріостановилъ движеніе остальныхъ войскъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ на Керченскій полуостровъ части войскъ изъ числа расположенныхъ въ Анапѣ, Новороссійскѣ и въ низовьяхъ Кубани. Пункты эти хотя и оставались вовсе безъ защиты, но казались теперь второстепенными. «Доколѣ, писалъ военный министръ [1]), настоящія намѣренія непріятеля необъяснились, до тѣхъ поръ нельзя было ослаблять способовъ обороны Новороссійска и Анапы, а потому и слѣдовало держать тамъ значительный отрядъ. Нынѣ же очевидно стало, что главныя усилія непріятеля обращены на Крымъ и все прочее потому самому дѣлается уже второстепеннымъ».

Съ пріостановленіемъ движенія войскъ бывшихъ въ распоряженіи генерала Хомутова, какъ ближайшихъ въ Севастополю, кн. Меншиковъ лишенъ былъ средствъ на скорую помощь. Единственная надежда его была теперь на содѣйствіе кн. Горчакова.

Получивши увѣдомленіе князя Меншикова, что численность союзниковъ значительно превышаетъ его силы и что англо-французы имѣютъ до 4 т. кавалеріи, кн. М. Д. Горчаковъ тотчасъ же остановилъ движеніе своихъ войскъ на кантонирь квартиры, съ тѣмъ что бы въ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствіяхъ сообразоваться съ обстоятельствами [2]). Вглядываясь въ положеніе дѣлъ онъ видѣлъ, что высадка союзниковъ исполнена въ значительно бо̀льшихъ размѣрахъ, чѣмъ ее ожидали и что дѣла въ Крыму принимаютъ на столько серьезный характеръ, что кн. Меншикову трудно бороться съ врагомъ, превышающемъ его въ силахъ и что подкрѣпленія ему необходимы. Сознавая всю важность своевременной поддержки Крымской арміи кн. Горчаковъ, самъ, не ожидая ни чьихъ приказаній, и гораздо ранѣе полученія вышеприведеннаго нами письма Императора рѣшился протянуть руку помощи.

— Теперь, говорилъ онъ, князю Меншикову предстоитъ получить фельдмаршалскій жезлъ и я отъ души желаю ему того.

Горчаковъ вполнѣ доказалъ что слова эти не были пустою фразою: всѣ послѣдующія его дѣйствія были проникнуты высокимъ

---

[1]) Генералу Хомутову въ отношеніи отъ 12-го сентября № 606. Воен. учен. арх. д. № 3346.

[2]) Записка кн. Горчакова воен. минист. отъ 7-го сентября 1851 г. арх. канц. воен. минист. дѣло № 88.

патріотизмомъ и пренебреженіемъ личныхъ интересовъ. Онъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Крымъ двухъ дивизій: резервной уланской и 12-й пѣхотной [1]).

«Конечно, писалъ онъ Императору [2]), можетъ случиться что подкрѣпленіе это окажется не нужнымъ, или что оно не успѣетъ придти вовремя. Но можетъ быть и противное, наконецъ можетъ быть и то (надо быть на все готовымъ) что съ потерею Крыма встрѣтится крайняя надобность въ свѣжихъ войскахъ или у Одессы или у Николаева или у Перекопа. Ускореніе же появленія десятью днями у этихъ пунктовъ или близъ Севастополя цѣлой, свѣжей дивизіи пѣхоты, если нужно и кавалерійской можетъ имѣть самыя важныя и счастливыя послѣдствія. Съ другой стороны мнѣ ни теперь, ни скоро въ 12-й дивизіи не можетъ быть дѣйствительной надобности. Въ сихъ то видахъ, я осмѣлился сдѣлать помянутые распоряженія, думая что исполняя ихъ мнѣ удалось угадать мысль В. И. В; если ошибся осмѣливаюсь просить милостиваго прощенія. Я въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, руководствовался безпредѣльною ревностью къ пользамъ Вашимъ.» Распоряженіе это не могло не быть одобрено Императоромъ. «Сейчасъ получилъ твое письмо отъ 7-го сентября, писалъ Императоръ кн. Горчакову въ собственноручномъ рескриптѣ отъ 13-го сентября [3]). Ты опять предупредилъ мое желаніе твоими благоразумными распоряженіями; не могу тебя довольно поблагодарить. Совершенно все одобряю. Отъ тебя зависитъ послать-ли къ Перекопу резервную уланскую дивизію или весь драгунскій корпусъ, что можетъ было бъ еще лучше и надежнѣе, оставя резервную уланскую у тебя вмѣсто драгунъ.»

Рескриптъ этотъ былъ полученъ княземъ Горчаковомъ тогда когда уланская дивизія была уже отправлена въ Крымъ. Не останавливая ее движенія и желая еще болѣе оказать помощи князю Меншикову, командующій войсками южной арміи притянулъ къ Одессѣ 10-ю и 11-ю пѣхотныя дивизіи, съ тѣмъ что бы они находились ближе къ театру военныхъ дѣйствій и могли быть отправлены въ Крымъ по первому приказанію или по просьбѣ кн. Меншикова. «Дурной оборотъ дѣлъ въ Крыму, писалъ онъ [4]), по-

[1]) Предписаніе генер. Липранди отъ 10-го сентября № 2968. Воен. учен. арх. дѣло № 3335.

[2]) Въ письмѣ отъ 7-го сентября арх. канц. воен. минис. дѣло № 88.

[3]) Арх. канц. воен. минис. д. № 88.

[4]) Во Всеподд. письмѣ отъ 14-го сентября.

будилъ меня двинуть значительныя силы къ югу. Трудно было мнѣ на это рѣшиться не имѣя указаній Вашихъ Всемилостивѣйшій Государь. Но видя успѣхи болѣе семидесяти тысячнаго непріятеля въ Крыму, мнѣ показалось невозможнымъ оставить почти всѣ силы наши на Волыни и Подоліи. Какая бы ни была моя отвѣтственность передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, если бы въ столь важныхъ и неожиданныхъ обстоятельствахъ я остался сложа руки ожидая Высочайшихъ повелѣній Вашихъ, кои своевременно ни какъ не могутъ до меня дойти. Если я ошибся можно будетъ остановить всѣ распоряженныя мною движенія, по полученіи о томъ повелѣнія отъ Вашего Императорскаго Величества. Войсками будетъ сдѣлано нѣсколько напрасныхъ переходовъ, но въ этомъ нѣтъ кажется большой еще важности. По моему разумѣнію, на войнѣ должно брать всѣ возможныя мѣры, противъ ближайшей опасности».

«Любезный Горчаковъ, писалъ Императоръ [1]), въ отвѣтъ на это донесеніе, ты снова предупредилъ, какъ видишь, желаніе мое, рѣшась двинуть 10-ю и 11-ю дивизіи къ Одессѣ; нельзя было, кажется Мнѣ, лучше распорядится: надѣюсь только что ты велѣлъ 12-й дивизіи и резервной уланской, не останавливаясь въ Николаевѣ, поспѣшать на помощь къ Меншикову: вотъ одна разница съ тѣмъ что по твоему письму похожу, противъ того что считаю *необходимымъ*. Тѣмъ болѣе считаю сіе необходимымъ, что время дорого, а Николаевъ съ подходомъ 10-й и 11-й дивизій къ Одессѣ и безъ того прикрытъ; тогда какъ одна надежда еще на спасеніе Севастополя, — въ скорѣйшемъ подкрѣпленіи Меншикова, такъ что бы онъ могъ съ надеждой перейти въ наступленіе. Оно въ особенности желательно и по той причинѣ, что ожидаютъ къ непріятелю еще моремъ прибытія новыхъ войскъ въ Крымъ. Ежели это сбудется ранѣе прихода нашихъ, то врядъ-ли будемъ въ состояніи отбить непріятеля отъ Севастополя — главный предметъ нашихъ усилій.

«Надо благодарить Бога, что Меншикову удалось его трудное и отважное фланговое движеніе въ виду непріятеля: дѣлаетъ честь ему и столко же войскамъ, что послѣ неудачнаго дѣла и огромной потери начальниковъ, офицеровъ и самихъ людей, могли движеніе совершить въ столь примѣрномъ порядкѣ. Повторяю, слава Богу! Теперь чтобы ни было, но корпусъ Меншикова имѣетъ свободное

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го сентября. Арх. канц. воен. минист. д. № 102.

отступленіе, ежели не удастся даже спасти Севастополь. Признаюсь я предвидѣлъ гораздо худшее, то есть пропажу всего. Надо какъ возможно стараться воспользоваться этимъ счастливымъ переворотомъ и въ теперешнюю минуту оно все въ усиленіе Меншикова, тѣмъ и Перекопъ огражденъ, а частію и Николаевъ по крайней мѣрѣ съ той стороны.

«Очень важно озаботиться обезпечить войско въ Крыму подвозомъ снарядовъ, дабы не быть въ крайности при предстоящихъ дѣлахъ; ибо мѣстные парки ему назначенные остались въ Севастополѣ, съ которымъ теперь надежнаго сообщенія быть не можетъ съ дѣйствующими войсками. Ближайшіе склады въ Херсонѣ; дѣло въ паркѣ и подвозахъ и такъ займись этимъ и распорядись какъ за лучшее найдешъ».

«Любопытно знать что нынѣ предприметъ Омеръ-паша. Лидерса теперь не зачѣмъ покуда трогать, такъ какъ Меншиковъ вышелъ изъ того ужаснаго положенія въ которомъ былъ, когда я тебѣ писалъ; кромѣ того и Хомутовъ съ нимъ, да и молодецъ братъ твой благодаря Бога уцѣлѣлъ; потому и надобности уже нѣтъ въ распоряженіи, которое въ предвидѣніи худшаго я тебѣ предложилъ».

«Что-то предпримутъ Австрійцы? Послѣднее ихъ объявленіе Пруссіи, что они въ княжествахъ препятствовать не будутъ ни какимъ предпріятіямъ турокъ, дастъ мѣру того, что они въ состояніи предпринять. И на это готову быть надо. . . .

«Непріятель вторгся въ наши предѣлы, настало время всякому принести свою жертву на службу отечеству. Потому я рѣшился послать моихъ младшихъ двухъ сыновей къ тебѣ въ армію. Желаю, чтобы они прежде состояли при тебѣ, чтобы ознакомиться съ своимъ ремесломъ. Отъ тебя зависѣть будетъ ихъ послать туда, гдѣ оно имъ въ пользу быть можетъ, и гдѣ ихъ присутствіе послужитъ къ ободренію войскъ. Поручая ихъ тебѣ, Я тебѣ даю высшее доказательство моей дружбы и того уваженія, которое питаю къ твоимъ благороднымъ высокимъ чувствамъ, которыя цѣню въ тебѣ выше всего. Порадѣй же Мнѣ и имъ, пусть послужатъ современемъ такъ, какъ ты.

«Богъ съ тобою, душевно обнимаю».

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ представлялъ рѣдкій примѣръ человѣка, одареннаго самыми возвышенными душевными качествами, отдавшаго всего себя на службу Государю и Отечеству. Горячо и очень горячо любя Россію, кн. Михаилъ Дмитріевичъ готовъ былъ не только руку свою положить на огонь за отечество,

а самъ кинулся бы въ пламя, если бы только знать что это принесетъ какую либо пользу для Государства. Князь Меншиковъ долго непонималъ величія души этого человѣка, и не довѣряя его искренности, долженъ былъ наконецъ сознаться, что честность, откровенность, прямота и безкорыстіе князя Михаила Дмитріевича были безпредѣльны. Войска знали это и называли его *честнымъ княземъ*. Самоотверженіе было всегда отличительною чертою его характера.

Оставляя характеристику князя Горчакова, какъ главнокомандующаго, до того времени, когда онъ сталъ во главѣ крымской арміи, мы скажемъ здѣсь что оставаясь въ Кишиневѣ, онъ былъ душею и сердцемъ въ Севастополѣ, о которомъ страдалъ и хлопоталъ не менѣе тѣхъ, которыя стояли у стѣнъ и на бастіонахъ многострадальнаго города.

— Я въ большомъ безпокойствѣ, говорилъ онъ въ одномъ изъ писемъ кн. Меншикову [1]), мы разсуждаемъ въ трудную минуту.

Понятно, что человѣкъ всегда готовый на самопожертвованія какимъ былъ кн. Михаилъ Дмитріевичъ, не могъ оставаться празднымъ зрителемъ разыгрывающейся драмы на полуостровѣ. Не ожидая ни чьихъ просьбъ, ни приказаній, но руководимый только собственнымъ побужденіемъ и желаніемъ принести посильную лепту на пользу отечества, кн. Михаилъ Дмитріевичъ не только готовъ былъ все сдѣлать, но и дѣлалъ гораздо болѣе того, что могли отъ него требовать или даже ожидать.

«Я готовъ, писалъ онъ въ своихъ письмахъ кн. Меншикову сдѣлать для васъ не только возможное, но и невозможное. И такъ скажите мнѣ откровенно чего вы отъ меня хотите? . . . У меня нѣтъ ничего завѣтнаго, когда нужно сдѣлать то, что я признаю полезнымъ для службы моего Государя и моей родины. . . . . .

«Вы увидите, что я ни чемъ не пренебрегъ, чтобы честно помочь вамъ [2])». И дѣйствительно онъ заботился обо всемъ; хлопоталъ о томъ какъ бы доставить изъ Херсона въ Николаевъ до 3 т. ружей для вооруженія кантонистовъ, писарей и другихъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ тамъ находившихся: отправилъ въ распоряженіе кн. Меншикова своихъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба, послалъ ему топографовъ для съемокъ, заботился о продовольствіи

---

[1]) Je suis dans de très grandes inquietudes, nous consideront dans une passe très difficile. См. письмо кн. Горчакова отъ 7-го сентября. Воен. учен. арх. д. № 4253.

[2]) Письма отъ 10, 16 сентября и 30-го октября 1854 г.

и устройствѣ госпиталей; сообщалъ практическія замѣчанія о военныхъ дѣйствіяхъ, выведенныя имъ изъ боевой дѣятельности и наконецъ узнавши, что, по причинѣ твердости грунта, на которомъ производились земляныя работы въ Севастополѣ, шанцевый инструментъ весьма скоро приходитъ въ негодность, приказалъ заготовить въ Одессѣ и Николаевѣ, на счетъ суммъ бывшихъ въ его распоряженіи, по 5 т. лопатъ и кирокъ и доставить ихъ въ Севастополь. Опасаясь однако же, чтобы подобныя распоряженія не имѣли вида вмѣшательства въ чужія дѣла и не приняты были кн. Меншиковымъ какъ посягательство на его самостоятельность кн. Горчаковъ писалъ, что онъ сдѣлалъ это только для выигранія времени и что если кн. Меншикову инструменты эти не нужны, то приказалъ бы отмѣнить ихъ заготовленіе.

Еще союзники не приступили къ осадѣ Севастополя, а князь Михаилъ Дмитріевичъ сообщалъ уже свои соображенія относительно обороны города и указалъ на контръ-апрошную систему впослѣдствіи принятую, какъ на единственное средство съ успѣхомъ бороться противъ непріятеля. Севастополь многимъ и очень многимъ обязанъ князю Михаилу Дмитріевичу, еще до назначенія его главнокомандующимъ крымскою арміею.

Получивъ просьбу кн. Меншикова прислать ему подкрѣпленія, кн. Горчаковъ, какъ мы видѣли, тотчасъ же отправилъ въ Крымъ форсированными маршами: изъ Одессы резервную уланскую дивизію [1]) съ одною батареею [2]) подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Корфа и изъ Бессарабіи 12-го пѣхотную дивизію съ четырмя батареями и уральскимъ казачьимъ полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправилъ, на усиленіе арміи кн. Меншикова, два артиллерійскія парка: № 15-го въ Бериславль и № 12-го въ Перекопъ; туда же приказано слѣдовать и 1-й драгунской дивизіи, въ составѣ трехъ полковъ и 3-хъ батарей подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Врангеля. «Генералы Липранди и Врангель, писалъ кн. Горчаковъ [3]), самые достой-

[1]) Дивизію эту составляли полки: Его Высоч-ва Эрцъ-Герцога Австрійскаго Леопольда, Новоархангельскій, Новомиргородскій и Ея Высоч-ва Великой княгини Екатерина Михаиловны.

[2]) Письмо подполковника Батезатула отъ 19-го сентяб. Воен. учен. арх. д. № 33 :1. Другая батарея находившаяся въ Акерманѣ отстала отъ дивизіи и должна была прибыть въ Крымъ позже, вмѣстѣ съ войсками 12-й пѣх. дивиз. (Рап. флигель-адъютанта Ротмистра Шеншина воен. минист. 19-го сент. № 23. Арх. канц. воен. минист. д. № 111).

[3]) Кн. Меншикову отъ 20-го сентяб. 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II.

ные изъ всей моей арміи. Посылаемые вамъ войска превосходны. «Онѣ совершенно въ вашей власти, писалъ онъ въ другомъ письмѣ [1]) Движеніе ихъ самое скорое. Но если бы по какимъ либо важнымъ соображеніямъ, вы признали необходимымъ и возможнымъ еще болѣе ускорить ихъ походъ, то это зависитъ отъ васъ вполнѣ. Не думаю чтобъ это понадобилось, потому что мнѣ кажется что Севастополь будетъ скоро взятъ. Но какое нибудь обстоятельство можетъ задержать его паденіе, а потому и рѣшать приходится вамъ. Я только прошу васъ, любезный князь, не ускорять марша войскъ безъ крайней надобности, чтобы они не пришли слишкомъ утомленными. Если признаете нужнымъ пошлите ваши приказанія прямо къ начальникомъ дивизій: они подъ вашей командой. Отправляю къ вамъ сегодня Орлова, оставьте его до того времени, когда Севастополь будетъ взятъ и тотчасъ же пришлите его ко мнѣ обратно съ этимъ извѣстіемъ».

Отправленнымъ на подкрѣпленіе кн. Меншикова войскамъ приказано было слѣдовать къ Николаеву и тамъ получить уже дальнѣйшія приказанія отъ кн. Александра Сергѣевича. Со стороны князя Горчакова они обезпечены были продовольствіемъ до Перекопа. Заботясь о томъ чтобы войска эти и въ дальнѣйшемъ слѣдованіи не встрѣтили препятствія въ продовольствіи князь Михаилъ Дмитріевичъ направилъ въ Бериславъ четыре полубригады подважнаго № 1, 4, 7-го и 10-го; изъ коихъ № 10-го конная, а прочія воловьи. — Полубригады эти нагружены были 12 т. четвертей сухарей, съ пропорціею крупъ, что составляло двухъ мѣсячное продовольствіе на 25 т. человѣкъ.

Для облегченія и ускоренія движенія войскъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Анненкова, были выставлены между Одессою и Николаевымъ обывательскія подводы, а для поддержанія здоровья солдатъ кн. Горчаковъ приказалъ выдавать во время похода ежедневно по чаркѣ водки, по двойной пропорціи крупъ и по ¼ фунта мяса, на каждаго человѣка.

Все войско находящееся подъ моимъ начальствомъ писалъ кн. Горчаковъ [2]) получаетъ каждый день полфунта мяса на человѣка и пять порцій водки каждую недѣлю. Это составляетъ обыкновенный рацiонъ, который и вы должны продолжать. Между прочимъ я принялъ за правило, что въ дурную погоду, на бивуакахъ

---

[1]) Отъ 22 сентября 1854 г. Тамъ же.

[2]) Кн. Меншикову отъ 29-го сентября Воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II.

или въ лагерѣ, войска должны получать водку не пять разъ въ недѣлю, но ежедневно и въ нѣкоторыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, напримѣръ, если оно дѣлаетъ быстрые переходы, то выдавать ежедневно вмѣсто полуфунта, по три четверти фунта мяса на человѣка. Единственно только благодаря такимъ усиленнымъ раціонамъ, я достигъ того, что сохранилъ войска въ хорошемъ состояніи. Императоръ всегда одобрялъ вышеприведенныя мѣры [1]) и я нахожу полезнымъ чтобы и вы поступали также. Доказано, что при ежедневной хорошей пищѣ и водкѣ, русскій солдатъ можетъ выносить невѣроятныя трудности, (des fatigues incroyables), а въ противномъ случаѣ наши солдаты выносятъ менѣе непріятельскихъ».

При такомъ взглядѣ на русскаго солдата очень естественно что кн. Горчаковъ, посылая подкрѣпленія, не только позаботился о томъ, чтобы они во время пути не встрѣтили никакого затрудненія въ продовольствіи, но принялъ мѣры даже и къ тому чтобы облегчить въ этомъ отношеніи и самаго кн. Меншикова. Быстрое скопленіе войскъ на Крымскомъ полуостровѣ, при ограниченности запасовъ продовольствія, дѣйствительно могло поставить войска въ критическое положеніе. Поэтому кн. Михаилъ Дмитріевичъ просилъ начальника военныхъ поселеній, генерала отъ кавалеріи графа Никитина, доставить на первый случай въ Херсонъ и Бериславъ по 5 тыс. четвертей муки, съ пропорціею крупъ, и по 5 тыс. четвертей зернового фуража. Онъ просилъ того же графа Никитина и Херсонскаго Губернатора чтобы они, каждый отдѣльно, сформировали подвижной магазинъ въ 1000 конныхъ подводъ, распорядились перепеченіемъ до 15 тыс. четвертей сухарей и доставили ихъ въ Бериславъ на своихъ подводахъ [2]).

«Я умоляю Ваше Сіятельство, писалъ при этомъ кн. Горчаковъ графу Никитину [3]), именемъ отечества и пользою Великаго Государя Нашего, споспѣшествовать дѣятельнымъ принятіемъ просимыхъ мною мѣръ къ обезпеченію довольствія войскъ, на выручку Крыма посылаемыхъ; на нихъ будетъ лежать трудная обязанность и мы должны стараться всѣми силами отстранять отъ нихъ недостатки, столь чувствительныя во время военныхъ дѣйствій».

---

[1]) На одномъ изъ подобныхъ распоряженій кн. Горчакова Государь Императоръ изволилъ собственноручно написать: «если нужно то и вдвое».

[2]) Тамъ же.

[3]) Отъ 19-го сентября № 1981. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ дѣло № 123-й.

Извѣстіе о скоромъ прибытіи подкрѣпленія значительно ободрило кн. Меншикова.

— Вотъ помощь, на которую я не расчитывалъ, сказалъ онъ посланному съ этимъ извѣстіемъ отъ кн. Горчакова. Знаю, что кн. Михаилу Дмитріевичу самому нужны войска, но онъ всегда болѣе думалъ о другихъ, нежели о себѣ. Это услуга, которой я никогда не забуду.

Для устраненія затрудненій къ быстрому передвиженію войскъ отъ Николаева къ Севастополю, князь Александръ Сергѣевичъ приказалъ 12-й пѣхотной дивизіи оставить свои ранцы и каски въ Перекопѣ,—а подводы подъ своихъ употребить для перевозки нижнихъ чиновъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поручилъ Таврическому гражданскому губернатору также озаботиться заготовленіемъ достаточнаго числа обывательскихъ подводъ. Генералъ Пестель пригласилъ колонистовъ и менонистовъ прислать въ Симферополь на нѣкоторое время парокопныя подводы. Жители изъявили на то полную готовность и изъ Симферопольскаго уѣзда тотчасъ же прибыло въ городъ 40 фуръ, а изъ Ѳеодосійскаго и Мелитопольскаго уѣздовъ ожидалось до 300 такихъ же фуръ. Это число фургоновъ могло замѣнить до 700 обыкновенныхъ пароволовыхъ подводъ, потому что присланные колонистами фуры были легки, просторны, и главное на лошадяхъ [1]). Татарскія же арбы предполагалось употребить на доставку въ Симферополь дровъ и къ арміи продовольствія, въ которомъ ощущался значительный недостатокъ, «служившій причиною того, что въ теченіи трехъ сутокъ» армія за неимѣніемъ продовольствія, не могла тронуться съ мѣста [2]).

«Расположеніе кн. Меншикова, писалъ полковникъ Батезатулъ [3]), съ главными силами у Бакчисарайской долины—прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ. Но дурно то, что у него нѣтъ продовольствія и зарядовъ и какъ кажется нѣтъ человѣка, который бы исключительно занялся этою частью. Все что можемъ и найдемъ, мы возмемъ съ собою изъ Херсона и продовольствіе и снаряды и вмѣстѣ съ уланами доставимъ ихъ адмиралу».

Въ это время весь штабъ кн. Меншикова состоялъ изъ двухъ-трехъ адъютантовъ и завѣдующаго штабомъ полковника Вуича.

---

[1]) Отнош. генерала Пестеля полковнику Вуичу 17-го сентяб. Воен. учен. арх. д. № 4289.

[2]) Журналъ воен. дѣйствій. Воен. учен. арх. д. № 3590.

[3]) Отъ 19-го сентября. Воен. учен. арх. д. № 3331.

Послѣдній сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всѣ званія: начальника штаба, дежурнаго генерала, генералъ-квартирмейстера, интенданта, директора канцеляріи, госпиталей и почтъ, генералъ полиціймейстера и проч. При самыхъ блестящихъ способностяхъ и при неутомимой дѣятельности, человѣкъ поставленный въ подобное положеніе не въ состояніи удовлетворить многочисленнымъ и разнообразнымъ требованіямъ войскъ. Оттого съ самаго начала военныхъ дѣйствій въ Крымской арміи замѣчался большой безпорядокъ въ администраціи и въ особенности во всемъ, что касалось до интендантскихъ распоряженій.

Передъ началомъ кампаніи не было сдѣлано никакого распоряженія обезпечивающаго продовольствіе войскъ. Заготовленіе неприкосновенныхъ запасовъ, на случай скопленія войскъ на данной мѣстности, не зависѣло отъ власти командующаго войсками — оно всегда производилось по распоряженію бывшаго провіантскаго департамента. Послѣдній былъ застигнутъ въ совершенный расплохъ; онъ не предвидѣлъ военныхъ дѣйствій въ Крыму и не сдѣлалъ никакихъ заготовленій. «Изъ Симферопольской провіантской коммисіи, писалъ Кнорринг [1]), никакого отвѣта добиться нельзя» — точно она вовсе не существовала. Между тѣмъ при арміи не было Оберъ-провіантмейстера, не было даже такого лица на исключительную обязанность котораго была бы возложена забота о продовольствіи войскъ. Эта часть общаго механизма управленія арміею была въ большомъ запущеніи и ставила въ затруднительное положеніе такихъ лицъ, которые не по обязанности, а по сознанію необходимости, брали на себя трудъ позаботиться о нуждахъ дѣйствующаго отряда. Такъ, когда, вслѣдъ за высадкою, «Интендантство Черноморскаго флота», предвидя необходимость въ запасѣ продовольствія для Крымской арміи, доставило въ Перекопъ 16 т. пуд. сухарей, приготовленныхъ изъ пожертвованной муки, то оно встрѣтило большое затрудненіе въ помѣщеніи этихъ сухарей. Транспортъ этотъ не только не могъ быть отправленъ далѣе, но и въ самомъ Перекопѣ для помѣщенія его встрѣтились значительныя препятствія. Бывшій въ городѣ казенный провіантскій магазинъ едва вмѣщалъ до полутора тысячь четвертей, такъ что для склада привезенныхъ сухарей приходилось нанимать сараи и дома частныхъ лицъ, или прибѣгать къ ихъ благотворительности. Управляющій соляным правленіемъ отдалъ для помѣщенія сухарей четыре

---

[1]) Генералу Анненкову отъ 13-го сентября.

соляныхъ подвала, домъ собранія и собственный загородный домъ. Скоро и этого помѣщенія оказалось недостаточнымъ. Въ Перекопѣ былъ назначенъ складъ въ 40 тыс. четвертей муки и большаго количества другихъ припасовъ. Провіантское вѣдомство, вмѣсто того, чтобы распорядиться постройкою временныхъ балагановъ для склада провіанта, тратило огромные деньги на наемъ помѣщенія у частныхъ лицъ. За всѣмъ тѣмъ помѣщенія оказывалось недостаточно, такъ какъ большая часть войскъ проходившихъ черезъ Перекопъ въ Севастополь, оставляли въ немъ свои тяжести, занимая для того дома частныхъ лицъ [1]).

За недостаткомъ подводъ и перевозочныхъ средствъ о доставленіи къ войскамъ транспорта съ сухарями не могло быть рѣчи и надо сознаться, что сухари гнили въ г. Перекопѣ подъ открытымъ небомъ, а войска ощущали въ нихъ столь большой недостатокъ, что приказано было выдавать на каждаго изъ нижнихъ чиновъ по $^3/_5$ ф. мяса и только по $1^1/_4$ ф. сухарей [2]). Во многихъ частяхъ недоставало и этого количества, такъ что командиры, обязанные заботиться о продовольствіи нижнихъ чиновъ, занимались реквизиціею. Послѣдняя окончательно раззоряла туземное населеніе. По случаю замѣшательствъ въ краѣ близъ арміи не оказалось чиновниковъ земской полиціи, черезъ которыхъ войска могли бы получать подъ квитанціи отъ мѣстныхъ владѣльцевъ продовольствіе и фуражъ. Пользуясь отсутствіемъ гражданской власти, войска брали все безвозмездно, и въ самое короткое время всѣ владѣльцы окружныхъ земель были окончательно раззорены.

«Въ настоящее время, доносилъ жандармскій офицеръ шефу жандармовъ графу Орлову [3]), всѣ деревни въ окрестностяхъ лагерей находящіяся, или тѣ, гдѣ наши войска проходили совершенно опустошены; всѣ сады уничтожены, господскіе дома ограблены, все въ нихъ перебито переломано, нѣкоторые даже сожжены казаками, которые сверхъ того расхитили экипажи и продавали ихъ за безцѣнокъ или увозили въ полки; въ особенности это говорятъ о казачьемъ полкѣ П. Причиною то, что отъ всѣхъ частей войскъ посылаются фуражиры по окрестностямъ, они забираютъ все безплатно и при этомъ случаѣ, конечно, грабятъ».

---

[1]) Рапор. маіора Гангардта генер. Анненкову отъ 3-го октяб. Воен. учен. арх. д. № 3338-й.

[2]) Приказъ кн. Меншикова отъ 16 сентября № 41.

[3]) Отъ 30 сентября. Воен. учен. арх. д. № 3361.

Безчисленныя и справедливыя жалобы жителей заставили нѣкоторыхъ изъ начальствующихъ лицъ принять строгія мѣры противъ такого безпорядка. Генералъ Кирьяковъ объявилъ смертную казнь каждому попавшемуся въ грабежѣ. Была разставлена цѣпь и всѣ возвращавшіеся съ награбленною добычею задерживались и наказывались. Къ сожалѣнію не всѣ начальники слѣдовали примѣру генерала Кирьякова.

Въ эти немногіе дни войска представляли довольно печальный видъ [1]). Отъ недостатка продовольствія и слишкомъ большаго употребленія плодовъ, въ арміи появились лихорадки и поносы, на столько сильные, что 17-го сентября заболѣло вдругъ 52 человѣка которые и были отправлены въ Симферополь. Въ послѣднемъ скопилось столько больныхъ, и въ особенности раненыхъ на р. Алмѣ что для размѣщенія ихъ въ единственномъ военномъ госпиталѣ не доставало мѣста, За недостаткомъ кроватей, матрацовъ и одѣялъ, больныя валялись на полу прикрытые чѣмъ что на нихъ было.

Всѣ заботы Симферопольцевъ обратились теперь на попеченіе раненыхъ, на доставленіе продовольствія войскамъ и на содѣйствіе командамъ, присланнымъ въ городъ для печенія сухарей. Въ городѣ не оказалось дровъ; пріобрѣсти ихъ покупкою или отъ подрядчика непредставлялось никакой возможности, такъ что пришлось сдѣлать распоряженіе о собраніи подводъ, которыя и были отправлены для рубки лѣса и доставленіи въ Симферополь дровъ изъ казенныхъ и частныхъ лѣсовъ [2]). Всякая подвода появлявшаяся въ городѣ была тотчасъ же захватываема для военныхъ потребностей [3]).

Прошло нѣсколько дней прежде чѣмъ армія, успѣвшая запастись продовольствіемъ, могла двинуться впередъ. Во все это время кн. Меншиковъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній ни о непріятелѣ, ни о Севастополѣ и не зналъ въ чьихъ рукахъ находится городъ: въ нашихъ или непріятельскихъ. «Непріятеля мы здѣсь не видимъ, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ Корнилову [4]) и ничего о

---

[1]) Изъ письма Преосвященнаго Иннокентія архіепис. херсонск. и таврическаго генералу Анненкову.

[2]) Отнош. генер. Пестеля полковнику Вуншу 17-го сентября. Воен. учен. арх. д. № 4280.

[3]) Изъ письма В. Княжевича къ брату отъ 18-го сентября 1854 г. (рукопись).

[4]) Отъ 13-го сентября. Жандръ 219.

немъ не слышимъ». Имѣя въ своемъ распоряженіи всю кавалерію князь совершенно потерялъ изъ виду союзниковъ. Отбитіе англичанами нѣсколькихъ повозокъ нашего обоза, заставило его опасаться даже за свое сообщеніе съ Севастополемъ: что дѣлалось въ южной части Крыма ему было также неизвѣстно. Только вечеромъ 14-го сентября въ главной квартирѣ русской арміи получено было извѣстіе о переходѣ непріятеля на южную сторону севастопольскаго рейда. Тогда князь Меншиковъ призвалъ къ себѣ командира Волынскаго полка полковника Хрущева и приказалъ ему съ 6-ю батальонами пѣхоты, дивизіономъ артиллеріи, сотнею Черноморскихъ пластуновъ, и полсотнею казаковъ пройти черезъ Каралезское ущельѣ на высоты Эзенбашика, съ цѣлью осмотрѣть р. Черную, спускъ съ Мекензіевой горы къ дер. Чоргунъ и доставить свѣдѣнія о непріятелѣ.

Въ ту же ночь полковникъ Хрущевъ выступилъ по назначенію. Въ догонку ему было послано приказаніе чтобы онъ, при своемъ движеніи, совершающемся параллельно съ непріятелемъ, но защищенномъ справа отъ него горами, старался по возможности болѣе растягивать свой отрядъ и выставлять его на видъ непріятелю, дабы парализовать этимъ рѣшимость союзниковъ напасть на Севастополь.

Рекогносцировка эта оказалась несвоевременною и притомъ трудно исполнимою. Пройдя всю ночь, Хрущевъ утромъ 15-го числа остановился на Эзенбашинскихъ высотахъ, передъ дер. Уна. Далѣе слѣдовать съ артиллеріею было невозможно, да и не представлялось надобности, ибо очевидно было что союзники перешли уже на южную сторону Севастополя [1]).

Съ такимъ переходомъ сѣверная сторона вздохнула свободнѣе — она была избавлена отъ опасности, но за то южная часть города очутилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ была сѣверная.

«Слава Богу, писалъ Императоръ [2]), что угрожавшая Севастополю опасность съ сѣверной стороны отстранена: но подлежитъ рѣшенію, теперешнее положеніе не болѣе ли еще опасно городу, чѣмъ прежнее. Признаюсь, зная недостаточность обороны съ сухого пути и слабость временныхъ укрѣпленій, невольно не могу отстранить крайнихъ опасеній. Вся надежда быть можетъ на одну милость

---

[1]) Рукописи о Севастоп. оборонѣ т. I. стр. 4 и 223.

[2]) Въ собственноручномъ рескриптѣ кн. Меншикову отъ 24-го сентября. Арх. канц. воен. минис д. № 102

Божію, храбрость войскъ и искусное пользованіе тѣми удобствами къ оборонѣ, которыя представляютъ мѣстность. Сколько знаю и помню ее, возможность упорно обороняться существуетъ и я увѣренъ, что ничего упущено не будетъ.

«Вопросъ усилить ли гарнизонъ или дѣйствовать въ полѣ, здѣсь я никакъ рѣшить не могу, соглашаясь что первое удобнѣе представляется, чѣмъ послѣднѣе....

«Поклонись всѣмъ; скажи, чтобы не унывали; намъ самъ Богъ защита, ибо деремся за вѣру Христову противъ враговъ ея и отступниковъ христіанства. Что ни случись, будемъ уповать, вѣровать и смиряться».

Чтобы составить себѣ вѣрную картину тогдашняго положенія города, надо представить Севастополь отдѣльнымъ островомъ окруженнымъ враждебнымъ ему моремъ, готовымъ поглотить его въ своихъ волнахъ. Жителямъ извѣстно было что они окружены со всѣхъ сторонъ татарами, что татары эти передались на сторону непріятеля, грабятъ и разбойничаютъ по окрестностямъ. Молва усиливала ужасы, разсказывая небывалыя вещи, которымъ не трудно было повѣрить, видя что всякое сообщеніе Севастополя съ Симферополемъ прекратилось, что курьеры и почты слѣдовавшіе изъ Россіи, отправляются кругомъ, по южному берегу, черезъ Ялту. Пріѣзжавшіе сообщали что и этотъ путь ненадеженъ и можетъ быть также легко прерванъ при первомъ возстаніи татаръ южнаго берега [1]).

Скоро и это послѣднее сообщеніе также было прервано движеніемъ непріятеля. Князь Меншиковъ забралъ съ собою всѣ войска и ушелъ изъ Севастополя, населеніе котораго было предоставлено собственной оборонѣ. Южная сторона не имѣла тогда ни войскъ, ни укрѣпленій. Всѣ боевыя силы ея не превышали 5,800 человѣкъ. Они состояли изъ 5-хъ и 6-хъ резервныхъ батальоновъ Брестскаго и Бѣлостокскаго пѣхотныхъ полковъ, 6-хъ резервныхъ батальоновъ Виленскаго и Литовскаго егерскихъ полковъ; 44-го флотскаго экипажа и артиллерійской прислуги, составленной изъ флотскихъ командъ [2]). Здѣсь же находились: легкая № 4-я батарея 14-й артиллерійской бригады, вторая морская подвижная батарея и четыре орудія сформированные при резервной бригадѣ 13-й пѣхотный дивизіи.

---

[1]) Воен. учен. арх. д. № 3323 и 3361.

[2]) Сборн. рукоп. т. I, 63. Подробная вѣдомость частей войскъ напечатана въ книгѣ Жандра «Матер. для обороны Севастополя», 218.

При недостаткѣ войскъ, приходилось каждому становиться на защиту своего семейства, имущества и роднаго пепелища. Въ городѣ стало замѣтно еще большее движеніе и суета; жители ожидали что имъ раздадутъ оружіе, но его не раздавали. Севастопольцы не дрогнули, не остановились передъ трудною задачею защищать городъ. Они принялись за дѣло какъ умѣли, сдѣлали что знали и это сдѣланное послужило фундаментомъ къ послѣдующему зданію обороны.

Со дня высадки непріятеля, на южной сторонѣ хотя и производились работы по возведенію укрѣпленій, но, по недостатку рабочихъ рукъ, подвигались весьма медленно, такъ какъ все вниманіе сосредоточено было на укрѣпленіи сѣверной стороны. Команды съ фрегатовъ «Мидія», «Кагулъ» и «Месемврія» были единственными рабочими, трудами которыхъ возводилась южная оборонительная линія. Назначенные приказомъ вице-адмирала Корнилова [1]) для этой работы, командиры фрегатовъ немедленно приступили къ дѣлу: Перелешинъ 1-й, началъ постройку надъ Килень бухтою батареи, которая впослѣдствіи была обращена въ бастіонъ № 1-й и къ вооруженію траншей на Малаховомъ курганѣ.

Командиръ фрегата «Кагулъ» капитанъ Стройниковъ 1-й трудился надъ возведеніемъ батарей между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, для дѣйствія по Балаклавской дорогѣ. Командиръ фрегата «Месемврія» капитанъ Тироль — усиливалъ бастіонъ № 6-го и ставилъ орудія на бастіонѣ № 5-го. Впослѣдствіи число рабочихъ было усилено назначеніемъ на работу резервныхъ пѣхотныхъ батальоновъ и арестантовъ. Команды эти работали безъ устали, положили труда много, но укрѣпленія, раскинутыя на семиверстномъ протяженіи, были далеки отъ окончанія—такъ что когда вице-адмиралъ Нахимовъ, назначенный завѣдующимъ морскими командами, отдѣленными для защиты южной части Севастополя, объѣхалъ оборонительную линію, то онъ нашелъ укрѣпленія въ самомъ печальномъ положеніи. Бастіонъ № 5-й хотя и вооружался орудіями, но бруствер его былъ очень низокъ; ровъ бастіона № 4-го былъ не оконченъ, а вновь возводимыя укрѣпленія были далеко еще не только не вооружены, но и не окончены; приготовленныя для нихъ орудія валялись на землѣ не имѣя ни лафетовъ, ни станковъ.

Нахимовъ видѣлъ что пороховые погреба устроены ненадежно; что батареи, расположенныя восточнѣе южной бухты, не связаны

---

[1]) Приказъ отъ 10-го сентября.

между собою и наконецъ многія мѣста этой мѣстности оставлены вовсе безъ обороны.

Осмотрѣвъ укрѣпленія Нахимовъ прямо отправился къ генералъ-лейтенанту Моллеру спросить какой планъ обороны имъ принятъ? Послѣдній не имѣя никакого плана созвалъ на совѣтъ всѣхъ генераловъ, адмираловъ и начальниковъ дистанціи оборонительной линіи. На этомъ совѣтѣ было высказано много патріотизма, говорено было, что необходимо принять рѣшительныя мѣры, но не указали какія. Собравшіеся разошлись съ тѣмъ же съ чѣмъ пришли, въ ожиданіи, что между ними появится лицо, которое рѣшится добровольно принять на себя починъ дѣла и всѣ распоряженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отвѣтственность.

Такимъ лицомъ явился впослѣдствіи вице-адмиралъ Корниловъ, а теперь П. С. Нахимовъ, не добившійся отъ собравшихся никакого толку, заботился только о скорѣйшемъ, по крайней мѣрѣ, окончаніи начатыхъ укрѣпленій. Онъ трудился надъ пополненіемъ запасовъ пороха и снарядовъ; передвинулъ корабль «Ягудіилъ» въ верховье южной бухты и поставилъ такъ, чтобы онъ могъ обстрѣливать лабораторную и Сарандинакину балки, по которымъ пролегала большая дорога отъ Инкермана въ Севастополь. Для затрудненія же непріятелю подъема на гору, со стороны Бомборской слободки, по приказанію того же Павла Степановича, была заложена новая батарея, западнѣе праваго фаса бастіона № 3-го [1]).

Существовавшія и вновь строившіяся укрѣпленія хотя и могли нанести нѣкоторый вредъ непріятелю, но они были слишкомъ ничтожны, чтобы остановить союзниковъ, если бы они вздумали немедленно атаковать городъ.

Подъ начальствомъ Нахимова, на южной сторонѣ было до трехъ тысячь человѣкъ, которымъ приходилось оборонять пространство около семи верстъ въ окружности и защищаться въ укрѣпленіяхъ, только начатыхъ, но еще неоконченныхъ. Расчитывая, что Корниловъ не рѣшится оставить сѣверную сторону города, ввѣренную его попеченію и потому не окажетъ никакой помощи южной части, Павелъ Степановичъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа: онъ зналъ что слабый гарнизонъ его раздробленный на части и разбросанный по всей линіи, не въ состояніи противиться столь многочисленному непріятелю. Въ этой крайности Нахимовъ сдѣлалъ распоряженіе о скорѣйшемъ сожженіи кораблей

---

[1]) Жандръ матер. для обороны Севастополя, 219.

въ случаѣ надобности и видѣлъ одинъ честный исходъ: собраться всѣмъ вмѣстѣ и лечь костьми до единаго.

«Непріятель подступаетъ къ городу въ которомъ весьма мало гарнизону, писалъ адмиралъ въ своемъ приказѣ, отданномъ въ 7-мь часовъ утра 14-го сентября. Я увѣренъ въ командирахъ, офицерахъ и командахъ что каждый изъ нихъ будетъ драться какъ герой. насъ соберется до трехъ тысячь; сборный пунктъ на театральной площади».

Не успѣли писаря, собранные на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», переписать этотъ приказъ, какъ къ Нахимову пріѣхалъ вице-адмиралъ Корниловъ.

Послѣдній, убѣдившись что сѣверная сторона безопасна отъ нападенія. тотчасъ же бросился на южную, куда и приказалъ перевезти на пароходахъ одинадцать флотскихъ батальоновъ. Послѣ взаимныхъ совѣщаній, относительно мѣръ къ защитѣ города, оба адмирала положили собрать совѣтъ на квартирѣ Корнилова и усилить гарнизонъ тѣми средствами, которыя только представляются возможными. Для этой послѣдней цѣли Нахимовъ приказалъ свезти на берегъ съ трехъ сто-пушечныхъ кораблей по 300 человѣкъ, и съ шести восьмидесяти-пушечныхъ по 100 человѣкъ матросовъ. Изъ нихъ было сформировано два сводныхъ морскихъ батальона: первый капитана 2-го ранга Спицина [1]) и второй—капитана 2-го ранга Винка [2])—оба подъ общимъ начальствомъ капитана 1-го ранга Ергомышева.

Между тѣмъ на квартирѣ вице-адмирала Корнилова собрались генералъ Моллеръ, Нахимовъ и подполковникъ Тотлебенъ. Первые двое, не смотря на то что были старше чиномъ, просили Владиміра Алексѣевича принять на себя распоряженія по оборонѣ города, двѣ-трети гарнизона котораго составляли моряки.

— Но сухопутные войска не обязаны исполнять моихъ приказаній, замѣтилъ на это Корниловъ.

Совѣщавшіеся предложили ему тогда принять на себя званіе начальника штаба Севастопольскаго гарнизона.

— Тогда сказали они всѣ войска будутъ непосредственно подчинены вамъ

---

[1]) Изъ командъ кораблей: Парижъ, Гавриилъ, Чесма, Храбрый и Ростиславъ.

[2]) Изъ командъ кораблей: Двѣнадцать Апостоловъ, В. К. Константинъ, Императрица Марія и Святославъ.

Получивъ согласіе Корнилова, принять должность начальника штаба, генералъ Моллеръ 2-й, еще наканунѣ объявившій Севастополь въ осадномъ положеніи, передалъ всѣ распоряженія въ его руки [1]) и Корниловъ сталъ неутомимо трудиться надъ укрѣпленіемъ города.

Находясь въ ежеминутномъ ожиданіи штурма защитники принуждены были позаботиться прежде всего о томъ, чтобы въ самое короткое время окружить весь городъ непрерывною линіею укрѣпленій и выставить на нихъ наибольшее число орудій. Первая цѣль достигалась возможнымъ сокращеніемъ оборонительной линіи, т. е. избраніемъ кратчайшей и ближайшей къ городу позиціи, а вторая употребленіемъ на вооруженіе батарей и бастіоновъ орудій съ флота потерявшаго, съ прегражденіемъ рейда, свое назначеніе, но имѣвшаго въ своемъ распоряженіи многочисленную артиллерію, съ большимъ запасомъ пороха и готовыхъ зарядовъ.

Корниловъ и его сподвижники воспользовались этимъ, какъ нельзя лучше.

Для большаго успѣха работъ и самой защиты, бастіоны и батареи, охватывавшія городъ съ южной стороны, какъ построенныя, такъ и вновь строющіяся, были раздѣлены на три части или дистанціи. Линія укрѣпленій, начиная съ правой стороны рейда отъ батареи № 10-го до пятаго бастіона составила *первую дистанцію* и была поручена защитѣ семи пѣхотныхъ б.тальоновъ [2]), при 16-ти орудіяхъ [3]), начальство надъ которыми поручено генералъ-маіору Аслановичу. Всѣми же батареями этой линіи начальствовалъ капитанъ 1-го ранга Ивановъ.

Начальникомъ войскъ, защищавшихъ вторую дистанцію, простиравшуюся отъ 5-го до 3-го бастіона, былъ назначенъ ви-

---

[1]) Офиціальное назначеніе Корнилова начальникомъ штабы послѣдовало нѣсколько позже и именно 19-го сентября. Въ этотъ день Моллеръ отдалъ слѣдующій приказъ: «Предлагаю всѣмъ г. г. начальникамъ войскъ исполнять всѣ приказанія вице-адмирала, генералъ-адъютанта Корнилова принявшаго на себя обязанность начальника штаба всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ городѣ Севастополѣ, какъ утвержденныя распоряженія».

[2]) Пятые и шестые резервные батальоны Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, шестые батальоны Виленскаго и Литовскаго полковъ и третій батальонъ Тарутинскаго полка.

[3]) Восемь орудій легкой № 4-й батареи 14-й артиллерійской бригады, четыре орудія батарейн. № 1-й батареи 16-й артил. бригады и четыре орудія сформированные при резервной бригадѣ 13-й пѣхотной дивизіи.

це-адмиралъ Новосильскій, имѣвшій подъ своимъ начальствомъ 8-мь морскихъ батальоновъ [1]), съ 8-ю орудіями 2-й морской батареи. Батареями этой линіи командовалъ контръ-адмиралъ Юхаринъ.

Наконецъ начальникомъ войскъ третьей дистанціи, въ составъ, которой входили укрѣпленія отъ 3-го бастіона до Киленъ бухты былъ назначенъ контръ-адмиралъ Истоминъ, подъ командою котораго находилось шесть флотскихъ батальоновъ и 8 орудій морской батареи [2]). Начальникомъ батарей этой части былъ назначенъ контръ-адмиралъ Вукотичь 2-й.

«При такомъ распредѣленіи войскъ, пишетъ Жандръ въ своей книгѣ, Корниловъ принялъ во вниманіе условія мѣстности: резервныхъ солдатъ онъ поставилъ на плоскости, за оборонительною стѣною, а матросъ, какъ болѣе развитыхъ и потому болѣе способныхъ на защиту балокъ и ущелій и на сооруженіе батарей, — помѣстилъ на 2-й и 3-й дистанціи, на мѣстности гористой и менѣе прикрытой искуственною защитою».

Всѣ работы по устройству укрѣпленій поручено было вести подполковнику Тотлебену, которому и предоставлены были всѣ средства къ успѣшному выполненію его трудной обязанности.

— Составте вѣдомость, сказалъ ему Корниловъ, какія матеріальныя средства нужны для успѣшнѣйшаго хода работъ и средства явятся: чего нѣтъ въ портѣ, то дадутъ намъ доки, а чего недостанетъ въ докахъ, то пополнитъ инженерная команда.

При совокупномъ усиліи начальниковъ дистанцій работа по всей линіи укрѣпленій, закипѣла пуще прежняго.

Теперь многочисленному гарнизону приходилось, для защиты обширной мѣстности, окончить бастіоны, углубить рвы, поднять и утолстить бруствера и связать ихъ непрерывною линіею батарей: приходилось укрѣпить мѣстность множествомъ новыхъ построекъ и вооружить ихъ огромными корабельными пушками. Словомъ сказать нужно было создать огромную линію такихъ преградъ, которыя недопустили бы непріятеля взять городъ открытою силою, а заставили его приступить къ правильной осадѣ и приближаться медленно шагъ за шагомъ.

«Ожиданіе штурма, пишетъ Тотлебенъ, побуждало въ самое короткое время приготовиться къ встрѣчѣ атакующаго: по этому укрѣпленіямъ сначала давалась профиль, обезпечивавшая прислугу

---

[1]) 29, 32, 34, 44, 45, 1 и 2 Сводные морскіе батальоны и Сизопольско-Флорскій.

[2]) 1, 2, 3 и 4 десантные и 4 и 5 морскіе батальоны.

только отъ огня полевой артиллеріи. Для скорѣйшей постройки укрѣпленій снимали на окружающей мѣстности верхній, тонкій слой земли и углубляли рвы только въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ это было возможно выполнить, безъ ломки скалистаго грунта, что значительно замедлило бы прикрытіе артиллеріи и войскъ.

«Все остальное, какъ то: усиленіе прочихъ батарей и устройство разнаго рода преградъ, откладывалось до болѣе благопріятнаго времени». Вообще работы производились съ такимъ расчетомъ, чтобы съ каждымъ днемъ усиливалась оборона; не ожидая окончанія батарей, орудія устанавливались безотлагательно, при первой возможности дѣйствовать изъ нихъ».

Въ Севастополѣ въ эти дни проявилась необыкновенная дѣятельность. Ко всѣмъ тремъ пристанямъ Екатерининской (графской), Павловской и Госпитальной свозились съ судовъ орудія со станками и снарядами, и потомъ доставлялись на бастіоны и батареи. По улицамъ тащили лафеты, снаряды, бревна и доски; несли плотничьи инструменты, желѣзныя оковки, гвозди, мѣшки пустые и наполненные землею. Все это спѣшило къ укрѣпленіямъ, гдѣ рабочіе насыпали бруствера и утрамбовывали землю. Тысячи тружениковъ, выкидывая изъ рвовъ землю, насыпали тотъ непрерывный семиверстный валъ, для овладѣнія которымъ союзники употребили почти годъ времени.

Работы производились безпрерывно безъ устали, не переводя дыханія, днемъ и ночью. Утромъ выходило отъ 5 до 6 тысячъ человѣкъ, которые вечеромъ смѣнялись другими, хотя и въ меньшемъ числѣ, но работавшими всю ночь. Въ земляныхъ работахъ участвовали всѣ кто только могъ: солдаты, вольные мастеровые, мѣщане, лавочники, лакеи, словомъ всѣ свободные жители города, женщины и дѣти. Женщины носили воду, шили мѣшки, а дѣти таскали землю на укрѣпленія. Двери порта и арсенала растворились настежъ; изъ сараевъ вытаскивали запасныя орудія, лѣсъ, такелажъ, мѣшки и разныя строительныя матеріалы; тамъ же раздавали желающимъ инструменты: ломы, лопаты, заступы и проч. Кто имѣлъ тачку или лошадь съ телегою, тотъ спѣшилъ на укрѣпленія, зная, что имъ найдется работа; даже водовозныя бочки были употреблены въ дѣло—въ нихъ развозилась вода для утоленія жажды трудившихся. Словомъ сказать, всѣ средства города были обращены на содѣйствіе рабочимъ.

Своимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ Корниловъ призвалъ всѣхъ къ строгому выполненію обязанности; безполезные споры о

старшинствѣ уступили теперь мѣсто благоразумію и всѣ подчинились человѣку полному одушевленія и энергіи. Лентяевъ и тунеядцевъ тутъ не было: мужчины и женщины трудились одинаково.

— Теперь нужно бросить всѣ занятія, сказалъ однажды Корниловъ обращаясь къ Батьянову, состоявшему чиновникомъ по дипломатической части при главнокомандующемъ, — теперь надо думать только объ оборонѣ и защитѣ Севастополя. Я васъ прошу перевозить ядра на бастіоны.

«Я тотчасъ поспѣшилъ исполнить его приказаніе, пишетъ Батьяновъ, и съ того времени занимался перевозкою ядеръ и другихъ военныхъ запасовъ къ бастіонамъ».

Вся аванпостная служба вокругъ города исполнялась нѣсколькими казаками оставленными кн. Меншиковымъ, да флотскими и и вышедшими изъ госпиталя кавалерійскими офицерами, разъѣзжавшими на фуштадскихъ лошадяхъ [1]). Граждане образовали родъ ополченія для содержанія городскихъ карауловъ. Начальство надъ этою милиціею приняли два актера Пиллони и Дрейсихъ.

Здѣсь любовь къ отечеству проявилась въ полномъ своемъ величіи. Совокупныя усилія севастопольцевъ сдѣлали небывалую вещь: въ двѣ ночи и одинъ день было поставлено на батареяхъ болѣе ста орудій большихъ калибровъ. Явившись на южной сторонѣ города союзники повѣсили нѣсколькихъ татаръ, увѣрявшихъ ихъ что городъ вовсе не защищенъ съ южной стороны. Повѣшенные получили должное возмездіе, какъ измѣнники Россіи, но были справедливы въ своихъ показаніяхъ — они не могли предполагать столь успѣшной работы. Съ высотъ Инкермана и съ Федюхиныхъ горъ англо-французы смотрѣли на выроставшіе во кругъ города батареи и бастіоны и, не рѣшаясь атаковать ихъ, потянулись по направленію къ Балаклавѣ.

Поздно вечеромъ 13-го сентября французская армія прибыла къ хутору Мекензи, гдѣ и расположилась бивуакомъ; англичане продолжали свое движеніе ночью и только по прибытіи на Черную рѣчку расположились тамъ на привалѣ. Съ наступленіемъ утра 14-го сентября французы двинулись къ Черной рѣчкѣ, перешли черезъ водопроводный каналъ, по накинутымъ мостамъ, и расположились бивуакомъ на Федюхиныхъ высотахъ, а англичане въ тоже самое время двинулись къ Балаклавѣ.

Расположенная въ четырнадцати съ половиною верстахъ отъ

---

[1]) Записки Арбузова (рукоп.).

Севастополя Балаклава картиною раскинулась у подошвы высокихъ и скалистыхъ горъ, окаймляющихъ небольшую гавань того же имени. Кромѣ развалинъ древняго замка, городъ не имѣлъ никакихъ укрѣпленій и весь гарнизонъ его состоялъ изъ одной неполной роты Балаклавскаго греческаго батальона, въ числѣ 80 строевыхъ и 30 отставныхъ нижнихъ чиновъ. При нихъ были четыре полъ-пудовыя мортирки, подъ начальствомъ поручика Маркова.

Послѣ полудня 13-го сентября, въ Балаклавѣ разнеслась вѣсть что непріятельская армія приближается къ Черной рѣчкѣ. Посланные для развѣдыванія дали знать, что союзники перешли уже рѣчку и расположились бивакомъ въ долинѣ между Бахчисарайскою дорогою, Сапунъ горою и Севастопольскимъ шоссе.

На слѣдующій день 14 сентября, около 7 часовъ утра, въ виду Балаклавы показались два парохода, шедшіе полнымъ ходомъ со стороны Севастополя. Поровнявшись съ входомъ въ бухту, они остановились въ разстояніи одной мили отъ берега. Одновременно съ этимъ получено было извѣстіе, что непріятель, оставивъ бивуакъ, приближается къ городу по нѣсколькимъ дорогамъ. Тогда жители, покинувъ свои дома и имущество, спѣшили переправиться на Западную сторону бухты и бѣжали въ Каранскіе горы и сады, надѣясь тамъ укрыться отъ непріятеля. Между тѣмъ, англичане подходя къ городскому шлахбауму, были, совершенно неожиданно для нихъ, встрѣчены батальнымъ огнемъ—роты Балаклавцевъ, бѣгомъ подоспѣвшей на встрѣчу союзниковъ. При ротѣ находились: командиръ греческаго батальона полковникъ Манто и командиръ роты капитанъ Стамати. Разсыпавшись за камнями и другими закрытіями Балаклавцы завязали перестрѣлку, продолжавшуюся около часу. Наконецъ, послѣ нѣкотораго замѣшательства и не видя передъ собою непріятеля, англичане двинулись впередъ и принудили Балаклавцевъ отступить сначала къ городу, а потомъ засѣсть въ замкѣ. Едва только рота отступила въ городъ, а непріятельскій авангардъ прошелъ черезъ шлахбаумъ, какъ поручикъ Марковъ открылъ огонь изъ своихъ мортиръ. Англичане остановились снова и выдвинули впередъ батарею. Въ это время на горѣ Кефаловриси, съ сѣверной стороны города, показалась голова другой колонны тысячъ около пяти, а къ двумъ пароходамъ, стоявшимъ у входа въ Балаклавскую бухту, подошло болѣе 20 судовъ различныхъ ранговъ. Одно изъ нихъ, трехдечный винтовой корабль, выдавшись впередъ открылъ огонь залпами въ то время, когда батареи непріятеля начали свое дѣйствіе съ сухаго пути. Снаряды кучею ложились на мортирную

батарею, засыпаемую къ тому же осколками гранат. Несмотря на то, что, вскорѣ послѣ открытія непріятельскаго огня, на чортиной батареи былъ взорванъ зарядный ящикъ, Марковъ продолжалъ отстрѣливаться, и, направляя свои выстрѣлы на три пункта: къ шахбауму, къ Кефаловриси и въ море «прекратилъ огонь только тогда, когда всѣ заряды были разстрѣляны» [1]). Видя что батарея наша прекратила огонь англичане бросились въ городъ и заняли его въ 2½ часа пополудни [2]), при чемъ взяли въ плѣнъ раненаго командира, 7-мь офицеровъ и до 60-ти человѣкъ нижнихъ чиновъ: остальные спаслись отъ плѣна скрывшись въ ущельяхъ и лѣсахъ. Собравши плѣнныхъ и не видя больше въ городѣ на одного человѣка носящаго военный мундиръ англичане были удивлены рѣшимости гарнизона сопротивляться.

— Вы безумецъ! сказалъ Лордъ Рагланъ обращаясь къ капитану Стамати. Неужели думали вы съ горстью своихъ солдатъ остановить цѣлую армію?

— Безусловною сдачею, отвѣчалъ Стамати, я навлекъ бы на себя гнѣвъ моего начальства и презрѣніе ваше; теперь совѣсть моя спокойна—я исполнилъ долгъ свой.

Вслѣдъ затѣмъ былъ поднятъ англійскій флангъ, по которому колонны непріятельскихъ войскъ съ разныхъ сторонъ вступили въ городъ, а пароходы проникли въ бухту. Передъ вступленіемъ ихъ «влетѣлъ въ бухту маленькій пароходъ, не много болѣе дессантнаго баркаса, обѣжалъ оба берега ея, измѣрилъ глубину и выйдя въ море, вновь поворотилъ къ бухтѣ, ведя за собою всю эскадру».

Занявши Балаклаву англичане разграбили все имущество жителей, уничтожили сады, съѣли фрукты, и вечеромъ весь скотъ возвратившійся съ поля былъ взятъ и убитъ на порціи солдатамъ. Городъ принялъ видъ военнаго стана: на воротахъ многихъ домовъ появились надписи въ родѣ слѣдующихъ: «главная квартира главнокомандующаго», «коммисаръ» и проч. Двигаясь въ авангардѣ союзной арміи англичане первые пришли въ Балаклаву и потому заняли лучшія помѣщенія.

Французы весь день 15-го сентября оставались на Федюхиныхъ горахъ, отчасти потому, что маршалъ Сентъ-Арно, не будучи въ состояніи командовать арміею, долженъ былъ передать начальство генералу Конроберу. Находясь почти въ предсмертной агоніи, со

---

[1]) Рап. полковника Манто генералу Лидерсу 15-го февраля 1856 г. № 2 Воен. учен. арх. дѣло № 3404.

[2]) Нападеніе на Балаклаву Матер. вып. III.

дня сраженія на р. Алмѣ, Сентъ-Арно все еще старался казаться бодрымъ. Онъ надѣялся дожить до взятія Севастополя и связать свое имя съ паденіемъ этого города. Мысль о скоромъ и безотлагательномъ приступѣ лелѣяла его самолюбіе и питала надежду на возможность блестящей побѣды. Маршалъ полагалъ, что послѣ краткаго усиленнаго бомбардированія легко будетъ овладѣть городомъ.

— Императоръ будетъ доволенъ вами, говорилъ онъ окружающимъ. Мы исполнили его приказаніе. Конечно ему принадлежитъ вся честь этой экспедиціи.... Черезъ 10 дней ключи Севастополя будутъ въ его рукахъ.... Теперь Имперія утверждена.... и здѣсь ея крестины.

Завѣтныя мечты маршала не осуществились. Съ прибытіемъ французской арміи на Федюхины высоты, Сентъ-Арно, въ ночь съ 13-го на 14-е сентября, почувствовалъ приближеніе смерти и находясь почти въ постоянномъ забытьи, принужденъ былъ отказаться отъ командованія арміею. Онъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ дивизіонныхъ и бригадныхъ командировъ, пытался сказать имъ послѣднее слово, но послабости могъ только сказать причину, по которой пригласилъ ихъ къ себѣ.

— Я не думаю ошибиться въ намѣреніяхъ Императора, проговорилъ онъ слабымъ замирающимъ голосомъ, если передамъ главное начальство надъ арміею генералу Канроберу, въ ожиданіи утвержденія его величества.

Сентъ-Арно подалъ знакъ начальнику главнаго штаба, и генералъ Мартенпре хотѣлъ было передать бумагу Канроберу, но послѣдній вынулъ изъ кармана потертый уже пакетъ съ Императорскою печатью: въ немъ давно хранилось заранѣе сдѣланное распоряженіе о принятіи Канроберомъ начальства надъ арміею, въ случаѣ смерти Сентъ-Арно, возможность которой повидимому была предвидѣна Наполеономъ. Взглянувши на пакетъ и догадавшись о содержаніи находящеся въ немъ бумаги, — Сентъ-Арно повидимому не выразилъ ни малѣйшаго изумленія.

— Хорошо, проговорилъ онъ ослабѣвшимъ голосомъ и голова его упала на подушку.

Сдавъ начальство надъ арміею, Сентъ-Арно отправился въ Балаклаву, а потомъ былъ перевезенъ на пароходъ «Бертолетъ», гдѣ и скончался $^{17}/_{29}$ сентября на пути въ Константинополь.

Новый главнокомандующій французскою арміею пользовался особымъ расположеніемъ Наполеона III, считавшаго его однимъ изъ способнѣйшихъ боевыхъ генераловъ. Начавши свое военное поп-

рице въ Африкѣ, генералъ Канроберъ участвовалъ тамъ во многихъ экспедиціяхъ и еще въ 1837-мъ году, въ чинѣ капитана, отличился при штурмѣ Константины, гдѣ и раненъ въ ногу. Вызванный въ 1839-мъ году во Францію, Канроберъ, какъ опытный офицеръ, получилъ порученіе сформировать для иностраннаго легіона батальонъ изъ Испанскихъ дружинъ перешедшихъ во Францію. Въ слѣдующемъ 1840-мъ году, онъ по порученію герцога Орлеанскаго написалъ нѣсколько отдѣловъ руководства, назначеннаго для офицеровъ легкихъ войскъ.

Отправившись въ 1841-мъ году снова въ Африку Канроберъ оставался тамъ до 1850 года. Во все это время онъ участвовалъ въ безпрерывныхъ и многочисленныхъ экспедиціяхъ. Въ дѣлѣ при Балѣ, въ 1845 году, имѣя подъ своею командою только 250 человѣкъ онъ съ успѣхомъ держался противъ трехъ-тысячнаго скопища Бу Мазы. Командуя постепенно батальономъ, полкомъ Канроберъ получилъ наконецъ въ 1848-мъ году начальство надъ колонною назначенною для покоренія Аурскихъ горцевъ. Онъ напалъ на непріятеля въ расплохъ, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ Бея-Ахмета. Въ слѣдъ затѣмъ покорилъ Іжурджурскихъ кабиловъ, а при штурмѣ Заатаха въ 1849 году, начальствуя одною изъ штурмовыхъ колоннъ первымъ вломился въ проломъ крѣпости, причемъ изъ числа его окружающихъ было убито 4 офицера и 16-ть рядовыхъ. Это дѣло доставило ему командорскій крестъ Почетнаго Легіона. Произведенный въ генералы и призванный въ 1850 году въ Парижъ, Канроберъ былъ назначенъ адъютантомъ къ президенту республики и произведенъ въ 1853-мъ году въ дивизіонные генералы. Получивъ въ командованіе 1-ю пѣхотную дивизію онъ поступилъ въ составъ экспедиціоннаго корпуса, съ которымъ и отправился въ Турцію въ 1854 году.

Канроберъ былъ извѣстенъ Французской арміи какъ человѣкъ съ прекрасными качествами: честный, добросовѣстный и скромный. Подчиненные любили Канробера за его заботливость о сбереженіи здоровья войскъ; они любили его и за личную храбрость. Его мужество, спокойствіе на полѣ битвы, вѣрный взглядъ, и необыкновенная пылкость въ критическую минуту возбуждали удивленіе солдатъ, *но только своей* дивизіи пробавляетъ его соотечественникъ; ибо нечего скрывать, этотъ блистательный генералъ не созданъ для главнаго предводительства и не способенъ командовать арміею. Его умъ привыкъ дѣйствовать въ тѣсной рамкѣ и не въ силахъ обнимать разомъ общаго: во время битвы онъ займется

только однимъ пунктомъ и пренебрежетъ другими, привяжется совсѣмъ жаромъ къ одной части и не будетъ знать что происходитъ съ другими».

Храбрый на полѣ битвы Конроберъ во всѣхъ своихъ административныхъ и боевыхъ распоряженіяхъ былъ до крайности не рѣшителенъ.

— Нельзя браться за все вдругъ, повторялъ онъ часто и поступалъ во всемъ медленно, нерѣшительно.

Его сотоварищъ Лордъ Рагланъ, по характеру истый англичанинъ, любившій конфортъ и изящныя рѣчи, не отличался также большою подвижностью и оба главнокомандующіе потратили много времени на взаимное совѣщаніе о предстоявшихъ дѣйствіяхъ.

Пользуясь этимъ наши защитники значительно подвинулись въ устройствѣ укрѣпленій и сдѣлали все что могли по своимъ средствамъ. Они успѣли утолстить и возвысить нѣкоторые бастіоны и батареи, удлиннить ихъ фасы, приспособить ихъ къ ружейной оборонѣ, вырыть рвы, поставить на укрѣпленія орудія, устроить завалы, исправить нѣкоторые пороховые погреба и насыпать нѣсколько новыхъ батарей, частію изъ мѣстной, частію изъ приносной земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ успѣли сдѣлать засѣки и устроить волчьи ямы, чтобы затруднить тѣмъ непріятелю доступъ къ городу.

Къ вечеру 14-го сентября, въ день занятія союзниками Балаклавы, на оборонительной линіи южной стороны было поставлено 172 орудія, и для защиты ихъ сосредоточено около 15 тыс. человѣкъ разнаго рода оружія, даже съ пиками. Все это, конечно, было ничтожно и не могло бы остановить предпріимчиваго непріятеля.

«Хорошъ гарнизонъ, писалъ Корниловъ, для защиты каменнаго лагеря, разбросаннаго на протяженіи многихъ верстъ и перерѣзаннаго балками такъ, что сообщенія прямаго нѣтъ; но что будетъ, то будетъ. Положили стоять. Слава будетъ если устоимъ — если же нѣтъ....

«По укрѣпленіямъ работа кипитъ, даже арестанты усердствуютъ. Войско кипитъ отвагой,—но все это можетъ только увеличить рѣзню, но не воспрепятствовать входу непріятеля».

Дѣйствительно не завидно было положеніе малочисленнаго гарнизона, разбросаннаго на семиверстномъ разстояніи, при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ мѣстности окружающей городъ.

Не говоря уже о томъ что сообщеніе между укрѣпленіями затруднялось глубокими оврагами, мы должны вспомнить, что южная

бухта раздѣляла городъ на двѣ части: Городскую и Корабельную, которыя могли сообщаться между собою только по одной узкой дорожкѣ, огибавшей бухту и пролегавшей черезъ Пересыпь, по горамъ и оврагамъ. При такомъ неудобномъ сообщеніи взаимная помощь войскъ, расположенныхъ по Городской и Корабельной сторонѣ была крайне сомнительною. Хотя, по распоряженію Нахимова, и былъ устроенъ черезъ южную бухту плавучій мостъ изъ плотовъ, но сообщеніе по немъ было затруднительно и почти невозможно, въ особенности подъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи и стрѣлковъ. Слѣдовательно войска расположенныя въ двухъ частяхъ города, въ случаѣ штурма союзниковъ на одну изъ нихъ, должны были разчитывать только на собственныя средства, не ожидая посторонняго содѣйствія и помощи.

Большая часть укрѣпленій имѣли слабую полевую профиль, были неокончены, и, не имѣя передъ собою рвовъ, оставались совершенно доступными для непріятеля. Укрѣпленія не составляли еще тогда непрерывной линіи: между ними почти вездѣ были обширные и совершенно открытыя промежутки. Оборона многихъ мѣстъ ограничивалась небольшими завалами, на которыхъ были поставлены орудія малыхъ калибровъ.

Къ этому надо прибавить, что хотя на оборонительной линіи и было поставлено 172 орудія, но они были разбросаны на семиверстномъ разстояніи и имѣли незначительную дальность выстрѣла такъ что оборона впереди лежащей мѣстности была весьма слаба, а многіе мѣста и вовсе не имѣли никакой обороны.

Если союзники имѣли уважительныя причины къ тому, чтобы отказаться отъ штурма укрѣпленій сѣверной стороны города, то становится совершенно непонятнымъ почему они, перейдя на южную сторону рейда, не штурмовали почти беззащитный городъ, въ который могли войти съ распущенными знаменами.

Пользуясь превосходствомъ своего вооруженія и занявши своими штуцерными прилегающія къ городу высоты, непріятель могъ свободно подойти, ближе чѣмъ на 100 сажень, и безнаказанно разстрѣливать наши войска, стоявшія за укрѣпленіями ихъ не прикрывавшими и нанести огромный вредъ прежде чѣмъ двинуться на штурмъ.

Не смотря на всѣ не выгоды и опасное положеніе въ которомъ находился гарнизонъ, защитники готовы были на всякаго рода пожертвованія. Каждый изъ бывшихъ на укрѣпленіяхъ положилъ стоять пока хоть искра жизни останется въ тѣлѣ.

«Матросы особенно одушевлены, писалъ Корниловъ, и съ жаждою помышляютъ о битвѣ за родину». Почти у каждаго изъ нихъ позади бастіоновъ, на которыхъ они стояли, былъ домъ — его родина, жена, дѣти все—все, что свято и драгоцѣнно въ жизни. Здѣсь на батареяхъ собрались не пришлецы изъ разныхъ странъ, а родныя братья - труженики на общую пользу огромной и родной семьи матушки Россіи: здѣсь были не союзники, а одного поля ягодки, дѣти Русскаго царя. Дѣятельность внутренней жизни приняла иные размѣры, иные образы. Пришло время отстаивать родное пепелище, наступила минута рѣшительной борьбы, когда каждый сталъ стражемъ завѣтныхъ береговъ родной земли оберегателемъ ея славы, защитникомъ мѣстъ близкихъ русскому сердцу.

Жители, матросы и солдаты сразу, безъ всякихъ толкованій, поняли свое положеніе: они рылись въ землѣ, выдвигая линію батарей: они же носили землю тамъ, гдѣ не хватало ея, для насыпки укрѣпленій и ставили на батареи свои огромныя пушки. Все это дѣлалось «такъ просто и естественно, какъ задушевная мысль, какъ свѣтлая жизнь, вся отданная за вѣру и отечество». Одинаково вскормленные «всѣ они составляли часть одного народа русскаго», подвластнаго одному монарху, принадлежащаго одной вѣрѣ, имѣющаго одинъ языкъ, одушевленнаго и проникнутаго одною волею. Стойкій и рѣшительный народъ рѣшился защищать городъ отъ нашествія иноплеменниковъ и встрѣтить врага безъ ключей и хлѣба — соли, а по-русски—штыками и чугунными снарядами.

Утромъ 14-го сентября въ виду Севастополя появилось нѣсколько непріятельскихъ пароходовъ и судовъ. Одни изъ нихъ бѣжали по направленію къ Балаклавѣ, другіе дѣлали промѣры, заглядывали въ различныя бухты: казачью, камышевую и проч. отыскивая удобныя мѣста для стоянки своего флота. Въ то же время изъ Севастополя видно было какъ союзные главнокомандующіе производили рекогносцировку ближайшихъ окрестностей города, а вице-адмиралъ Корниловъ объѣзжалъ оборонительную линію укрѣпленій. Осмотрѣвъ работы Владиміръ Алексѣевичъ рѣшился на слѣдующій день, по русскому обычаю, начать защиту города крестомъ и молитвою, знаменующими начало всякаго желаннаго дѣла на православной Руси.

— Пусть прежде всего напомнятъ войскамъ слово Божіе, говорилъ Корниловъ, а потомъ я передамъ имъ слово царское.

Съ ранняго утра стали наши войска на свои боевыя позиціи,

въ ожиданіи торжественной процессіи [1]). Духовенство съ образами хоругвями и крестами, совершало крестный ходъ, медленно подвигаясь по всей оборонительной линіи. Почти въ каждомъ укрѣпленіи процесія останавливалась, чтобы отслужить молебенъ, окропить войско св. водою и осѣнить крестнымъ знаменіемъ.

Горячо молились защитники не о спасеніи собственнаго живота, а о спасеніи роднаго имъ города, о спасеніи славы отечества. Тысячи теплыхъ молитвъ возносились къ небесамъ, молитвъ чистыхъ солдатскихъ-безслезныхъ, но горячихъ и искреннихъ. По окончаніи крестнаго хода, Корниловъ объѣзжалъ войска. Одѣтый въ блестящую генералъ-адъютантскую форму, окруженный многочисленною свитою, онъ ѣхалъ вдоль линіи, привѣтствуемый громкими криками.

— Царь надѣется, говорилъ онъ войскамъ, что мы отстоимъ Севастополь; да намъ и некуда отступать: позади насъ море, впереди непріятель. Кн. Меншиковъ обманулъ и обошелъ его, и когда непріятель насъ атакуетъ, то наша армія ударитъ на него съ тыла. Помни же, не вѣрь отступленію. Пусть музыканты забудутъ играть ретираду — тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ ретираду! и если я самъ прикажу отступить—коли и меня!

Громкое неумолкаемое ура! было отвѣтомъ войскъ на слова начальника.

— Ваше дѣло, говорилъ Корниловъ, подвигаясь далѣе и обращаясь къ одному изъ пѣхотныхъ батальоновъ — ваше дѣло строчить непріятеля изъ ружей, а если ему вздумается забраться на батареи, такъ принимайте его порусски: тутъ ужъ знакомое дѣло — штыковая работа.

Стоявшіе на укрѣпленіяхъ матросы, завидя издали приближеніе своего начальника, привѣтствовали его громкимъ ура!

— Я давно знаю васъ за молодцовъ, говорилъ имъ Корниловъ, а съ молодцами говорить долго нечего.

— Умремъ за родное мѣсто! отвѣчали моряки на слова адмирала.

Одушевленіе войскъ и желаніе, постоявъ за себя, отмстить врагу сдѣлалось всеобщимъ.

---

[1]) Мы не приводимъ здѣсь подробнаго расположенія войскъ по оборонительной линіи потому что въ послѣдующіе дни оно было значительно измѣнено. Желающіе могутъ найти это въ книгѣ Жандра «Матеріалы для исторіи обороны Севастополя и проч. стр 229 и въ сочиненіи Э. Тотлебена: «Оборона Севастополя» час. I, стр. 240.

Смотря въ это время на пропеченныя южнымъ солнцемъ, загорѣлыя лица стоявшихъ на укрѣпленіяхъ, можно было видѣть, что всѣ они одушевлены спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ; видно было что всякій постоитъ за себя и исполнитъ свой долгъ какихъ бы жертвъ онъ не потребовалъ.

Увѣренность въ своей силѣ солдатъ и радостные крики ихъ на привѣтливыя слова Корнилова закончили этотъ величественный день въ жизни Севастопольскаго гарнизона.

Въ это время о кн. Меншиковѣ никто не вспоминалъ, имя его произносилось съ неудовольствіемъ и всѣ симпатіи стремились къ Корнилову, на котораго смотрѣли какъ на Богомъ вдохновеннаг человѣка. Дѣйствительно онъ трудился безъ устали и казалось нечувствовалъ ея.

Владиміръ Алексѣевичъ днемъ не сходилъ съ лошади, переѣзжая, съ позиціи на позицію, а вечеромъ всѣ собирались къ нему за приказаніями. Онъ слѣдилъ за строгимъ исполненіемъ аванпостной службы и за порядкомъ расположенія войскъ; распоряжался не только войсками, но лично наблюдалъ за ходомъ инженерныхъ работъ, самъ назначалъ мѣсто для батарей, указывалъ направленіе ихъ фасовъ и амбразуръ.

Однажды не задолго до перваго бомбардированія Севастополя, шестой резервный батальонъ Минскаго полка, былъ посланъ на Пересыпь для возведенія новой батареи. Прійдя на назначенное мѣсто батальонъ простоялъ безъ дѣла почти до разсвѣта. Наконецъ явился флотскій офицеръ и сказалъ, что для постройки батареи слѣдуетъ взять бывшіе на берегу южной бухты желѣзныя систерны [1]), насыпать ихъ землею и устанавливать одну надъ другою въ три ряда, такъ чтобы осталось четыре промежутка для амбразуръ. Не зная совершенно мѣстности Севастополя, пишетъ участникъ [2]) и въ какомъ мѣстѣ и для какой охраны строить эту батарею «Минцы рѣшили, что батарея должна защищать входъ въ бухту, а потому на выдающемся мыску уложили ящики, насыпали ихъ землею и оставили четыре амбразуры». Работа была уже окончена, когда подъѣхалъ къ нимъ вице-адмиралъ Корниловъ.

— Что это вы господа для французовъ устроили батарею? спросилъ онъ обращаясь къ офицерамъ. Она совершенно не для

[1]) Желѣзные ящики кубической формы употребляемые на судахъ для храненія воды.

[2]). А. Штейнъ Одиннадцать мѣсяцевъ въ Севастополѣ (рукоп.).

насъ; мы ожидаемъ непріятеля съ юга, а батарея обращена на сѣверъ.

Батарея была дѣйствительно обращена задомъ къ непріятелю. Корниловъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее казаку, самъ шагами размѣрилъ длину, обозначилъ ее колышками и указалъ направленіе для орудій.

— Теперь, сказалъ онъ обращаясь къ офицерамъ, во избѣжаніе насмѣшки, постарайтесь, по указанію моему, перестроить ее заново.

Работа закипѣла; офицеры подавая собою примѣръ, помогали нижнимъ чинамъ и въ первомъ часу пополудни батарея была готова.

Безустанная дѣятельность начальника штаба Черноморскаго флота скоро доставила ему всеобщее уваженіе.

«Корниловъ не сходитъ съ лошади, писалъ одинъ изъ участниковъ горячихъ дней въ Севастополѣ [1]); распоряженія его самыя быстрыя, благоразумныя, вниманіе ко всему и ко всѣмъ доставили ему довѣренность не только моряковъ, но общую. Въ Севастополѣ не найдется ни одного человѣка, который бы не чувствовалъ, непонималъ благодѣтельнаго вліянія на всѣ дѣла нашего несравненнаго адмирала».

Являясь всюду и слѣдя за всѣмъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, Корниловъ скоро заслужилъ довѣріе какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Въ послѣднихъ онъ старался поддержать энергію и внушить убѣжденіе о необходимости драться до послѣдней крайности. Рѣчь его была проста, доступна пониманію солдата и затрогивала такія душевныя струны, которыя всегда будутъ дороги русскому человѣку.

— Московцы! сказалъ онъ однажды, обращаясь къ нижнимъ чинамъ Московскаго полка—вы находитесь здѣсь на рубежѣ Россіи, вы защищаете дорогой уголокъ русскаго царства. На васъ смотритъ царь и вся Россія. Если только вы не исполните своего долга, то и Москва не приметъ васъ какъ Московцевъ [2]).

Въ эти немногіе дни Корниловъ проявившій необыкновенную дѣятельность и добровольно принявшій на себя всю отвѣтственность передъ отечествомъ сталъ неизмѣримо выше его окружающихъ. Это былъ одинъ изъ немногихъ не потерявшихся въ столь труд-

---

[1]) А. Поповъ къ генер. адъютанту Анненкову отъ 27-го сентября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 58.

[2]) Тотлебенъ оборона Севастополя часть I, 265.

ныхъ обстоятельствахъ, это былъ человѣкъ сдѣлавшійся руководителемъ обороны не по старшинству, а по своимъ способностямъ и и энергіи. Хладнокровный въ столь трудныхъ обстоятельствахъ, Корниловъ смотрѣлъ на дѣло прямыми глазами, не увлекаясь и не отчаяваясь.

«Наши дѣла улучшаются, писалъ онъ [1]), инженерныя работы идутъ успѣшно. Укрѣпляемся сколько можемъ, но чего ожидать кромѣ позору съ такимъ клочкомъ войска, разбитаго по огромной мѣстности, при укрѣпленіяхъ, созданныхъ въ двухнедѣльное время.... Если бы я зналъ, что это случится, то конечно никогда бы не согласился затопить корабли, а лучше бы вышелъ дать сраженіе двойному числомъ врагу. Съ ранняго утра осматривалъ войско на позиціи: 6-ть резервныхъ батальоновъ и 15-ть морскихъ изъ матросовъ [2]); изъ послѣднихъ четыре пріобучены порядочно: но что будетъ, то будетъ—другихъ нѣтъ. Чтобы усилиться формируемъ еще команду изъ обоза. Можетъ завтра разыграться исторія. Хотимъ биться донельзя; врядъ ли поможетъ это дѣлу. Корабли и всѣ суда готовы къ затопленію: пускай достанутся развалины!....

VII.

Приближеніе арміи князя Меншикова къ Севастополю.—Рескрипты Императора.—Князь П. Д. Горчаковъ и его положеніе въ арміи.—Дѣятельность союзниковъ. — Первые раненые въ Севастополѣ.—Расположеніе союзной арміи.—Раздѣленіе ея на два корпуса: осадной и обсерваціонный. — Состояніе союзныхъ армій. Усиленіе севастопольскаго гарнизона. — Рекогносцировка генерала Краснова. — Блокада Евпаторіи — Составъ евпаторійскаго гарнизона.

Во все это время о кн. Меншиковѣ не было ни слуху, ни духу, въ Севастополѣ никто не зналъ гдѣ онъ находится. — Въ городѣ ходили самые разнообразные толки: одни говорили что онъ на Мекензіевой горѣ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ; другіе, что онъ отступаетъ къ Бакчисараю, наконецъ третьи утверждали, что русскія войска дрались съ союзниками въ Чоргунскомъ ущельѣ.—Конечно, ни тѣ, ни другіе не были справедливы, но всѣ сходились на томъ, что кн. Меншиковъ оставилъ Севастополь на произволъ судьбы.

---

[1]) 15-го сентября Жандръ 231.

[2]) Здѣсь не включены 3-й Тарутинскій и 2-й морской батальоны.

Мнѣніе это было вполнѣ справедливо.

Со дня сраженія на р. Алмѣ кн. Меншиковъ, въ своихъ донесеніяхъ Императору, постоянно повторялъ, что главною цѣлью его будущихъ дѣйствій будетъ обезпеченіе и защита города отъ непріятельскихъ покушеній, а между тѣмъ, покинувъ Севастополь, князь оставался неподвиженъ, до 17-го Сентября, и не имѣлъ ни какихъ извѣстій, ни о непріятелѣ, ни о положеніи гарнизона.— Чтобы получить какое либо свѣдѣніе о томъ что дѣлается въ городѣ, кн. Меншикова отправилъ въ Севастополь лейтенанта Стеценко, поручивъ ему сказать кому слѣдуетъ, что армія *дня черезъ два покажется въ виду* [1]).

Пройдя всю ночь по глубокимъ и лѣсистымъ балкамъ, Стеценко на утро 16-го Сентября прибылъ въ Севастополь и явился къ Корнилову.—Послѣдній, въ подтвержденіе своихъ словъ сказанныхъ, войскамъ наканунѣ, объѣхалъ съ посланнымъ князя Меншикова всю оборонительную линію.

«Всѣ разспрашивали меня, пишетъ Стеценко, что дѣлаетъ армія, гдѣ она, зачѣмъ ушла изъ Севастополя въ такое время, а адмиралъ (Корниловъ) въ ободреніе гарнизона говорилъ, что я привезъ извѣстіе изъ арміи о прибытіи новыхъ подкрѣпленій.

На слѣдующее утро лейтенантъ Стеценко отправился обратно въ главную квартиру.

Между тѣмъ находившійся въ авангардѣ генералъ-маіоръ Жабокритскій, получивши свѣдѣніе о переходѣ непріятеля на южную сторону, послалъ разъѣзды къ рр. Качѣ, Бельбеку и два эскадрона гусаръ съ двумя сотнями казаковъ къ Мекензіевой горѣ. Извѣстія доставлены разъѣздами подтвердили справедливость слуховъ о движеніи непріятеля. Тогда кн. Меншиковъ рѣшился двинутся со своими войсками къ сѣверной сторонѣ Севастополя, и 17-го сентября расположился на высотахъ между Севостополемъ и Бельбекомъ. Все еще сомнѣваясь въ совершенномъ оставленіи непріятелемъ сѣверной стороны города, князь Меншиковъ призвалъ къ себѣ поручика гусарскаго Саксенъ-Веймарскаго полка Липтварева и передалъ ему скатанную въ шарикъ записку своего адъютанта Барона Виллебранта, къ Корнилову, съ просьбою перевезти всѣ полковые обозы на сѣверную сторону города, куда и обѣщался прибыть съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня. Снабдивъ Липтварева проводникомъ, кн. Меншиковъ приказалъ ему отправиться въ Се-

---

[1]) Рукописи о севастоп. оборонѣ т. I. 223.

вастополь, и, въ случаѣ если попадетъ въ плѣнъ, то проглотить записку. Литтваревъ исполнилъ порученіе и принесъ въ главную квартиру извѣстіе, что путь къ сѣверной сторонѣ совершенно свободенъ [1]).

Съ ранняго утра слѣдующаго дня пароходы и гребныя суда съ трехъ южныхъ пристаней перевозили обозы нашей арміи съ южной стороны города на сѣверную, а вдали приближались войска тянувшіеся по дорогѣ отъ Инкермана. Малочисленный Севастопольскій гарнизонъ съ радостію смотрѣлъ на подходившія къ нему подкрѣпленія. Около двухъ часовъ пополудни кн. Меншиковъ пріѣхалъ на Сѣверную сторону города и остановился на батареѣ № 4-го.

Встрѣтившись съ Корниловымъ князь жаловался на малочисленность своихъ войскъ и считалъ непріятеля гораздо сильнѣе, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ. Онъ говорилъ что хочетъ опять оставить Севастополь, и, предоставивъ его собственнымъ средствамъ предпринять новое движеніе, но какое онъ не высказывалъ.

— Если это будетъ замѣтилъ Корниловъ, то прощай Севастополь. Если только союзники рѣшатся на что нибудь смѣлое, то они насъ задавятъ, Держаться съ войсками въ Севастополѣ весьма можно и держаться долго; но безъ войскъ дѣло другое.

Князь обѣщалъ созвать военный совѣтъ, но потомъ измѣнилъ свое намѣреніе и военнаго совѣта не созывалъ. Повидимому онъ не рѣшилъ еще тогда, что ему предпринять и какъ дѣйствовать

«Самый важный вопросъ здѣсь въ настоящую минуту, писалъ онъ кн. Долгорукову [2]), состоитъ въ томъ, чтобы знать будутъ-ли состоящія подъ моимъ начальствомъ войска употреблены для защиты мѣста (города), или должны быть готовыми къ полевымъ дѣйствіямъ. Числительное превосходство нашихъ противниковъ и ихъ войска пріученныя къ войнѣ, даютъ имъ значительный перевѣсъ, коего предвидѣніе вѣроятно заставитъ меня слѣдовать первому предположенію. Я не приступлю однакоже къ этому какъ по зрѣломъ

[1]) Арбузовъ. Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ (рукоп.)

[2]) La grande question du moment ici est de savoir si les troupes sous mes ordres seront employées à la défense de la place ou à tenir la campagne. — La supériorité numérique de nos adversaires et leurs troupes aguerries, leur donnent des chances favorables dont la prévision me portera probablement à suivre le premier de ces partis. — Je ne le ferai cependant qu'après un mur examen de la situation; en attendant, je suis à portée de soutenir la garnison». — (Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 18 сент. 1854 г. Воен. учен. арх. дѣло № 4254 ч. II).

обсужденіи положенія дѣлъ: пока я въ состояніи поддержать гарнизонъ».

Недовольство все еще отражалось на лицѣ и во всѣхъ поступкахъ кн. Александра Сергѣевича. Онъ съ недовѣрчивостію встрѣчалъ всѣхъ лицъ пріѣзжавшихъ въ главную квартиру, въ особенности флигель-адъютантовъ присылаемыхъ изъ Петербурга. На послѣднихъ онъ смотрѣлъ какъ на тайныхъ наблюдателей за его дѣйствіями [1]) и старался пріискать имъ занятія внѣ главной квартиры, поручая наблюденіе за госпиталями, подвозкою пороха, продовольствія и проч.

Князь не отвѣчалъ на письма и вопросы кн. М. Д. Горчакова и почти ничего не доносилъ въ Петербургъ.

«Ты какъ скупъ на подробности, писалъ Императоръ, что я никакъ не въ состояніи судить о настоящемъ положеніи твоемъ, ни обороны Севастополя..... [2])

«Газеты иностранныя полны офиціальныхъ донесеній про сраженіе на р. Алмѣ, тогда какъ отъ тебя, кромѣ четырехъ строкъ и словесныхъ разсказовъ Грейга и Альбединскаго, я ничего неполучилъ. Требую подробнаго и правдиваго донесенія: стыдно, что я не въ состояніи о сю пору ничего отвѣчать на всѣ эти реляціи голосомъ истины; и здѣсь наше молчаніе никому, и справедливо непонятно, а мнѣ тягостно. Пора этому положить конецъ [3])»

Теперь долженъ тебѣ откровенно признаться, писалъ въ третій разъ въ Бозѣ почившій Императоръ [4]), что, писавъ тебѣ уже не разъ про необходимость мнѣ знать, что происходитъ и прождавъ цѣлый мѣсяцъ подробнаго донесенія о сраженіи при Алмѣ, мнѣ крайне было странно и непріятно вчера ничего подобнаго неполучить отъ тебя, вопреки даннаго мною тебѣ приказанія.... Ты меня ставишь въ лицѣ Россіи въ самое непріятное положеніе, ибо всякій знаетъ мою откровенность и что не въ обычаѣ моемъ скрывать истину, какъ бы ни была горька. Теперь же никто не понимаетъ причины моего страннаго и никому не понятнаго молчанія, тогда какъ всѣ иностранныя газеты полны самыхъ мелочныхъ подроб-

---

[1]) «Я чувствовалъ, доносилъ ротмистръ Шеншинъ, что чѣмъ болѣе сокращу свое пребываніе въ главной квартирѣ, тѣмъ скорѣе избѣгну случая подать поводъ къ тому, что я пріѣхалъ наблюдателемъ.» Арх. канц. воен. министерства д. № 111.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову отъ 27 сент. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

[3]) Отъ 3-го октября тамъ же.

[4]) Отъ 10-октября тамъ же.

ностей всего, что происходило у непріятеля и частію у насъ. Мы же все молчимъ, даже не въ состояніи отвѣчать на все это. Никто не подозрѣваетъ, что причиной сему то, что я самъ отъ тебя ничего незнаю, какъ словесно. Сознайся, любезный Меншиковъ, что тутъ нѣтъ приличія и что на тебя не похоже ставить меня въ столь непріятное положеніе. И такъ въ послѣдній разъ прошу и приказываю тебѣ писать мнѣ подробно все. Мнѣ о чиому подобаетъ рѣшить что, подлежитъ тайнѣ или слѣдуетъ сдѣлать гласнымъ, а никому другому».

Во всѣхъ рѣчахъ кн. Меншикова было что то безотрадное: видно было, что онъ не довѣряетъ ни начальникамъ, ни войскамъ. Князь впрочемъ, не скрывалъ своего мнѣнія и позволялъ себѣ нѣкоторыя выходки оскорбительныя для тѣхъ, которые грудью своею заслонили Севастополь на Алмѣ, тамъ же сохранили ему доброе имя и безропотно переносили всѣ лишенія.

Командующій войсками не стѣснялся въ обвиненіяхъ и всѣ неудачи сваливалъ на своихъ подчиненныхъ и на войска.

«Князь Михаилъ Горчаковъ, писалъ кн. Меншиковъ [1]), назначилъ полковника Батезатула сопровождать генерала К. для покрѣпленія, какъ онъ думаетъ, сомнительной способности этого генерала. Къ несчастію это выраженіе можетъ прилагаться ко многимъ другимъ .... Я приказалъ ежедневно дѣлать вылазки изъ Севастополя небольшими партіями, нестолько для того, чтобы безпокоить ими непріятеля, сколько для того, чтобы пріучать войска къ огню, ибо приходишь въ отчаяніе, когда видишь смущеніе производимое непріятельскими снарядами, которые тѣтаютъ надъ головами батальоновъ не касаясь ихъ».

Возводя такое обвиненіе на войска, кн. Александръ Сергѣевичъ поселившійся на сѣверной сторонѣ города, видѣлъ, однако же, что по ту сторону рейда смотрятъ на тѣ же войска совершенно иначе, что тамъ всѣмъ извѣстны, «удалые подвиги нашихъ» солдатъ: боцмана 32-го экипажа Хапюты, двухъ казаковъ № 67-го полка,

[1]) Le Prince M. Gortchakoff a chargé le colonel Batesatoul d'accompagner le general K. pour parer, comme il pense, aux inconvénients d'une capacité douteuse de ce général. — Malheureusement cette expression pourrait s'appliquer à beaucoup d'autres... J'ai ordonné de faire sortir journellement de petites troupes de Sevastopol, non pas tant pour inquiéter l'ennemi que pour les aguerrir au feu, car il est désespérant de voir les émotions produites par les boulets ennemis qui passent par dessus la tête des bataillons sans pourtant les toucher. — (Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову отъ 21 сентября 1854 г. Воен учен. арх дѣло № 4254. ч. II).

разъѣзда гусаръ, цѣпи 34-го экипажа, унтеръ-офицера Бутырскаго полка Лапина, Минскаго полка унтеръ-офицера Никифора Петрова съ 8-ю человѣками, 45-го экипажа унтеръ-офицера Петренко и многихъ другихъ. Эти подвиги не могли оставаться не замѣченными тѣми, кто стоялъ у дѣла и понималъ его.

«Вчера, писалъ Корниловъ въ приказѣ по гарнизону, былъ въ Севастополѣ флигель-адъютантъ Государя Императора отправляющійся въ С. Петербургъ. Царь нетерпѣливо желаетъ знать все о приступѣ враговъ къ дорогимъ для него городу и флоту Черноморскому. Я поручилъ доложить Его Величеству, что войска рвутся сразиться и на всякомъ шагу выказывать свою удаль, что они, по примѣру отцевъ, не хотятъ и знать о числѣ непріятелей, а обѣщаютъ отстоять довѣренное имъ Государемъ сокровище.»

Послѣ такихъ словъ кн. Меншикову не оставалось нечего болѣе какъ подтвердить слова Корнилова; нѣсколько дней спустя послѣ вышеприведеннаго письма онъ писалъ: «духъ въ войскахъ поднялся и имѣю надежду что они будутъ драться хорошо [1]).»

Такое противорѣчіе съ самимъ собою составляло въ этотъ промежутокъ времени, особенность командующаго войсками. Меншиковъ, послѣ высадки союзниковъ, былъ далеко не тотъ князь Александръ Сергѣевичъ, которымъ его знали и видѣли у Анапы и подъ Варною въ 1829 г. не тотъ, какимъ онъ былъ до появленія непріятеля, не тотъ, который предвидѣлъ многія обстоятельства и почти совершенно точно указалъ мѣсто высадки. Теперь это былъ человѣкъ подавленный силою обстоятельствъ, не довѣрчивый до крайности, недовольный своимъ положеніемъ и всѣми окружающими.

«Что чрезвычайно тяжело было узнать, писалъ князь Долгоруковъ [2]) въ отвѣтъ на письмо кн. Меншикова, такъ это то, что вы мало увѣрены въ искусствѣ вашихъ генераловъ и даже сомнѣваетесь въ храбрости вашихъ войскъ. Понятно, что подобное убѣжденіе должно не благопріятно отозваться на всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженіяхъ».

Богъ не проститъ князю Александру Сергѣевичу, за несправедливое обвиненіе русскаго солдата, не проститъ за укоръ, что войска дрались дурно [3]).

---

[1]) L'esprit des troupes est remonté et j'ai l'espoir qu'elles se batteront bien. Письмо князя Меншикова князю Долгорукову отъ 3-го октября 1854 года.

[2]) Князю Меншикову отъ 30-го сентября 1854 г. Воен. учен. арх. дѣло № 4254 ч. II.

[3]) Письмо кн. Меншикова Воен. Министру отъ 24 сентября 1854 г. тамъ же.

Князь Меншиковъ жаловался что у него нѣтъ штаба, говорилъ что всѣхъ лицъ его главной квартиры можно пересчитать по пальцамъ, а между тѣмъ самъ онъ никого не просилъ о сформированіи штаба. Правда, онъ ходатайствовалъ о назначеніи къ нему отдѣльныхъ лицъ, которыя тотчасъ же и назначались. Вельможа стяжавшій себѣ славу дипломата, воина и администратора, князь Александръ Сергѣевичъ извѣстный всему мыслящему русскому міру своимъ широкимъ умомъ, смотрѣлъ на учрежденія штабовъ съ усмѣшкою.

— Обойдемся, отвѣчалъ онъ обыкновенно на предложеніе организовать штабъ въ полномъ его составѣ.

Такой взглядъ, какъ и все оригинальное, встрѣчался многими съ особымъ восторгомъ.

— Ай-да князь Александръ Сергѣевичъ, кричали они, вотъ баринъ-то—все самъ.

Въ такомъ взглядѣ хотѣли видѣть желаніе трудиться лично, не взваливая на другихъ, желаніе видѣть огромныя способности, обширныя умственныя и физическія средства кн. Меншикова. Это было-бы вполнѣ справедливо, но не при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ теперь находился. Князь Меншиковъ самъ былъ убѣжденъ въ необходимости сформированія штаба, но упорно молчалъ и кто знаетъ, можетъ быть въ ожиданіи, что другіе предложатъ ему то, что самъ просить считалъ щекотливымъ. Онъ не ошибся въ своихъ ожиданіяхъ; и тутъ ему на выручку явился князь М. Д. Горчаковъ, обратившійся объ этомъ съ просьбою къ военному министру кн. Долгорукову. «Я писалъ ему, говоритъ онъ въ одномъ изъ писемъ кн. Меншикову [1]), чтобъ организовалъ для васъ родъ сухопутнаго штаба, потому что невозможно командовать, кормить и снабжать всѣмъ необходимымъ 100 тыс. человѣкъ, съ тремя или четырьмя офицерами, которыя у васъ находятся».

Конечно огромный штабъ составляетъ бремя и вредъ для арміи, по русской пословицѣ у семи нянекъ дитя всегда безъ глазу, но и отсутствіе штаба у князя Меншикова привело его ко многимъ упущеніямъ и прежде всего къ тому, что среди окружающихъ его лицъ, онъ не находилъ почти ни кого съ кѣмъ бы могъ посовѣтываться, на кого могъ бы положиться. Онъ сознавалъ теперь что иногда человѣкъ бываетъ поставленъ въ такое положеніе, что едва успѣваетъ только приказывать и требовать исполненія своихъ при-

---

[1]) Отъ 3-го Октября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II.

знаній, что въ такихъ случаяхъ необходимо раздѣлить трудъ, довѣриться людямъ, пользоваться ихъ совѣтами и не пренебрегать поговоркой: умъ хорошъ, а два еще лучше.

Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ былъ единственнымъ лицомъ пользовавшимся расположеніемъ командующаго войсками и заслужившимъ его довѣріе.

— Je n'ai un seul général, говорилъ князь Меншиковъ, outre le Prince Gortchakoff, mais à nous deux nous avons 140 ans, et si nous sommes malades ou blessés je ne sais ce qui en sera [1]).

— Le vieux Gortchakoff, писалъ онъ [2]), qui me seconde bien loyalement et moi, nous suffisons à peine pour le courant des dispositions à faire.

Не смотря однакоже на такое довѣріе князя Александра Сергѣевича, кн. Горчаковъ былъ недоволенъ своимъ положеніемъ. Онъ считался начальникомъ всѣхъ войскъ расположенныхъ въ окресностяхъ Севастополя [3]), но на дѣлѣ имъ вовсе не былъ. Кн. Меншиковъ, сохраняя съ нимъ самыя лучшія личныя отношенія, не желалъ чтобы онъ пріобрѣлъ въ арміи дѣйствительное значеніе отдѣльнаго начальника, хотя и подчиненнаго ему, но всетаки имѣющаго свой опредѣленный кругъ дѣйствій. Меншиковъ постоянно совѣтовался съ кн. Горчаковымъ, но распоряжался прямо отъ себя и весьма часто не сообщая даже ему объ отданныхъ приказаніяхъ. Такое двусмысленное положеніе, быть начальникомъ по названію и не имѣть въ сущности никакой дѣятельности, тяготило кн. Горчакова и дѣлало его недовольнымъ своимъ положеніемъ. Замѣтивъ это неудовольствіе кн. Меншиковъ, самъ находившійся при войскахъ на сѣверной сторонѣ, какъ бы въ доказательство своего расположенія и полнаго довѣрія отдалъ новый приказъ, которымъ назначилъ кн. Горчакова командующимъ какъ всѣми безъ исключенія войсками дѣйствующаго отряда, такъ и вновь прибывающими къ Севастополю.

[1]) Я не имѣю ни одного генерала кромѣ кн. Горчакова, но намъ обоимъ вмѣстѣ 140 лѣтъ, и если мы заболѣемъ или будемъ ранены, я незнаю что тогда будетъ Письмо Ротм. Шеншина воен. минис. 24 сентяб 1854 г. № 1-й Арх. канц. воен. минис. д. № 111.

[2]) Старый Горчаковъ, который помогаетъ мнѣ очень честно, и я едва успѣваемъ дѣлать текущія распоряженія. Письмо кн. Меншикова воен. минис. отъ 18-го сентяб. Воен. учен. арх. д. № 4254 ч. II.

[3]) Приказаніе по дѣйствующему отряду на 10-е сентября 1854 г. Архивъ Главнаго Штаба.

«Объявляя о семъ по ввѣреннымъ мнѣ войскамъ, писалъ онъ, предписываю всѣмъ начальникамъ дѣйствующаго отряда—всѣ приказанія генерала кн. Горчакова исполнять какъ бы мои».

Положеніе дѣлъ отъ этого нисколько не измѣнилось.

Находясь самъ безотлучно при войскахъ дѣйствующаго отряда, кн. Меншиковъ оставлялъ кн. Горчакова безъ всякой дѣятельности и тѣмъ заставилъ послѣдняго просить ввѣрить его начальству хотя самый ничтожный отрядъ, но съ тѣмъ чтобы быть дѣйствительнымъ его начальникомъ. Но кн. Меншиковъ отстранялъ эти желанія, старался не замѣчать ихъ и повидимому не хотѣлъ разлучаться съ кн. Горчаковымъ, чтобы имѣть на кого опереться въ трудныхъ обстоятельствахъ.

Обстоятельства эти не были еще такъ трудны, какъ казались они самому главнокомандующему. Севастополь безъ его участія пережилъ уже трудныя минуты и теперь, съ приходомъ войскъ считалъ свое положеніе на столько обезпеченнымъ, что могъ бороться съ непріятелемъ и если не отстоять совершенно городъ, то отсрочить его паденіе на довольно продолжительное время.

Отсутствіе рѣшимости и энергіи союзниковъ было ручательствомъ за нѣкоторый успѣхъ въ дѣлѣ обороны.

Занявъ треугольникъ образуемый ущельемъ Черной рѣчки, Балаклавою и Херсонесскимъ маякомъ, англо-французы въ теченіи двухъ дней оставались на прежнихъ своихъ позиціяхъ и занимались только одними рекогносцировками. Аванпосты и кавалерійскіе разъѣзды ихъ еще 15-го сентября появились въ виду города, на Симферопольской и Балаклавской дорогахъ, а вслѣдъ затѣмъ французы показались на высотахъ противъ Балаклавской дороги и близъ хуторовъ Сарандинакина и Хомутова. Они расположились на возвышенностяхъ къ Юго-Западу отъ бастіона № 4-го, между дорогами въ Балаклаву и Георгіевскій монастырь. Въ то же самое время суда французской эскадры заняли Камышевую и Казачью бухты.

17-го сентября, изъ Севастополя видно было что непріятель расположился въ двухъ лагеряхъ: одинъ раскинутъ былъ на лѣсистой высотѣ, надъ хуторомъ Хомутова, а другой,—на высотѣ противъ старой Балаклавской дороги. Около полудня одинъ изъ непріятельскихъ отрядовъ двинулся по направленію къ маяку и соединился съ пароходами [1]).

По приказанію генералъ-адъютанта Корнилова по непріятель-

---

[1]) Письмо журналъ Корнилова отъ 17 сентября Жандръ 234.

скимъ лагерямъ былъ открытъ огонь съ батарей, бастіоновъ и съ корабля «Ягудіилъ» поставленнаго въ глубинѣ южной бухты. Снаряды съ послѣдняго и съ бастіона № 4-го ложились такъ далеко, что непріятель принужденъ былъ отодвинуться нѣсколько назадъ.

Въ тотъ же день, около трехъ часовъ пополудни, три непріятельскихъ парохода и винтовая шкуна подошли съ Александровской батареи и открыли огонь бомбами. Батарея № 10-го, Александровская и Константиновская отвѣчали имъ. Часа черезъ полтора стрѣльба прекратилась и непріятель отошелъ не причинивъ намъ никакого вреда. Снаряды съ пароходовъ большею частію не попадали въ цѣль: то не долетали, то перелетали и только одна коническая бомба, пущенная съ винтовой шкуны, разбила на батареѣ № 10-го одинъ лафетъ и ранила двухъ человѣкъ. Это были первые раненые въ Севастополѣ.

На слѣдующее утро, 18-го сентября, почти на всѣхъ высотахъ окружающихъ городъ видно было движеніе небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ. Одинъ изъ нихъ появился противъ Малахова кургана, но на весьма дальнемъ разстояніи. Замѣтно было, что производя рекогносцировку, непріятель въ то же время слѣдилъ за нашими войсками, показавшимися на Бельбекскихъ высотахъ. Спустя нѣкоторое время 4-я французская дивизія, подъ начальствомъ генерала Форе, подвинулась вправо и остановилась лагеремъ между Сарандинакиною балкою и Стрѣлецкою бухтою. Въ этотъ день непріятельскій флотъ двигался съ Качи къ Херсонесу, причемъ французы завладѣли всѣми бухтами.

Съ занятіемъ бухтъ Херсонесскаго полуострова взаимное положеніе союзныхъ армій вполнѣ опредѣлилось. Французы приняли на себя атаку Городской, а англичане—Корабельной стороны. Сообразно съ такимъ рѣшеніемъ и обѣ арміи союзниковъ были раздѣлены на два корпуса: осадный и обсерваціонный. Въ составъ осаднаго корпуса французской арміи вошли 3-я и 4-я пѣхотныя дивизіи начальство надъ которыми было ввѣрено генералу Форе. Послѣдній, остановившись верстахъ въ трехъ отъ города, расположилъ свой лагерь отъ Стрѣлецкой бухты до Сарандинакиной балки, слѣдовательно противъ 7, 6, 5 и 4-го бастіоновъ. На лѣвомъ флангѣ упираясь въ Стрѣлецкую бухту стала четвертая, а на правомъ, примыкая къ Сарандинакиной балки, третья пѣхотныя французскія дивизіи; позади послѣдней были устроены два парка инженерный и артиллерійскій,—а за парками расположилась главная квартира французской арміи.

Правѣе французовъ до самой Черной рѣчки, противъ Инкермана, расположились англичане, также не ближе трехъ верстъ отъ города. Непосредственно къ французамъ, у Сарандинакиной балки, примыкала 3-я англійская дивизія Пигленда, правѣе ее стала 4-я дивизія Каткарта и легкая Броуна. На обрывахъ Сапунъ горы противъ Инкермана, видна была 2-я дивизія Лесси Ивенса. Вторую линію англичанъ, составляли: 1-я дивизія герцога Кембриджскаго, часть англійской кавалеріи, инженерный и артиллерійскіе парки расположенные позади легкой дивизіи Броуна

Для обезпеченія осадной арміи отъ нападеній нашихъ войскъ, со стороны Балаклавской равнины и долины Черной рѣчки, назначался обсерваціонный корпусъ составленный изъ 1-й и 2-й французскихъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ резервныхъ конныхъ батарей, подъ общимъ начальствомъ генерала Боске. Расположившись на трудно доступныхъ обрывахъ Сапунъ горы, Боске сталъ фронтомъ къ Балаклавѣ и къ Федюхинымъ горамъ, имѣя правѣе себя восемь батальоновъ турецкой арміи, составлявшей общій резервъ, какъ обсерваціоннаго такъ и осаднаго корпусовъ союзниковъ.

Размѣстившись такимъ образомъ союзники приступили къ выгрузкѣ съ судовъ боевыхъ припасовъ, орудій и другихъ матеріаловъ необходимыхъ для осады. Англичане выгружали ихъ изъ Балаклавской гавани, а французы — изъ бухтъ Херсонесскаго полуострова.

Прошло нѣсколько дней, а въ непріятельскомъ лагерѣ не замѣтно было никакой перемѣны, точно будто пришли они полюбоваться на Севастополь и посмотрѣть на изумительную дѣятельность, съ которою возводились укрѣпленія.

Не рѣшаясь двинуться на штурмъ, англо-французы предпочли правильную осаду, для открытія которой необходимы были продолжительныя приготовленія. Все потребное для войскъ находилось на судахъ, выгрузка которыхъ отнимала много времени. Первое время какъ французы, такъ и англичане нуждались почти во всемъ: они вышли на берегъ съ тѣмъ, что могли поднять на себѣ, совершили свое движеніе на южную сторону налегкѣ, можно сказать въ однихъ только мундирахъ, которыхъ не снимали въ теченіи нѣсколькихъ дней: въ нихъ дѣлали переходы, въ нихъ сражались, въ нихъ и спали.

Запасъ продовольствія истощился и потому утвердившись въ Балаклавѣ и на Херсонесскомъ полуостровѣ, союзники прежде всего должны были позаботиться объ обезпеченіи себя жизненными по-

требностями, необходимыми для сбереженія здоровья войскъ и безъ того уже ослабленныхъ различнаго рода болѣзнями.

Холера въ особенности производила значительное опустошеніе въ союзныхъ арміяхъ. По свидѣтельству многочисленныхъ иностранныхъ корреспондентовъ, со времени высадки союзниковъ съ 1-го и по 23-е сентября, т. е. въ теченіе трехъ недѣль они потеряли, только отъ одной холеры, столько же людей, сколько было убито въ дѣлѣ на р. Алмѣ. У однихъ англичанъ ежедневно заболѣвало по 150 и болѣе человѣкъ. Причиною столь большаго развитія болѣзни въ англійской арміи было неудовлетворительное состояніе интендантской части. Попеченіемъ его войска были обезпечены лишь на столько чтобы не умереть отъ голода. Во французской арміи, гдѣ части интендантская и медицинская были устроены лучше и число заболѣвающихъ было значительно менѣе. Но и здѣсь лишенія, встрѣчаемыя на каждомъ шагу ослабляли войска, ощущавшія недостатокъ во всемъ необходимомъ.

Продовольствіе англо-французовъ было не обильно; матеріальныя средства также весьма скудны. До 22-го сентября англійскія войска не имѣли палатокъ, солдаты и офицеры проводили сырыя и весьма холодныя ночи на чистомъ воздухѣ. Бивуачная жизнь подъ открытымъ небомъ вредно дѣйствовала на союзниковъ. «Едва-ли найдется хоть одинъ офицеръ, писали въ англійскихъ газетахъ, который былъ бы совершенно здоровъ. Кто не страдаетъ отъ припадковъ холеры и простуды, у того навѣрное ревматизмъ. Надо сказать правду—британская армія много потерпѣла».

Надежды на скорое поправленіе къ лучшему не было. Транспортныя суда, слѣдовавшія съ грузомъ изъ Турціи, принуждены были бороться съ бурями; многія изъ нихъ погибли не достигнувъ назначенія, другія приходили только съ частью груза, похоронивъ остальной въ волнахъ Чернаго моря. Такъ англичане въ разное время и на разныя суда посадили въ Турціи триста лошадей, а привезли въ Крымъ только двѣ [1]).

Опасеніе, что бури могутъ прекратить подвозъ, заставляло союзниковъ отправлять все въ большомъ количествѣ, въ особенности съѣстные припасы. Но и эта мѣра немного помогала дѣлу, по крайней мѣрѣ въ первое время утвержденія ихъ на южной сторонѣ Севастополя. Запасъ снарядовъ у союзниковъ былъ недостаточенъ, туры и фашины пріобрѣтались съ большимъ затрудненіемъ; съѣст-

[1]) Матеріалы вып. III, 224 и 225.

ные припасы сильно вздорожали. За свѣчу англичане платили по 2 шиллинга (60 коп.), за бутылку водки 17-ть шиллинговъ (5 р. 10 к.), а за старое истертое одѣяло 2 ф. 10 шиллинговъ (15 р. сер.). Балаклава представляла собою видъ грязнаго города. Двѣ ея улицы — единственное ровное мѣсто между моремъ и крутыми скалами — были завалены телегами, военными снарядами, продовольственными и медицинскими припасами. Городъ былъ переполненъ больными и, скитавшимися грязными и голодными, турками

Высаженныя почти безъ всякаго запаса продовольствія, турки по собственнымъ ихъ показаніямъ, со времени дѣла на р. Алмѣ и до 10-го октября (28-го сентяб.) получили только по нѣскольку сухарей на человѣка. Они бродили по англійскому лагерю и подбирали объѣдки солдатской пищи. Эти несчастные были въ такомъ положеніи, что считали лучшимъ для себя исходомъ дезертировать изъ арміи и передавались въ наши руки заразъ по нѣскольку человѣкъ. Передавшіеся были убѣждены что ни гдѣ не можетъ быть хуже чѣмъ у нихъ и что всякая перемѣна въ ихъ положеніи приведетъ къ лучшему.

Ослабленіе союзной арміи болѣзнями и лишенія испытываемыя ею, подали впослѣдствіи поводъ главнокомандующемъ, свалить на нихъ всю вину и выставить ихъ причиною медленности, съ которою они приступали къ осадѣ города. Нельзя не замѣтить, что англичане встрѣчали въ этомъ гораздо болѣе затрудненій чѣмъ французы, потому что лагерь англійскихъ войскъ находился значительно далѣе отъ моря, чѣмъ французскихъ. Англичанамъ приходилось выгружать свои орудія и осадныя принадлежности въ Балаклавѣ и потомъ тащить ихъ въ лагерь расположенный вдали отъ города. Всѣ средства перевозки, всѣ возможныя повозки, а въ особенности руки и спины, англійскихъ солдатъ и матросъ, были употреблены въ дѣло, для доставки въ лагерь орудій, снарядовъ, туровъ и проч. Это очень изнуряло войска не привыкшія къ подобнымъ лишеніямъ. «Всѣ наши солдаты очень исхудали, писалъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ [1]); пыль и потъ накопившіеся на нихъ въ теченіе долгаго времени, придаютъ имъ самый невзрачный видъ. Платья ихъ, которыхъ они не перемѣняли уже нѣсколько недѣль, невозможно и отчистить. Какъ прикажете мыться когда воды такъ мало, что и пить нечего? [2])» Стаканъ воды продавался по три шиллинга (90 коп.).

---

[1]) Матер. вып. III, 259.

[2]) Матер. вып. III стр. 259.

Недостатокъ въ водѣ былъ слишкомъ ощутителенъ. Офицеры, не говоря уже о солдатахъ, по цѣлымъ недѣлямъ не мыли лица, не мѣняли бѣлья и были похожи, по выраженію ихъ соотечественниковъ, на вороньихъ пугалъ. Одежда и бѣлье плѣнныхъ, въ особенности англичанъ, были въ отвратительномъ видѣ. Вообще въ карманахъ британцевъ было много золота, но удобства для жизни никакого. Не удивительно послѣ того, что не только осадныя работы, но и самое приготовленіе къ нимъ шло весьма медленно, что союзники сами давали намъ средство оглядѣться, исправить старые грѣхи и прорѣхи и, укрѣпившись по мѣрѣ возможности, встрѣтить врага должнымъ образомъ.

Князь Меншиковъ оставивъ свое намѣреніе вновь уйти изъ Севастополя, рѣшился остаться на сѣверной сторонѣ и подкрѣпить южную тремя полками 17-й пѣхотной дивизіи: Московскимъ, Бородинскимъ, 3-мя батальонами Тарутинскаго полковъ [1]) и двумя легкими № 4-го и № 5-го батареями 17-й артиллерійской бригады.

Съ утра 19-го сентября четыре парохода перевозили эти полки въ городъ, изъ котораго многіе жители, воспользовавшись открытіемъ сообщенія, спѣшили удалиться въ глубь Крыма или уѣхать въ южныя губерніи Россіи. Севастополь видимо пустѣлъ: обозы съ имуществомъ тянулись длинною вереницею по направленію къ Бахчисараю и въ скоромъ времени вся дорога, до самаго Перекопа, была запружена телегами нагруженными домашнею утварью, дѣтьми и женщинами. Это было полное переселеніе почти что цѣлаго довольно многолюднаго города, торопившагося укрыться отъ опасности и избѣжать отъ плѣна весьма возможнаго въ ихъ положеніи.

Переселенцы ѣхали на лошадяхъ, волахъ и даже на верблюдахъ, женамъ и семействамъ не богатыхъ офицеровъ выдавались средства на выѣздъ изъ города. Покидавшіе Севастополь разъѣзжались въ разныя стороны: одни оставались на время въ Симферополѣ, другіе достигали до Перекопа, Николаева, а иные и далѣе въ сосѣднія губерніи. Переселенцы разносили теперь болѣе утѣшительныя и успокаивающія извѣстія.

«Грустно и тяжело было въѣхать въ Крымъ, писалъ Преосвященный Иннокентій [2]), находя вездѣ безурядицу и упадокъ духа,

---

[1]) Четвертый батальонъ этого полка еще ранѣе былъ въ составѣ Севастопольскаго гарнизона.

[2]) Генералу Анненкову. Арх. канц. воен. минис дѣло № 78.

но изъ Крыма уже можно было выѣхать съ лицемъ не печальнымъ, и не безъ твердой надежды. Если видимо было, что дѣло наше доходило до крайности, то ощутительно также было, что верхъ кризиса уже пройденъ, что солнце поворотило на насъ. — съ зимы на лѣто».

Съ переправою на южную сторону трехъ полковъ 17-й пѣхотной дивизіи въ распоряженіи самаго кн. Меншикова осталась только одна слабая по составу 16-я пѣхотная дивизія, два полка 14-й пѣхотной дивизіи, два черноморскихъ казачьихъ пѣшихъ батальона и одинъ Черноморскій резервный линейный батальонъ. Вся численность этого отряда простиралась до 15,534 человѣкъ [1]).

Очевидно что съ этими войсками нельзя было предпринять никакого наступательнаго движенія и слѣдовательно кн. Меншиковъ силою обстоятельствъ, прикованный къ Севастополю, принужденъ былъ ограничиваться только подкрѣпленіемъ гарнизона южной стороны и пополненіемъ его убыли. Онъ имѣлъ возможность располагать лишь одною кавалеріею, которая, оставаясь свободною, могла быть употреблена для наблюденія за непріятелемъ, для обезпеченія собственныхъ сообщеній и отчасти для успокоенія края.

Для наблюденія за непріятелемъ и пресѣченія сообщенія его съ татарами необходимо было содержать Евпаторію въ тѣсной блокадѣ. Съ этою цѣлью генералъ-лейтенанту Корфу, слѣдовавшему въ въ Крымъ съ 32-мя эскадронами резервной Уланской дивизіи и батареею артиллеріи, было послано на встрѣчу приказаніе: по прибытіи къ Перекопу идти къ г. Евпаторіи стараться прогнать оттуда непріятеля, водворить порядокъ между жителями и наблюдать за сообщеніемъ между Симферополемъ и Перекопомъ [2]).

Между тѣмъ нѣсколько ранѣе прибытія Уланской дивизіи, князь Меншиковъ отправилъ въ Евпаторійскій уѣздъ генерала Краснова съ казачьимъ полкомъ.

Назначивъ Краснова 2-го, походнымъ атаманомъ казачьихъ войскъ въ Крыму расположенныхъ, Хомутовъ писалъ кн. Меншикову что «генералъ сей весьма надежный, славный, боевой, служилъ и дрался во всѣхъ углахъ».

Краснову приказано было взять изъ Маріуполя и станицы Ново-

---

[1]) Арх. канц. воен. минис. по снаряж. войскъ дѣло № 110—а.

[2]) Предписаніе кн. Меншикова генер. Корфу отъ 19 сентября № 1205. Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 20-го сентября № 1207. Воен. учен. арх. дѣла № 3331 и № 3346.

николаевской (на кривой косѣ) два полка № 55 и 61 и слѣдовать съ ними въ Крымъ [1]). На дорогѣ Красновъ получилъ приказаніе кн. Меншикова вступивъ на Крымскій полуостровъ обезпечить сообщеніе между Симферополемъ и Перекопомъ и привести жителей къ покорности, въ особенности въ Евпаторійскомъ уѣздѣ.

«Непріятель, писалъ кн. Меншиковъ [2]), высадивъ войска свои между Евпаторіею и р. Алма, съ передвиженіемъ своимъ впередъ, вѣроятно оставилъ свое депо. Угроженіе и даже самое нападеніе было бы полезно».

Пройдя Чонгарскій мостъ, Красновъ направилъ полкъ № 55 на Перекопъ, а № 61, съ которымъ самъ слѣдовалъ,—на соединеніе съ Крымскою арміею. Здѣсь онъ получилъ приказаніе присоединить къ себѣ двѣ сотни № 67-го полка, слѣдовать съ ними къ Евпаторіи для рекогносцировки и оттуда пройти вдоль морскаго берега къ сѣверной сторонѣ Севастополя.

Красновъ встрѣтилъ эту часть мѣстности совершенно раззоренною. Татары покинули свои дома, и, захвативши съ собою часть имущества, бѣжали къ непріятелю. Въ окрестности Сарыбулата, Евпаторійскаго уѣзда, повсюду видны были деревни оставленныя жителями и множество рогатаго скота, верблюдовъ, лошадей, овецъ и домашнихъ птицъ, брошенныхъ хозяевами, бродящихъ въ степи и издыхающихъ отъ голода и жажды. Въ покинутыхъ деревняхъ найдены были запасы топлива, сѣна, соломы, хлѣбъ въ скирдахъ оставшійся не молоченнымъ, а въ ямахъ зерно овса, ячменя, пшеницы и проч. [3]).

Въ наказаніе за измѣну изъ ближайшихъ къ Евпаторіи деревень весь скотъ числомъ до 4 т. штукъ по приказанію кн. Меншикова былъ отогнанъ въ Бахчисарай. Татарамъ объявлено что скотъ будетъ возвращенъ, если они перевезутъ въ Симферополь 3 т. четвертей муки, находившейся въ Сакскомъ провіантскомъ магазинѣ и нѣсколько бочекъ солонины, и сала брошенныхъ непріятелемъ близъ селенія Контоуганъ. Татары отказывались исполнить это требованіе, говоря что имъ перевозить не на чѣмъ, перебѣгали къ непріятелю, грабили и разбойничали по дорогамъ. Для усмиренія ихъ мѣстныя власти оказались безсильными.

---

[1]) Рап. Хомутова кн. Меншикову отъ 7-го сентяб. № 898 Воен. учен. арх. д. № 3346.

[2]) Отъ 10-го сентября. — Тамъ же.

[3]) Воен. учен. арх. дѣло № 3338.

Признавая что волненія въ цѣломъ Евпаторійскомъ уѣздѣ могутъ дурно отозваться на военныхъ операціяхъ, кн. Меншиковъ предписалъ Таврическому губернатору выселить за Перекопь въ Мелитопольскій уѣздъ, всѣхъ татаръ живущихъ вдоль морскаго берега, отъ Севастополя до Перекопа. Распоряженіе это хотя впослѣдствіи и не было приведено въ исполненіе, но въ то время казалось необходимымъ, потому что со стороны гражданскаго начальства не принималось никакихъ мѣръ къ успокоенію края, а военныя власти не могли оставить на театрѣ военныхъ дѣйствій возмутившееся населеніе. «Мѣра эта, писалъ кн. Меншиковъ [1]), въ настоящее время по моему мнѣнію будетъ тѣмъ болѣе полезна, что татары сочтутъ это за наказаніе учиненное имъ, въ то самое время, когда непріятельская армія еще находится въ Крыму, и покажемъ остальнымъ татарамъ, что правительство нисколько не стѣсняется присутствіемъ враговъ, для примѣрнаго наказанія тѣхъ изъ нихъ, которые измѣнятъ долгу присяги, содѣйствуя непріятелю въ способахъ пріобрѣтенія довольствія».

Чтобы прекратить такое содѣйствіе татаръ непріятелю — генералъ Красновъ отобралъ у нихъ нѣсколько сотъ головъ рогатаго скота, приготовленнаго для передачи на суда союзниковъ и отправилъ его къ арміи. За Красновымъ, по его слѣдамъ, вступила въ Евпаторійскій уѣздъ Уланская дивизія генералъ-лейтенанта Корба.

Слѣдуя безъ запасовъ провіанта, уланы принуждены были довольствоваться при помощи фуражировокъ, при чемъ пользуясь отсутствіемъ жителей, войска были полными хозяевами покинутыхъ селеній. Это окончательно разорило все окрестное населеніе: одна часть скота была отогнана, другая взята войсками и татары лишены главнаго своего богатства.

«Татары Евпаторійскаго уѣзда, доносилъ маіоръ Гангардтъ — безъ сомнѣнія сами навлекли себѣ тѣ бѣдствія, которыя теперь испытываютъ, но разсмотрѣвъ безпристрастно всѣ обстоятельства сопровождавшія быстрое подчиненіе цѣлаго уѣзда власти непріятеля, бывшаго въ одной Евпаторіи, нельзя не сознаться, что мы сами виноваты, бросивъ внезапно это племя,—которое по религіи и происхожденію, не можетъ имѣть къ намъ симпатіи, безъ всякой военной и гражданской защиты, отъ вліянія образовавшейся шайки зло-

[1]) Отношеніе кн. Меншикова воен. минис. отъ 30 сентября № 1227. Арх. канц. воен. мин. д. № 118.

[2]) Отъ 6-го Октября № 578. Воен. учен. арх. д. № 3338.

дѣевъ и фанатиковъ, и надобно удивляться, что врожденная склонность татаръ къ грабежамъ, не увлекла толпу въ убійство и къ дальнѣйшему возмущенію въ прочихъ мѣстахъ Крыма, долго остававшихся безъ войскъ. Я убѣжденъ, что изысканія серьезнаго слѣдствія докажутъ, что въ татарскомъ народѣ далеко нѣтъ того духа измѣны, какой въ немъ предполагаютъ и потому слѣдовало бы принять рѣшительныя мѣры, чтобы жалкое населеніе многихъ деревень Евпаторійскаго уѣзда, разбѣжавшееся отъ страха что казаки ихъ перерѣжутъ, и лишившееся черезъ то всего своего имущества не погибло отъ голоду и стужи съ приближеніемъ суровой зимы».

Съ появленіемъ нашей кавалеріи татары цѣлыми толпами уходили къ непріятелю. Близъ Каджимбека разъѣздъ уланъ захватилъ бѣгущую толпу человѣкъ 200 съ имуществомъ; ихъ возвратили въ свои селенія, оставивъ хозяевамъ рогатый скотъ, но лошади были отобраны.

Подходя къ Евпаторіи, генералъ Корфъ отправилъ въ разные мѣста четырехъ татаръ, съ короткимъ воззваніемъ, чтобы всѣ оставались на своихъ мѣстахъ, а въ противномъ случаѣ они будутъ наказаны и лишены имущества. Воззваніе это имѣло успѣхъ въ весьма маломъ числѣ деревень.

29-го сентября генералъ Корфъ подошелъ къ Евпаторіи и, остановившись въ селеніи Оразъ, обложилъ городъ. Совершенно ровная и гладкая мѣстность передъ Евпаторіею дозволила установить тѣсную блокаду и прекратить сообщеніе города съ уѣздомъ. Цѣпь аванпостовъ нашихъ, расположенныхъ верстахъ въ пяти отъ города, составила полукругъ, одинъ конецъ котораго примыкалъ къ морю, со стороны карантина, а другой — возлѣ каменнаго моста на рукавѣ Гнилаго озера. Одинъ дивизіонъ уланъ посланный на косу Бѣлу окончательно замкнулъ выходъ изъ города во внутренность страны.

Въ это время, по показанію татаръ, гарнизонъ Евпаторіи состоялъ изъ одного батальона французовъ, одного батальона англичанъ двухъ батальоновъ турокъ и команды матросовъ, число которыхъ измѣнялось ежедневно. Подъ прикрытіемъ судовъ непріятельскаго флота городъ обезпеченъ былъ отъ нечаяннаго нападенія. Для разъѣздовъ вокругъ Евпаторіи союзники имѣли нѣсколько баши-бузуковъ, къ которымъ присоединены были *аскеры*, т. е. толпа передавшихся татаръ, записавшихся въ службу султана, число которыхъ, вмѣстѣ съ баши-бузуками, простиралось до 2 тыс. человѣкъ.

Въ Евпаторіи было до 28 тыс. четвертей хлѣба и множество

скота пригнаннаго татарами, которые первое время съ большою охотою доставляли его на непріятельскія пароходы, по всему берегу отъ Евпаторіи къ Севастополю. По исчисленію извѣстнаго караима Бобовича татары успѣли передать непріятелю до 50 т. овецъ и до 15 т. штукъ рогатаго скота, большею частію отнятыхъ у христіанскаго населенія. Бобовичъ полагалъ что въ уѣздѣ покинуто было около ста татарскихъ селеній, и что въ Евпаторіи столпилось до 10 тыс. татаръ съ ихъ семействами, и до 10 тыс. головъ различнаго скота. Бѣжавшіе татары находились въ самомъ печальномъ положеніи: всѣ надежды ихъ рушились и вмѣсто свободы и громкихъ обѣщаній, англо-французы силою заставляли ихъ трудиться надъ укрѣпленіемъ города.

Трудами легковѣрныхъ и обманутыхъ татаръ городъ былъ обнесенъ укрѣпленіями, улицы баррикадированы, а передъ карантиномъ вырытъ ровъ. При двухъ въѣздахъ: со стороны Перекопа и Симферополя устроены батареи на нѣсколько орудій. Съ одной изъ этихъ батарей англичане сдѣлали по подходившимъ уланамъ два выстрѣла гранатами, которыя хотя и разорвались среди строя, но ни кого не ранили. Это было во время рекогносцировки окрестной мѣстности. Татары густою толпою преслѣдовали рекогносцирующихъ и стрѣляли изъ ружей. Между ними замѣтно было нѣсколько англичанъ въ красныхъ курткахъ. Преслѣдуя отступавшихъ уланъ версты на три, татары вернулись въ городъ, а уланы окружили Евпаторію своими аванпостами. Позади аванпостовъ также полукругомъ отъ моря до Гнилаго озера (Сасыкъ) расположилась по деревнямъ вся Уланская дивизія, штабъ которой былъ помѣщенъ въ селеніи Оразъ. Съ прибытіемъ этой дивизіи генералъ-маіоръ Красновъ съ двумя сотнями № 67-го полка отошелъ къ Симферополю, оставивъ донской казачій № 61 полкъ въ распоряженіи генерала Корфа.

Такимъ расположеніемъ уланъ было совершенно прервано сообщеніе жителей города съ окрестными селеніями, а частые разъѣзды мало по малу прекратили волненіе татаръ и возстановили спокойствіе между оставшимися жителями.

VIII.

Раздѣленіе оборонительной линіи на дистанціи. Слабость укрѣпленій Севастополя. — Рескрипты Императора. — Побѣгъ англо-французовъ на Ялту Начало осадныхъ работъ — Кавалерійская рекогносцировка въ тылу непріятеля. — Заложеніе траншей. — Черноморскія пластуны въ Севастополѣ.— Преобразованіе морскихъ батальоновъ въ экипажи. — Значеніе этого преобразованія. — Заслуга черноморцевъ въ первые дни осады Севастополя. — Осада и оборона до 5-го октября. — Вылазки. — Дѣятельность гарнизона. — Рескриптъ Императора кн. Меншикову.

Успокоившись нѣсколько относительно обезпеченія своихъ сообщеній князь Меншиковъ сталъ исключительно заботиться о сохраненіи Севастополя и подкрѣпленіи его гарнизона своими войсками. Защитники ожили; съ восторженнымъ привѣтствіемъ встрѣчали они полки прибывавшіе въ городъ и казались усиленнѣе трудились надъ возведеніемъ укрѣпленій.

Усиленіе гарнизона дозволило приступить къ болѣе правильному размѣщенію войскъ. Имѣя въ виду растянутость участка вице-адмирала Новосильскаго и контръ-адмирала Истомина, Корниловъ раздѣлилъ всю оборонительную линію укрѣпленій вмѣсто трехъ на четыре дистанціи. Первая отъ рейда до редута Шварца, построеннаго между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, поручена генералу Аслановичу; вторая, заключавшая въ себѣ четвертый бастіонъ съ боковыми батареями до городскаго бульвара, ввѣрена вице-адмиралу Новосильскому; въ помощь которому назначенъ завѣдывать артиллеріею контръ-адмиралъ Юхаринъ 1-й; третья дистанція, въ которую входилъ третій бастіонъ съ его боковыми батареями, отъ городскаго бульвара до Морскаго госпиталя, поступила подъ начальство контръ-адмирала Панфилова; начальникомъ артиллеріи которой былъ капитанъ 1-го ранга Ергомышевъ; все же остальное пространство до Киленъ-балки, составляя четвертую дистанцію, находилось въ вѣдѣніи контръ-адмирала Истомина, начальникомъ артиллеріи къ которому назначенъ капитанъ 2-го ранга Перелешинъ 1-й.

Утромъ 20-го сентября кн. Меншиковъ, не бывшій въ Севастополѣ съ начала своего фланговаго движенія, началъ осмотръ оборонительной линіи Сопровождаемый начальникомъ гарнизона генералъ-лейтенантомъ Моллеромъ и генералъ-адъютантомъ Корниловымъ онъ успѣлъ доѣхать только до 6-го бастіона, какъ получилъ

извѣстіе будто непріятель атакуетъ Малаховъ курганъ. Князь Александръ Сергѣевичъ поскакалъ туда, но извѣстіе оказалось ложнымъ; непріятель подвинулся только нѣсколько къ сѣверо-востоку и занявъ вершину горы, между Киленъ-балкою и верховьемъ большой бухты, расположился здѣсь лагеремъ. Огонь съ нашихъ батарей заставилъ англичанъ отойти назадъ.

Объѣхавши всю линію укрѣпленій кн. Меншиковъ видѣлъ что защита города съ сухопутной стороны много подвинута впередъ [1]), что она усилена значительно, но что всетаки было очень много такихъ мѣстъ, которыя имѣли слабыя укрѣпленія, или оставались вовсе безъ обороны.

Такъ побывавши на Малаховомъ курганѣ, осмотрѣвъ окружающую мѣстность и расположеніе непріятеля, кн. Меншиковъ замѣтилъ, что курганъ имѣетъ слабую защиту и что пространство между курганомъ и бастіономъ № 1 оставлено безъ обороны, а самый бастіонъ съ праваго фланга былъ совершенно открытъ.

— Признаться говорилъ Корниловъ, Малахова башня меня сильно безпокоитъ; тутъ намъ прибется отстаивать штыкомъ.

Малаховъ курганъ былъ дѣйствительно ключемъ всей оборонительной линіи, а между тѣмъ представлялъ одну изъ слабѣйшихъ частей нашей позиціи.

Свѣтлѣйшій приказалъ тотчасъ же принять мѣры къ оборонѣ этой мѣстности и самъ уѣхалъ на сѣверную сторону города.

«Часть города, писалъ онъ оттуда Корнилову [2]), отъ бастіона № 3-й до Киленъ балки, или Ушаковой балки, есть слабѣйшая и наименѣе укрѣпленная искуствомъ и составляетъ ключь Севастополя, — и кто будетъ владѣть госпиталемъ и казармами Лазаревскими, тому покорится и городъ. Я полагалъ бы поставить орудія въ окнахъ казармъ, соединить стѣнками пѣхотные бараки за третьимъ бастіономъ, подѣлать прегражденій какъ можно болѣе, а

---

[1]) Донося о заслугахъ гарнизона въ этомъ отношеніи, онъ съ особенною похвалою относился о дѣятельности подполковника Позикова и въ особенности подполковника Тотлебена. «Не могу не засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Величествомъ, писалъ онъ, о примѣрномъ и не утомимомъ усердіи и знаніи своего дѣла этого офицера. Долженъ также отдать справедливость и усердію подполковника 6-го сапернаго батальона Позикова, равно и прочихъ офицеровъ сего батальона». (Донесеніе отъ 21-го сентября Арх. канц. военн минист д. № 110) Получивъ это донесеніе Государь Императоръ произвелъ Тотлебена и Позикова въ полковники.

[2]) Жандръ: «Матеріалы для обороны Севастополя и проч. стр. 246.

резервы держать въ Ушаковой балкѣ, дабы укрыть ихъ отъ огня, и подтвердить имъ не надѣяться на стрѣльбу, а непріятеля атаковать штыками».

Чтобы усилить корабельную сторону пришлось назначить въ послѣдствіи въ главный резервъ значительно большее число войскъ чѣмъ на городской сторонѣ. На первой было поставлено въ главномъ резервѣ 9 батальоновъ, численностію около $5^1/_2$ тысячь, а на городской — 5 батальоновъ силою въ $3^1/_2$ тысячи человѣкъ.

Защита самой слабой части корабельной слободы выпала на долю контръ-адмирала Истомина. Завѣдуя четвертою дистанціею, и сознавая что она слабѣйшая часть всей оборонительной линіи, онъ хлопоталъ безъ устали. Трудясь вмѣстѣ съ подполковникомъ Ползиковымъ цѣлыя сутки, не различая ни дня, ни ночи и присутствуя вездѣ самъ, Истоминъ быстро подвигалъ работы и въ короткое время сдѣлалъ свою дистанцію и въ особенности Малаховъ курганъ неузнаваемыми.

Вечеромъ 20-го сентября, на подкрѣпленіе арміи прибыли, подъ начальствомъ генерала Тимофѣева, отдѣленные изъ отряда генерала Хомутова Бутырскій полкъ, съ батарейною № 3-й батареею 17-й артиллерійской бригады, 2-й резервный линейный Черноморскій батальонъ и двѣ сотни донскихъ казаковъ. Независимо отъ этихъ войскъ къ арміи присоединились изъ Симферополя два маршевыхъ батальона морскихъ рекрутъ [1]), направленные изъ Николаева, два шестыхъ резервныхъ батальона Волынскаго и Минскаго полковъ.

Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій князь Меншиковъ всетаки не имѣлъ возможности дѣйствовать наступательно и потому доносилъ, что главнымъ предметомъ его стараній будетъ удержаніе Севастополя и подкрѣпленіе его гарнизона [2]).

«Слава Богу, писалъ въ отвѣтъ на это покойный Императоръ [3]), что покуда все шло благополучно; твой взглядъ на положеніе дѣлъ нахожу справедливымъ. Весь вопросъ въ томъ, удастся-ли,

---

[1]) Для укомплектованія ихъ офицерами былъ посланъ въ Николаевъ капитанъ-лейтенантъ Поповъ для выбора тамъ изъ числа флотскихъ офицеровъ 1 штабъ и 6 оберъ-офицеровъ. Отнош. кн. Меншикова вице-адмиралу Метлину **Военн. учен. арх. д. № 3338.**

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 21-го сентября Арх. канц. военн. минис. **дѣло № 110.**

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ кн. Меншикову 27-го Сентября Арх. **канц. военн. минист. дѣло № 102.**

по милосердію Божію, долго защищать Севастополь при способахъ, которые на то имѣются? Желалъ бы спокойнымъ быть на этотъ счетъ, но признаюсь, что опасаюсь, чтобы, не смотря, на всѣ усилія и храбрость войскъ, способы атаки не одолѣли защиту.

«Дай Богъ, чтобы я ошибался.

«Несомнѣнно, что ежели удастся продержаться дней пятнадцать, то приходъ 12-й дивизіи увеличитъ способы защиты, возможность предпринять какое либо наступательное дѣйствіе, уравновѣся силы твои съ непріятельскими. Однако забыть не должно, что непріятели ждутъ подкрѣпленій, быть можетъ что они обратятъ ихъ на Евпаторію, чтобы угрожать тылу твоему или Перекопу. Считаю порученіе Корфу овладѣть съ уланами Евпаторіею дѣломъ не возможнымъ. Не придется-ли тебѣ послать туда Липранди, ибо повторяю, тылъ твой такъ важно обезпечить, что едва-ли не въ этомъ первая необходимость. Ожидаю высадки и въ Ѳеодосіи и на первый случай новый отрядъ Хомутова быть можетъ полезенъ, чтобы хотя задержать наступленіе съ этой стороны, дѣйствуя ему въ правый флангъ; но малочисленность отряда Хомутова и въ этомъ отношеніи не есть совершенное обезпеченіе. Не тѣряй этого изъ виду ради Бога!

«Ежели Богъ милостивъ и Севастополь устоитъ до прихода Липранди, тогда рождается вопросъ что тебѣ дѣлать? Мнѣ мудрено это предвидѣть не зная подробно, какъ непріятель расположился. Выборъ быть можетъ только между атаки съ фронта, отъ самаго Севастополя, для чего надобно бы было все собрать въ самый городъ что весьма трудно, или атаковать ихъ правый флангъ на самой оконечности, сдѣлавъ для сего большой обходъ, имѣя за собою дефилеи, гибельныя на случай неудачи. Сравнивая одно съ другимъ чуть ли не кажется мнѣ первый способъ еще менѣе неудобнымъ втораго. Здѣсь даже, въ случаѣ неудачи укрѣпленный городъ за нами и отступить къ нему былобъ всегда легче, чѣмъ втягиваться въ дефилеи, противъ непріятельскаго правааго фланга....»

Полки 12-й пѣхотной дивизіи подходили еще только къ Перекопу и могли присоединиться къ арміи не ранѣе какъ въ началѣ октября. Въ ожиданіи ихъ прибытія кн. Меншиковъ ввелъ въ Севастополь два маршевые батальона морскихъ рекрутъ, два шестые батальона Волынска и Минскаго полковъ и два черноморскіе пѣшіе казачьи батальона № 2-й и № 8-й.

Войска эти были направлены частію на Городскую, частію на Карабельную стороны, при чемъ вице-адмиралъ Корниловъ соста-

вилъ новую диспозицію, усилилъ резервы и призналъ необходимымъ снабдить начальниковъ отдѣленій особою инструкціею [1]), гдѣ указаны были правила для дѣйствій въ случаѣ штурма, о которомъ союзники впрочемъ и не помышляли.

Расположившись вокругъ Севастополя пятью лагерями, на пространствѣ отъ высотъ противъ Коленъ-балки и до высотъ съ которыхъ спускалась старая дорога въ Балаклаву, англо-французы повидимому готовились къ правильной осадѣ и бомбардированію города. У нихъ не было замѣтно никакихъ движеній кромѣ подвозки, изъ занимаемыхъ ими бухтъ, фашинъ, туровъ и проч. Все это совершалось въ весьма отдаленномъ разстояніи отъ Севастополя. За то на непріятельскомъ флотѣ было замѣтно большое движеніе: корабли и суда то приходили, то уходили въ море. Близъ устья р. Качи постоянно виднѣлся цѣлый лѣсъ мачтъ; противъ Херсонесскаго маяка стояло также нѣсколько кораблей и пароходовъ. Носились слухи что англо-французы чувствуютъ большой недостатокъ въ продольствіи и въ водѣ, которую доставляютъ имъ изъ р. Качи.

Недостатокъ продовольствія заставилъ союзниковъ прибѣгнуть къ реквизиціи и съ этою цѣлію былъ предпринятъ набѣгъ на Ялту.

Вечеромъ 21-го сентября въ виду Ялты показался непріятельскій пароходъ, который не доходя до бухты, поворотилъ въ море и скрылся въ темнотѣ. На слѣдующее утро передъ городомъ стояла уже цѣлая эскадра, состоявшая изъ десяти судовъ: двухъ кораблей, шести пароходо-фрегатовъ и двухъ колесныхъ пароходовъ. Одинъ изъ послѣднихъ отдѣлившись отъ общаго расположенія, обошелъ бухту, вымѣрилъ глубину и спустилъ шлюпку подъ бѣлымъ парламентерскимъ флагомъ. Въ тоже самое время, со всѣхъ судовъ были спущены канонирскія лодки, каждая съ пушкою на носу и съ десессантомъ отъ 50 до 70 человѣкъ вооруженныхъ солдатъ.

Въ городѣ поднялась суматоха. Нѣкоторыя изъ жителей, забравши что могли изъ имущества, спѣшили отправиться вмѣстѣ съ присутственными мѣстами въ Симферополь, куда и прибыли 24-го сентября, подъ прикрытіемъ 35 человѣкъ таврическаго гарнизоннаго батальона, при офицерѣ и 11-ти казакахъ. Тѣ которые не успѣли пристать къ этому каравану, уходили изъ города въ

---

[1]) Инструкція эта напечатана въ книгѣ Жанера стр. 240 и перепечатана въ соч. Тотлебена ч. I, 258.

одиночку съ дѣтьми и узлами на спинѣ. Томимые голодомъ и жаждою, они тянулись почти по всей дорогѣ къ Симферополю. Оставшіеся въ городѣ, за неимѣніемъ средствъ выбраться, бродили какъ тѣни, не сознавая ясно что вокругъ ихъ происходитъ. Не унывали только одни татары. Собравшись на пристани, они ожидали прибытія парламентера.

— Жители города могутъ быть спокойны, сказалъ послѣдній, причаливъ берегу. Мы пришли сюда за провизіею. Намъ нужны рогатый скотъ, птицы, яйца и вино. Все это мы будемъ покупать и платить условленную цѣну. Вреда ни кому не будетъ. Впрочемъ кто нехочетъ оставаться въ городѣ, пусть выѣзжаетъ.

Управляющій имѣніемъ гр. Мордвинова, швейцарецъ Ларье, просилъ парламентера сдержать данное слово и не разорять жителей.

— Мы не варвары, отвѣчалъ тотъ и слово наше свято.

— Долго-ли вы пробудете здѣсь? спросилъ Ларье.

— Не менѣе трехъ и не болѣе пяти сутокъ. Успокойте жителей и потрудитесь передать имъ, что если кто осмѣлится обижать ихъ, оскорблять, грабить и вообще дѣлать какое бы то нибыло насиліе, тотъ будетъ судимъ военнымъ судомъ и немедленно повѣшенъ на мѣстѣ преступленія.

Съ отъѣздомъ парламентера канонирскія лодки подошли къ пристани. Вышедшіе на берегъ команды оцѣпили городъ и у воротъ почти каждаго дома поставили часовыхъ. Между тѣмъ со всѣхъ кораблей спустили гички, шлюпки и баркасы, нагруженные вооруженными людми, которыя и не замедлили выйти на берегъ.

Овладѣвъ городомъ и не заботясь о выполненіи даннаго обѣщанія не разорять жителей, союзники стали забирать все что попадалось подъ руку. Они ловили домашнихъ птицъ, забирали скотъ, неуспѣвшій уйти изъ города на пастбище и перевозили его живьемъ на корабли. Хозяевъ, защищавшихъ свою собственность, отгоняли прикладами или приставляли къ груди штыкъ. Англо-французы врывались въ дома, разбивали двери, разламывали камоды и шкафы, вынимали всѣ вещи и брали что нравилось; они рубили картины, били посуду, рвали и разбрасывали бумаги — словомъ безчинствовали въ высшей степени. Они совершенно ограбили и разорили Ливадію [1]) дачу кн. Дондукова-Корсакова, забрали тамъ дорогія вещи, книги,

---

[1]) Имѣніе гр. Потоцкаго, принадлежащее нынѣ Государю Императору; см. Военн. учен. арх. д. № 3323.

вино, виноградъ и уничтожили виноградники; изъ каменнаго магазина взяли 200 четвертей ржаной муки и крупъ, которыя и перевезли на суда; взяли со станціи почтовыя телѣжки, конскую сбрую, сѣдла и проч. Въ имѣніи гр. Воронцова забрали каменный уголь, дубовый и ясеневый лѣсъ, 128 головъ сахару, который потомъ мѣняли у ялтинскихъ евреевъ на мыло.

«Ужасно было смотрѣть, пишетъ одинъ изъ пострадавшихъ, на эти сцены грабежа и разрушенія. Почти ни въ одномъ домѣ не осталось ни дверей, ни оконъ. И дѣти и взрослые бѣгали по улицамъ рыдая: непріятели забрали все что нашли, не смотря на то, кому принадлежитъ имущество и какъ велика его цѣнность [1]).

По всему видно было, однако же, что союзники, боясь быть настигнутыми, торопились окончить свои подвиги и только потому не были въ Оріандѣ, Алупкѣ и далѣе.

Въ ночь съ 23-го на 24-е сентября они оставили Ялту и перебравшись на суда ушли въ море. Запасъ награбленнаго былъ не многочисленъ; непріятель не нашелъ въ Ялтѣ того, что надѣялся получить и положеніе, продовольственной его части не многимъ улучшилось. Союзники терпѣли значительный недостатокъ во всемъ и потому не могли приступить съ полною энергіею къ осаднымъ работамъ: съ пустымъ желудкомъ трудно настойчиво и успѣшно работать.

Первая ихъ дѣятельность по открытію осадныхъ работъ была замѣчена утромъ 22-го сентября. Съ батареи № 10-й видны были фуры и значительныя толпы французовъ за пригорками и на возвышенности лѣвѣе развалинъ Херсонеса. Съ телеграфа также было замѣчено, что непріятель свозитъ осадныя орудія къ возвышенностямъ противъ Малахова кургана, за которыми былъ расположенъ хуторъ Дергачева.

Въ это же самое время вице-адмиралъ Корниловъ объѣзжая по обыкновенію линію укрѣпленій подъѣхалъ къ четвертому бастіону. Бастіонъ этотъ былъ далеко еще не такъ грозенъ, какъ казался впослѣдствіи союзникамъ. Онъ состоялъ изъ неоконченнаго еще бруствера, на которомъ не было ни траверсовъ, не блиндажей, не было даже и полнаго вооруженія — стояло всего нѣсколько орудій, а для другихъ готовились платформы. По срединѣ бастіона разбита была палатка, возлѣ которой былъ поднятъ флагштокъ,

---

[1]) Матер. вып. III, 181—204. Записка войсковаго старшины Хоперскаго отъ 25 сентября. Арх. канц. воен. минис. д. № 110.

давшій поводъ французамъ назвать это укрѣпленіе: bastion du mat, а англичанамъ Flagstaff battery.

Былъ полдень. Матросы, работавшіе на бастіонахъ, собирались «пошабашить», какъ вдругъ сигнальщикъ, смотрѣвшій въ трубу возлѣ насыпи, крикнулъ: «непріятель идетъ на приступъ!» На бастіонѣ все пришло въ движеніе, кто хваталъ ружье, кто бѣжалъ къ орудію, и задымились фитили, готовые, по первому приказанію, пустить ядро по наступавшимъ колоннамъ. Между тѣмъ нѣсколько офицеровъ подошли къ сигнальщику: каждый смотрѣлъ въ трубу и дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ одинъ, что-то въ рукахъ блеститъ на солнцѣ, должно быть штуцера.

Вдали видна была колонна человѣкъ въ тысячу. Подойдя ближе къ нашимъ укрѣпленіямъ, она остановилась; солдаты, казалось начали копать землю.

— Не закладываютъ-ли они траншею? спрашивали другъ друга присутствующіе.

Всѣ стали всматриваться по пристальнѣе. При помощи зрительныхъ трубъ можно было видѣть, что только не многіе солдаты имѣли ружья, остальные несли ломы, лопаты, кирки и другіе инструменты для копанія земли. Не было сомнѣнія, что непріятель не рѣшаясь атаковать укрѣпленія открытою силою, намѣренъ былъ устроить батареи и громить ими нашъ родной городъ и укрѣпленія.

На обоихъ концахъ оборонительной линіи—съ 6, 2 и 3 бастіоновъ и Малахова кургана былъ тотчасъ же открытъ огонь препятствовавшій непріятельскимъ работамъ. Вечеромъ на батарею № 10 явился турецкій подданный грекъ—подлекарь, дезертировавшій изъ союзнаго лагеря. Онъ подтвердилъ слухи о смерти Сентъ-Арно, о прибытіи къ союзникамъ новыхъ подкрѣпленій, на пополненіе происшедшей убыли, и, между прочимъ, показалъ что будто бы англо-французы намѣрены 24-го сентября штурмовать городъ [1]). Это послѣднее извѣстіе заставило принять мѣры къ обезпеченію слабѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи и преимущественно Малахова кургана.

Съ этою цѣлью начальникъ послѣдняго контръ-адмирала Владиміръ Ивановичъ Истоминъ произвелъ утромъ 23-го сентября примѣрное отбитіе штурма, на которомъ присутствовалъ и

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 24 сентября Арх канц. воен. минис д. № 110.

генералъ-адъютантъ Корниловъ. Маневръ этотъ показалъ недостаточность войскъ на 4-й дистанціи оборонительной линіи, почему по заявленію о томъ Корнилова, кн. Меншиковъ, въ ночь съ 23-го на 24-е число, ввелъ въ Севастополь Бутырскій полкъ, одинъ изъ боевыхъ полковъ нашей арміи, о которомъ генералъ Хумутовъ писалъ: «Бутырцы во всѣхъ экспедиціяхъ (на Кавказѣ) показали себя молодцами и ходятъ безъ отсталыхъ [1]).

Во время маневра происходившаго на Малаховомъ курганѣ замѣчено было что англичане начали строить батарею на Сапунъ горѣ, со стороны Черной рѣчки, надъ правымъ берегомъ каменоломнаго оврага. Французы же въ этотъ день ограничились одною только рекогносцировкою, при чемъ аванпосты ихъ были скрыты за стѣнами хутора Рудольфа, находившагося на возвышенности между 4 и 5 бастіонами и французскимъ лагеремъ. Для уничтоженія этого хутора, надоѣдавшаго намъ своимъ пріютомъ непріятелю, скрывавшемуся за довольно длинною стѣнкою протянутою вдоль нашей линіи, былъ посланъ 29-й Флотскій батальонъ, съ двумя орудіями, нѣсколькими саперами и горстью казаковъ. Выступивъ изъ-за оборонительной линіи около 3-хъ часовъ пополудни, моряки оттѣснили два батальона французовъ и эскадронъ кавалеріи и въ глазахъ своей и непріятельской арміи сдѣлали свое дѣло: уничтожили стѣнку и сожгли домъ [2]).

Съ переводомъ на южную сторону города Бутырскаго полка вся численность Севастопольскаго гарнизона состояла изъ 662 генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ и 34,928 строевыхъ нижнихъ чиновъ [3]); въ распоряженіи же кн. Меншикова на сѣверной сторонѣ оставалось 578 офицеровъ и 25,094 чел. нижнихъ чиновъ.

«Сейчасъ получилъ донесеніе Меншикова отъ 24 сентября, писалъ Императоръ князю Горчакову [4]). Подъ Севастополемъ ничего не было; гарнизонъ еще усиленъ и всего подъ ружьемъ въ Севастополѣ и при немъ до 62 тыс. [5]). Кажется такое число войскъ,

---

[1]) Рап Хомутова Воен. минис. 21 іюня 1854 г. № 125. Тамъ же, дѣло № 83.

[2]) Письмо—журналъ Корнилова отъ 24 сентября. Жандръ, 250.

[3]) Донесеніе кн. Меншикова отъ 24 сентября. Арх. канц. воен. министерства д. № 110. Въ сочиненіи Тотлебена численность гарнизона показана въ 28 тыс. штыковъ, но не указанъ источникъ, изъ котораго взята эта цифра Въ книгѣ Жандра численность войскъ весьма близка къ цифрѣ приведенной нами.

[4]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30 сентября Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

[5]) Считая вмѣстѣ съ кавалеріею.

полагая даже непріятеля въ 80 тыс. не легко одолѣть, если оно расположено по мѣстности какъ слѣдуетъ и духъ тотъ, который привыкли мы знать въ нашихъ; не ужели мы не прежніе Русскіе? Стыдно и подумать, чтобъ было не такъ. ...

«Сыновья уже сегодня выѣхали изъ Москвы: они ѣдутъ въ Одессу, думавъ тебя тамъ найти: направь ихъ куда ты хочешь [1]).

«Ежели Богъ, по милосердію, сохранитъ еще денъ восемъ дѣла у Севастополя въ томъ же положеніи, писалъ Императоръ князю Меншикову [2]), то Липранди, съ прекрасной и надежной дивизіей, будетъ у тебя и тогда у тебя подъ рукой будетъ у Севастополя до 75 т. человѣкъ. Будемъ молить Бога, чтобы удалось тебѣ употребить ихъ съ пользою и спасти Севастополь, флотъ и край. *Не унывать никому, повторяю я, доказать каждому, что мы тѣ же русскіе которые отстояли Россію въ 1812 году.*

«Богъ съ вами и всѣмъ мой поклонъ и надежда».

Надежда наилучшій исходъ дѣла не покидала и защитниковъ. Видя, что непріятель, не предпринимая никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій, намѣренъ вести правильную осаду, Севастопольцы готовились къ встрѣчѣ бомбардированія. — Павелъ Степановичъ Нахимовъ дѣлалъ распоряженія по флоту, приказалъ запастись водою на палубахъ, имѣть возлѣ мачтъ хорошіе топоры, смочить паруса, а въ случаѣ пожара какого либо судна стараться потопить его и проч. На оборонительной линіи сосредоточивали огонь съ разныхъ батарей на болѣе выдающіяся возвышенности, на которыхъ скорѣе всего союзники могли построить батареи, чтобы громить Севастополь. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи защитники должны были заглядывать впередъ и дѣйствовать на угадъ, потому что непріятель долгое время не опредѣлялъ характера будущихъ своихъ дѣйствій.

«Я не могу сообщить вамъ, писалъ кн. Меншиковъ [3]), никакой перемѣны въ нашемъ обоюдномъ положеніи съ непріятелемъ, который до сихъ поръ не предпринимаетъ ничего опредѣленнаго, изъ чего можно бы было заключить о его будущихъ дѣйствіяхъ».

Чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія о расположеніи союзни-

---

[1]) «Будь имъ руководитель, писалъ Императоръ въ другомъ письмѣ кн. Горчакову отъ 27 сентября, — и сдѣлай изъ нихъ добрыхъ, вѣрныхъ служивыхъ, а за усердіе ихъ отвѣчаю. — Не балуй ихъ и говори имъ правду»

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30 сентября. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

[3]) Военному министру отъ 24-го сентября 1854. г. Воен. учен. арх. д. № 1254.

ковъ, командующій войсками приказалъ произвести въ тылу непріятеля усиленную кавалерійскую рекогносцировку поручивъ ее генералъ-лейтенанту Рыжову.

Цѣлью этого движенія было осмотрѣть расположеніе непріятеля стараться захватить болѣе плѣнныхъ, увезти орудія или по крайней мѣрѣ заклепать ихъ. Войскамъ не приказано увлекаться преслѣдованіемъ, не нападать на пѣхоту, если она будетъ готова принять атаку и не заходить далѣе дороги идущей изъ Севастополя въ Балаклаву. Такъ какъ весь успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и нечаянности, то чтобы непріятель немогъ замѣтить нашего передвиженія, было приказано на мѣстахъ постояннаго расположенія войскъ оставить огни, а во время самаго движенія соблюдать возможную тишину, не курить трубокъ, не высѣкать огня и даже надѣвать капсюли не ранѣе какъ по переходѣ черезъ Черную рѣчку.

Въ ночь съ 24-го на 25 сентября вся регулярная кавалерія бывшая при Крымской арміи [1]), съ донскою № 4-го батареею прибыла на Мекензіеву гору. Въ два часа утра она спустилась съ горы и въ долинѣ Черной рѣчки построилась въ боевой порядокъ: на правомъ флангѣ сталъ въ двѣ линіи Саксенъ-Веймарскій полкъ, на лѣвомъ принца Лейхтенбергскаго; въ резервѣ подъ начальствомъ полковника Позняка сталъ сводно-гусарскій полкъ, эскадронъ улан и конная батарея. Четыре же эскадрона сводного уланскаго полка, подъ начальствомъ полковника Еропкина, двинуты были къ ущелью, изъ котораго вытекала Черная рѣчка. Остановившись здѣсь и замкнувъ ущелье, уланы прикрыли лѣвый флангъ боевыхъ линій.

Съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся впередъ: Веймарскій полкъ перешелъ рѣку въ бродъ, а Лейхтенберцы, по каменному (трактирному) мосту; резервъ же остановился не переходя рѣчки, съ цѣлью прикрыть отступленіе. На случай же если бы непріятель сталъ сильно тѣснить нашу кавалерію, то для поддержанія ея были выдвинуты, къ хутору Менкензи, два полка 16 пѣхотной дивизіи, съ одною батарейною и одною легкою батареями.

Переправившись черезъ Черную рѣчку вся бригада гусаръ поднялась на Ѳедюхины высоты. Шедшій впереди Лейхтенбергскихъ гусаръ гвардейскій крымско-татарскій эскадронъ атаковалъ непріятельскіе аванпосты, отбросилъ ихъ и успѣлъ захватить разъѣздъ изъ четырехъ англійскихъ драгунъ, изъ коихъ два были

---

[1]) Гусарская бригада 6 легкой кавалерійской дивизіи и резервная бригада 3, 4 и 5 легкихъ кавалерійскихъ дивизій.

убиты, а два взяты въ плѣнъ. Въ это время генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ произвелъ, сколько позволяла мѣстность, осмотръ непріятельской позиціи и затѣмъ кавалерія стала отступать, чтобы заранѣе выйти изъ ущелья. Непріятель тотчасъ же выдвинулъ батарею, которая и открыла огонь по отступавшему Веймарскому полку.

Для отвлеченія вниманія непріятеля, по предположенію за ранѣе составленному, была произведена диверсія изъ Севастополя подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Кирьякова. Сосредоточивши на Малаховомъ курганѣ полки: Бутырскій, Бородинскій, Московскій, 38 флотскій и 4 абордажный экипажи съ легкими № 4 и 5 батареями 17 артиллерійской бригады, генералъ Кирьяковъ, съ первыми выстрѣлами въ ущельяхъ Инкермана, вышелъ впередъ за Малаховъ курганъ, гдѣ и оставался ни кѣмъ не тревожимый до тѣхъ поръ пока не смолкли выстрѣлы [1]).

Кавалерійская рекогносцировка эта, не имѣвшая по словамъ кн. Меншикова ни какихъ другихъ «послѣдствій, какъ обнаруженіе неспособности полковыхъ и бригаднаго командира» [2]), показала намъ только, что непріятель строитъ рядъ редутовъ на высотахъ окружающихъ Балаклаву. Что же происходило въ сторонѣ къ Севастополю нельзя было замѣнить. Мы оставались съ тѣми же свѣдѣніями какія имѣли и до рекогносцировки, т. е. знали только, что непріятель готовится къ правильной осадѣ, строитъ нѣсколько осадныхъ батарей и рядъ укрѣпленій обезпечивающихъ его отъ нашего обхода со стороны Балаклавы.

«Свѣдѣнія о строющихся укрѣпленіяхъ непріятеля, писалъ Императоръ [3]), подтвердили во мнѣ мысль, что онъ прежде всякаго предпріятія противъ Севастополя будетъ стараться стать твердой ногой на избранной имъ мѣстности, дабы въ случаѣ неудачи, имѣть вѣрное убѣжище въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, не подвергаясь опасности быть припертымъ къ морю и принужденнымъ спасаться на суда. Ожидавъ сего, я старался разъяснить себѣ: *что же намъ предстоитъ возможнымъ предпринять когда всѣ силы соберутся?*

«Остаюсь при мнѣніи, что всякое покушеніе на правой флангъ непріятеля, по мѣстности весьма трудно и опасно, потому, что надо

---

[1]) Диспозиція на 25 сентября. Журналъ военныхъ дѣйствій. Приказаніе по Севастопольскому гарнизону 24 сентября. Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 27 сентября.

[2]) Письмо кн. Меншикова Корнилову 26 сентяб. Воен. учен. арх. д. № 4312.

[3]) Въ собственноручн. письмѣ князю Меншикову отъ 3 октября.

выходить изъ дефиле передъ атакой, а въ случаѣ, весьма возможной, неудачи подвергаться быть прижертыми къ симъ же дефиле, бывъ притомъ въ разъединеніи съ главны силами и даже съ городомъ

«Такимъ образомъ кажется мнѣ, что предпочесть надо атаку изъ самаго города, но не всѣми силами вдругъ, а постепенно подвигаясь, подражать осторожности непріятеля. И такъ сдѣлавъ вылазку до опредѣленной на передъ мѣстности, подробно намъ знакомой, не увлекаться успѣхомъ, но остановясь сейчасъ на оной укрѣпиться, ведя атаку всегда *нашимъ лѣвымъ флангомъ*, поодаль отъ берега моря, чтобъ никогда не подвергаться дѣйствію морской артиллеріи съ судовъ. Постепенное такое наступленіе менѣе всего опасно и приближаетъ все болѣе къ тому времени, гдѣ нѣтъ большаго вѣроятія, чтобъ флотъ могъ держаться у береговъ и гдѣ стоя на плоской голой равнинѣ непріятелю врядъ-ли удастся пріютить свои войска достаточнымъ образомъ. Въ нашемъ положеніи я убѣжденъ, что всякое предпріятіе *на авось* ни куда негодится. Намъ должно дѣйствовать *осторожно и навѣрное*.

«Радъ что гвардейскіе татары имѣли случай показать себя и ты хорошо сдѣлалъ, что наградилъ. Всѣхъ ободряй, возбуждай и я увѣренъ, что скоро меня обрадуютъ добрыя вѣсти. Будемъ усердно молиться Богу и съ покорностію ждать, что онъ намъ даруетъ. Богъ съ тобой и съ вами. Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди, котораго тебѣ особенно рекомендую».

Утромъ 26 сентября съ оборонительной линіи замѣчена была усиленная дѣятельность французовъ. Видно было какъ они разбирали стропилы и балки строеній Пантюхина хутора, какъ въ теченіе цѣлаго дня свозили лѣсъ, туры и проч., какъ солдаты копали землю, таскали камни и насыпали валъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ, направленныхъ по рабочимъ, разогнали ихъ, но англичане, работавшіе въ весьма дальнемъ разстояніи, куда не достигали наши выстрѣлы, не прерывали своихъ занятій въ теченіе цѣлаго дня. Они строили двѣ батареи: одну противъ бастіона № 3 и въ разстояніи неближе 1200 сажень надъ правымъ берегомъ Лабораторной балки, правѣе инженерной казармы, и другую—противъ Малахова кургана, въ разстояніи около 1050 саж. лѣвѣе Киленъ балки, на возвышенности близъ хутора Микрюкова. Обѣ батареи назначались для вооруженія ланкастерскими орудіями, причемъ послѣдняя получила впослѣдствіи названіе *пятиглазой*, по числу пяти амбразуръ направленныхъ на оборонительную линію укрѣпленій.

Наступила холодная и пасмурная ночь 27 сентября. Облака покрыли все небо и сильный вѣтеръ дулъ со стороны города, по направленію къ непріятельскому лагерю. Подъ прикрытіемъ этого вѣтра и пользуясь темнотою ночи французы заложили первую параллель, противъ 4 и 5 бастіоновъ въ 450 саженяхъ отъ 5 бастіона. Ни кѣмъ не видимые и не слышимые, они работали въ теченіе всей ночи и къ утру успѣли вывести траншею длиною около 200 саженъ. Только съ наступленіемъ утра въ городѣ замѣчены были эти работы.

«Непріятель устроилъ на лѣвомъ своемъ флангѣ траншею, донесилъ кн. Меншиковъ [1]), которую впрочемъ нельзя еще считать за параллель, какъ потому что она слишкомъ удалена отъ крѣпостныхъ нашихъ верковъ, такъ и потому что наружностью своею траншея эта имѣетъ болѣе видъ ложемента, для прикрытія стрѣлковъ, замѣняющихъ аванпосты. Кажется это подобіе того, что сдѣлано было турками предъ Калафатомъ. Другихъ осадныхъ работъ въ виду Севастополя не замѣчено».

«Слава Богу, писалъ Императоръ въ отвѣтъ на это донесеніе [2]), что по 30 число ничего не произошло и резервы могли къ тебѣ слѣдовать безпрепятственно. Свободное сообщеніе обезпечиваетъ твое продовольствіе, подвозъ парковъ и дальнѣйшее подкрѣпленіе, ежели бы нужнымъ оказалось. Кажется, по словамъ твоего сына, что мысли наши сошлись касательно тебѣ предстоящихъ дѣйствій. Поставя за основаніе всему *осторожность* не должно, кажется, ничего предпринимать, которое бы въ случаѣ неудачи, влекло бы за собою важныя, дурныя послѣдствія. Постепенно наступать на непріятеля, укрѣпляясь на удобныхъ мѣстахъ, устранять опасность, которой мы подвергались бы при болѣе отважномъ образѣ дѣйствія. При томъ, молодое войско *пристрѣливать*, знакомить съ огнемъ, разохотить и беречь сколько можно, не утомляя, грея и кормя сколько можно лучше.

«Время года за насъ; думаю что союзникамъ должно быть куда какъ непокойно въ ихъ лагерѣ, на голой каменистой мѣстности, гдѣ ихъ продуваетъ со всѣхъ сторонъ! Сынъ твой говоритъ, что они очень болѣютъ и мрутъ — ничто имъ. Въ газетахъ тоже упоминается о болѣзняхъ. Все это нѣсколько охладитъ ихъ жаръ!

«Желательно весьма, при твоемъ наступленіи, чтобъ удалось

---

[1]) Отъ 30-сентября Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

[2]) Въ собственноручн. рескриптѣ отъ 7 и 8 октября.

тебѣ подвигаться лѣвымъ флангомъ [1]), внѣ выстрѣловъ съ моря и выигрывая возможность обезпечить доступъ отъ стороны Черной рѣчки, черезъ которую иначе всякое движеніе считаю опаснымъ, ибо подходить къ ней не иначе можно, какъ имѣя дефиле въ тылу. Быть даже можетъ что непріятель нарочно дастъ черезъ нее пройти, чтобъ опрокинуть потомъ къ дефиле; этого желательно непремѣнно избѣгнуть. Наступая же лѣвымъ флангомъ отъ города, вѣроятно можно будетъ укрѣпиться на краю высотъ, господствующихъ надъ долиной Черной рѣчки, и тѣмъ обезпечить свободное тамъ движеніе войскъ.

«Правда-ли, что траншея непріятель ростъ паровой машиной. Сынъ твой говорилъ мнѣ про новый снарядъ, которымъ стрѣляли съ моря по городу. Вели прислать сюда одинъ или два таковыхъ, для подробнаго осмотра. Считаю также весьма нужнымъ, чтобъ ты, для всякаго случая, укрѣпилъ высоты Никерманскія, тамъ гдѣ начинается спускъ дороги, какъ отъ Мекензіевой дачи, такъ и тамъ, гдѣ почтовая дорога проходитъ въ концѣ бухты. Надо на все готову быть. Нетерпѣливо жду обѣщаннаго журнала, который очень пора публиковать, ибо справедливо ропщутъ на наше невольное молчаніе.

«Я разрѣшилъ твое представленіе о переселеніи прибрежныхъ татаръ, къ чему вели приступить, когда удобнымъ найдешь, но обращая должное вниманіе, чтобъ мѣра сія не обратилась въ гибель невиннымъ, т. е. женщинамъ и дѣтямъ и не былабъ поводомъ къ злоупотребленіямъ. Полагаю, что ограничишь переселеніе только татарами Евпаторійскаго и Перекопскаго уѣздовъ, но не южныхъ: въ особенности ежели они останутся чуждыми измѣнѣ другихъ. Въ горахъ едвали даже возможно будетъ мѣру эту привесть въ исполненіе, безъ величайшихъ трудностей, и вѣроятно поставило бы все населеніе противъ насъ.

«Напиши мнѣ много ли раненыхъ и больныхъ выписывается. Поклонись Горчакову, Корнилову и Липранди; войскамъ мой поклонъ и увѣренность, что каждый свято исполнитъ долгъ свой, какъ надлежитъ православнымъ русскимъ, защищающимъ край родной и святую вѣру. Никому не унывать; съ нами Богъ!»

Защитники не унывали и въ болѣе трудное время, а теперь и подавно унынію не было мѣста. Напротивъ, съ неподдѣльною

---

[1]) Наступленіе лѣвымъ флангомъ Императоръ признавалъ необходимымъ для того, чтобы отодвигать непріятеля отъ пресной воды и потому считалъ полезнымъ по мѣрѣ движенія впередъ окапываться (пис. кн. Горчак. 13 октября).

радостью всматривались они въ ту не большую полоску вскопаной земли, которая указывала имъ что непріятель приступилъ фактически къ правильной осадѣ. Радостное впечатлѣніе произвела эта вскопанная земля на всѣхъ находившихся въ томительномъ ожиданіи штурма. Всѣ отъ души поздравляли другъ друга съ этимъ событіемъ, всѣ видѣли въ немъ не маловажное ручательство въ спасеніи города [1]).

Чтобы собрать болѣе точныя свѣдѣнія о работахъ союзниковъ, кн. Меншиковъ поручилъ адъютанту своему капитанъ-лейтенанту барону Виллебранту произвести новую рекогносцировку. Взявъ сотню донскаго № 60 полка и эскадронъ гусаръ Е. В. князя Николая Максимиліановича полка, баронъ Виллебрантъ двинулся въ тылъ непріятельскаго расположенія, для разузнанія дѣйствій союзниковъ. Доставленныя имъ свѣдѣнія не оставляли никакого сомнѣнія, что англо-французы приступили къ правильной осадѣ города и что для этой цѣли ими уже заложено нѣсколько батарей [2]).

Открытіе осадныхъ работъ произвело особенно радостное впечатлѣніе на генералъ-адъютанта Корнилова. Будучи руководителемъ защиты и душею ея, Владиміръ Алексѣевичъ въ своихъ распоряженіяхъ заглядывалъ уже впередъ. — Онъ принималъ теперь мѣры къ усиленію артиллерійскаго огня противъ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ непріятель началъ устраивать свои батареи. Корниловъ хлопоталъ о болѣе выгодномъ сосредоточеніи выстрѣловъ и для того перемѣнялъ направленіе амбразуръ, на устроенныхъ уже батареяхъ и бастіонахъ; принималъ мѣры къ возведенію новыхъ укрѣпленій, къ постановкѣ на оборонительной линіи большихъ мортиръ и бомбовыхъ орудій и заботился о заготовленіи запасовъ пороха, снарядовъ и готовыхъ зарядовъ. Въ каждомъ изъ бастіоновъ № 4, 5, 6 и Малахова кургана, противъ которыхъ направлены были работы союзниковъ, устроенъ былъ запасный паркъ изъ восьми орудій, которыя предназначались для постановки на этихъ укрѣпленіяхъ, или для усиленія ихъ обороны, или, наконецъ, для замѣны въ случаѣ порчи. Къ этимъ орудіямъ назначена особая прислуга и сдѣланы запасы снарядовъ и принадлежности. Корниловъ опредѣлилъ число зарядовъ на каждое орудіе, устроилъ резервы для боевыхъ припасовъ [3])

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя ч. I стр

[2]) Журналъ воен дѣйствій. Воен. учен. арх. д. № 3590.

[3]) Такъ орудія и снаряды находившіеся на сѣверной сторонѣ, на батареи № 4, служили резервомъ бастіону № 4; на батареи Михайловской—резервомъ бастіонамъ № 5 и 6. Нѣсколько позже, 1 Октября, были сдѣланы въ этомъ

и назначилъ особыхъ офицеровъ [1]), на исключительную обязанность которыхъ возложилъ снабжать батареи и бастіоны артиллеріею, снарядами и принадлежностію.

Владиміръ Алексѣевичъ трудился надъ размѣщеніемъ войскъ усиленныхъ вводомъ въ Севастополь Минскаго пѣхотнаго полка, опредѣлялъ правила для стрѣльбы батарей, производилъ пробную стрѣльбу по непріятельскимъ работамъ, и, чтобы не утомлять прислуги постояннымъ присутствіемъ при орудіяхъ, приказалъ между орудіями каждой батареи соблюдать очередь, но съ тѣмъ, чтобы одно орудіе было всегда готово открыть огонь по первому приказанію Предвидя скорую бомбардировку города онъ сформировалъ пожарныя команды и приказалъ, во время стрѣльбы съ непріятельскихъ батарей, оставлять прислугу только у дѣйствующихъ орудій, а остальныхъ нижнихъ чиновъ стараться укрыть отъ дѣйствія непріятельскаго огня.

Съ этою послѣднею цѣлію было сдѣлано распоряженіе о постройкѣ блиндированныхъ помѣщеній.

«При предстоящей осадѣ и бомбардированіи, писалъ Корниловъ въ приказѣ отъ 1 октября, какъ я уже объявлялъ, главная забота дистанціонныхъ и другихъ начальниковъ должна состоять въ сбереженіи людей отъ разрывныхъ снарядовъ, сохраняя по возможности позиціи. Стрѣлки, находясь на своихъ мѣстахъ, подъ укрытіемъ оборонительной стѣны, достаточно будутъ укрыты, кромѣ тѣхъ линій, которыя могутъ быть анфилированы непріятелемъ; для резервовъ же въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность собою не прикрываетъ ихъ, надлежитъ дѣлать блиндированные навѣсы изъ бревенъ съ густо-насыпанною землею на крыши. Лѣсъ для этого можно будетъ принимать отъ морскаго и инженернаго вѣдомствъ. Нѣкоторыя бараки или строенія могутъ также быть блиндированы. Работа должна быть произведена нижними чинами—каждою командою для себя».

отношеніи болѣе подробныя распоряженія. Пополненіе зарядовъ для морскихъ орудій на 1 дистанціи приказано было производить съ кораблей: Великій князь Константинъ, Императрица Марія, Ростиславъ и фрегата Мидія; 2 дистанціи—отъ начальника морской артиллеріи; 3 дистанціи—съ кораблей Двѣнадцать-Апостоловъ, Чесма, Святославъ и фрегата Кулевчи; 4 дистанціи — съ кораблей Парижъ, Храбрый, Гавріилъ и фрегата Коварна. — Орудія же сухопутнаго вѣдомства и морскіе судовые единороги пополнялись зарядами по распоряженію начальника артиллерійскаго гарнизона (Приказъ Корнилова отъ 1 Октября).

[1]) Капитанъ-лейтенанта Попова и въ помощь ему лейтенанта Львова и штабсъ-капитана Пестича.

Заботы объ укрытіи нижнихъ чиновъ, ихъ довольствіи и даже одеждѣ не покидали Корнилова до самыхъ послѣднихъ минутъ его жизни. Онъ выхлопоталъ для гарнизона усиленное довольствіе и заработныя деньги, отпустилъ въ полки паруса для палатокъ, теплыя рубахи морскимъ нижнимъ чинамъ и наконецъ снабдилъ одеждою черноморскіе пѣшіе № 2 и 8 батальоны, которые крайне нуждались въ этомъ.

Нижніе чины этихъ батальоновъ совершенно обносились отъ продолжительной службы и безпрерывныхъ движеній. Подходя къ Симферополю они были встрѣчены за городомъ многочисленною толпою любопытныхъ и однимъ изъ генераловъ, осматривавшимъ всѣ войска, проходившія черезъ этотъ городъ. Былъ жаркій день. Встрѣчавшій ихъ генералъ приказалъ, для облегченія похода, идти вольно и поднять полы шинелей.

— Не можно ваше превосходытелство, отвѣчалъ на это командиръ батальона.

— Это почему? спросилъ генералъ.

— Бо е богацько такыхъ що безъ штаныу.

Появившись въ Севастополѣ черноморскіе пластуны обращали на себя всеобщее вниманіе своимъ полуазіатскимъ и изношеннымъ до крайности костюмомъ. Одѣтые въ чекмени, папахи, шаровары различныхъ цвѣтовъ и узоровъ, они имѣли на ногахъ пастолы—обувь безъ подошвы изъ сырой не выдѣланной воловьей кожи.

Смотря на оборванную одежду пластуновъ, на неуклюжій ихъ видъ, на отсутствіе военной выправки, солдаты подсмѣивались первое время надъ этимъ войскомъ, состоявшимъ преимущественно изъ людей малорослыхъ и пожилыхъ.

— Вотъ братцы пряничное войско какое явилось, говорили солдаты между собою.

Пряничное войско это скоро стало образцомъ для смѣявшихся. Пластунамъ принадлежатъ самые отважные подвиги, начавшіеся со дня вступленія ихъ въ Севастополь; имъ же принадлежитъ самая трудная передовая служба — секреты, которыя они содержали во все время осады Севастополя почти подъ носомъ непріятеля. Вооруженный отличнымъ штуцеромъ, пластунъ не зналъ промаха; обутый въ пастолы безъ подошвы, онъ, какъ кошка, подкрадывался никѣмъ не слышимый къ непріятелю, залегалъ за камнемъ, и, привычный ко всякаго рода засадамъ, лежалъ неподвижно въ теченіи цѣлаго дня, зорко слѣдя за непріятелемъ.

Одежда пластуновъ, удобная въ ихъ мягкой черноморіи, оказа-

лась весьма неудобною въ каменистомъ Севастополѣ. Здѣсь ветхіе шаровары ихъ скоро обратились въ лохмотья, такъ что командиры батальоновъ принуждены были просить объ отпускѣ для нижнихъ чиновъ сукна, подкладочнаго холста, сапогъ и нитокъ [1]). Разрѣшивъ отпускъ этихъ вещей изъ морскаго вѣдомства, кн. Меншиковъ, писалъ Корнилову [2]), «прикажите объявить Черноморцамъ предписаніемъ, что за даруемую имъ одежду, никакого взысканія учинено не будетъ. Предписаніе это надо прочитать при собраніи нижнихъ чиновъ, ибо казачье начальство въ состояніи воспользоваться этимъ, но только *въ свою пользу*».

Корниловъ въ точности исполнилъ это приказаніе и вообще слѣдилъ за тѣмъ, чтобы нижніе чины были вполнѣ обезпечены отпускаемымъ имъ довольствіемъ. Солдаты видѣли это и высоко цѣнили вниманіе къ нимъ.

— Вотъ такой генералъ, говорили они при всякой встрѣчѣ и прощаніи съ Корниловымъ.

Заботясь о каждомъ изъ защитниковъ Владиміръ Алексѣевичъ не берегъ себя. Посѣщая ежедневно оборонительную линію, онъ не рѣдко выѣзжалъ одинъ за нѣсколько верстъ впередъ, чтобы только лично обозрѣть мѣстность или расположеніе непріятеля [3]).

Всматриваясь въ положеніе нашихъ батарей и бастіоновъ, Корниловъ, хлопоталъ объ усиленіи обороны слабѣйшихъ мѣстъ и для того нерѣдко переводилъ суда съ мѣста на мѣсто, чтобы ихъ огнемъ усилить оборону города. На случай тревоги онъ учредилъ сигналы, обозначавшіе мѣста досягаемости нашихъ снарядовъ.

Съ прекращеніемъ лихорадочнаго ожиданія штурма и съ установленіемъ правильной осады, Корниловъ счелъ возможнымъ возвратить морякамъ ихъ знамена и преобразовать морскіе батальоны составленные изъ разныхъ командъ, въ флотскіе экипажи, подчинивъ каждый экипажъ своему прямому начальнику. Такимъ образомъ 30 сентября, всѣ морскіе батальоны соединились въ 16-ть флотскихъ экипажей, которые были расположены: 31 и 42-й экипажи въ Сѣверномъ укрѣпленіи; 33-й экипажъ на 1-ой дистанціи оборонительной линіи; 29, 32, 34 и 37-й на второй дистанціи: 35, 36,

---

[1]) «Поручаю Греве, писалъ кн. Меншиковъ Корнилову, объясниться съ вами о включеніи пластуновъ въ раздачу штановъ». (Письмо кн. Меншикова отъ 2 октября).

[2]) Отъ 4 октября. Воен. учен. арх. д. № 4312.

[3]) Арх. канц. воен. минис. дѣло № 58.

39 и 44 экипажи—на четвертой дистанціи; 30-й экипажъ — оставленъ на кораблѣ «Ягудіилъ» для обороны гавани.

Это преобразованіе имѣло огромное значеніе въ жизни Севастопольскаго гарнизона. Отдавая должную дань справедливости каждому роду оружія, мы должны сказать, что успѣхъ первыхъ дней обороны принадлежитъ исключительно морякамъ черноморскаго флота. Съ образованіемъ экипажей, они были размѣщены на оборонительной линіи такъ, что каждый изъ адмираловъ, командовавшій сухопутною дистанціею, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ тѣже самыя части, которыми командовалъ на судахъ; командиры кораблей и экипажей назначались начальниками тѣхъ бастіоновъ или батарей, на которыхъ стояли ввѣренные ихъ командованію офицеры и нижніе чины. Такимъ образомъ были удовлетворены условія старшинства, единоначалія и не раздробляемости отдѣльныхъ частей. Матросы перенесли на бастіоны и батареи всѣ порядки, которые они привыкли исполнять на судахъ, теперь ими оставленныхъ. Они точно также содержали вахты съ безсонными ночами, ввели всюду морскія термины и названія, по свистку боцмана приглашались къ обѣду, на работы и проч. «Бруствера легко напоминали воображенію ихъ корабельные борты, а темныя и тѣсныя землянки и устроенные впослѣдствіи блиндажи—кубрикъ судовъ. Вода на батареяхъ хранилась въ цистернахъ, врытыхъ въ землю. Время считалось стклянками, или песочными часами, и каждые полчаса часовой возвѣщалъ ударомъ въ колоколъ [1])».

Назначеніе флотскихъ офицеровъ командирами бастіоновъ и батарей имѣло еще и другую весьма важную выгоду. Каждый изъ флотскихъ офицеровъ, по особенностямъ своей службы, смотрѣлъ на бастіонъ какъ на корабль, гдѣ обязанъ былъ заботиться обо всемъ до мельчайшихъ подробностей. Всѣ свои попеченія на кораблѣ морякъ перенесъ теперь на ввѣренный ему бастіонъ или батарею. Онъ хлопоталъ объ усиленіи укрѣпленія, и рылъ землю весьма часто не ожидая распоряженія и указанія инженеровъ; онъ ставилъ на своей батареѣ орудія, не говоря что это дѣло артиллериста; запасался зарядами и даже продовольствіемъ, не сваливая этой обязанности на интендантство. И такъ вотъ главная заслуга моряковъ—она состоитъ въ томъ, что командиры бастіоновъ и батарей дѣйствовали совершенно самостоятельно и не ожидая ни рас-

[1]) Тотлебенъ оборона Севастополя ч. I, 301.

поряженія, ни указанія начальства, сами изыскивали средства къ усиленію обороны, что было весьма важно въ то трудное для Севастополя время. Они избѣжали того разъединенія, которое часто случается въ войскахъ, когда инженеръ рѣжетъ амбразуры не спрашивая есть-ли для нихъ орудія, когда артиллерійстъ не считаетъ своею обязанностію принимать участія въ работахъ, не относящихся къ его прямой обязанности. Ничего подобнаго не было у моряковъ—они единодушно трудились на общую пользу и каждый хлопоталъ о всѣхъ и за вся. Мы не хотимъ сказать этимъ, что созданная моряками система обороны была безукоризненна — нѣтъ, она имѣла недостатки, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ, но нельзя отрицать, что моряки создали ту нравственную силу обороны, которая проявилась въ самомъ началѣ и, поддерживаясь въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ, была основаніемъ прочнаго успѣха. Не укрѣпленіями своими держался Севастополь столь долгое время, но живою стѣною православнаго воинства, своею грудью защищавшаго родной городъ, противъ усилій четырехъ націй, употреблявшихъ гигантскія средства къ его уничтоженію.

Со времени заложенія траншей французы не прекращали осадныхъ работъ и трудясь всю ночь съ 28-го на 29-е сентября, къ утру заложили пять батарей. Англичане также, въ теченіе предшествовавшей ночи, вывели траншею по вершинѣ Зеленой горы, противъ 3-го и 4-го бастіоновъ, но въ значительно дальнемъ разстояніи чѣмъ французы. Траншея ихъ отстояла отъ 3-го бастіона на 600, а отъ 4-го бастіона на 700 саж.

Въ заложеніи траншей союзники не видѣли для себя ничего утѣшительнаго. По характеру мѣстности и по численности войскъ, они могли обложить городъ только съ одной стороны, и слѣдовательно, не имѣя возможности прервать сообщенія крѣпости со всею остальною Россіею, были безсильны для того, чтобы преградить возможность доставки продовольствія, боевыхъ припасовъ и прибытія новыхъ подкрѣпленій. Рѣшаясь на правильную осаду, они должны были сознать, что борьба должна затянуться надолго, хотя нѣкоторые въ томъ числѣ и начальникъ англійскихъ инженеровъ повидимому не признавали этого. Когда ему указали на обширность русскихъ укрѣпленій и быстроту съ которой они возводятся, то онъ отвѣчалъ, что они строятся только для того, чтобы быть разрушенными.

Оба союзные главнокомандующіе, повидимому раздѣляли точно такое же убѣжденіе и были увѣрены, что послѣ нѣсколькихъ ча-

совъ бомбардированія, Севастополь самъ собою падетъ къ ногамъ побѣдителей. Положивши въ основаніе ложную идею, они построили на ней все зданіе, которое, какъ увидимъ ниже, разросшись до огромныхъ размѣровъ, неоднократно рушилось, хороня подъ своими развалинами сотни тысячь людей.

Единственнымъ исходомъ для союзниковъ, въ ихъ трудномъ положеніи, было принятіе необыкновенной, а такъ называемой *усиленной атаки*, т. е. веденіе осадныхъ работъ безъ систематическаго подхода отъ одной паралели къ другой и рѣшиться штурмовать городъ не ожидая того времени, когда артиллерія непріятельской крѣпости будетъ совершенно уничтожена. При такихъ только условіяхъ англо-французы могли расчитывать на быстрый успѣхъ, но не сдѣлавъ этого они должны были отказаться надолго отъ скораго возвращенія въ отечество, и навсегда отъ славы овладѣть Севастополемъ.

Приступивъ къ правильной атакѣ крѣпости по всѣмъ «правиламъ военнаго искусства», непріятель, необходимо, принужденъ былъ подвигаться впередъ медленно и тѣмъ самымъ далъ намъ прекрасное средство для защиты,—время, въ которое могли окрѣпнуть наши бастіоны и появиться новыя батареи. Самый выборъ пункта для атаки былъ весьма грубою ошибкою со стороны союзныхъ инженеровъ. Вмѣсто того чтобы вести атаку противъ главнаго пункта, они повели противъ всего города, что заставило ихъ растянуть свои работы слишкомъ на 14 верстъ, не считая построекъ произведенныхъ ими у Балаклавы и на Сапунъ горѣ. Впослѣдствіи, союзники хотя и сосредоточили все свое вниманіе на 4-мъ бастіонѣ, но это была вторая ошибка, потому что ключемъ позиціи былъ не четвертый бастіонъ, а Малаховъ курганъ, осадныя работы противъ котораго были замѣчены только 3-го октября.

Съ этихъ поръ противники усиленно трудились: одинъ надъ атакою, другой—надъ обороною. Англо-французы распространяли свои траншеи, углубляли ихъ, утолщали насыпи и строили новыя батареи. Но почамъ слышенъ былъ стукъ колесъ, на которыхъ они развозили свои тяжести. При постройкѣ батарей союзники не прорѣзывали амбразуръ насквозь, но оставляли нетронутымъ слой земли обращенный къ нашей оборонительной линіи; въ тѣхъ же случаяхъ, когда необходимость заставляла прорѣзать амбразуры, то отверстія ихъ тотчасъ же закрывали щитами или закладывали мѣшками наполненными землею. Это маскированіе амбразуръ вводило многихъ въ заблужденіе, и до дня перваго бомбардированія Севастополя.

мы не могли съ точностью опредѣлить ни числа батарей, возведенныхъ противъ города, ни числа поставленныхъ на нихъ орудій, ни наконецъ направленія послѣднихъ.

Не смотря на то, что атака всегда имѣетъ преимущество надъ обороною, мы увидимъ напротивъ, что Севастопольскій гарнизонъ долгое время сохранялъ въ этомъ отношеніи преимущество надъ союзниками и причиною тому была его неутомимая энергія, стойкость и неусыпная дѣятельность. Всѣ, кто только находился на оборонительной линіи, отъ генерала до солдата, не имѣли покоя ни днемъ, ни ночью, трудились безъ устали, зная что отстаиваютъ честь отечества и дорогой уголокъ земли русской.

Союзники работали также весьма усердно; ихъ столбомъ подымалась отъ ударовъ шанцевыхъ инструментовъ, но работы ихъ всетаки подвигались очень медленно. Съ большимъ затрудненіемъ выгружали они съ судовъ свою артиллерію, медленно перевозили ее на назначенныя мѣста. Огромную массу металла приходилось тащить нерѣдко на разстояніи десяти верстъ, или на рукахъ, или при помощи немногихъ лошадей, которыми могли располагать какъ французы такъ и англичане: приходилось перевозить тяжести по крутизнамъ и оврагамъ, по дурнымъ и испортившимся дорогамъ. Чтобы дать понятіе о трудности этого дѣла, пишетъ очевидецъ англичанинъ, довольно сказать что въ день 10-го октября (28-го октября), не менѣе 32-хъ лошадей, употреблявшихся для перевозки тяжестей, пали или были въ такомъ истощеніи, что надобно было убить ихъ».

Для усиленія своихъ рабочихъ силъ и прислуги при орудіяхъ союзники принуждены были также свести на берегъ часть людей съ судовъ своего флота.

Траншейныя работы и постройка укрѣпленій подвигались еще медленнѣе: копая землю, непріятель встрѣчалъ подъ тонкимъ пластомъ ея камень, который съ трудомъ пробивали самые лучшіе инструменты. Это заставляло союзниковъ, для наполненія туровъ приносить землю издалека въ корзинахъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ этомъ даже встрѣчалось затрудненіе, ибо часто земли оказывалось недостаточно для насыпки самаго незначительнаго бруствера, необходимаго для прикрытія рабочихъ.

Непривычные къ такой трудной работѣ, солдаты ихъ болѣли и въ рядахъ союзниковъ, въ особенности у турокъ, потери и смертность были весьма значительны.

Съ удивленіемъ смотрѣлъ непріятель на наши войска и на вы-

роставшія укрѣпленія севастопольскія. «Круглый фортъ направо (Малаховъ курганъ), писалъ одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, почти скрылся за огромными земляными насыпями, которыя русскіе возвели прошлою ночью и сегодня.... Русскіе работали день и ночь, чтобы усилить укрѣпленія Севастополя. Воздвигнуты новые редуты, построены бруствера: каменныя башни наиболѣе подверженныя нашимъ выстрѣламъ изчезли подъ насыпями. Непріятель заслуживаетъ величайшую похвалу своею энергіею».

Точно также живя подъ открытымъ небомъ, трудясь день и ночь надъ постройкою укрѣпленій и пользуясь удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья [1]), русскія войска находили еще время и средства безпокоить непріятеля. Ежедневно цѣпь штуцерныхъ выдвигалась впередъ за оборонительную линію и своими выстрѣлами или значительно замедляла работы непріятеля или совершенно разгоняла рабочихъ. Владѣя большею мѣткостію стрѣльбы, наши штуцерные всегда сохраняли перевѣсъ надъ непріятелемъ и до такой степени безпокоили врага, что стрѣлки его перестали приближаться къ намъ, а если и показывались, то съ большою осторожностію. Впослѣдствіи, французы, для противодѣйствія нашимъ штуцернымъ, принуждены были сформировать особую команду охотниковъ, изъ лучшихъ стрѣлковъ зуавскихъ полковъ и егерскихъ батальоновъ. Къ сожалѣнію число штуцерныхъ у насъ было весьма ограничено. «Стрѣлковый батальонъ доставленный къ намъ на подводахъ, писалъ одинъ изъ участниковъ [2]), праздновали бы въ Севастополѣ какъ великое событіе. Если бы можно было поставить впереди главныхъ пунктовъ оборонительной линіи цѣпь штуцерныхъ и раздѣлить ихъ на смѣны, то они отняли бы охоту у немногихъ смѣльчаковъ прокрадываться къ ближайшимъ высотамъ окружающимъ городъ и неожиданно поражать неутомимыхъ, но не осторожныхъ дѣятелей обороны».

Сознавая всю важность штуцернаго огня кн. Меншиковъ еще 23-го сентября просилъ князя Горчакова прислать ему одинъ стрѣлковый батальонъ, чтобы имѣть возможность состязаться съ непріятелемъ, прикрывающемся сильною цѣпью штуцерныхъ [3]). Кн. Ме-

---

[1]) Въ нашей арміи было также нѣсколько холерныхъ случаевъ, но развитіе этой болѣзни было весьма незначительно и не имѣло эпидемическаго характера.

[2]) А. Поповъ генералу Анненкову 27-го сентября. Арх. канц. воен. мин. д. № 58.

[3]) Письмо кн. Меншикова отъ 23-го сентяб. 1854 г. Воен. ученый архивъ д. № 3346.

хаилъ Дмитріевичъ тотчасъ же отправилъ въ Крымъ на подводахъ 4-й стрѣлковый батальонъ [1]), который и прибылъ къ Севастополю 9-го октября.

Между тѣмъ, по мѣрѣ того какъ постройка укрѣпленій приходила къ концу, бастіоны и батареи покрывались орудіями и тотчасъ же открывали огонь противъ работъ непріятеля и поддерживали его безпрерывно въ теченіе дня и ночи.

«Русскія батареи, писали англичане въ своихъ газетахъ, не даютъ покоя ни днемъ, ни ночью войскамъ, расположеннымъ подъ прикрытіемъ возвышеній окружающихъ Севастополь. Ядра и гранаты безпрерывно перелетаютъ черезъ возвышенія и падаютъ вблизи нашихъ солдатъ. Едва только покажутся два-три солдата, какъ русскіе выстрѣлы напоминаютъ имъ самымъ ощутительнымъ образомъ, чтобы они убрались по добру по здорову, и что имъ лучше оставаться подъ прикрытіемъ».

Благодаря этой мѣткости выстрѣловъ, непріятельскимъ солдатамъ было запрещено показываться передъ нашими укрѣпленіями, кромѣ тѣхъ командъ, которымъ это было необходимо.

Независимо отъ вреда наносимаго огнемъ нашей артиллеріи, Севастопольскій гарнизонъ постоянно тревожилъ врага и останавливалъ его работы своими вылазками производимыми днемъ и ночью.

Имѣя одинъ общій характеръ и цѣль безпокоить противника, нападать на него врасплохъ и на разныхъ пунктахъ и стараться уничтожить непріятельскія работы—вылазки представляютъ въ рукахъ обороняющагося могущественное средство къ замедленію работъ противника. Севастопольскій гарнизонъ пользовался этимъ средствомъ превосходно и производилъ вылазки безпрерывно. Наши охотники переправлялись на лѣвый берегъ Черной рѣчки, и, подъ штуцернымъ огнемъ непріятеля, истребляли стоги сѣна, жгли запасы лѣса, находившіеся впереди 4-го бастіона по Балаклавской дорогѣ, уничтожали ограды и стѣны хуторовъ окружавшихъ городъ и дававшихъ пріютъ непріятелю и неоднократно выбивали изъ этихъ оградъ непріятельскихъ стрѣлковъ, дѣйствовавшихъ по нашимъ казачьимъ разъѣздамъ. «Удаль нашихъ штуцерныхъ писалъ Корниловъ продолжаетъ насъ тѣшить и надоѣдать непріятелю.... Грустно думать что съ такимъ войскомъ потеряли Алму».

Ночныя вылазки изъ Севастополя особенно безпокоили непрія-

---

[1]) Отнош. кн. Горчакова кн. Меншикову 28-го сентября № 3237. Тамъ же.

теля. Съ наступленіемъ ночи наши охотники пробирались тайкомъ къ земляцымъ постройкамъ союзниковъ, нападали на нихъ врасплохъ, уничтожали на сколько можно ихъ работы и, произведя всеобщую тревогу въ лагерѣ, возвращались домой, забравъ въ добычу оружіе, одежду, инструменты и проч. Случалось, что нѣсколько десятковъ солдатъ, отправившихся ночью распотѣшить свою удаль поднимали на ноги всю непріятельскую армію. Съ первымъ крикомъ «ура» нашихъ охотниковъ, бросавшихся въ штыки, союзники, не разсмотрѣвъ числа ихъ, били тревогу по всему лагерю. Проходило послѣ того нѣсколько часовъ; наши удальцы давно уже отступили и, сидя въ кругу товарищей, разсматривали кто захваченную у непріятеля шапку, иной ружье, либо одѣяло, которымъ покрывались англичане, а въ непріятельскомъ лагерѣ солдаты все еще стояли подъ ружьемъ, ожидая нападенія русскихъ.

Вылазки эти были особенно тяжелы для англичанъ, и весьма утомляли ихъ солдатъ. Французы собирались быстро при первой тревогѣ, и если она оказывалась ложною, то точно также быстро расходились. У англичанъ же напротивъ: они прекращали работу, свертывали одѣяла и плащи, застегивались съ головы до ногъ и пока собирались на выручку товарищей, наши охотники оставляли ихъ траншеи. Съ уходомъ охотниковъ британскіе войска всетаки оставались неподвижны, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, которыя случалось не приходили въ теченіи всей ночи.

«Наши люди, писали англичане, чрезвычайно утомлены форпостною службою и работами. Рѣдко случается, чтобы они провели цѣлую ночь въ палаткахъ. Дѣйствительно имъ нѣтъ ни одной ночи покоя, ибо въ англійской арміи введено въ обыкновеніе, чтобъ всѣ войска были подъ ружьемъ до разсвѣта и пробыли часъ во фронтѣ. Потомъ, если все кажется спокойнымъ ихъ распускаютъ. Сверхъ того, по ночамъ бываютъ безпрестанныя тревоги и ружейная стрѣльба слышна на которомъ нибудь пунктѣ. Тогда солдаты бѣгутъ къ ружью и это часто повторяется по два и по три раза въ каждую ночь».

Безпокоя день и ночь противника и замедляя его работы, Севастопольскій гарнизонъ успѣлъ построить укрѣпленія и пороховые погребки [1]), сдѣлать необходимые запасы снарядовъ, поставить на

---

[1]) На нѣкоторыхъ батареяхъ, гдѣ пороховыхъ погребовъ не успѣли сдѣлать, по недостатку лѣса или времени, тамъ матросы хранили свои заряды въ корабельныхъ систернахъ, врытыхъ въ землю и накрытыхъ досками и рогожами.

укрѣпленіяхъ морскія орудія, разставить корабли такъ, чтобы они могли обстрѣливать рвы и овраги, спускавшіеся къ городу и устроить нѣсколько мостовъ для свободнаго сообщенія. Словомъ сказать къ вечеру 4-го октября для защиты Севастополя было построено болѣе сорока отдѣльныхъ большихъ и малыхъ укрѣпленій вошедшихъ въ составъ такъ называемой оборонительной линіи города.

Охвативъ полукругомъ весь городъ и упираясь своими концами въ рейдъ, оборонительная линія заключила въ себя весь Севастополь. Семь бастіоновъ и Малаховъ курганъ были главными опорными пунктами или столбами обороны. Къ нимъ примыкали оборонительныя стѣнки и укрѣпленія различнаго вида и величины. Оборону городской стороны составляли бастіоны: № 7-го, 6, 5 и 4-го, соединенные между собою непрерывною линіею укрѣпленій. Изъ послѣднихъ наиболѣе выдающимися были: между бастіонами № 7 и № 6-го —батарея № 26-(Шемякина) [1]); между 6-мъ и 5-мъ бастіонами—люнетъ № 7-го (Бѣлкина); между 5 и 4 бастіонами—батарея № 25 (Титова), Редутъ № 1-го (Шварца) и батарея № 8-го (Забудскаго).

Корабельная сторона оборонялась тремя бастіонами: № 3-го, 2, 1-го и Малаховымъ курганомъ, съ ихъ промежуточными укрѣпленіями. Главнѣйшія изъ этихъ укрѣпленій были: правѣе бастіона № 3-го и примыкая къ южной бухтѣ, была расположена батарея № 5-го (Никонова). Между бастіономъ № 3-го и Малаховымъ курганомъ—батарея № 21-го (Яновскаго), батарея № 3-го (Будищева) и батарея № 6-го (Жерве); между Малаховымъ курганомъ и бастіономъ № 2 го, была построена только одна батарея № 19-го (Красовскаго). Далѣе находился бастіонъ № 2-го, а за нимъ только начатый, но неоконченный бастіонъ № 1-го.

На всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ и бастіонахъ было поставлено 333 морскихъ и сухопутныхъ орудій различныхъ калибровъ. Тутъ было собрано все что нашлось подъ рукою: пушки, единороги, карронады и мортиры. Изъ этого числа: 118 орудій дѣйствовали по осаднымъ батареямъ союзниковъ, 154 орудія обороняли впереди лежащую мѣстность и наконецъ 61 орудіе служили для фланкированія нашихъ собственныхъ построекъ [2]).

Для защиты укрѣпленій и города было сосредоточено 43 пѣхот-

---

[1]) Батареи получали нумера по порядку ихъ заложенія и весьма часто назывались по фамиліямъ ихъ командировъ.

[2]) Приказъ Корнилова 29-го сентября. Фланкирующія орудія имѣли только по 30 зарядовъ съ картечью, а всѣ остальныя орудія по 150 зарядовъ, въ томъ числѣ по 30 зарядовъ съ картечью.

ныхъ и морскихъ батальона, одинъ саперный, 28-мь полевыхъ орудій и сотня Донскаго казачьяго № 67-го полка.

Для содѣйствія войскамъ и укрѣпленіямъ, по распоряженію Корнилова, были поставлены: корабль «Ягудіилъ» въ глубинѣ южной бухты, для обстрѣливанія впереди лежащей мѣстности; пароходы «Владиміръ» и «Крымъ» — въ Киленъ-балочной бухтѣ, для дѣйствія по высотамъ и доставленія обороны лѣвому флангу оборонительной линіи: пароходъ «Эльборусъ» — противъ Ушаковой-балки; «Бессарабія», «Громоносецъ» и «Одесса» — между Александровскою батареею и батареею № 8 — для обороны праваго фланга оборонительной линіи и наконецъ пароходо-фрегатъ «Херсонъ» — противъ Инкермана, для дѣйствія вдоль инкерманской долины.

Таково было состояніе обороны Севастополя спустя мѣсяцъ послѣ высадки союзниковъ на берега Крыма.

Много труда и неимовѣрныхъ усилій было положено при постройкѣ укрѣпленій и ихъ вооруженіи. Большая часть батарей строилась изъ приносной земли добываемой изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ. Приносимая въ мѣшкахъ, куляхъ и просто на рогожахъ, земля эта была большею частію дурнаго качества, перемѣшана съ камнемъ и щебнемъ. При тогдашней сухой и жаркой погодѣ, это была пыль лишенная всякой прочности и вязкости. — Не смотря на то, что надъ утрамбованіемъ этой пыли трудилось до кроваваго пота нѣсколько тысячь рукъ, насыпи были всетаки слабы и дурно держались; многія изъ нихъ состояли изъ одного щебня только присыпаннаго землею. Поддержать или одѣть насыпи было нечѣмъ, ибо, по недостатку лѣса, не было дерна, не было туровъ и фашинъ. Въ крайнихъ случаяхъ «внутреннія крутости батарей поддерживали стѣнками, сложенными изъ камня на сухо, или изъ глины, при чемъ насыпка земли производилась по мѣрѣ возведенія этихъ стѣнокъ. Щеки амбразуръ имѣли весьма слабыя одежды, что должно было значительно ослаблять и затруднять дѣйствіе нашей артиллеріи. Многія изъ нихъ были одѣты земляными мѣшками и это были лучшія одежды, не смотря на то что отъ выстрѣловъ они часто загорались и обсыпались. Другія амбразуры имѣли досчатыя и глиняныя одежды, которыя были еще менѣе прочны. У амбразуръ, не имѣвшихъ одеждъ, щеки обмазывались глиною [1]).»

Что бы видѣть до какой степени прочны были нѣкоторыя изъ укрѣпленій достачно указать на рапортъ инженернаго офицера комен-

---

[1]) Тотлебенъ. Оборона Севастополя ч. I, 294.

данту города, въ которомъ онъ просилъ принять зависящія отъ него мѣры противъ козла, который уже третій разъ, въ разныхъ мѣстахъ, на правомъ флангѣ Малахова кургана, рогами разноситъ оборонительную стѣнку [1]).

Въ этой слабости укрѣпленій нельзя винить защитниковъ—они сдѣлали все что было въ силахъ сдѣлать въ этотъ короткій промежутокъ времени. Они успѣли даже приготовить для амбразуръ нѣкоторыхъ батарей деревянные заслоны въ защиту отъ штуцерныхъ пуль, успѣли заложить 27 каменометныхъ фугасовъ [2]) и въ 25 шагахъ впереди ихъ устроить засѣки.

Эта необыкновенная дѣятельность Севастопольскаго гарнизона не укрылась отъ глазъ Монарха. Достойно оцѣнивъ заслуги защитниковъ, Императоръ писалъ князю Меншикову [3]): «Благодари всѣхъ за усердіе; скажи нашимъ молодцамъ-морякамъ, что я на нихъ надѣюсь на сушѣ, какъ на морѣ. Никому не унывать, надѣяться на милосердіе Божіе, помнить, что мы русскіе, защищаемъ родимый край и вѣру нашу, и предаться съ покорностью волѣ Божіей! Да хранитъ тебя и васъ всѣхъ Господь; молитвы мои за васъ и ваше правое дѣло, а душа моя и всѣ мысли съ вами.

«Душевно обнимаю.

«Поклонись Горчакову и обними Корнилова».

IX.

Назначеніе князя Меншикова главнокомандующимъ со всѣми правами этому званію присвоенными.—Отправленіе подкрѣпленій.—Письма Императора князю Меншикову и князю Горчакову. — Главнокомандующій опасается за недостатокъ пороха и боевыхъ припасовъ. — Справедливо ли такое опасеніе — Князь Меншиковъ помышляетъ объ оставленіи Севастополя.—Его предположенія о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Рескриптъ Императора. -Намѣреніе князя Меншикова перейти въ наступленіе.—Проэктъ генерала Липранди.—Балаклавское сраженіе. — Его послѣдствія и критическая оцѣнка.

Послѣ описанія *перваго бомбардированія* Севастополя (5-го октября) и нѣсколькихъ словъ о дѣятельности двухъ противниковъ, въ промежутокъ времени съ 5 по 13 октября, М. И. Богдановичъ

[1]) Записка контръ-адмирала Керна (рукоп).

[2]) Впереди редута № 1 (Шварца), бастіоновъ № 3 и № 4 было заложено по 6, а передъ Малаховымъ курганомъ 9 фугасовъ.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27 сентября. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 102.

прямо переходитъ къ балаклавскому сраженію, не касаясь обстоятельствъ вызвавшихъ наступательныя дѣйствія съ нашей стороны. Умалчиваніе объ этихъ особенностяхъ дѣлаетъ неяснымъ, почему князь Меншиковъ рѣшился преждевременно обнаружить свое намѣреніе и предпринять наступленіе безъ надежды на успѣхъ и полную побѣду надъ врагомъ.

Прибывшія въ половинѣ октября подкрѣпленія усилили армію князя Меншикова 24-мя батальонами, 12-ю эскадронами, 12-ю сотнями казаковъ и 56 орудіями, не считая резервной уланской дивизіи генерала Корфа.

«Силы нашей арміи, говоритъ авторъ, въ первой (второй) половинѣ октября простирались до 65 тысячъ человѣкъ и въ продолженіе нѣсколькихъ дней съ присоединеніемъ 10 и 11 дивизій [1]), могли возрасти до 85 или до 90 тысячъ. Такимъ образомъ прибытіе ожидаемыхъ нами подкрѣпленій могло бы дать намъ перевѣсъ или по крайней мѣрѣ возстановить равновѣсіе въ силахъ, пользуясь чѣмъ мы поставили бы въ затруднительное положеніе союзниковъ, которые предпринявъ осаду Севастополя, должны были, для прикрытія своихъ работъ отъ нашей арміи растянуть свои войска на значительномъ пространствѣ. *Въ особенности же для насъ было удобно дѣйствовать со стороны Чорнуна, по направленію къ Балаклавѣ, основанію дѣйствій англійской арміи.* Выгоды такого образа дѣйствій побудили князя Меншикова *не дожидая прибытія остальныхъ дивизій 4-го пѣхотнаго корпуса* [2]), *предпринять наступленіе на Балаклаву*».

Въ приведенныхъ нами словахъ автора встрѣчается явное противорѣчіе: въ началѣ онъ какъ бы противъ преждевременной атаки, а въ концѣ, наоборотъ, онъ стоитъ за правильность дѣйствій. Но развѣ удобство дѣйствій достаточная причина, чтобы предпринять наступленіе не ожидая подкрѣпленій? Не было-ли другой болѣе важной причины, которая по мнѣнію, князя Меншикова, заставляла его предпринять наступленіе, не ожидая прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій.

Оставимъ на время разсказъ М. И. Богдановича и посмотримъ что происходило въ Севастополѣ въ промежутокъ времени съ 5-го по 13 октября 1854 года.

Бомбардированіе Севастополя опредѣлило характеръ будущей

---

[1]) Входившихъ въ составъ 4-го корпуса.

[2]) Т. е. 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій.

дѣятельности двухъ противниковъ. Оно показало, что англо-французы прежде всего намѣрены овладѣть городомъ, защита котораго должна была составить главнѣйшую цѣль нашихъ дѣйствій. Отъ болѣе или менѣе удачной обороны зависѣла участь кампаніи. Естественно, что обѣ стороны напрягали всѣ свои усилія къ тому, чтобы пріобрѣсти поверхность другъ надъ другомъ и по возможности въ кратчайшее время сосредоточить наибольшее число войскъ. Къ Севастополю стали стекаться боевыя силы враждующихъ и ихъ матеріальныя средства.

Для лучшаго направленія военныхъ дѣйствій власть князя Меншикова была значительно расширена назначеніемъ его *главнокомандующимъ* крымскою арміею [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы предоставить главнокомандующему возможность заняться исключительно военными дѣйствіями, отстранить отъ него лишнія заботы по защитѣ другихъ пунктовъ и облегчить дѣятельность по снабженію арміи продовольствіемъ, боевыми припасами и проч. — весь театръ дѣйствій былъ раздѣленъ на части, подчиненныя тремъ различнымъ лицамъ. Вся Херсонская и сѣверная часть Таврической губерніи, до Перекопскаго перешейка, подчинены главнокомандующему южною арміею генералъ-адъютанту князю М. Д. Горчакову [2]); западная часть крымскаго полуострова, отъ Перекопа до Феодосіи и Арабата и войска въ этой части расположенныя остались въ вѣдѣніи князя Меншикова; охрана же восточной части полуострова и начальство надъ находящимися тамъ войсками поручены генералу-отъ-кавалеріи Хомутову.

На обязанность послѣдняго возложена оборона всего пространства, отъ Феодосіи и Арабата до Керченскаго пролива, защита самаго пролива, сѣверо-восточной части Черноморской береговой линіи и всей Черноморіи.

При совокупныхъ усиліяхъ и взаимной поддержкѣ, лица эти должны были стремиться къ одной общей цѣли—къ успѣшному направленію военныхъ дѣйствій. «Его Величество, писалъ военный министръ [3]), остается въ полной увѣренности что вашe сіятельство будете содѣйствовать къ достиженію общей цѣли генералъ-адъютанту князю Меншикову и наказному атаману войска донскаго (Хомутову) съ тою же готовностью, какую вы уже на опытѣ показали».

---

[1]) Указъ Сенату 30 сентября 1854 г.

[2]) Указъ Сенату 26 сентября 1854 г.

[3]) Князю Горчакову отъ 27 сентября 1854 г. № 14426 Арх. Главн. штаба Связка 8, дѣло № 130.

Князю М. Д. Горчакову не нужно было напоминать объ этомъ. Съ самоотверженіемъ истинно русскаго человѣка, онъ трудился давно надъ обезпеченіемъ Крымской арміи всѣмъ необходимымъ. Какъ только кн. Михаилъ Дмитріевичъ получилъ первыя свѣдѣнія о бомбардированіи Севастополя и о значительной убыли артиллерійской прислуги на бастіонахъ и батареяхъ, онъ тотчасъ же отправилъ въ Севастополь на подводахъ 180 челов. нижнихъ чиновъ Бендерской крѣпостной артиллеріи и двинулъ изъ Тирасполя въ Херсонъ половину лабораторной № 2-й роты [1]). Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправилъ въ Севастополь нѣсколькихъ лучшихъ инженерныхъ офицеровъ и передалъ въ распоряженіе кн. Меншикова 200 тыс. руб. сер. для удовлетворенія, какъ заявлялъ онъ офиціально, главнѣйшихъ нуждъ войскъ слѣдовавшихъ въ Крымъ. «Въ сущности же это только предлогъ, писалъ онъ въ частномъ письмѣ [2]), такъ какъ разъ войска вступили въ подвѣдомственный вамъ округъ, то и снабженіе ихъ должно быть на вашей обязанности, но я боюсь что у васъ мало денегъ».

Не зависимо отъ этого кн. Горчаковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы нѣсколько тысячъ пудовъ пороху, которые Херсонскій складъ долженъ былъ отправить въ Бендеры, были отправлены въ Севастополь по требованію князя Меншикова; чтобы всѣ боевые припасы мѣстныхъ парковъ также поступили въ веденіе кн. Меншикова, и наконецъ чтобы два госпиталя въ Вознесенскѣ и Новой-Одессѣ (на 1200 челов.) были совершенно очищены и предоставлены для больныхъ Крымской арміи; учрежденный же на 600 человѣкъ больныхъ госпиталь въ Херсонѣ усиленъ и приказано содержать его впредь на 1500 челов. больныхъ [3]). Сверхъ того главнокомандующій южною арміею просилъ князя Александра Сергѣевича увѣдомить его, не признаетъ-ли онъ полезнымъ усилить мор-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 10-го октября № 3404. Воен. учен. арх. д. № 3346. «Полагая, писалъ кн. Горчаковъ во всеподданѣйшемъ письмѣ отъ 11 октября, что полезно увеличить въ Севастополѣ число артиллерійстовъ, которые болѣе всѣхъ подвержены артиллерійскому огню, я рѣшился на нѣсколько дней оголить Бендеры и послать туда 180 челов. гарнизон. артиллерійстовъ въ Севастополь. Надѣюсь что они поспѣютъ еще во время. Людей этихъ я замѣню такимъ же числомъ изъ Кіева, а покуда Бендерская крѣпость обойдется и безъ артиллерійской прислуги».

[2]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 11 октября (вѣроятно 10-го). Тамъ же д. № 4253, ч. II.

[3]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 28-го сентября № 16,719. Воен. учен.а рх. д. № 4285.

ской госпиталь въ Николаевѣ, или учредить въ этомъ городѣ новые временные госпитали. Въ послѣднемъ случаѣ, если тамъ нѣтъ госпитальныхъ запасовъ, принадлежащихъ морскому вѣдомству, Князь Горчаковъ обѣщалъ тотчасъ же выслать въ Николаевъ или госпитальныя вещи, на 1500 человѣкъ, или же направить туда принадлежащія южной арміи, готовые уже сформированые госпитали, со всѣми чинами и прислугою [1]). Эта послѣдняя мѣра дала возможность открыть впослѣдствіи въ Николаевѣ, два отдѣленія госпиталя: одно на 750. а другое на 250 человѣкъ больныхъ [2]).

Сознавая что судьба компаніи 1854 года должна рѣшиться въ Крыму, что для успѣшнаго окончанія военныхъ дѣйствій на полуостровѣ усиленіе Крымской арміи еще одною пѣхотною дивизіею, кромѣ 12-й будетъ недостаточно—князь Горчаковъ рѣшился помочь князю Меншикову всѣми средствами какіе оказывались только возможными въ его положеніи. Онъ сразу двинулъ весьма значительныя силы независимо отъ тѣхъ, которыя были уже отправлены. Главнокомандующій южною арміею предписалъ, 3-го октября, генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу выступить въ Крымъ съ ввѣреннымъ ему штабомъ 4-го пѣхотнаго корпуса, съ 10-ю и 11-ю пѣхотными дивизіями и 4-мъ саперным батальономъ.

«Ты знаешь уже изъ увѣдомленія Горчакова, писалъ Императоръ князю Меншикову [3]), что остальныя двѣ дивизіи 4-го корпуса слѣдуютъ къ тебѣ безостановочно и такимъ образомъ, любезный Меншиковъ, сдѣлано все, и смѣю сказать *болѣе* чѣмъ почти можно было, чтобъ помочь тебѣ уничтожить замыслы вражьи. Остается молить Бога, чтобъ это послѣднее уже подкрѣпленіе дошло еще во время, чтобъ спасти Севастополь».

Отдѣляя отъ себя цѣлый корпусъ войскъ и оказывая тѣмъ существенную помощь Крымской арміи князь Горчаковъ, конечно имѣлъ полное право сказать чистосердечно, что не потерялъ ни одного дня, чтобы оказать содѣйствіе князю Меншикову.

«Я поступилъ какъ хорошій товарищъ, писалъ онъ князю Александру Сергѣевичу [4]), направивши болѣе чѣмъ одну треть моей арміи, для вашей поддержки и не имѣя на то никакого полно-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 7-го октября № 17508. Воен. учен. арх. д. № 4285.

[2]) Рап. адмирала Берха кн. Меншикову 24-го октября № 4695. Тамъ же.

[3]) Отъ 10-го октября.

[4]) Отъ 3-го октября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II.

мочія. Изъ этого слѣдуетъ: 1) что Императоръ увидѣлъ мое мнѣніе, что васъ можно усилить на мой счетъ и 2) что поддержка къ вамъ придетъ двумя недѣлями ранѣе, нежели тогда, когда я оставался бы сложа руки въ ожиданіи приказаній изъ Петербурга».

Благодаря заботамъ и содѣйствію князя Горчакова, справедливо оцѣненнымъ Императоромъ [1]), положеніе Крымской арміи съ каждымъ днемъ улучшалось: открывались госпитали, подвозились госпитальныя вещи, порохъ, продовольствіе и наконецъ, что самое главное, подходили подкрѣпленія. Такъ въ это время вступила уже въ Крымъ 12-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и Уральскимъ Казачьимъ полкомъ. Передовыя полки этой дивизіи въ концѣ сентября были уже въ Перекопѣ, и, затѣмъ, начиная съ 3-го октября стали постепенно присоединяться къ войскамъ Крымской арміи. Послѣдній эшелонъ прибылъ на позицію 9-го октября [2]).

Слѣдомъ за 12-ою дивизіею шли полки 10 и 11-й дивизій, а спустя нѣсколько дней, по той же дорогѣ, спѣшили въ Севастополь чтобы раздѣлить боевые труды войскъ два царскихъ сына Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи.

«Полагаю, писалъ Императоръ князю Горчакову [3]), что долгъ чести требуетъ, чтобы ты Моихъ *рекрутъ*, немедля отправилъ въ Крымъ, къ Меншикову, съ тѣмъ чтобы они тамъ оставались при немъ до миновенія опасности, или до изгнанія непріятеля; потомъ же чтобъ воротились къ тебѣ. Ежели опасность есть, то не Моимъ

[1]) «Помоги тебѣ Господь отстоять до прибытія 4-го корпуса, которое рѣшительно поможетъ въ пользу нашу, писалъ Императоръ кн. Горчакову въ рескриптѣ отъ 12-го октября. Какъ опять не поблагодарить тебя за твою рѣшимость не останавливать его движенія въ Крымъ. Если есть еще надежда спасти Севастополь, то она вся въ скоромъ прибытіи сего рѣшительнаго подкрѣпленія».

[2]) Полки прибывали въ слѣдующемъ порядкѣ. 3-го октября прибылъ Уральскій казачій № 1-го полка и расположился на р. Качѣ близъ Бахчисарая; 4-го октября—Азовскій пѣхотный; 5-го октября—Днѣпровскій съ легкою № 6-го батареею 12-й артиллерійской бригады. Оба эти полка вмѣстѣ съ батареею были расположены въ сел. Чоргунѣ, вмѣстѣ съ Владимірскимъ пѣхотнымъ полкомъ. 6-го октября прибыли Одесскій полкъ, батарейная № 4-го и легкая № 7-го батареи 12-й артиллерійской бригады и расположены на высотахъ, на правомъ берегу Бельбека, близъ деревни того же имени. Наконецъ 9-го октября прибыли въ селен. Чоргунь Украинскій полкъ съ легкою № 8-го батареею, 12-й артиллерійской бригады, а въ селен. Дуванкой четвертый стрѣлковый батальонъ. См. журналъ воен. дѣйствій. Воен. учен. арх. д. № 3590 и дѣло № 3346.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 13 и 14 октября.

дѣтямъ удаляться отъ нея, а собой подавать примѣръ другимъ. И такъ съ Богомъ, вели имъ отправиться туда».

Скорѣйшее, по возможности, прибытіе подкрѣпленій было крайне необходимо для кн. Меншикова и выводило его изъ затруднительнаго положенія, такъ какъ и безъ того превышавшій своею численностію непріятель былъ еще усиленъ прибытіемъ свѣжихъ и весьма значительныхъ подкрѣпленій.

Еще до перваго бомбардированія Севастополя въ подкрѣпленіе Французской арміи прибыла кавалерійская бригада д'Алонвиля. Вслѣдъ затѣмъ высадилась 5-я пѣхотная дивизія Лавальяна, состоявшая изъ двухъ бригадъ: Ла-Могружа и Кустона, и, наконецъ на другой день послѣ бомбардированія, прибыла бригада Базена. Англичане также получили въ подкрѣпленіе до 4 т. человѣкъ. Словомъ сказать около этого времени численность французской арміи достигала до 50 тыс. человѣкъ, а англійской—въ 35,645 человѣкъ.

Цифра эта значительно превышала то число войскъ, которое было въ распоряженіи князя Меншикова даже и съ прибытіемъ подкрѣпленій. Съ присоединеніемъ 12-й пѣхотной дивизіи, численность Крымской арміи, вмѣстѣ съ чинами флота, доходила только до 63807 человѣкъ пѣхоты [1]), изъ коихъ до 37 т. человѣкъ находилось въ составѣ Севастопольскаго гарнизона и 25807 штыковъ въ дѣйствующемъ отрядѣ [2]). Очевидно, что, при столь значительномъ превосходствѣ непріятеля, со стороны князя Меншикова не могло быть предпринято никакихъ энергическихъ мѣръ для перемѣны взаимнаго положенія двухъ враждующихъ сторонъ. О наступательныхъ дѣйствіяхъ съ нашей стороны, не могло быть и рѣчи —они не сулили никакого вѣроятія на успѣхъ. «Двинуться съ настоящими силами, доносилъ кн. Меншиковъ, полагаю было-бы идти на слишкомъ неравный бой, а атаковать непріятеля совокупно съ гарнизономъ Севастополя невозможно потому, что я едва ли буду въ состояніи быстро и своевременно перевесть туда артиллерію, не говоря уже о томъ, что крайне рисковано и трудно дебушировать войску изъ крѣпости подъ батареями враговъ». Чтобы произвести рѣшительное наступленіе, главнокомандующему Крымскою арміею оставалось ожидать прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій.

---

[1]) «Кавалерію я не считаю, писалъ кн. Меншиковъ, потому что на занимаемой непріятелемъ позиціи, участіе ея въ дѣлѣ можетъ быть самое ограниченное».

[2]) Всеподд. донесен. кн. Меншикова отъ 8-го октября, Арх. канц. воен. министер. д. № 102.

Руководствуясь исключительно правиломъ *«ничего не предпринимать на авось, а идти на вѣрное»*, Императоръ не могъ не согласиться съ мнѣніемъ князя Меншикова. Онъ находилъ также, что при томъ состояніи, въ которомъ была атака и оборона и при тѣхъ средствахъ, которыми располагалъ князь Меншиковъ, атаковать союзниковъ было бы неосторожнымъ [1]).

«Вполнѣ одобряю твой взглядъ на твое положеніе, писалъ Императоръ князю Меншикову [2]). *На авось ничего; идти навѣрное.* Полагаюсь совершенно на тебя, на усердіе и храбрость всѣхъ съ генераловъ и адмираловъ до солдатъ и матросовъ, и увѣренъ что русскимъ героямъ невозможнаго нѣтъ и всякій исполнитъ свой долгъ. Затѣмъ что Богъ опредѣлитъ тому и быть; безропотно покоримся Его волѣ. Не скрою мое опасеніе, что искусно ведомая атака съ огромными силами, не въ мѣру способамъ защиты, которую представляютъ наши временные окопы. Потому казалось бы мнѣ, что надо стараться замедлить успѣхъ осады контръ-апрошами отъ нашего лѣваго фланга, вдоль по оврагу, что отъ Лабораторіи, устраивая эполементы для орудій хотя полевыхъ, чтобъ брать во флангъ непріятельскія работы и тревожить частыми малыми вылазками.

«Не зная подробностей ведомой атаки не могу опредѣлить, не было-бъ-ли возможно сдѣлать на семъ флангѣ сильную вылазку для истребленія непріятельскихъ работъ. Надѣюсь что ты велѣлъ за внѣшней нашей линіей укрѣпленій устроить еще ретраншаменты и баррикады. Кварталъ госпиталя и казармъ надъ доками, сколько полагаю, довольно на это удобенъ.

«Наконецъ ежели опредѣлено свыше не спасти Севастополя, *не впасть духа*, но собравъ остатки гарнизона, надо съ нимъ отступить къ прибывшимъ резервамъ и, устроясь на удобной позиціи, не дать время укрѣпиться въ Севастополѣ, но сейчасъ же стараться непріятеля выбить.

«Въ Херсоне три мѣстныхъ парка; надѣюсь что этого станетъ тебѣ, до прихода 10-й и 11-й дивизій, ежели бы ты во время потребовалъ.

«Сыновьямъ Николаю и Михаилу Моимъ, дозволилъ Я ѣхать къ тебѣ; пусть присутствіе ихъ при тебѣ докажетъ войскамъ степень Моей довѣренности; пусть дѣти учатся дѣлить опасности вашн и

---

[1]) Собственноручное письмо Г. И. князю Горчакову отъ 13-го и 14-го октября.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 14 октября.

примѣромъ своимъ служатъ ободреніемъ храбрымъ нашимъ сухопутнымъ и морскимъ молодцамъ, которымъ ихъ Я ввѣряю».

«Опасаюсь очень, писалъ Императоръ въ тотъ же день князю Горчакову, чтобы приходъ сихъ двухъ (10-й и 11-й) дивизій не былъ бы позденъ. Все зависитъ отъ усилій непріятеля и храбрости защищающихся войскъ въ случаѣ штурма, на которую храбрость Я смѣло надѣюсь ежели ихъ *вести будутъ умѣть*. Невѣроятно, что бы все не кончилось въ тѣ 23 или 25 дней, которые протечь должны въ мучительномъ ожиданіи прибытія послѣдняго подкрѣпленія. Одинъ Богъ милосердый можетъ насъ спасти отъ угрожающей крайней опасности Севастополю».

Чтобы спасти городъ, или по крайней мѣрѣ облегчить участь его защитниковъ, приказано было, отправленнымъ въ Крымъ двухъ дивизіямъ 4-го корпуса слѣдовать какъ можно быстрѣе.

До прибытія въ Одессу обѣ дивизіи сдѣлали безостановочно 750 верстъ и затѣмъ опять по распоряженію князя Меншикова слѣдовали далѣе частію на подводахъ, частію форсированнымъ маршемъ, безъ дневокъ и по прибытіи на мѣсто не долго оставались праздными зрителями кровавой борьбы. Положеніе дѣлъ въ Севастополѣ весьма скоро призвало ихъ къ боевой дѣятельности и къ участію въ общемъ дѣлѣ.

Съ разсвѣтомъ 6-го октября непріятель снова открылъ огонь, поддерживаемый обѣими сторонами безпрерывно въ теченіе шести дней. Канонада эта вывела у насъ изъ строя 212 человѣкъ убитыми и 1327 человѣкъ ранеными. Въ эти дни съ оборонительной линіи было выпущено до 72 тысячь артиллерійскихъ снарядовъ и сожжено до 12 тысячь пудовъ пороха.

Столь огромный расходъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ того взгляда, который имѣли моряки на оборону роднаго имъ Севастополя. Они поддерживали огонь со всѣхъ батарей безпрерывно днемъ и ночью. «Съ 14-го числа сентября, доносилъ начальникъ артиллерійскихъ гарнизоновъ южнаго округа [1]), по день открытія имъ (непріятелемъ) 5-го числа текущаго мѣсяца дѣйствія съ устроенныхъ имъ батарей, изъ орудій сухопутнаго и морскаго вѣдомствъ выпущено огромное количество зарядовъ безъ всякихъ послѣдствій, отчего въ морскомъ вѣдомствѣ оказывается большой недостатокъ

---

[1]) Отъ 9-го октября № 4398. Арх. штаба инспектора всей артиллеріи по 2-му отд. д. № 8059.

въ порохѣ, на пополненіе коего требуется имъ экстренно порохъ изъ Николаева».

Сознавая, что при такихъ условіяхъ стрѣльбы, не хватитъ никакихъ запасовъ, генералъ-маіоръ Пихельштейнъ нѣсколько разъ обращался къ Корнилову, съ просьбою прекратить безпрерывную, но безполезную канонаду, но Корниловъ не принялъ въ уваженіе этихъ просьбъ и моряки по прежнему жгли порохъ безъ особенной надобности. Послѣ смерти Корнилова, Пихельштейнъ обратился съ тою же просьбою къ вице-адмиралу Станюковичу и генералъ-лейтенанту Моллеру, прося ихъ приказать командирамъ батарей «соображаясь съ обстоятельствами и гдѣ окажется возможнымъ, дѣйствовать рѣдкими, но мѣткими выстрѣлами».

Получивши на это согласіе, онъ донесъ о томъ кн. Меншикову, по распоряженію котораго былъ составленъ 7-го октября военный совѣтъ изъ пяти лицъ: генералъ-лейтенанта Моллера, вице-адмираловъ Станюковича и Нахимова, полковниковъ Тотлебена и Попова. Совѣтъ постановилъ воздержать дистанціонныхъ начальниковъ отъ скорой и весьма часто безцѣльной стрѣльбы, замѣнивъ ее болѣе мѣткою. Съ этою цѣлію приказано было наводить орудія болѣе правильно, открывать огонь всѣми орудіями не ранѣе того, какъ непріятель откроетъ свой огонь, а въ остальное время на каждомъ укрѣпленіи имѣть очередныя орудія, которыя могли бы вѣрною стрѣльбою вознаградить массу прежде выпускаемыхъ снарядовъ и мѣшать непріятельскимъ работамъ. Для лучшаго же сохраненія орудій при очередной стрѣльбѣ, тѣ изъ нихъ, которыя не дѣйствуютъ, поворачивать вдоль брустверовъ, скрывать ихъ за мерлонами, а прислугу за различными укрытіями [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ ближайшія къ Крыму учрежденія, въ которыхъ онъ могъ предполагать запасы пороха, отправили его въ Севастополь. Онъ предписалъ генералъ-лейтенанту Богушевскому немедленно отправить порохъ изъ Перекопа въ Севастополь [2]), а полковнику Щербачеву выслать изъ Симферополя въ Севастополь всѣ снаряды и порохъ какіе тамъ имѣлись [3]). Князь Меншиковъ просилъ командира Херсонскаго склада выслать весь порохъ находящійся въ Херсонѣ [4]), а наказнаго ата-

[1]) Воен. учен. арх. д. № 4310.

[2]) Предпис. Богушевскому 7-го октября за № № 1288 и 1289. Воен. учен. арх. д. № 3494.

[3]) Предпис. полковнику Щербачеву 7-го октября. Тамъ же.

[4]) Предпис. полковнику Павлову 8 октяб. № 1009. Воен. учен. арх. д. № 3494.

мана войска донскаго, — двинуть всѣ запасы какіе только есть въ Керчи, Арабатѣ, Феодосіи, Ростовѣ или гдѣ либо въ складахъ у Азовскаго моря [1]). Главнокомандующій приказалъ интенданту Черноморскаго флота контръ-адмиралу Метлину отправить изъ Николаева на тросчныхъ вольнонаемныхъ подводахъ весь запасный порохъ морскаго вѣдомства, какой только окажется въ Николаевѣ [2]). Не надѣясь однакоже получить его скоро и въ значительномъ количествѣ Меншиковъ опасался за дальнѣйшій исходъ обороны. «Отвѣчать на непріятельскую канонаду съ такою учащенностію, доносилъ онъ [3]), съ какою противники наши поддерживаютъ свой огонь —мы едвали будемъ въ состояніи въ продолженіи долгаго времени. Запасы пороха у насъ далеко не такъ значительны, какъ у непріятеля, судя по той расточительности, съ которою онъ расходуетъ противу насъ снаряды, и если вѣрить показаніямъ плѣнныхъ увѣрявшихъ, конечно преувеличенно, что у однихъ французовъ снарядовъ и пороха хватитъ на многіе мѣсяцы каждодневной усиленной канонады. Несомнѣнно, впрочемъ, то, что подвозка къ непріятелю снарядовъ и пороха конечно продолжается, тѣмъ болѣе что и погода неизмѣняемо благопріятна для плаванія въ морѣ».

Предположенія князя Меншикова были не вполнѣ справедливы недостатокъ въ порохѣ ощущался и въ союзномъ лагерѣ въ особенности у англичанъ.

«Сегодня пришли, писалъ корреспондентъ газеты Globe [3]), два корабля, одинъ съ порохомъ другой съ ядрами. Еслибъ этотъ запасъ не подоспѣлъ къ завтрашнему вечеру, намъ нечѣмъ было-бы стрѣлять изъ пушекъ большого калибра».

Выпустивъ въ первый день бомбардированія болѣе чѣмъ по 100 выстрѣловъ изъ каждаго орудія, англичане истратили большую часть запаса своихъ снарядовъ, и если бы продолжали бомбардированіе съ тою же силою, съ которою оно производилось 5-го и 7-го октября, то, по собственному ихъ сознанію, не далѣе какъ черезъ шесть дней всѣ ихъ батареи были-бы лишены возможности открывать огонь. Запасъ артиллерійскихъ снарядовъ у союзниковъ былъ на столько незначителенъ, что нѣкоторыя орудія имѣли не болѣе какъ по 120 зарядовъ. Артиллерійской прислуги у англичанъ было до того недостаточно, что они должны были почью прекращать

---

[1]) Отношеніе Хомутову 8-го октяб. № 1303. Тамъ же.

[2]) Тоже Метлину 7-го октября № 1292. Тамъ же.

[3]) Всеподд. донесеніе отъ 8-го октября. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

[4]) Отъ 8 (20) октября. Матеріалы вып. IV, 291.

огонь и тѣмъ давали намъ возможность исправлять поврежденія въ земляныхъ веркахъ, нанесенныя днемъ. «Чтобы поддерживать лишь умѣренный огонь съ утра до вечера, писали англичане, наши офицеры и артиллерійская прислуга, должны были оставаться на своихъ постахъ по шестнадцати часовъ каждыя сутки, такъ что оставалось лишь шесть часовъ для сна и пищи, за исключеніемъ времени употребляемаго для перехода изъ лагеря въ траншеи и обратно».

Все это конечно не могло быть извѣстно князю Меншикову. Главнокомандующій въ своимъ дѣйствіяхъ могъ руководиться только тѣми результатами, которые видѣлъ въ работахъ атакующаго и тѣми средствами, которыми могъ располагать самъ. Онъ видѣлъ, что осадныя работы французовъ подвигаются впередъ на столько быстро, что къ утру 12 октября, они подошли уже на 200 саженъ къ четвертому бастіону, т. е. на такое разстояніе, на которомъ стрѣльба картечью становилась дѣйствительною. Чтобы замедлить дальнѣйшее движеніе непріятеля впередъ было приказано въ теченіе всей ночи производить съ нашихъ батарей картечную стрѣльбу. По указанію секретами мѣста работъ французовъ, тотчасъ же открывался огонь и продолжался безпрерывно четверть часа. По прошествіи этого времени стрѣльба прекращалась и высылались снова секреты, затѣмъ, по новому ихъ донесенію, опять открывался огонь и такъ поступали до самаго разсвѣта [1]).

Утромъ 13-го октября замѣчено было что французы успѣли вывести короткій зигзагъ, отъ правой оконечности второй параллели и устроить впереди этой параллели завалы для стрѣлковъ; англичане же продолжая подвигаться по Воронцовской высотѣ заложили часть второй параллели, въ 450 саженяхъ отъ исходящаго угла третьяго бастіона.

Быстрое приближеніе французовъ къ четвертому бастіону, а главное опасеніе за недостатокъ у насъ пороха не могли не заботить князя Меншикова. Считая свое положеніе не только затруднительнымъ, но даже опаснымъ, *онъ помышлялъ объ оставленіи Севастополя* и о переводѣ гарнизона на сѣверную сторону рейда.

«При продолжающемся неумолкаемо уже восьмыя сутки бомбардированіи города, доносилъ онъ [2]), приближается и то время, въ

---

[1]) Рап. генер. лейтенанта Моллера кн. Меншикову 14-го октября № 333. Арх. главн. штаба.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 11-го октября. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

которое непріятель по всѣмъ вѣроятіямъ получитъ рѣшительный надъ нами перевѣсъ и настанетъ для насъ минута необходимости вывести весь гарнизонъ на сѣверную сторону подъ прикрытіемъ кораблей».

Во избѣжаніе столь печальнаго событія являлась необходимость отвлечь на время вниманіе союзниковъ отъ города и хотя на нѣсколько дней замедлить движеніе впередъ ихъ осадныхъ работъ. Чтобы достигнуть этого, въ рукахъ обороняющагося было единственное средство—перейти въ наступленіе, но при этомъ являлся вопросъ: въ какомъ направленіи можно произвести его съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ?

Движеніе впередъ лѣвымъ флангомъ съ постепеннымъ занятіемъ мѣстности кн. Меншиковъ не признавалъ возможнымъ исполнить. Онъ находилъ, что въ этомъ случаѣ наступающимъ войскамъ пришлось бы двигаться подъ сильнымъ огнемъ непріятельскихъ батарей и притомъ «споря съ препятствіями самой мѣстности, превышающей всѣ скаты, по которымъ должно дебушировать войско». Къ тому же, въ случаѣ неудачи и при необходимости отступить, мы могли на своихъ плечахъ внести непріятеля въ городъ; и потому чтобы достигнуть успѣшныхъ результатовъ необходимо было искать инаго направленія — внѣ города. Ближайшій осмотръ окрестностей Севастополя убѣдилъ князя Меншикова, что высоты окаймляющія долину р. Черной и находящіяся въ тылу непріятеля доступны для артиллеріи и слѣдовательно возможны для наступленія съ этой стороны, тѣмъ болѣе что съ занятіемъ селенія Чоргунъ нашими войсками, мы могли возлѣ него сосредоточить свои силы не бывъ замѣчены непріятелемъ. Склоняясь на возможность наступленія со стороны сел. Чоргуна князь Меншиковъ не признавалъ однакоже возможнымъ произвести его съ тѣми наличными силами, которыя у него были и потому не видѣлъ хорошаго исхода для обороны.

«Геройская оборона—отвѣчалъ на это Императоръ [1]) не допускавшій мысли о столь быстромъ оставленіи Севастополя — столь успѣшно продолжающаяся и частные случаи молодечества изумительнаго Меня восхищаютъ; тѣмъ было бы Мнѣ горѣстнѣе, ежелибъ всѣ эти примѣрныя усилія несравненныхъ нашихъ войскъ, должны были кончиться тѣмъ, чтобы мы бросили Севастополь, перейдя на сѣверную сторону, съ помощію *кораблей* какъ ты ко Мнѣ изъ-

[1]) Въ собственноруч. письмѣ кн. Меншикову отъ 16-го октября.

яснился. Кажется Мнѣ это все равно, что предвидѣть, что Севастополь не надѣемся спасти и въ такомъ случаѣ и *флотъ* должно считать приговореннымъ къ уничтоженію. Естественно, что ежели сами его не уничтожимъ, то въ самое скорое время, онъ будетъ сожженъ огнемъ непріятеля.

«Письмо твое къ кн. Долгорукову однако Меня нѣсколько утѣшаетъ, ибо ты ему пишешь: «qu' il n'est pas improbable que Sevastopol pourra tenir jusqu' à l'arrivée des 10-ème ét 11-ème divisions, изъ чего заключить желаю что ты самъ еще не потерялъ надежды въ возможности спасенія. Ускоренное движеніе сихъ дивизій и рекогносцировка вдоль долины Черной, убѣдившая тебя въ возможности атаковать съ сей стороны, а въ особенности геройство гарнизона, дозволяютъ Мнѣ еще надѣяться, что съ помощію Божіею роковой день Севастополя и флота Черноморскаго еще не насталъ!

«Нѣтъ сомнѣнія что атака непріятелемъ ведется искусно — это присланный тобою планъ доказываетъ, но и оборона хороша. Опасною считаю новую вражью батарею противъ лабораторной казармы, ибо съ нея бить можно будетъ по кораблямъ, ежели съ сѣвернаго берега не удастся тебѣ сбить этой батареи — что очень бы желательно. Полагаю, что хорошо бы также повторять ночныя вылазки даже небольшими отрядами: но ранѣе чѣмъ это письмо до тебя дойдетъ, вѣроятно все уже будетъ рѣшено. Буди воля Божія!

«Когда дойдутъ 10-я и 11-я дивизіи, надѣюсь, что ты во всякомъ случаѣ найдешь возможность нанесть ударъ непріятелю, чтобъ поддержать честь оружія нашего. Крайне желательно, въ глазахъ иностранныхъ враговъ нашихъ и даже самой Россіи доказать, что мы все еще тѣже русскіе 1812-го года, Бородинскіе и Парижскіе! Да поможетъ тебѣ въ томъ Богъ великосердый.

«Благодари всѣхъ и каждаго за ихъ богатырскій духъ, за ихъ вѣрную службу и скажи всѣмъ что одного жалѣю, что я не съ вами; за то дѣти Мои среди васъ будутъ».

Вопросъ о наступленіи съ нашей стороны составлялъ искреннѣйшее желаніе всѣхъ тѣхъ, которые видѣли въ этомъ залогъ успѣха военныхъ дѣйствій и благополучный исходъ Крымской кампаніи.

Почти со дня высадки союзниковъ Императоръ Николай I, въ своихъ письмахъ князю Меншикову, неоднократно высказывалъ надежду что главнокомандующій не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и перейдетъ въ наступленіе. Онъ надѣялся что съ прибытіемъ подкрѣпленій, Крымская армія если не превыситъ,

то сравняется численностью съ непріятелемъ и мы будемъ имѣть возможность атаковать его.

Князь Меншиковъ, какъ мы только что видѣли, вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе о необходимости наступательныхъ дѣйствій, но не находилъ возможнымъ приступить къ этому потому, что вновь прибывавшія войска подходили къ нему малыми частями, едва хватавшими на пополненіе ежедневной убыли въ Севастопольскомъ гарнизонѣ. Принужденный для комплектованія гарнизона вводить въ городъ новые полки, князь Меншиковъ оставался самъ съ такими силами, съ которыми не могъ предпринять никакихъ дѣйствій въ полѣ. Прикованный силою обстоятельствъ къ Севастополю, онъ ожидалъ прибытія болѣе значительной массы войскъ, а между тѣмъ продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ дней бомбардированіе города ставило его въ крайне затруднительное положеніе. Главнокомандующій полагалъ, что если подобное состояніе дѣлъ продлится еще нѣсколько дней, то у насъ не хватитъ пороха для отвѣтныхъ выстрѣловъ. *Только по избѣжаніи силъ отчаянного положенія* дѣлъ князь Меншиковъ рѣшился не ожидая прибытія 10 и 11 пѣхотныхъ дивизій, предпринять наступленіе съ тѣмъ, чтобы хотя на время отвлечь вниманіе непріятеля отъ Севастополя. По этому, какъ только 12 пѣхотная дивизія вступила въ Крымъ, главнокомандующій потребовалъ къ себѣ начальника этой дивизіи генералъ-лейтенанта Липранди. Показавши ему письмо, въ которомъ Императоръ особенно рекомендовалъ Липранди, какъ хорошаго и опытнаго генерала, князь Меншиковъ высказалъ ему намѣреніе атаковать непріятеля со стороны Балаклавы, какъ самаго слабаго пункта непріятельскаго расположенія и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма важнаго для англичанъ.

Для послѣднихъ Балаклава была портомъ, арсеналомъ и складочнымъ мѣстомъ, откуда они получали все необходимое. Занятіе нами Балаклавы могло поставить англичанъ въ самое безвыходное положеніе, тѣмъ болѣе что укрѣпленія, защищающія доступъ къ этому пункту, не приведены еще были къ окончанію. Но, чтобы достигнуть важныхъ результатовъ при нападеніи, надо было необходимо сосредоточать значительныя силы, чтобы имѣть численный перевѣсъ надъ непріятелемъ, занявшимъ трудно доступныя мѣста и укрѣпленныя позиціи. При малочисленности силъ мы не только не могли ожидать успѣха, но преждевременно обнаруживали наши намѣренія и тѣмъ давали противнику возможность усилить свою оборону до прибытія нашихъ подкрѣпленій.

Объяснивъ положеніе дѣлъ, и то состояніе, въ которомъ находилась атака и оборона, князь Меншиковъ поручилъ Липранди осмотрѣть расположеніе непріятеля и представить свои соображенія относительно наступательныхъ дѣйствій.

Непріятельская позиція была растянута на весьма значительномъ пространствѣ, начиная отъ горы Сиплін близъ Балаклавы и до Стрѣлецкой бухты. У Балаклавы стояли турки, съ частью англичанъ, а далѣе по Сапунъ горѣ, до Лабораторной балки, тянулись французы, упиравшіеся лѣвымъ флангомъ въ Воронцовскую дорогу близъ телеграфа. На высотахъ, впереди селенія Кадыкіой, стоялъ отдѣльный непріятельскій отрядъ, который, во время рекогносцировки Липранди, занимался постройкою укрѣпленій, а за селеніемъ видѣнъ былъ бивуакъ кавалеріи. Противъ оборонительной линіи находился осадный корпусъ, расположенный отдѣльными лагерями по всему Херсонесскому полуострову, перерѣзанному тремя глубокими балками.

Основываясь на растянутости и раздѣльности непріятельской позиціи, генералъ Липранди составилъ планъ дѣйствій, по которому предполагалось атаковать англо-французовъ со стороны селен. Чоргунъ, какъ пункта, который былъ весьма важенъ въ стратегическомъ отношеніи, до тѣхъ поръ пока осада Севастополя могла продолжаться съ южной стороны. Пунктъ этотъ былъ грозенъ для Балаклавы, угрожалъ тылу осаждающихъ, а потому Липранди предполагалъ прежде всего овладѣть устроенными передъ селен. Кадыкіой редутами, а за тѣмъ съ достаточными силами двинуться въ тылъ непріятеля на Сапунъ гору, которая въ то время не была еще сильно укрѣплена и представляла возможность, въ трехъ мѣстахъ, не только подняться на нее пѣхотными колонами, но и ввести кавалерію съ конною артиллеріею.

Предположенія эти давали полную надежду на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что разобщенный балками непріятель, не могъ противопоставить намъ въ этомъ пунктѣ значительныхъ силъ.

Къ 22-му октября, съ прибытіемъ 10 и 11-й пѣхотныхъ дивизій, можно было собрать въ Чоргунѣ 65 батальоновъ, 52 эскадрона, 18 сотенъ казаковъ и до 200 орудій батарейныхъ и легкихъ, какъ пѣшихъ такъ и конныхъ. Проектъ атаки удовлетворялъ всѣмъ возраженіямъ, былъ изложенъ съ мельчайшими подробностями и даже съ указаніемъ направленій, по которымъ слѣдовало двигаться на раздѣльные непріятельскіе лагери.

По составленной диспозиціи предполагалось прежде всего овла-

дѣть редутами, находившимися впереди селенія Кадыкіой, а затѣмъ всею массою войскъ двинуться на Сапунъ гору, оставивъ резервомъ въ редутахъ, дивизію пѣхоты съ ея артиллеріею. За исключеніемъ этой дивизіи можно было ввести на Сапунъ гору: 49 батальоновъ, 52 эскадрона, 18 сотенъ казаковъ и 152 орудія.

Генералъ Липранди находилъ возможнымъ подняться тремя колоннами: первая и самая сильная,—двигаясь по шоссе, и, взойдя на Сапунъ-гору,—должна была направиться на хуторъ Ознобишина и стремительно атаковать англичанъ, которые, будучи отдѣлены отъ французовъ глубокою балкою, могли быть разбиты до прибытія къ нимъ подкрѣпленій.

Средняя колонна должна была идти между шоссе и дорогою изъ Кадыкіой въ Севастополь, подняться на Сапунъ гору и выстроиться въ боевой порядокъ, примыкая правымъ флангомъ къ хутору Папахристо. Назначеніемъ этой колонны было удерживать французовъ и не позволять имъ подать помощь англичанамъ, атакованнымъ правою колонною.

Въ лѣвую колону назначалась вся кавалерія и часть пѣхоты; причемъ кавалерія должна была направиться на селеніе Карань и отбросить непріятельскую кавалерію, а пѣхота, поднявшись на Сапунъ гору, стать на позицію между хуторами Соколовскаго и Ергомышева. Дивизія оставленная въ резервѣ, въ редутахъ, имѣла цѣлію наблюдать за движеніями непріятеля изъ Кадыкіоя и не дозволять ему двинуться на помощь атакованнымъ.

Планъ этотъ представлялъ тѣ выгоды, что мы могли дѣйствовать всею массою войскъ, а главное, что кромѣ пѣхоты вводили на гору всю кавалерію, которой у насъ было значительно болѣе чѣмъ у непріятеля.

При благопріятномъ и точномъ исполненіи этой диспозиціи, войска дѣйствуя совокупно, могли разбить союзниковъ по частямъ. Въ случаѣ же неудачи, отступленіе могло быть совершено въ порядкѣ, такъ какъ войска не имѣли сзади девилей, а резервъ оставленный въ редутахъ, всегда могъ поддержать отступающія части.

Князь Меншиковъ вполнѣ одобрилъ составленный проектъ и положено было ожидать только прибытія 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій и нѣкоторыхъ другихъ частей войскъ, направленныхъ княземъ Горчаковымъ къ Севастополю. По 10-го октября, вечеромъ, пріѣхалъ къ генералу Липранди генеральнаго штаба полковникъ Поповъ и отъ имени князя сообщилъ, что такъ какъ непріятель не перестаетъ сильно бомбардировать Севастополь, а у насъ чув-

ствуется недостатокъ въ порохѣ, то необходимо отвлечь его вниманіе отъ города, а потому главнокомандующій и предполагаетъ сдѣлать всею 12-ою дивизіею сильную вылазку изъ Севастополя.

Рано утромъ слѣдующаго дня Липранди поѣхалъ къ князю Меншикову, и объяснилъ всю невозможность вылазки въ назначенномъ мѣстѣ. Онъ говорилъ, что подобная вылазка не только безполезна, но можетъ быть гибельна для Севастополя; что при столь незначительныхъ силахъ можно внести въ городъ непріятеля на своихъ плечахъ. Князь согласился съ приведенными доводами, тѣмъ болѣе, что это было и его собственное мнѣніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ находилъ необходимымъ, какъ онъ выразился: *«сдѣлать что нибудь для отвлеченія непріятеля отъ Севастополя»*, и потому рѣшилъ, не ожидая прибытія двухъ дивизій 4-го корпуса, сдѣлать наступленіе съ одною дивизіею Липранди, и ограничиться на первый разъ взятіемъ редутовъ, расположенныхъ впереди селенія Кадыкіой.

Князь Меншиковъ возложилъ исполненіе этого предпріятія на генералъ-лейтенанта Липранди, подъ начальствомъ котораго былъ сформированъ отдѣльный отрядъ изъ войскъ, находившихся внѣ Севастополя и частью только-что прибывшихъ. Въ составъ этого отряда вошли: 12-я пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, вторая бригада 6 легкой кавалерійской дивизіи, сводный уланскій полкъ, уральскій казачій № 1 и донской № 53 полки, съ двумя конно-артиллерійскими батареями: донскою батарейною № 3 и конно-легкою № 12.

Липранди возражалъ противъ такого рѣшенія. Онъ, совершенно справедливо, находилъ, что съ тѣми силами, которыя назначалъ главнокомандующій въ составъ дѣйствующаго отряда, атака будетъ преждевременна, что для дѣйствительнаго успѣха и достиженія какого либо результата, необходимы болѣе значительныя силы, что наступленіе съ одною дивизіею пѣхоты немыслимо, такъ какъ она пробудитъ только вниманіе непріятеля, откроетъ дальнѣйшія наши намѣренія и укажетъ ему можно сказать на единственное мѣсто, гдѣ онъ долженъ ожидать рѣшительнаго удара съ нашей стороны.

— У насъ недостатокъ въ порохѣ, отвѣчалъ на это князь Меншиковъ и настаивалъ, что бы наступательное движеніе было произведено на слѣдующій же день, т. е. 12 октября.

Имѣя въ виду, что полки второй бригады 12 пѣхотной дивизіи прибудутъ на чоргунскую позицію весьма поздно 11 октября, а Украинскій егерскій полкъ съ легкою № 8 батареею сдѣлаютъ переходъ въ 36 верстъ, генералъ Липранди просилъ отложить атаку

до 13-го числа, съ тѣмъ, чтобы войска имѣли время устроиться и отдохнуть, а полковые, батальонные и батарейные командиры могли ознакомиться съ мѣстностью, на которой имъ придется дѣйствовать [1]).

«Сожалѣя, что задуманное предпріятіе не осуществится завтра, отвѣчалъ князъ Меншиковъ, разрѣшаю вамъ отложить до послѣ завтра, но съ тѣмъ, чтобы оно непремѣнно было приведено въ исполненіе» [2]).

И такъ, вотъ тѣ причины и обстоятельства, которыя предшествовали балаклавскому сраженію. Оно вызвано было желаніемъ отвлечь вниманіе непріятеля и заставить его уменьшить бомбардированіе города, такъ какъ у обороняющагося ощущался недостатокъ въ порохѣ. Но справедливы-ли эти опасенія?

Къ вечеру 9 октября при Севастопольскомъ гарнизонѣ, не считая запасовъ морскаго вѣдомства, было пороху въ боченкахъ 4900 пудовъ: въ минахъ устроенныхъ подъ батареями: Константиновскою, Михайловскою и № 4 и въ бастіонахъ № 5 и № 6, Малаховомъ курганѣ и сѣверномъ укрѣпленіи было 551 пудъ, и, сверхъ того, по сто зарядовъ на каждое орудіе, во всѣхъ головныхъ приморскихъ фортахъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ и, наконецъ, по 40 зарядовъ на внутреннихъ приморскихъ батареяхъ [3]). Такимъ образомъ, не считая пороха бывшаго въ запасахъ морскаго вѣдомства, того который находился въ зарядахъ на приморскихъ фортахъ, и, наконецъ, того который былъ на судахъ черноморскаго флота, остававшихся въ бездѣйствіи — мы видимъ что къ вечеру 9 октября, въ запасахъ одного сухопутнаго вѣдомства находилось до 12951 пуда пороха [4]).

Изъ донесеній офицеровъ, сопровождавшихъ транспорты штабъ Крымской арміи долженъ бы былъ знать, что изъ Херсона слѣдуетъ 5901 пудъ, въ трехъ транспортахъ изъ коихъ первый прибылъ въ Севастополь 13, второй — 19, и наконецъ третій — 21 октября [5]).

---

[1]) Рапортъ Липранди 11 октября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 3346.

[2]) Отношеніе кн: Меншикова Липранди 11 октября. Тамъ же.

[3]) Рап. начальника артиллеріи южнаго округа генерала Пихельштейна Инспектору артиллеріи 9 октября. Арх. главн. артиллер. управ. по 2 отд. № 8059.

[4]) Къ вечеру 9 октября на оборонительной линіи находилось 375 орудій. Полагая среднимъ числомъ зарядъ въ 8 ф. получимъ, что въ готовыхъ зарядахъ было 7500 пудовъ пороха

[5]) Транспорты эти были сданы: первой 13 октября, второй между 19 и 25 и третій — между 21 и 30 октября. Причиною медленной сдачи былъ недостатокъ пріемщиковъ.

Съ 4 и по 9 число октября включительно сухопутными батареями израсходовано было до 13500 пудовъ, а съ 4 по 12 число около 18000 пудовъ, пороха [1]). Слѣдовательно при самомъ большомъ расходѣ его, какъ на примѣръ въ день перваго бомбардированія, когда моряки стрѣляли залпами, жгли порохъ не жалѣя, то и тогда средній расходъ его простирался отъ 2 до $2^1/_2$ тысячь пудовъ въ день. При болѣе же правильномъ веденіи огня, указанномъ совѣтомъ, при замѣтномъ ослабленіи канонады непріятелемъ — состоявшаго на лицо пороха и готовыхъ зарядовъ было-бы достаточно, по крайней мѣрѣ, на недѣлю, т. е. до доставленія новыхъ транспортовъ и прибытія, 17 октября, 10 пѣхотной дивизіи [2]).

Въ ожиданіи прибытія транспортовъ, князь Меншиковъ всегда имѣлъ возможность взять порохъ съ судовъ флота, освободить порохъ бывшій въ минахъ тѣхъ батарей, которыя находились на сѣверной сторонѣ, и, наконецъ, взять порохъ изъ мѣстныхъ Херсонскихъ парковъ, остававшихся весьма долгое время нетронутыми [3]). Точное знаніе средствъ обороны, предварительныя и своевременныя распоряженія могли бы устранить опасенія и ложную необходимость начинать дѣло рановременно, и, обнаруживши свои намѣренія, не имѣть возможности привести ихъ въ исполненіе съ успѣхомъ. Но, дѣло въ томъ, что въ главномъ штабѣ Крымской арміи не имѣлось точныхъ свѣдѣній о количествѣ пороха и средствахъ обороны. Въ пріемѣ транспортовъ не было порядка; въ расходованіи пороха существовалъ полный произволъ. Моряки,

---

[1]) Арх. канцел. воен. министерства д. № 96.

[2]) «Не должно ожидать, доносилъ генералъ Пихельштейнъ отъ 18 октября, чтобы въ порохѣ могъ случиться большой недостатокъ, котораго, за исключеніемъ переданнаго нынѣ въ морское вѣдомство 1833 п. 2 ф. и находящагося на нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ батарей, для минъ 551 пуда, остается по 18 число сего мѣсяца налицо 978 п. 15 ф. и сверхъ того на всѣхъ наружныхъ приморскихъ батареяхъ и сухопутныхъ укрѣпленіяхъ имѣется по 100 готовыхъ боевыхъ зарядовъ на орудіе, а на внутреннихъ приморскихъ батареяхъ по 40 зарядовъ на орудіе.» Арх. глав. арт. управ. по 2 отдѣл. № 8059.

[3]) Nous avons été en grand émoi, писалъ князь М. Д. Горчаковъ князю Меншикову, tous ces jours-ci pour vous procurer de la poudre. Les informations officielles des mesures que j'ai prises à cet égard vous feront voir, mon cher Prince, que dans cette occasion, comme dans toute les autres, je retourne mes poches pour vous prêter assistance. Néanmoins comme je vois d'après la correspondance que vous n'avez pas touché à la poudre des mêmes parks de Kherson, j'en conclus que la pénurie n'est pas aussi grande qu' on pourrait le supposer». (Письмо отъ 16 октября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II).

командиры бастіоновъ и батарей, дѣлали излишній запасъ зарядовъ и не показывая ихъ по отчетамъ, скрывали на черный день. Въ такомъ положеніи дѣло оставалось до 20-го декабря, когда генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ (нынѣ графъ), будучи назначенъ начальникомъ Севастопольскаго гарнизона, призналъ необходимымъ водворить въ этомъ нѣкоторый порядокъ [1]). Онъ составилъ особую инструкцію [2]), въ которой указалъ на правила пріема транспортовъ, зарядовъ и веденія правильной отчетности. Въ его штабѣ сосредоточились точныя свѣдѣнія о средствахъ обороны и недостатокъ ихъ не служилъ уже поводомъ къ преждевременнымъ предпріятіемъ, подобнымъ Балаклавскому сраженію.

По мнѣнію автора, дѣло при Балаклавѣ, окончившееся занятіемъ нами трехъ редутовъ впереди селен. Кадыкіой, принесло намъ слѣдующія выгоды: непріятель понесъ значительную потерю, принужденъ былъ стѣснить свой кругъ дѣйствій и позаботиться объ укрѣпленіи Балаклавы. Защитники города получили нравственное успокоеніе и убѣдились въ возможности бороться съ сильнымъ противникомъ, но за то союзники увидѣли свой слабый пунктъ и приняли мѣры къ отраженію грозившаго имъ удара. Это послѣднее обстоятельство, по нашему мнѣнію, уничтожило всѣ выгоды, пріобрѣтенныя нами, и передало ихъ въ пользу союзниковъ. Балаклавское сраженіе принесло намъ положительный вредъ, а не пользу.

Не оспаривая того, что сраженіемъ этимъ была достигнута цѣль временнаго отвлеченія непріятеля отъ города, мы должны однакоже сознать, что, по своимъ послѣдствіямъ, оно было далеко не въ нашу пользу и не оправдывало той поспѣшности, съ которою было предпринято.

Говорятъ, что побѣда на Кадыкіойскихъ высотахъ значительно возвысила духъ Севастопольскаго гарнизона, что она ободрила войска, указала имъ на возможность побѣды надъ союзниками — словомъ имѣла огромное нравственное вліяніе на послѣдующую оборону Севастополя. «Катастрофа Алминскаго сраженія была забыта, пишетъ Тотлебенъ, снова явилось неограниченное довѣріе къ превосходству русскаго оружія и духъ гарнизона возвысился».

Справедливо, что войска съ восторгомъ узнали о побѣдѣ одержанной надъ врагами и что побѣда 13-го октября поощрила утоми-

---

[1]) Рапор. барона Остенъ-Сакена кн. Меншикову 19 декабря 1854 г. № 405. Воен. учен. арх. д. № 3338.

[2]) Она находится въ д. № 3338 воен. учен. архива.

тельную дѣятельность и геройскія усилія Севастопольскаго гарнизона, привѣтствовавшаго побѣдителей единодушнымъ крикомъ «ура»! пролетѣвшимъ по оборонительной линіи, съ одного конца до другаго. Хотя русское «ура»! было такъ громко, что, по свидѣтельству очевидцевъ, непріятель прекратилъ огонь, недоумѣвая, что означалъ этотъ крикъ, — тѣмъ не менѣе мы не рѣшаемся видѣть въ этомъ большаго нравственнаго вліянія оказаннаго сраженіемъ на севастопольскій гарнизонъ.

Возвышеніе или упадокъ духа арміи,—это невѣсомое начало не имѣющее точнаго мѣрила, — опредѣляется характеромъ дѣйствій этихъ же войскъ. Предъидущая дѣятельность защитниковъ города не даетъ основанія говорить, ни объ упадкѣ духа до Балаклавскаго сраженія, ни объ особенномъ возвышеніи его, послѣ сраженія; послѣдующія же дѣйствія гарнизона, какъ увидимъ ниже, не высказались ни чѣмъ, что могло бы указать на огромное нравственное вліяніе этого сраженія. Свидѣтели и участники обороны, подтвердятъ, что какъ до одержанной нами побѣды, такъ и послѣ ея, Севастопольскій гарнизонъ одинаково принималъ смерть и увѣчья съ изумительною безропотностью, закалявшею въ немъ только желаніе отмстить врагу и сойтиться съ нимъ грудь съ грудью. На самыя опасныя работы не было надобности наряжать, къ допущенію въ охотники, на отчаянныя вылазки, принуждены были бросать жребій; самыя усиленныя работы производились безъ всякаго принужденія,—всѣ работали неутомимо и побѣги нижнихъ чиновъ, случающіеся въ мирное время, не имѣли здѣсь мѣста. Вотъ то нравственное состояніе гарнизона, которое было до Балаклавской побѣды и которое, не увеличиваясь и не уменьшаясь, осталось тѣмъ же и послѣ ея. Во всякомъ же случаѣ, нравственное состояніе гарнизона было таково, что переходъ къ наступленію нѣсколькими днями ранѣе или позже не могъ имѣть на него никакого вліянія.

Правда, въ день 13-го октября, мы имѣли блестящій успѣхъ, овладѣли передовыми редутами съ весьма малою потерею, утвердились на лѣвомъ берегу р. Черной и заняли позицію въ тылу непріятеля, въ получасовомъ разстояніи отъ пути отступленія англичанъ и не далѣе часа отъ главной квартиры лорда Раглана. Господствуя на обоихъ берегахъ р. Черной, мы остановились передъ Балаклавскимъ ущельемъ и въ селен. Комары, какъ бы для того, чтобы оставить за собою возможность во всякое время броситься на позицію французовъ и англичанъ. Однимъ словомъ, смотря глазами

испуганныхъ въ первое время союзниковъ, мы приняли на себя роль похожую болѣе на осаждающихъ, чѣмъ на осажденныхъ.

Но всѣ эти кажущіеся успѣхи, повидимому очень важные, въ сущности принесли намъ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу.

Занятую нами позицію впослѣдствіи мы сами же принуждены были оставить безъ боя, а въ данную минуту, съ тѣмъ отрядомъ, который былъ въ распоряженіи генерала Липранди, не было возможности продолжать наступательныя дѣйствія далѣе Кадыкіойскихъ высотъ и всѣ выгоды побѣды сами собою исчезали. Оставаясь на мѣстѣ и ожидая прибытія новыхъ подкрѣпленій, мы преждевременно обнаружили свои намѣренія, пробудили вниманіе союзниковъ, открыли имъ глаза, указали слабые ихъ пункты, и, развернувшись какъ говорится нараспашку, остановились, давая имъ время и средства исправить свою ошибку.

Балаклавское сраженіе показало англо-французамъ, что селеніе Чоргунъ есть такой пунктъ, и притомъ единственный, откуда мы могли и можемъ съ успѣхомъ дѣйствовать наступательно и нанести серьезный ударъ непріятелю.

Потерявши часть внѣшней оборонительной линіи подъ Балаклавою, и будучи стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, союзники первое время помышляли о совершенномъ оставленіи Балаклавы. Мысль эта хотя впослѣдствіи и не была приведена въ исполненіе, но за то дѣло 13-го октября, еще болѣе убѣдило непріятеля въ необходимости укрѣпить свой правый флангъ и усилить оборону Балаклавы на столько, чтобы сдѣлать ихъ недоступными для русскихъ войскъ.

Признавая въ этомъ безотлагательную необходимость, оба главнокомандующіе, въ ту же ночь, приступили къ возведенію новыхъ укрѣпленій. Отправившись въ Балаклаву и осмотрѣвъ окружающую мѣстность Канроберъ и лордъ Рагланъ, дорожа временемъ, избрали позицію менѣе пространную, но такую, которая могла быть укрѣплена въ болѣе короткій промежутокъ времени. Съ 13-го октября лордъ Рагланъ,—toujours et trop exclusivement preoccupé de Balaclava,—возводилъ вездѣ укрѣпленія и старался всячески оградить этотъ городъ отъ угрожающей ему опасности.

Съ разсвѣтомъ 14-го октября русскія войска увидѣли, что непріятель ростъ Сапунъ гору и возводитъ множество новыхъ построекъ по всему ея скату и что дѣятельность по усиленію обороны Балаклавы значительно увеличилась. Въ послѣдующіе затѣмъ дни, каждое утро являлось новое укрѣпленіе, назначавшееся для непо-

средственнаго прикрытія Балаклавы, или составлявшее часть той непрерывной линіи, которая впослѣдствіи тянулась по всему протяженію Сапунъ горы, почти до устья Черной рѣчки. Къ утру 20-го октября союзники успѣли построить вокругъ Балаклавы и на Сапунъ горѣ рядъ укрѣпленій, которыя были вооружены 40 орудіями частію полевой, но преимущественно крѣпостной артиллеріи, снятой съ судовъ флота [1]).

Занятіе нами Кадыкіойскихъ высотъ на столько озаботило союзниковъ, что Канроберъ опасаясь новыхъ и болѣе серьезныхъ нападеній, приказалъ чтобы съ 14 (26-го) октября первая дивизія прекратила высылать рабочихъ и караульные батальоны въ томъ вниманіи, чтобы имѣть ее всегда подъ рукою и въ полномъ составѣ [2]).

Всѣ эти мѣры были послѣдствіемъ Балаклавскаго сраженія и мало по малу преграждали доступъ съ этой стороны.

Если 13-го октября дѣйствительно могло встрѣтиться препятствіе къ дальнѣйшему наступленію, то оно совершенно исчезало черезъ три-четыре дня спустя, съ прибытіемъ 10-й и 11-й пѣхотныхъ дивизій и когда непріятельскія укрѣпленія, сдѣлавшіеся впослѣдствіи недоступными, были еще только начаты и не представляли ни достаточной прочности, ни защиты. Чтобы достигнуть полнаго успѣха, мы должны были, подкрѣпивъ отрядъ генерала Липранди вновь прибывшими войсками, безотлагательно атаковать непріятеля и повторить нападеніе на селен. Кадыкіой. Хотя наступленіе на Сапунъ-гору, представило бы теперь болѣе труда, чѣмъ это было 13-го октября, но за то Балаклава всетаки неминуемо должна была попасть въ наши руки. Позиція, нами занятая 13-го числа, могла бы быть удерживаема половиною назначенныхъ для предпріятія войскъ, между тѣмъ какъ другая половина овладѣла бы Балаклавою, защита которой обезпечивалась всего 2,500 человѣкъ сборной пѣхоты [3]) и 1,500 человѣкъ кавалеріи. Овладѣніе этимъ городомъ влекло за собою истребленіе снарядовъ, запасовъ и значительной части англійскихъ судовъ, и слѣдовательно было бы какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи

---

[1]) Всепод. записка кн. Меншикова отъ 20-го октября. Арх. канц. воен. министра д. № 110.

[2]) Niel. Siége de Sevastopol p. 77.

[3]) Въ составъ этого отряда входили: турки, инвалиды, флотскіе экипажи и 93-й шотландскій полкъ.

такимъ ударомъ для союзниковъ, за которымъ могло послѣдовать освобожденіе Сетастополя отъ осады.

Князь Меншиковъ повидимому раздѣлялъ мнѣніе не только о важности, но и о необходимости вторичнаго нападенія на селеніе Кадыкіой и занятія Балаклавы. На этомъ основаніи, всѣ подкрѣпленія прибывавшія къ Крымской арміи, были направляемы къ селен. Чоргунъ [1]), а 18-го октября была перенесена туда и главная квартира кн. Меншикова, остававшагося въ Чоргунѣ до 22-го октября. Въ этотъ день главнокомандующій измѣнилъ свое мнѣніе, оставилъ мысль о вторичномъ наступленіи на Балаклаву и Сапунъ-гору съ этой стороны и рѣшился предпринять наступленіе изъ Севастополя, кончившееся не удачнымъ для насъ Инкерманскимъ сраженіемъ.

Пока стягивались наши войска, осадныя и оборонительныя работы шли своимъ чередомъ: защитники строили укрѣпленія и производили вылазки, а атакующіе своими траншеями ближе и ближе подвигались къ городу. Бомбардированіе Севастополя все еще продолжалось и 20-го октября (1-го ноября) французы открыли сосредоточенный огонь по четвертому бастіону и сосѣднимъ съ нимъ батареямъ. Къ вечеру бастіонъ былъ сильно поврежденъ и ближайшая къ нему батарея Костомарова почти уничтожена. «Въ тотъ же день, говоритъ авторъ, союзные генералы, на военномъ совѣтѣ рѣшили, штурмовать Севастополь 6 (18) ноября. Французы тогда уже подошли траншеями ближе ста сажень къ четвертому бастіону: Англичане же довели свои работы на разстояніе около версты отъ третьяго и Корнилова (Малахова кургана) бастіоновъ».

Узнавъ о намѣреніи союзниковъ штурмовать Севастополь князь Меншиковъ приказалъ усилить его оборону и вмѣстѣ съ тѣмъ пользуясь прибытіемъ 10 и 11-й пѣхотныхъ дивизій рѣшился самъ перейти въ наступленіе и атаковать непріятеля.

Прибытіе 10 и 11 дивизіи усилило войска стоявшіе въ Севастополѣ и окрестныхъ мѣстахъ, до 90 тысячь человѣкъ, не считая флотскихъ экипажей. Это число значительно превышало силы англо-французовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи не болѣе 71225 человѣкъ, расположенныхъ на всемъ пространствѣ отъ Сапунъ горы до Камышевой бухты. Союзная армія была раздѣлена въ это время на двѣ части: осадный и обсерваціонный корпусы. «Правое

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 15-го октября. Воен. учен. арх. д. № 4254 ч. I.

крыло позиціи осаднаго корпуса, говоритъ авторъ, отъ крутыхъ обрывовъ Сапунъ горы до Сарандинакиной балки, въ разстояніи около 4-хъ верстъ отъ Севастополя, занимали 28 англійскихъ батальоновъ, силою въ 16,147 человѣкъ; а лѣвое крыло—отъ Сарандинакиной балки до Камышевой бухты, въ разстояніи отъ 3½ до 4½ верстъ отъ Севастополя, — 32 французскихъ батальона, въ 18,568 человѣкъ: всего же въ осадномъ корпусѣ было 60 батальоновъ, силою 35 тысячъ человѣкъ. Войска обсерваціоннаго корпуса частью были расположены отъ англійскаго редута Канробера до селен. Кадыкіой, подъ начальствомъ Боске, въ составѣ 24 французскихъ батальоновъ, числомъ 17500 человѣкъ, и 8-ми турецкихъ, въ 4907 человѣкъ; позади пѣхоты обсерваціоннаго корпуса и позади бригады Бентинка, у вершины Лабораторной балки стояла кавалерія: 12 французскихъ и 20 англійскихъ эскадроновъ, силою въ 3942 человѣка, въ укрѣпленіяхъ устроенныхъ впереди Балаклавы, находилась бригада Колинъ-Кемпбелля, въ составѣ 3-хъ батальоновъ по 2 тысячи человѣкъ: всего же въ обсерваціонномъ корпусѣ было 35 батальоновъ и 32 эскадрона, силою въ 28400 человѣкъ... Не смотря однакоже на наше превосходство въ числѣ войскъ, мѣстность, занятая непріятелемъ, представляя намъ значительныя затрудненія, какъ бы уравновѣшивала силы обѣихъ сторонъ. Высоты между Черною рѣчкою и Кленъ балкою образуютъ плато, наибольшая ширина коего не превосходитъ 350 саженъ. Между верховьемъ Кленъ-балки и обрывами Сапунъ горы находится проходная позиція, длиною до 500 саженъ, прикрытая со стороны Севастополя двумя оврагами: влѣво лежащій впадаетъ въ Кленъ-балку, а вправо — *Каменоломный* идетъ по направленію къ Черной рѣчкѣ. Такимъ образомъ узкій промежутокъ между вершинами этихъ овраговъ составлялъ единственную удободоступную часть позиціи».

Наступленіе противъ непріятеля, расположеннаго на Сапунъ-горѣ было возможно только по двумъ дорогамъ, такъ называемой Саперной [1]) и той, которая отъ Никерманскаго моста подымается вдоль каменоломни и выходитъ на Ворониновскую дорогу, пролегающую по Лабораторной балкѣ. Далѣе къ югу, продолжаетъ авторъ, можно было наступать противъ непріятеля по тремъ также весьма неудобнымъ путямъ: 1) отъ брода на Черной рѣчкѣ, черезъ водо-

---

[1]) Поднимается по Георгіевской балкѣ и спускается въ Кленъ-балку ведетъ черезъ каменный мостъ въ Корабельную слободу.

проводный каналъ и далѣе по чрезвычайно крутому скату Сапунъ-горы, къ Воронцовской дорогѣ; 2) Воронцовская дорога, двигаясь по которой, надлежало подняться на Сапунъ-гору и пройти между укрѣпленіями циркумвалаціонной линіи; 3) дорога изъ Балаклавы, чрезъ Кадыкіой въ Севастополь; хотя здѣсь подъемъ и не крутъ, однакоже, направясь по этому пути, приходилось двигаться между укрѣпленіями Сапунъ горы и высотъ Балаклавы. Очевидно, что наступленіе по всѣмъ этимъ путямъ не представляло вѣрной надежды на успѣхъ, и хотя послѣднее направленіе казалось наименѣе затруднительнымъ и могло служить къ отрѣзанію англійскихъ войскъ отъ базы ихъ дѣйствій—Балаклавы, однако же подвергало насъ въ случаѣ неудачи, потерѣ собственныхъ сообщеній съ Бахчисараемъ. Оставалось вести атаку на правый флангъ союзнаго осаднаго корпуса, весьма сильный мѣстностью, но занятый слабо англійскими войсками».

Князь Меншиковъ избралъ послѣднее направленіе и днемъ наступленія было назначено 24-е октября (5 ноября). Приводя распоряженія главнокомандующаго, авторъ повторяетъ сказанное въ прежде изданныхъ сочиненіяхъ безъ всякой попытки къ разъясненію тѣхъ недоразумѣній, которыя предшествовали и сопровождали это сраженіе. Онъ говоритъ, что главная атака была поручена генералу Данненбергу; что подъ его непосредственнымъ начальствомъ командовали войсками генералъ Павловъ и Соймоновъ; что послѣдній, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать не переходя черезъ Киленъ-балку, перешелъ ее «вопреки послѣднему предписанію Данненберга и смерть его оставила безъ разрѣшенія вопросъ: почему онъ не исполнилъ даннаго ему приказанія? Разгадкою явнаго нарушенія дисциплины такимъ отличнымъ генераломъ, каковъ былъ Соймоновъ, можетъ быть единственно не своевременное полученіе предписанія измѣнившаго прежній планъ дѣйствій. И дѣйствительно это предписаніе было получено Соймоновымъ уже тогда, когда большая часть его отряда перешла черезъ Киленъ-балку и когда обратный переходъ черезъ оврагъ подвергалъ его опасности быть атакованнымъ, не успѣвъ совершить обратнаго движенія».

Послѣднія слова уважаемаго автора намъ кажутся не вполнѣ справедливыми и мы позволимъ себѣ прослѣдить весь канунъ Инкерманской битвы.

X.

Канунъ Инкерманскаго сраженія — Распоряженія предшествовавшія сраженію. — Диспозиція главнокомандующаго и начальниковъ отдѣльныхъ колоннъ. — Генералъ Данненбергъ — Краткій обзоръ хода сраженія и критическая оцѣнка его.

Въ селеніи Чоргунъ, куда перенесена была главная квартира Крымской арміи, давно уже происходили совѣщанія главнокомандующаго съ разными лицами. Генералы: Соймоновъ, Липранди, Данненбергъ и князь П. Д. Горчаковъ, поочередно и вмѣстѣ перебывали въ палаткѣ князя Меншикова. Всѣ они единогласно сходились на своевременности и необходимости наступательныхъ дѣйствій, сознавая что Крымская армія находилась въ это время въ столь выгодныхъ условіяхъ, въ какихъ она не была прежде, а мы должны прибавить, и послѣ, до самаго окончанія военныхъ дѣйствій.

Съ прибытіемъ свѣжихъ и боевыхъ полковъ четвертаго пѣхотнаго корпуса (10 и 11 дивизій) численность нашихъ войскъ превышала силы союзниковъ, но послѣдніе ожидали скораго прибытія подкрѣпленій. Извѣстно было что въ Англіи, Франціи и даже Турціи, не только собирались войска для отправленія въ Крымъ, но часть ихъ была посажена на суда и готова къ отплытію. При удобствѣ морскаго сообщенія, подкрѣпленія эти весьма скоро могли явиться въ Крыму, усилить непріятеля, сравнять, а можетъ быть и превысить численность нашихъ войскъ — словомъ лишить насъ тѣхъ выгодъ, которыя связаны съ численнымъ превосходствомъ. Съ другой стороны, весьма быстрое развитіе осадныхъ работъ передъ четвертымъ бастіономъ, находившемся въ ежеминутномъ опасеніи быть атакованнымъ, заставляли не откладывать на долгое время рѣшительнаго удара и вывести гарнизонъ Севастополя изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился. По этому вопросъ о наступательныхъ дѣйствіяхъ былъ рѣшенъ окончательно и оставалось только опредѣлить направленіе атаки или удара.

Во всякомъ случаѣ, по какому бы направленію мы не предприняли наступленіе, намъ приходилось переправляться черезъ Черную рѣчку, а слѣдовательно необходимъ былъ мостъ, такъ какъ

Инкерманскій былъ разрушенъ. По этому, князь Меншиковъ, не ожидая рѣшенія вопроса о направленіи дѣйствій, послалъ своего адъютанта Стеценку къ адмиралу Нахимову, съ приказаніемъ приготовить все необходимое для наведенія моста по первому требованію и сохранять это въ совершенной тайнѣ. Павелъ Степановичъ Нахимовъ въ точности исполнилъ возложенное на него порученіе, но не избѣгъ непріятныхъ столкновеній съ адмираломъ Станюковичемъ, въ распоряженіи котораго, какъ командира порта, были всѣ матеріалы и рабочіе. Обойдя Станюковича, вице-адмиралъ Нахимовъ потребовалъ мастеровыхъ прямо отъ капитана надъ портомъ и употреблялъ ихъ для работъ по устройству моста, который и былъ готовъ ранѣе, чѣмъ въ главной квартирѣ пришли къ соглашенію относительно направленія, по которому должно быть произведено наступленіе.

Изъ описанія расположенія непріятельскихъ силъ и мѣстности занятой союзниками видно, что наступленіе, съ нѣкоторою надеждою на успѣхъ могло быть произведено или изъ Севастополя противъ праваго фланга англичанъ, или же поднявшись на Сапунъ гору, со стороны Чоргуна, мы могли зайти во флангъ и тылъ союзниковъ. Въ первомъ случаѣ, мы могли овладѣть всею восточною частію Херсонесскаго полуострова, утвердиться на высотахъ расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, освободить отъ осады Корабельную сторону города и войти въ связь съ гарнизономъ Севастополя. Во второмъ случаѣ, поднимаясь на Сапунъ гору со стороны Чоргуна и прорвавши циркумвалаціонную линію союзниковъ, мы останавливались въ тылу англичанъ и совершенно отрѣзывали ихъ отъ сообщеній съ Балаклавою, безъ которой существованіе ихъ было немыслимо. Успѣхъ въ этомъ направленіи приносилъ столь существенныя выгоды, что вызывалъ со стороны нѣкоторыхъ лицъ самыя горячія настаиванія о необходимости дѣйствовать именно въ этомъ направленіи.

Дѣйствительно, какъ бы успѣшно не было наступленіе изъ Севастополя, мы только отодвигали англичанъ нѣсколько назадъ и ни въ какомъ случаѣ не могли отрѣзать ихъ отъ Балаклавы, или уничтожить склады сосредоточенные въ этомъ городѣ. Въ случаѣ же неудачи путь отступленія нашего въ городъ, по пересѣченной мѣстности, могъ быть подверженъ многимъ случайностямъ.

Такимъ образомъ, всѣ выгоды склонялись на сторону наступленія со стороны Чоргуна, гдѣ мы могли сосредоточить болѣе 57 т. человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, съ ихъ артиллеріею, противъ 20 т. францу-

зовъ и турокъ [1]). Здѣсь мы могли подняться одновременно тремя колоннами и если не успѣли бы достигнуть значительнаго успѣха на Сапунъ горѣ, то во всякомъ случаѣ могли овладѣть Балаклавою. Прорвавшись черезъ циркумвалаціонную линію укрѣпленій, мы имѣли возможность ввести на Сапунъ гору всю свою кавалерію, значительно превосходившую численность непріятельской [2]), а при отступленіи, не имѣя за собою ни овраговъ, ни ущелій не были бы стѣснены въ своихъ движеніяхъ.

Князь Меншиковъ сначала и самъ не признавалъ возможнымъ предпринять наступательное движеніе изъ Севастополя. Въ своихъ донесеніяхъ отъ 8 и 11 октября, онъ какъ мы видѣли, называлъ это дѣло рискованнымъ и слишкомъ опаснымъ. Онъ склонялся на сторону тѣхъ лицъ, которые стояли за движеніе со стороны Чоргуна и потому направилъ къ этому селенію весь четвертый корпусъ по мѣрѣ прибытія его полковъ.

Къ 22 октября, у селен. Чоргунъ были собраны: 10, 11 и 12 пѣхотныя дивизіи, съ ихъ артиллеріею, два полка 17 пѣхотной дивизіи (Бородинскій и Тарутинскій), три полка драгунъ, два полка гусаръ, три эскадрона уланъ, двѣ конно-батарейныя и двѣ конно-легкія батареи. Едва только войска эти собрались на назначенныхъ имъ мѣстахъ, какъ вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, князь Меншиковъ измѣнилъ свое предположеніе и перешелъ на сторону тѣхъ, которые стояли за наступленіе изъ Севастополя. Причину столь быстрой перемѣны слѣдуетъ искать въ полученномъ имъ рескриптѣ Императора.

«Движеніе наше къ Балаклавѣ (13 октября), доносилъ онъ [3]), оттянуло значительную часть непріятельскихъ войскъ къ сему пункту и на прилежащія высоты, которыя непріятель продолжаетъ укрѣплять.

«Это побуждаетъ меня 10, 11 и 16 дивизіи быстро двинуть въ

---

[1]) При наступленіи нашемъ съ этой стороны могли принять участіе въ отраженіи, обсерваціонный корпусъ Боске (12409 челов.), турецкая дивизія (1907 челов.) и бригада Вивуа (2278 челов.). Весь осадный корпусъ могъ быть удержанъ передъ Севастополемъ двумя значительными вылазками: съ Городской стороны противъ французовъ и съ Корабельной — противъ англичанъ.

[2]) Князь Меншиковъ самъ признавалъ это возможнымъ, и, какъ увидимъ, наступая изъ Севастополя и оставляя всю кавалерію у селен. Чоргунъ, въ распоряженіи князя Горчакова, поручилъ ему при первой возможности ввести ее на Сапунъ-гору.

[3]) Отъ 22 октября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 110.

Севастополь, дабы оттуда, совокупно съ гарнизономъ, стараться дебушировать лѣвымъ флангомъ, сходно съ указаніемъ Вашего Императорскаго Величества.»

Совершенно неожиданная перемѣна, относительно наступательныхъ дѣйствій, имѣла послѣдствіемъ поспѣшность, неточность и неполноту всѣхъ распоряженій къ предстоявшему сраженію. Быстрая перемѣна плана, находчивость и умѣнье вовремя воспользоваться слабою стороною противника и нанести ему пораженіе, — составляютъ принадлежность и особенность военнаго генія, драгоцѣннаго для той арміи, которою онъ предводительствуетъ, но, съ другой стороны, измѣненіе плана безъ опредѣленной цѣли и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, очень часто бываютъ причиною того, что и храбрѣйшая армія терпитъ неудачу, или конечное пораженіе.

Отправивъ вышеприведенное донесеніе Императору князь Меншиковъ въ тотъ же день, опять нѣсколько измѣнилъ планъ предпринимаемыхъ наступательныхъ дѣйствій. Онъ двинулъ въ Севастополь только 10 и 16 пѣхотныя дивизіи, а 11 оставилъ у Инкермана, куда перенесъ и свою главную квартиру.

На слѣдующій день онъ хотѣлъ уже атаковать непріятеля, не смотря на то, что не весь четвертый корпусъ присоединился къ арміи. Охотскій полкъ, напримѣръ, вступилъ на Инкерманскую гору 22 октября, а Камчатскаго полка только часть прибыла въ этотъ день. Принимая во вниманіе сильное утомленіе полковъ, отъ продолжительнаго и поспѣшнаго похода, генералъ Данненбергъ просилъ отложить дѣло хотя на одинъ день. Князь Меншиковъ неохотно согласился на это и назначилъ атаку непріятельской позиціи утромъ 24 октября.

Замкнувшись въ кругу своего немногочисленнаго и молодаго штаба, онъ поручилъ ему составить диспозицію для предстоящаго наступленія. Генералы, на которыхъ возлагалось командованіе войсками, были совершенно устранены отъ этого дѣла и не присутствовали при составленіи окончательнаго плана дѣйствій, а между тѣмъ непосредственное участіе этихъ лицъ казалось необходимымъ хотя бы и потому, что, зная ранѣе другихъ общій планъ дѣйствій, они имѣли бы время познакомиться съ мѣстностью. Изъ всѣхъ главныхъ участниковъ и руководителей Инкерманскаго сраженія, только одинъ Данненбергъ, до начала Крымской войны жившій нѣкоторое время въ Севастополѣ, былъ знакомъ съ мѣстностью окружающею городъ, но оба начальника дивизіи, т. е. ни Соймоновъ, ни Павловъ, не имѣли о ней никакого понятія.

Будучи однимъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, Соймоновъ

сознавалъ свой недостатокъ въ этомъ отношеніи, и, еще по прибытіи въ Симферополь, употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы отыскать какую либо карту Крыма и окрестностей Севастополя. Разосланные имъ по городу адъютанты напрасно старались исполнить желаніе своего начальника: во всемъ Симферополѣ нашлась только одна карта, но и та была уступлена другому [1]).

Наканунѣ боя, 23 октября, около 5 часовъ пополудни, составленная въ штабѣ главнокомандующаго диспозиція, подписанная полковникомъ Герсевановымъ, была разослана по войскамъ. Она была крайне неопредѣленнаго содержанія, не свѣрена съ картами, написана съ плохимъ расчетомъ времени для начала движенія колоннъ и не выражала въ точности намѣреній главнокомандующаго. Диспозиція эта всѣмъ извѣстна, она напечатана во многихъ сочиненіяхъ, но для уясненія событій мы должны привести ея цѣликомъ.

Вотъ она.

«Завтра, 24 октября, назначается *наступленіе на англійскую позицію*, съ тѣмъ чтобы овладѣвъ высотами утвердиться на нихъ.

Для чего:

1) Дѣйствующему отряду въ Севастополѣ (тремъ полкамъ 10 пѣхотной дивизіи, тремъ полкамъ 16 пѣхотной дивизіи и Бутырскому полку съ 22 батарейными и 16 легкими орудіями), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, начать наступленіе *отъ Бюленъ-Балки*, въ 6 часовъ утра, предварительно сему сдѣлавъ уже выдвиженіе изъ укрѣпленій.

2) Отряду съ Инкерманской горы, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Павлова (11 пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею, Бородинскій и Тарутинскій егерскіе полки, съ батарейною № 3 батареею 17 артиллерійской бригады), въ 6 же часовъ утра возстановить Инкерманскій мостъ и быстро слѣдовать на соединеніе съ отрядомъ генералъ-лейтенанта Соймонова.

При семъ отрядѣ находиться командиру 4 пѣхотнаго корпуса, генералу-отъ-инфантеріи Данненбергу, *которому, по соединеніи помянутыхъ двухъ отрядовъ, принять общее надъ ними начальство.*

3) Войскамъ находящимся подъ начальствомъ князя Горчакова содѣйствовать общему наступленію, отвлекая собою силы непріятеля, и стараясь овладѣть *однимъ изъ всходовъ* на Сапунъ гору. При чемъ драгунъ имѣть въ полной готовности къ движенію на гору при первой возможности.

---

[1]) Матер. вып. III, 53.

4) Гарнизону Севастополя, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Моллера, слѣдить за ходомъ наступленія, *прикрывая своими батареями правой флангъ наступающихъ войскъ* и, въ случаѣ замѣшательства на непріятельскихъ батареяхъ, захватить оныя.

5) Всѣ частныя распоряженія къ выполненію данныхъ назначеній предоставляю сдѣлать начальникамъ обозначенныхъ частей и доставить мнѣ, *въ теченіе ночи* на 24 число, ихъ диспозиціи.

6) Главнокомандующій будетъ находиться первоначально у Инкерманскаго моста.»

Изъ этой отличающейся своею неопредѣленностію диспозиціи, прежде всего видно желаніе главнокомандующаго устранить себя отъ всѣхъ подробностей и предоставить всѣ распоряженія частнымъ начальникамъ, которыя и должны, конечно, отвѣчать за правильность дѣйствій.

Предоставляя имъ такое право кн. Меншиковъ въ своей диспозиціи даже неопредѣлилъ точно пункта атаки. Что значитъ наступленіе на англійскую позицію? Англичане какъ извѣстно занимали все пространство отъ Сарандинакиной балки и почти до скатовъ Сапунъ-горы. Пространство это было раздѣлено, глубокою и обрывистою Киленъ-балкою, на двѣ части, изъ коихъ каждая, въ отдѣльности, представляла совершенно самостоятельную оборонительную позицію и для атаки которой необходимъ былъ и самостоятельный отрядъ. Не называя на какую именно часть англійской позиціи должно быть сдѣлано наступленіе, кн. Меншиковъ оставлялъ широкое поле для догадокъ, предположеній и ошибокъ, предоставляя все это произволу генераловъ Павлова и Соймонова. Послѣдній наступая изъ Севастополя, могъ пойти по правому берегу Киленъ-балки, могъ пойти и по лѣвому — въ обоихъ случаяхъ выполнялъ диспозицію, но очевидно становился въ совершенно различныя обстоятельства и потому главнокомандующему слѣдовало точнѣе указать то направленіе, по которому долженъ былъ слѣдовать отрядъ Соймонова.

Во всякомъ случаѣ выраженіе *«наступленіе на англійскую позицію»* слѣдуетъ понимать такъ, что кн. Меншиковъ имѣлъ въ виду одновременную атаку всей англійской позиціи, ибо только съ этою цѣлью было составлено два отряда, расположенныя одинъ въ Севастополѣ, а другой на Инкерманскихъ высотахъ, т. е. на двухъ противуположныхъ флангахъ англійской позиціи, для того, чтобы, наступая съ разныхъ сторонъ и двигаясь на одной высотѣ другъ съ другомъ, они могли одновременно атаковать непріятеля по всей его линіи. Слѣдовательно придерживаясь буквально диспозиціи

кн. Меншикова, генералу Соймонову, какъ расположенному въ Севастополѣ, слѣдовало атаковать лѣвый флангъ англичанъ, а генералу Павлову — правый, иначе въ диспозиціи главнокомандующаго было бы сказано, что наступленіе предпринимается только противъ одного изъ фланговъ непріятельскаго расположенія.

Всматриваясь ближе въ положеніе мѣстности, избранной для театра дѣйствій, мы видимъ, что предварительное движеніе и переправа отряда генерала Павлова черезъ Инкерманскій мостъ безъ прикрытія, были невозможны — онъ подвергался опасности быть разбитымъ англичанами, ранѣе чѣмъ успѣетъ подняться на высоты и устроиться. Слѣдовательно, можно думать, что главнокомандующій собирая въ Севастополѣ отрядъ генерала Соймонова, предполагалъ прикрыть имъ и обезпечить движеніе колонны Павлова, но для этого не было надобности давать колоннѣ Соймонова столь большую численность. Чтобы прикрыть и обезпечить движеніе Павлова необходимо было занять два возвышенія у Инкерманскаго моста, но для занятія ихъ было достаточно двухъ полковъ пѣхоты, съ соотвѣтственнымъ числомъ артиллеріи. Большее число войскъ было бы стѣснено, не имѣло бы мѣста для дѣйствій и было бы совершенно безполезно, такъ какъ англичане не имѣли возможности сосредоточить въ короткій срокъ значительнаго числа войскъ, чтобы атаковать полки расположившіеся на этихъ высотахъ. Назначеніе въ составъ отряда Соймонова бо́льшаго числа войскъ, чѣмъ во всѣ остальныя колонны, указываетъ, что главнокомандующій не придавалъ ему значеніе вспомогательнаго отряда, а предназначалъ для самостоятельныхъ дѣйствій и конечно на лѣвомъ берегу Киленъ-балки, гдѣ ему могло предстоять болѣе препятствій, чѣмъ отряду Павлова.

Положимъ, что Соймоновъ, понявши настоящій смыслъ предположеній главнокомандующаго, пошелъ бы по лѣвому берегу Киленъ-балки, то генералъ Павловъ долженъ-ли былъ дѣйствовать самостоятельно, по другую ея сторону, или въ самомъ началѣ дѣла идти на соединеніе съ Соймоновымъ, также перейдя на лѣвый берегъ Киленъ-балки? — въ диспозиціи опять-таки сказано весьма не ясно.

Далѣе, въ той же диспозиціи, на обязанность Павлова возлагалось возстановить Инкерманскій мостъ. До полученія распоряженій главнокомандующаго генералъ Павловъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и кѣмъ строится этотъ мостъ? Постройку моста князь Меншиковъ, какъ мы видѣли, возложилъ на вице-адмирала Нахимова и обязалъ его содержать это въ тайнѣ. Нахимовъ строилъ этотъ мостъ въ Севастополѣ, употреблялъ рабочихъ отъ порта,

для буксировки его по рейду долженъ былъ назначить особыя катера, а для наведенія его послать флотскихъ офицеровъ. Не проще-ли было возстановленіе этого моста, къ извѣстному часу, поручить попеченію Нахимова, имѣвшаго подъ рукою всѣ необходимыя для того средства. При строгой и необыкновенной аккуратности Павла Степановича, при всегдашней готовности Черноморцевъ содѣйствовать сухопутнымъ войскамъ, въ защитѣ ихъ роднаго города, можно быть увѣреннымъ, что дѣло было бы исполнено точнѣе и успѣшнѣе, чѣмъ порученіе генералу Павлову, бывшему на Инкерманскихъ высотахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и принужденному потратить время на справку: гдѣ мостъ, готовъ ли онъ, и кѣмъ будетъ доставленъ въ устьѣ Черной рѣчки?

Точно также съ перваго взгляда кажется весьма страннымъ почему главнокомандующій предоставилъ сдѣлать всѣ частныя распоряженія генераламъ Соймонову и Павлову, а не генералу Данненбергу, которому поручалъ начальство надъ обоими отрядами по ихъ соединеніи. Ключь къ разъясненію такой несообразности лежитъ въ нерасположеніи князя Меншикова къ этому генералу.

Неудачная дѣятельность генерала Данненберга на Дунаѣ была извѣстна князю Меншикову, который, при первомъ извѣстіи о движеніи въ Крымъ 4 пѣхотнаго корпуса въ полномъ его составѣ, неоднократно высказывалъ словесно свое нежеланіе имѣть генерала Данненберга въ числѣ начальниковъ войскъ Крымской арміи. Князь М. Д. Горчаковъ хотя и зналъ объ этомъ, но не могъ однако же исполнить желанія свѣтлѣйшаго, по неимѣнію достаточныхъ къ тому поводовъ.

«Я немогу, писалъ онъ князю Меншикову [1]), избавить васъ отъ Данненберга — Принимая выгоды отъ войскъ вамъ посылаемыхъ, примите и сопряженныя съ этимъ неудобства. Къ тому же, онъ не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, за чтобы можно было отнять у него корпусъ, но полезно имѣть въ виду, что его способности не таковы, что бы можно было поручить ему отдѣльное командованіе».

Письмо это князь Меншиковъ получилъ гораздо позже и именно вечеромъ 24 октября, а потому долгое время надѣялся, что генералъ Данненбергъ не будетъ присланъ въ Крымъ, тѣмъ болѣе, что главнокомандующему извѣстно было предположеніе прислать съ

---

[1]) Отъ 19 октября 1854 г. Воен. учен. арх. дѣло № 4253.

войсками 4 корпуса генерала Лидерса, пользовавшагося репутаціею лучшаго генерала нашей арміи. Необходимость удержать Лидерса при войскахъ южной или Дунайской арміи, заставила отказаться отъ этого предположенія и князь Меншиковъ не безъ удивленія узналъ о прибытіи Данненберга въ Перекопъ. Пріѣхавъ въ этотъ городъ Данненбергъ отправилъ къ главнокомандующему своего адъютанта Чаплинскаго съ донесеніемъ къ какому времени четвертый корпусъ можетъ собраться къ Севастополю [1]).

— Такъ и генералъ Данненбергъ сюда будетъ съ корпусомъ? спросилъ главнокомандующій, принимая бумаги и сдѣлавъ «одну изъ гримасъ получившихъ извѣстность».

— Точно такъ ваша свѣтлость, отвѣчалъ Чаплинскій.

Князь Александръ Сергѣевичъ нахмурилъ брови, долго что-то раздумывалъ и не сказавши ни слова отпустилъ посланнаго.

Не смотря на нерасположеніе свое къ Данненбергу главнокомандующій, по свойственной его характеру скрытности, наружно выказывалъ ему полную довѣренность: совѣщался съ нимъ о предстоящихъ дѣйствіяхъ, посылалъ своихъ адъютантовъ съ различнаго рода вопросами [2]), поручилъ ему наканунѣ сраженія произвести рекогносцировку и проч. Такого рода поступки князя Меншикова убѣждали Данненберга въ томъ, что ему будетъ поручено главное начальство надъ войсками въ предстоящемъ сраженіи и потому онъ крайне былъ удивленъ, когда получилъ диспозицію главнокомандующаго ставившею его въ двусмысленное положеніе. По этой диспозиціи Данненбергъ долженъ былъ командовать войсками, движеніемъ которыхъ въ началѣ не могъ распоряжаться; онъ былъ поставленъ въ необходимость быть начальникомъ и приводить въ исполненіе рѣшеніе своихъ подчиненныхъ; ему поручено командовать войсками и въ тоже время приказано находиться при отрядѣ генерала Павлова. Между тѣмъ присутствіе генерала Данненберга при этой колоннѣ не было вовсе необходимо, такъ какъ въ диспозиціи князя Меншикова было объявлено, что самъ главнокомандующій будетъ находиться у Инкерманскаго моста.

По диспозиціи главнокомандующаго Соймоновъ долженъ былъ начать свое наступленіе отъ Киленъ балки въ 6-ть часовъ утра, т. е. въ то самое время когда Павлову предписано возстановить мостъ и начать переправу. Находясь отъ Соймонова въ растояніи

---

[1]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Сборникъ рукописей т. II, 88

[2]) Сборникъ рукоп. Т. I. 246.

около четырехъ верстъ, при возможной быстротѣ переправы значительнаго отряда, Павловъ, двигавшійся по весьма узкой саперной дорогѣ, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ могъ явиться на поле сраженія только въ хвостѣ колонны Соймонова При малѣйшемъ же замедленіи въ переправѣ или движеніи, всегда возможныхъ при значительной массѣ войскъ, Павловъ долженъ былъ опоздать на довольно значительное время, что и было въ дѣйствительности.

Князь Меншиковъ, такъ долго жившій въ Севастополѣ и изучившій его окрестности, не могъ не знать, что предписывая Данненбергу находиться при отрядѣ генерала Павлова, онъ лишалъ его возможности быть распорядителемъ въ самомъ началѣ сраженія.

Наконецъ, что означало приказаніе, что бы Данненбергъ принялъ начальство по соединеніи отрядовъ? Не было-ли это выраженіе желаніемъ главнокомандующаго устранить Данненберга вовсе отъ распоряженій въ сраженіи. Соединеніе отрядовъ могло произойти въ двухъ случаяхъ: когда они пойдутъ по одному направленію и когда наступленіе будетъ произведено одновременно по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки. Въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли, Данненбергъ, находившійся при колоннѣ Павлова, долженъ былъ значительно опоздать, прибыть на мѣсто сраженія тогда, когда Соймоновъ могъ ввести въ дѣло всѣ свои резервы, а слѣдодовательно оставаться только распорядителемъ движеній и дѣйствій войскъ колонны Павлова. Во второмъ же случаѣ, когда Соймоновъ пошелъ бы по лѣвому берегу Киленъ-балки, а Павловъ по правому, соединеніе отрядовъ могло случиться только тогда, когда англичане были-бы сбиты на всѣхъ пунктахъ и участь боя былабы рѣшена и тогда конечно Данненбергу не пришлось бы во все быть распорядителемъ сраженія. [1])

[1]) Впослѣдствіи, при всеподданнѣйшемъ донесеніи объ Инкерманскомъ сраженіи, кн. Меншиковъ выразился такъ, будто бы командованіе войсками поручено было безусловно командиру 4-го пѣхотнаго корпуса генералу-отъ-Инфантеріи Данненбергу. (См. всепод. донесеніе кн. Меншикова отъ 25 октября. Арх. канц. воен. министерства дѣло № 110). Это выраженіе, при отсутствіи свѣдѣній о всѣхъ подробностяхъ дѣла, имѣло естественнымъ послѣдствіемъ то, что неудача Инкерманскаго сраженія легла всею своею тяжестью на одно лицо и Данненбергъ былъ обвиненъ совершенно несправедливо. Послѣдствія этого обвиненія преслѣдовали его до самой кончины, и даже теперь послѣ обнародованія весьма многихъ документовъ. (См. Воспом. и разсужденія Сборн. рукоп. т. II, 246).

Слѣдя далѣе за диспозиціею главнокомандующаго видно, что войска кн. Горчакова должны были произвести демонстрацію и стараться занять какой нибудь пунктъ Сапунъ горы, но какой именно и въ какомъ мѣстѣ войти въ связь съ другими дѣйствующими частями, ничего не говорилось. Положеніе генерала Моллера въ Севастополѣ было не лучше: его обязанности оказались еще болѣе другихъ запутанными и неопредѣленными.

Наконецъ въ заключеніе своихъ распоряженій, предоставляя генераламъ Соймонову и Павлову составить собственныя диспозиціи, князь Меншиковъ обязалъ ихъ только тѣмъ, что бы копіи съ нихъ были доставлены къ нему *въ теченіе ночи*. Это приказаніе, неограниченное никакимъ предѣльнымъ срокомъ указываетъ, что главнокомандующій не оставлялъ для себя никакого запаса времени, что бы имѣть возможность сличить эти диспозиціи, провѣрить не уклоняются-ли начальники отрядовъ отъ главной цѣли и сгладить тѣ противорѣчія, которыя легко могли въ нихъ вкрасться, при различіи воззрѣній двухъ лицъ, неимѣющихъ опредѣленныхъ и точныхъ свѣдѣній о мѣстности, ни о положеніи непріятеля и при томъ, при составленіи окончательныхъ распоряженій, раздѣленныхъ между собою довольно значительнымъ пространствомъ.

Краткость времени, отъ полученія распоряженій главнокомандующаго до приведенія ихъ въ исполненіе, устраняла всякую возможность предварительныхъ соглашеній, переговоровъ и взаимныхъ сношеній между генералами Соймоновымъ и Павловымъ. Оба они были поставлены въ крайне затруднительное положеніе.

Получивши диспозицію генералъ Павловъ былъ въ недоумѣніи, что ему дѣлать.

— Составьте диспозицію, сказалъ онъ дивизіонному квартирмейстеру генеральнаго штаба штабсъ-капитану Черняеву, передавая ему ту, которая была прислана изъ штаба главнокомандующаго.

Забравшись въ крошечный балаганъ, изъ вѣтвей покрытыхъ брезентами, Черняевъ приступилъ къ составленію диспозиціи для своего отряда. Старшій адъютантъ Алабинъ исполнялъ обязанности писаря.

«При составленіи этой частной диспозиціи, пишетъ Алабинъ въ своихъ запискахъ, у Черняева не было карты, на которой, изображалась бы во всей подробности мѣстность предстоящаго дѣла, съ нанесеніемъ хотя приблизительно расположенія непріятельскихъ войскъ, карты, по которой можно было бы составить себѣ идею дѣйствія; по этому диспозиція имъ писанная состояла преимуще-

ственно изъ указаній, которой части отряда идти за которою, когда начнется движеніе и кому куда слѣдуетъ направиться, по переходѣ черезъ Никерманскій мостъ. О дальнѣйшемъ же порядкѣ дѣйствій и о цѣли, къ которой должна стремиться каждая часть, этою диспозиціею невозможно было опредѣлить [1])».

По составленной такимъ образомъ первоначальной диспозиціи генерала Павлова отрядъ его численностію въ 15,806 человѣкъ [2]) при 96 орудіяхъ [3]) долженъ былъ въ 2½ часа пополуночи выступить къ Никерманскому мосту и быстро слѣдовать на соединеніе съ генераломъ Соймоновымъ, который, сказано въ диспозиціи производитъ наступленіе отъ Киленъ-балки.

Генералъ Соймоновъ, незная подробностей и тѣхъ предположеній, на которыхъ основанъ былъ главный успѣхъ дѣйствій, и руководствуясь только диспозиціею главнокомандующаго, принужденъ былъ также ограничиться однимъ обозначеніемъ порядка слѣдованія частей, оговорившись, что «дальнѣйшія распоряженія будетъ отданы мною на мѣстѣ.»

По этой диспозиціи отрядъ генерала Соймонова численностію около 18,820 человѣкъ [4]) и одной казачьей сотни [5]), съ 38 орудіями [6]), собравшись у бастіона № 2 го, долженъ былъ въ 6 часовъ утра начать свое движеніе и выстроиться въ боевой порядокъ имѣя егерскую бригаду (Кольванскій и Томскій полки) въ боевой линіи, а Екатеринбургскій пѣхотный полкъ въ резервѣ. Остальныя войска, построившись въ резервный порядокъ за 10-ю дивизіею, должны были составлять главный резервъ. Находившіяся при отрядѣ

---

[1]) Алабинъ. Походныя записки ч. II, 66.

[2]) Полки Селенгинскій, Якутскій, Охотскій, Бородинскій и Тарутинскій — всѣ въ четырехъ батальонномъ составѣ, двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона.

[3]) Батарейная № 1-го, легкія № 1-го и № 2-го батареи 10 и артиллер. бригады Батарейная № 3-го, легкія № 3-го и № 4-го батареи 11 и артиллерійской бригады—всѣ въ 12-хъ орудійномъ составѣ; батарейная № 3-го батарея 17-й артил. бригады, донская легкая № 2-го и донская резервная № 4-го батарея всѣ три въ 8-ми орудійномъ составѣ.

[4]) По порядку слѣдованія назначенному въ диспозиціи были: Кольванскій, Томскій, Екатеринбургскій, Углицкій, Бутырскій и Суздальскій полки—всѣ въ четырехъ батальномъ составѣ, Владимірскій — въ трехъ-батальонномъ, двѣ роты 6-го стрѣлковаго батальона и двѣ роты 6-го саперного батальона

[5]) Сто казаковъ донскаго № 67-го полка.

[6]) Двѣнадцать орудій батарейной № 2-го батареи 10-й артиллер. бригады десять орудій батарейной № 1-го батареи 16-й артиллер. бригады и по восьми орудій въ легкихъ № 1 и 5-го батареяхъ 17-й артиллерійской бригады

двѣ роты саперъ назначались для укрѣпленія, по указанію полковника Тотлебена, позиціи, въ томъ случаѣ, если бы намъ удалось сбить англичанъ и утвердиться на высотахъ.

Для поддержанія колонны Соймонова при наступленіи и прикрытія праваго ея фланга, начальникъ Севастопольскаго гарнизона генералъ лейтенантъ Моллеръ сдѣлалъ распоряженіе, что бы всѣ батареи 3-й и 4-й дистанцій оборонительной линіи, при появленіи непріятеля, открывали огонь по его колоннамъ, не отвѣчая на огонь непріятельскихъ батарей.

Для воспрепятствованія же войскамъ французскаго осаднаго корпуса подать помощь англичанамъ, и на случай, какъ сказано было въ диспозиціи «значительнаго ослабленія батарей французскаго лагеря и смятеніи въ оныхъ, находившимся въ Севастополѣ полкамъ Минскому и Тобольскому, съ 12-ю легкими орудіями, приказано быть въ полной готовности сдѣлать вылазку, подъ начальствомъ генералъ-маіора Тимофѣева, дабы овладѣть непріятельскими батареями съ фланга».

Что касается до Чоргунскаго отряда то въ распоряженіи князя Горчакова было 16-ть батальоновъ 12-й пѣхотной дивизіи [1]) численностію около 15 т. человѣкъ [2]) съ 48-ю орудіями пѣшей артиллеріи [3]), 52 эскадрона кавалеріи [4]), 10 сотенъ казаковъ [5]) численностію до 7 т. человѣкъ, съ 40 орудіями конной артиллеріи [6]). Съ этими войсками онъ долженъ былъ охранять пространство до шести верстъ длиною, начиная отъ селен. Комары до оконечности Ѳедюхиной горы. Хотя при отрядѣ кн. Горчакова и находилось весьма значительное число кавалеріи, тѣмъ не менѣе она не могла при

---

[1]) Полки Азовскій, Днѣпровскій, Украинскій и Одесскій — всѣ въ четырехъ батальонномъ составѣ.

[2]) Собственно по строевымъ запискамъ къ половинѣ октября въ полкахъ 12-й дивизіи считалось 15.117 человѣкъ, но ежедневная обыкновенная убыль людей значительно уменьшала эту цифру.

[3]) Батарейныя № 4, легкія № 6, 7 и 8-го батарея 12-й артиллер. бригады, въ 12-ти орудійномъ составѣ.

[4]) Полки Драгунскіе: Наслѣдника Цесаревича, В. К. Константина Николаевича и В. К. Михаила Николаевича въ 10-ти эскадронномъ составѣ; полки гусарскіе: Николая Максимиліановича и Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго въ 8-ми эскадронномъ составѣ и 6-ть эскадроновъ Сводно-уланскаго полка.

[5]) Четыре сотни Донскаго казачьяго № 53-го полка и 6 сотенъ Уральскаго казачьяго № 1-го полка.

[6]) Конно-батарейныя № 21, 22 и 23 батареи; конно легкая № 12 и донская батарейная № 3-го батарея — всѣ въ восьми орудійномъ составѣ.

нять участія въ защитѣ позиціи, такъ какъ Кадыкіойскія высоты приходилось занять пѣхотой.

Имѣя приказаніе содѣйствовать общему наступленію и стараться овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ гору, Князь Горчаковъ могъ бы достигнуть этого только движеніемъ впередъ всей 12-й пѣхотной дивизіи, но оставить редуты вовсе безъ защиты было невозможно потому, что непріятель, расположенный близъ селенія Кадыкіой, могъ отрѣзать ему путь отступленія въ случаѣ неудачи.

Опасаясь за свой путь отступленія, князь Горчаковъ оставилъ два батальона Днѣпровскаго полка въ селеніи Комарахъ, два батальона Азовскаго полка въ редутѣ № 1-го; одинъ батальонъ Днѣпровскаго полка между редутами № 1-го и 2-го и два батальона Украинскаго полка въ редутахъ № 2-го и 3-го. Три батальона Одесскаго егерскаго полка были поставлены на Ѳедюхиной горѣ. Такимъ образомъ въ распоряженіи кн. Горчакова оставалось только шесть свободныхъ батальоновъ, численность которыхъ не превышала 5,500 человѣкъ. Присоединивъ къ нимъ три батальона, расположенные на Ѳедюхиной горѣ, кн. Горчаковъ приказалъ имъ произвести наступательное движеніе, съ цѣлію отвлечь часть непріятельскихъ силъ и не дозволить непріятельскому отряду, стоявшему у селенія Кадыкіой, подать помощь войскамъ расположеннымъ противъ Севастополя [1]). Съ этою цѣлію было приказано тремъ батальонамъ Одесскаго полка, съ 12-ю орудіями 12-й артиллерійской бригады [2]) спуститься съ Ѳедюхиныхъ горъ и двинуться прямо къ Сапунъ горѣ; два батальона Украинскаго и одинъ Одесскаго егерскихъ полковъ, съ 8-ю орудіями той же бригады, подъ начальствомъ генералъ-маіора Левуцкаго, должны были также двинуться къ Сапунъ горѣ, направляясь лѣвымъ флангомъ противъ Кадыкіойской церкви, и, наконецъ, два батальона Азовскаго и одинъ Днѣпровскаго полковъ, съ четырмя орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Семякина, должны были наступать фронтомъ по направленію къ той же церкви.

Для прикрытія праваго фланга Одесскихъ батальоновъ, спустившихся съ Ѳедюхиной горы, были расположены, у брода на правомъ

---

[1]) Диспозиція по войскамъ на р. Черной расположеннымъ на 24 октября Арх. канц. воен. минист. д. № 110.

[2]) По диспозиціи кн. Горчакова напечатанной въ сочиненіи Тотлебена и той которая приложена ко всеподдан. донесенію кн. Меншикова показано въ легкой № 7 батареи 16 орудій, что невѣрно.

берегу Черной рѣчки, десять эскадроновъ Драгунскаго Наслѣдника Цесаревича полка и 8 эскадроновъ гусаръ князя Николая Максиміановича полка, съ дивизіономъ донской батарейной № 3-го батареи и конно-легкой № 12-го батареи. Полки эти должны были находиться въ совершенной готовности слѣдовать къ Инкерману, если бы, по овладѣніи противоположными высотами, они были потребованы генераломъ Данненбергомъ.

Вся остальная кавалерія, переправившись, съ началомъ дѣйствій черезъ Черную рѣчку, должна была войти въ интервалъ между спустившимися съ Федюхиной горы батальонами Одесскаго полка и отрядомъ генералъ-маіора Левуцкаго, а расположиться имѣя въ центрѣ двѣ конно-батарейныя батареи, а на каждомъ изъ фланговъ по одному драгунскому полку.

Этимъ ограничивались всѣ распоряженія частныхъ начальниковъ къ предстоящему сраженію.

Между тѣмъ генералъ Данненбергъ видя неопредѣленность распоряженій главнокомандующаго и пользуясь правомъ корпуснаго командира, которому подчинены были оба начальника отдѣльныхъ колоннъ: Соймоновъ и Павловъ, составилъ свою собственную диспозицію, опредѣлявшую только порядокъ слѣдованія колоннъ на мѣсто дѣйствій. Понимая диспозицію главнокомандующаго такъ, что Соймонову слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки, а Павлову—по правому и опасаясь, чтобы, отъ недоразумѣнія или ошибки, не произошло скученія двухъ значительныхъ отрядовъ на тѣсномъ пространствѣ праваго берега Киленъ-балки, Данненбергъ вслѣдъ за своею диспозиціею отправилъ къ Соймонову предписаніе, въ которомъ предложилъ ему наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки. О такомъ распоряженіи Данненбергъ вмѣстѣ съ тѣмъ донесъ и главнокомандующему.

«Глубокій и продолжительный оврагъ, называемый Киленъ-балка, доносилъ онъ князю Меншикову [1]), разобщаетъ первоначальное наше наступленіе съ генераломъ Соймоновымъ; оврагъ сей удобопроходимъ по дорогѣ недавно устроенной, которая ведетъ только на путь дѣйствія правой колонны, черезъ что мы были-бы лишены возможности дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, что мнѣ кажется необходимымъ; кромѣ того, какъ мѣстность вверхъ по правому берегу Киленъ-балки довольно затруднительна, а также силы непріятельскія и ихъ расположеніе *намъ неизвѣстны поло-*

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 23-го октября № 1522.

исключительным образомъ: дороги ведущія отъ переправы столь узкія, что всякое обратное движеніе, при какомъ либо непредвидѣнномъ случаѣ, могло бы быть сопряжено съ крайнимъ затрудненіемъ и потерею времени.

«Посему поводу я сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: генералъ-лейтенанту Павлову я приказалъ привести войска его колонны къ 5-ти часамъ пополуночи въ слѣдующемъ порядкѣ: Охотскій егерскій полкъ, двѣ роты 1-го стрѣлковаго батальона, Бородинскій, Тарутинскій егерскіе полки, 8-мь батарейныхъ орудій 17-й артиллерійской бригады и Селенгинскій пѣхотный полкъ [1]), за коимъ будутъ слѣдовать прочія батареи, составляющія артиллерійскій резервъ [2]). Съ прибытіемъ сихъ войскъ къ переправѣ, отправляются 100 охотниковъ изъ штуцерныхъ на барказѣ, для прикрытія устройства моста и вмѣстѣ съ тѣмъ переходитъ черезъ оный Охотскій егерскій полкъ и открываетъ себѣ путь вправо, по новой Саперной дорогѣ; за нимъ слѣдуютъ двѣ роты 4-го стрѣлковаго батальона, которыя пролагаютъ себѣ путь черезъ двѣ балки, подкрѣпившись Бородинскимъ егерскимъ полкомъ; наконецъ Тарутинскій егерскій полкъ, послѣ переправы, идетъ влѣво по старой почтовой дорогѣ; егерскіе полки дошедши до вершины горы и очистивъ дороги, по которымъ будетъ удобнѣе идти артиллеріи, останавливаются и обезпечиваютъ движеніе прочихъ войскъ. Дальнѣйшій ходъ дѣлъ укажутъ обстоятельства. Если бы 12 батальоновъ егерей встрѣтили непріятеля въ превосходныхъ силахъ, чего однакоже не предвидится, то они спускаются къ бухтѣ, а высоты нагорнаго берега будутъ обстрѣливаемы съ пароходовъ «Херсонесъ» и «Владиміръ», если послѣдній будетъ придвинутъ на сей случай. Мнѣ кажется также, что колонна генералъ-лейтенанта Соймонова подвергается дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей въ началѣ своего движенія, и потому *я предложилъ* генералъ-лейтенанту Соймонову начать свое движеніе часомъ ранѣе».

Съ этимъ послѣднимъ предложеніемъ Соймонову былъ отправ-

---

[1]) Въ рапортѣ генерала Данненберга пропущенъ Якутскій полкъ и батар. № 3-го батарея 11-й артиллер. бригады. По этому мы должны прибавить, что порядокъ слѣдованія въ дѣйствительности былъ слѣдующій: 8 орудій батар. № 3-го батар. 17-й артиллер. бригады, за ними Якутскій полкъ, батар. № 3-го батар. 11-й артиллер. бригады, а за нею уже Селенгинскій полкъ и т. д.

[2]) По диспозиціи генерала Павлова боевой резервъ этотъ составляли: батар. № 1-го батар. 10-й артиллер. бригады, легкія № 1-го и 2-го батареи той же бригады и легкія № 3-го и 4-го батареи 11-й артиллер. бригады.

ленъ Данненбергомъ его адъютантъ Чаплинскій, около 6-ти часовъ вечера 23 октября. Пока онъ успѣлъ съ Мекензіевой горы, гдѣ былъ расположенъ штабъ 4-го пѣхотнаго корпуса, добраться до Севастополя, гдѣ находился генералъ Соймоновъ, прошло довольно значительное время. Около 8-ми часовъ вечера Чаплинскій вручилъ Соймонову пакетъ, въ которомъ находилось распоряженіе слѣдующаго содержанія [1]: «какъ при наступленіи колоннъ вверхъ *по лѣвому берегу* Киленъ-балки они подвергаются дѣйствію англійскихъ осадныхъ батарей, пока вы не поровняетесь съ ними на одной высотѣ, то я полагаю [2]) полезнымъ начать движеніе ваше отъ Малахова кургана часомъ ранѣе назначеннаго времени, т. е. въ 5 часовъ, дабы миновать опасную для движенія мѣстность до разсвѣта; полагаю также полезнымъ имѣть за правымъ флангомъ вашимъ главный резервъ ввѣренныхъ вамъ войскъ, ибо лѣвый флангъ ихъ будетъ совершенно обезпеченъ оврагомъ Киленъ-балки и содѣйствіемъ войскъ, которыя переправятся черезъ Черную рѣчку».

Получивши это распоряженіе генералъ Соймоновъ, отправился, въ сопровожденіи командира Тобольскаго полка генералъ-маіора Баумгартена, къ начальнику Севастопольскаго гарнизона генералъ-лейтенанту Моллеру, для совѣщаній о предстоявшемъ на утро сраженіи. Въ это время въ квартиру генерала Соймонова стали собираться командиры отдѣльныхъ частей. Около 9½ часовъ вечера возвратившійся хозяинъ пригласилъ собравшихся поужинать. Все общество было весело настроено и содержаніемъ разговора было конечно предстоявшее дѣло. Обратившись къ генералу Баумгартену, Соймоновъ спросилъ его, что онъ думаетъ о завтрашнемъ днѣ.

— Мнѣ кажется, отвѣчалъ на это Баумгартенъ, что непріятель будучи атакованъ во фронтъ двумя сильными отрядами, а въ правый флангъ и тылъ отрядомъ генерала Липранди [3]), и имѣя противъ лѣваго фланга наши укрѣпленія, а позади себя море—можетъ быть опрокинутъ въ море.

Слова эти произвели всеобщее одобреніе.

— До свиданія ваше превосходительство, сказалъ Чаплинскій вставая послѣ ужина и прощаясь съ Соймоновымъ, завтра увидимся на Викторіи (англійская батарея).

---

[1]) Предписаніе Данненберга Соймонову 23-го октября № 1521.

[2]) Если бы генералъ Данненбергъ признавалъ себя прямымъ распорядителемъ сраженія, то онъ не полагалъ бы, а прямо предписалъ Соймонову двинуться часомъ ранѣе.

[3]) Чоргунскій отрядъ бывшій подъ начальствомъ кн. П. Д. Горчакова.

— Куда вамъ! отвѣчалъ засмѣявшійся Соймоновъ; — впрочемъ, приходите, мы вамъ на Викторіи завтракъ приготовимъ [1]).

Этотъ, повидимому, ничего не значащій разговоръ разъясняетъ весьма многое. Обѣщаніе приготовить завтракъ на Викторіи, находившейся на мѣстности ограниченной Доковымъ оврагомъ и Киленъ-балкою, доказываетъ вопервыхъ, что Соймоновъ зналъ что ему слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки и не встрѣчалъ недоразумѣній въ полученномъ отношеніи генерала Данненберга [2]), а во вторыхъ слова эти служатъ намекомъ, что отрядъ Павлова придетъ на мѣсто боя позже, что Соймоновъ, не сомнѣвавшійся въ успѣхѣ, первымъ сдѣлаетъ натискъ на англичанъ и славу ожидаемой побѣды оставитъ за собою.

Впослѣдствіи будетъ видно еще яснѣе, что Соймоновъ зналъ что ему слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки, но мы увидимъ также и то, что онъ совершенно не зналъ мѣстности, на которой ему приходилось дѣйствовать и не имѣлъ времени изучить ее.

Правда, наканунѣ боя была произведена рекогносцировка, на которую были вызваны всѣ полковые и батарейныя командиры, но рекогносцировка эта не принесла ни какой пользы, по неимѣнію карты окрестностей Севастополя и по невозможности приблизиться къ непріятельской позиціи. Она ограничилась самымъ поверхностнымъ обзоромъ мѣстности съ такъ называемой маячной батареи.

Собравшіеся толпою командиры частей постояли на батареѣ, посмотрѣли на противулежащія горы, но по отдаленію мало что видѣли, тѣмъ болѣе, что туманъ и мелкій дождь препятствовали наблюденіямъ. При всемъ желаніи они не могли познакомиться съ мѣстностью на столько, чтобы составить себѣ заранѣе, хотя приблизительный планъ дѣйствій.

«По окончаніи рекогносцировки, пишетъ Алабинъ [3]), большая часть лицъ воротилась съ тѣмъ же запасомъ данныхъ, съ какимъ

---

[1]) Воспоминанія Георгія Чаплинскаго. Сборникъ рукописей т. II, 90.

[2]) Что Соймоновъ зналъ что ему слѣдуетъ наступать по лѣвому берегу Киленъ-балки — это несомнѣнно и доказывается тѣмъ, что послѣ совѣщанія съ генераломъ Моллеромъ, послѣдній въ отданной имъ диспозиціи по войскамъ Севастопольскаго гарнизона приказалъ батареямъ 3 и 4 дистанціи «содѣйствовать огнемъ своимъ наступающимъ войскамъ и *прикрывать* ихъ правый флангъ. Прикрытіе праваго фланга было необходимо только при движеніи по лѣвому берегу оврага, да и самое содѣйствіе батарей оборонительной линіи оказывалось возможнымъ только въ этомъ послѣднемъ случаѣ.

[3]) Алабинъ. «Походныя записки» ч. II, 64.

отправилась на рекогносцировку. Оставалось завтра дѣйствовать по обстоятельствамъ».

Весь день 23-го октября, т. е. наканунѣ сраженія, шелъ сильный дождь, размягчивший почву окрестностей Севастополя. Усилившаяся къ ночи непогода противъ воли загнала всѣхъ подъ крышу. Разбросанные, по площадямъ и улицамъ города, полки отряда Соймонова, составивъ ружья въ козла, ожидали приказаній къ выступленію. Вся ночь прошла въ толкахъ о предстоявшемъ сраженіи. Распоряженіе начальства оставалось для всѣхъ тайною: ни батальонные, ни ротные командиры не знали когда и гдѣ будетъ дѣло и куда имъ слѣдуетъ идти.

Послѣ полуночи ротные командиры получили приказаніе осмотрѣть ружья, повѣрить ряды и, когда все будетъ сдѣлано, начать движеніе по направленію ко 2-му бастіону. При движеніи приказано соблюдать строжайшую тишину, не стучать оружіемъ, не кашлять, «и по этому только, пишетъ участникъ [1]), догадывались мы, что будетъ что-то нешуточное».

Почти одновременно съ этимъ, и именно около двухъ часовъ ночи, между бивуаками отряда генерала Павлова, расположеннаго на Инкерманскихъ высотахъ, пробирались жандармы и казаки, отыскивавшіе палатки и землянки начальниковъ частей.

Было еще совершенно темно, когда отряды, расположенные въ Севастополѣ и на Инкерманскихъ высотахъ, покинули свои грязные и глинистые бивуаки. Тихо подвигались солдаты впередъ; не было слышно между ними ни говора, ни шума.

Тянувшіеся по разнымъ улицамъ города полки отряда Соймонова собирались у бастіона № 2-го, какъ центра, отъ котораго должно было начаться общее наступленіе. Генералъ Соймоновъ сопровождаемый проводникомъ, встрѣтилъ на Екатерининской улицѣ Колыванскій полкъ и лично повелъ его; за Колыванскимъ полкомъ слѣдовали прочія войска. Выйдя изъ-за оборонительной линіи укрѣпленій, генералъ Соймоновъ видимо былъ въ затрудненіи куда идти и потому спрашивалъ проводника о мѣстѣ занятомъ непріятелемъ. Построивши три полка своей дивизіи въ колонны къ атакѣ, онъ двинулся впередъ, перешелъ черезъ Киленъ-балку, и подойдя къ горамъ остановился, чтобы дать отдохнуть минутъ 10 или 15. Здѣсь генералъ Соймоновъ обошелъ войска «не упустилъ, говоритъ участ-

[1]) «Эпизодъ изъ Инкерманскаго сраженія», разсказъ маіора Курникова. «Сборникъ рукописей» т. I, 114.

никъ, разспросить у проводника о мѣстности, ободрялъ солдатъ, внушалъ имъ быть храбрыми и говорилъ, что сегодняшній день они будутъ драться въ виду Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великихъ Князей и тутъ же приказалъ идти какъ можно тише и не разговаривать» [1]). Вокругъ все было тихо. Туманъ и испаренія, отъ шедшаго всю ночь проливнаго дождя, были такъ густы, что съ трудомъ можно было разсмотрѣть что нибудь въ двухъ шагахъ.

Начинало разсвѣтать.

Англичане, не подозрѣвая никакой опасности, спокойно спали въ лагерѣ. Промокшіе отъ дождя и продрогшіе отъ пронзительнаго холоднаго вѣтра, измученные передовые посты ихъ дремали отъ усталости, не обращая особеннаго вниманія на то, что дѣлалось въ нашемъ лагерѣ.

«Но надо забывать, писалъ корреспондентъ газеты «Times», въ защиту своихъ соотечественниковъ, что наши легкія войска совершенно истомились безпрерывными трудами и что нерѣдко на передовые посты посылаютъ такихъ солдатъ, которые далеко не отдохнули отъ работы въ траншеяхъ или отъ исполненія полковыхъ своихъ обязанностей..... Нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторые изъ нихъ не были такъ бдительны, какъ слѣдуетъ быть часовому въ виду непріятеля».

Хотя до передовыхъ постовъ и доносился сначала отдаленный шумъ и скрипъ колесъ, а потомъ стукъ отъ заколачиванія гвоздей при наводкѣ моста, но англичане не придавали всему этому никакого значенія. Около 4-хъ часовъ утра въ Севастополѣ раздался звукъ церковнаго колокола, но и онъ не пробудилъ особеннаго вниманія непріятеля. День 24-го октября былъ воскресный, и англичане приняли звонъ за обыкновенный призывъ къ заутрени. Многіе изъ солдатъ, проходившихъ мимо церкви полковъ отряда генерала Соймонова, набожно крестились, другіе спѣшили въ храмъ помолиться и поставить свѣчу [2]) и затѣмъ торопливо присоединялись къ товарищамъ покидавшимъ городъ.

Рано утромъ англійскій генералъ Кондрингтонъ выѣхалъ изъ лагеря, для осмотра аванпостовъ своей бригады легкой дивизіи; ему доносили что все обстоитъ благополучно. Осмотрѣвши посты Кондрингтонъ остановился только на минуту, чтобы сказать нѣсколько словъ случившемуся тутъ капитану Претиману.

---

[1]) «Эпизодъ изъ Инкерманскаго сраженія». Сборникъ Рукоп. т. I, 115.

[2]) А. Розинъ «Очерки Крымской войны» Сборникъ рукописей т. II, 223.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, замѣтилъ генералъ, если русскіе воспользуются сегодняшнимъ утреннимъ туманомъ и сдѣлаютъ нападеніе на нашу позицію, особенно если принять въ расчетъ дождь, который препятствуетъ нашей бдительности и дѣлаетъ негоднымъ наше оружіе.

Пророческія слова эти были прерваны выстрѣлами послышавшимися по направленію отъ Севастополя. Вслѣдъ затѣмъ прибѣжало нѣсколько человѣкъ съ объявленіемъ, что русскіе наступаютъ. Кондрингтонъ тотчасъ же поворотилъ коня въ ту сторону откуда слышались выстрѣлы, и, оставшись въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній, быстро поскакалъ назадъ въ лагерь, гдѣ и сообщилъ о полученномъ извѣстіи генералу Броуну. Послѣдній поставилъ въ ружье свои войска и двинулъ ихъ къ верховьямъ Киленъ-балки на помощь второй англійской дивизіи, со стороны которой слышны были выстрѣлы.

Около пяти съ половиною часовъ утра, генералъ Соймоновъ съ передовыми полками, поднялся по крутому и размытому дождемъ подъему саперной дороги и вышелъ на правый берегъ Киленъ-балки. Здѣсь согласно своей диспозиціи онъ сталъ выстраиваться въ боевой порядокъ, при чемъ три полка 10-й пѣхотной дивизіи были выдвинуты въ боевую линію и расположены: Томскій на правомъ флангѣ, а Колыванскій — на лѣвомъ. Въ интервалѣ между ними стали 12 орудій батарейной № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады; Екатеринбургскій полкъ былъ оставленъ въ резервѣ, а за нимъ расположенъ главный резервъ, упиравшійся правымъ флангомъ въ Киленъ-балку, и состоявшій изъ полковъ: Владимірскаго, Суздальскаго, Углицкаго и Бутырскаго, подъ общимъ начальствомъ генералъ-маіора Жабокритскаго.

Подъ прикрытіемъ двухъ ротъ 6-го стрѣлковаго батальона и штуцерныхъ Томскаго и Колыванскаго полковъ разсыпанныхъ въ цѣпь, войска двинулись вдоль праваго берега Киленъ-балки. Густой туманъ и сѣрыя шинели нашихъ солдатъ долго скрывали ихъ отъ взоровъ англичанъ, такъ что одинъ изъ пикетовъ былъ окруженъ и захваченъ въ плѣнъ. Подойдя на близкій ружейный выстрѣлъ наши застрѣльщики открыли огонь и перестрѣлка завязалась.

Такъ началось Инкерманское сраженіе стоившее намъ громадныхъ потерь, но не увѣнчавшееся успѣхомъ и не осуществившее тѣхъ надеждъ, которыя на него возлагались.

По мнѣнію автора, главнѣйшими причинами нашей неудачи было то, что князь Меншиковъ не вполнѣ воспользовался превосход-

ствомъ своихъ силъ и не всѣ войска ввелъ въ дѣло; что передъ сраженіемъ была составлена диспозиція крайне неопредѣленнаго характера и что отряды изъ Чоргуна и вылазка изъ Севастополя не поддержали главныхъ силъ съ достаточною энергіею.

Неудача въ Инкерманскомъ сраженіи, по нашему мнѣнію, произошла не отъ одной какой либо случайной причины, неожиданно явившейся во время самаго боя, но она была слѣдствіемъ совокупности явленій, какъ предшествовавшихъ, такъ и сопутствовавшихъ сраженію.

Чтобы прослѣдить ихъ, мы должны вернуться назадъ и повторить тѣ распоряженія, которыя предшествовали сраженію и прослѣдить вкратцѣ весь ходъ боя.

Наканунѣ сраженія, до пяти часовъ пополудни, не только войска но и главные начальники колоннъ и ближайшіе распорядители боя не знали въ точности ни намѣреній главнокомандующаго, ни направленія, въ которомъ будетъ произведено предполагаемое наступленіе. Только вечеромъ была доставлена въ отряды диспозиція, крайне неопредѣленнаго содержанія, диспозиція, не свѣренныя съ картами, написанная съ плохимъ расчетомъ времени для начала движенія колоннъ и не выражавшая въ точности намѣреній главнокомандующаго.

Предпринимая нападеніе и назначая для того болѣе 70 батальоновъ, князь Меншиковъ, выразилъ въ своей диспозиціи неважную цѣль потѣснить англичанъ, и устранилъ себя отъ участія въ подробностяхъ распоряженій. Онъ разбросалъ ихъ по рукамъ подчиненныхъ: Нахимову приказалъ строить мостъ, а Павлову, не знавшему, гдѣ и кѣмъ строится этотъ мостъ, — наводить его, Данненбергу поручилъ командовать войсками, но въ то же время обязалъ его находиться при отрядѣ Павлова и, наконецъ, Соймонову и Павлову поручилъ писать диспозиціи. Предоставивъ всѣмъ дѣйствовать по усмотрѣнію, главнокомандующій не оживилъ эти дѣйствія одною общею идеею, не свѣрилъ отдѣльныхъ предложеній и не придалъ имъ характера точности и опредѣленности. Войска шли въ бой, не зная куда и за чѣмъ идутъ? Они не знали ни расположенія непріятеля, ни мѣстности на которой имъ приходилось дѣйствовать.

Порученіе изложить подробности для предстоящихъ дѣйствій каждаго отряда, поставило въ большое затрудненіе какъ Соймонова, такъ и Павлова. На выручку къ нимъ является генералъ Данненбергъ, который, точно также, не понявъ сначала намѣреній

главнокомандующаго, отдаетъ приказаніе и вслѣдъ затѣмъ измѣняетъ его.

Данненбергъ пишетъ свою диспозицію, по которой сначала притягиваетъ отрядъ Соймонова къ Черной рѣчкѣ, для прикрытія переправы колонны Павлова, съ тѣмъ, чтобы по окончаніи ея наступать одновременно всѣми силами, но потомъ измѣняетъ свою диспозицію и дѣлаетъ новое распоряженіе. Признавая совершенно справедливо, что для болѣе вѣроятнаго успѣха выгоднѣе дѣйствовать по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, генералъ Данненбергъ предложилъ Соймонову наступать по лѣвому ея берегу, а Павлову —по правому. Получивъ это послѣднее распоряженіе, Соймовъ тотчасъ же сдѣлалъ рпоряженіе чтобы главный резервъ его колонны, состоявшій изъ сводной дивизіи подъ начальствомъ генерала Жабокритскаго, слѣдовалъ за правымъ его флангомъ, такъ какъ лѣвый былъ обезпеченъ трудно доступнымъ берегомъ Киленъ-балки.

Не сомнѣваясь въ успѣхѣ и заранѣе увѣренный въ побѣдѣ, Соймоновъ трогается съ мѣста ранѣе условленнаго времени [1]), и по совершенному незнанію мѣстности двигается въ сопровожденіи проводника, сбивается съ пути, переходитъ черазъ Киленъ-балку и подымается по правому ея берегу. Замѣтилъ-ли свою ошибку Соймоновъ, или не замѣтилъ — это все равно, потому что въ обоихъ случаяхъ для него не было возврата. Соймоновъ долженъ былъ сознать, что всякое колебаніе съ его стороны и попытка исправить ошибку можетъ быть замѣчена англичанами, уничтожитъ всѣ выгоды нечаяннаго нападенія и поставитъ въ весьма затруднительное положеніе не только его отрядъ, но и отрядъ Павлова, которому не представлялось тогда никакой возможности, подъ огнемъ непріятеля, взобраться на крутыя возвышенности Сапунъ-горы.

---

[1]) Нѣкоторые утверждаютъ что причиною ранняго выступленія Соймонова было предписаніе полученное имъ отъ генерала Данненберга, но это не справедливо. Въ диспозиціи главнокомандующаго было сказано, что Соймоновъ долженъ начать наступленіе отъ Киленъ-балки въ 6-ть часовъ утра *сдѣлавъ предварительно выдвиженіе изъ города*; въ предписаніи же Данненберга ему приказано было начать движеніе въ 5 часовъ утра отъ Малахова кургана (Корниловъ бастіонъ). Если бы Соймоновъ двинулся въ 5 часовъ утра, какъ было предписано, то выводъ отряда изъ-за оборонительной линіи, переходъ до Киленъ-балки и установка войскъ въ боевой порядокъ, должны были занять не менѣе часа времени и онъ могъ начать наступленіе не ранѣе 6-ти часовъ утра, — времени указаннаго диспозиціею главнокомандующаго.

Рѣшившись двинуться впередъ, не ожидая присоединенія отряда Павлова, Соймоновъ думалъ искупить свою ошибку нечаянностью своего появленія въ непріятельскомъ лагерѣ и стремительностью атаки. Увлеченный быстротою натиска и находясь въ боевой линіи онъ забылъ обезпечить свой лѣвый флангъ и не перемѣстилъ для того главнаго резерва, который все время слѣдовалъ вдоль Киленъ-балки, хотя присутствіе его за лѣвымъ флангомъ было бы болѣе полезно.

Выстрѣлы на Инкерманскихъ высотахъ возвѣстили, что три полка изъ двѣнадцати и 22 батарейныхъ орудія изъ 134, назначенныхъ для атаки, вступили въ дѣло съ непріятелемъ; остальныя же войска находились еще далеко отъ мѣста боя. Генералъ-маіоръ Жабокритскій съ цѣлою дивизіею и 16 легкими орудіями, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, остановился въ лощинѣ, верстахъ въ двухъ отъ боевой линіи, а отрядъ Павлова только еще начиналъ переправу черезъ Черную рѣчку.

Введенные въ дѣло три полка отряда Соймонова оказали чудеса храбрости, взяли батарею, ворвались въ англійскій лагерь, захватили непріятельскія орудія, но скоро положенъ былъ предѣлъ побѣднаго шествія. Соймоновъ былъ смертельно раненъ; лица, принимавшія послѣдовательно начальство также выбывали изъ строя и войска оставались безъ руководителей. Изъ трехъ полковъ образовалась одна общая толпа, незнающая, что дѣлать: наступать, стоять и отбиваться, или отступать, и тогда—куда именно? Среди ихъ не было ни одного начальника и не получалось никакихъ приказаній. Генералъ Данненбергъ, по диспозиціи прикованный къ отряду Павлова, находился еще у Черной рѣчки, внизу, а главнокомандующій далеко назади. Оба они слышали выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе, что на высотахъ происходитъ горячій бой, но не получая, за смертью Соймонова, никакихъ донесеній, не знали, что происходитъ въ боевой линіи. Единственный и ближайшій къ дѣйствующимъ войскамъ генералъ Жабокритскій весьма долгое время оставался въ лощинѣ, ожидалъ приказаній и не оказывалъ никакого содѣйствія передовымъ полкамъ, которые, будучи предоставлены самимъ себѣ и разстроены въ своемъ составѣ, спустились въ Киленъ-балку и отступили къ Севастополю.

Только теперь, и именно тогда, когда дѣло отступавшихъ полковъ было уже проиграно безвозвратно, когда они почти въ теченіе $2^1/_2$ часовъ одни дрались со всею арміею англичанъ, тогда только на мѣсто боя появились два новыхъ полка: Бородинскій и

Тарутинскій, которые точно также одиноко, безъ всякой поддержки вступили въ бой съ англичанами, дрались славно, лихо, но осиленные превосходящимъ въ числѣ непріятелемъ, также отступили въ Каменоломный оврагъ съ такою потерею, что не въ силахъ были возвратиться въ дѣло.

Съ отступленіемъ ихъ закончился первый актъ боя и наступилъ второй. Генералъ Жабокритскій рѣшился выйти изъ своего бездѣйствія и, двинувшись впередъ съ двумя полками и двумя батареями, прикрылъ правый флангъ отступившихъ по Киленъ-балкѣ. Лѣвѣе его поднялись на плато три свѣжихъ полка 11-й пѣхотной дивизіи, которые хотя тотчасъ же были введены въ дѣло, но атаковали англичанъ тогда, когда на помощь къ нимъ спѣшили уже французы, и когда борьба оказывалась опять далеко не равною, по численности войскъ двухъ противниковъ. И на этотъ разъ, послѣ жестокой борьбы и превосходныхъ атакъ, мы должны были все-таки отступить, уступая численному перевѣсу непріятеля.

Возможность подкрѣпленія англичанъ французскими войсками обсерваціоннаго корпуса Боске приписываютъ бездѣятельности Чоргунскаго отряда. Но могъ ли онъ воспрепятствовать отдѣленію части французскихъ войскъ на помощь англичанамъ?

Чоргунскій отрядъ подъ начальствомъ князя Горчакова, какъ мы видѣли, состоялъ изъ значительной массы кавалеріи (52 эскадрона и 10 сотенъ) и изъ дивизіи пѣхоты. Нѣтъ сомнѣнія, что кавалерія, введенная въ дѣло на Сапунъ горѣ, могла быть весьма полезна, но ей надо было открыть туда путь пѣхотою, безъ которой она не могла ничего предпринять.

Всей пѣхоты въ распоряженіи князя Горчакова, какъ мы видѣли, было около 15,000 человѣкъ съ 48-ю орудіями полевой артиллеріи. Противъ этого отряда на Сапунъ горѣ былъ расположенъ обсерваціонный корпусъ Боске въ 12,409 человѣкъ, прикрытыхъ непрерывною линіею укрѣпленій и батарей, вооруженныхъ 22-мя орудіями большаго калибра и усиленныхъ постановкою на высотахъ нѣсколькихъ полевыхъ орудій. Правѣе Боске на скатахъ Сапунъ-горы стояло 4,907 человѣкъ турокъ, далѣе у селенія Кадыкіой 2,778 человѣкъ французовъ, подъ начальствомъ генерала Вінуа и 1,912 человѣкъ англичанъ бригады Колинъ-Кемпбеля. И такъ, вся численность непріятеля, противъ котораго долженъ былъ дѣйствовать князь Горчаковъ съ 15,000 пѣхоты, простиралась до 22,000 человѣкъ, расположенныхъ въ укрѣпленной и трудно доступной позиціи.

Конечно, каждому хорошо извѣстно, что, для содѣйствія главному отряду, иногда приходится жертвовать второстепенными безъ всякой надежды на успѣхъ, съ единственною цѣлію обезпечить результаты болѣе важные, но въ данномъ случаѣ подобная жертва не имѣла никакого значенія и не принесла бы никакой пользы войскамъ дѣйствовавшимъ на Никерманскихъ высотахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы князь Горчаковъ, не обращая вниманія на 4.690 человѣкъ непріятельскихъ войскъ, стоявшихъ у селенія Кадыкіой, двинулся бы со всею массою пѣхоты на Сапунъ-гору, то встрѣченный съ дальняго разстоянія огнемъ крѣпостной и осадной артиллеріи, на который самъ не могъ отвѣчать, онъ не успѣлъ бы дойти до подошвы горы, какъ уже поставленъ бы былъ въ крайне затруднительное положеніе: находящіеся въ тылу его редуты на Кадыкіойскихъ высотахъ были бы заняты непріятелемъ, лѣвый флангъ его подвергался атакѣ турецкой дивизіи, а передъ фронтомъ стоялъ двѣнадцати-тысячный французскій корпусъ, готовый сбросить его при первой попыткѣ подняться на гору. Слѣдовательно, для обезпеченія себя отъ конечнаго пораженія, князь Горчаковъ долженъ былъ оставить въ редутахъ часть войскъ своей дивизіи, за отдѣленіемъ которыхъ у него оставалось свободными только девять баталіоновъ, съ которыми не было уже возможности предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

Здѣсь могутъ замѣтить, что, не оставляя въ редутахъ пѣхоты, князь Горчаковъ могъ обезпечить себя отъ обхода съ тыла перемѣщеніемъ на лѣвый флангъ всей своей кавалеріи, но тогда онъ отступалъ отъ диспозиціи и лишался возможности, въ случаѣ успѣха или требованія генерала Даннеберга, ввести кавалерію на гору. Притомъ же, дѣятельность кавалеріи въ этомъ направленіи могла ограничиться только дѣйствіемъ противъ непріятеля, расположеннаго у селенія Кадыкіой, но не обезпечивала князя Горчакова отъ совокупнаго удара корпуса Боске и турецкой дивизіи, численность которыхъ значительно превышала его силы, не говоря уже о прочихъ преимуществахъ, связанныхъ съ характеромъ и условіями мѣстности.

Допустимъ однако же, самый выгодный для насъ случай: что Колинъ-Кемпбель, Винуа и турки не тронулись бы съ мѣста, и что князь Горчаковъ, дойдя до подошвы горы, бросился бы со всею своею дивизіею на штурмъ укрѣпленій, то и тогда Боске, при равной почти численности войскъ, но имѣя громадное преимущество въ положеніи своихъ войскъ, отбросилъ бы наступающихъ и всегда

успѣлъ бы оказать содѣйствіе англичанамъ. Помощь послѣднимъ потребовалась не ранѣе одиннадцати часовъ, т. е. гораздо позже того, какъ князь Горчаковъ былъ бы отбитъ и принужденъ отступить. Если бы онъ повторилъ свое нападеніе, когда Боске отдѣлилъ часть своихъ войскъ на помощь англичанамъ, то, не имѣя возможности сдѣлать этого скрытно, онъ потерпѣлъ бы точно такую же неудачу. Стоявшіе на Сапунъ-горѣ французы имѣли полную возможность слѣдить съ высоты за каждымъ движеніемъ князя Горчакова, могли пересчитать по одиночкѣ всѣ его баталіоны и имѣли достаточно времени, чтобы, при повторенной атакѣ, притянуть къ этому пункту не введенныя въ дѣло войска генерала Моне [1]) и часть войскъ изъ дивизіи принца Наполеона, предувѣдомленнаго Канробером, что быть можетъ отъ него потребуется помощь.

Послѣ всего сказаннаго, можно, пожалуй, утверждать, что князь Горчаковъ могъ предпринять что либо серьезное, что у него было 22,000 или, какъ пишутъ другіе, 25,000 войска. Но кто, смотря на дѣло безпристрастно, скажетъ, что, имѣя въ своемъ распоряженіи только дивизію пѣхоты, князь Горчаковъ могъ овладѣть однимъ изъ всходовъ на Сапунъ-гору тогда, когда князь Меншиковъ, имѣвшій возможность сосредоточить $4^1/_2$ дивизіи, призналъ нападеніе со стороны Чоргуна невозможнымъ и позицію, занятую непріятелемъ, недоступною.

Неудача наша въ Инкерманскомъ сраженіи произошла не отъ нерѣшительности дѣйствій Чоргунскаго отряда, а отъ другихъ обстоятельствъ и прежде всего отъ неправильнаго направленія главной атаки. Если бы князь Меншиковъ изъ числа наличныхъ войскъ у него бывшихъ (не считая Севастопольскаго гарнизона) сосредоточилъ у селен. Чоргунъ всю кавалерію и три съ половиною дивизіи пѣхоты и произвелъ съ ними наступленіе на Сапунъ-гору, въ томъ направленіи въ которомъ онъ считалъ это возможнымъ до 22 октября, то поддержанный значительною вылазкою изъ Севастополя, онъ могъ расчитывать на болѣе вѣроятный успѣхъ. Не зависимо отъ собранныхъ у Чоргуна $3^1/_2$ дивизій пѣхоты князь Мен-

---

[1]) По свидѣтельству барона Базанкура, французы, отдѣляя на помощь англичанамъ часть обсерваціоннаго корпуса Боске, позаботились обезпечить себя на тотъ случай, если бы князь Горчаковъ вздумалъ перейти въ наступленіе. См. L'expédition de Crimée T. II, 79.

никовъ могъ назначить на вылазку изъ Севастополя не менѣе $1^1/_2$ дивизій [1]).

Наступленіе изъ города могло быть произведено съ двухъ сторонъ: противъ французскаго осаднаго корпуса въ томъ направленіи, въ которомъ оно было произведено генераломъ Тимофѣевымъ и съ тѣми войсками, которыя были въ его распоряженіи. Затѣмъ пѣхая дивизія, направленная противъ праваго фланга англійской позиціи и наступающая по правому берегу Киленъ-балки, могла бы не только оттѣснить англичанъ, но и соединиться съ главнымъ дѣйствующимъ отрядомъ на Сапунъ-горѣ и вмѣстѣ съ нимъ двинуться въ тылъ союзниковъ.

Во всякомъ случаѣ выгоды пріобрѣтаемыя Инкерманскимъ сраженіемъ, въ случаѣ успѣха, никогда не могли сравняться съ тѣми, которыя пріобрѣтались при наступленіи со стороны с. Чоргунъ. Наступая изъ Севастополя и овладѣвши частью позиціи англичанъ мы хотя и съ трудомъ, могли конечно утвердиться на высотахъ, но становились сами въ такое положеніе, въ которомъ должны были ежеминутно ожидать атаки многочисленнаго непріятеля. Наступая же со стороны Чоргуна, мы дѣйствовали въ тылъ союзниковъ, могли овладѣть Балаклавою и во всякомъ случаѣ отрѣзывали англичанъ отъ единственнаго ихъ опорнаго и складочнаго пункта. Одно овладѣніе Балаклавою ставило уже англичанъ въ безвыходное положеніе. Въ случаѣ неудачи, имѣя свободный путь отступленія, мы не подвергались той опасности, которую испытывали въ Инкерманскомъ сраженіи и устраненіемъ которой мы обязаны только не настойчивому преслѣдованію непріятеля. Отсюда слѣдуетъ, что не демонстрація, а главная атака должна была быть произведена со стороны Чоргуна, при чемъ двѣ одновременныя вылазки изъ Севастополя могли имѣть весьма большое вліяніе на ходъ сраженія.

Такъ сначала понималъ это дѣло и князь Меншиковъ.

Важность наступленія со стороны Чоргуна и выгодныя послѣдствія, въ случаѣ успѣха, на столько осязательно сознавались самимъ главнокомандующимъ, что не смотря на неудачу нашу въ Инкерманскомъ сраженіи, кн. Меншиковъ предполагалъ немедленно атаковать союзниковъ съ этой стороны.

---

[1]) У Чоргуна могли быть сосредоточены 10, 11 и 12 дивизіи бригада 17-й дивизіи, а для вылазки изъ Севастополя можно было назначить всю 16-ю дивизію и отрядъ генерала Тимофѣева.

«25-го октября пишетъ Липранди въ своихъ запискахъ, я былъ потребованъ къ князю Горчакову, который показалъ мнѣ собственноручное письмо князя Меншикова, въ коемъ онъ, высказывая неудовольствіе свое на дѣйствія генерала Данненберга, 24 октября, предлагалъ кн. Горчакову, не рѣшится ли онъ атаковать непріятеля, съ войсками находившимися подъ его начальствомъ, къ коимъ князь Меншиковъ предполагалъ присоединить изъ бывшихъ тогда на другихъ позиціяхъ войскъ такое число, какое сочтетъ приличнымъ князь Горчаковъ; и если бы по какому либо случаю кн. Горчаковъ не пожелалъ бы принять на себя это предпріятіе, то главнокомандующій просилъ его предложить мнѣ произвести эту атаку.

«Князь Горчаковъ, прочтя письмо его свѣтлости, объявилъ мнѣ что отказывается отъ подобнаго предпріятія, ибо послѣ 24-го октября войска наши были разстроены и деморализованы: начальникъ 10-й пѣхотной дивизіи смертельно раненъ, бригадные командиры за ранами выбыли изъ строя; изъ полковыхъ командировъ нѣкоторые убиты, другіе ранены; наконецъ много выбыло изъ строя батальонныхъ, а въ особенности ротныхъ командировъ. Кромѣ того, непріятель, опасаясь возобновленія нашей атаки, заложилъ въ ночь на 25-е октября во многихъ мѣстахъ Сапунъ-горы мины, а на дорогахъ сдѣлалъ перекопы, что показали явившіеся, 25-го октября, на Чоргунскую позицію наши подводчики, захваченные въ Балаклавѣ и бѣжавшіе вышеописаннаго числа. Противъ этого я только и могъ сказать князю Горчакову, что и мое мнѣніе тоже самое».

Предложеніе князя Меншикова вновь атаковать союзниковъ со стороны Чоргуна, было сдѣлано, конечно, при сознаніи возможности наступленія въ этомъ направленіи, наступленія не предпринятаго самимъ главнокомандующимъ только по нежеланію принять на себя всю отвѣтственность и имѣть возможность въ случаѣ неудачи сослаться на полученныя указанія.

Вообще изъ всего того, что предшествовало Инкерманскому сраженію дѣйствія князя Меншикова кажутся необъяснимыми. Недѣли за двѣ онъ былъ предъувѣдомленъ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ объ отправленіи въ Крымъ 10 и 11-й дивизій, слѣдовательно было достаточно времени чтобы заранѣе обсудить и составить планъ дѣйствій, который главнокомандующій намѣренъ былъ привести въ исполненіе съ прибытіемъ подкрѣпленій. Между тѣмъ, прибытіе этихъ войскъ, застало князя Меншикова въ совершенный расплохъ и никакого плана или соображенія не было составлено. Вмѣсто того, чтобы войска, измученныя продол-

жительнымъ и труднымъ походомъ, сосредоточить у Севастополя и дать имъ нѣсколько дней отдыха, ихъ отправили къ Чоргуну, для того только, чтобы потомъ тотчасъ же вернуть къ Севастополю и Инкерману и наконецъ сдѣлать неудачное нападеніе, при которомъ характеръ мѣстности и ея особенности не были соображены съ числомъ дѣйствовавшихъ войскъ.

Подъ конецъ боя и съ поднятіемъ на высоты колонны Павлова наши баталіоны, по тѣснотѣ мѣста, были до такой степени скучены, что представляли собою какъ бы непрерывную сплошную колонну, дозволявшую непріятелю поражать насъ безъ промаха и, слѣдовательно, наносить огромную потерю прежде, чѣмъ мы имѣли возможность броситься въ штыки. Это была сплошная стѣна, въ которой ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ не пропадалъ даромъ.

Особенности мѣстности были таковы, что наибольшая ширина плато, на которомъ происходило сраженіе, не превосходила 350 саженъ, а наименьшая имѣла только 60 саженъ. На этомъ пространствѣ въ самомъ началѣ боя должны были помѣститься 22 орудія, занявшія протяженіе около 84 саженъ, и не менѣе 24 ротныхъ колоннъ, которыя, если поставить рядомъ другъ съ другомъ безъ всякихъ промежутковъ, то, по численности своихъ рядовъ и тогдашнему уставу, должны были занять мѣсто не менѣе 250 саженъ длиною. Понятно, что при такой тѣснотѣ войска, дѣйствовавшія почти все время на самомъ узкомъ мѣстѣ плато, принуждены были толпиться.

«Не успѣлъ начаться бой, говоритъ участникъ [1]), какъ разныхъ частей нашихъ войскъ столпилось въ то время на высотахъ такъ много, что люди почти перемѣшались вмѣстѣ. Кутерьма сдѣлалась страшная: барабаны бьютъ наступленіе, рожки трубятъ отступленіе: всѣ кричатъ, снаряды разрываются въ воздухѣ, пули свистятъ мимо ушей, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ надъ головой; кто толкаетъ и лезетъ впередъ, а кто поворачиваетъ назадъ».

Расположившись въ нѣсколько линій и по необходимости раздаваясь въ стороны, пѣхота весьма часто закрывала батареи, лишая ихъ возможности поддерживать безпрерывный огонь. По свидѣтельству очевидцевъ, артиллеристы нѣсколько разъ просили очистить мѣсто и дать имъ возможность продолжать огонь.

— Проходите, проходите, братцы, скорѣй! кричали артиллеристы

---

[1]) Подполковникъ Вакемуть. «Воспоминанія Севастопольца» (рукоп.).

слѣдовавшимъ мимо ихъ полкамъ. Не заслоняйте насъ. Изъ-за васъ и насъ перебьютъ: намъ нельзя отвѣчать непріятелю.

По совершенной тѣснотѣ и отсутствію свободнаго мѣста, артиллеріи не было никакой возможности перемѣнить позицію и отъ того она не оказала почти никакого содѣйствія пѣхотѣ. Остановившись на Казачьей горѣ, она дѣйствовала до тѣхъ поръ, пока пѣхота не заслонила батарей. Такое исключительное положеніе артиллеріи было также одною изъ главныхъ причинъ нашей неудачи въ Инкерманскомъ сраженіи. Во все время сраженія мы видимъ полки, бросающіеся въ штыки безъ поддержки артиллеріи, которая вводится по частямъ и при томъ такъ, что одновременно дѣйствуетъ не болѣе 60 орудій изъ 134, бывшихъ въ отрядахъ генераловъ Соймонова и Павлова. При томъ же эти 60 орудій дѣйствовали только подъ конецъ боя: въ началѣ было выдвинуто только 22, а потомъ 38 орудій.

Такимъ образомъ, лишенныя содѣйствія артиллеріи полки наши, подымаясь разновременно на высоты, не имѣли единства въ дѣйствіи. Вмѣсто одновременнаго и совокупнаго дѣйствія по всей линіи, мы производили рядъ частныхъ атакъ, не поддержанныхъ резервами, начальники которыхъ ожидали особыхъ на то приказаній и, не получая ихъ, оставались на мѣстѣ, давая тѣмъ непріятелю возможность отражать насъ по частямъ. Не развернувъ сразу всѣ свои силы, по обѣимъ сторонамъ Киленъ-балки, мы лишены были возможности воспользоваться численнымъ превосходствомъ надъ непріятелемъ, имѣвшимъ громадное преимущество въ вооруженіи.

Вступая въ бой, пишетъ Тотлебенъ въ своемъ сочиненіи, пѣхота наша тотчасъ же чувствовала превосходство непріятеля въ вооруженіи. Англійскія войска, вооруженныя штуцерами, открывали огонь съ дальняго разстоянія и наносили нашимъ войскамъ весьма чувствительный вредъ прежде, чѣмъ они успѣвали приблизиться къ непріятелю на разстояніе дальности выстрѣла нашихъ ружей. Еще до сближенія съ непріятелемъ, наши войска уже теряли значительную часть своихъ начальниковъ, что естественно должно было ослабить энергію ихъ и нарушить единство дѣйствій. Когда, наконецъ, наши войска подходили къ непріятелю на такое близкое разстояніе, которое уравновѣшивало разницу въ вооруженіи, то они были уже ослаблены прежде понесенными потерями, и при томъ не всегда могли расчитывать на успѣхъ. Весьма часто англичане, открывъ огонь издали, подпускали наши войска на самое близкое раз-

стояніе, а когда послѣднія, подъ убійственнымъ огнемъ, доходили до нихъ, то англичане начинали отступать, усиливая свой огонь».

Не смотря на это, мы всетаки должны сказать, что хотя англичане, вооруженные нарѣзными ружьями, безспорно, наносили огромное пораженіе нашимъ войскамъ, но они не могли остановить стремительныхъ атакъ даже и отдѣльныхъ частей. Не было ни одного полка, который бы, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, не достигъ до штыковаго боя. Инкерманское сраженіе лучше всего указываетъ, на какіе подвиги способенъ русскій солдатъ, какъ велики его стойкость, мужество и храбрость, которыя, при разумномъ употребленіи, могутъ принести блестящіе результаты.

Много выказано было въ этотъ день подвиговъ мужества, самоотверженія и храбрости отдѣльными лицами, и даже можно сказать, что весь бой, отъ начала до конца, состоялъ изъ ряда отдѣльныхъ героическихъ подвиговъ полковъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться со словами барона Базанкура, который говоритъ, что Инкерманское сраженіе вовсе не было такимъ, гдѣ могли бы проявиться стратегическія соображенія. «Тутъ не было возможности полководцу, говоритъ онъ [1], бросивъ одинъ взглядъ на дѣло создать планъ маневра, который измѣнилъ бы ходъ всего сраженія и привлекъ бы на свою сторону побѣду, еще парящую между врагами, не зная къ кому склониться. Здѣсь увлеченіе, сила, храбрость остаются побѣдителями. Это штурмъ ужасный, безконечный—возобновляющійся штурмъ, подобный волнамъ прибоя, то отбѣгающимъ, то набѣгающимъ на берегъ. Пространство, на которомъ кипитъ бой, неровно, мѣстность безконечно волниста: пользуясь этимъ, безпрестанно являются въ сраженіи новыя густыя колонны противника. Эта суматоха, происходившая болѣе семи часовъ, выше всякихъ описаній: примѣры истиннаго геройства, ужасная борьба грудь съ грудью, всѣ проявленія мужества, отчаянные атаки въ ущельяхъ, въ трущобахъ — вотъ Инкерманъ!»

Мы потеряли въ этомъ сраженіи почти 11 т. человѣкъ. Войска возвратились на свои позиціи крайне разстроенными; нѣкоторые полки потеряли всѣхъ старшихъ офицеровъ и находились подъ командою капитановъ. Князь Меншиковъ находился въ большомъ затрудненіи кѣмъ замѣстить убылыхъ.

---

[1]) L'expédition de Crimée T. II, p. 75 и 76.

Недостатокъ старшихъ офицеровъ у меня такъ великъ, писалъ онъ [1]), что буквально некого послать въ хвостъ арміи, чтобы собрать отсталыхъ, некому поручить полицейскій надзоръ, некого назначить завѣдующимъ госпиталями».

Инкерманское сраженіе дорого стоило русской арміи, и хотя кончилось не въ нашу пользу, но и союзники, также понесшіе чувствительную потерю, должны были сознать, что тотъ непріятель, который съ такою стремительностію и упорствомъ велъ нападеніе, и отступалъ въ совершенномъ порядкѣ, несмотря на неудачу, останется все-таки сильнымъ врагомъ, и что имъ трудно надѣяться на успѣхъ, при штурмѣ крѣпости.

Инкерманское сраженіе произвело столь сильное впечатленіе на непріятеля, что съ горяча союзные главнокомандующіе хотѣли было снять осаду, посадить войска на суда и покинуть Крымъ. Правда, что, оправившись, они оставили свое намѣреніе, остались по прежнему подъ Севастополемъ, но изъ атакующихъ перешли въ обороняющихся и стали окапываться со всѣхъ сторонъ, изъ боязни что бы подобное сраженіе не повторилось снова.

«Въ Инкерманской битвѣ писали англичане, нѣтъ ничего для насъ радостнаго. Мы ни на шагъ не подвинулись ближе къ Севастополю, а между тѣмъ потерпѣли страшный уронъ. Конечно, русскіе понесли можетъ быть большую потерю нежели союзники и были принуждены отступить, но они возвратились въ свои прежнія позиціи, а эти позиціи возлѣ самаго Севастополя и Балаклавы! Они вознаградятъ свою потерю и могутъ возобновить свои нападенія, всякій разъ, когда почтутъ то нужнымъ. А могутъ-ли союзники, которые изъ осаждающихъ превратились теперь въ осажденныхъ, постоянно отражать эти нападенія? Могутъ-ли они такъ скоро вознаграждать свои потери, какъ русскіе? Нельзя болѣе скрывать: положеніе союзниковъ отчаянное» [2]).

Такъ писали англичане, но и русскій главнокомандующій не считалъ своего положенія лучшимъ. Князь Меншиковъ послѣ Инкерманскаго сраженія находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа. Новая неудача разрушила всѣ его надежды и онъ не видѣлъ въ будущемъ ничего утѣшительнаго. Смотря на группы укрѣпленій возводимыхъ непріятелемъ, на всемъ пространствѣ отъ Севастополя до Балаклавы, главнокомандующій приходилъ къ сознанію.

[1]) Князю М. Д. Горчакову отъ 27-го октября. Воен. учен. арх. д. № 4253

[2]) Матеріалы для Исторіи Крымской войны выпус. IV, стр. 200 и 211

что русскимъ войскамъ прегражденъ доступъ къ непріятельскому лагерю.

«Toutes les positions depuis Balaklava jusqu' a Sévastopol, писалъ князь Меншиковъ князю Долгорукову отъ 25 октября, ou plutôt tout le massif qui comprend cet espace est fortifié et *je ne prévois plus la possibilité de l'attaquer avec succès.* Si quelques circonstances imprevues et extraordinaires n'obligent la levée du siège de Sévastopol, le sort de cette place sera bientôt décidé et c' est celiu de la Crimée qu' il faudra assurer».

Столь мрачныя предсказанія главнокомандующаго не предвѣщали ничего хорошаго. Въ Петербургѣ письмо это произвело на всѣхъ крайне грустное впечатлѣніе и вызвало со стороны Императора то энергическое письмо, которое начиналось повелительнымъ наставленіемъ. «Неунывать любезный Меншиковъ начальствуя севастопольскими героями» и кончалось слѣдующими многознаменательными словами: «Кончаю чѣмъ началъ,— не унывать никому, а тебѣ, вождю, менѣе всякаго другаго, ибо на тебя всѣ глаза и твой примѣръ другихъ долженъ увлекать къ исполненію долга, до послѣдней крайности [1])».

Окончивъ описаніе сраженія происходившаго на Инкерманскихъ высотахъ, авторъ переходитъ къ изложенію дальнѣйшаго хода осады, и, въ непосредственно слѣдующей за тѣмъ главѣ, доводитъ ее до начала атаки Малахова кургана, т. е. охватываетъ періодъ времени съ 24-го октября 1854 года по февраль 1855-го года. Слѣдя за ходомъ осадныхъ и оборонительныхъ работъ и говоря о вылазкахъ, о дѣятельности и храбрости нашихъ войскъ, М. И. Богдановичъ не приводитъ многихъ писемъ Императора, умалчиваетъ о нѣкоторыхъ административныхъ распоряженіяхъ, о сформированіи штаба, назначеніи помощниковъ главнокомандующаго и проч. Всѣ эти обстоятельства имѣли несомнѣнное вліяніе на общій ходъ обороны Севастополя и мы позволимъ себѣ здѣсь войти хотя въ нѣкоторыя необходимыя подробности.

---

[1]) Авторъ Исторіи восточной войны не приводитъ какъ окончанія этого письма (стр. 156 т. III) такъ и письма кн. Меншикова военному министру. Онъ говоритъ, что кн. Меншиковъ выразилъ свое сомнѣніе въ успѣхѣ обороны въ письмѣ своемъ Государю Въ нашихъ архивахъ, мы не встрѣчали подобнаго письма князя Меншикова къ Императору и такъ какъ авторъ не помѣстилъ его въ своей книгѣ, то мы сочли нужнымъ привести письмо князя Меншикова къ князю Долгорукову.

XI.

Положеніе союзниковъ послѣ Инкерманскаго сраженія. — Мнѣніе князя Меншикова о дальнѣйшемъ ходѣ обороны. — Рескриптъ Императора —Опасеніе за недостатокъ пороха. — Отсутствіе правильно организованнаго управленія въ арміи — Характеристика ближайшихъ помощниковъ главнокомандующаго. — Одинокость его положенія. — Формированіе штаба. — Назначеніе генерала Семякина начальникомъ штаба. - Буря 2-го ноября — Письмо Императора князю Меншикову.

Столкновеніе на Инкерманскихъ высотахъ, не имѣя никакого вліянія на нравственное состояніе нашихъ войскъ, измѣнило характеръ дѣятельности атакующихъ. Внезапное появленіе русскихъ въ лагерѣ англичанъ обнаружило значительность нашихъ силъ и всегдашнюю готовность перейти въ наступленіе; оно открыло непріятелю глаза, указало ему слабые пункты позиціи и заставило подумать о собственной защитѣ. Вопросъ о безотлагательномъ штурмѣ Севастопольскихъ укрѣпленій былъ оставленъ союзниками и рѣшено заняться оборонительными работами.

Англичане придавали этимъ работамъ особое значеніе и старались окопаться какъ можно скорѣе. Лордъ Рагланъ сосредоточилъ все свое вниманіе на постройкѣ оборонительной линіи укрѣпленій и корреспондентъ газеты «Times», съ грустью писалъ, что англійская армія, разстроенная потерями 24-го октября и истощенная усталостью, должна теперь работать надъ защитою своего тыла, со стороны Балаклавы. «Въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ, говорилъ онъ, половина нашей пѣхоты постоянно на ногахъ и новая возложенная на насъ обязанность вѣроятно еще болѣе истощитъ нашу слабую армію».

Какъ велико не было это истощеніе, но Лордъ Рагланъ настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи предположенныхъ работъ и спустя нѣсколько дней изъ Севастополя увидѣли, что на группѣ высотъ, отъ Балаклавы до передовыхъ линій непріятельскаго расположенія, явился рядъ насыпей хотя и неоконченныхъ, но достаточно обезпечивающихъ англичанъ отъ вторичнаго нападенія русскихъ. Вслѣдъ за тѣмъ было замѣчено, что и французы приняли мѣры къ охраненію обоихъ фланговъ своей атаки отъ нечаяннаго нападенія.

Ни дурная погода, ни холодъ не могли остановить работъ англичанъ, усиленно трудившихся надъ постройкою укрѣпленій.

Смотря на эти укрѣпленія и получая ежедневно свѣдѣнія о томъ, что въ Балаклаву пришли три парохода наполненныя войсками, что французы ожидаютъ прибытія изъ Тулона 6-й и 7-й пѣхотныхъ дивизій, а изъ Константинополя деревянныхъ зимнихъ бараковъ, кн. Меншиковъ не предвидѣлъ ничего хорошаго. Онъ опасался, что при постоянномъ вознагражденіи потерь, — прибытіемъ новыхъ подкрѣпленій, — союзники въ непродолжительномъ времени пріобрѣтутъ численное превосходство и поставятъ насъ въ самое затруднительное положеніе. Желая устранить подобную возможность, свѣтлѣйшій, на другой день послѣ сраженія, отправилъ курьера князю М. Д. Горчакову съ просьбою о помощи. «Дайте мнѣ возможность, писалъ онъ [1]), защищать Крымъ, если Севастополь падетъ. Нѣтъ-ли для меня еще дивизіи въ вашемъ распоряженіи. Во всякомъ случаѣ распространяйте слухъ о большомъ движеніи войска въ Крымъ».

Подъ вліяніемъ послѣдней неудачи князь Меншиковъ, въ недалекомъ будущемъ, видѣлъ неизбѣжное паденіе Севастополя, какъ въ томъ случаѣ если непріятель, усиливши свои батареи противъ четвертаго бастіона, успѣетъ занять его, такъ и тогда, когда осаждающій будетъ съ намѣреніемъ тянуть осаду и заставлять насъ расходовать порохъ, въ которомъ ощущался большой недостатокъ.

Считая паденіе Севастополя дѣломъ рѣшеннымъ, главнокомандующій помышлялъ теперь только о защитѣ Крыма.

«La position de l'ennemi, писалъ онъ военному министру [2]), inforçables maintenant le serait encore plus après la chute de Sévastopol, et sont blocus en hiver, quoique possible, sera d'une grande difficulté Sans parler des souffrances que devront eprouver les troupes et de l'epuissement du pays dont nous absorbons les dernieres ressources. Notre position est bien penible, cher Prince, et son issue est entre les mains de la Providence» [3]).

---

[1]) Отъ 25 октября 1854 года. Воен. учен. арх. д. № 4253, ч. II.

[2]) Князю Долгорукову отъ 27 октября. Воен. учен. арх. д. № 4251

[3]) «Положеніе непріятеля непреступное теперь, будетъ еще болѣе неприступнымъ послѣ паденія Севастополя, и его блокированіе зимою, хотя и возможное, будетъ сопряжено съ большими затрудненіями, — не говоря о страданіяхъ, которыя должны будутъ выносить войска и объ истощеніи страны послѣднія средства которой мы поглощаемъ. Наше положеніе очень тяжело и успѣхъ его въ рукахъ Провидѣнія».

Такая безъисходность положенія, отсутствіе надежды на лучшій исходъ въ будущемъ и наконецъ мрачныя предсказанія самаго главнокомандующаго, крайне заботили и огорчали Императора.

«Ежели донесеніе твое, любезный Меншиковъ, писалъ онъ [1]) объ отличномъ духѣ войскъ, ихъ молодецкой бодрости и готовности, не смотря на неудачу и ужасную потерю, Меня порадовало, то твое письмо къ князю Долгорукову, съ твоими горькими черными предсказаніями, Меня глубоко опечалило. За чѣмъ же столько геройства, столько горькихъ потерь, ежели исходъ дѣла долженъ быть столь гибельный? Какъ этому повѣрить, когда рядомъ съ этимъ знаю, что за молодецкій духъ въ войскахъ, который они на дѣлѣ доказали и доказываютъ и что грѣшно не признавать.

«Неужели и враги наши не пострадали и весь перевѣсъ въ ихъ пользу? воля твоя, этому Я повѣрить не могу. Не унывай говорю Я и не вселяй уныніе въ другихъ. Это было-бы постыдно.

«Соображая что быть можетъ, думаю, что отбивъ штурмъ, съ помощью Божію, надо готовиться сейчасъ же всѣми силами атаковать изъ города осадныя работы и ихъ уничтожить, или въ нихъ ложироваться. Но надо, чтобы тогда же была диверсія отъ стороны Чоргуна и сильная.—Чего всего болѣе опасаюсь—былъ бы новый дессантъ въ тылу у Евпаторіи, для угроженія твоимъ сообщеніямъ. Не было бъ-ли осторожнѣе отрядить туда драгунъ, которымъ кажется большой роли у Чоргуна не предстоитъ, и поручить тогда Врангелю всю кавалерію, т. е. и резервную уланскую дивизію, чтобы по крайней мѣрѣ тылъ твой былъ освобожденъ и въ надежныхъ рукахъ.

«Ободряй войска, говори съ ними Моимъ именемъ, благодари ихъ, чтобъ знали, что ты уважаешь ихъ заслуги и доводишь до Меня ихъ подвиги.—Представляй скорѣе къ наградамъ отличившихся. Авось Богъ милосердый сподобитъ еще тебя обрадовать Меня доброй вѣстью».

Ожиданіямъ Государя къ сожалѣнію не суждено было осуществиться

Съ возведеніемъ союзниками оборонительныхъ построекъ князь Александръ Сергѣевичъ считалъ положеніе ихъ неприступнымъ, и, при тѣхъ боевыхъ средствахъ, которыми располагалъ, не находилъ возможнымъ предпринять какое бы то ни было наступательное движеніе съ нашей стороны.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 2-го ноября 1854 года. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

Потеря, понесенная въ Инкерманскомъ сраженіи, была на столько велика, что какъ мы видѣли во многихъ полкахъ не было ни одного штабъ офицера и ими командовали капитаны. Пополнить этой убыли было не чѣмъ и хотя главнокомандующій на другой день послѣ сраженія распорядился переводомъ изъ Херсона въ Крымъ двухъ батальоновъ Камчатскаго полка [1]), но справедливо считалъ ихъ слишкомъ недостаточными для пополненія прежней и ежедневно происходящей убыли. По мнѣнію князя Меншикова присылка новаго и значительнаго подкрѣпленія ему была необходима, чтобы располагать довольно сильнымъ резервомъ, для противодѣйствія союзникамъ въ томъ случаѣ, если бы они вздумали прорвать линію обороны.

Имѣя въ виду, что съ наступленіемъ уже холоднаго времени и скорой зимы, городу Николаеву не угрожаетъ болѣе опасность нападенія непріятеля, устремившаго всѣ свои силы на Севастополь, князь Меншиковъ просилъ князя М. Д. Горчакова отправить въ Крымъ всю пѣхоту находившуюся въ городѣ Николаевѣ и замѣнить ее войсками изъ южной арміи [2]).

Просьба эта была не только исполнена, но и предупреждена. Еще до Инкерманскаго сраженія главнокомандующій южною арміею отправилъ на подводахъ, для усиленія крымской арміи, изъ Бендеръ 180 человѣкъ артиллеристовъ и изъ Тирасполя въ Херсонъ половину лабораторной № 2-й роты [3]). Вслѣдъ за тѣмъ былъ двинутъ въ Крымъ, изъ окрестностей Одессы, подвижной артиллерійскій № 11-го паркъ [4]) и одно отдѣленіе летучаго парка [5]). Получивши же свѣдѣнія о значительной убыли офицеровъ въ сраженіи 24-го числа, князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе о командированіи въ Крымъ двадцати двухъ штабъ-офицеровъ [6]), нѣсколькихъ докторовъ, фельдшеровъ и гос-

---

[1]) При слѣдованіи 4-го корпуса въ Крымъ батальоны эти были оставлены въ Херсонѣ, для усиленія тамошняго гарнизона и обезпеченія складовъ.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 26-го октября. Воен. учен. арх. д. № 4,253.

[3]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову 10-го октября; тамъ же дѣло № 3,404.

[4]) Отношеніе кн. Горчакова кн Меншикову 14-го октября № 3.434. Воен. учен. арх. д. № 3,494.

[5]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову 31-го октября. Тамъ же д. № 4,253.

[6]) По одному отъ каждаго полка 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и отъ 6-й пѣхотной дивизіи. См. отношеніе кн. Горчакова воен министру 1-го ноября. Архивъ глав. штаба связ. 26 д. № 226.

питальныхъ принадлежностей. Прося князя Меншикова увѣдомить нужны-ли ему штабъ-офицеры для командованія полками [1]), онъ прибавлялъ, что отправилъ на подводахъ изъ Николаева въ Крымъ, четыре резервные батальона, изъ числа шести тамъ находившихся [2]). Большаго числа войскъ отдѣлить отъ себя онъ не могъ, ибо, по тогдашнимъ политическимъ сношеніямъ нашимъ съ Австріею, самъ долженъ былъ готовиться къ непріязненнымъ дѣйствіямъ съ этою державою.

Извѣстіе о направленіи въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій не успокоивало князя Меншикова,—онъ все еще оставался при убѣжденіи, что Севастополь падетъ, если не отъ недостатка войскъ, то отъ недостатка пороха, котораго по мнѣнію главнокомандующаго могло хватить только на нѣсколько дней, а за тѣмъ приходилось очищать городъ и выводить гарнизонъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо было принять мѣры къ подорванію батарей, истребленію матеріальной части и къ разрушенію домовъ, но ничего этаго сдѣлать было невозможно, за недостаткомъ того же пороха. Князь Меншиковъ просилъ князя Горчакова и генерала Хомутова прислать ему какъ можно болѣе штуцерныхъ патроновъ и вообще оказать содѣйствіе къ пополненію его арміи боевыми припасами [3]). Не ограничиваясь этимъ и считая свое положеніе весьма опаснымъ, главнокомандующій отправилъ точно такую же просьбу и военному министру, прибавляя, что Севастополь держится и будетъ держаться до тѣхъ поръ пока непріятель не утвердится на четвертомъ бастіонѣ и пока мы будемъ имѣть порохъ [4]).

Такое заявленіе главнокомандующаго возбудило большое безпокойство въ Петербургѣ. «Грустно было Мнѣ, писалъ Императоръ [5]), читать твое донесеніе, отъ 3-го ноября, любезный Меншиковъ. Неужели должны мы лишиться Севастополя и флота со всѣми ужас-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова кн. Меншикову отъ 1-го ноября № 19,560. Тамъ же.

[2]) Это были пятые резервные батальоны Волынскаго и Минскаго полковъ; 5 и 6-й батальоны Украинскаго егерскаго полка. Воен. учен. арх. д. № 3,346.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 27-го октября 1854 г. Письмо генерала Хомутова князю Меншикову отъ 30-го октября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 3494.

[4]) Письмо кн. Меншикова князю Долгорукову отъ 3-го ноября 1854 года. «Sévastopol tient, mon cher Prince, et tiendra tant que l'ennemi ne se sera pas solidement établi sur le bastion № 4, vers lequel ses travaux sont presqu'en suspens, et tant que nous aurons de la poudre».

[5]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 11-го ноября 1854 г

ными послѣдствіями за недостаткомъ пороха! Неужели имѣя подъ ружьемъ болѣе 70 т. отличнаго войска, противъ 50 т. союзниковъ, не предстоитъ болѣе никакого способа извлечь пользу изъ геройской обороны, болѣе мѣсяца продолжающейся и стоившей намъ столькихъ горькихъ жертвъ. Это ужасно подумать и вотъ что заключить Я долженъ изъ сегодняшнихъ твоихъ донесеній. Но буди воля Божія!»

Потерять крѣпость и отступить не за отсутствіемъ стойкости и мужества войскъ, а за недостаткомъ боевыхъ средствъ было бы дѣйствительно ужасно, и потому естественно, что донесенія князя Меншикова произвело большой переполохъ въ военномъ министерствѣ. Князь Долгоруковъ хотя и разослалъ повсюду своихъ адъютантовъ и нарочныхъ, съ приказаніемъ немедленно отправить весь излишній порохъ внутреннихъ крѣпостей и запасы пороховыхъ заводовъ, но не надѣялся, чтобы транспорты скоро достигли до Севастополя. При громадности разстояній и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ, нужно было много усилій, чтобы побѣдить тѣ препятствія, которыя противопоставлялись дѣятельности военнаго министерства въ этомъ отношеніи.

— Всѣ мои заботы, говорилъ военный министръ, направлены къ тому, чтобы послать наибольшее количество пороху и этотъ важный предметъ не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Но извѣстны разстоянія и дороги русскія; самое большое усердіе разбивается объ эти подводныя камни.

Онъ просилъ князя Меншикова взять временно порохъ съ кораблей, и если представится возможность, то принять мѣры къ соблюденію экономіи въ расходованіи выстрѣловъ [1]).

«Недостатокъ въ порохѣ приводитъ меня въ отчаяніе, писалъ онъ князю Меншикову [2]). Вы будете имѣть непремѣнно то количество, которое просите—по крайней мѣрѣ меня увѣряютъ въ этомъ —но разстоянія и дороги ужасны! Кромѣ 4 т. пудъ посланныхъ изъ Кіева, о которыхъ вы уже знаете, къ вамъ должны отправить еще оттуда же около 7 т. пудовъ и весь остатокъ съ Шостенскаго завода. Не можете-ли вы, сберегая выстрѣлы, временно заимствовать порохъ изъ вашихъ парковъ. Прискорбно будетъ по недостатку припасовъ потерять плоды такого великолѣпнаго поведенія,

---

[1]) Письма кн. Долгорукова кн. Меншикову 31-го октября и 7-го ноября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4254 ч. II.

[2]) Отъ 11-го ноября 1854 г. Тамъ же.

каково вашихъ стойкихъ моряковъ и никто, какъ я будетъ причиною того. Говорю *Я* потому, что министръ не можетъ быть не отвѣтственнымъ за подобный недостатокъ въ порохѣ, хотя въ сущности трудно было создать въ два года столь значительные запасы пороха, чтобы удовлетворить огромному расходу, часто даже неосновательному, какой дѣлали изъ него. Постарайтесь дорогой князь выдумать что либо особенное (quelques bonnes surprises) пока вы его не получите. Россія будетъ вамъ за то благодарна, а я буду благословлять васъ. Штыкъ не можетъ-ли замѣнить пушки и завладѣть непріятельскими магазинами (запасами). Это было-бы великолѣпно, но я завираюсь и вы конечно не обратите вниманія на мои глупости».

Весь порохъ назначенный для крѣпостныхъ орудій считался израсходованнымъ и на пополненіе его въ Севастополѣ ожидали только 1200 пудовъ изъ Новочеркаска и 4 т. пудовъ изъ Кіева, но когда эти транспорты прибудутъ кн. Меншиковъ не имѣлъ о томъ никакихъ свѣдѣній [1]).

Собственно говоря опасенія главнокомандующаго были преждевременны. По сохранившимся свѣдѣніямъ, при самомъ усиленномъ расходѣ пороха, съ перваго дня осады и по 15 ноября, истрачено было 45 т. пудовъ [2]) и въ наличности оставалось около 29 т. пуд. По первому требованію кн. Меншикова генералъ Хомутовъ отправилъ изъ Керчи 40 т. штуцерныхъ патроновъ и 99 т. таковыхъ же, находившихся въ Арабатѣ, предоставилъ въ распоряженіе главнокомандующаго [3]). Сверхъ того въ пути было нѣсколько транспортовъ, которые должны были прибывать въ Севастополь почти безпрерывно, съ малыми промежутками во времени, но князь Александръ Сергѣевичъ, не имѣлъ свѣдѣній ни о величинѣ транспортовъ и времени ихъ прибытія, ни о томъ сколько въ дѣйствительности израсходовано пороха и сколько остается его въ запасѣ.

---

[1]) Письмо кн. Меншикова князю М. Д. Горчакову отъ 2 ноября.

[2]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову отъ 15 ноября 1854 г. «Съ половины сентября, писалъ онъ, современи обложенія Севастополя, израсходованъ весь порохъ хранившійся въ крѣпости морскаго вѣдомства и всѣ запасы изъ Новочеркаска, Перекопа, Херсона, Николаева и Бендеръ. Кромѣ того началъ расходовать 4 т. пудовъ транспортируемыхъ изъ Кіева — всего же по сей день истрачено 45 т. пуд. пороха см. Воен. учен. арх. д. № 3494.

[3]) Письмо Хомутова кн. Меншикову отъ 30 октября 1854 г. воен. учен. арх. д. № 3434.

Порохъ отпускался по требованію командировъ батарей и бастіоновъ. Нѣкоторые изъ нихъ требовали его не въ мѣрѣ дѣйствительной надобности, а съ намѣреніемъ составить запасъ, обезпечить себя на будущее время и имѣть излишекъ на черный день. Съ точки зрѣнія командировъ частей въ подобномъ требованіи не было ничего предосудительнаго, но на дѣлѣ оно вело къ безпорядкамъ и преждевременнымъ опасеніямъ. Склады быстро очищались, но не такъ быстро пополнялись. Транспорты съ порохомъ весьма долгое время оставались подъ открытымъ небомъ: никто непринималъ привезеннаго пороха и извощики по недостатку фуража терпѣли совершенное бѣдствіе. Разсказы ихъ, на возвратномъ пути, о затрудненіяхъ встрѣчаемыхъ при сдачѣ и разныхъ задержкахъ быстро распространялись и число лицъ желающихъ взять на себя доставку съ каждымъ днемъ уменьшалось. «Самое главное затрудненіе, писалъ генералъ Хомутовъ [1]) — въ пріисканіи возчиковъ, которые весьма опасаются, что по привозу клади ихъ употребятъ въ казенныя работы, чему, они говорятъ, бывали примѣры.» — Только въ декабрѣ мѣсяцѣ былъ установленъ нѣкоторый порядокъ въ пріемѣ транспортовъ съ порохомъ и назначенъ особый пріемщикъ. До ноября же мѣсяца князь Меншиковъ не имѣлъ правильно организованнаго штаба и принужденъ былъ во все входить самъ. По своей не довѣрчивости къ людямъ, онъ не видѣлъ вокругъ себя ни одного лица, на котораго могъ бы положиться.

Непосредственные помощники главнокомандующаго — корпусные командиры — не внушали къ себѣ его довѣрія. Самый близкій къ нему человѣкъ князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ, былъ не только старъ, но дряхлъ, имѣлъ отдѣльное порученіе охранять Севастополь со стороны Чоргуна, и, при всѣхъ своихъ разностороннихъ познаніяхъ и рыцарской храбрости, не могъ считаться хорошимъ помощникомъ въ такое горячее время, гдѣ необходимы были здоровье, силы и большой запасъ энергіи. При всемъ уваженіи, которое сохранялъ князь Меншиковъ къ князю Петру Дмитріевичу, онъ смотрѣлъ на него какъ на человѣка, который не сегодня такъ завтра, откажется отъ всякой дѣятельности. Второй командиръ корпуса генералъ Даннеенбергъ, по мнѣнію главнокомадующаго имѣлъ мало энергіи, былъ «идеалистъ и кабинетный утопистъ», которому нельзя поручить командованіе какою либо отдѣльною частію, а тѣмъ болѣе поставить во главѣ арміи. Князь Меншиковъ ужасался когда ему

---

[1]) Тамъ-же.

приходило въ голову, что, въ случаѣ болѣзни его и князя П. Д. Горчакова, генералъ Данненбергъ долженъ будетъ стать во главѣ арміи [1]).

— Это будетъ истинное несчастіе, говорилъ свѣтлѣйшій.

Инкерманское сраженіе познакомило князя Александра Сергѣевича со способностями начальниковъ дивизій: одинъ изъ нихъ былъ убитъ, а другой устраненъ отъ всякой дѣятельности [2]). Генерала Липранди Меншиковъ считалъ хитрымъ и двуличнымъ, а остальныхъ бригадныхъ командировъ онъ не зналъ на столько, чтобы можно было на нихъ положиться.

«Я чрезвычайно нуждаюсь, писалъ князь Меншиковъ [3]), въ способныхъ офицерахъ генеральнаго штаба. Всѣ находящіеся у меня, за исключеніемъ одного или двухъ полнѣйшая ничтожность, въ томъ числѣ и Г....., неспособность котораго къ выполненію обязанности генералъ-квартирмейстера ниже всякой критики».

Словомъ сказать главнокомандующій, какъ прежде такъ и теперь, чувствовалъ свое одиночество и не имѣлъ кому поручить заботу о продовольствіи арміи, наблюденіе за госпиталями, попеченіе о скорѣйшемъ доставленіи, правильномъ расходованіи и наличномъ состояніи боевыхъ припасовъ. Продовольствіе еще шло кое какъ, но съ больными и ранеными главнокомандующій не зналъ какъ и справиться. Къ 25 октября въ Севастополѣ ихъ собралось столько, что всѣ бараки, магазины и батареи Сѣверной стороны города были заняты ими и помѣщенія для вновь прибывающихъ тамъ не было [4]). Князь Меншиковъ принужденъ былъ разослать въ разныя стороны нѣсколькихъ лицъ съ порученіемъ устроить госпитали, или по крайней мѣрѣ отыскать помѣщенія для раненыхъ, но посылка эта непривела къ удовлетворительнымъ результатамъ. Каждый изъ посланныхъ дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію, безъ предварительно составленнаго плана и потому не могъ успѣть во многомъ.

---

[1]) См. письмо кн. Меншикова кн. Горчакову отъ 10 ноября. Воен. учен. арх. д. № 4253. Письма князя Меншикова къ князю Горчакову переведены и напечатаны въ Русской Старинѣ 1875 г., но требуютъ исправленія.

[2]) «П. . . . , о которомъ отзывались какъ о храбрецѣ, писалъ князь Меншиковъ кн. Горчакову въ письмѣ отъ 27 ноября, исполнился такой паники, что я, въ предупрежденіе перехода ея на другихъ, долженъ былъ удалить его изъ Севастополя».

[3]) Князю Горчакову въ письмѣ отъ 17 декабря.

[4]) Докладная записка кн. Меншикову адмирала Станюковича отъ 25 октября. Воен. учен. арх. д. № 4288.

Отсутствіе правильно организованной системы управленія вело къ безпорядкамъ и упущеніямъ, происходящимъ помимо воли человѣка поставленнаго въ исключительное положеніе и не имѣющаго ни силъ, ни времени удовлетворить многочисленнымъ потребностямъ, вызываемымъ силою обстоятельствъ. Въ томъ положеніи, въ которомъ находился князь Меншиковъ, силъ одного человѣка далеко недостаточно, чтобы вездѣ дѣйствовать съ успѣхомъ, все помнить и провѣрить. Князь Александръ Сергѣевичъ хотя и сознавалъ это, но считалъ недостойнымъ себя признаться въ своемъ безсиліи и ожидалъ когда свыше оцѣнятъ его труды и сами придутъ къ нему на помощь. «Я измученъ трудами и заботами, писалъ онъ князю Горчакову [1]), и не вижу выхода изъ своего положенія: утѣшительнаго ничего, а за то сплетень-гибель!»

Въ Петербургѣ понимали тяжелое положеніе главнокомандующаго, готовы бы были помочь ему, но парализовались личнымъ характеромъ князя Александра Сергѣевича. Онъ отказывался принять къ себѣ въ помощники тѣхъ лицъ, которыхъ ему предлагало министерство и вмѣстѣ съ тѣмъ долгое время не назначалъ никого по своему избранію.

«Vous me dites, писалъ военный министръ князю М. Д. Горчакову [2]), de former cet Etat-major; je ne demanderais pas mieux; mais malgré les relations reellement amicales dans lesquelles nous sommes avec le Prince Menchikoff, il est très difficile de deviner son goût. On lui envoie et officiers distingués, et employés d'experience et pourtant cela n'aboutit à rien. Si vous êtes dans des rapports agréables avec Menchikoff ne pourriez vous pas lui inspirer quelque bonne idée» [3]).

Князь Михаилъ Дмитріевичъ гораздо ранѣе этого письма нѣсколько разъ указывалъ князю Меншикову на необходимость образовать себѣ штабъ какъ можно скорѣе и въ концѣ октября снова обратился къ нему съ подобнымъ же совѣтомъ.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 27 октября воен. учен. арх. д. № 4253 ч. II.

[2]) Въ письмѣ отъ 19-го ноября. Тамъ же.

[3]) «Вы мнѣ говорите о сформированіи этого штаба: я не желаю ничего лучшаго, но, не смотря на истинно дружескія отношенія, въ которыхъ мы находимся съ княземъ Меншиковымъ, весьма трудно удовлетворить его вкусу. Ему посылаютъ лучшихъ офицеровъ и опытныхъ чиновниковъ и однако же это не приводитъ ни къ чему. Если вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Меншиковымъ, не можете ли внушить ему какую нибудь хорошую мысль».

«Дружескія отношенія нашей молодости, писалъ онъ [1]), и важность настоящихъ обстоятельствъ, вынуждаютъ меня говорить съ вами съ тою же откровенностію, съ какою мы когда то говорили въ Самбурскомъ домѣ [2]). Отъ меня далеко то недостойное чувство чтобы, пользуясь затруднительностію положеній, въ которыхъ мы находимся, я вздумалъ принять на себя роль наставника съ человѣкомъ, котораго ставлю выше себя во всѣхъ отношеніяхъ, и конечно вы меня въ этомъ не заподозрите. По всей вѣроятности, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы сдѣлалъ менѣе того, что сдѣлали вы, не подвергаясь опасности вамъ угрожающей и располагая нѣсколькими свободными часами, я могу въ нѣкоторомъ отношеніи быть вамъ полезнымъ, сообщивъ свои мысли.

«Прежде всего позвольте вамъ напомнить, что главное достоинство генерала, не терять присутствіе духа, вслѣдствіе временныхъ неудачъ. Почему вы думаете что Крымъ можетъ быть потерянъ и Севастополь взятъ? Дѣло 24-го октября, вполнѣ достойное сожалѣнія, не измѣняетъ пока вашего положенія. Можетъ быть лучше было бы не рисковать предпринимая его, но послѣдствія его вовсе не такъ печальны....

«По мнѣнію моему прежде всего вамъ необходимо принять такую систему: защищать Севастополь до крайности, выжидая во всемъ остальномъ. Наши войска, вооруженныя хуже непріятельскихъ и хуже предводительствуемые, должны будутъ конечно уступить въ серьезномъ наступательномъ сраженіи, но при оборонѣ онѣ будутъ великолѣпны и непріятель понесетъ кровавыя неудачи. Разсмотрите хладнокровно ваше положеніе и увидите, что вамъ не нужно болѣе войскъ, чтобъ подъ конецъ восторжествовать надъ непріятелемъ.

Какая серьезная опасность вамъ угрожаетъ? Взятіе Севастополя? Но какъ же въ него войдетъ непріятель, когда онъ не могъ заставить молчать ваши батареи. Онъ не успѣетъ въ этомъ, если вы будете беречь ваши выстрѣлы и если часть вашей артиллеріи не будетъ подъ непріятельскимъ огнемъ, а будетъ стоять за мерлонами, до рѣшительной минуты. Кромѣ укрѣпленій вами воздвигнутыхъ, загражденныя улицы составляютъ вторую линію обороны. Имѣйте постоянно подъ рукою отъ 30 до 40 тысячъ войскъ, для

---

[1]) Меншикову въ письмѣ отъ 31-го октября. Воен. учен. арх. д. № 4253.

[2]) Домъ принадлежащій Л.-Гв. 1-й артиллерійской бригадѣ, въ которой они вмѣстѣ служили въ молодости.

отраженія нападенія, и я вамъ отвѣчаю, что непріятель или не предприметъ штурма, или же будетъ отраженъ съ столь значительною потерею, что она отобьетъ у него охоту повторить свое нападеніе. Что же касается до Крыма, то еслибъ Севастополь по несчастію и былъ взятъ, то нѣтъ вѣроятія, чтобы непріятель могъ завладѣть полуостровомъ. Онъ не можетъ удалиться отъ берега потому, что всѣ жизненные припасы подходятъ къ нему моремъ и ему нѣтъ никакой возможности устроить себѣ перевозочныя средства, для доставленія провіанта на три перехода отъ берега. Какимъ же образомъ при подобныхъ обстоятельствахъ и съ незначительнымъ числомъ полевой артиллеріи и кавалеріи можетъ онъ завладѣть полуостровомъ?

«Вы будете вести медленную войну, тревожа его на каждомъ шагу и конечно онъ изнеможетъ. Чѣмъ больше у него будетъ войска тѣмъ труднѣе ему будетъ его двигать и кормить. Уже теперь осенніе вѣтры заставляютъ себя чувствовать, стѣсняютъ мореплаваніе и со дня на день море будетъ становиться менѣе удобнымъ. Вотъ въ чемъ предвидится вашъ успѣхъ.

«Не обращайте вниманія на вашихъ недоброжелателей — пусть ихъ болтаютъ и не старайтесь зажать имъ рот, но крѣпко держитесь принятаго образа дѣйствій. Вотъ вамъ дружескіе совѣты и за невозможностію дать вамъ войска, позвольте прибавить еще два: въ важныхъ военныхъ операціяхъ необходимо лично провѣрять подробности диспозицій; въ подобныхъ обстоятельствахъ не расчитывайте ни на кого изъ своихъ подчиненныхъ, даже на человѣка къ которому имѣете полнѣйшую довѣренность. Я всегда лично повѣрялъ всѣ диспозиціи, даже Лидерса, который бравый солдатъ, имѣетъ хорошій штабъ, и всегда находилось что либо требовавшее исправленія. Не менѣе необходимо имѣть всегда резервъ отъ 10-ти до 15-ти тысячь въ вашемъ единственномъ распоряженіи, который и слѣдуетъ вести въ огонь лично, чтобы исправить ошибки сдѣланные подчиненными генералами. Простите за длинное письмо и обратите вниманіе только на чувство, которое его писало. Затѣмъ обращайтесь ко мнѣ оффиціально за всѣмъ, что вамъ отъ меня понадобится. Я всегда сдѣлаю все возможное и даже не возможное. Во что бы то ни стало образуйте себѣ штабъ: одинъ человѣкъ не можетъ всего исполнить. Вамъ необходимъ начальникъ артиллеріи и интендантъ; выберите людей по своему усмотрѣнію и требуйте ихъ настоятельно: сдѣлаютъ все, что вы будете просить».

Князь Меншиковъ самъ созналъ необходимость раздѣлить трудъ

и избрать себѣ помощниковъ. Опасаясь, чтобы въ случаѣ болѣзни какъ его, такъ и князя Петра Горчакова командованіе арміею не перешло въ руки генерала Данненберга, главнокомандующій просилъ военнаго министра исходатайствовать разрѣшеніе Императора помѣнять командировъ 3-го и 4-го пѣхотныхъ корпусовъ. Онъ находилъ болѣе полезнымъ если Данненбергъ будетъ назначенъ командиромъ 3-го корпуса, а генералъ баронъ Остенъ-Сакенъ — командиромъ 4-го корпуса, въ то время находившагося въ Крыму почти въ полномъ составѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кн. Меншиковъ рѣшился наконецъ сформировать штабъ и избрать себѣ начальника штаба. Вниманіе его остановилось на командирѣ первой бригады 12-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіорѣ Семякинѣ, котораго свѣтлѣйшій и вытребовалъ къ себѣ 1-го ноября.

— Хотѣлъ прежде нежели подпишу вотъ эту бумагу, сказалъ онъ, спросить васъ пожелаете-ли вы?

Князь Меншиковъ показалъ Семякину проэктъ приказа, которымъ назначалъ его своимъ начальникомъ штаба.

— Употреблю все усиліе, чтобы оправдать довѣріе, отвѣчалъ Семякинъ.

Приказъ былъ отданъ и спустя нѣсколько дней начальникъ штаба отправился въ Севастополь, чтобы осмотрѣть всѣ наши укрѣпленія и ознакомиться на мѣстѣ съ ходомъ обороны.

Отвлеченные на время возведеніемъ своихъ оборонительныхъ построекъ союзники, въ теченіи нѣсколькихъ дней, ограничивались одною бомбардировкою, преимущественно четвертаго бастіона и почти остановили свои наступательныя работы. Они уширяли траншеи, прибавили нѣсколько орудій и опасаясь нашего нападенія начали укрѣплять лѣвый флангъ своей атаки [1]).

Пользуясь этимъ временнымъ бездѣйствіемъ осаждающихъ, защитники возвышали и утолщали насыпи, строили новыя батареи, углубляли рвы, усиливали оборонительную линію постановкою новыхъ орудій, исправляли пороховые погреба, устраивали прикрытіе для прислуги, выравнивали внутреннее пространство бастіоновъ и батарей и даже чинили дороги, для лучшаго сообщенія укрѣпленій съ городомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней были возведены двѣ новыя батареи, прибавлено на оборонительной линіи шестнадцать

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Меншикова 31-го октября. Арх. канц. воен. минис. д. № 110.

орудій и приступлено къ обширнымъ работамъ, предохранявшимъ третій бастіонъ отъ штурма и обезпечивавшимъ отступленіе нашихъ войскъ съ Корабельной стороны.

Отсутствіе лѣса и прочихъ строительныхъ матеріаловъ было причиною, что построенныя укрѣпленія не имѣли той прочности, которая была желательна защитникамъ. Со дня осады исключительнымъ матеріаломъ для одежды укрѣпленій служили земляные мѣшки, а впослѣдствіи корабельныя цистерны. Только послѣ инкерманскаго сраженія оказалось возможнымъ, при помощи войскъ находившихся на сѣверной сторонѣ, заготовлять туры и фашины, въ Инкерманской и Мекензіевой рощахъ. Недостатокъ матеріаловъ съ лихвою восполнялся рвеніемъ и усердіемъ обороняющагося и укрѣпленія наши быстро возрастали.

Для защиты ихъ и пополненія убыли признано необходимымъ усилить составъ Севастопольскаго гарнизона и измѣнить дислокацію войскъ находившихся на Сѣверной сторонѣ.

На другой день послѣ Инкерманскаго сраженія былъ переведенъ на Сѣверную сторону разстроенный Углицкій полкъ, а въ замѣнъ его отправлены на Южную сторону полки Томскій и Колыванскій, съ тремя ротами четвертаго сапернаго батальона. Съ прибытіемъ ихъ, въ составѣ Севастопольскаго гарнизона находились: десятая пѣхотная дивизія, первыя бригады 14 и 17-й пѣхотныхъ дивизій, резервная бригада 13-й пѣхотной дивизіи, два Черноморскихъ казачьихъ батальона № 2-го и № 8-го, два батальона резервной бригады 14-й пѣхотной дивизіи, два саперныхъ батальона № 4-го и № 6, двѣ роты стрѣлковаго № 6-го батальона, легкія № 3-го и 4-го батареи 14-й, и № 4-го и № 5-го батареи 17-й артиллерійскихъ бригадъ и по сотни казаковъ отъ донскихъ № 39-го и № 67-го полковъ.

Вся одиннадцатая пѣхотная дивизія съ ея артиллеріею и вторая бригада 17-й дивизіи расположены у Бельбекской почтовой станціи, а 16-я пѣхотная дивизія, двѣ роты стрѣлковаго № 6-го батальона и казачій Попова полкъ поставлены у Инкермана [1]).

25-го октября полки Томскій и Колыванскій вступили въ составъ гарнизона и какъ разъ въ то время, когда французы усилили огонь по четвертому бастіону. Начатая на другой день Инкерманскаго сраженія усиленная канонада по этому укрѣпленію продолжалась до 31-го октября, но съ этого числа замѣтно ослабѣла. Ослаб-

---

[1]) Приказаніе по войскамъ на 25-е октября.

леніе это вызывалось желаніемъ союзниковъ обезпечить себя отъ нападенія русскихъ и устроиться на занятыхъ ими позиціяхъ болѣе солиднымъ образомъ. Съ этою цѣлью ближайшій къ траншеямъ французскій лагерь былъ снятъ и палатки его перенесены ближе къ Камышевой бухтѣ. Въ Севастополѣ долго не могли опредѣлить причины такого удаленія, и если бы въ тоже время не было замѣчено, что англичане уширяютъ свои траншеи, то главнокомандующій, въ перемѣщеніи лагеря, готовъ былъ видѣть приготовленіе союзниковъ къ посадкѣ на суда и къ отплытію. Но одновременныя дѣйствія англичанъ и французовъ такъ мало согласовались съ намѣреніемъ оставить Крымъ, что въ перенесеніи французскаго лагеря на новое мѣсто правильнѣе было видѣть, намѣреніе ихъ устроиться болѣе удобно на зимнее время [1]). Во всякомъ же случаѣ удаленіе лагеря отъ осажденнаго города имѣло хорошее для насъ предзнаменованіе и князь Меншиковъ отправилъ въ Петербургъ донесеніе болѣе успокоительнаго содержанія, чѣмъ всѣ предъидущія.

«Донесеніе твое, отвѣчалъ Императоръ [2]), отъ 31-го октября дошло до меня сегодня вечеромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу, что дурнаго покуда ничего не было. Съ большимъ удовольствіемъ слышу отъ тебя, что ты вполнѣ доволенъ духомъ войскъ, въ которомъ Мнѣ бы грѣшно было и когда либо усомниться. Желательно весьма чтобы явился удобный случай войску показать на дѣлѣ, что оно можетъ, когда храбрость его и ни съ чѣмъ несравненное усердіе будутъ употреблены удачнымъ образомъ.

«Изъ свѣдѣній тобою сообщаемыхъ не могу еще предвидѣть, чтобъ дѣйствительно намѣреніе враговъ было отплыть изъ Крыма. Время течетъ, силы гарнизона утомляются, непріятель получитъ скоро подкрѣпленія, намъ же ихъ не откуда взять и что еще важнѣе и Меня пугаетъ, — трата снарядовъ такъ велика, что далеко превосходитъ то, что, даже и усиленно, мы подвезти можемъ. Ужасно будетъ, если, при всей геройской защитѣ, будетъ гибельный исходъ отъ недостатка снарядовъ.

«Ты въ послѣдній разъ упоминалъ о вылазкахъ. Думаю, что очень было бы полезно ихъ часто производить, чтобъ тревожить

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 31-го октября. 1854 г. Арх. канц. воен. минис. по снаряженію войскъ д. № 110.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7-го ноября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

непріятеля, мучить его и задерживать осадныя работы. Съ той поры, какъ союзники столь сильно укрѣпили свой правый флангъ, нѣтъ вѣроятія чтобъ было можно возобновить атаку на семъ флангѣ. Быть можетъ, что теперь легче было бы сдѣлать покушеніе на лѣвый флангъ осадныхъ работъ и тѣмъ болѣе, ежели правда, что французы отнесли свой лагерь далѣе къ морю. Но надобно быть на мѣстѣ, чтобъ о такихъ мудрыхъ предметахъ дѣльно говорить и сообщаю эти мысли, только какъ впечатленіе произведенное на Меня чтеніемъ у васъ происходящаго.

«Слава Богу что наши раненые поправляются; не престану просить тебя все возможное дѣлать для ихъ успокоенія».

«Полагаю что князь Горчаковъ не затруднится двинуть къ тебѣ, что еще можно изъ Николаева. Но не забудь что за этимъ уже *ничего нѣтъ*. Крайне жаль будетъ этотъ послѣдній резервъ истощить, ибо онъ одинъ до лѣта, для пополненія твоихъ войскъ. Что же будетъ еще впереди — одинъ Богъ знаетъ.

«Какъ жаль, что нѣтъ случая твоей славной кавалеріи отличиться. Былъ бы случай, она бы чудеса надѣлала. Не унывай, крѣпись, ободряй всѣхъ своимъ примѣромъ и будемъ надѣяться на милость Божію».

Опасенія главнокомандующаго миновали; послѣдующія дѣйствія непріятеля еще болѣе убѣдили князя Меншикова въ томъ, что союзники, не надѣясь на возможность скораго овладѣнія Севастополемъ, рѣшились расширить свои работы и продолжать правильную осаду.

Наступала глубокая осень. Сильные вѣтры давно уже чередовались съ холодными проливными дождями и наконецъ съ разсвѣтомъ 2-го ноября, поднялась такая сильная буря, какой не запомнятъ сторожилы прибрежья Чернаго моря. Наканунѣ пошелъ проливной дождь съ порывистымъ вѣтромъ до того сильнымъ, что люди съ трудомъ могли противъ него держаться. Въ англійскомъ лагерѣ сорвало нѣсколько палатокъ, причинившихъ своимъ паденіемъ всеобщую тревогу. Крики людей сливавшіеся съ хлопаньемъ парусины, скрипъ петлей и носящіеся въ воздухѣ сучья, собранные солдатами для разведенія огня — все это, среди ночной темноты и завыванія вѣтра, представляло печальную картину. Англичане тотчасъ же принялись тушить огни изъ опасенія чтобы не произвести пожара.

Къ вечеру погода сдѣлалась еще хуже: дождь не прекращался, вѣтеръ свѣжѣлъ и защитники, опасаясь чтобы непріятель не вос-

пользовался такою погодою и не предпринялъ штурма, выслали съ четвертаго бастіона секреты и въ теченіе всей ночи поддерживали сильный огонь съ батарей.

Между тѣмъ постепенно усиливавшійся вѣтеръ, къ утру 2-го ноября, перешелъ въ такой ураганъ, какого не помнятъ опытные моряки Черноморскаго флота. Тучи находили быстро, засверкала ослѣпительная молнія, раздались удары грома и, вслѣдъ за ужаснѣйшимъ вѣтромъ, полился такой ливень, что на ровной степи въ нѣсколько минутъ образовались рѣки. Море волновалось и пѣнилось какъ кипящій котелъ. Въ этотъ день оно было дѣйствительно чернымъ; темныя тучи, пробѣгая надъ поверхностью мрачныхъ волнъ моря, изливали потоки дождя, смѣшаннаго съ мелкими хлопьями снѣга и града. Вѣтеръ срывалъ верхушки волнъ и разбрасывалъ ихъ на берегъ такою мелкою и густою пылью, что корабли, стоявшіе въ глубинѣ бухты, исчезали въ этой морской пѣнѣ. Сквозь стѣну водяной пыли и брызгъ видѣнъ былъ только лѣсъ мачтъ, наклонявшихся отъ качки въ разныя стороны, видны были разорванныя снасти и болтающіеся въ воздухѣ лоскутья парусовъ. Дневной свѣтъ затѣмнялся то крупнымъ градомъ, то мелкою крупою, то снѣгомъ. Вѣтеръ ломалъ дома [1]), деревья, срывалъ черепицу и желѣзные листы съ крышъ, унося ихъ какъ листъ писчей бумаги.

Въ Симферополѣ домъ губернатора, дворянское собраніе и центральный хлѣбный магазинъ остались безъ крышъ. На южномъ берегу Крыма была сорвана половина крыши Оріандскаго дворца, принадлежащаго Императрицѣ. Въ Бердянскѣ выброшено на берегъ и разбито до 46-ти разной величины судовъ, въ томъ числѣ большихъ; самая пристань была разрушена и морскія волны, отъ сильнаго напора вѣтра, залили улицы и площадь такъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ высота воды доходила до 3-хъ футъ [2]).

Волненіе въ морѣ достигло необыкновенныхъ размѣровъ. Среди непріятельскаго флота появилось всеобщее смятеніе. Корабли и прочія суда, до сихъ поръ стоявшія неподвижно, утратили свое спокойное, величавое положеніе и бросаясь изъ стороны въ сторону, сталкивались между собою, цѣплялись своими снастями и нано-

---

[1]) Старый сарай Инженернаго вѣдомства былъ разрушенъ до основанія. Пароходъ «Громоносецъ», стоявшій на якоряхъ въ бухтѣ, выброшенъ на берегъ (См. рап. Завѣдыв. Севастоп. жандармскою командою отъ 5-го ноября за № 280. Воен. учен. арх. д. № 3323).

[2]) Рап. Пестеля Анненкову отъ 10-го ноября № 11802. Тамъ же.

сили другъ другу важныя поврежденія. Нѣкоторыя изъ нихъ затонули, другія сѣли на мель. Повсюду слышались сигнальные выстрѣлы, свидѣтельствовавшіе о гибели непріятельскихъ судовъ.

При началѣ бури французскія и англійскія суда бросили всѣ свои якоря: они готовились къ борьбѣ со стихіею на жизнь и смерть. Вскорѣ якорныя цѣпи оказались не въ силахъ противиться напору вѣтра—ихъ разрывало на части и суда начало выбрасывать на берегъ. Качка была такъ ужасна, что никто не въ состояніи былъ держаться на палубѣ не прицѣпившись къ шкафуту или мачтѣ. Снѣгъ и градъ рѣзали лицо, а холодный вѣтеръ сковывалъ всѣ члены [1]).

Сквозь сѣроватый туманъ видны были исполинскія волны, покрытыя обломками кораблей, съ ужаснымъ трескомъ разбивавшихся о прибрежныя скалы и камни. При каждомъ отливѣ волны, слѣдующая загибалась огромнымъ пѣнистыхъ свиткомъ и, какъ водопадъ, скрывалась въ глубинѣ безпредѣльнаго моря, унося съ собою все встрѣчающееся на пути. Посреди всеобщаго хаоса видны были носящіеся въ безпорядкѣ части и остовы кораблей, пробитыя бочки и раздробленныя мачты. Волненіе было столь сильно, что, изъ числа затопленныхъ нами судовъ при входѣ на рейдъ, корабль «Силистрія» былъ выбитъ штормомъ со своего мѣста. Лишившійся палубы и сильно поврежденный корабль этотъ замѣненъ другимъ и на его мѣстѣ былъ затопленъ корабль «Гавріилъ» [2]). Этимъ впрочемъ и ограничивались главнѣйшія поврежденія, причиненныя бурею нашему флоту, но за то непріятельскій пострадалъ значительно болѣе. Союзники потеряли въ этотъ день болѣе 30-ти купеческихъ кораблей и транспортовъ, частію разбитыми, частію сѣвшими на мель. Изъ военныхъ судовъ пострадали преимущественно французскія и особенно въ рангоутѣ. Одинъ изъ трехъ-дечныхъ кораблей былъ видѣнъ безъ руля; онъ управлялся весломъ какъ рѣчная барка, но столь не удачно, что принявшій его на буксиръ пароходъ въ теченіе цѣлаго дня не могъ отдѣлаться отъ флота, такъ какъ лишившійся руля корабль сбивалъ его съ курса. Пароходъ «Ретрибюшенъ» потерялъ мачты, принужденъ былъ выбросить за бортъ свои пушки и спасся только благодаря смѣлости и искуству своего капитана. Французскій сто-пушечный корабль «Генрихъ IV», кор-

---

[1]) Guérin «Histoire de la dernière guerre de Russie». Paris 1858 г.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 6-го ноября 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 110.

ветъ «Плутонъ» и пять англійскихъ судовъ были разбиты у Евпаторіи. Англійскій пароходъ «Принцъ» погибъ у Балаклавы. Многіе изъ погибшихъ были нагружены зимнею одеждою для войскъ и другими необходимыми припасами. Гибель ихъ была неисправимымъ несчастіемъ въ особенности для англичанъ. Въ теченіи нѣсколькихъ недѣль послѣ бури, сыны Альбіона не имѣли чѣмъ прикрыться отъ дождя и холода.

Въ день бури въ непріятельскихъ лагеряхъ было замѣтно большое смятеніе. Палатки и бараки, унесенныя однимъ порывомъ вѣтра, перепутались съ бочками, связками фуража и различными тюками. Все это катилось по скатамъ холмовъ и перемѣшивалось съ одѣялами, фуражками, шинелями и съ летающими въ воздухѣ сѣномъ и сухими листьями. Удивленные столь неожиданнымъ явленіемъ, англичане и французы бѣгали по всѣмъ направленіямъ: кто искалъ разнесенныя вѣтромъ пожитки, кто собиралъ разорванныя части полотна, кто мастерилъ себѣ новое жилище изъ уцѣлѣвшихъ кусковъ, или искалъ досокъ и камней, чтобы при помощи ихъ, устроить себѣ кое-какое закрытіе отъ дождя и холоднаго вѣтра. Многіе солдаты, не въ состояніи будучи держаться на ногахъ, ложились на землю, пережидая окончанія бури. «Пространство, говоритъ Guérin, такъ не давно еще оживленное чистыми бѣлыми шатрами, теперь представлялось бурнымъ потокомъ, уносившемъ съ собою все встрѣчное». По всему лагерю союзниковъ бѣгали испуганныя лошади, катились барабаны и летали по воздуху штабныя бумаги. Такъ списки 3-й англійской дивизіи найдены были въ 4-хъ верстахъ отъ палатки, въ которой они хранились. Прежде всего были разнесены палатки англійскихъ госпиталей и больные остались безъ всякаго крова, подъ сильнымъ дождемъ и среди бури. Часть крыши дома лорда Раглана была снесена; амбары и коммисаріатскіе сараи англичанъ,—сравнены съ землею. Два французскіе большіе деревянные барака, въ которыхъ былъ устроенъ перевязочный пунктъ, были уничтожены до основанія. Той же участи подверглись магазины съ одеждой и съѣстными припасами. Буря была такъ сильна что до 30-ти англійскихъ палатокъ было принесено къ Чоргунскому отряду. Многія изъ нихъ достались на долю гусаръ, до сихъ поръ жившихъ въ небольшихъ ямахъ, прикрытыхъ хворостомъ [1]).

---

[1]) Арбузовъ воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ (рукоп.)

«Спасибо бурѣ, писалъ Императоръ князю Меншикову [1]), она намъ услужила хорошо; желательно бы еще такой».

По всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій рвы и канавы были наполнены водою; грязь и вода покрывали все пространство земли, охватываемое глазомъ. Какъ тѣни бродили непріятельскіе солдаты, не зная куда преклонить голову и не имѣя возможности разложить костровъ и обогрѣться; многіе изъ нихъ были найдены мертвыми. «Конечно, писалъ одинъ изъ участниковъ, союзники потеряли въ эту бурю не столько людей, сколько потеряно въ Инкерманскомъ сраженіи: но суда разбитыя въ щепы, должны были подвезти союзникамъ все, чѣмъ поддерживается ихъ жизнь, что защищаетъ ихъ отъ холода и голода, — съѣстные припасы и одежду, а главное что доставляетъ имъ возможность защищать свою жизнь,— свинецъ и порохъ, и все это исчезло въ морскихъ безднахъ, вмѣстѣ съ средствами перевозки».

Около полудня, вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, но пошелъ снѣгъ и сдѣлалось еще холоднѣе. Къ вечеру вѣтеръ сталъ слабѣть, но буря прекратилась только утромъ слѣдующаго дня.

XII.

Вліяніе осени на дѣятельность атакующаго и обороняющагося. — Рескрипты Императора князю Меншикову.—Состояніе нашихъ боевыхъ запасовъ.—Оставленіе нами лѣваго берега р. Черной. — Перемѣщеніе внутрь полуострова кавалеріи и артиллеріи. Образованіе блокаднаго евпаторійскаго отряда. — Появленіе непріятельскихъ судовъ у Перекопа, Феодоссіи и Керчи.—Заявленіе кн. Меншикова о недостаткѣ въ арміи генераловъ — Извѣстіе о намѣреніи союзниковъ высадиться у Перекопа. — Мнѣніе фельдмаршала о защитѣ Севастополя и Крымскаго полуострова.—Формированіе особаго отряда у Перекопа.— Письма Императора князю Меншикову.—Состояніе союзныхъ арміи.

Буря поколебала флотъ — основаніе дѣйствій союзниковъ и на столько разстроила англо-французовъ, что они на нѣсколько дней пріостановили осадныя работы и прекратили канонаду даже и противъ четвертаго бастіона. Въ лагеряхъ ихъ было замѣтно движеніе къ пристанямъ какъ будто они перевозили туда свои грузы. Это опять наводило на мысль не рѣшаются-ли англо-французы оста-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го ноября 1854 г

вить Крымъ, но продолженіе на слѣдующій день контрвалаціонныхъ работъ противорѣчило этому предположенію [1]). Во всякомъ же случаѣ послѣдующія событія показали, что буря нанесла союзникамъ гораздо большее разстройство, чѣмъ предполагали въ Севастополѣ.

«Донесеніе твое отъ 6-го ноября, писалъ Императоръ [2]) получилъ я сегодня утромъ, любезный Меншиковъ. Слава Богу! оно гораздо утѣшительнѣе предшествовавшихъ. Надо благодарить Всевышняго за помощь, столь явно оказанную бывшей 2-го числа бурей: кажется, послѣдствія были гораздо пагубнѣе для враговъ нашихъ, чѣмъ мы сами полагать могли. Любопытно знать, что у нихъ происходило отъ Балаклавы до Херсонеса, — вѣроятно не дешевле обошлось тамъ, чѣмъ въ виду нашемъ. То уже хорошо, что гарнизонъ могъ хотя не много перевесть духъ, послѣ мѣсячной неутомимой бомбардировки. Но считать дѣло конченнымъ признаюсь не могу. Надѣюсь, что усугублена будетъ осторожность и не могу не одобрить, что ты гарнизонъ усилилъ. Оно полезно для всякаго случая. Ежели осуществится, — чего однако не полагаю, — что они готовятся отплыть, тогда время настанетъ къ общей сильной вылазкѣ, но не иначе какъ съ значительными силами. Желательно бъ было даже перевесть для того сколько можно кавалеріи и въ особенности батарейной артиллеріи. Но повторяю, Я этого не ожидаю изъ дѣйствій непріятеля. Скорѣе склоняюсь думать, что испытавъ всю неудачу осады съ имѣвшимися у нихъ способами, претерпя значительныя потери, они пріостановили осаду до прибытія новыхъ способовъ и въ ожиданіи укрѣпляются, чтобъ ждать могли безопасно. Теперь вопросъ: скоро-ли и могутъ-ли въ сіе время года, всѣ эти транспорты и прибыть и высадиться? Нѣтъ сомнѣнія, что оно весьма сомнительно. Потому быть можетъ, что ихъ ожиданія не сбудутся, но обратятся только въ ихъ конечную погибель. Намъ же всего нужнѣе *осторожность*, *осмотрительность*, *вѣрный взглядъ и расчетливость* — ничего на *авось* и все *навѣрное*.

«Первое кажется мнѣ продолжать бдительность, усиливать оборонительныя работы и ихъ усовершенствовать. Потомъ пользоваться всѣми удобными случаями разстроивать и уничтожать непріятельскія осадныя работы, частыми вылазками и даже занять ихъ траншеи.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Меншикова 6-го ноября. Арх. канц. воен. минис. д. № 110.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 14—15 ноября 1854 г

«Ежели же непріятель точно настроилъ всѣ свои полевыя укрѣпленія только для того, чтобы безопаснѣе садиться на суда, то это должно скоро оказаться. Тутъ кажется мнѣ настанетъ минута рѣшительная, гдѣ надо будетъ собрать всѣ силы, что только можно и хотя съ жертвою, но не дать ему исполнить безнаказанно свое намѣреніе. Но и тутъ дѣлать не *опромѣтью, но расчетливо и рѣшительно*, дабы и потери наши вполнѣ вознаградились *важностью послѣдствій*, т. е. уничтоженіемъ большей части враговъ. Самое нужное вести дѣло такъ, чтобъ не терпѣть намъ напрасно отъ огня морскаго, самаго губительнаго и которому отнюдь не должно подвергаться. Предвидѣть можно, что вѣрные союзники пожертвуютъ своими дорогими турками для своего спасенія. Они-то вѣроятно будутъ занимать дальніе редуты отъ моря; видя себя покинутыми не думаю, чтобъ ихъ защита была упорна. Желательно бъ еще подобной же бури, тогда результаты могутъ быть точно не исчислимы.

«Плѣнные говорятъ о намѣреніи приступа, — быть можетъ, но это отчаянное предпріятіе кажется мнѣ, имъ не представляетъ надежды успѣха, и только что можетъ приблизить минуту ихъ уничтоженія при вѣроятной неудачѣ. Наконецъ, ежели милосердіе Божіе намъ опредѣлило на сей разъ спасти Севастополь, надо сейчасъ приступить къ довершенію укрѣпленій нашихъ, дополнивъ все что опытъ указалъ намъ необходимымъ и даже только полезнымъ усиливъ работы елико можно, чтобъ къ февралю все было готово, ибо не уйдемъ мы отъ новаго и быть можетъ еще сильнѣйшаго нападенія; тогда же сейчасъ приступить къ пополненію войскъ.

«Сакену велѣно ѣхать къ тебѣ, но сомнѣваюсь чтобъ теперь, при ожидаемомъ нападеніи Омеръ-паши, Горчаковъ могъ его послать. Въ такомъ случаѣ прикажи Липранди принять корпусъ отъ Данненберга, а ему ѣхать въ Петербургъ, гдѣ Я назначилъ его въ члены Военнаго Совѣта, гдѣ онъ полезенъ будетъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что взялъ Семякина въ начальники штаба, онъ хорошій офицеръ, хотя лично Я его не знаю. Кому дашь ты 12-ю дивизію послѣ Липранди? не знаю.

«Пожалуй не забудь представить о наградахъ; пора воздать по заслугамъ.

«Сейчасъ получено свѣдѣніе изъ Вѣны, что будто ожидаемыя двѣ французскія дивизіи слѣдуютъ не въ Крымъ, а на соединеніе съ четырмя кавалерійскими полками, оставшимися въ Бургасѣ, для дѣйствія съ турками изъ княжествъ въ Бессарабію. Это было бы хорошо и избавило насъ отъ новыхъ хлопотъ въ Крыму.

«Приказалъ послать къ тебѣ генералъ-маіора князя Урусова, храбраго и отличнаго офицера. Ежели Липранди дашь корпусъ, то 12-ю дивизію дай Урусову — онъ того достоинъ».

Положеніе нашихъ солдатъ послѣ бури было также далеко незавидное и, можно сказать, тягостное. Съ прекращеніемъ бури наступили холода. Погода съ этихъ поръ сдѣлалась суровою и ненастною: дожди шли попеременно со снѣгомъ. Грунтъ земли размягчился до того, что всюду была топкая и непроходимая грязь. Сообщеніе укрѣпленій съ городомъ сдѣлалось весьма затруднительнымъ отъ множества ямъ, вырытыхъ бомбами и наполненныхъ теперь грязью. Траншеи были затоплены водою, сбѣгавшею съ высотъ въ видѣ потоковъ. Находившіяся на укрѣпленіяхъ войска не имѣли ни крова, ни теплой одежды и подвергались вредному дѣйствію непогоды. Находясь на оборонительной линіи, безсмѣнно днемъ и ночью, съ самаго начала осады, солдаты принуждены были сами изобрѣтать средства для защиты отъ дождя и стужи. Въ то время они не имѣли еще полушубковъ и довольствовались мундиромъ и шинелью. Въ ненастную погоду они мастерили себѣ такіе башлыки изъ рогожи, смотря на которые дивовались и свои, и французы. Рогожи эти выдавались для того, чтобы солдаты подстилали ихъ подъ себя въ землянкахъ, баракахъ или сараяхъ, гдѣ имъ случалось ночевать. Обыкновенно одинъ куль выдавался на двоихъ; его рѣзали вдоль на двѣ части, такъ что каждому доставалось по готовому сшитому углу. Отправляясь въ цѣпь или на часы, солдатъ захватывалъ съ собою и принадлежащую ему половину куля. Надѣвъ его на голову, онъ защищалъ себя отъ дождя и непогоды.

Защитники Севастополя, офицеры и солдаты, положительно валялись въ грязи, на открытомъ воздухѣ въ дождь и бурю, въ морозъ и мятель. Единственною защитою ихъ отъ холодныхъ вѣтровъ были сложенныя на-сухо изъ камней стѣнки, ямы или рвы, кое какъ прикрытые сверху. Командиры бастіоновъ помѣщались въ землянкахъ столь малыхъ, что едва можно было вытянуться въ ростъ человѣка. Если на батареѣ бывала еще одна такая землянка для нѣсколькихъ офицеровъ, то такая батарея считалась съ роскошнымъ помѣщеніемъ. Ни офицеры, ни солдаты не могли раздѣться; ноги прѣли, потому что по мѣсяцу и болѣе никто не снималъ сапоговъ. Иной пробовалъ прилечь на голой землѣ, но холодъ и сырость гнали его прочь. Хорошо, кому удавалось пристроиться подъ навѣсомъ насыпи, или прислониться къ станку, на которомъ лежало орудіе — положенію такого счастливца всѣ завидовали.

Холодное время производило значительныя опустошенія въ рядахъ непріятеля; больные переполняли лазареты, и перебѣжчики ежедневно стали появляться у насъ въ значительномъ числѣ. Они разсказывали, что союзныя войска упали духомъ, изнурены работами и много терпятъ отъ стужи и непогоды. Зимняя одежда тогда не была еще доставлена англичанамъ; топливо можно было достать только съ большимъ трудомъ, и начальство англійскихъ войскъ принуждено было установить особый надзоръ за тѣмъ, чтобы не растаскивались фашины, приготовленныя для одежды батарей. Солдаты подбирали каждый прутъ, каждую щепку, валявшіяся на полѣ, или на дорогѣ; таскали ящики отъ амуниціи и снарядовъ. Англичане сознавали, что для ихъ арміи необходимы немедленныя и значительныя подкрѣпленія, чтобы спасти ее отъ истощенія и конечной гибели. Наиболѣе распространенная газета «Times» увѣряла своихъ соотечественниковъ, что въ экспедиціонномъ корпусѣ осталось не болѣе 16 тыс. человѣкъ, но и тѣ истомлены работою, безсонницею и не въ состояніи будутъ перенести трудовъ зимней кампаніи. Гвардейская бригада, составлявшая цвѣтъ англійскаго войска, и отправленная изъ Лондона въ составѣ 3 тыс. человѣкъ, къ началу ноября уменьшилась до 800 человѣкъ, исхудалыхъ и измученныхъ.

Положеніе французскихъ войскъ было также весьма критическое. Лучшая развязка, которой желало бы французское правительство, состояло съ разрушеніи Севастополя огнемъ осадныхъ батарей и за тѣмъ въ оставленіи Крыма. Наполеонъ готовъ былъ довольствоваться этимъ результатомъ и въ такомъ случаѣ намѣренъ былъ объявить, что штурмъ не былъ предпринятъ для сбереженія жизни солдатъ, а городъ не былъ занятъ, по не желанію оставить его за собою [1]). Торжественное молебствіе въ Парижѣ и выстрѣлы у дома инвалидовъ, могли прикрыть «принужденное отступленіе» и французы успокоились бы на лаврахъ. Къ великой досадѣ французскаго Императора разгромить Севастополь однимъ ударомъ оказалось невозможнымъ: изъ Крыма приходили въ Парижъ все болѣе и болѣе тревожныя свѣдѣнія и Наполеонъ, принужденъ былъ обратиться къ войскамъ съ словами утѣшенія. Онъ написалъ пышное письмо Канроберу, въ которомъ благодарилъ его за «victoire d'Inkerman» и говорилъ, что скоро силы французскихъ войскъ бу-

---

[1]) Телеграфическая депеша гр. Хребтовича изъ Брюсселя отъ 7-го Ноября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 4254 ч. II.

дутъ удвоены и Канроберъ будетъ имѣть возможность перейти въ наступленіе. Какъ бы въ ожиданіи прибытія этихъ подкрѣпленій союзники пріостановили свои дѣйствія, не предпринимали ничего новаго и обѣ стороны въ теченіи нѣсколькихъ недѣль трудились надъ окончаніемъ того, что было уже начато.

«Признаюсь тебѣ, писалъ Императоръ князю Меншикову [1]) что вовсе не слыша и не видя изъ твоихъ донесеній, *въ чемъ состоятъ твои дальнѣйшія намѣренія и что предпринять полагаешь. Я невольно долженъ опасаться, что послѣднее удобное для насъ время уйдетъ безполезно* [2]). Весьма скоро непріятель получитъ всѣ свои подкрѣпленія и, съ умысломъ умѣря свой огонь до того времени, съ новой силой возобновитъ свое предпріятіе. Что тогда будетъ? ежели теперь, зная что онъ ослабленъ, мы ничего не предпринимаемъ, давъ ему время и свободу укрѣплять вдоволь и безъ того сильную его позицію».

Къ сожалѣнію князь Меншиковъ не считалъ возможнымъ воспользоваться естественнымъ разстройствомъ непріятеля и, испытавъ неудачу въ Инкерманскомъ сраженіи, не рѣшался болѣе атаковать противника. Имѣя возможность неоднократно перейти въ наступленіе, онъ предпочелъ выжидать нападеніе со стороны англо-французовъ. Послѣдніе могли сдѣлать это только послѣ нѣкоторой подготовки, для которой и употребили всю зиму 1854 и 1855 годовъ.

Распространяя свою атаку и подвигаясь впередъ, союзники заставили насъ прибѣгнуть къ системѣ заваловъ, ложементовъ и контръ-апрошей. — Возводя новыя батареи и развивая осадныя работы, атакующій вызывалъ насъ на производство частыхъ вылазокъ, имѣвшихъ главнѣйшею цѣлью разрушеніе его построекъ.— Съ другой стороны, непріятель производилъ нападеніе на наши завалы съ цѣлью овладѣть ими и ближе подвинуться къ осажденной крѣпости. Такъ въ ночь съ 8-го на 9-го ноября англичане овладѣли завалами на Зеленой горѣ и къ утру обратили ихъ въ траншею увѣнчанную мѣшками и имѣвшую протяженія около ста саженъ.

Занятіе заваловъ на Зеленой горѣ англичане могли считать большимъ для себя пріобрѣтеніемъ: они подвинулись сразу на довольно значительное разстояніе впередъ и получили возможность

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го ноября. М. И. Богдановичъ приводитъ изъ этого письма нѣсколько строкъ.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

поражать штуцернымъ огнемъ всю мѣстность позади третьяго и четвертаго бастіоновъ. Польза дѣла и успѣхъ обороны требовали, что бы англичане были лишены пріобрѣтеннаго ими преимущества и завалы эти были возвращены нами во что бы то ни стало, но обороняющійся, не придавая большаго значенія потерѣ заваловъ, надѣялся постройкою новыхъ батарей противодѣйствовать штуцерному огню противника. Покойный Императоръ прежде другихъ замѣтилъ эту весьма важную ошибку. «Что значитъ, спрашивалъ онъ князя Меншикова [1]), что мы дали себя выбить *изъ собственныхъ своихъ ложементовъ* (заваловъ) и дозволили непріятелю ими воспользоваться и *противъ насъ же обратить въ траншеи*? Какъ быть можетъ, что резервы наши не были сейчасъ же посланы непріятеля оттуда выбить? Признаюсь не понимаю и крайне жалѣть долженъ и тѣмъ болѣе, что неоднократно тебя просилъ не пренебрегать контръ-апрошей, съ тѣмъ что бы идти на встрѣчу непріятельскимъ работамъ. Этого мнѣнія и князь Варшавскій. Ничего лучшаго и быть не могло. Но такъ дѣйствуя, какъ нынѣ, предвижу одинъ только плачевный исходъ и еще болѣе ежели удастся непріятелю приблизить свои батареи къ бухтѣ и стрѣлять по флоту.

«Все меня утверждаетъ въ мысли, что непріятель и не думаетъ отплывать, а напротивъ онъ благодаренъ намъ, что мы *ничего противъ него не предпринимаемъ*, продолжаетъ укрѣпляться и ждетъ спокойно своего усиленія. Пройдутъ еще недѣли двѣ и онъ будетъ сильнѣе тебя, тогда какъ достовѣрно, что англичанъ послѣ 24-го числа, оставалось не болѣе 12 т., а французовъ не много болѣе 20 т.

«Ради Бога не теряй время; оно дорого. Ты силенъ еще довольно. Не пренебрегай контръ-апрошей; не непріятелю, а намъ должно овладѣвать осадными работами, не то бѣда будетъ, по нашей же винѣ».

«Слѣдя, сколь можно, по присланнымъ планамъ за ходомъ атаки, писалъ Императоръ въ другомъ письмѣ князю Меншикову [2]), думаю все, что весьма бы полезно было намъ выйти двумя контръ-апрошами: одной отъ Киленъ-балки, другой,—оврагомъ между Корниловскаго бастіона (Малахова кургана) и бастіона № 3-го и соединиться вправо и влѣво полупараллелью у бугра, съ тѣмъ что бы отвлечь вниманіе непріятеля отъ атаки на бастіонъ № 4-го. Быть можетъ, что удалось бы даже устроить за этимъ курганомъ бата-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го Ноября 1854 г.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го Ноября.

рею, которая могла бы бить въ правый флангъ англійской атаки; во всякомъ случаѣ эта диверсія была бы полезна, затрудняя работы противника».

Союзники въ это время не высказывали ни какой энергіи, подходныхъ работъ во все не производили и огонь осаждающаго не только ослабѣлъ, но почти прекратился; амбразуры многихъ англо-французскихъ батарей оставались постоянно закрытыми и въ теченіе дня только изрѣдка раздавались пушечные выстрѣлы. У главнокомандующаго пробудилась надежда на возможность отстоять Севастополь. «Съ удовольствіемъ вижу писалъ Императоръ [1]), что надѣжда твоя на сохраненіе Севастополя не исчезла и что по прежнему геройскій, молодецкій духъ всѣхъ войскъ возрастаетъ въ мѣрѣ угрожающей опасности. Грѣшно бы мнѣ было въ этомъ усомниться, но сердце бьется читая расказъ объ этомъ; хотѣлось бы къ вамъ летѣть и дѣлить участь общую, а не здѣсь томиться безпрестанными тревогами всѣхъ родовъ.

«Благодарю тебя, что ты не упустилъ наградить главныхъ виновниковъ подвиговъ 24 числа, нашихъ молодецкихъ солдатиковъ. Не могъ безъ слезъ читать что дѣти мои про нихъ пишутъ и Стюрлеръ разсказывалъ про матросовъ—что за богатыри! Награждай ихъ щедро и часто: они точно сего заслуживаютъ, да и объ офицерахъ желаю представленія».

Съ ослабленіемъ огня противника Князь Меншиковъ, пользуясь временнымъ затишьемъ принялъ мѣры къ повѣркѣ боевыхъ припасовъ и къ установленію болѣе правильной отчетности въ расходованіи зарядовъ. По сдѣланной повѣркѣ оказалось что въ половинѣ ноября состояло въ Севастополѣ 26,506 пудовъ пороха. Что же касается до снарядовъ, то въ нихъ не могло быть недостатка, такъ какъ сверхъ запасовъ бывшихъ въ складахъ и на батареяхъ, по распоряженію начальника артиллерійскихъ гарнизоновъ южнаго округа было собрано и собиралось значительное число непріятельскихъ снарядовъ, годныхъ къ употребленію. Къ тому же имѣя въ виду прибытіе новыхъ транспортовъ князь Меншиковъ не опасался уже болѣе за недостатокъ боевыхъ припасовъ и спѣшилъ успокоить въ томъ Императора [2]).

«Благодарю, любезный Меншиковъ, отвѣчалъ ему Государь [3]),

---

[1]) Князю Меншикову въ собственноручномъ письмѣ отъ 23 ноября 1854 г.

[2]) Всеподдан. рапортъ кн. Меншикова отъ 15-го ноября 1854 г.

[3]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 27-го ноября.

что поспѣшилъ меня успокоить на счетъ крайнихъ моихъ опасеній о недостаткѣ пороха; кажется что теперь эта важная статья обезпечена. Надѣюсь, по твоимъ словамъ, что мы въ состояніи будемъ неуступить непріятельскому огню, ежели бъ возобновился съ прежней силой, чего весьма ожидаю. Изъ всего, что отъ тебя получаю и изъ того что съ другихъ сторонъ доходитъ сюда, Я все болѣе убѣждаюсь, что планъ враговъ: выигрывать время, перетерпѣть доколь не удвоятся ихъ силы всѣмъ, что безостановочно къ нимъ посылается и до собранія всѣхъ способовъ медлить, а потомъ возобновить можетъ быть съ удвоенною яростью и бомбардировку, а быть можетъ и атаку съ трехъ сторонъ.

«Успѣютъ-ли въ томъ, одинъ Богъ знаетъ! Вопросъ: что тутъ намъ дѣлать? разумѣется что это трудно рѣшить, а въ особенности *Мнѣ здѣсь* [1]): могу только указывать, — рѣшеніе предоставляя тебѣ. Быть можетъ, что замыслы противниковъ рушатся не столько отъ геройской обороны и усугубленныхъ мѣръ защиты, но отъ вліянія на нихъ зимней погоды, отъ трудности стоянки, затрудненія подвозовъ и прочаго, отъ времени года происходящаго. Это не оспоримо быть можетъ, но *невѣрно*. Между тѣмъ работы ихъ продолжаются и ежели безпрепятственно дадимъ имъ дѣлать что хотятъ, то они возведутъ скоро *крѣпость* противъ *крѣпости*. Казалось бы потому Мнѣ, что отказавшись отъ сильной атаки, которой успѣхъ теперь болѣе чѣмъ сомнителенъ, остается намъ ихъ тревожить безпрестанно, замучить до нельзя безконечными постоянными тревогами и за тѣмъ остановить осадныя работы нашими собственными контръ-апрошами.

«Болѣе же всего опасаюсь, что бы, подвигая свои работы, они не достигли наконецъ возможности не только бить по флоту и сжечь его, но быть можетъ и прекратить свободное сообщеніе съ городомъ черезъ рейдъ, что было бъ пагубно въ высшей степени. Нельзя не обращать довольно вниманія, чтобъ непремѣнно это отвратить. Кажется и этого достигнуть можно, ежели устроены будутъ контръ-апроши по Кпленъ-балкѣ. Такимъ образомъ думаю, что можно будетъ выждать что Богъ намъ дастъ въ эти шесть недѣль, т. е. до половины генваря, гдѣ погода обыкновенно устанавливается уже весенняя въ Крыму, — время, къ которому положительно мы увѣрены быть можемъ о появленіи новыхъ значитель-

---

[1]) Какъ эти такъ и послѣдующія слова подчеркнуты въ подлинникѣ.

ныхъ силъ, а потому и возобновленіе еще гораздо большихъ усилій овладѣть и Севастополемъ и Крымомъ.

«Очень важно беречь сколько можно войска, т. е. кормить вдоволь, лишне не утомлять и пріютить сколь возможно лучше и снабдя полушубками. Комплектованіе сколько можно буду стараться подвигать. Резервные батальоны 10-й, 11-й и 12-й дивизій, резервные бригады 16 и 17-й дивизій будутъ теперь же посланы въ Херсонъ и Николаевъ на *черный день*. Хотя кавалеріи у тебя много, и тѣмъ тылъ твой много обезпеченъ, но часть пѣхоты—и Я бы полагалъ именно резервную бригаду 12-й дивизіи—хорошо бы оставить у Перекопа».

«Кажется Мнѣ, писалъ Государь Князю Меншикову черезъ день послѣ отправленія выше приведеннаго письма [1]), что сомнѣнія не можетъ болѣе быть въ настоящемъ намѣреніи непріятелей выигрывать время и усовершенствовать свои осадныя работы и укрѣпленіе своихъ позицій. Желательно сему сколь можно воспрепятствовать».

Къ сожалѣнію климатическія условія и пути сообщенія полагали преграды къ исполненію желанія Императора.

Съ половины ноября ненастье усилилось и наступили холода. Непрерывные проливные дожди, шедшіе то съ градомъ, то со снѣгомъ, испортили дороги. Размягченная почва представляла значительное затрудненіе не только для перевозки тяжестей, но и для одиночныхъ пѣшеходовъ. Артиллерія, при своихъ передвиженіяхъ, принуждена была употреблять двойную упряжку, но при подъемахъ на горы, часто и этого числа лошадей оказывалось недостаточно. Распутица изнуряя рабочій скотъ,—при помощи котораго передвигались всѣ транспорты,—лишала насъ послѣднихъ средствъ для перевозки тяжестей. Подводы собирались иногда за 300 верстъ отъ складовъ и потому продолжительность пути, въ которомъ находились подводчики, была для нихъ крайне обременительна. Они принуждены были брать съ собою провизію для себя и фуражъ для воловъ, на все время наряда, или покупать все это на пути, по цѣнамъ весьма высокимъ. Безпрестанный сборъ подводъ обезсиливалъ край, лишая жителей возможности засѣять поля и убрать жатву.

Еще большимъ отягощеніемъ для поселянъ было то, что подводы назначенныя для слѣдованія съ войсками отъ Симферополя

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 29 ноября.

до г. Бахчисарая, по распоряженію военнаго начальства, не только перевозили эти войска за Бахчисарай, до позиціи, но оставлялись тамъ для перевозки тяжестей [1]). Отъ такой усиленной дѣятельности многіе хозяева лишились своего рабочаго скота [2]), а армія — перевозочныхъ средствъ. Правильность транспортировки провіанта и фуража съ каждымъ днемъ нарушалась и войска стали ощущать недостатокъ въ продовольствіи. Сухари и крупа выдавались не аккуратно, а лошади дня по три не имѣли ни овса, ни сѣна. «За неимѣніемъ фуража, пишетъ участникъ [3]), я кормилъ свою лошадь булками и платилъ по 40 и 50 коп. за штуку». Худоба лошадей дошла до того, что ни одной изъ нихъ нельзя было подтянуть какъ слѣдуетъ подпругъ—онѣ оказывались слишкомъ длинными; вьюки болтались и валились на солдатъ, лишь только они, садясь на лошадей, вдѣвали ногу въ стремя.

Въ концѣ ноября положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Ручьи и рѣчки, существованіе которыхъ обозначалось до сихъ поръ только сухимъ руслом, вышли изъ береговъ и, при отсутствіи мостовъ, на каждомъ шагу затрудняли переправу. Рѣка Черная разлилась до такой степени, что сообщеніе въ бродъ сдѣлалось почти невозможнымъ и войска наши находившіяся на позиціи, передъ Балаклавою, будучи почти отрѣзаны отъ сообщенія съ Севастополемъ, терпѣли во всемъ крайній недостатокъ.

Съ наступленіемъ осенняго времени удержаніе передовой позиціи представляло не малыя затрудненія, ибо для этого необходимо было оставить за собою высоты, командующія деревнею Карловкою и лежащія на лѣвомъ берегу рѣки Черной. Высоты эти, имѣя отлогіе скаты къ непріятелю, были чрезвычайно круты къ нашей сторонѣ и потому неудобны, какъ для отступленія, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, такъ и для посылки подкрѣпленій.

Разрѣзывая пополамъ нашу позицію, рѣка Черная имѣла свойства горной рѣки, разливавшейся быстро и неожиданно. Устройство мостовъ черезъ рѣку было весьма затруднительно и почти невозможно. При отрядѣ не имѣлось ни средствъ, ни матеріаловъ для

---

[1]) Рапортъ Таврическаго губернатора кн. Меншикову 21 октября № 11050 Воен. учен. арх. д. № 4289.

[2]) Рап. маіора Гангардта генералу Анненкову 30 октября. Тамъ же д. № 3338.

[3]) Арбузовъ. «Воспоминанія о войнѣ на Крымскомъ полуостровѣ». Воен. Сборн. 1874 г. № 4.

постройки моста и князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ вынужденъ былъ перевести на правый берегъ рѣки всю артиллерію, а защиту передовыхъ высотъ предоставить одной пѣхотѣ, для сообщенія съ которой были устроены небольшіе мостики на козлахъ, удобные только для одиночныхъ пѣшеходовъ.

Безпрестанно сносимые потоками воды, мосты эти представляли плохое обезпеченіе въ правильности сообщенія, и слѣдовательно находившіяся на лѣвомъ берегу войска были поставлены въ опасное положеніе не только въ случаѣ отступленія черезъ рѣку, но и относительно средствъ продовольствія.

Провіантъ и прочее довольствіе для этого отряда переправляли въ зарядныхъ ящикахъ, до тѣхъ поръ пока, 20-го ноября, не потонуло нѣсколько лошадей. Когда и этотъ способъ доставки оказался неудобнымъ, то для переправы зарядныхъ ящиковъ и фуръ, былъ кое-какъ исправленъ прежде существовавшій каменный мостъ, но вечеромъ 22-го ноября, прибыль воды въ рѣкѣ Черной была такъ велика, что и переправа по каменному мосту сдѣлалась опасною [1]).

Не признавая возможнымъ, при такихъ условіяхъ, оставлять войска на позиціи князь П. Д. Горчаковъ, неожидая разрѣшенія главнокомандующаго, отвелъ ихъ къ селенію Чоргунъ и такимъ образомъ лѣвый берегъ рѣки Черной былъ оставленъ нами. На прежней позиціи осталась только линія аванпостовъ у часовни Ивана Постнаго и у селенія Комары.

Замѣтивъ, что мы оставляемъ позицію, непріятель спустилъ съ высотъ часть кавалеріи и нѣсколько батальоновъ пѣхоты, но, не подходя близко къ нашимъ аванпостамъ, ограничился одною рекогносцировкою и потомъ возвратился въ свой лагерь [2]).

Еще ранѣе оставленія этой позиціи, въ первой половинѣ ноября, князь Меншиковъ имѣя въ виду, что въ Байдарской долинѣ фуражъ совершенно истощился, что доставка его съ каждымъ днемъ дѣлалась затруднительнѣе и что наконецъ лошади пришли въ совершенное изнуреніе рѣшился отправить внутрь Крыма какъ кавалерію, такъ и артиллерію. Лошади послѣдней были въ такомъ положеніи, что батареи не могли слѣдовать за полками и для прохожденія пространства пройденнаго пѣхотою въ одинъ переходъ, батареи принуждены были употреблять два съ половиною дня.

---

[1]) Рапорты князя П. Д. Горчакова князю Меншикову 20 и 22 ноября. Воен. учен. арх. д. № 3346.

[2]) Тоже отъ 23, 24 и 25 ноября за № 320, 324 и 326.

Недостатокъ лошадей и потери людей въ бывшихъ сраженіяхъ заставили привести многія батареи въ уменьшенный составъ, причемъ наиболѣе пострадавшія были удалены отъ театра дѣйствій и расположены близъ Симферополя и Бахчисарая, на рр. Салгирѣ, Алмѣ и Качѣ. Тѣ же батареи, которыя оказались мѣнѣе растроенными, распредѣлены между дѣйствующими войсками и расположены на Бельбекѣ, Инкерманѣ, въ Чоргунѣ и Севастополѣ [1]).

Почти слѣдомъ за артиллеріею была отправлена и кавалерія, въ содѣйствіи которой Севастополь не нуждался.

Оставивъ въ отрядѣ при Чоргунѣ только 16 эскадроновъ второй бригады 6-й легкой кавалерійской дивизіи, князь Меншиковъ отправилъ всю остальную кавалерію на сѣверъ полуострова и расположилъ: сводно-мартевую бригаду на р. Качѣ, а тридцать эскадроновъ 1-й Драгунской дивизіи направилъ къ Евпаторіи, на соединеніе съ находившимися тамъ 32 эскадронами резервной Уланской дивизіи [2]). Это послѣднее распоряженіе было вызвано распространившимися слухами о предполагаемой высадкѣ непріятеля въ Евпаторіи, съ цѣлью дѣйствовать на наши сообщенія [3]). Хотя, при полномъ отсутствіи перевозочныхъ средствъ, союзники и не могли удалиться отъ берега на столько, чтобы угрожать нашимъ путямъ сообщенія, но благоразуміе требовало обезпечить себя и съ этой стороны, а потому князь Меншиковъ признавалъ не лишнимъ усилить отрядъ блокировавшій Евпаторію и 22-го ноября поручилъ его начальнику первой Драгунской дивизіи генералъ-лейтенанту барону Врангелю [4]).

Главнѣйшею обязанностію вновь сформированнаго отряда было охраненіе сѣверо-западной части Крыма, прекращеніе сношеній татаръ съ непріятелемъ и жителями Евпаторіи, и наконецъ прикрытіе двухъ главныхъ сообщеній нашихъ съ Имперіею: черезъ Перекопъ и Чонгарскій мостъ. Такое прикрытіе было необходимо для

---

[1]) Всеподд. донесеніе князя Меншикова отъ 12-го ноября. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 110.

[2]) Письмо Семякина князю М. Д. Горчакову 21 ноября. Воен. учен. арх. д. № 3508.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. М. Д. Горчакову 21-го ноября. Тамъ же № 4253 ч. II.

[4]) Съ передвиженіемъ драгунъ на р. Булганакъ, въ составъ Евпаторійскаго отряда вошли: резервная Уланская дивизія съ ея артиллеріею (начальникъ генералъ-лейтенантъ Корфъ), три полка первой Драгунской дивизіи съ ихъ артиллеріею и Донскіе казачьи полки № 55 и 61-й.

нравственнаго успокоенія жителей и подводчиковъ, такъ какъ, около этого времени, непріятельскія суда и пароходы стали показываться въ виду Перекопа.

26-го Ноября два такихъ судна вошли въ Перекопскій (Каркинитскій) заливъ, гдѣ дѣлали промѣры, а въ 10 часовъ утра 6-го декабря точно такія же суда явились и въ виду Ѳеодосіи. Сначала они держались внѣ выстрѣловъ, но въ первомъ часу повернули къ карантину съ намѣреніемъ завладѣть конфискованнымъ Самосскимъ судномъ. Выстрѣлы съ нашихъ батарей заставили однако же непріятеля удалиться въ море. На слѣдующій день тѣ же самыя суда подошли сначала ко входу въ Керченскій проливъ, а потомъ стали на якорѣ противъ Таклинскаго маяка, гдѣ и ночевали. Съ разсвѣтомъ 8-го декабря одинъ изъ непріятельскихъ пароходовъ пытался подойти къ Павловской батареи, но встрѣченный выстрѣлами повернулъ назадъ и вслѣдъ затѣмъ оба судна скрылись въ морѣ [1]).

Почти одновременное появленіе непріятельскихъ судовъ въ разныхъ пунктахъ Крымскаго полуострова, навело панику на прибрежныхъ жителей. Ѳеодосійская таможня вмѣстѣ съ дѣлами оставила городъ и переселилась въ предмѣстье Фонтанчикъ [2]); въ Перекопѣ также все пришло въ движеніе и князь Меншиковъ опасался, что паника будетъ имѣть вліяніе на слѣдованіе транспортовъ. Онъ просилъ князя М. Д. Горчакова поручить кому нибудь постройку крѣпостцы въ Перекопѣ, ссылаясь на то, что у него нѣтъ ни генераловъ, ни офицеровъ, ни даже войскъ способныхъ къ битвѣ. Князь Меншиковъ говорилъ, что на подкрѣпленіе его силъ посылаются одни только резервы, т. е. «нѣсколько тысячъ необученныхъ людей въ жизнь свою не заряжавшихъ ружья и подъ командою не опытныхъ офицеровъ» [3]).

— Позвольте вамъ сказать, отвѣчалъ на это князь Михаилъ Дмитріевичъ, что вы не справедливы къ вашимъ генераламъ. У васъ цвѣтъ арміи: Сакенъ, мой братъ, Пахимовъ, Липранди, Врангель, Семякинъ и Баумгартенъ — все люди усердные и способные, но до извѣстной конечно степени. Они могутъ быть очень полезны въ

[1]) Рапортъ Керчь-Еникольскаго градоначальника 9-го декабря. № 10493. Арх. канц. воен. минис. д. № 96.

[2]) Донесеніе управ. Ѳеодосійскою таможнею 9-го декабря. Арх. канц. воен. минис. д. № 96.

[3]) Письмо кн. Меншикова кн. Горчакову 7-го декабря

совѣтѣ и въ дѣлѣ, но нужно терпѣливо обсуждать и послѣ уже отдавать рѣшительныя приказанія.

Желая однако же облегчить положеніе главнокомандующаго, князь Горчаковъ отправилъ въ Перекопъ инженернаго офицера и вмѣстѣ съ тѣмъ командировалъ въ Крымъ генераловъ Огарева и Хрулева.

«У меня, писалъ при этомъ князь Горчаковъ о Хрулевѣ [1]), онъ состоялъ при Шильдерѣ и продѣлывалъ прошедшею весною на Дунаѣ разныя штуки, которые были намъ нужны [2]). Это бравый молодецъ, не особенно умный (qui n'a pas beaucoup de tête), но очень храбрый и предпріимчивый. Будучи артиллерійстомъ и въ школѣ у Шильдера, онъ можетъ съ успѣхомъ строить у васъ временныя береговыя батареи, дѣлать съ артиллеріею экспедиціи вдоль морскаго берега, чтобы стрѣлять по непріятельскимъ судамъ и т. п. Онъ очень смѣлъ, дѣятеленъ и сдѣлаетъ все, что вы скажете, лишь бы ему было объяснено, что отъ него требуютъ».

Между тѣмъ кн. Меншиковъ, въ ожиданіи содѣйствія кн. Горчакова по укрѣпленію Перекопа, приказалъ расположенной на р. Качѣ сводно-маршевой кавалерійской бригадѣ генералъ-лейтенанта Рыжова, съ конно-легкою № 12-го и легкою № 4-го батареею 11-й артиллерійской бригады, слѣдовать къ Перекопу и расположиться между этимъ городомъ и с. Краснымъ [3]). Генералу Врангелю поручено Новоархангельскій уланскій полкъ съ четырмя орудіями конно-легкой № 19-го батареи, придвинуть ближе къ южному берегу Перекопскаго (Каркинитскаго) залива и усилить наблюденіе за непріятелемъ въ Евпаторіи, гдѣ въ послѣднее время замѣтна была особая дѣятельность. Вокругъ города и въ улицахъ строились батареи и вооружались сильною артиллеріею, которую непріятель свозилъ съ двухъ 80-ти пушечныхъ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе въ бурю 2-го ноября. Отъ Херсонесскаго мыса къ Евпаторіи и обратно двигались непріятельскія суда наполненныя войсками.

Иностранныя газеты почти ежедневно возвѣщали о посылкѣ въ Крымъ новыхъ и сильныхъ подкрѣпленій и по всему видно

---

[1]) Горчаковъ кн. Меншикову отъ 3-го декабря.

[2]) «Je l'ai employé comme adjiont à Schilder pour toutes les farces qui nous avons faites le printemps passé le long du Danube».

[3]) Кавалерійской бригадѣ, съ конною батареею, приказано было расположиться вдоль морскаго берега отъ с. Щетинцы до с. Краснаго. Легкая же № 4 батарея была оставлена въ Перекопѣ, для усиленія боевыхъ средствъ города.

было, что союзники готовятъ чрезвычайныя средства, для успѣшнаго окончанія дѣлъ на полуостровѣ. Англичане отправляли рабочихъ и рельсы для устройства желѣзной дороги, отъ Балаклавы до траншей. Императоръ Наполеонъ просилъ Омеръ-пашу остановить свои дѣйствія на Дунаѣ и отправиться въ Крымъ со всѣми своими войсками. Телеграфическія депеши изъ разныхъ мѣстъ Европы извѣщали, что дивизія Саля сѣла уже на суда въ Тулонѣ, и что дивизія Брюне будетъ также скоро отправлена на усиленіе восточной арміи. Телеграфъ изъ Берлина передавалъ, что союзники ожидаютъ только подкрѣпленій, чтобы перейти въ наступленіе и атаковать, по не Севастополь, а армію кн. Меншикова [1]). Перебѣжчики подтверждали эти слухи и говорили, что французы настаивали на необходимости новой высадки въ тылъ арміи кн. Меншикова, въ Евпаторіи или Перекопѣ.

Высадившись въ томъ или другомъ пунктѣ, они могли прервать сообщеніе полуострова съ Россіею и оставить Крымскую армію безъ хлѣба и боевыхъ припасовъ. Хотя съ наступленіемъ зимняго времени и трудно было допустить, чтобы высадка могла состояться, но слухи эти были слишкомъ серьезны, чтобы не обратить на нихъ вниманія и не обезпечить положенія Крымской арміи, образованіемъ у Перекопа особаго отряда, который бы могъ хотя на время остановить движеніе непріятеля.

Для сформированія такого отряда князь Меншиковъ не могъ отдѣлить отъ себя ни одного полка пѣхоты, и вопросъ о прикрытіи сообщеній составлялъ главную и мучительную заботу Императора. Кромѣ нѣсколькихъ резервныхъ батальоновъ въ распоряженіи министерства не оставалось свободныхъ войскъ — всѣ они были распредѣлены по дѣйствующимъ арміямъ и расположены преимущественно на западной и южной границахъ Имперіи, въ виду того угрожающаго положенія, которое принималъ вѣнскій дворъ относительно Россіи.

Переговоры наши съ Австріею съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе запутывались и въ Петербургѣ не сомнѣвались уже, что въ самомъ непродолжительномъ времени послѣдуетъ окончательный разрывъ съ этою державою.

— Скоро придется намъ драться во всѣхъ концахъ, говорилъ въ Бозѣ почившій Императоръ; одинъ Богъ намъ помощь [2]).

---

[1]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову 3-го декабря 1854 г.

[2]) Изъ собственноручнаго письма Г. И. кн. Меншикову 29 ноября 1854 г.

Въ концѣ ноября были получены изъ Вѣны еще менѣе успокоительныя извѣстія, по которымъ можно было подозрѣвать что между Австріею, Франціею и Англіею заключенъ тайный договоръ по которому «условлено отнять у насъ Польшу» [1]).

Съ полученіемъ этихъ извѣстій князь Варшавскій, на котораго возложена была защита Польши, не только не соглашался отдѣлить отъ себя, даже временно, ни малѣйшей части войскъ, но напротивъ того успѣлъ испросить высочайшее повелѣніе на образованіе, противъ Каменца, второй промежуточной арміи.

По мнѣнію его въ Крыму было слишкомъ достаточно войскъ, что бы князь Меншиковъ могъ защищаться даже и въ томъ случаѣ, если бы англо-французы прислали еще тридцать и даже сорокъ тысячь свѣжихъ войскъ. Фельдмаршалъ находилъ даже совершенно излишнимъ усиливать Крымскую армію и укорялъ кн. Горчакова въ томъ, что онъ придаетъ гораздо большее значеніе опасности въ Крыму, чѣмъ той, и несравненно важнѣйшей, которая угрожаетъ намъ состороны Австріи [2]).

— Здѣсь говорилъ фельдмаршалъ, дѣло идетъ уже не о Севастополѣ, но о лучшихъ нашихъ южныхъ провинціяхъ, а можетъ быть и о Царствѣ Польскомъ, т. е. о населеніи почти въ пятнадцать милліоновъ. Предупредить это можно только тогда, когда мы будемъ имѣть сильную армію въ Польшѣ и на углу австрійскихъ владѣній противъ Каменца. Корпусъ сей столь важенъ, что необходимо изыскать всѣ средства, что бы его усилить, взявъ на увеличеніе его войска оттуда, откуда только можно. Сильная армія въ Царствѣ Польскомъ и другая между Каменцемъ и Дубно — однѣ только могутъ остановить Австрію, которая можетъ быть тогда и не войдетъ въ наши предѣлы, когда оба ея фланга и тылъ будутъ угрожаемы. Можетъ быть, что тогда австрійцы, даже если бы и принуждены были къ войнѣ, то не охотно дѣйствовать будутъ, а армія наша будетъ имъ предлогомъ не идти впередъ и даже не начинать войны. По моему убѣжденію не только отсюда нельзя брать войскъ, но ихъ необходимо усиливать между Каменцомъ и Дубно. Я убѣжденъ, что ни въ Крыму, ни противъ турокъ нѣтъ необходимости въ большомъ числѣ войскъ.

Соглашаясь съ мнѣніемъ фельдмаршала относительно Турціи,

---

[1]) Изъ собственноручнаго письма Г. И. кн. Горчакову 30 ноября 1854 г.

[2]) Изъ письма кн. Варшавскаго кн. М. Д. Горчакову отъ 2 декабря 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 9.

нельзя было согласиться съ тѣмъ, что въ Крыму не предстояло опасности и что князь Меншиковъ не нуждался въ подкрѣпленіи.

«Ежели будутъ сильныя вылазки въ тылу Меншикова, писалъ Императоръ князю Варшавскому [1]), или у Ѳеодосіи — ему будетъ трудно. Вся надежда на Божію милость, на время года, затрудняющее подвозъ всего непріятелю и высадки. Но ожесточеніе Англіи и L. Napoleon не знаетъ мѣры и нѣтъ усилій, которыхъ бы ожидать нельзя было отъ нихъ, чтобъ достичь своей цѣли. Ежели къ сему прибавить, что вѣроятно и на Петербургъ они готовятъ подобныя же усилія, сознаться надо, что наше положеніе крайне трудное.»—

«Однимъ словомъ, писалъ Государь кн. Горчакову [2]), надо намъ готовиться на худшее. . . . .

«При подобномъ положеніи дѣлъ вопросъ уже въ томъ, гдѣ большая опасность и куда усилія обороны нашей должны преимущественно обращены быть? Думаю Петербургъ, Москва, или путь въ центръ Россіи и Крымъ съ Николаевомъ. Прочее второстепенной важности, въ сравненіи.

«Петербургъ надѣюсь защитить съ тѣми способами, которыми располагать могу; центръ Россіи даже бросивъ Царство, оставя только крѣпости занятыми, лежитъ на обязанности князя Варшавскаго, котораго потому ослабить не могу, ибо быть можетъ гвардіи придется заслонять правый флангъ кн. Варшавскаго, или даже путь къ Петербургу, мимо Динабурга. Для Крыма-же и Николаева отсюда только располагать могу шестнадцатью батальонами 6-й резервной дивизіи, которыя и направляю въ Николаевъ. Можно-ли туда же направить резервную бригаду 10-й дивизіи и часть 11-й, или предпочитаешь направить 8-ю дивизію изъ Одессы, оставя резервную бригаду десятой (дивизіи) въ Одессѣ, — можешь рѣшить одинъ ты, бывъ ближе чѣмъ Я здѣсь.

«По свѣдѣніямъ же, вчера же полученнымъ, Омеръ-пашѣ велѣно пріостановиться и не вступать въ Бессарабію; вѣроятно эту обязанность примутъ австрійцы. Но за то Омеръ-пашѣ будто велѣно послать 54 батальона въ Крымъ. Хотя не вѣрю, чтобъ набралось столько, но думаю, что батальоновъ 20 или 30 дѣйствительно будутъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 7 декабря. Тамъ-же

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 30 ноября. Арх. канц. воен. минис. д. № 88.

туда отправлены: какъ, когда и въ одно-ли время, мудрено угадать, хотя по времени года, трудно ожидать чтобы могли разомъ отправиться, пристать и высадиться, развѣ въ Ѳеодосіи. Ежели къ сему присовокупить то, что изъ Англіи и Франціи слѣдуетъ, то полагать можно, что недѣли черезъ четыре могутъ прибавиться въ Крыму новыхъ 60 т. — масса значительная и съ которой Меншикову не легко будетъ управиться, ибо развлечетъ его силы.

«Изъ сего ясно, что очень желательно имѣть между Николаева и Перекопа *готовый дѣйствующій резервъ* [1]), чтобы, не отвлекая Меншикова отъ главной цѣли отстаивать Севастополь, можно было отбросить то, что угрожало бы его тылу и охранить сообщеніе. Весь вопросъ въ томъ: полагаешь-ли возможнымъ, кромѣ 8-й дивизіи, изъ состоящихъ у тебя лицомъ къ границѣ 4½ пѣхотн. дивизій, отрядить еще какую либо часть къ Крыму, не ослабясь уже слишкомъ противъ тѣхъ враговъ, которые угрожаютъ намъ вторженіемъ съ фронта.

«Выше сказалъ, что ослаблять войска подъ начальствомъ кн. Варшавскаго, Я считаю крайне опаснымъ и не возможнымъ, по обязанности не менѣе важной, прямо лежащей на арміи въ Польшѣ, — цѣль, которую едва достанетъ ея силъ исполнить, при теперешнемъ затруднительномъ положеніи. Ново-формируемыя запасныя дивизіи едва-ли будутъ готовы ранѣе іюня, а не въ мартѣ, какъ то Я надѣялся.

«Вотъ наше положеніе, самое тяжкое, во всей наготѣ своей, нечего его скрывать отъ себя.

«Ежели Богъ благословитъ наши усилія въ Крыму, то можно надѣятся, что станетъ легче; но чтобъ надѣяться сего успѣха, надо стараться помочь тамъ, даже съ временнымъ пожертвованіемъ, напримѣръ Бессарабіею, буде только Днѣстръ отстоять можно.

«Сдѣлавъ такимъ образомъ Мою исповѣдь, прочее съ полной довѣренностію предоставляю рѣшить тебѣ, полагаясь на твою опытность, дружбу ко Мнѣ, и то пламенное усердіе, съ которымъ ты постоянно жертвуешь личнымъ, общему благу и пользамъ Отечества. Увѣренъ, что то, что рѣшишь, будетъ къ лучшему и Я спокойно ждать буду, что намъ предстоитъ».

Князь Горчаковъ рѣшилъ тотчасъ же отправить къ Перекопу всю 8 дивизію съ ея артиллеріею и десять резервныхъ батальоновъ 10 и 11 пѣхотныхъ дивизій находившихся въ Одессѣ.

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

«Совершенно одобряя эти распоряженія, писалъ Императоръ князю Меншикову [1]), остается Мнѣ требовать, чтобъ этому значительному и *послѣднему* подкрѣпленію, было сдѣлано полезное употребленіе.

«Ежели справедливо свѣдѣніе, что непріятель готовитъ высадку у Евпаторіи или у Качи, то самое опасное дѣйствіе можетъ быть тебѣ въ тылъ; оно можетъ быть однако замедлено дѣйствіемъ кавалеріи, ежели генералъ Врангель пойметъ хорошо свою обязанность. По этому Я передалъ, флигель-адъютанту Волкову. Мои мысли и желаю, чтобъ онъ передавъ ихъ тебѣ, сейчасъ ѣхалъ къ Врангелю и при немъ остался, покуда это дѣло не объяснится.

«Намѣреніе же слѣдовать на Перекопъ кажется Мнѣ менѣе удобоисполнимымъ и по отдаленію отъ Евпаторіи и по трудности высадиться ближе къ Перекопу. Но ежели это сбудется, то необходимо, чтобъ первая пѣхота, которая подойдетъ, была обращена на подкрѣпленіе кавалеріи. Желательно чтобъ оно послѣдовало не ранѣе прибытія 8 дивизіи, болѣе боевой, чѣмъ резервная бригада. Ежели непріятель будетъ напирать къ Перекопу въ большихъ силахъ, тогда вѣроятно надо будетъ соединить резервные батальоны съ 8 дивизіей, чтобъ не быть разбиту по частямъ и тогда всѣми двадцатью шестью батальонами при 48 орудіяхъ пѣшихъ, соединясь съ кавалеріей Врангеля, отбросить непріятеля и возстановить прерванное быть можетъ временно съ тобой сообщеніе.

«Будемъ надѣяться что всего этого не будетъ, или по крайней мѣрѣ не такъ скоро. Что же касается до 8 дивизіи, Я нахожу необходимымъ, чтобы ты ее непремѣнно оставилъ у Перекопа въ резервѣ, ибо за будущее ни какъ ручаться нельзя, а безъ значительной пѣхоты тутъ все можетъ быть потеряно» [2]).

Получивши этотъ рескриптъ князь Меншиковъ отправилъ флигель-адъютанта Шеншина навстрѣчу войскамъ слѣдовавшимъ въ Крымъ съ приказаніемъ, чтобы 8 пѣхотная дивизія остановилась у Перекопа, а резервные баталіоны слѣдовали къ Симферополю. Значительный некомплектъ въ дѣйствующихъ полкахъ заставилъ

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 10 декабря.

[2]) Впослѣдствіи Императоръ предоставилъ князю Меншикову распоряжаться 8 пѣхотною дивизіею по своему усмотрѣнію. «Я тебѣ писалъ, говорилъ Онъ въ письмѣ отъ 5 января 1855, что 8 дивизія есть прикрытіе твоего тыла и обезпеченіе твоего сообщенія съ Перекопомъ, но гдѣ удобнѣе *всю ее* или *часть* расположить, чтобъ достичь желаемой цѣли — зависитъ отъ тебя».

главнокомандующаго обратить резервные батальоны немедленно на пополненіе убыли, происшедшей сколько отъ потери въ сраженіяхъ, столько же и отъ болѣзней развившихся съ наступленіемъ ненастной осенней погоды.

Быстрыя перемѣны температуры, при всей выдержанности и привычкѣ русскаго человѣка, не могли не оказать своего вліянія на здоровье войскъ, тѣмъ болѣе, что большая часть нижнихъ чиновъ, оставаясь подъ открытымъ небомъ и работая среди дождя, снѣга и суроваго вѣтра, износили платье и обувь. — Но съ другой стороны если помѣщеніе, одежда и отчасти продовольственные запасы нашей арміи были не вполнѣ въ удовлетворительномъ состояніи, то положеніе союзниковъ, въ этомъ отношеніи, было еще хуже.

Не разчитывая на продолжительность кампаніи, они не запаслись ни чѣмъ и имѣли съ собою лишь одни палатки, въ которыхъ и встрѣтили наступившіе холода. Заключенные на тѣсномъ пространствѣ Херсонесскаго полуострова англо-французы, по недостатку жилыхъ мѣстъ, не могли расположиться по квартирамъ, а по отсутствію лѣса лишены были возможности устроить себѣ бараки, мѣстными средствами.

Пребываніе въ палаткахъ, на занятыхъ позиціяхъ, было причиною многихъ бѣдствій испытанныхъ союзниками въ теченіе осенняго и зимняго времени. Положеніе ихъ было весьма тяжко.

«Въ настоящую минуту, писалъ одинъ изъ англійскихъ корреспондентовъ, дождь идетъ какъ изъ ведра, небо черно какъ чернила, вѣтеръ воетъ надъ колеблющимися палатками, траншеи превратились въ каналы, въ палаткахъ вода иногда стоитъ на цѣлый футъ; у нашихъ солдатъ нѣтъ ни теплой, ни непромокаемой одежды, они проводятъ по двѣнадцати часовъ въ траншеяхъ, подвержены всѣмъ бѣдствіямъ зимней кампаніи; между тѣмъ, нѣтъ, кажется, ни души, которая позаботилась бы объ ихъ удобствахъ, или даже о сохраненіи ихъ жизни. Самый жалкій нищій, бродящій по лондонскимъ улицамъ, ведетъ роскошную жизнь, въ сравненіи съ британскими солдатами, которые жертвуютъ здѣсь своею жизнію [1]).

Съ каждымъ днемъ лагерь союзниковъ все болѣе и болѣе погружался въ грязь; палатки не держались противъ вѣтра и дождей. Каждый помышлялъ о томъ, какъ бы выстроить себѣ пристанище и устроиться въ немъ по удобнѣе. Но это удавалось весьма не

---

[1]) Матеріалы для Исторіи Крымской войны вып. V, 93. 109.

многимъ: большинство же вставало и ложилось посреди грязи, ила и сора и часто не просыпалось, потому что сырость и холодъ были нестерпимы.

Не имѣя теплой одежды и порядочнаго жилья, союзники къ тому же терпѣли недостатокъ въ пищѣ и топливѣ. Въ теченіе многихъ дней, они довольствовались корабельными сухарями, очень дурною водою и сушенымъ мясомъ, по послѣднимъ въ весьма маломъ количествѣ.

Французы не имѣли топлива и для согрѣванія употребляли все, что только способно было горѣть: корни деревьевъ, не исключая виноградныхъ, и всѣ остатки исчезнувшей растительности или на дрова, если только попадались подъ руку.

Снѣгъ для союзниковъ былъ настоящимъ бѣдствіемъ: онъ пробивался въ малѣйшія щели палатокъ и покрывалъ бѣдныхъ солдатъ, искавшихъ покоя ночью послѣ тяжкаго и усиленнаго дневнаго труда. Весьма часто слѣдующее утро заставало ихъ замерзшими въ застывшемъ платьѣ, служившемъ имъ саваномъ. Такое положеніе дѣлъ вызвало со стороны французскаго правительства энергическую дѣятельность, по снабженію своихъ войскъ всѣмъ необходимымъ, и надо сказать, что дѣятельность эта не была безуспѣшна: французы испытывали гораздо менѣе лишеній, чѣмъ англичане.

Съ наступленіемъ ненастья, французы тотчасъ же начали исправлять прежде существовавшія и устраивать новыя дороги, отъ Камышевой бухты къ лагерямъ; въ половинѣ ноября они доставили въ Крымъ теплую одежду и матеріалы для устройства бараковъ, сначала только для помѣщенія больныхъ, а потомъ, въ декабрѣ, успѣли выстроить ихъ и для всѣхъ войскъ [1]).

Англичане находились въ значительно худшемъ положеніи, въ особенности со времени послѣднихъ бурь бывшихъ причиною гибели множества транспортныхъ судовъ, слѣдовавшихъ въ Крымъ съ зимнею одеждою, военными и съѣстными припасами. Недостатокъ мастеровыхъ въ войскахъ лишалъ англичанъ возможности приступить, на мѣстѣ, къ изготовленію теплой одежды и къ постройкѣ бараковъ и они принуждены были вырывать въ землѣ ямы, что бы защитить себя отъ холода и русскихъ снарядовъ [2]).

---

[1]) Въ Ліонѣ была образована особая мастерская для постройки бараковъ, въ которой ежедневно работало не менѣе 100 человѣкъ.

[2]) «Матеріалы для исторіи Крымской войны» вып. V, стр. 16, 18, 20, 103, 196, 197 и другія.

Пока было сухо, ямы служили еще кое-какимъ обезпеченіемъ, но съ наступленіемъ холодовъ и грязи, они стали невыносимы для британскаго тѣла, болѣе или менѣе привыкшаго къ удобству помѣщенія и хорошей пищи, въ которой ощущался также большой недостатокъ. «Англійская армія, говорилось въ одной изъ современныхъ газетъ, въ послѣднее время въ такомъ положеніи, что едва не умираетъ съ голода. Она терпитъ ужасно. Люди, обезсиленные ночнымъ бдѣніемъ, при отправленіи службы на вѣтру и проливномъ дождѣ, не находятъ себѣ достаточной пищи». — О фуражѣ лошадямъ нечего и говорить — въ немъ ощущался еще большій недостатокъ и 17 ноября герцогъ Кембриджскій принужденъ былъ приказать убить 24 ломовыя лошади, а лорды Лукинъ и Кардиганъ постоянно жаловались на недостатокъ корма для кавалеріи.

Положеніе турокъ было еще того печальнѣе и по истинѣ ужасно. Не имѣя ни продовольствія, ни одежды, они употреблялись англичанами вмѣсто тяглаго скота, для перевозки въ лагерь изъ Балаклавы снарядовъ и провизіи. Странствуя по лагерю своихъ великодушныхъ союзниковъ и собирая объѣдки ихъ пищи, правовѣрные незнали куда спрятаться отъ непогоды. Ветхія палатки не представляли солдатамъ никакой защиты отъ холода и убыль въ рядахъ турецкой арміи простиралась иногда до 300 человѣкъ въ сутки. Турки служили, можно сказать, источникомъ заразы и развившейся впослѣдствіи эпидеміи, находившейся обильную пищу, среди истощенныхъ и изнуренныхъ солдатъ экспедиціоннаго корпуса.

Недостатокъ во многомъ и безпорядки въ управленіи должны были оказать весьма вредное вліяніе на состояніе здоровья людей. Благодаря сырости и дурной пищи, состоявшей исключительно изъ соленой свинины, въ концѣ октября въ рядахъ союзныхъ войскъ появилась цынга, а въ началѣ ноября кровавый понось и холера, принявшая такіе размѣры, что у однихъ англичанъ въ теченіе дня заболѣвало отъ 60 до 150 человѣкъ. Многіе офицеры извѣстныхъ фамилій сдѣлались жертвами эпидеміи. Почти всѣ генералы, прибывшіе въ Крымъ въ началѣ кампаніи, или оставили армію, или лежали больными. Въ декабрѣ и январѣ число больныхъ въ англійской арміи достигало до 14 т. человѣкъ, въ томъ числѣ до 3 т. находилось въ лагеряхъ, а остальные были отправлены въ Балаклаву, Турцію и даже Англію.

Госпитальное помѣщеніе у Французовъ состояло изъ нѣсколькихъ бараковъ, построенныхъ близъ Камышевой бухты. Англичане размѣщали своихъ больныхъ въ палаткахъ, безъ всякаго присмотра,

безъ лекарствъ и безъ пищи. Турки вовсе не имѣли госпитальныхъ помѣщеній, не заботились о больныхъ и они валялись въ тѣсныхъ и узкихъ улицахъ Балаклавы, гдѣ грязь и нечистота, стоны голодныхъ и умирающихъ турокъ, не могли быть описаны ни какими словами. «Всѣ картины заразы и чумы, писалъ корреспондентъ газеты «Times» [1]), какія когда либо были начертываемы, начиная отъ описанія египетскихъ язвъ, до разсказовъ Боккачіо, де-Фо или Мольтке, уступаютъ тому, что можно видѣть парою глазъ, при получасовой прогулкѣ по улицамъ Балаклавы».

Число больныхъ въ союзныхъ арміяхъ было такъ велико, что одна треть ихъ не могла помѣститься въ госпиталяхъ. Устроить болѣе обширныя помѣщенія, за недостаткомъ строительныхъ матеріаловъ, англо-французы средствъ не имѣли и потому вынуждены были отправлять большую часть страждущихъ и преимущественно раненыхъ, въ госпитали устроенные въ предѣлахъ Турціи. При тѣснотѣ и не удобствѣ помѣщенія на транспортныхъ судахъ и при недостаткѣ должнаго присмотра, больные не выдерживали перевозки и умирали во время пути.

Равнодушіе начальниковъ къ нуждамъ арміи особенно выводило изъ терпѣнія англичанъ. Лордъ Рагланъ былъ не видимъ для своихъ подчиненныхъ и его присутствіе въ арміи, обозначалось рѣдкими приказами, имъ отдаваемыми. Примѣру главнокомандующаго слѣдовали, конечно, всѣ остальные представители власти и возбуждали тѣмъ сильное неудовольствіе во всей Англіи. Газета «Times» писала самыя ѣдкія статьи, противъ злоупотребленія власти и даже требовала перемѣны главнокомандующаго [2]).

Если крушеніе арміи, говорила она, честь страны и положеніе англійскаго государства должны быть спасены, то необходимо бросить за бортъ всѣ уваженія личной дружбы, оффиціальной щекотливости и придворнаго прислужничества и поставить во главѣ управленія опытность, дарованіе, энергію и достоинство даже въ самой суровой и грубой ихъ формѣ. Нѣтъ интересовъ выше общаго интереса, потому что съ паденіемъ послѣдняго, все рушится. И такъ, нѣтъ возможныхъ причинъ и извиненій противъ немедленной смѣны начальниковъ, оказавшихся недостойными исполнять обязанности, къ которымъ призвали ихъ протекція, старшинство и ошибочныя воззрѣнія. Не стыдно для человѣка не обладать ге-

---

[1]) Матеріалы для Исторіи Крымской войны вып. V, 107.

[2]) Матеріалы для Исторіи Крымской войны вып. V, 210.

ніемъ Веллингтона, но, со стороны военнаго министра, преступно позволять офицеру, хотя одинъ день, браться за исполненіе обязанностей, забвеніе которыхъ довело великую армію до гибели.

Послѣ появленія такого обвиненія лордъ Рагланъ хотя и зналъ о тѣхъ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ, въ которыхъ газета «Times» находилась съ англійскимъ министерствомъ, но призналъ все таки необходимымъ выслать ея корреспондента изъ Крыма. Высылка эта не могла разубѣдить англичанъ въ томъ, что армія ихъ не находится въ самомъ жалкомъ положеніи, и они сознавали, что, до тѣхъ поръ, пока это положеніе не измѣнится, ни какой успѣхъ не возможенъ.

Съ наступленіемъ морозовъ положеніе союзниковъ оказалось еще болѣе бѣдственнымъ. Служба въ траншеяхъ и работа въ морозныя ночи, были не выносимы для англичанъ и въ ночь на 24-е декабря было приведено, изъ траншей, 150 человѣкъ полузамерзшихъ солдатъ и пало болѣе 60 лошадей. Полки быстро уменьшались и въ гвардейскомъ гольдстремовъ насчитывалось не болѣе 480 человѣкъ могущихъ быть во фронтѣ. 63-й полкъ, состоявшій изъ 900 человѣкъ, могъ теперь вывести въ строй не болѣе 240 человѣкъ.

Лишенія и болѣзни вредно дѣйствовали на состояніе духа и въ рядахъ непріятельской арміи не видно было уже слѣдовъ прежней веселости. Неудовольствіе и безнадежность господствовали въ союзныхъ лагеряхъ и число перебежчиковъ на нашу сторону съ каждымъ днемъ увеличивалось. Цѣлыми толпами передавались намъ солдаты, и приходя часто съ отмороженными оконечностями и ногами обернутыми сѣномъ, или соломою, вызывали къ себѣ истинную жалость и соболѣзнованіе. Они голодали и холодали въ своемъ лагерѣ и искали спасенія въ великодушіи непріятеля. Съ появленіемъ перебѣжчиковъ на нашихъ бастіонахъ и батареяхъ, ихъ принимали радушно, по русскому обычаю вели въ баню, тутъ же устроенную, обмывали и одѣвали, поили и кормили и за тѣмъ отправляли на Сѣверную сторону.

Днемъ 25-го декабря перебѣжало къ намъ шесть человѣкъ и сверхъ того многіе были убиты своими выстрѣлами, пущенными въ догонку. Англичане были одѣты въ драповые плащи, вмѣсто потонувшихъ полушубковъ, а французы украшали себя фесками и имѣли на ногахъ обувь, сдѣланную изъ барабанной шкуры. Бѣжавшіе показывали, что въ рядахъ союзниковъ слышится ропотъ и начальство утѣшаетъ ихъ увѣреніями, что въ непродолжительномъ вре-

мени будетъ заключенъ миръ, или предпринятъ штурмъ. Никто не вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ и многочисленныя письма изъ Крыма убѣждали англичанъ и ихъ правительство, что хотя союзники и стоятъ подъ Севастополемъ, но осады не существуетъ, батареи замолкли, а армія истощена отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и лишеній.

«Англійская армія, доносилъ Кэнроберъ императору, испытываетъ лишенія и дѣйствительныя страданія, которыя отстранить, къ несчастію, не въ моей власти; численность ея войскъ, такъ быстро ослабѣваетъ, лошади обозныя и кавалерійскія такъ изнурены и число ихъ до того уменьшилось, что англичане едва успѣваютъ подвозить въ свои лагери съѣстные припасы, и не имѣютъ по этому ни какой возможности, не смотря на наше содѣйствіе, вооружать свои батареи надлежащимъ образомъ, чтобы дѣйствовать успѣшно и одновременно съ нами».

«Очевидно было, прибавляетъ къ этому баронъ Базанкуръ, въ своей исторіи Крымской войны, что храбрость англичанъ осталась прежнею, но они не будучи въ состояніи бороться съ суровостью зимы и ежедневными трудами, заболѣвали и умирали въ такомъ множествѣ, что можно было опасаться за самое существованіе арміи».

Словомъ сказать положеніе союзниковъ было таково, что, по собственному ихъ сознанію, они могли считать себя счастливыми, если успѣютъ продержаться на занятыхъ ими позиціяхъ, до наступленія весны и прибытія подкрѣпленій. Они сознавали, что энергическое наступательное движеніе съ нашей стороны, могло имъ стоить дорого и благодарили судьбу обрекшую русскую армію на бездѣйствіе.

XIII.

Надежды Императора на возможность наступательныхъ дѣйствій. Мнѣніе Князя Меншикова о предстоявшихъ ему дѣйствіяхъ. Оцѣнка этого мнѣнія. Письма Императора Князю Меншикову. Новые слухи о намѣреніи союзниковъ дѣйствовать въ тылъ крымской арміи. Положеніе Евпаторіи и ея гарнизона. Перенесеніе главной атаки противъ Малахова кургана. Прибытіе въ Крымъ генерала Пиля. Приближеніе союзныхъ судовъ ко входу на рейдъ. Затопленіе на фарватерѣ новыхъ судовъ. Предположеніе объ атакѣ Евпаторіи

Зная о безпорядкахъ существовавшихъ въ союзной арміи, объ ослабленіи ея болѣзнями и деморализаціи войскъ, въ Петербургѣ ожидали ежеминутно донесенія князя Меншикова, о томъ, что онъ

перешелъ въ наступленіе, но желанное извѣстіе не приходило и положеніе дѣлъ въ Крыму крайне тревожило Императора. Онъ сознавалъ, что отъ успѣшныхъ дѣйствій подъ Севастополемъ, зависѣло весьма многое и прежде всего дальнѣйшій ходъ нашихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ. Дѣла наши съ Австріею были въ такомъ состояніи, что, при первой неудачѣ въ Крыму, мы могли встрѣтить въ лицѣ ея еще одного врага и притомъ сильнаго. Борьба съ новымъ непріятелемъ должна была вызвать со стороны Россіи послѣднія и тяжкія напряженія, благополучный исходъ которыхъ не могъ не безпокоить Государя, сознававшаго всю трудность борьбы съ многочисленными врагами.

«Наше положеніе тяжелое, говорилъ Онъ, и Я давно его предвижу, измѣряю, не обманываю себя ложными надеждами. Стараюсь представить себѣ картину будущности въ настоящемъ видѣ, но отнюдь не отчаяваюсь, ибо надежда моя на Бога, на Его правосудіе и на правоту нашего дѣла. Духъ нашего русскаго народа — льщу себя надеждою — тоже знаю, глубоко цѣню и уважаю. Знаю что когда настанетъ минута воззвать къ Россіи, она станетъ та же, какою была въ 1812-мъ году, но Мнѣ надо дорожить этимъ и не истощать силъ нашихъ до поры до времени. Тѣмъ общій порывъ на спасеніе отечества будетъ сильнѣе и не выразимѣе. Быть можетъ скоро наступитъ время къ воззванію, но до нынѣ мы могли еще не приступать къ сей послѣдней мѣрѣ. Нужно будетъ—исполнимъ и Я спокоенъ» [1]).

Такъ ободрялъ Государь окружавшихъ его лицъ, старался устранить уныніе и опасеніе за будущее. Владѣя могучимъ характеромъ и громадною силою воли, Онъ умѣлъ скрывать отъ постороннихъ свои внутреннія чувства и душевныя волненія. Столица всегда видѣла Его спокойнымъ и веселымъ и лишь многочисленныя его письма и записки—свидѣтели труда и заботъ—даютъ возможность въ настоящее время опредѣлить то тяжелое состояніе души и тѣ нравственныя мученія, которыя испытывалъ Онъ, изо дня въ день, въ ожиданіи донесеній князя Меншикова.

Донесенія эти были по большей части весьма кратки и часто на столько не опредѣленны, что нельзя было составить себѣ яснаго понятія, ни о ходѣ военныхъ дѣйствій и состояніи войскъ, ни о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ главнокомандующаго. Все что знали въ

---

[1]) Изъ собственноручнаго письма Государя Императора кн. Горчакову отъ 11-го Декабря 1854 г. Арх. канц. воен. минист. д. № 88.

Петербургѣ о положеніи крымской арміи, знали стороною, по слухамъ, отъ пріѣзжихъ флигель-адъютантовъ и курьеровъ. Сообщаемыя ими свѣдѣнія были далеко не утѣшительны и весьма часто противорѣчили другъ другу. Что бы добиться до истины Государь принужденъ былъ задавать вопросы и нѣсколько разъ повторять ихъ прежде, чѣмъ получалъ отвѣтъ и не рѣдко неудовлетворительный. Не удивительно послѣ того, что Императоръ съ особенною радостію принялъ извѣстіе о прибытіи въ Москву своихъ сыновей, спѣшившихъ на свиданье съ больною матерью Императрицею. Не одно чувство отца, но потребность узнать истину, ближе познакомиться съ дѣломъ обороны Севастополя, вызывало желаніе скорѣйшаго свиданія. 11-го Декабря Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи прибыли въ Гатчино, гдѣ, по причинѣ болѣзни Императрицы, находились тогда Августѣйшія ихъ родители. Встрѣча и свиданіе съ ними нѣсколько успокоили Государя.

«Весело слушать, писалъ Онъ въ тотъ же день князю Горчакову, что дѣти говорятъ, про духъ всѣхъ войскъ, не смотря на большую убыль въ рядахъ (кромѣ 12-й дивизіи) и въ особенности на убыль штабъ и оберъ офицеровъ. Не столь отрадны безпечность начальства, которому только и приписать можно всѣ бывшія неудачи, отъ которыхъ Боже упаси впередъ! Но спокойну быть нельзя!»

Великіе князья передали Императору планъ атаки и обороны Севастополя и вмѣстѣ съ тѣмъ заявленіе князя Меншикова о не возможности вести контръ-апрошныя работы противъ англійскихъ осадныхъ работъ и предпринять нападеніе на лѣвый флангъ французской атаки [1]).

— Полагая даже, говорилъ князь Меншиковъ, что я успѣлъ бы подъ огнемъ батарей непріятельскихъ вывести нѣсколько траншей, то и тогда я все-таки не могъ бы въ нихъ удержаться противъ нападенія соединенныхъ силъ англо-французовъ, не введя въ дѣло всей пѣхоты подъ начальствомъ моимъ состоящей. Слѣдовательно долженъ бы былъ принять генеральное сраженіе въ самой невыгодной мѣстности и безъ артиллеріи, такъ какъ, не имѣя другого берега Инкерманскаго моста въ своихъ рукахъ, я немогъ бы провезти черезъ Севастополь достаточное число батарей. Инкерманскій же мостъ мнѣ бы должно было, и вѣроятно тщетно, штурмо-

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова 4-го декабря 1854 г. Арх. канц. воен. мин. № 102.

вать подъ выстрѣлами англичанъ. Выиграть дѣло при этихъ условіяхъ болѣе чѣмъ сомнительно и потеря людей не вознаградима. Потеря эта могла бы поставить насъ въ невозможность воспретить потомъ покушенію непріятеля на нашъ тылъ, или на занятіе Сѣверной стороны, съ потерею которой падетъ и Севастополь. Тѣ же причины не дозволяютъ предпринять сильнаго нападенія на лѣвый флангъ французовъ.

При ближайшемъ обсужденіи доводовъ главнокомандующаго они оказываются не вполнѣ справедливыми. Почему князь Меншиковъ полагалъ, что выдвигаясь впередъ и построивъ впереди оборонительной линіи нѣсколько траншей, онъ непремѣнно вызоветъ противника на генеральное сраженіе? Если это было личное убѣжденіе главнокомандующаго, то почему онъ, при тѣхъ же боевыхъ средствахъ, спустя два мѣсяца, когда союзники успѣли устроиться и окрѣпнуть, отступилъ отъ своего убѣжденія, и, какъ увидимъ ниже, предпринялъ рядъ передовыхъ построекъ и даже поручилъ генералу Хрулеву произвести рекогносцировку мѣстности съ тою цѣлью, что бы перейти въ наступленіе.

Штурмовать инкерманскій мостъ ему вовсе не было нужды, а слѣдовало воспользоваться разстройствомъ непріятеля и перейти въ наступленіе. Если бы князь Меншиковъ атаковалъ англичанъ съ тѣми силами, которыя имѣлъ возможность сосредоточить въ Севастополѣ, то онъ легко могъ уничтожить ихъ траншеи, а при удачѣ отбросить къ Балаклавѣ. Такая атака была вполнѣ возможна и хотя кн. Меншиковъ, конечно, не могъ знать въ точности ни силъ, ни состоянія союзниковъ, но, изъ преній парламента, могъ заключить, что англичанамъ плохо въ Крыму, а изъ показаній дезертировъ, плѣнныхъ и наконецъ нашихъ охотниковъ, ходившихъ на вылазки, онъ зналъ, что усиленныя работы и стужа заставляли союзниковъ очень часто оставлять въ траншеяхъ лишь слабые караулы, а резервы отодвигать ближе къ Балаклавѣ и Камышевой бухтѣ. Оставленныя въ траншеяхъ команды исполняли сторожевую службу весьма плохо и нашимъ охотникамъ не въ диковину было встрѣчать часовыхъ спящими, забирать ихъ въ плѣнъ и доставлять на оборонительную линію закутанными въ плащахъ.

— Почему русскіе не дѣлали въ то время сильныхъ вылазокъ, говорили впослѣдствіи англичане: мы почти не въ состояніи были защищать свои траншеи. Зимою вы могли завладѣть всей мѣстностью передъ Корабельной. Въ случаѣ сильной атаки русскихъ у насъ были сдѣланы распоряженія объ отступленіи въ Балаклаву

для амбаркаціи и рѣшено было бросить артиллерію какъ осадную, такъ и полевую, по совершенному не имѣнію лошадей, а укрѣпленія передъ Балаклавою защищать штуцерами.

Послѣ инкерманскаго сраженія силы союзниковъ не превышали 40 тыс. человѣкъ: прибывавшіе затѣмъ подкрѣпленія шли на пополненіе убыли отъ болѣзней, что было согласно съ показаніями плѣнныхъ и самъ главнокомандующій не указывалъ на недостатокъ боевыхъ средствъ какъ на причину невозможности наступательныхъ дѣйствій. Что же было поводомъ къ такому бездѣйствію? По нашему мнѣнію неудачи въ предъидущихъ дѣлахъ и совершенная потеря энергіи.

— Доложите князю М. Д. Горчакову, говорилъ кн. Меншиковъ, отправляя Столыпина присланнаго къ нему изъ южной арміи, что я не рѣшаюсь атаковать непріятеля съ нашею пѣхотою, которая получала въ годъ только по два боевыхъ патрона, и съ кавалеріею, которая послѣ сраженія при Полтавѣ не сдѣлала ни одной порядочной атаки (??).

Вотъ главный источникъ бездѣятельности, не оправдываемый многими лицами и въ томъ числѣ княземъ М. Д. Горчаковымъ, писавшимъ военному министру о необходимости отозвать князя Меншикова и избрать на его мѣсто другаго главнокомандующаго. Многіе представители славной обороны Севастополя также не видѣли причины нашего бездѣйствія и ѣдко подсмѣивались надъ главнокомандующимъ и его штабомъ. «Два мѣсяца, писалъ одинъ изъ участниковъ, почти совершенное бездѣйствіе; по три раза въ день набожно смотрятъ на термометръ и молятся нордъ-осту (NO)». Какъ бы то ни было, но главнокомандующій оставался неподвиженъ и признавалъ только возможнымъ, противопоставляя огню непріятеля болѣе сильную артиллерію, замедлять его работы частыми, малыми вылазками, ложными тревогами и если *представится случай*, то въ будущемъ занять высоты впереди Малахова кургана и окопаться на нихъ.

Одно послѣднее обѣщаніе уже радовало Императора. «Мысль большой вылазки, писалъ Онъ [1]), отъ Корниловскаго бастіона (Малахова кургана) съ тѣмъ, чтобы окопаться впереди — прекрасная. Кажется Мнѣ, что надо только выбрать для того удобное время и разсчитать все елико можно вѣрно, чтобъ успѣхъ могъ быть несомнѣненъ. Думаю, что когда укомплектованіе дойдетъ, погода сдѣ-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 12-го декабря, 1854-го года.

лается суровѣе и еще болѣе изнурить противниковъ, тогда и настанетъ къ тому удобное время».

Для большинства казалось, что такое время должно было вступить весьма скоро. Съ 12-го декабря стало сильно морозить и лишь изрѣдка выпадали ясные и тихіе дни, большею же частію шли проливные дожди, смѣнявшіеся градомъ и снѣгомъ. Порывистый сѣверо-восточный вѣтеръ подымалъ сильныя мятели и въ половинѣ декабря морозъ достигалъ иногда до 10° по Реомюру. 3-го января выпалъ такой снѣгъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ доходилъ до аршина глубины. Положеніе союзниковъ сдѣлалось еще болѣе тяжкимъ.

«Думаю, писалъ Императоръ князю Меншикову [1]), что настала для нихъ эпоха *гибели*, ежели погода продержится такая же хотя мѣсяцъ. Надѣюсь, что наши войска не терпятъ отъ нея, ибо мы зимы не боимся. Лишь бы удалось хорошо кормить и для того не щади ни трудовъ, ни издержекъ, дабы непремѣнно люди были сыты вдоволь. Прибавить можно водки; хорошо бы и збитень завести— было бы изъ чего. Что съ больными и ранеными? много-ли воротилось? Правда-ли что появился тифусъ? Боюсь у союзниковъ чумы».

Чумы не было въ союзныхъ лагеряхъ, но смертность отъ другихъ весьма разнообразныхъ болѣзней была значительна.

— Подкрѣпленія наши, говорили англичане, служатъ только для умноженія больныхъ въ лазаретахъ и числа погребаемыхъ. Несчастные пріѣзжаютъ къ намъ во время проливныхъ дождей и высаживаются въ глубокую грязь, часто не имѣя даже пищи. Это разстройство ведетъ ихъ въ госпиталь или могилу. Въ нѣкоторыхъ полкахъ нѣтъ врачей, въ другихъ нѣтъ медикаментовъ. 46-й полкъ вышелъ на берегъ 10-го ноября въ числѣ 706 человѣкъ. Полкъ этотъ не былъ въ дѣлѣ противъ непріятеля и уже потерялъ 114 человѣкъ и имѣетъ 257 больныхъ. Наши войска совершенно упали духомъ и представляютъ только сбродъ людей въ лохмотьяхъ, въ грязи и въ нищетѣ.

При такихъ условіяхъ осадныя работы шли вяло и неуспѣшно Приблизившись на 65 саженъ къ четвертому бастіону и будучи встрѣчены картечнымъ огнемъ обороняющагося, французы не могли двигаться далѣе, и, потерявъ надежду подойти ближе къ бастіону при помощи сапы, принуждены были прибѣгнуть къ миннымъ ра-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 5-го января 1855-го года.

ботамъ. 19-го января непріятельскій минеръ былъ открытъ и утромъ 28-го января минным работамъ французовъ было нанесено конечное пораженіе.

Неудача, испытанная ими на этомъ поприщѣ, и невозможность двигаться впередъ открытою сапою, совершенно парализовали всѣ ихъ наступательныя дѣйствія. Въ теченіе весьма долгаго времени, союзники ни на вершокъ не могли податься впередъ, и, чтобы заявить о своей дѣятельности, принуждены были прибѣгать къ ложнымъ разглашеніямъ, какъ къ средству могущему показать Европѣ, что они не остаются праздными зрителями блестящей обороны. Иностранныя газеты стали чаще наполняться извѣстіями, что союзники намѣрены или штурмовать Севастополь или же произвести высадку въ тылу князя Меншикова. Мысль эта была не новая и необходимость занятія Сѣверной стороны Севастополя сознавалась многими опытными военными людьми Франціи и Англіи.

«Ничто не показываетъ, говорилъ напримѣръ Сэръ Говардъ Дугласъ, чтобы успѣшный штурмъ укрѣпленій позволилъ союзнымъ арміямъ овладѣть городомъ, а тѣмъ менѣе открыть гавань для соединенныхъ флотовъ, дотолѣ пока господствующая позиція на Сѣверной сторонѣ Севастополя не будетъ взята: только одно это дозволитъ взять крѣпость, портъ и все находящееся въ Севастополѣ».

Союзники намѣрены были достигнуть этого совокупными наступательными дѣйствіями корпуса высаженнаго въ Евпаторіи и части войскъ изъ числа сосредоточенныхъ подъ Севастополемъ. Такимъ одновременнымъ движеніемъ они надѣялись разъединить главныя наши силы, оттянуть или отбросить ихъ отъ Севастополя и если можно отрѣзать ихъ сообщеніе съ Имперіею [1]).

Считая выполненіе этого намѣренія дѣломъ весьма возможнымъ въ будущемъ, и принимая мѣры къ обезпеченію себя съ этой стороны, князь Меншиковъ не ожидалъ однако же скораго нападенія англо-французовъ, такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, въ Евпаторіи не было такого числа войскъ, съ которымъ можно бы было предпринять наступательное движеніе.

Со времени обложенія Евпаторіи и прибытія драгунской дивизіи въ составъ блокаднаго отряда, въ городѣ не замѣчалось ничего особеннаго. Ежедневно слышны были барабанный бой, ружейные и

---

[1]) Отношеніе военнаго министра князю Меншикову 8-го января 1855 г. № 15. Арх. канц. военн. минис. дѣло № 102.

нерѣдко пушечные выстрѣлы обучавшихся татаръ, записавшихся въ *Аскеры*. По показаніямъ перебѣжчиковъ положеніе ихъ было весьма тягостно. — Отъ недостатка фуража скотъ ихъ падалъ или былъ употребленъ непріятелемъ въ пищу. Продовольственные запасы въ Евпаторіи были незначительны и татары терпѣли страшный голодъ. — Многіе изъ нихъ принуждены были питаться гнилымъ лукомъ, отрубями и сырыми зернами кукурузы [1]).—Союзники выдавали имъ по горсти сухарей на 24 часа.

— Въ настоящее время, говорилъ выбѣжавшій изъ Евпаторіи татаринъ, шатается по городу до трехъ сотъ мужчинъ и женщинъ съ опухлыми лицами. Когда сдѣлалось гласнымъ воззваніе главнокомандующаго, обѣщавшаго прощеніе всѣмъ возвратившимся въ свои селенія, то ежедневно до 200 женщинъ и дѣвокъ стоятъ около полиціи и просятъ у коменданта Токарскаго пропуска изъ города. — Токарскій строго воспрещаетъ это.

Объявивъ, что всякій самовольно рѣшившійся выйти изъ города будетъ разстрѣлянъ, онъ говорилъ, что всѣхъ возвращающихся татаръ русскіе тиранятъ и вѣшаютъ и увѣрялъ, что скоро привезутъ изъ Варны столько продовольствія, что его будетъ достаточно для всѣхъ жителей города.

Татары не вѣрили уже этимъ обѣщаніямъ и безсемейные выходили скрытно по направленію къ селен. Сакамъ и ежедневно по нѣскольку человѣкъ являлись на нашихъ аванпостахъ. Семейные же татары принуждены были оставаться въ Евпаторіи, по невозможности вывезти тайно свои семейства [2]). — Они переносили страшныя лишенія и умирали сотнями. Хлѣбъ продавался по такимъ цѣнамъ, которыя были недоступны татарамъ и ходили слухи, что союзники собственно для татаръ солили лошадей и верблюдовъ.

Продовольствіе для Евпаторіи доставлялось изъ Балаклавы и съ Херсонесскаго полуострова и для этой цѣли одинъ или два парохода ежедневно приходили на евпаторійскій рейдъ, на которомъ постоянно находилось до 10-ти кораблей, предназначенныхъ собственно для защиты города [3]). — Въ концѣ декабря въ гарнизонѣ Евпаторіи насчитывали до 10-тыс. турецкой пѣхоты, 300 человѣкъ

---

[1]) Изъ показанія татарина отъ 29-го ноября 1854 г. Воен. учен. арх. д. № 3523 (А) и № 3509.

[2]) Рапортъ генерала Корфа барону Врангелю, отъ 27 ноября за № 374. Тамъ же № 3521.

[3]) Всеподдан. рапортъ флигель-адъютанта полковника Волкова, отъ 31 декабря 1854 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 115.

кавалеріи, и около 5-тыс. татаръ способныхъ носить оружіе; англичанъ же и французовъ было тамъ не болѣе 700 человѣкъ. — Для предполагаемыхъ наступательныхъ дѣйствій изъ Евпаторіи ожидали прибытія въ городъ значительнаго числа турецкихъ войскъ, подъ начальствомъ Омеръ-паши.

22-го декабря Омеръ-паша пришелъ въ Евпаторію и пробывъ тамъ нѣсколько часовъ, въ тотъ же день отправился въ лагерь союзниковъ [1]). Вслѣдъ за тѣмъ, съ 7 января, стали высаживаться и турки, но они были босы и въ такомъ печальномъ положеніи, что должны были получить обувь изъ французскихъ запасныхъ магазиновъ [2]). Съ такими войсками трудно было предпринимать наступленіе, но настойчивость, съ которою иностранныя газеты твердили о необходимости высадки въ тылу князя Меншикова, должна была обратить на себя наше вниманіе. Если въ теченіе зимнихъ мѣсяцовъ высадка эта была невозможна, то съ наступленіемъ весны союзники могли привести въ исполненіе свое намѣреніе, съ тѣмъ, чтобы атаковать Сѣверную часть Севастополя или дѣйствовать на наши пути сообщенія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ защита этой стороны города была необходима и Императоръ настаивалъ, чтобы обезпеченіе ея отъ непріятельскихъ покушеній было немедленно приведено въ исполненіе.

Потребность въ укрѣпленіи Сѣверной стороны давно сознавалась лучшими представителями обороны и самимъ княземъ Меншиковымъ, а потому еще въ концѣ декабря приступлено было къ возведенію нѣсколькихъ укрѣпленій. Работами по постройкѣ этихъ укрѣпленій руководилъ Его Высочество Великій князь Николай Николаевичъ, а вооруженіемъ ихъ — Великій князь Михаилъ Николаевичъ. — При неутомимой дѣятельности руководителей постройка укрѣпленій шла на столько успѣшно, что къ концу февраля они были уже вооружены 191 орудіемъ.

Весьма важное значеніе которое имѣли укрѣпленія сѣверной стороны, въ общей системѣ обороны, не только одного Севастополя, но и всего Крыма, и опасеніе, чтобы непріятель не предпринялъ высадки ранѣе того времени, когда укрѣпленія эти будутъ окончены, безпокоили въ Бозѣ почившаго Императора. Интересуясь ходомъ работъ, Онъ неоднократно поручалъ князю Меншикову поспѣшить ихъ окончаніемъ и указывалъ на необходимость

---

[1]) Всеподд. донесеніе князя Меншикова отъ 31 декабря. Тамъ же д. № 110.

[2]) Матеріалы для исторіи Крымской войны вып. V, 212.

принять и другія мѣры къ прегражденію непріятелю доступа къ этой части Севастополя, и въ особенности со стороны Евпаторіи.

«Что будетъ у Евпаторіи? спрашивалъ Государь въ одномъ изъ своихъ писемъ князя Меншикова [1]). — Газеты всѣ полны посылкой туда дессанта до 60-тыс. и будто къ 18 (30) числу сего мѣсяца. — Атаковать ихъ тамъ Мнѣ кажется не удобно, ибо не обойдется безъ сильной потери, потому что пришлось бы штурмовать сильныя укрѣпленія, да и овладѣвъ ими мудрено будетъ тамъ удержаться подъ огнемъ морской артиллеріи. — Потому, вѣроятно, удобнѣе будетъ встрѣтить ихъ въ полѣ, ежелибъ осмѣлились выйти; тогда наша кавалерія и конная артиллерія весьма пригодились бы, ежелибъ необходимость не заставила ихъ удалить. — Думаю, что полезно бъ было совершенно испортить подступы и спуски ведущія отъ Евпаторіи: на Алму, Качу и Бельбекъ, что доступъ съ этой стороны къ Сѣвернымъ укрѣпленіямъ затруднить сколько можно. — Ежели укрѣпленія Сѣверной стороны тщательно окончены, тогда ты безопасно можешъ маневрировать и встрѣтить идущаго непріятеля, гдѣ удобнѣе, угрожая его лѣвому флангу и не опасаясь за тылъ твой, обезпеченный 8-й дивизіей, съ которой даже ты могъ бы соединиться для рѣшительнаго удара. — Многое зависѣть будетъ отъ времени, когда непріятель можетъ рѣшиться на подобное предпріятіе. — Кажется мнѣ, что ранѣе конца февраля оно врядъ ли возможно».

Кажется по всему, говорилъ въ Бозѣ почившій Императоръ, что англичанамъ крайне худо; казалось бы что атака на нихъ была легче другихъ.

Государь сожалѣлъ, что князь Меншиковъ не видитъ печальнаго положенія союзниковъ и не воспользуется удобнымъ временемъ для нанесенія имъ удара [2]).

— Время течетъ, говорилъ Онъ, и выгодное для насъ скоро пройдетъ. Если теперь ничего не учинимъ, то потомъ или мудрено или вовсе не возможно будетъ надѣяться на успѣхъ. Жаль очень, что Меншиковъ не найдетъ ничего придумать. — Про положеніе враговъ свѣдѣнія изъ заграницы все тѣже, но у насъ этому вѣрить не хотятъ.

Главнокомандующій получилъ рядъ писемъ Императора, выра-

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 9 января.

[2]) Собственноручное письмо императора князю Горчакову 1-го февраля 1855 г.

жавшаго желаніе и указывавшаго на необходимость и возможность наступательныхъ дѣйствій противъ союзниковъ.

«При огромности пространства ими укрѣпленнаго, писалъ Государь [1]), нѣтъ ни вѣроятія, ни возможности, чтобъ все было достаточно охранено, столь разстроенныхъ войскомъ. — Казалось бы, что хорошо обдумавъ и приготовивъ дѣло можно бъ было, со всѣмъ вѣроятіемъ успѣха, одолѣть ихъ гдѣ либо, прорвать ихъ линію обороны, въ ней утвердиться надежно и потомъ притиснуть къ морю. — Какъ это исполнить, разумѣется, что, не Мнѣ отсюда указывать, но не могу умолчать о мысли, которая невольно рождается при болѣе и болѣе подтверждающемся гибельномъ положеніи англичанъ. — Скрыть этой мысли отъ тебя не могу, но указывать или требовать отнюдь не намѣренъ, ибо ты одинъ можешь основательно рѣшить, что окажется возможнымъ и вѣрно не упустишь случая покончить съ врагами, когда предпринять это благоразумно будетъ. — Жаль было бы не воспользоваться случаемъ наказать ихъ за дерзкіе замыслы, когда случай бы представился».

«Положеніе не только англичанъ, писалъ Государь недѣлю спустя [2]), но даже и французовъ въ Крыму дѣлается все хуже и газеты полны объ этомъ подробностей. — Крайне жаль если неудастся намъ симъ воспользоваться и покончить съ врагами, покуда они еще не оправятся. — Но повторяю надо все взвѣсить, обдумать и хорошо сообразить, такъ чтобъ могло быть исполнено съ возможнымъ порядкомъ и точностію, предвидя всѣ могущіе встрѣтиться случаи».

Оставаясь вѣренъ разъ высказанному мнѣнію, князь Меншиковъ считалъ не возможнымъ перейти въ наступленіе. — Оно составляло больное мѣсто князя и мнѣніе о возможности наступательныхъ дѣйствій, онъ принималъ за личное оскорбленіе и приписывалъ его недоброжелательству лицъ весьма близко стоявшихъ у трона.

— Фельдмаршалъ Паскевичъ, говорилъ онъ, порядочно очернилъ меня въ Петербургѣ.

По мнѣнію свѣтлѣйшаго англо-французы вовсе не были такъ слабы, а въ его распоряженіи было недостаточно средствъ и силъ для того, чтобы дѣйствовать съ успѣхомъ. — Оставаясь въ бездѣйствіи въ теченіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, князь Меншиковъ утратилъ всѣ преимущества своего положенія, упустилъ время удобное

---

[1]) Князю Меншикову отъ 13-го января 1855 года.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го января 1855 года.

для атаки непріятеля и не съумѣлъ воспользоваться его разстройствомъ. Наступленіе въ ноябрѣ и декабрѣ могло бы увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, но теперь главнокомандующій поступалъ совершенно правильно, отказываясь состязаться съ союзниками въ полевомъ сраженіи. — Непріятель получилъ въ это время значительныя подкрѣпленія и одна французская армія могла вывести въ строй 67-тыс. человѣкъ [1]; — мы же не получили за это время почти никакихъ подкрѣпленій. — Находившіяся въ распоряженіи князя Меншикова войска были расположены въ трехъ главныхъ пунктахъ: у Евпаторіи находилась 8-я пѣхотная дивизія и почти вся кавалерія; на сѣверной сторонѣ Севастополя стоялъ дѣйствующій отрядъ подъ личнымъ начальствомъ главнокомандующаго и наконецъ третій отдѣлъ составляли войска севастопольскаго гарнизона. — Эти послѣднія раздѣлены были между собою широкою Южною бухтою, оконечность которой находилась подъ выстрѣлами непріятеля и слѣдовательно оборона двухъ частей города — Городской и Корабельной — была независима одна отъ другой и требовала совершенно самостоятельныхъ и при томъ значительныхъ отрядовъ.

По мнѣнію князя Меншикова непріятельскія силы превышали не только силу нашего гарнизона, но и соединенную его численность съ дѣйствующимъ отрядомъ. — Оставить крѣпость безъ войскъ было не возможно и слѣдовательно, при наступленіи, главнокомандующій могъ расчитывать не на весь гарнизонъ, а только на часть его. — При томъ чтобы сосредоточить значительную часть силъ въ предѣлахъ крѣпости, послѣ оставленія нами лѣваго берега р. Черной, приходилось переправлять дѣйствующій отрядъ черезъ рейдъ, но на это по мнѣнію главнокомандующаго потребовалось бы нѣсколько дней. Давая непріятелю время приготовиться къ отраженію нападенія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставляли безъ обороны Инкерманскій и Мекензіевый дефилеи и дорогу на Симферополь. Всѣ эти мѣры не предвѣщали успѣха и князь Меншиковъ отказывался перейти въ наступленіе.

— Положимъ, говорилъ онъ, что мы выступимъ изъ Севастополя и возьмемъ одинъ или два англійскіе редута, съ большею потерею людей, но удержимся ли мы тамъ противъ 60-т. человѣкъ, не считая турокъ — вотъ главный вопросъ.

---

[1]) «L'expédition de Crimée» par le baron Bazancourt T. II, 149.

Сожалѣя о томъ, что время удобное для атаки непріятеля было пропущено безвозвратно, Императоръ съ грустью принужденъ былъ на этотъ разъ признать справедливыми доводы главнокомандующаго.

«Очень понимаю, отвѣчалъ Онъ [1]), что трудно что либо рѣшительное предпринять, но надо тоже опасаться, чтобы долгое бездѣйствіе не уронило, отъ скуки, духъ войскъ и потому полагаю все, что частыя вылазки необходимы. — Странно, что журналы продолжаютъ изображать положеніе англичанъ особенно, да и самихъ французовъ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ты ихъ полагаешъ.

«Радуюсь что къ тебѣ идетъ болѣе 4-т. выздоровѣвшихъ, какъ о томъ получилъ донесеніе. — Желательно госпиталь въ Ѳеодосіи опорознить, при первой возможности, ибо мѣсто сіе весьма вѣроятно, скоро атаковано будетъ.

«Повторяю, не ожидаю отнюдь мира; необходимо готовиться къ величайшимъ усиліямъ враговъ на Крымъ. — Все, что можно отправить къ тебѣ на усиленіе уже послано, или на походѣ. — Съ прибытіемъ же всего будешъ достаточно силенъ, чтобъ отбить непріятеля — въ этомъ Мнѣ порукою духъ войскъ и вождей.—Безсовѣстно, несправедливо было бы Мнѣ въ томъ сомнѣваться и мысли подобной во Мнѣ не бывало. — Прошедшее доказываетъ Мнѣ, что Мои ожиданія не напрасны — за симъ буди воля Божія.

«Дѣтей обними и всѣмъ поклонись. — Нужнѣе чѣмъ когда рѣшительный успѣхъ, который одинъ можетъ пріобрѣсть намъ честный миръ. — Надѣюсь на Бога, на тебя, на храброе несравненное войско наше. — Разсуди, приготовься и исполни.

«Продолжаютъ доходить сюда свѣдѣнія, писалъ Государь въ другомъ письмѣ князю Меншикову [2]), что союзники готовятся къ штурму, и вчера узнали что, будто, послано четыре тысячи кирасъ, въ которыя одѣть хотятъ штурмующія колонны; сообщаю какъ получилъ. — Что-то мудрено, Мнѣ кажется, лѣзть на штурмъ въ подобномъ убранствѣ; да наши штыки съумѣютъ и не смотря на кирасы, пересчитать имъ ребра!

«Важнѣе то для Меня что приходитъ время для насъ удобное, а гибельное врагамъ — Скоро будетъ тепло и сухо; они усилятся

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Меншикову отъ 23 и 24-го января.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 31-го января 1855 года.

и тогда намъ будетъ гораздо мудренѣе достичь предмета нашихъ желаній, ежели теперь не успѣемъ все кончить, съ имѣющимися способами.

«Потому повторяю мою убѣдительную просьбу, все хорошо обдумавъ, сообразить какъ наилучшее можно было бы атаковать враговъ, до, или послѣ отбитаго приступа. — Нельзя намъ оставаться въ бездѣйствіи и давать врагамъ усовершенствовать постоянно свои работы, получать подкрѣпленія и утратить напрасно время, гдѣ мы надъ ними имѣемъ перевѣсъ зная въ какомъ разстройствѣ англичане и что и французамъ не легко. Рѣшительный успѣхъ намъ вовсякомъ случаѣ необходимъ рано или поздно; чѣмъ ранѣе, тѣмъ считаю легче, ибо знаемъ что покуда передъ нами. Но надо обдумать все хорошо, подробно наставить каждаго и тогда уже исполнить со всею возможною настойчивостію. Силъ въ твоемъ распоряженіи считаю для сего достаточнымъ, ежели хорошо ими распорядиться и дѣйствовать настойчиво.

«Теперь сказавъ мое мнѣніе, предоставляю тебѣ рѣшить можно или нѣтъ. Ежели нѣтъ, то и впредь не предвижу ничего лучшаго и покорюсь волѣ Божіей, скрѣпя съ грустью сердце.

«Обними дѣтей, поклонись Сакену и прочимъ сотрудникамъ. Богъ съ тобою и съ вами. Немедли наградами достойныхъ и старайся поддерживать этимъ духъ и соревнованіе всѣхъ. Увѣдомляй Меня чаще о происходящемъ, — Я пробылъ опять восемь дней безъ всякихъ извѣстій. Прими за правило черезъ каждые три дня доносить о бывшемъ по телеграфу изъ Кіева, кромѣ срочныхъ донесеній съ курьерами.

«Переговоры не начинались, да врядъ ли и будутъ. Мира не хотятъ — напротивъ хотятъ войны не щадя ничего. Все зависитъ *отъ твоихъ успѣховъ* [1]). Бездѣйствіе наше изумляетъ, ибо его не понимаютъ, зная въ какомъ положеніи союзники подъ Севастополемъ».

Положеніе англичанъ было все еще весьма затруднительно. Въ началѣ января одинъ изъ перебѣжчиковъ показалъ, что разстройство англичанъ было такъ велико, что союзные главнокомандующіе рѣшили вторую англійскую дивизію, которою командовалъ генералъ Пвенсъ, отодвинуть назадъ и замѣнить французскими войсками [2]).

---

[1]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[2]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 5 января. Арх. канц. военн. минис. д. № 102.

Огромное затрудненіе, встрѣченное послѣдними въ приближеніи къ четвертому бастіону, сознаніе, что не смотря на усиленныя работы и ежедневную прибавку орудій, огонь обороняющагося все-таки имѣетъ превосходство надъ атакующимъ и наконецъ явившееся мнѣніе, что не четвертый бастіонъ, а Малаховъ курганъ былъ собственно ключемъ позиціи, заставило французовъ направить свою дѣятельность противъ этого пункта и принять на себя часть англійской атаки. Ослабленіе англійской арміи и прибытіе къ французамъ подкрѣпленій, было для послѣднихъ прекраснымъ поводомъ придти на помощь столь желаемую англичанами и предложить имъ свои услуги.

Поводомъ къ такому весьма обязательному предложенію французами услугъ англичанамъ былъ весьма тонкій намекъ газеты «Times» всенародно заявлявшей, что, при разстроенномъ положеніи англійской арміи, Франція обязана придти къ ней на помощь. Убѣждая соотечественниковъ въ томъ, что для подкрѣпленія Крымской арміи необходимо собрать какъ можно болѣе войскъ, дабы положить конецъ неизвѣстности и душевному волненію, газета просила своихъ читателей не забывать, что Англія дѣйствуетъ не одна, но имѣетъ храбрыхъ и вѣрныхъ союзниковъ въ лицѣ Франціи и ея императора.

— Надобно помнить, говорила «Times», что опасность и безопасность одинаковы, какъ для насъ такъ и для нихъ, слѣдовательно мы не будемъ извиняться передъ нашими храбрыми и вѣрными союзниками въ томъ, что съ тою же настойчивостію просимъ мы и ихъ правительство, какъ умоляли наше, увеличить число войскъ, дѣйствующихъ въ Крыму. Если, съ одной стороны, Англію нельзя назвать націею военною, то французы имѣютъ полное право присвоить себѣ названіе народа военнаго. Французскихъ полководцевъ можно считать основателями новѣйшаго военнаго искуства и еще живетъ поколѣніе, видѣвшее побѣдоносныя войска французскія, почти во всѣхъ европейскихъ столицахъ. Если мы сдѣлаемъ все, что намъ возможно исполнить, то все таки наши усилія будутъ ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что находится въ полной готовности у нашего великаго союзника. Для Англіи послать 30 т. человѣкъ на помощь войскамъ въ Крыму, кажется усиліемъ превышающимъ ея средства, между тѣмъ какъ императору французовъ стоитъ только захотѣть, и въ три раза большее количество войска готово въ одну недѣлю приготовиться къ вторженію въ Россію. Французскій императоръ имѣетъ гораздо большія силы, чѣмъ Англія и можетъ гораздо легче располагать ими. Людовикъ Наполеонъ даже болѣе заинтересованъ

въ окончательномъ результатѣ экспедиціи, чѣмъ Англія, потому что его армія въ Крыму гораздо многочисленнѣе нашей. Онъ долженъ чувствовать, какъ и мы, что завязалъ рѣшительную борьбу, отъ которой ему уже нельзя отступить. Съ настоящими нашими средствами, побѣда и отступленіе равно невозможны. И потому мы питаемъ надежду, что французское правительство пойметъ необходимость послать на Востокъ столько войска, сколько дозволятъ средства для перевоза. Въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, ничто не можетъ быть раззорительнѣе, какъ неумѣстная бережливость жизни солдатъ и денежныхъ средствъ. Мы ожидали легкихъ побѣдъ, а нашли сопротивленіе, превосходящее упорствомъ все, доселѣ извѣстное въ исторіи и были свидѣтелями внезапнаго сосредоточенія огромныхъ силъ, которое принудило насъ искать спасенія, не въ хладнокровныхъ и хорошо обдуманныхъ дѣйствіяхъ, но въ романической и отважной храбрости. Это не должно повторяться.

Каждый день напоминалъ союзникамъ, что надо спѣшить осадою и по словамъ Базанкура подъ Севастополемъ нетерпѣніе мучило главнокомандующаго, а въ Парижѣ безпокойство, опасеніе за будущее и сомнѣніе заступили мѣсто прежней слѣпой увѣренности въ успѣхѣ. До союзниковъ стали доходить слухи, что русскіе ожидаютъ сильныхъ подкрѣпленій и Канроберъ торопясь открыть огонь, спрашивалъ Лорда Раглана о состояніи его работъ и о средствахъ, которыми можетъ располагать англійская армія, для совокупнаго и одновременнаго дѣйствія съ французскою. Въ отвѣтъ на эти вопросы англійскій главнокомандующій изложилъ весьма подробно причины замедлявшія ходъ осадныхъ работъ и доказывалъ необходимость для французской арміи принять на себя часть англійской атаки. Доказательства свои Лордъ Рагланъ отчасти подкрѣплялъ и тѣмъ, что если французы придутъ на помощь къ англичанамъ, то союзники скорѣе достигнутъ своей цѣли, ибо паденіе Севастополя, главнѣйшимъ образомъ, зависитъ отъ потери Корабельной стороны, а не Городской, противъ которой до сихъ поръ были употреблены всѣ усилія французовъ.

Согласившись съ этими доводами, Канроберъ сдѣлалъ соотвѣтствующія распоряженія и 9 января бригада Монс, изъ третьей французской дивизіи, стала лагеремъ у хутора Дергачева, на правомъ флангѣ англичанъ. На слѣдующій день 10 числа въ Севастополѣ уже замѣтили, что въ обѣихъ траншеяхъ, устроенныхъ англичанами на Киленъ-балочномъ хребтѣ, работали французы.

Подвергая свои войска новымъ трудамъ и лишенію, французскій

главнокомандующій оправдывалъ себя тѣмъ, вопервыхъ, что такая замѣна была необходима по крайнему разстройству англійской арміи, а во вторыхъ — что она вызывалась и стратегическими соображеніями. «Атака французовъ, писалъ онъ, [1]) противъ части города находящейся передъ ними, къ западной сторонѣ Южной бухты, не можетъ увѣнчаться успѣхомъ прежде уничтоженія огня большихъ непріятельскихъ батарей, называемыхъ Арсенальною и Редантомъ (бастіонъ № 3), находящихся къ востоку отъ Южной бухты и противъ англичанъ. Эта часть бухты или гавани расположена такъ, что даже послѣ успѣха нашихъ штурмовыхъ колоннъ и взятія самаго города, мы не могли бы въ немъ удержаться, не овладѣвъ восточною частью гавани. Все это убѣждаетъ меня, для общей пользы и съ согласія Лорда Раглана, немедленно заняться англійскими работами, но до появленія хорошей погоды это будетъ трудно и даже невозможно».

Итакъ, дѣятельность союзниковъ снова получала неопредѣленный характеръ и поставлена была въ зависимость отъ погоды, такъ долго и сильно тяготившей нашихъ враговъ! Зависимость эта была далеко не по вкусу представителю Франціи, мечтавшему о скорой побѣдѣ и разочарованному донесеніемъ главнокомандующаго. Донесеніе это произвело одинаково невыгодное впечатлѣніе какъ въ Парижѣ, такъ и въ арміи. Люди серьезные, необманывающіе себя пустыми надеждами, безпокоились критическимъ положеніемъ союзниковъ, сидѣвшихъ на Херсонескомъ полуостровѣ какъ въ мышеловкѣ, опасались наступленія русскихъ и невозможности отразить ихъ, при еще болѣе растянутомъ положеніи, которое приняла французская армія, придя на помощь англичанамъ. Канроберъ былъ засыпанъ вопросами о томъ: какой планъ усвоили союзные главнокомандующіе относительно дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ отвѣчалъ, что единственный ихъ планъ — оставаться передъ Севастополемъ и овладѣть городомъ.

— Когда передъ крѣпостью, говорилъ Канроберъ, накоплена громадная масса военныхъ силъ и боевыхъ припасовъ, когда армія не имѣетъ перевозочныхъ средствъ и состояніе почвы не допускаетъ продолжительныхъ движеній; когда для существованія арміи необходимо присутствіе флота, снабжающаго ее жизненными потребностями; когда она застигнута зимою и союзники ея, отъ которыхъ она не можетъ отдѣлиться, остаются въ бездѣйствіи, тогда, конечно,

---

[1]) L'expédition de Crimée par baron Bazancourt T. II, 152

ничего нельзя предпринять и армія остается прикованою къ избранной ею цѣли дѣйствій.

Цѣль эта состояла въ продолженіи осадныхъ работъ, но онѣ шли весьма неуспѣшно и союзники въ теченіе всей зимы мало подвинулись впередъ. Полагая, что такая неуспѣшность въ работахъ, происходитъ отъ недостатка способныхъ руководителей, Наполеонъ отправилъ въ Крымъ своего генерала-адъютанта Ніеля, съ порученіемъ осмотрѣть работы и возбудить новыя идеи (apporter l'inspiration d'idées nouvelles).

Прибытіе Ніеля составило событіе въ жизни англо-французовъ и возбудило лихорадочную дѣятельность главнокомандующихъ. Оба они отличались полною предупредительностію къ присланному и своими донесеніями свидѣтельствовали объ его опытности и неутомимой дѣятельности. Ніель между тѣмъ осмотрѣлъ работы союзниковъ и Севастопольскія укрѣпленія, и, въ благодарность за рекомендацію и радушный пріемъ, старался оправдать главнокомандующихъ. Онъ донесъ императору, что не блокированный Севастополь почти невозможно взять и что крѣпость при этихъ условіяхъ можно считать неприступной. Никогда, по его словамъ, осада не предпринималась при болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ. Къ большимъ запасамъ боевыхъ снарядовъ, обороняющіеся могутъ присоединить еще всю артилерію флота и моряковъ, превосходныхъ артилеристовъ; вспомогательная ихъ армія, находясь въ постоянномъ сообщеніи съ гарнизономъ, можетъ смѣнять рабочихъ, и, въ случаѣ штурма, вся русская армія можетъ принять участіе въ защитѣ города, при содѣйствіи огромной артилеріи. Если бы, при столь невыгодныхъ условіяхъ, союзникамъ удалось овладѣть четвертымъ и пятымъ бастіономъ, то и тогда, по мнѣнію Ніеля, было весьма сомнительно, чтобы можно было проникнуть въ городъ, по улицамъ перерѣзаннымъ баррикадами и обороняемымъ многочисленными внутренними батареями. Ворвавшись въ городъ, атакующіе будутъ находиться подъ огнемъ батарей Сѣверной стороны и осада всетаки будетъ далеко не кончена.

— Одно только совершенное обложеніе, говорилъ Ніель, можетъ привести насъ къ счастливому результату; желательно, чтобъ оно произведено было немедленно по сосредоточеніи необходимаго для того числа войскъ и тогда только можно надѣяться на успѣшный ходъ осадныхъ работъ.

До тѣхъ же поръ, какъ Ніель, такъ и оба главнокомандующіе признали необходимымъ, не смотря на опасность растягивать еще

болѣе осадныя работы, открыть главную атаку противъ Малахова кургана, какъ такого возвышеннаго пункта, по достиженіи къ которому союзники, не имѣя надобности бороться внутри города, могутъ уничтожить русскій флотъ, городъ и арсеналы.

На военномъ совѣтѣ, 20-го января, собранномъ главнокомандующими для обсужденія предложенія генерала Ніеля, было рѣшено, что французы, не прекращая работъ противъ Городской стороны, откроютъ атаку противъ лѣваго фланга оборонительной линіи. Для успѣшнѣйшаго осуществленія этого плана положено въ теченіе двѣнадцати дней, необходимыхъ для окончанія начатыхъ уже батарей противъ четвертаго бастіона, построить только двѣ батареи противъ Малахова кургана и одновременно съ этимъ приступить къ распространенію тамъ траншейныхъ работъ. Чтобы еще болѣе скрыть отъ обороняющагося намѣреніе перенести атаку на Корабельную сторону, французы въ теченіе нѣкотораго времени, поддерживая усиленныя работы противъ четвертаго бастіона, приступили даже къ устройству брешъ-батарей [1]), распускали слухъ о намѣреніи штурмовать городъ и приблизили свой флотъ ко входу въ Севастопольскую бухту.

Въ началѣ февраля союзники сосредоточили у входа на рейдъ 18 линейныхъ кораблей, 24 парохода и 7-мь фрегатовъ. Частыя рекогносцировки и расположеніе судовъ по створной, входной линіи, приводили князя Меншикова къ заключенію, что непріятель готовится къ нападенію съ моря и можетъ быть одновременно со штурмомъ Севастопольскихъ укрѣпленій.

Затопленные корабли наши были разнесены волненіемъ и входъ на рейдъ свободенъ. Хотя обстоятельство это и содержалось въ глубочайшей тайнѣ, но нельзя было ручаться за то, чтобы союзники, узнавши объ этомъ отъ перебѣжчиковъ, не попытались форсировать входъ въ Севастопольскую бухту. Попытка эта была бы весьма опасна для защитниковъ, такъ какъ прибрежныя батареи не имѣли полнаго вооруженія и часть ихъ орудій отправлена была на оборонительную линію. Для той же самой цѣли были сняты орудія и съ кораблей, изъ которыхъ только пять остались вооруженными, да и то на одинъ бортъ.

Имѣя въ своемъ распоряженіи по большей части суда паровыя, непріятель могъ во всякое время проникнуть во внутренность боль-

---

[1]) Всеподд. донесеніе кн. Меншикова отъ 7-го февраля. Арх. канц. воен. минис. д. № 11-й.

шаго рейда и даже Южной бухты. Не занимаясь состязаніемъ съ береговыми батареями, союзники могли, имѣя на верху только капитановъ и рулевыхъ, а команды внизу, легко и почти безъ всякой потери пройти мимо батарей; они могли ворваться на рейдъ, громить въ тылъ всю оборону города и однимъ ударомъ рѣшить участь Севастополя. Смѣлый непріятель могъ прорваться и ночью; ему стоило только поставить въ морѣ, на створной линіи, два судна съ огнями и путь былъ вполнѣ обезпеченъ.

Опасеніе, что непріятельскій флотъ ворвется внутрь Севастополя, не давало покоя князю Меншикову. «Положеніе это такъ опасно, доносилъ онъ Императору [1]), что я долженъ былъ рѣшиться дѣйствовать противъ воли Вашего Императорскаго Величества и потопить еще три корабля, на которыхъ нынѣ нѣтъ вооруженія, и изъ которыхъ все дѣльное выбрано».

Впослѣдствіи цифра была увеличена и для затопленія назначены корабли: Двѣнадцать-Апостоловъ, Ростиславъ, Святославъ и фрегаты Кагулъ и Мессемврія. «Грустныя похороны», какъ выражались тогда черноморцы, были совершены вечеромъ въ присутствіи вице-адмирала Нахимова и суда затоплены между батареями Михайловскою и № 8-го.

Между тѣмъ нѣсколько ранѣе этого событія и именно 26 января французы заложили первую параллель противъ Малахова кургана.

Появленіе ихъ противъ Корабельной стороны и принятіе ими на себя части работъ англичанъ, были очевидными свидѣтелями пробудившейся дѣятельности союзниковъ и прибытія къ нимъ подкрѣпленій. Можно было предполагать, что въ непродолжительномъ времени непріятель, желая осуществить свой планъ, предприметъ движеніе въ тылъ крымской арміи и на ея сообщенія. Для этого союзникамъ необходимо было укрѣпить какой либо пунктъ, который могъ бы быть для нихъ базисомъ будущихъ дѣйствій. Такимъ пунктомъ была Евпаторія, какъ мѣстность весьма удобная для устройства, подъ прикрытіемъ флота, весьма сильнаго укрѣпленнаго лагеря, не требующаго много работы. Посылка турецкихъ войскъ въ Крымъ и высадка Омеръ-паши въ Евпаторіи, казалось были началомъ исполненія плана союзниковъ. Поэтому князь Меншиковъ, желая воспрепятствовать непріятелю привести въ исполненіе задуманное предпріятіе, считалъ необходимымъ воспользоваться мало-

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 7-го февраля 1855 г. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 102

численностію гарнизона въ Евпаторіи и принять всѣ мѣры къ тому, чтобы не дозволить англо-французамъ утвердиться прочнымъ образомъ въ этомъ пунктѣ. Съ этою цѣлью, а главное побуждаемый къ тому изъ Петербурга, онъ рѣшился штурмовать городъ.

Обратимся теперь къ разсказу автора.

XIV.

Сосредоточеніе войскъ у Евпаторіи — Рекогносцировка барона Врангеля и его мнѣніе о безполезности штурма. Генералъ Хрулевъ предлагаетъ свои услуги съ ручательствомъ что возьметъ Евпаторію. — Диспозиція Хрулева. — Штурмъ Евпаторіи. — Заложеніе передовыхъ редутовъ. — Увольненіе князя Меншикова и назначеніе князя М. Д. Горчакова главнокомандующимъ крымскою арміею.

«Давно уже, говоритъ М. И. Богдановичъ, высадки тамъ (у Евпаторіи) происходившія, возбуждали опасенія князя Меншикова на счетъ возможности движенія союзниковъ оттуда къ Перекопу: но по всей вѣроятности не столько эти обстоятельства, сколько постоянныя требованія Государя — открыть рѣшительныя дѣйствія — побудили главнокомандующаго къ такому предпріятію, которое, оставляя въ неизмѣнномъ положеніи борьбу подъ Севастополемъ имѣло видъ перехода къ наступленію. Военный Министръ, князь Долгоруковъ, въ письмѣ князю Меншикову, сдѣлалъ довольно ясный намекъ о нападеніи на Евпаторію, что также имѣло вліяніе на послѣдующія распоряженія нашего главнокомандующаго».

Занятіе Евпаторіи, не доставляя намъ никакой выгоды, могло принести лишь одинъ ущербъ — огромную потерю въ людяхъ. Находясь на равнинной мѣстности, Евпаторія въ нѣсколько часовъ могла быть уничтожена огнемъ флота и, слѣдовательно, занятіе такого пункта, въ которомъ мы не могли оставаться болѣе получаса времени, не можетъ быть оправдываемо никакими соображеніями. Замѣчательно, что князь Меншиковъ, убѣжденный доказательствами людей компетентныхъ, согласился было оставить свое намѣреніе и не предпринимать штурма, но вслѣдъ за тѣмъ введенный въ заблужденіе Хрулевымъ поручилъ ему начальство надъ войсками и разрѣшилъ атаковать городъ.

Излагая весьма подробно весь ходъ штурма, авторъ умалчиваетъ о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя предшествовали этому предпріятію, но они на столько интересны и поучительны, что мы считаемъ долгомъ сказать нѣсколько словъ.

Рѣшаясь атаковать Евпаторію и полагая возложить исполненіе этого предпріятія на начальника блокаднаго евпаторійскаго отряда, генерала К. Е. Врангеля, главнокомандующій поручилъ ему и его начальнику штаба, подполковнику Батезатулу, составить проектъ атаки.

Представляя проектъ, составители его высказались противъ задуманнаго предпріятія, и тогда князь Меншиковъ потребовалъ къ себѣ въ Севастополь какъ генерала Врангеля, такъ и подполковника Батезатула. На послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ совѣщаніи прибывшіе подробно изложили всѣ причины, препятствовавшія успѣху, но главнокомандующій не призналъ ихъ достаточно сильными, чтобы отложить задуманное предпріятіе, и приказалъ барону Врангелю вновь сдѣлать рекогносцировку города, и, затѣмъ, представить свое мнѣніе. Съ намѣреніемъ же возбудить въ этомъ генералѣ бо́льшую рѣшимость и «придать ему полную энергію» [1]), свѣтлѣйшій отправилъ въ евпаторійскій отрядъ генерала Хрулева, съ назначеніемъ «начальникомъ артиллеріи и штаба всѣхъ войскъ, которыя должны участвовать въ евпаторійской экспедиціи».

Считая вопросъ о нападеніи дѣломъ, въ основаніи, уже рѣшеннымъ, князь Меншиковъ, не ожидая результата новой рекогносцировки барона Врангеля, сдѣлалъ всѣ распоряженія о сосредоточеніи войскъ, назначенныхъ въ составъ штурмующаго отряда, о чемъ и донесъ Императору. «Буду ждать, отвѣчалъ Государь [2]), состоится ли атака на Евпаторію; кажется, если и овладѣть ею, то удержаться въ ней нелегко будетъ подъ морскимъ огнемъ».

Между тѣмъ, возвратившись въ штабъ-квартиру, въ селеніе Кронентал, баронъ Врангель и подполковникъ Батезатулъ тотчасъ же уѣхали подъ Евпаторію. На другой день проѣхалъ туда же и генералъ Хрулевъ съ полковникомъ Волковымъ.

Утромъ 27-го января въ Севастополѣ было замѣчено, что четыре англійскихъ парохода съ значительнымъ числомъ десантныхъ войскъ, отправились отъ Херсонескаго мыса къ Евпаторіи. На одномъ изъ пароходовъ былъ турецкій флагъ и, судя по салюту, дол-

---

[1]) Письмо князя Меншикова флигель-адъютанту полковнику Волкову, отъ 21-го января 1855 г.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ князю Меншикову отъ 31-го января 1855 г.

жно было предполагать, какъ это и было въ дѣйствительности, что на пароходѣ былъ Омеръ-паша. Возлѣ Херсонеса замѣтно было большое движеніе судовъ, повидимому, готовившихся для новой перевозки войскъ. Опасаясь, чтобы Евпаторія не была значительно усилена войсками, князь Меншиковъ спѣшилъ атакою и предписалъ генералу Врангелю перейти въ наступленіе немедленно по сосредоточеніи войскъ.

«Сосредоточеніе, писалъ главнокомандующій [1]), можетъ быть начато 29-го января и коль скоро вы будете готовы, то, не ожидая отъ меня дальнѣйшаго распоряженія, имѣете приступить къ нападенію на Евпаторію, причемъ сильная канонада должна предшествовать движенію штурмовыхъ колоннъ и открыть имъ путь въ городъ..... »

Распоряженіе это было получено въ штабѣ евпаторійскаго отряда 28-го января, въ то самое время, когда баронъ Врангель только что возвратился въ селеніе Кронентaль, послѣ вторичной рекогносцировки. Ненастье и дурныя дороги задержали его въ пути гораздо долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Отъ бывшихъ нѣсколькихъ теплыхъ дней почва такъ распустилась, что колеса рѣшительно не вертѣлись и послѣ двухъ-трехъ оборотовъ приходилось останавливаться, чтобы очистить грязь, къ нимъ приставшую. Хотя Врангель ѣхалъ въ легкой телѣжкѣ, запряженной двумя парами воловъ, онъ среднимъ числомъ дѣлалъ въ часъ не болѣе одной версты и пространство въ 60 верстъ едва успѣлъ проѣхать въ двое сутокъ [2]).

На возвратномъ пути Врангель заѣхалъ въ селеніе Саки и оттуда отправилъ, 27-го января, съ нарочнымъ офицеромъ свое донесеніе князю Меншикову. Видя, что успѣхъ атаки болѣе чѣмъ сомнителенъ, Врангель, какъ опытный и боевой генералъ, не находилъ возможнымъ привести въ исполненіе задуманное предпріятіе.

Въ послѣднее время на евпаторійскомъ рейдѣ замѣчено было большое движеніе и постоянно находилось до 15 кораблей и пароходовъ. Въ самомъ городѣ сосредоточены были значительныя силы, которыя, по мнѣнію полковника Волкова и подполковника Батеза-

---

[1]) Отъ 27-го января 1855 г. № 11.

[2]) «Записки о дѣйствіяхъ евпаторійскаго отряда» поручика Голенковскаго. «Русскій Инвалидъ» 1858 г. Авторъ «Восточной войны» не пользовался этою замѣчательною статьею, а между тѣмъ она могла бы разъяснить многое и пополнить свѣдѣнія, сообщенныя въ его книгѣ объ евпаторійскомъ дѣлѣ.

тула, простирались до 15,000 человѣкъ [1]). На самомъ же дѣлѣ гарнизонъ состоялъ изъ тысячи человѣкъ вооруженныхъ татаръ, 270 человѣкъ англо-французовъ и 21,200 человѣкъ турокъ, подъ общимъ начальствомъ Омеръ-паши.

Вся мѣстность впереди города находилась подъ перекрестнымъ огнемъ кораблей, пароходовъ и батарей, устроенныхъ въ разныхъ мѣстахъ и при выходахъ. Евпаторія была окружена земляною насыпью и рвомъ, отъ двухъ до трехъ саженъ ширины и глубины. Въ четырехъ мѣстахъ насыпь была возвышена и устроены батареи; на правомъ флангѣ видѣнъ былъ большой редутъ, а на лѣвомъ, — начиная отъ края города до самаго моря, между казармою и карантиномъ, — строилась длинная линія укрѣпленій; карантинъ былъ укрѣпленъ и окопанъ рвомъ. По слухамъ, во многихъ мѣстахъ, впереди укрѣпленій, были заложены мины и предполагалось приступить къ устройству волчьихъ ямъ [2]).

Имѣя въ виду, что атакующія войска должны наступать подъ перекрестнымъ огнемъ батарей и пароходовъ, баронъ Врангель не находилъ возможнымъ штурмовать городъ, защищаемый, если не большимъ, то равнымъ числомъ съ тѣми войсками, которыя мы могли собрать для этой цѣли. Значительное число полевыхъ батарей, назначенныхъ въ составъ штурмующаго отряда, для обстрѣливанія города, не много помогало дѣлу, такъ какъ полевая артилерія, ни въ какомъ случаѣ не могла успѣшно бороться съ орудіями флота, крѣпостными и осадными пушками, которыя, кромѣ превосходства въ калибрѣ, имѣли еще и то преимущество, что были скрыты за насыпями и укрѣпленіями. Разрушить насыпи полевая артилерія была не въ состояніи, а зажечь въ городѣ было нечего и потому дѣйствіе нашей артилеріи могло только заставить непріятеля на время отодвинуться нѣсколько назадъ.

Послѣ штурма передовыхъ укрѣпленій и перехода черезъ ровъ, атакующіе должны были преодолѣть каменную ограду, взять баррикады, которыми преграждены были улицы, выбивать непріятеля изъ каменныхъ домовъ и приводить въ порядокъ войска въ кривыхъ и тѣсныхъ улицахъ города.

Въ случаѣ успѣха и овладѣнія Евпаторіею, не говоря уже объ огнѣ съ флота, мы не могли продержаться тамъ и однихъ сутокъ,

---

[1]) Рапортъ подполковника Батезатула, отъ 20-го января 1855 г. Всеподданнѣйшій рапортъ флигель-адъютанта полковника Волкова, отъ 21-го января № 10.

[2]) Рапортъ барона Врангеля князю Меншикову, 27-го января № 72

ибо принуждены бы были оставаться безъ воды, безъ топлива и съ весьма ограниченнымъ запасомъ продовольствія. Во всемъ евпаторійскомъ уѣздѣ была такая грязь, что подвозъ продовольствія и боевыхъ припасовъ былъ почти невозможенъ, и подводы съ трудомъ могли дѣлать отъ пяти до десяти верстъ въ день. Въ окрестностяхъ Евпаторіи, движеніе пѣхоты и артилеріи, по словамъ барона Врангеля, было до такой степени трудно, «что пѣхотный солдатъ, пройдя версту, будетъ насилу волочить ноги, а артиллерійскихъ лошадей при боевыхъ движеніяхъ, можно совершенно уничтожить; о скорыхъ же движеніяхъ и думать нельзя, ибо послѣ нѣсколькихъ шаговъ, колеса не вертятся». Въ случаѣ неудачи и огромной потери, отступленіе становилось весьма затруднительнымъ и ободренный непріятель могъ, выйдя изъ Евпаторіи въ значительныхъ силахъ, двинуться на наши сообщенія, безъ опасенія встрѣтить свѣжія войска.

Донося о всемъ этомъ князю Меншикову, генералъ Врангель присовокуплялъ, что не можетъ отвѣчать за послѣдствія предпріятія, не обѣщающаго никакого успѣха. «Начинать это важное дѣло, говорилъ онъ [1]), я не могу рѣшиться безъ вѣрной надежды на успѣхъ. А потому, если вашей свѣтлости угодно будетъ мнѣ формально предписать, я предприму нападеніе и употреблю всѣ усилія, чтобы достигнуть цѣли».

До десяти часовъ утра 29-го января, баронъ Врангель оставался въ ожиданіи, прикажетъ ли главнокомандующій атаковать Евпаторію, или отмѣнитъ свое намѣреніе. Не получивъ отвѣта и имѣя предписаніе перейти немедленно въ наступленіе, онъ приказалъ кавалерійскимъ полкамъ слѣдовать къ Евпаторіи и самъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Батезатуломъ, отправился ближе къ городу въ селеніе Оразъ, гдѣ помѣщался штабъ уланской дивизіи.

На другой день, 30-го января, возвратился въ селеніе Оразъ тотъ офицеръ, который былъ посланъ въ Севастополь съ результатами послѣдней рекогносцировки барона Врангеля и привезъ отвѣтъ главнокомандующаго, отмѣняющій атаку Евпаторіи.

«Какъ ваше превосходительство, писалъ князь Меншиковъ [2]), не находите возможнымъ произвести предположенную атаку на

---

[1]) Въ рапортѣ отъ 27-го января 1855 г. № 72. Воен. учен. арх. дѣло № 3,380 (А)

[2]) Барону Врангелю, отъ 28-го января за № 12. Воен.-учен. арх. дѣло № 3,523 (А).

Евпаторію, а изъ отзыва моего [1]) вамъ извѣстно, что силы непріятеля тамъ увеличиваются и быть можетъ, что прибудутъ еще, то прошу принять хотя мѣры, дабы непріятель не могъ выйти изъ Евпаторіи и напасть на наше сообщеніе».

Затѣмъ, князь Меншиковъ указалъ на лучшіе, по его мнѣнію, пункты для расположенія войскъ и приказалъ нѣкоторыя части возвратить въ свои мѣста: въ Севастополь, Перекопъ, Бакшай и проч.

Не прошло и двухъ часовъ послѣ полученія этого распоряженія, какъ часу въ одиннадцатомъ утра, прискакалъ новый посланный изъ Севастополя, съ увѣдомленіемъ, что штурмъ Евпаторіи долженъ состояться и что исполненіе этого предпріятія главнокомандающій возлагаетъ на генералъ-лейтенанта Хрулева.

Степанъ Александровичъ Хрулевъ давно искалъ случая командовать отдѣльнымъ, самостоятельнымъ отрядомъ. Попытки его въ этомъ отношеніи на Дунаѣ не выказали въ немъ человѣка, обладающаго способностями предводителя [2]). Заслуги Хрулева въ Севастополѣ громадны и славная оборона города во многихъ случаяхъ обязана ему блестящими страницами, но исторія должна быть справедлива, безпристрастна и выставляя заслуги однихъ, не должна набрасывать тѣни на другихъ. Хрулевъ былъ человѣкъ безусловно храбрый, готовый идти куда угодно и какъ угодно: человѣкъ, заботящійся о солдатѣ, умѣвшій воодушевить его и вселить къ себѣ неограниченное довѣріе. Въ рукахъ опытнаго главнокомандующаго Степанъ Александровичъ былъ неоцѣненный человѣкъ и въ особенности тамъ, гдѣ нужно было идти на проломъ, сломить что нибудь или рискнуть на отчаянное предпріятіе, но онъ не рожденъ былъ предводительствовать сколько нибудь значительною массою войскъ.

Получивъ предписаніе князя Меншикова отправиться въ распоряженіе генерала Врангеля, для занятія должности начальника штаба, Хрулевъ поѣхалъ сначала въ селеніе Кроненталь, а оттуда къ Евпаторіи, гдѣ, встрѣтившись съ барономъ Врангелемъ, согласился съ нимъ относительно невозможности штурмовать городъ [3]). Но въ тотъ же самый день, когда баронъ Врангель отправилъ донесе-

---

[1]) Вышеприведенное нами предписаніе, отъ 27-го января № 11

[2]) О дѣятельности Хрулева на Дунаѣ см. «Записки очевидца» Н. Ушакова. «Девятнадцатый вѣкъ», изданіе Бартенева. Москва 1872 г. кн. III, 112.

[3]) Записки о дѣйствіяхъ евпаторійскаго отряда, Голеньковскаго.

ніе о результатахъ рекогносцировки, Хрулевъ отправилъ письмо князю Меншикову, ничего не сказавъ о томъ своему начальнику.

«До моего пріѣзда, писалъ Хрулевъ [1]), генералъ Врангель осмотрѣлъ позицію и призналъ брать Евпаторію невозможнымъ. Я сего числа, при рекогносцировкѣ убѣдился, что городъ Евпаторію взять возможно и *ручаюсь за совершенный успѣхъ*, и почтительнѣйше прошу о слѣдующемъ: 1) кратковременное командованіе отрядомъ для взятія Евпаторіи *поручить мнѣ*; 2) разрѣшить назначить избранныхъ мною помощниковъ: начальникомъ штаба — флигель-адъютанта полковника Волкова, начальникомъ артиллеріи—полковника Шейдемана; генералъ-маіора Огарева назначить командовать бригадою пѣхоты по моему усмотрѣнію».

Посланный съ этимъ письмомъ доложилъ главнокомандующему, что Хрулевъ былъ въ столь близкомъ разстояніи отъ Евпаторіи, что могъ разговаривать съ находившимися тамъ татарами [2]), и передалъ письмо полковника Волкова.

«Сего числа, писалъ послѣдній [3]), генералъ-лейтенантъ Хрулевъ сдѣлалъ рекогносцировку съ казаками и достаточно разсмотрѣлъ укрѣпленія города, *подъѣхавъ на 450 саженъ*. Турки открыли по насъ огонь изъ орудій ядрами калибра: 6-ти, 12-ти и 24 хъ фунтоваго и конгревовыми ракетами, но выстрѣлы никакого вреда никому не нанесли; всѣ они перелетѣли черезъ наши головы. Укрѣпленія около города въ настоящее время производятся на всемъ пространствѣ и находятся въ такомъ неоконченномъ положеніи, что во многихъ мѣстахъ еще видны подошвы домовъ. Самыя же укрѣпленія, въ мѣстахъ оконченныхъ, принимаютъ видъ крѣпостныхъ верковъ; глубины и ширины рва усмотрѣть было нельзя; валъ же значительно высокъ, но, наружная крутость еще не додѣлана, такъ что люди по ней ходятъ свободно; и когда мы заняли мѣста, занимаемыя обыкновенно турецкими аванпостами, татары начали съ нами говорить по-русски, спрашивая: «зачѣмъ вы сюда пріѣхали?....»

«Вмѣстѣ съ симъ долгомъ считаю довести до вашей свѣтлости, *что генералъ Хрулевъ убѣжденъ въ полномъ успѣхѣ сего дѣла, если ему поручатъ командованіе симъ отрядомъ и никакъ не предполагаетъ имѣть большую потерю*».

[1]) Въ письмѣ князю Меншикову, отъ 27-го января. Воен. учен. арх. дѣло № 4,618.

[2]) Всеподданнѣйшее донесеніе князя Меншикова, отъ 31-го января 1855 г. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 102.

[3]) Князю Меншикову, отъ 27-го января 1855 г.

Не сомнѣваясь въ томъ, что предложеніе его будетъ принято. Хрулевъ представилъ главнокомандующему списокъ деревень, въ которыхъ, по его мнѣнію, могла быть расположена пѣхота штурмующаго отряда. Одинъ этотъ списокъ могъ указать главнокомандующему, что Хрулевъ еще мало ознакомился съ театромъ дѣйствій и потому предложеніе его не имѣетъ за собою ничего прочнаго и основательнаго. Въ главномъ штабѣ крымской арміи должны были знать, что въ указанныхъ Хрулевымъ деревняхъ нельзя размѣстить всего отряда, назначеннаго для штурма Евпаторіи, что всѣ деревни раззорены и въ нихъ нѣтъ жителей; что если бы можно было покупать, какъ полагалъ Хрулевъ, продукты на мѣстѣ, то, стоявшая вблизи этихъ деревень, кавалерія не терпѣла бы нужды, и что, наконецъ, расположенныя въ этихъ пунктахъ войска, должны остаться безъ квартиръ, терпѣть недостатокъ въ водѣ и топливѣ. При тогдашней распутицѣ и прекращеніи подвозовъ, войска могли остаться вовсе безъ продовольствія.

Положимъ, всѣ эти обстоятельства и подробности могли ускользнуть отъ вниманія главнокомандующаго, но какъ же онъ, получивъ въ одинъ и тотъ же день два равносильныхъ, но разнорѣчивыхъ донесенія [1]), не далъ себѣ труда провѣрить, кто правъ: Врангель или Хрулевъ? Почему онъ предпочелъ мнѣніе Хрулева, только впервый разъ осматривавшаго Евпаторію и отвергъ мнѣніе барона Врангеля съ осени 1854 года стоявшаго передъ городомъ, и, до мельчайшихъ подробностей, знавшаго все, что происходило въ Евпаторіи?

Болѣзненное состояніе, въ которомъ находился тогда князь Меншиковъ, не можетъ служить оправданіемъ. Если онъ не могъ провѣрить самъ, кто правъ и кто неправъ, то онъ имѣлъ начальника штаба—лицо отвѣтственное и облеченное его довѣріемъ. Князь Меншиковъ предпочелъ мнѣніе Хрулева, какъ человѣка, бравшаго на себя всю отвѣтственность въ случаѣ неудачи и дававшаго главнокомандующему слишкомъ много, въ случаѣ успѣха.

Удовлетворивъ всѣмъ требованіямъ Хрулева относительно назначенія лицъ и войскъ въ составъ евпаторійскаго отряда и отправивъ въ его распоряженіе тысячу рублей на экстраординарные расходы, князь Меншиковъ поручилъ ему овладѣть начатыми ук-

[1]) *Равносильныхъ* потому, что, съ одной стороны, было выражено мнѣніе генерала Врангеля и подполковника Батезатула, а съ другой, генерала Хрулева и полковника Волкова; *разнорѣчивыхъ* потому, что мнѣнія эти были діаметрально противоположны.

рѣпленіями и разрушить ихъ; уничтожить запасы, сжечь, что возможно и затѣмъ вывести войска изъ-подъ выстрѣловъ флота, оставивъ въ городѣ подъ прикрытіемъ завалов небольшія части, *«дабы не допустить непріятеля снова дѣлать высадки и занять городъ (?)»*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, главнокомандующій писалъ барону Врангелю [1]: «Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ, 27-го числа, дѣлалъ рекогносцировку Евпаторіи; былъ въ 450 саженяхъ отъ строящихся укрѣпленій и по тщательномъ обзорѣ находитъ въ настоящее время возможнымъ взять этотъ городъ и даже съ небольшою потерею.

«Какъ уничтоженіе въ началѣ строящихся укрѣпленій и разрушеніе могущаго впослѣдствіи быть крѣпкаго пункта есть дѣло весьма важное, то я поручаю генералу Хрулеву эту экспедицію и прошу ваше превосходительство, пріостановя обратное движеніе частей войскъ, передать пѣхоту въ вѣдѣніе генералъ-лейтенанта Хрулева, на котораго и возлагаю взятіе и разрушеніе Евпаторіи».

Такое распоряженіе, видимо, огорчило барона Врангеля.

— Препятствія къ успѣху, говорилъ онъ, одинаковы для всѣхъ, и я убѣжденъ, что и генералу Хрулеву придется выжидать благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, а между тѣмъ собранныя здѣсь войска страдаютъ и разстраиваются.

«Исполненіе сего (штурма), писалъ онъ князю Меншикову [2]), въ рапортѣ моемъ отъ 27-го января я не находилъ невозможнымъ, но святою обязанностью счелъ представить на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости всѣ трудности этого важнаго дѣла и затѣмъ ожидать вашего предписанія, котораго тогда еще не получалъ».

Не зная причинъ, побудившихъ главнокомандующаго спѣшить атакою Евпаторіи, баронъ Врангель не понималъ цѣли этого предпріятія и совершенно справедливо находилъ его безполезнымъ. При атакѣ Евпаторіи могли быть три послѣдствія, одинаково для насъ невыгодныя: 1) мы могли овладѣть городомъ, но не иначе, какъ съ большимъ урономъ, и затѣмъ оставаться тамъ все-таки не могли—непріятельскій флотъ въ нѣсколько часовъ смелъ бы городъ съ лица земли; 2) мы могли быть отбиты и понести огромную потерю и, наконецъ, 3) мы должны были разсчитывать, что, въ случаѣ неудачи, непріятель, преслѣдуя отступающихъ, станетъ на со-

[1]) Въ предписаніи отъ 28-го января № 13. Воен. учен. арх. дѣло № 3,523 (А).

[2]) Въ рапортѣ отъ 1-го февраля за № 11. Тамъ же, дѣло № 3,380 (А).

общеніяхъ съ Перекопомъ, а между тѣмъ, по мнѣнію барона Врангеля, они могли быть обезпечены и безъ потери войскъ.

«Расположивъ, писалъ онъ, 8-ю пѣхотную дивизію на квартирахъ съ удобствомъ и центрально между резервною (уланскою) и драгунскою дивизіями и имѣя въ своемъ распоряженіи совершенно цѣлую дивизію пѣхоты съ двумя дивизіями кавалеріи, я могъ бы ручаться, что сообщенія наши будутъ въ безопасности, а при выходѣ изъ Евпаторіи турецкаго корпуса, хотя бы въ 50,000, можно имѣть надежду, что встрѣча этихъ войскъ съ непріятелемъ въ полѣ будетъ для насъ съ честью и славою».

Глубоко убѣжденный въ томъ, что штурмъ не можетъ быть удаченъ, баронъ Врангель просилъ Хрулева увѣдомить его, котораго числа предполагается атаковать Евпаторію [1]), съ тѣмъ, чтобы къ тому времени сосредоточить остальную кавалерію и принять необходимыя мѣры, на случай десанта или наступленія непріятеля съ цѣлью отрѣзать Хрулеву путь отступленія.

Это послѣднее обстоятельство особенно заботило Врангеля. Оставшись распорядителемъ лишь небольшой части кавалеріи и сохраняя званіе начальника блокаднаго корпуса, на обязанности котораго лежало обезпеченіе сообщеній, Врангель спрашивалъ главнокомандующаго, кто долженъ распоряжаться войсками, въ случаѣ покушенія непріятеля на какомъ либо пунктѣ. Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что обязанности его не измѣняются и что Хрулевъ долженъ находиться въ полной его зависимости; но, по странной случайности, бумага эта, подписанная главнокомандующимъ 2-го февраля, была получена барономъ Врангелемъ только тогда, когда дѣло подъ Евпаторіею состоялось и дѣятельность Хрулева окончилась.

Послѣдній, поселившись въ селеніи Оразъ, успокоился какъ человѣкъ, достигшій своихъ желаній. Онъ не считалъ уже нужнымъ скрывать отъ князя Меншикова тѣ затрудненія, которыя были сопряжены съ штурмомъ Евпаторіи. Высказываясь мало по малу, Хрулевъ въ концѣ пришелъ къ тому же, съ чего началъ баронъ Врангель. Онъ сталъ сообщать, что укрѣпленія вокругъ города быстро усиливаются, насыпи возвышаются и представляютъ сплошную стѣну вокругъ города; что опредѣлить число орудій, поставленныхъ на батареяхъ, невозможно, такъ какъ турки открываютъ огонь изъ незначительнаго числа ихъ.

---

[1]) Отношеніе барона Врангеля генералу Хрулеву, отъ 30-го января № 8. Воен. учен. арх. дѣло № 3.523 (А).

«Со вчерашняго дня здѣсь дуетъ NO., писалъ полковникъ Волковъ князю Меншикову [1]). Земля стынетъ; выпалъ снѣгъ на вершокъ и ночью была мятель; дороги чрезвычайно дурны. По случаю дурной дороги нѣтъ никакой возможности сосредоточить войска ранѣе 1-го февраля, а потому предписаніе вашей свѣтлости не можетъ быть ранѣе исполнено, какъ на 2-е число на разсвѣтѣ».

Войска, назначенныя въ составъ штурмующаго отряда, сходились весьма медленно, и, долгое время не зная, гдѣ они находятся [2]). Хрулевъ не имѣлъ возможности опредѣлить, когда они соберутся окончательно. Непроходимая грязь затрудняла движеніе обозовъ до крайности. Батарейная батарея 8-й артиллерійской бригады, двигаясь безостановочно въ теченіе цѣлаго дня, сдѣлала только 17 верстъ, но и при этомъ приходилось впрягать подъ орудія по 8 и даже по 10 лошадей.

Приходившіе въ назначенные имъ пункты полки не находили себѣ помѣщенія и располагались подъ открытымъ небомъ. Если встрѣчалось нѣсколько хатъ, то онѣ занимались офицерами, человѣкъ по десяти въ каждой, но и эти хаты были въ столь плохомъ состояніи, что для защиты отъ холода приходилось двери, окна и всѣ отверстія затыкать соломою. Солдаты же мастерили себѣ кое-какіе шалаши и такимъ образомъ нѣсколько защищались отъ снѣга, которой выпалъ въ это время въ значительномъ количествѣ [3]).

«Мы заботимся, писалъ полковникъ Волковъ [4]), сколько возможно, о помѣщеніи войскъ и (стараемся) доставить имъ все необходимое, но дороги до того дурны, что мы не знаемъ, когда можетъ подойти артиллерія; нѣтъ никакой возможности доставить продовольствіе».

Слова барона Врангеля подтверждались и генералъ Хрулевъ вынужденъ былъ день-отъ-дня откладывать свои дѣйствія. Въ ожиданіи прибытія войскъ, онъ занялся составленіемъ диспозиціи, переполненной мелочами и крайне непрактичной. Хрулевъ составилъ на бумагѣ планъ атаки и роздалъ его войскамъ; назначилъ комен-

---

[1]) Въ письмѣ отъ 29-го января. Воен.-учен. арх. дѣло № 4,318.

[2]) «О князѣ Урусовѣ и его дивизіи (8-й) нѣтъ никакого слуха, писалъ полковникъ Волковъ, а также не имѣется маршрута сей дивизіи, а потому генералъ Хрулевъ посылаетъ офицера на встрѣчу князю Урусову.»

[3]) Записки протоіерея Зилитинкевича (рукоп.). Записки полковника Гоштовта (рукоп.).

[4]) Начальнику штаба, генералу Семякину, отъ 31-го января 1855 г. Воен. учен. арх. дѣло № 3,380 (А).

дантомъ маіора Денскина и въ помощь ему трехъ плацъ-адъютантовъ [1]). Онъ написалъ длинную инструкцію для главнаго доктора, которую пришлось впослѣдствіи совершенно измѣнить и перечислилъ подробно, сколько и какихъ именно припасовъ и медикаментовъ должно быть доставлено на перевязочный пунктъ. Такая подробность касалась лишь до пѣхотныхъ полковъ, тогда какъ относительно кавалеріи и артиллеріи сказано было, что припасы и медикаменты должны быть доставлены сообразно съ численностію людей. Назначивъ команды и офицеровъ для выноса, по занятіи города, изъ православной церкви иконъ и утвари, Хрулевъ заранѣе подарилъ ихъ отряду, и приказалъ раздѣлить между полками и батареями «для украшенія полковыхъ церквей и батарейныхъ образовъ [2])».

Артилерія обратила на себя особенное вниманіе начальника отряда. Не смотря на то, что обозы остались далеко назади, что батареи пришли на легкѣ, и у многихъ офицеровъ было съ собою только по одной парѣ бѣлья, Хрулевъ предлагалъ имъ *прочесть главу изъ артилерійскаго руководства и стрѣлять согласно 696-й страницы этой книги.* Онъ могъ быть увѣренъ, что во всемъ отрядѣ не наберется пяти экземпляровъ, а между тѣмъ предписывалъ руководствоваться книгою болѣе чѣмъ ста орудіямъ.

Подробности въ диспозиціи хороши, когда они исполнимы и не затемняютъ дѣла: въ противномъ же случаѣ они излишни, часто вредны и свидѣтельствуютъ лишь о неопытности начальника, желающаго быть предусмотрительнымъ до мелочей. Какъ бы то ни было, но войска не собрались еще на назначенныхъ имъ мѣстахъ, когда 31-го января диспозиція была уже объявлена. Атаку предположено произвести съ трехъ сторонъ и сообразно съ этимъ войска раздѣлены на три колонны: правую, центральную и лѣвую.

Правая колонна назначалась для атаки лѣвой части города по дорогѣ изъ Айсабая; центральная — должна была наступать по дорогѣ изъ селенія Оразъ, и, наконецъ, лѣвая — изъ селенія Чотай. Въ каждую колонну было назначено по одному священнику и старшему медику, которымъ и приказано устроить перевязочные пункты позади своихъ колоннъ. Для указанія пути, по которому должны были слѣдовать раненые на перевязочные пункты, были разставлены казаки. Главный перевязочный пунктъ, учрежденъ въ селеніи Оразъ.

[1]) Словесное приказаніе по отряду, 2-го февраля № 42. Записки Чаплинскаго. Сборн. рукописей. Т. II.

[2]) Диспозиція отъ 31-го января 1855 г.

Вечеромъ наканунѣ дня атаки казаки должны были расположить свою цѣпь въ 250 саженяхъ отъ города. Въ полночь казачью цѣпь предположено смѣнить пѣхотною и выслать фейерверкеровъ для занятія мѣстъ подъ орудія, въ 300 саженяхъ отъ города. Желая для лучшаго прикрытія артилеріи построить на каждое орудіе по два эполемента, а въ промежуткахъ между ними ямки, для пяти человѣкъ штуцерныхъ, Хрулевъ приказалъ, чтобы слѣдомъ за фейерверкерами было послано отъ каждаго полка по 60 человѣкъ рабочихъ съ лопатами. По окончаніи устройства эполементовъ, рабочіе должны были возвратиться къ своимъ полкамъ, а артилерія до разсвѣта занять приготовленныя ей мѣста.

Позади артилеріи, внѣ выстрѣловъ крѣпости, должна была расположиться пѣхота [1]), имѣя въ каждой колоннѣ по два батальона въ ротныхъ колоннахъ, въ двѣ линіи. За ротными колоннами, во второй линіи предполагалось поставить по два баталіона въ полубатальонныхъ колоннахъ и, наконецъ, въ главномъ резервѣ правой колонны четыре батальона, а въ центральной и лѣвой — по три батальона. За главнымъ резервомъ правой и лѣвой колоннъ должна была расположиться кавалерія для обезпеченія фланговъ.

Съ разсвѣтомъ дня, назначеннаго для атаки Евпаторіи, батареи должны были открыть огонь и прежде всего стараться сбить непріятельскія орудія. Въ диспозиціи было сказано, что стрѣлять должно, не торопясь, и съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ пять минутъ дѣлать по одному выстрѣлу изъ каждаго орудія; безъ особаго приказанія огонь не учащать. Одновременно съ открытіемъ огня казаки лѣвой и центральной колоннъ спѣшиваются и вмѣстѣ съ греческимъ волонтернымъ батальономъ, двигаются въ городъ со стороны сакской дороги и засѣдаютъ въ крайнихъ домахъ. Поддержанные спѣшенными драгунами, они должны были завязать перестрѣлку съ непріятелемъ, но отнюдь не подвигаться впередъ, безъ особаго на то приказанія.

«Спѣшенные казаки, писалъ генералъ Хрулевъ [2]), и греческіе волонтеры атакою города со стороны сакской косы отрѣзываютъ какъ жителямъ, такъ и турецкимъ войскамъ единственный путь отступленія; тогда между жителями произойдетъ суматоха, которая

---

[1]) Мы не входимъ въ подробности размѣщенія войскъ, такъ какъ они съ достаточною полнотою изложены въ сочиненіи М. И. Богдановича.

[2]) Въ приказаніи по отряду 3-го февраля 1855 г. Воен. учен. арх. дѣло № 3,380 (А).

немедленно передастся войскамъ и тѣмъ не мало будетъ облегчено овладѣніе городомъ».

Весьма странно, имѣя 15,000 прекрасной пѣхоты, назначать въ передовую колонну батальонъ греческихъ волонтеровъ и спѣшенныхъ казаковъ, но Хрулевъ назначилъ ихъ и этимъ сдѣлалъ дѣйствительно нѣчто особенное и оригинальное.

«Дѣйствія генерала Хрулева въ этомъ дѣлѣ, говоритъ участникъ [1]), не смотря на его многочисленныя предварительныя распоряженія, показывали, что насколько онъ владѣлъ необыкновенной способностью воодушевить солдатъ, чтобы вести ихъ въ бой, куда угодно, настолько не было въ его силахъ распоряжаться массами въ полѣ.

«Можно быть увѣреннымъ, что рѣдко кто изъ генераловъ знающихъ, къ чему болѣе люди разнаго оружія способны, именно эти части послалъ бы въ головѣ, чтобы, на плечахъ ихъ, такъ сказать, войти въ Евпаторію».

Какъ бы то ни было, но занятіе домовъ греческими волонтерами должно было служить сигналомъ для начала главной атаки эшелонами, причемъ каждой колоннѣ вмѣнено въ обязанность имѣть впереди себя казаковъ, хорошо знающихъ городъ, и по сорока штурмовыхъ лѣстницъ: каждому же солдату приказано имѣть на штыкѣ небольшой снопъ соломы для поджиганія строеній [2]).

Начало штурма предоставлено лѣвой колоннѣ, и когда она утвердится въ укрѣпленіи, должна была двинуться центральная, а за нею правая колонны. Такая постепенность признана необходимою, чтобы артилерія имѣла время и возможность долѣе обстрѣливать городъ и тѣмъ содѣйствовать успѣху штурмующихъ колоннъ.

Занявъ укрѣпленія и городъ, войскамъ приказано не расходиться, но солдатамъ объявлено, что, по учрежденіи въ городѣ порядка, имъ дозволено будетъ воспользоваться вполнѣ всѣмъ непріятельскимъ имуществомъ; что въ каждомъ домѣ необходимо уничтожить все, что только можно сломать, разбить, словомъ, не дать непріятелю, по выходѣ нашемъ, имѣть вторичное пристанище. Такъ какъ, по словамъ диспозиціи, «мы болѣе двухъ дней въ этомъ гордѣ оставаться не будемъ», то, при отступленіи, приказано все, что останется неуничтоженнымъ, непремѣнно сжечь.

---

[1]) Чаплинскій въ своихъ запискахъ.

[2]) Многіе изъ нижнихъ чиновъ, не зная для чего предназначается солома и полагая, что такое приказаніе послѣдовало съ цѣлью уничтожить блескъ штыковъ на солнцѣ, обвязывали ихъ, вмѣсто соломы, тряпками.

Выбѣжавшій изъ Евпаторіи татаринъ показалъ, что въ городѣ считаютъ до 40.000 турецкихъ войскъ, что 31-го января приказано всѣмъ христіанамъ выѣхать изъ Евпаторіи, укрѣпленія которой непрочны и рвы неглубоки. Основываясь на этомъ, генералъ Хрулевъ поручилъ начальнику 8-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору князю Урусову, озаботиться, чтобы при каждой колоннѣ было по десяти досокъ трехсаженной длины, «которыя, при небольшой ширинѣ рва, могутъ служить къ перевозкѣ орудій».

Среди приготовленій къ штурму, въ ночь съ 30-го на 31-е января, изъ эскадрона Новоархангельскаго уланскаго полка, стоявшаго на аванпостахъ, бѣжалъ въ Евпаторію уланъ вмѣстѣ съ лошадью. Хотя онъ и не могъ сообщить непріятелю ничего положительнаго о нашихъ намѣреніяхъ, но впослѣдствіи этому обстоятельству придали большое значеніе и говорили, что сообщеніе бѣжавшаго улана о сборѣ значительныхъ русскихъ силъ возлѣ города дало возможность союзникамъ усилить его гарнизонъ. Въ послѣдніе дни въ городѣ замѣтно было большое движеніе. На евпаторійскомъ рейдѣ стояло 16 пароходовъ, къ которымъ, утромъ 2-го февраля, присоединилось еще нѣсколько судовъ. На берегу, за мельницами, и въ городѣ, на нижней улицѣ, появилось большое число палатокъ, разбитыхъ, какъ надо было предполагать, для вновь прибывшихъ войскъ [1]). То была высадка остальныхъ турецкихъ силъ изъ арміи Омеръ-паши.

Извѣстіе объ усиленіи гарнизона Евпаторіи заставляло Хрулева спѣшить атакою, но, за неприбытіемъ войскъ, онъ принужденъ былъ откладывать ее день за день. Только въ ночь съ 1-го на 2-е февраля, опередивъ свои части, съѣхались въ селеніе Оразъ бригадные, полковые и батарейные командиры; войска же собрались окончательно къ вечеру 3-го февраля. Всѣ командиры частей жаловались на неимовѣрно дурную дорогу, говорили, что много отсталыхъ, и высказывали положительную необходимость дать дневку, дабы все, что отстало, имѣло время присоединиться къ своимъ частямъ [2]).

Согласившись еще разъ отложить атаку до утра 5-го февраля, Хрулевъ объявилъ командирамъ частей, что Евпаторія должна быть уничтожена до тла, въ полномъ смыслѣ этого слова [3]).

---

[1]) Рапортъ барона Врангеля князю Меншикову, 2-го февраля № 72

[2]) Письмо полковника Волкова князю Меншикову, отъ 2-го февраля.

[3]) Записка полковника Гоштовта (рукоп).

Съ разсвѣтомъ 2-го февраля, князь Урусовъ съ полковыми, а полковникъ Шейдеманъ съ бригадными и батарейными командирами произвели рекогносцировку Евпаторіи и оказалось, что возлѣ всѣхъ мельницъ сдѣланы завалы для штуцерныхъ; что постройка около карантина окончена и что казарма, построенная передъ карантиномъ, приведена въ оборонительное положеніе. Доставляя городу фланговую оборону, казарма эта, вмѣстѣ съ равелиномъ, построеннымъ передъ мельницами, обстрѣливали мѣстность передъ городомъ перекрестнымъ огнемъ [1]).

Утромъ 4-го февраля былъ отслуженъ молебенъ, послѣ котораго Хрулевъ объѣзжалъ войска.

— Надѣюсь, ребята, говорилъ онъ алексопольцамъ и греческимъ волонтерамъ, что вы охулки на руки не положите. Если Богъ поможетъ взять Евпаторію, уничтожайте все, но щадите церкви и мирныхъ жителей.

Къ тремъ часамъ пополудни, 4-го февраля, прибыли въ селеніе Оразъ по три казака и жалонерныя команды, отъ каждой изъ колоннъ. Обозначивъ жалонерами тѣ мѣста позиціи, на которыхъ войска должны были стоять во время канонады, офицеры были возвращены на встрѣчу полкамъ, чтобы привести ихъ на позицію, при помощи казаковъ, хорошо знающихъ мѣстность [2]).

Вечеромъ приступлено къ исполненію диспозиціи и войска, собравшись въ верстахъ въ четырехъ или пяти отъ города, провели всю ночь на бивакѣ, не разводя огней. Кавалеріи и конной артилеріи приказано къ пяти часамъ утра прибыть прямо на позицію.

Артилерія не была еще прикрыта эполементами, когда утромъ, 5-го февраля, непріятель, замѣтивъ появленіе нашихъ войскъ въ виду Евпаторіи, самъ первый открылъ огонь.

Съ первымъ непріятельскимъ выстрѣломъ наша артилерія отвѣчала огнемъ 76 легкихъ орудій и минутъ черезъ пять гремѣла общая канонада, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ непрерывнымъ огнемъ штуцерныхъ. На вооруженіи евпаторійскихъ укрѣпленій было 34 орудія большихъ калибровъ и 5 ракетныхъ станковъ. Скоро за непріятельскими укрѣпленіями послѣдовало нѣсколько взрывовъ и взлетѣло на воздухъ пять зарядныхъ ящиковъ. Превосходный огонь нашей артилеріи заставилъ многія непріятельскія орудія

[1]) Изъ письма полковника Волкова князю Меншикову, отъ 2-го февраля. 1855 г. Воен. учен. арх. дѣло № 4,318.

[2]) Приказаніе по отряду, 2-го февраля № 42.

прекратить огонь; дѣйствіе штуцерныхъ, поставленныхъ между орудіями, было также удачно и во многихъ мѣстахъ непріятельскіе стрѣлки принуждены были умолкнуть.

Пользуясь этимъ и видя, что со стороны озера непріятель не имѣетъ артилеріи, генералъ Хрулевъ двинулъ туда греческій батальонъ и для подкрѣпленія его батальонъ спѣшенныхъ драгуновъ, построенныхъ въ ротныхъ колоннахъ. Атака какъ этихъ частей, такъ и Азовскаго пѣхотнаго полка, не увѣнчалась успѣхомъ. Непріятель встрѣтилъ атакующихъ картечью и самымъ частымъ ружейнымъ огнемъ изъ бойницъ, заборовъ, съ крышъ домовъ «и, по крайней мѣрѣ, на четверть часа батальный огонь слился въ какой-то непрерывный трескъ».

Не обращая вниманія на убійственный огонь, наши батальоны, теряя на пути товарищей, смѣло подошли ко рву, который, противъ ожиданія, найденъ наполненнымъ водою. Азовцы пытались воспользоваться лѣстницами, но онѣ оказались короткими, и тогда атакующіе отступили къ находившимся вблизи мѣстнымъ закрытіямъ, чтобы выждать ослабленіе огня и повторить атаку [1]). Укрываясь за стѣнами, за камнями кладбища и въ каменоломныхъ ямахъ, наши солдаты поддерживали весьма частую перестрѣлку съ непріятелемъ.

По началу дѣла Хрулевъ уже видѣлъ, что взять Евпаторію невозможно, что городъ обнесенъ прочнымъ валомъ и гарнизонъ весьма значителенъ и что, наконецъ, стоявшія на рейдѣ непріятельскія суда могутъ своими выстрѣлами избороздить городъ и его окрестности по всѣмъ направленіямъ. «По симъ причинамъ, доносилъ онъ князю Меншикову, и предвидя, что при овладѣніи города будетъ потери *до семи тысячъ* человѣкъ, не смотря на просьбу солдатъ дозволить идти вторично на штурмъ, *считая начало дѣла усиленною рекогносцировкою*, я въ десять часовъ утра рѣшился прекратить бой».

Усиленная рекогносцировка эта стоила намъ 768 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя. Сдавъ войска генералу барону Врангелю и составивъ донесеніе о сраженіи, Хрулевъ отправился въ Севастополь.

«Непріятель, доносилъ главнокомандующій по телеграфу черезъ Кіевъ [2]), предупрежденный черезъ бѣжавшаго въ Евпаторію улана о нашемъ приготовленіи къ атакѣ сего города, успѣлъ получить

---

[1]) Рапортъ Хрулева князю Меншикову, 6-го февраля № 62 Арх канц. воен. минис. дѣло № 11.

[2]) Отъ 7-го февраля № 11. Воен. учен. арх., дѣло № 4,818.

изъ французскаго лагеря значительное подкрѣпленіе и свезти съ кораблей многочисленную артилерію. Генералъ Хрулевъ, донесеніе котораго сейчасъ получено, видѣлъ до 40,000 войска, кромѣ жителей, расположенныхъ по крышамъ для обороны. Онъ воздержался отъ штурма, къ которому готовы были колонны, и ограничился сильною канонадою картечью и застрѣльщичьимъ огнемъ, которыми нанесъ большой уронъ непріятелю. Съ нашей стороны ранено до 300 человѣкъ и въ томъ числѣ генералъ-маіоръ Криденеръ легко; объ убитыхъ не имѣю свѣдѣнія».

Въ Бозѣ почившій Императоръ глубоко скорбѣлъ, что къ понесеннымъ уже нами значительнымъ потерямъ прибавилась новая, невызываемая никакою необходимостью и неоправдываемая никакими объясненіями.

Утѣшительно было только то, что нападеніе это не имѣло никакого вліянія на осаду Севостополя. Штурмъ Евпаторіи былъ явленіемъ побочнымъ и ничѣмъ не связаннымъ съ обороною, проявившею во всемъ блескѣ предпріимчивость защитниковъ славнаго города.

Сознавая всю важность перенесенія французами главной атаки противъ Малахова кургана, и желая замедлить на долго успѣхъ осадныхъ работъ, обороняющійся рѣшился выдвинуться впередъ и прикрыть курганъ отъ непріятельскихъ снарядовъ. Съ этою цѣлью въ ночь съ 10-го на 11-е февраля было заложено впереди нашей оборонительной линіи отдѣльное укрѣпленіе названное *Селенгинскимъ редутомъ*, по имени полка трудившагося надъ его сооруженіемъ. Французы скоро поняли значеніе возводимаго нами укрѣпленія и рѣшились во чтобы то ни стало овладѣть этою постройкою. «Узнавъ вчера, писалъ Канроберъ 12 (24) февраля, что русскіе произвели въ предъидущую ночь значительныя контръ-апрошныя работы впереди нашихъ подступовъ, на пониженной части Инкерманскаго плато, которое опускается къ бухтѣ называемой Киленъ-балочною, я отправился на мѣсто и по внимательномъ осмотрѣ непріятельскихъ работъ, рѣшился атаковать ихъ».

Для атаки были назначены: два батальона 2-го полка зуавовъ, одинъ батальонъ 4-го морскаго полка и по одному батальону 6-го и 10-го линейныхъ полковъ, подъ общимъ начальствомъ генерала Мейрана. Въ половинѣ втораго часа ночи, съ 11-го на 12-е февраля, французы атаковали редутъ, но были отбиты войсками, находившимися подъ начальствомъ генерала Хрущева и состоявшими: изъ четырехъ батальоновъ Волынскаго и трехъ батальоновъ Се-

ленинскаго полковъ, 51 человѣка саперъ и 31 человѣка пластуновъ 8-го черноморскаго пѣшаго баталіона. Не касаясь подробностей сраженія, подробно изложенныхъ авторомъ, мы скажемъ, что спустя нѣсколько дней и именно въ ночь съ 16-го на 17-е февраля было приступлено къ заложенію другаго редута, названнаго *Волынскимъ*. Этотъ послѣдній былъ расположенъ надъ Георгіевскою балкою, въ ста саженяхъ впереди и нѣсколько лѣвѣе Селенгинскаго редута и всего только въ 300 саженяхъ отъ непріятельской траншеи.

Донесеніе князя Меншикова о постройкѣ Волынскаго редута было послѣднимъ его донесеніемъ изъ Севастополя. Болѣе двухъ мѣсяцевъ страдая хроническими припадками, онъ хотя и поручалъ отправляемымъ въ Петербургъ флигель-адъютантамъ доложить Императору о своемъ болѣзненномъ состояніи, но самъ не заявлялъ объ этомъ до тѣхъ поръ, пока здоровье его не было окончательно разстроено и физическія силы не ослабѣли.

Въ началѣ февраля болѣзнь князя Меншикова усилилась до того, что лишала возможности исполнять возложенныя на него обязанности. Обезсиленный страданіями, онъ не могъ ни сѣсть на лошадь, ни серьезно заняться дѣломъ. Князь Меншиковъ видѣлъ, что при такомъ положеніи здоровья, онъ безполезенъ для арміи, ибо, въ случаѣ необходимости встрѣтить непріятеля въ полѣ, войска остались бы безъ главнаго начальника, который не только не въ состояніи былъ вести ихъ въ бой, но даже и сопровождать. Упорная болѣзнь не уступала леченію; припадки учащались, усиливались и довели князя до того, что онъ не только не могъ вставать съ постели, но и въ сидячемъ положеніи ему трудно было долго оставаться. Всѣ, не исключая и самаго князя Меншикова, сознавали, что ему нельзя далѣе сохранять званіе главнокомандующаго, и въ особенности въ такое время, когда въ Севастополѣ начиналась кипучая дѣятельность, требовавшая отъ вождя большаго запаса энергіи, силъ и здоровья. Свѣтлѣйшій рѣшился оставить армію, и 16-го февраля сдалъ начальство генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену; начальникомъ Севастопольскаго гарнизона былъ назначенъ вице-адмиралъ Нахимовъ, а начальство надъ сухопутными войсками Корабельной стороны ввѣрено начальнику 11-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенанту Павлову.

На слѣдующій день главнокомандующій отправилъ курьера къ Императору съ просьбою объ увольненіи его отъ званія главнокомандующаго и дозволеніи отправиться въ Николаевъ и Одессу,

для излѣченія отъ болѣзни [1]). Не ожидая разрѣшенія князь, Меншиковъ въ тотъ же день слѣдомъ за курьеромъ отправился въ Симферополь, гдѣ и рѣшился выждать назначенія себѣ преемника.

И такъ Крымская армія осталась безъ главнаго начальника, отсутствіе котораго, въ такое время, когда всѣ усилія враговъ были обращены противъ Севастополя, и можно было ожидать самыхъ напряженныхъ дѣйствій, — могло имѣть гибельный исходъ на всю кампанію. Это обстоятельство заставляло многихъ желать, чтобы замѣна главнокомандующаго другимъ лицомъ была сдѣлана какъ можно скорѣе. Но кто будетъ назначенъ и скоро-ли прибудетъ было неизвѣстно, а между тѣмъ военныя событія, быстро смѣняясь одно другимъ, могли потребовать энергическихъ и рѣшительныхъ дѣйствій. Уполномоченный главнокомандующимъ распоряжаться только по тѣмъ предметамъ, которые не превышаютъ власти корпуснаго командира, генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, какъ временно командующій арміею, не могъ многаго принять на свою отвѣтственность, и, въ ожиданіи прибытія новаго главнокомандующаго, принужденъ былъ устранять себя отъ всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Его положеніе было крайне щекотливое, а положеніе арміи до времени безъисходное.

Въ такихъ обстоятельствахъ Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи, принимавшіе живое и горячее участіе во всемъ, что касалось до Севастополя, рѣшились выйти изъ выжидательнаго положенія и придти на помощь къ многострадальному городу и его славному гарнизону. Они предложили князю Меншикову немедленно сообщить князю Михаилу Дмитріевичу Горчакову, какъ о состояніи своего здоровья, такъ и о критическомъ положеніи Крымской арміи, остающейся безъ главнаго начальника и просить его прибыть немедленно въ Севастополь, для принятія главнаго начальства. Не довольствуясь согласіемъ князя Александра Сергѣевича исполнить ихъ желанія и зная, что перемѣна главнокомандующаго не можетъ состояться безъ Высочайшаго повелѣнія, Великій князь Николай Николаевичъ написалъ письмо Государю, а Михаилъ Николаевичъ — князю Горчакову, прося его поспѣшить прибытіемъ въ Крымъ.

Желаніе и просьбы двухъ «архистратиговъ», какъ назвалъ преосвященный Иннокентій Великихъ Князей, было предупреждено

---

[1]) Всеподданн. письмо кн. Меншикова отъ 17 февраля. Архив. канц. воен. минис. д. № 11.

въ Петербургѣ и увольненіе князя Меншикова было рѣшено ранѣе, чѣмъ они успѣли отправить своихъ курьеровъ изъ Севастополя. Увольненіе послѣдовало тотчасъ по полученіи донесенія о неудачѣ Евпаторійскаго дѣла. Донесеніе это достигло Петербурга, когда Государь чувствовалъ уже себя не совсѣмъ здоровымъ и тогда же говорили, что новая неудача эта, которую предвидѣлъ покойный Императоръ, сильно подѣйствовала на него и усилила развитіе Его болѣзни. Полученное же вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о намѣреніи князя Меншикова затопить нѣсколько судовъ на фарватерѣ, еще болѣе огорчило Государя.

— Мы сами постепенно уничтожаемъ свой флотъ, сказалъ Онъ, по полученіи донесенія.

Лишившись послѣдней надежды на сохраненіе Черноморскаго флота, видя постоянную неудачу во всѣхъ предпріятіяхъ Крымской арміи и наконецъ получая отъ князя Меншикова весьма частыя заявленія о томъ, что онъ боленъ и неможетъ командовать арміею, Императоръ рѣшился уволить его отъ званія главнокомандующаго и 15-го февраля, за два дня до своей кончины, назначилъ князя Михаила Дмитріевича Горчакова, главнокомандующимъ Крымскою арміею. Въ эти дни состояніе здоровья Государя было уже таково, что Онъ былъ не въ силахъ писать самъ и поручилъ сыну и Наслѣднику сообщить свое рѣшеніе обоимъ лицамъ.

«Государь, чувствуя себя не совершенно здоровымъ, писалъ нынѣ царствующій Императоръ князю Меншикову [1]), приказалъ мнѣ любезный князь отвѣчать Его именемъ на послѣдняго вашего курьера отъ 7-го февраля. Его Величество крайне былъ огорченъ неудачною попыткою, произведенною, по вашему приказанію, генераломъ Хрулевымъ на Евпаторію, и значительною потерею понесенною нашими храбрыми войсками *безъ всякаго результата*.

«Его Величество не можетъ не удивляться, что пропустивъ *три* мѣсяца для атаки сего пункта, когда въ немъ находился *самый незначительный гарнизонъ, не успѣвшій еще укрѣпиться*, вы выждали теперешній моментъ для подобнаго предпріятія, тогда именно, когда по всѣмъ свѣдѣніямъ *достовѣрно* было извѣстно, что туда прибыли значительныя турецкія силы съ самимъ Омеръ-пашей. Его Величество не можетъ не припомнить вамъ, что онъ къ сожалѣнію предвидѣлъ этотъ грустный результатъ.

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 15-го февраля 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 102.

Изъ журналовъ осадныхъ работъ подъ Севастополемъ Его Величество убѣждается, что союзники подвигаясь все ближе, устраивая новыя батареи, какъ противъ 4-го бастіона, такъ и на Сапунъ горѣ, и получивъ значительныя подкрѣпленія, замышляютъ что-то рѣшительное, что также подтверждается всѣми газетными статьями

«Съ другой стороны, усматривая изъ вашихъ неоднократныхъ донесеній, что, при теперешнемъ числѣ войскъ, вы рѣшительно считаете *всякое наступательное движеніе невозможнымъ*, Его Величество видитъ одинъ только выгодный исходъ всему дѣлу, а именно: если непріятель покусится на штурмъ и Богъ поможетъ намъ отбиться, то немедля перейти въ наступленіе, какъ изъ самой крѣпости, такъ и со стороны (Чоргуна) на Кадыкіой, назначивъ для сего послѣдняго движенія сколь возможно большее число свободныхъ войскъ, съ нужною артиллеріею и кавалеріею, дабы угрожать одновременно центру, правому флангу и даже тылу непріятельскаго расположенія.

«Если же непріятель самъ предприметъ наступательное движеніе, то Его Величество не сомнѣвается, что принятыми Вами мѣрами на крѣпкой и почти неприступной позиціи, нынѣ вами занимаемой и сильно укрѣпленной, вы вездѣ встрѣтите его и съ Божіею помощью остановите всякое дальнѣйшее покушеніе.

«Что касается до признаваемой вами необходимости новаго затопленія *трехъ линейныхъ кораблей*, для замѣны разнесеннаго прежняго загражденія Севастопольскаго рейда, Его Величество не отвергая пользы сего загражденія, не можетъ однако не замѣтить, что мы сами уничтожаемъ нашъ флотъ.

«За симъ Государь поручаетъ мнѣ обратиться къ вамъ, какъ къ своему старому, усердному и вѣрному сотруднику и откровенно сказать вамъ, любезный князь, что отдавая всегда полную справедливость вашему рвенію и готовности исполнять всякое порученіе довѣріемъ Его Величества на васъ возлагаемое, Государь съ прискорбіемъ извѣстившись о вашемъ болѣзненномъ теперешнемъ состояніи, о которомъ вы нѣсколькимъ лицамъ поручали неоднократно словесно доводить до Высочайшаго Его свѣдѣнія, желая доставить вамъ средство поправить и укрѣпить службою разстроенное ваше здоровье, Высочайше увольняетъ васъ отъ командованія Крымскою арміею и ввѣряетъ ее начальству генералъ-адъютанта князя Горчакова, которому немедленно предписано отправиться въ Севастополь. До его пріѣзда Его Величество вполнѣ остается увѣреннымъ, что вы съ прежнимъ усердіемъ будете продолжать испол-

нять должность вами до селѣ занимаемую. Извѣстясь также о болѣзненномъ состояніи сына вашего, въ слѣдствіе сильной контузіи, Его Величество разрѣшаетъ ему возвратиться сюда и вмѣстѣ съ тѣмъ назначаетъ его генералъ-адъютантомъ.

«За симъ Государь поручаетъ мнѣ, любезный князь, искренно обнять своего стараго друга Меншикова и отъ души благодарить за его всегда усердную службу и за попеченіе о братьяхъ моихъ».

На слѣдующій день нынѣ Царствующій Императоръ писалъ князю М. Д. Горчакову [1]).

«Государь, чувствуя Себя не совершенно здоровымъ, поручаетъ Мнѣ, любезный князь, чрезъ отправляемаго вмѣстѣ съ симъ флигель-адъютанта Герштенцвейга, передать вамъ слѣдующія Высочайшія повелѣнія.

1) Получая неоднократныя извѣстія о болѣзненномъ состояніи князя Меншикова, словесно доведенныя, по желанію самаго князя, до Высочайшаго свѣдѣнія чрезъ пріѣзжавшихъ изъ Севастополя флигель-адъютантовъ, Его Величество рѣшился уволить князя отъ командованія ввѣренною ему арміею.

2) Его Величество, зная всегдашнюю вашу готовность и рвеніе, съ которымъ вы постоянно исполняли всѣ возлагаемыя Высочайшимъ довѣріемъ на васъ порученія, назначаетъ васъ главнокомандующимъ Крымскою арміею, съ сохраненіемъ прежняго званія главнокомандующаго южною арміею.

3) На время вашего отсутствія въ Крымъ, Его Величество назначаетъ генералъ-адъютанта Лидерса командующимъ войсками, остающимися на южной нашей границѣ съ правами отдѣльнаго корпуснаго командира въ военное время.

4) Его Величество разрѣшаетъ васъ, по вашему собственному усмотрѣнію, усилить Крымскую армію всѣми войсками, которыя вы сочтете возможнымъ *немедля туда направить*. Его Величество имѣетъ при этомъ въ виду, что сохраненіе Севастополя есть вопросъ *первѣйшей важности* и потому рѣшается въ случаѣ разрыва съ Австріею и наступленія непріятеля, *жертвовать временно Бессарабіею и частью даже Новороссійскаго края до Днѣпра, для спасенія Севастополя и Крымскаго полуострова.*

«Кончивъ съ Божіею помощію благополучно дѣло въ Крыму,

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 16-го февраля 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 88.

всегда можно будетъ соединенными силами обѣихъ армій обратиться на австрійцевъ. . . . . .

5) Его Величеству угодно, чтобы вы снабдили генералъ-адъютанта Лидерса общею инструкціею, какъ ему дѣйствовать въ случаѣ наступленія непріятеля въ превосходныхъ силахъ, *представя совершенно ему въ дальнѣйшія распоряженія.*

6) Его Величество разрѣшаетъ васъ взять съ собою въ Крымъ, какъ генералъ-адъютанта Коцебу, такъ и всѣхъ прочихъ чиновъ вашего штаба, которыхъ вы сочтете нужными, и

7) Его Величество, зная вашу опытность и примѣрную распорядительность, возлагаетъ на особое попеченіе ваше обезпеченіе продовольствія Крымской арміи и снабженія ея всѣми нужными припасами по всѣмъ частямъ управленія. Его Величество остается въ полнѣ увѣренъ, что съ помощію генералъ-адъютанта Анненкова, вслѣдствіе вновь возложеннаго на него порученія, важная эта часть придетъ въ должное устройство.

«Въ заключеніе Его Величество поручаетъ Мнѣ васъ обнять, любезный князь, и сказать, что онъ крайне сожалѣетъ, что въ столь важную минуту не въ состояніи самъ писать. Его Величество не сомнѣвается, что съ Божіею помощію вы оправдаете ожиданіе Его къ славѣ Имени Русскаго».

XV.

Князь Горчаковъ при назначеніи его главнокомандующимъ Крымскою арміею. — Прощальный приказъ князя Меншикова. — Положеніе атакующаго и обороняющагося. — Заложеніе Камчатскаго люнета. — Прибытіе князя Горчакова въ Севастополь. — Состояніе края и арміи. — Численный составъ гарнизона. — Осада и оборона. — Положеніе союзниковъ. — Мнѣніе князя Горчакова о предстоящихъ дѣйствіяхъ. — Второе бомбардированіе Севастополя и результаты его. — Недостатокъ пороха. — Установленныя правила стрѣльбы. — Просьба главнокомандующаго о присылкѣ подкрѣпленій. — Боевыя наши средства въ Крыму. — Бой въ контръ-апрошахъ впереди редута Шварца, въ ночь съ 19 на 20 апрѣля.

Въ одинъ и тотъ же день, именно 21-го февраля, князь Горчаковъ получилъ по телеграфу изъ Вѣны извѣстіе о кончинѣ Императора Николая I, и, отъ прискакавшаго курьера, письмо Великаго князя Михаила Николаевича, приглашавшаго его пріѣхать въ Крымъ,

чтобы замѣнить князя Меншикова [1]). Въ тотъ же день вечеромъ прибылъ въ Кишиневъ флигель-адъютантъ полковникъ Герштенцвейгъ, съ выше приведеннымъ нами рескриптомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора [2]).

Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ принялъ новое назначеніе совершенно покойно. Будучи знакомъ довольно близко съ общимъ ходомъ дѣлъ въ Крыму, онъ не скрывалъ отъ себя тѣхъ огромныхъ затрудненій, которыя его ожидаютъ, но не унывалъ и не падалъ духомъ.

«La confiance, писалъ онъ [3]), que notre Auguste Maître a daigné me témoigner est tellement flateuse, que je considère comme un bonheur d'avoir été désigné au poste du danger, dût-il m'en coûter non seulement la vie, mais encore mon honneur militaire».

Князь М. Д. Горчаковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ эпоху самую трудную для Севастополя и Крымской арміи.—Большая часть ближайшихъ подкрѣпленій была истощена, атакующіе перенесли самое тяжелое время, стали отогрѣваться на весеннемъ солнышкѣ, получили значительныя подкрѣпленія, большіе запасы боевыхъ припасовъ и наученные опытомъ сдѣлались вдвое сильнѣе. Князь Горчаковъ былъ назначенъ тогда, когда, съ наступленіемъ весны и возобновленіемъ навигаціи, непріятель сталъ получать громадные запасы боевыхъ припасовъ, а у насъ, по бездорожью, ощущался во многомъ недостатокъ: обозы двигались медленно, приходили не во время, въ маломъ числѣ и сталъ ощущаться недостатокъ въ порохѣ. Страна была совершенно раззорена и продовольствіе находилось въ плохомъ состояніи; кавалерійскія лошади едва двигались и перевозочныя средства были уничтожены.

Почти одновременно съ назначеніемъ князя Горчакова, въ союзныхъ войскахъ послѣдовала также перемѣна. Въ началѣ 1855 года, когда прибыли новыя подкрѣпленія изъ Франціи, Наполеонъ нашелъ необходимымъ переформировать свою армію и раздѣлить ее на два корпуса. Первымъ корпусомъ назначенъ командовать генералъ Пелисье, вызванный для того изъ Алжира, а вторымъ — Боске, извѣстный своими воинскими дарованіями. Перемѣна эта

---

[1]) Письмо князя Горчакова военному министру 21-го февраля 1855 г.

[2]) Письмо полковника Герштенцвейга военному министру, отъ 23-го февраля. Покойный Императоръ, отправляя Герштенцвейга, разсчитывалъ, что онъ будетъ въ Кишиневѣ черезъ семь дней, но посланный, имѣя въ виду важность возложеннаго на него порученія, употребилъ на проѣздъ менѣе пяти сутокъ.

[3]) Военному министру, отъ 13 марта 1855 года.

повидимому ничтожная, имѣла какъ увидимъ большое значеніе въ послѣдующіе дни осады Севастополя. Первый корпусъ остался на прежнемъ мѣстѣ и на его обязанность возложено было веденіе лѣвой атаки, а на второй — атака Корабельной стороны и преимущественно противъ Малахова кургана.

Сосредоточивъ противъ осажденнаго города до 120 тыс. человѣкъ, союзники приступили къ усиленной дѣятельности и работы стали подвигаться быстрѣе прежняго.

Русская армія хотя также насчитывала въ своихъ рядахъ до 120 тыс. человѣкъ, но изъ этого числа болѣе трети находилось: у Евпаторіи, близъ Перекопа, въ восточной части полуострова, у Керчи и проч. Владѣя численнымъ перевѣсомъ, англо-французы не находили затрудненія въ расширеніи своихъ работъ и окаймляли осажденныхъ со всѣхъ сторонъ.

Пробудившаяся дѣятельность союзниковъ заставляла кн. Горчакова торопиться прибытіемъ въ Севастополь, но наступившая распутица служила не малымъ къ тому препятствіемъ. Съ наступленіемъ весны дороги испортились на столько, что движеніе войскъ, обозовъ и въ особенности транспортовъ представляло такія затрудненія, о которыхъ, не бывши на мѣстѣ, невозможно было составить себѣ истиннаго представленія.

Дурное состояніе путей сообщенія вообще было причиною, что князь Горчаковъ, при всемъ своемъ желаніи прибыть какъ можно скорѣе къ новому назначенію, не могъ этого сдѣлать съ тою поспѣшностію съ какою желалъ. Онъ долженъ былъ сдать начальство генералъ-адъютанту Лидерсу, который могъ прибыть въ Кишиневъ не ранѣе 25 или 26 февраля. Хотя, въ ожиданіи его пріѣзда въ главной квартирѣ южной арміи происходила усиленная дѣятельность по составленію инструкцій и наставленій новому начальнику, тѣмъ не менѣе князь Михаилъ Дмитріевичъ не могъ оставить арміи ранѣе какъ на другой день послѣ сдачи. Располагая выѣхать изъ Кишинева 27 или 28 февраля, онъ надѣялся быть въ Севастополѣ около 7-го марта [1]), и былъ увѣренъ, что, до его пріѣзда, кн. Меншиковъ останется распорядителемъ арміи и обороны.

Оставивъ сѣверную сторону Севастополя, князь Меншиковъ 20-го февраля пріѣхалъ въ Симферополь. Не принимая никого, онъ изъявилъ желаніе жить внѣ города и по предложенію предсѣда-

---

[1]) Письмо кн. Горчакова кн. Меншикову 21-го февраля 1855 г. Военн. учен. арх., д. № 4253.

теля казенной палаты переѣхалъ къ нему на дачу [1]). Здѣсь онъ получилъ приведенный нами рескриптъ отъ 15-го февраля, а вслѣдъ затѣмъ другой, привезенный сыномъ фельдмаршала, и извѣщавшій о кончинѣ Императора Николая I и вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Государя. Отправивъ въ Севастополь печальное извѣстіе, князь Меншиковъ въ то же самое время отдалъ приказъ о своемъ увольненіи отъ званія главнокомандующаго.

«Государь Императоръ, писалъ онъ [2]), въ милостивомъ вниманіи къ совершенно разстроенному моему здоровью, Высочайше слагая съ меня обязанности по командованію войсками въ Крыму и по званію начальника главнаго морскаго штаба, на мнѣ лежавшія, при вступленіи своемъ на престолъ, 18-го числа сего февраля, удостоилъ меня, отъ 19-го сего же мѣсяца, Монаршимъ рескриптомъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено нижеслѣдующее:

«Въ общей глубокой горести о кончинѣ Нашего благодѣтеля, да будетъ намъ утѣшеніемъ истинно русская храбрость, съ которою ввѣренныя вамъ войска встрѣтили непріятеля и противудѣйствуютъ его покушеніямъ. Поблагодарите отъ меня всѣхъ доблестныхъ защитниковъ Севастополя за блистательные подвиги, коими они украсили наши военныя лѣтописи; перешедшій въ жизнь вѣчную, Царственный вождь православнаго воинства, благословляетъ свыше ихъ стойкость и безпримѣрную неустрашимость».

«Товарищи! что могу еще сказать послѣ двухъ царственныхъ благословеній вамъ на вѣрную и честную службу Престолу и Отечеству?

«Тяжкими недугами разлученный съ вами, мнѣ остается только искренно поблагодарить всѣхъ и каждаго изъ моихъ морскихъ и сухопутныхъ войскъ, сотрудниковъ отъ генерала до рядоваго, за неоднократное доставленное мнѣ счастіе передавать имъ «Царское спасибо», и покидая, по необходимости, ряды доблестнаго воинства, я утѣшаюсь убѣжденіемъ, что, удостоенное прежде, оно не перестанетъ и впредь заслуживать Монаршее одобреніе, радуя нашего Царя успѣхами защиты православнаго дѣла.

«Товарищи прощайте! Господь да помогаетъ вамъ».

Непріятель узналъ о несчастіи постигшемъ Россію гораздо ранѣе чѣмъ извѣстіе это достигло до Севастополя. Вѣсть о

---

[1]) Письмо А. Щербачева Э. В. Бримеру, отъ 21-го февраля 1855 г.

[2]) Въ приказѣ отъ 28-го февраля 1855 г.

кончинѣ Императора Николая I-го была получена союзниками въ семь часовъ вечера 22-го февраля (6-го марта новаго стиля) [1]) и на другой же день сообщена одному изъ нашихъ парламентеровъ.

— Мы оплакиваемъ вашу потерю, сказалъ французскій офицеръ.

— Какую потерю? спросилъ нашъ парламентеръ.

— Какъ будто вы не знаете? Вашъ Императоръ скончался.

Хотя извѣстіе это и сохранялось начальствомъ въ секретѣ, но, подъ покровомъ тайны, оно облетѣло по гарнизону и поразило всѣхъ [2]). Перваго марта, на другой день по прибытіи въ Севастополь съ манифестомъ князя Паскевича, приказано было собрать въ нѣсколькихъ пунктахъ всѣ свободныя отъ службы войска, поставить ихъ, по возможности, въ скрытыхъ отъ непріятеля мѣстахъ, по прочтеніи манифеста отслужить панихиду, а затѣмъ приступить къ присягѣ Императору Александру II.

Согласно Высочайшей воли князь Меншиковъ оставался въ Симферополѣ почти до дня пріѣзда князя Горчакова съ тѣмъ, чтобы передать новому главнокомандующему всѣ необходимыя свѣдѣнія о ходѣ обороны. Послѣдняя сосредоточивалась преимущественно на окончаніи выдвинутыхъ впередъ редутовъ и ихъ фланкированіи. Не рѣшаясь атаковать редуты, французы усиливали свои траншеи, вывели впередъ нѣсколько подступовъ по направленію къ Селенгинскому редуту и заложили нѣсколько батарей. Союзные главнокомандующіе надѣялись, что съ окончаніемъ батарей, они будутъ имѣть на этомъ пунктѣ до 72 орудій и что съ открытіемъ усиленнаго бомбардированія редуты будутъ разрушены и тогда представится возможность занять впереди лежащій холмъ, командовавшій окружающею мѣстностью, и зайдя въ тылъ обороняющемуся заставить его оставить редуты.

Въ концѣ февраля Канроберъ, осмотрѣвъ свои работы, увѣдомилъ главнокомандующаго англійскою арміею, что французскія батареи будутъ готовы открыть огонь къ 1-му марта. Лордъ Рагланъ отвѣчалъ, что англійскіе инженеры также приступили къ постройкѣ нѣсколькихъ батарей, которыя въ общемъ ходѣ атаки принесутъ большую и несомнѣнную пользу, но что онѣ не могутъ быть готовы къ этому времени. Лордъ Рагланъ не могъ даже опредѣлить срокъ, когда батареи будутъ въ состояніи открыть огонь и къ какому

---

[1]) «Histoire du service de l'artillerie» p 206.

[2]) Алабинъ. «Походныя записки» ч. II, 177.

времени англичане успѣютъ снабдить ихъ необходимыми боевыми припасами.

Столь большое замедленіе было невыгодно для союзниковъ, принужденныхъ смотрѣть какъ русскіе безпрепятственно укрѣпляютъ свою передовую позицію и Канроберъ жаловался на англичанъ, по его словамъ, стѣсняющихъ дѣйствія французской арміи. «Наши батареи, писалъ онъ военному министру отъ 5 (17) марта [1]), вооружены огромнымъ числомъ орудій, до 500, могущихъ открыть огонь и съ 14 (2) числа я жду англичанъ, которые еще не готовы. Я понуждаю ихъ какъ могу, помогаю имъ даже, совершенно понимая необходимость броситься на ту часть Севастополя, которою мы овладѣть въ состояніи: но понимаю также невозможность начать дѣйствія безъ нашихъ союзниковъ. Главное дѣло въ настоящую минуту состоитъ въ томъ, чтобы захватить открытою силою курганъ къ югу отъ Малаховой башни, гдѣ непріятель сильно укрѣпляется, подъ покровительствомъ сосредоточеннаго огня сильной артиллеріи». Преувеличивая, для пользы будущаго, свою опасность, Канроберъ сваливалъ всю вину на англичанъ. Онъ писалъ, что атака Малахова кургана чрезвычайно трудна для втораго корпуса, что батареи и траншеи выводятся подъ сильнымъ огнемъ батарей Корабельной стороны и «*неимовѣрнаго*» числа русскихъ стрѣлковъ скрывающихся въ многочисленныхъ ложементахъ. Канроберъ говорилъ, что, понимая какъ пагубно и опасно замедленіе огня, онъ все таки не можетъ ничего сдѣлать съ англичанами.

«Вчера, писалъ онъ отъ 11-го (23-го) марта, я убѣждалъ лорда Раглана въ необходимости открыть огонь, но не могъ получить отъ него удовлетворительнаго отвѣта». Эти-ли только причины или какія другія задерживали дѣятельность союзниковъ, но они въ теченіе долгаго времени не препятствовали окончанію нашихъ передовыхъ построекъ и даже навели князя Меншикова на мысль о возможности и своевременности наступательныхъ дѣйствій съ лѣваго нашего фланга, съ тѣмъ чтобы, подъ прикрытіемъ выдвинутыхъ впередъ редутовъ, атаковать работы непріятеля на Сапунъ горѣ. Отъѣзжая изъ Севастополя, главнокомандующій просилъ генералъ-адъютанта барона Остенъ-Сакена сообразить всѣ обстоятельства дѣла, и, если представится возможнымъ, то привести его въ исполненіе. Баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ поручилъ генералъ лейтенанту Хрулеву произвести рекогносцировку непріятельскаго расположенія и представить

[1]) L'expédition de Crimée par Bazancourt. T. II, 193.

свое соображеніе. Вечеромъ 20-го февраля былъ собранъ совѣтъ изъ генераловъ: Хрулева, Баумгартена и полковника Васильчикова, на которомъ наступательное движеніе было признано невозможнымъ [1]). Предпріятіе это, по мнѣнію собравшихся на совѣщаніе, не обѣщавшее никакого успѣха, кромѣ огромной потери, было оставлено безъ исполненія, а въ замѣнъ того рѣшено приступить немедленно къ занятію кургана впереди Малахова съ тѣмъ, чтобы предупредить въ томъ непріятеля, несомнѣнно стремившагося къ той же цѣли. Для защитниковъ было ясно, какъ день, что всѣ вновь устраиваемыя батареи предназначаются для дѣйствія по Малахову кургану, который, будучи подверженъ перекрестному огню, не въ силахъ будетъ состязаться въ борьбѣ съ батареями союзниковъ. «Чтобы парализовать ихъ дѣйствія, писалъ князю Меншикову баронъ Остенъ-Сакенъ [2]), Тотлебенъ предлагаетъ на курганѣ, въ 250-ти саженяхъ отъ бастіона (Корниловскаго) построить редутъ. Я давно уже желалъ этого, но не хотѣлъ привлечь вниманіе непріятеля, но какъ онъ усиливается на этомъ пунктѣ, то не дозволите-ли привести въ исполненіе это предположеніе, по окончаніи Волынскаго редута, что можетъ послѣдовать дня черезъ два».

Князь Меншиковъ вполнѣ одобрилъ эту мѣру и находилъ даже, что такой редутъ послужитъ впослѣдствіи опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ дѣйствій къ овладѣнію англійскими батареями, между Кпленъ и Лабораторною балками [3]). Овладѣніе это казалось теперь возможнымъ потому, что съ занятіемъ кургана, мы могли дѣйствовать во флангъ англійскимъ траншеямъ, направленнымъ противъ третьяго бастіона.

Догадываясь, что появленіе Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ не есть простая случайность, а только подготовительная работа къ болѣе важной и существенной, союзники съ замираніемъ сердца смотрѣли на курганъ, опасаясь каждую минуту увидѣть на немъ русскую батарею, способную разрушить всѣ ихъ надежды на быстрое выдвиженіе впередъ осадныхъ работъ. Англичане разсказывали впослѣдствіи, что курганъ этотъ имѣлъ столь большое зна-

---

[1]) Рапортъ барона Остенъ-Сакена князю Меншикову, отъ 21-го февраля № 20. Воен. учен. арх. д. № 3509. Письмо Семякина кн. Меншикову отъ 21-го февраля. Тамъ же, д. № 4316.

[2]) Въ письмѣ отъ 21-го февраля. Воен. учен. арх., д. № 4315.

[3]) Письмо кн. Меншикова барону Остенъ-Сакену отъ 25-го февраля Тамъ же.

ченіе для обѣихъ сторонъ, что они держали между собой пари, кто первый займетъ этотъ курганъ: русскіе или французы [1])?

Слава побѣды досталась на долю первыхъ.

Въ ночь съ 26-го на 27-е февраля курганъ былъ занятъ нами и на немъ заложено укрѣпленіе названное *Камчатскимъ* люнетомъ, составившимъ центръ контръ-параллели простиравшейся къ сѣверо-востоку до Киленъ-балки и далѣе до большой бухты, а къ юго-западу до Лабораторной балки.

Съ возведеніемъ Камчатскаго люнета штурмъ Севастополя и его паденіе отсрочены были на довольно долгое время. «Il n'y avait plus doute, говоритъ Оже, sur le dessein des Russes: ils nous avaient devancés et construisaient une redoute, qui avec les *Ovrages blancs* [2]) et les parallèles de contre-approche, formait une ligne de défence avancées, dont la prise devait retarder sensiblement l'assaut de la tour Malakoff».

Обыкновенно принималось правиломъ, что атакующій можетъ открыть осадныя работы не ближе какъ на половинномъ разстояніи отъ своего сборнаго мѣста до крѣпости, иначе онъ подвергаетъ свои работы скорому разрушенію отъ вылазокъ обороняющагося, такъ какъ не можетъ подоспѣть во-время на помощь. Еще большую отвагу долженъ имѣть осажденный отступая отъ этого правила. При правильно веденной осадѣ и предпріимчивости, атакующій имѣетъ гораздо болѣе средствъ выставить превосходныя силы на мѣстности между своими параллелями и крѣпостью. Тѣмъ не менѣе намъ удалось построить и вооружить Камчатскій люнетъ ближе къ непріятельскимъ работамъ, чѣмъ къ своей оборонительной линіи.

Возведеніе трехъ редутовъ подъ весьма близкимъ огнемъ атакующаго, было, конечно, дѣло весьма важное и можно сказать единственное въ исторіи обороны крѣпостей и укрѣпленныхъ позицій, но нельзя не замѣтить, что занятіе пунктовъ, на которыхъ построены были эти укрѣпленія, было произведено слишкомъ поздно. Въ то время когда явились передовые редуты и въ томъ видѣ въ какомъ они представились непріятелю — это было не болѣе какъ полумѣра. Въ Севастополѣ тогда же сознавали, что мы опоздали движеніемъ впередъ, что редуты стояли одиноко и безъ той связи и силы, которую могли имѣть, если бы были построены ранѣе.

---

[1]) «Военный сборникъ» 1860 г. № 4.

[2]) Такъ называли союзники Волынскій и Селенгинскій редуты. Камчатскій же люнетъ извѣстенъ былъ у нихъ подъ именемъ: «ouvrage de mamelon vert».

— Жаль, говорилъ князь Горчаковъ, что постройка ихъ предпринята столь поздно. Теперь постановленіе каждаго тура для ихъ поправки или усиленія стоитъ крови и большихъ потерь.

«Наступательныя движенія наши изъ осажденнаго Севастополя, писалъ баронъ Остенъ-Сакенъ [1]), сооруженіемъ трехъ передовыхъ редутовъ: двухъ на лѣвомъ флангѣ за Киленъ-балкою и одного передъ Малаховымъ курганомъ, стоили потерь и потребовали новыхъ войскъ. Наступательныя эти дѣйствія въ полумѣрѣ произведенныя не принесли пользы, а напротивъ привлекли вниманіе непріятеля къ мѣстности единственной для нашего наступленія. Непріятель произвелъ и продолжаетъ производить усиленныя работы противъ нашего лѣваго фланга, возводитъ новыя батареи, траншеи и усиливаетъ профили. Съ каждымъ днемъ наступленіе наше на непріятельскій укрѣпленный лагерь становится труднѣе. Почти три мѣсяца усыплялъ я непріятеля, отвлекая вниманіе его отъ пространства между Киленъ и Доковою балками, не позволялъ дѣлать вылазокъ въ этой мѣстности и непріятель держался въ отдаленіи».

Хотя союзники обратили вниманіе на эту мѣстность ранѣе заложенія нами контръ-апрошныхъ редутовъ, и слова барона Остенъ-Сакена не вполнѣ справедливы, тѣмъ не менѣе постройка этихъ укрѣпленій была предпринята тогда, когда не представлялось уже возможнымъ укрѣпить избранную позицію такъ, чтобы сдѣлать изъ нея весьма сильную преграду непріятелю. Все это можно было сдѣлать гораздо ранѣе и съ наибольшимъ успѣхомъ.

Если бы князь Меншиковъ послѣдовалъ своевременнымъ указаніямъ Императора Николая I, онъ могъ бы сдѣлать эту позицію столь сильною, что, для овладѣнія ею, англо-французамъ пришлось бы употребить труда не менѣе, чѣмъ противъ важнѣйшихъ пунктовъ оборонительной линіи. Появленіе редутовъ впереди оборонительной линіи показало, что предпріимчивый главнокомандующій могъ съ русскими войсками отважиться на многое; что опасенія князя Меншикова и его доказательства о невозможности наступательныхъ дѣйствій были неосновательны и что, наконецъ, если мы могли утвердиться на передовой позиціи въ виду непріятеля, въ то время когда французы пришли на помощь англичанамъ и приняли на себя атаку Малахова кургана — то мы могли это сдѣлать

---

[1]) Въ запискѣ кн. Горчакову отъ 5 марта 1855 г. Воен. учен. арх., дѣло № 3504. См. также отношеніе князя Горчакова военному министру 18 марта. Арх. канц. воен. министерства, д. № 1—9

съ бо́льшимъ успѣхомъ для обороны нѣсколькими мѣсяцами ранѣе, когда противъ насъ стояли одни англичане обезсиленные болѣзнями и упавшіе духомъ.

Движеніе наше впередъ хотя и «въ полумѣрѣ произведенное» показало однако же союзникамъ, что для Севастополя наступилъ новый періодъ обороны, болѣе упорный и кровопролитный. Постройка *«трехъ отроковъ въ пещи»* или *«очковъ Севастополя»*, какъ называли тогда защитники свои передовые редуты, стоила намъ дорого и должно было ожидать что и въ будущемъ удержаніе ихъ за собою будетъ стоить еще дороже, но польза приносимая ими дѣлу обороны была весьма значительна. Мы остановили осадныя работы англо-французовъ противъ Малахова кургана, воспретили имъ, безъ новыхъ и весьма продолжительныхъ работъ, возводить батареи для обстрѣливанія бухты — словомъ отсрочили паденіе Севастополя почти на полгода.

Готовые къ усиленному бомбардированію и затѣмъ къ быстрому движенію впередъ, союзники принуждены были остановиться и прибѣгнуть къ тому же средству, къ которому всегда прибѣгали — къ новому и еще большему развитію артиллерійскаго огня.

Къ началу марта на одной лѣвой атакѣ французовъ было готово и вооружено болѣе 45 батарей и приготовлено по 500 выстрѣловъ на орудіе. Теперь же эти средства признаны недостаточными и изъ Франціи потребованъ былъ новый осадный паркъ въ 160 орудій.

Стараясь увеличить калибръ и дальность выстрѣловъ, французы приступили къ развитію навѣснаго огня, наносившаго намъ впослѣдствіи жестокое пораженіе, начали ставить на свои батареи мортиры дальняго бросанія (mortir à plaque) и просили чтобы въ составъ требуемаго осаднаго парка было доставлено только 60 пушекъ, а остальныя орудія были гаубицы и какъ можно болѣе мортиръ. Сверхъ того, чтобы воспрепятствовать нашимъ наступательнымъ работамъ, они ввели въ свои траншеи большое число полевыхъ орудій, снабженныхъ сначала по тысячѣ, а потомъ по двѣ тысячи зарядовъ на орудіе.

Вотъ та усиленная дѣятельность и необычайныя средства, которыя были вызваны нашими контръ-апрошными работами. Въ постройкѣ редутовъ, говоритъ авторъ нѣмецкой брошюры [1]), «мы видимъ систему контръ-апрошей въ небываломъ дотолѣ протяженіи,

---

[1]) Militairiche Betrachtungen über die Vertheidigung von Sebastopol. Изд. 1856 г.

исполненную столь же дальновидно, сколько и смѣло — фактъ блистательно свидѣтельствующій о превосходствѣ высшаго начальствованія обороною».

Къ сожалѣнію, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай, не дождался блестящихъ результатовъ своихъ указаній и неоднократныхъ настояній. Ему исключительно принадлежитъ, какъ мы видѣли, мысль контръ-апрошныхъ работъ, занятіе холма впереди Малахова кургана и заложеніе передовыхъ редутовъ.

«Все это *совершенно сходно съ мыслями* нашего незабвеннаго Государя, писалъ нынѣ благополучно царствующій Императоръ князю Горчакову [1]), и вѣрно Его бы порадовало. Три новыхъ укрѣпленія возведенныхъ подъ носомъ непріятеля, есть уже весьма важный результатъ. Жаль только, что устройство ихъ не было исполнено *тремя мѣсяцами раньше*, на что незабвенный нашъ благодѣтель *неоднократно указывалъ князю Меншикову* [2]). Въ то время и уронъ былъ бы вѣроятно не столь значителенъ какъ теперь. Дай Богъ только, чтобы намъ удалось въ нихъ удержаться».

Смѣлая постройка Камчатскаго люнета на долго задержала французовъ и послужила поводомъ ко многимъ кровавымъ встрѣчамъ описаннымъ М. И. Богдановичемъ, въ главѣ XXVIII тома III-го его исторіи «Восточной войны». Почтенный авторъ слѣдитъ весьма подробно, шагъ за шагомъ, за работами какъ осаждающаго, такъ и обороняющагося. Не имѣя въ виду повторять того, что прекрасно изложено авторомъ, мы коснемся первыхъ дней пребыванія князя Горчакова въ Севастополѣ.

Отправляясь въ Крымъ съ большею частью своего штаба, новый главнокомандующій направилъ туда же, слѣдомъ за собою, изъ южной арміи 6-ю и 9-ю пѣхотныя дивизіи, вторую бригаду 14-й пѣхотной дивизіи и всю вторую драгунскую дивизію.

Объявивъ войскамъ крымской арміи о скоромъ прибытіи къ нимъ подкрѣпленій, князь М. Д. Горчаковъ выразилъ увѣренность, что конечный успѣхъ увѣнчаетъ ихъ усилія.

«Государь Императоръ, писалъ онъ въ приказѣ [3]), изволилъ мнѣ повелѣть принять личное начальство надъ сухопутными и морскими силами, находящимися въ Крыму.

«Храбрые воины! мужествомъ вашимъ гордится вся Россія, и

---

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 23-го февраля 1855 года.

[2]) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

[3]) Отъ 8-го марта 1855 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 9.

Великій Государь Николай I, при кончинѣ своей, съ признательностію обратилъ послѣдній взоръ свой на ваши подвиги. Достойный преемникъ Его царствующій Императоръ Александръ II въ письмахъ ко мнѣ отъ 19 и 23 февраля изволилъ выразиться слѣдующими словами: «скажите отъ Имени незабвеннаго благодѣтеля нашего храбрымъ защитникамъ Севастополя, что Онъ ими гордился и со смертнаго одра посылаетъ имъ черезъ Меня послѣднее и душевное спасибо; скажите нашимъ молодцамъ, что я ихъ отъ души благодарю Его именемъ и вполнѣ увѣренъ, что они всегда будутъ достойны Его отеческаго попеченія».

«Самое трудное для васъ время миновало: — пути возстановляются; подвозы всякаго рода запасовъ идутъ безостановочно и сильныя подкрѣпленія, къ вамъ на помощь направленныя, сближаются.

«Принимая начальство надъ вами, я въ полномъ упованіи, что вскорѣ, съ Божіею помощію, конечный успѣхъ увѣнчаетъ наши усилія, и что мы оправдаемъ ожиданія нашего Государя и Россіи».

Ободряя такъ своихъ подчиненныхъ, князь Горчаковъ не имѣлъ причины ласкать себя надеждою на несомнѣнный успѣхъ дѣйствій. Онъ нашелъ на полуостровѣ болѣе 16 тыс. человѣкъ больныхъ и раненыхъ, лежавшихъ въ плохо устроенныхъ госпиталяхъ, нашелъ войска нуждающимися въ одеждѣ и обуви, не получавшими денегъ на фуражъ съ 1-го февраля, а между тѣмъ въ кассѣ было только 500-тыс. рублей, изъ которыхъ можно было заимствовать не болѣе 300 тыс. руб., такъ какъ эта сумма, будучи экстраординарною, имѣла другое назначеніе и могла понадобиться ежеминутно.

— Какой порядокъ можно имѣть при подобныхъ обстоятельствахъ, спрашивалъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, и что можно сказать войскамъ, когда они могутъ отвѣчать, что имъ приказывали производить покупки, а не давали необходимыхъ для того денегъ.

Край былъ совершенно истощенъ и въ особенности пространство между Севастополемъ, Симферополемъ и Евпаторіею, гдѣ не было никакой возможности достать фуражъ. Въ Севастополѣ ощущался недостатокъ въ боевыхъ припасахъ и главнокомандующій принужденъ былъ просить военнаго министра выслать какъ можно скорѣе пороху и по крайней мѣрѣ два милліона рублей; онъ просилъ доставить въ Симферополь 20-тыс. шинелей и по 10-тыс. суконныхъ панталонъ и сапоговъ. Такую присылку князь Горчаковъ считалъ настоятельно необходимою, ибо по его словамъ въ

крымской арміи «les affaires d'argent, des vivres et des hôpitaux ont été menées á la diable. Aussi l'artillerie et les trains ont des chevaux abimés et cela au moment où je puis être dans le cas de manoeuvrer avec célérité [1])».

Что касается до обороны, то онъ нашелъ ее въ болѣе удовлетворительномъ состояніи, чѣмъ ожидалъ, но принужденъ былъ сознать, что, для успѣха въ будущемъ, необходимо увеличеніе боевыхъ средствъ и значительныя подкрѣпленія. Севастополь заключалъ въ себѣ собственно три крѣпости: Городскую сторону на лѣвомъ берегу Южной бухты, Корабельную — на правомъ ея берегу и Сѣверную сторону. Ни одна изъ этихъ частей не могла подать помощи другой, ибо были разобщены между собою двумя широкими бухтами. Сообщеніе по кладкамъ, устроеннымъ на судахъ, черезъ Южную бухту могло быть весьма скоро разрушено непріятельскими выстрѣлами. Даже и въ томъ случаѣ, если бы такого разрушенія не послѣдовало и можно было направить войска для подкрѣпленія, то непріятель, владѣя господствующею мѣстностію, видя внутренность крѣпости и все что въ ней происходитъ, не замедлилъ бы воспользоваться удаленіемъ войскъ изъ одной части оборонительной линіи въ другую.

По такому стеченію мѣстныхъ обстоятельствъ необходимо было, чтобы каждая изъ частей имѣла самостоятельную оборону и оберегалась числомъ войскъ достаточнымъ для отраженія непріятельскаго штурма, хотя бы только въ томъ случаѣ, если бы нападеніе было произведено безъ предварительнаго сосредоточенія массъ, на какомъ либо отдѣльномъ пунктѣ атаки.

Ко дню пріѣзда князя Горчакова, на южной сторонѣ Севастополя находились: 961 орудіе съ 8974 человѣками прислуги и 60½ батальоновъ пѣхоты, общая численность которыхъ составляла 34593 штыка [2]).

Главная дѣятельность обѣихъ сторонъ была сосредоточена на лѣвомъ флангѣ оборонительной линіи — на Корабельной сторонѣ и

---

[1]) Письмо кн. Горчакова военному министру 9-го марта 1855 г. Принявъ всѣ мѣры къ заготовленію требуемыхъ вещей, военный министръ тотчасъ же отправилъ князю Горчакову 1½ милліона рублей, а вслѣдъ затѣмъ и еще милліонъ размѣненный на золото, серебро и мелкія ассигнаціи, которыя было весьма трудно достать въ Крыму. См. письмо военнаго министра кн. Горчакову отъ 18-го марта 1855 года. Арх. канц. воен. минис. д. № 9.

[2]) Рапортъ барона Остенъ-Сакена князю Горчакову 5-го марта 1855 г. Воен. учен. арх. д. № 3504.

исключительно противъ передовыхъ редутовъ. Къ вечеру 10-го марта французы приблизили свои осадныя работы на 42 сажени къ ложементамъ впереди Камчатскаго люнета. Чтобы удалить непріятеля и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить его работы, признано необходимымъ, вопервыхъ въ ночь съ 10-го на 11-е марта произвести вылазку въ значительныхъ размѣрахъ, а во вторыхъ усилить ложементы соединеніемъ ихъ въ одну общую траншею.

Вылазка была необходима, «иначе, доносилъ князь Горчаковъ [1]), мы уже теперь имѣли бы непріятеля подъ самымъ Камчатскимъ люнетомъ, который только что отдѣлывается и не могъ еще быть справа и слѣва поддержанъ траншеями. Французы или схватили-бы его штурмомъ или охватили-бы ближайшими апрошами, такъ что пришлось бы намъ самимъ его оставить. А пунктъ первой важности».

Таковы были причины, побудившія насъ перейти въ наступленіе. Подробно описанная авторомъ вылазка эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; часть непріятельскихъ работъ была уничтожена и союзники какъ бы въ отмщеніе за свою неудачу открыли сильнѣйшій огонь по Севастополю. Въ теченіе ночи съ 10-го на 11-е марта они бросили въ городъ болѣе 2-тыс. бомбъ и пустили до 150 ракетъ [2]). Столь усиленная канонада послужила намъ указаніемъ, что послѣднее дѣло поколебало энергію союзниковъ и убѣдило ихъ въ томъ, что для овладѣнія оборонительною линіею укрѣпленій, имъ предстоитъ брать съ боя каждый шагъ впереди лежащей мѣстности и что шагъ этотъ будетъ стоить многихъ трудовъ, усилій и крови, и безъ того достаточно увлажившей почву окрестностей многострадальнаго города. Сосредоточенный же огонь противника противъ Камчатскаго люнета свидѣтельствовалъ о желаніи уничтожить наши передовыя постройки и овладѣть мѣстностью, на которой онѣ находились. Неоднократныя неудачи испытанныя союзниками въ артиллерійской борьбѣ съ нашими батареями были причиною, что планъ Канробера не былъ одобренъ въ Парижѣ и ему предписано дѣйствовать съ большею настойчивостію.

Въ то время въ Вѣнѣ происходили переговоры о мирномъ соглашеніи Россіи съ западными державами. Желая придать болѣе

---

[1]) Во всеподд. донесеніи отъ 13-го марта 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 41.

[2]) Отношеніе князя Горчакова Военному Министру отъ 13-го марта 1855 г.

вѣса своимъ требованіямъ, союзныя правительства ожидали успѣховъ въ Крыму и съ этою цѣлью медлили созваніемъ конференціи. Онѣ откладывали засѣданія день за день, надѣясь получить донесеніе о какомъ либо блестящемъ успѣхѣ. Донесеніе не приходило и союзные главнокомандующіе, не смотря на громадность своихъ средствъ, не могли удовлетворить желанію своихъ правительствъ. Воздвигнутыя укрѣпленія Севастополя, неуспѣшность подземной войны и осязаемое превосходство нашего минера, удальство и стойкость гарнизона, отбитое нападеніе отборныхъ французскихъ войскъ, отъ едва начатаго постройкою Селенгинскаго редута и наконецъ неудача ихъ въ дѣлѣ 10-го марта — все это убѣждало союзниковъ въ трудности пріобрѣсти успѣхъ безъ предварительной подготовки.

Съ перваго взгляда и издали, напримѣръ изъ Парижа и Лондона, положеніе союзниковъ казалось на столько удовлетворительнымъ, что правительства считали себя вправѣ надѣяться на быстрый успѣхъ дѣйствій. Въ Крымъ были отправлены новыя подкрѣпленія, ежедневно высаживавшіяся въ Камышевой и Балаклавской бухтахъ. Въ Евпаторіи усиливалась армія Омеръ-паши и подвозились Египетскія войска. Съ прибытіемъ этихъ подкрѣпленій англо-французы хотя и занимали въ Крыму два отдѣльные пункта: Херсонесскій полуостровъ и Евпаторію, но при удобствѣ морскаго сообщенія и множествѣ транспортныхъ судовъ, положеніе ихъ казалось лучше самаго сосредоточеннаго положенія сухопутной арміи. Послѣдняя могла перемѣщаться съ мѣста на мѣсто довольно медленно, тогда какъ союзники, прикрываясь своими укрѣпленіями, возведенными возлѣ Севастополя, и обезпеченные большимъ числомъ судовъ, имѣли возможность бросать по произволу и въ нѣсколько часовъ значительныя части войскъ, на любую точку полуострова. Сухопутная армія могла подвергнуться не исправной доставкѣ продовольствія и боевыхъ припасовъ, или отрѣзана отъ сообщеній, тогда какъ союзники, имѣя винтовыя суда и владѣя моремъ, не подвергались этимъ крайнимъ положеніямъ.

И такъ, всѣ выгоды казались на ихъ сторонѣ, но всматриваясь ближе въ положеніе дѣлъ, мы увидимъ, что и англо-французы были до нѣкоторой степени, и даже очень, связаны въ своихъ дѣйствіяхъ. Сначала осень и зима, болѣзни и недостатокъ въ матеріалахъ лишали ихъ возможности дѣйствовать съ желаемою скоростію, а за тѣмъ, съ наступленіемъ весны, обороняющійся выдвинулся впередъ и остановилъ наступательныя работы союзниковъ на столько, что они не могли уже расчитывать на скорый успѣхъ.

Южная сторона города оказалась на долго обезпеченною отъ штурма и чтобы имѣть возможность прокричать въ Европѣ о какой либо побѣдѣ, англо-французамъ приходилось перенести свою дѣятельность на иной пунктъ, но куда? Сдѣлать высадку и атаковать Сѣверную сторону значило признать всѣ предъидущія дѣйствія ошибочными и поступать болѣе чѣмъ неблагоразумно. Если союзники не рѣшились атаковать эту часть города послѣ сраженія на р. Алмѣ, то теперь она была такъ укрѣплена, что овладѣть ею нечаяннымъ нападеніемъ было невозможно. Снять же, столь долго и съ такимъ усиліемъ веденную, осаду съ Южной стороны и начать ее съ Сѣверной, было бы поступкомъ совершенно безразсуднымъ. Атаковать войска находившіяся внѣ Севастополя союзники также не могли. Видя въ зрительныя трубы почти неприступныя отъ природы и укрѣпленныя искуствомъ позиціи Инкерманскихъ высотъ и Мекензіевой горы, они должны были сознать, что при атакѣ ихъ придется пожертвовать многими тысячами человѣкъ и не пріобрѣсти никакого конечнаго результата. Точно также не влекли за собою никакихъ серьезныхъ послѣдствій ни раззореніе нѣсколькихъ прибрежныхъ пунктовъ, ни новая высадка въ какомъ либо пунктѣ полуострова.

Высадка была бы полезна союзникамъ только въ томъ случаѣ, если бы они могли дѣйствовать на наши пути сообщенія, но не имѣя перевозочныхъ средствъ для доставки за армію продовольствія и боевыхъ припасовъ, они во всю кампанію оставались прикованными къ морю и принужденными, не трогаясь съ мѣста, сосредоточить всю свою дѣятельность на Херсонесскомъ полуостровѣ. Тамъ въ рукахъ ихъ, не смотря на значительное превосходство въ силахъ, было одно средство для успѣха — усиленное дѣйствіе артиллеріи и разрушеніе нашихъ укрѣпленій. Это былъ единственный исходъ, одинаково понятный и очевидный какъ для атакующаго, такъ и для обороняющагося.

«Я ожидаю, писалъ еще 5 марта баронъ Остенъ-Сакенъ князю Горчакову [1]), томительнаго и убійственнаго бомбардированія сосредоточенными выстрѣлами огромнаго числа, огромной досягаемости орудій и ракетъ, къ чему приготовлено у нихъ не слыханное въ осадахъ число снарядовъ. У насъ пороху не достаточно для противудѣйствія и наши снаряды будутъ направлены только на батареи и прислугу въ амбразуры; войска же ихъ станутъ внѣ черты досягае-

---

[1]) Воен. учен. арх. д. № 3504.

мости, тогда когда нашихъ войскъ некуда отвести, исключая нѣкоторой ихъ части въ блиндажи. Непріятель, по мнѣнію моему, можетъ рѣшиться на приступъ, ослабивъ гарнизонъ бомбардированіемъ, или сдѣлавъ бреши.»

Главнокомандующій вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе барона Остенъ-Сакена и не видя никакой возможности перейти въ наступленіе, хлопоталъ лишь о томъ, чтобы отстоять Севастополь до прибытія подкрѣпленій. Непріятельскія работы были такъ близко отъ оборонительной линіи, что Севастополь могъ держаться только при весьма сильномъ гарнизонѣ. Въ распоряженіи же князя Горчакова находилось 124 батальона или около 75 т. штыковъ, такъ какъ среднимъ числомъ каждый батальонъ имѣлъ не болѣе 600 человѣкъ. Изъ этого числа находилось: въ Севастополѣ, кромѣ моряковъ, — которые почти всѣ обращены были въ прислугу при орудіяхъ, — 54 батальона; у Инкермана — 12 батальоновъ, у Мекензи и Чоргуна — 16 бат; у Бельбека — 4 батальона; при вагенбургѣ и въ разныхъ мѣстахъ — 2 батальона; въ Евпаторійскомъ отрядѣ 16 и въ Ѳеодосійскомъ — 6 батальоновъ [1]).

Силы союзниковъ почти вдвое превышали наши и по свѣдѣніямъ имѣвшимся въ Петербургѣ и Севастополѣ, они должны были въ самое короткое время достигнуть до цифры 108 т. человѣкъ [2]), не говоря уже о подкрѣпленіяхъ высылаемыхъ англичанамъ и о новыхъ четырехъ французскихъ дивизіяхъ, которыя, по извѣстіямъ переданнымъ по телеграфу нашимъ посланникомъ въ Брюсселѣ, предполагалось направить въ Крымъ.

По произведенному княземъ Горчаковымъ обозрѣнію непріятельскаго расположенія оказалось, что Балаклава сильно укрѣплена и контръ-валаціонныя работы непріятеля на Сапунъ горѣ тоже были весьма сильны. Союзники, потерпѣвшіе многое во время зимы, имѣли теперь полное во всемъ довольствіе, при посредствѣ безостановочныхъ подвозовъ моремъ. Лагери ихъ оказались усѣянными

---

[1]) Мы не упоминаемъ здѣсь о кавалеріи, такъ какъ она не могла оказать существенной пользы въ оборонѣ Севастополя. Она состояла изъ 78 эскадроновъ, изъ коихъ 8 эскадроновъ находились при главныхъ силахъ, 8 — въ Ѳеодосійскомъ отрядѣ, а остальные 62 эскадрона противъ Евпаторіи

[2]) По имѣвшимся свѣдѣніямъ въ половинѣ марта находилось въ Крыму: французовъ около 70 т., англичанъ до 15 т. Сверхъ того на дняхъ должна была высадиться французская дивизія Herbillon около 8 т. и прибыть сардинскія войска въ числѣ 15 т. человѣкъ

не только палатками, но большими бараками и даже конюшнями: словомъ они имѣли полный комфортъ.

Въ такомъ положеніи дѣлъ, не имѣя возможности употребить для атаки непріятеля даже 50 батальоновъ [1]), а для диверсіи изъ Севастополя болѣе 10 батальоновъ, князь Горчаковъ считалъ совершенно безразсуднымъ переходить въ наступленіе. Онъ находилъ, что непріятельскіе окопы сдѣланы съ величайшимъ тщаніемъ и почти не слабѣе укрѣпленій Севастополя. Штурмовать ихъ тогда, когда непріятелю легко было противъ пункта атаки сосредоточить въ теченіи нѣсколькихъ часовъ до 40 т. и болѣе, значило бы идти на вѣрную и несомнѣнную неудачу. По мнѣнію главнокомандующаго ему не оставалось ничего другаго, какъ ожидать прибытія 40 батальоновъ изъ Южной арміи и смотрѣть, какъ съ каждымъ днемъ силы наши таяли и возможность наступательныхъ дѣйствій исчезала.

Съ возведеніемъ контръ-апрошныхъ верковъ ежедневный расходъ людей на крѣпостную службу увеличился 12-ю батальонами и удержаніе ихъ за собою, въ особенности Камчатскаго люнета, стоило намъ огромныхъ потерь, ежедневно уменьшавшихъ численность гарнизона. Оставить передовыя укрѣпленія было невозможно, такъ какъ непріятель обратилъ бы ихъ противъ насъ для ближайшаго дѣйствія противъ Малахова кургана и бухты. Рѣшаясь ихъ отстаивать, князь Горчаковъ считалъ свое положеніе весьма труднымъ. «Elle (la position) est énormement difficile, писалъ онъ [2]), et l'apathie seul de nos ennemis peut me tirer d'embarras».

Подкрѣпленія наши могли прибыть только въ половинѣ апрѣля и князь Горчаковъ болѣе всего опасался, чтобы союзники не поставили его въ крайнее положеніе движеніемъ изъ Евпаторіи въ тылъ Севастополю, или на Симферополь. По его мнѣнію непріятель, усиленный прибытіемъ 30 т. свѣжихъ силъ, оставивъ у Севастополя до 80 т. «съ тѣмъ чтобы при удаленіи моемъ начать огромное бомбардированіе, а потомъ идти на штурмъ — можетъ меня отвлечь отъ Севастополя движеніемъ съ 70 т. или отъ Качи, или отъ Евпаторіи. Случись это, будемъ отбиваться, какъ можемъ [3]).»

Но какъ видно изъ предъидущаго, подобное движеніе было не

---

[1]) 8 пѣхотную дивизію и Ѳеодосійскій отрядъ отвлекать отъ Евпаторіи и Ѳеодосіи было невозможно.

[2]) Въ письмѣ военному министру отъ 18 марта Арх. канц. воен. минис. д. № 1—9.

[3]) Всеподдан. донесеніе князя Горчакова отъ 13 марта 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 41.

только не возможно для англо-французовъ, но они считали себя въ такомъ положеніи, что ожидали наступленія русскихъ,—обѣ стороны боялись другъ друга.

Послѣ дѣла въ ночь съ 10 на 11 марта союзники подвигались весьма медленно впередъ и вели свои подступы исключительно противъ Камчатскаго люнета. Они пытались нѣсколько разъ овладѣть нашими ложементами, но или не выдерживали огня нашихъ стрѣлковъ, или были выбиваемы штыками. Опасаясь наступленія съ нашей стороны и повторенія ужасной ночи, они постоянно держали въ траншеяхъ до 14 т. человѣкъ готовыхъ на отраженіе нашей вылазки. Такое опасеніе радовало князя Горчакова и онъ намѣренъ былъ, съ прекращеніемъ лунныхъ ночей, повторить нападеніе, но въ иномъ направленіи и на противуположномъ концѣ непріятельской атаки [1]).

Между тѣмъ руководимыя мыслію уничтожить нашу оборону артиллерійскимъ огнемъ, англо-французы строили новыя батареи, усиливали вооруженіе старыхъ и сосредоточили огромное число зарядовъ на каждое орудіе. На второй день Свѣтлаго праздника и именно 28 марта они открыли *второе бомбардированіе* Севастополя, которое и продолжалось въ теченіе шести дней съ одинаковою силою.

Бомбардированіе это, подробно описанное авторомъ, не принесло союзникамъ той пользы, которой отъ него ожидали, хотя и дорого стоило Севастополю и его гарнизону. Въ теченіи этого времени мы лишились 4229 человѣкъ выбывшими изъ строя и съ оборонительной линіи выпустили 60799 артиллерійскихъ зарядовъ; непріятель потерялъ 1196 человѣкъ и сдѣлалъ 131240 выстрѣловъ. Изъ сравненія выпущенныхъ съ обѣихъ сторонъ снарядовъ видно, что мы отвѣчали только однимъ выстрѣломъ на два непріятельскихъ и не могли усилить стрѣльбы по недостатку пороха. Недостатокъ этотъ былъ такъ великъ, что пришлось прибѣгнуть къ раздѣлкѣ ружейныхъ патроновъ и полученный изъ нихъ порохъ употребить на приготовленіе зарядовъ. Добытаго такимъ путемъ пороха было конечно немного и къ 3 апрѣля оставалось налицо только 85 т. зарядовъ или около 190 на каждое орудіе. Исключивъ изъ этого числа по 50 зарядовъ, которые необходимо было оставить неприкосновенными на случай штурма, оставалось по 140 зарядовъ на орудіе,

---

[1]) Письмо князя Горчакова военному министру отъ 25 марта 1855 г.

т. е. такое число выстрѣловъ, которое при самомъ умѣренномъ расходѣ могло хватить дней на семь.

Количество ожидаемаго пороха было весьма ограничено, и если бы транспорты прибывали аккуратно, то и тогда пороха долженствующаго прибыть въ Севастополь, до 27 апрѣля, хватило бы только на 160 т. зарядовъ, т. е. много если дней на шестнадцать. За тѣмъ о мѣрахъ къ дальнѣйшему пополненію запасовъ въ главной квартирѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній, такъ что князь Горчаковъ, опасаясь остаться вовсе безъ зарядовъ, призналъ необходимымъ съ 3 апрѣля еще болѣе ослабить огонь и ограничить его 5500 выстрѣловъ въ сутки; въ случаѣ же несвоевременнаго прибытія транспортовъ, главнокомандующій намѣренъ былъ совершенно прекратить стрѣльбу и ожидать штурма [1]).

Рѣшаясь на такую мѣру и желая по возможности отдалить столь печальный исходъ, князь Горчаковъ установилъ особыя правила для стрѣльбы, которыми и предписалъ на всѣхъ сухопутныхъ батареяхъ имѣть постоянно половинное число орудій за мерлонами. По утру стрѣлять изъ орудій поставленныхъ въ амбразурахъ, а послѣ полудня изъ орудій стоявшихъ за мерлонами, и тогда ставить утреннія за мерлоны. Выстрѣлы распредѣлять такъ, чтобы огонь поддерживался въ теченіе цѣлаго дня, но ни въ какомъ случаѣ не выпускать въ сутки болѣе 15 ти зарядовъ изъ орудій стоявшихъ на важнѣйшихъ пунктахъ, по 10 ти — на второстепенныхъ батареяхъ и по 5-ти—изъ остальныхъ. По непріятелю наступающему или ведущему тихую сапу стрѣлять только до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ разогнанъ; при чемъ ночью дѣйствовать картечью только по полученіи самыхъ вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что онъ открываетъ работы летучею сапою, и стрѣлять ядрами — если ведетъ тихую сапу. Само собою разумѣется, что въ случаѣ штурма всѣ орудія, могущія дѣйствовать по наступающему непріятелю, должны были немедленно открыть огонь [2]).

Начиная съ четвертаго апрѣля порохъ сталъ прибывать въ Севастополь, но столь небольшими партіями, что его хватало лишь на ежедневные расходы, а о запасѣ на будущее время и думать было нечего. Между тѣмъ запасъ былъ крайне необходимъ, ибо,

---

[1]) Записка кн. Горчакова военному министру 3 апрѣля 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 88.

[2]) Правила для дѣйствія артиллеріи при оборонѣ Севастополя 3-го апрѣля. Отношеніе князя Горчакова барону Остенъ-Сакену 8-го апрѣля. Воен учен. арх. дѣло № 3504.

въ случаѣ новой высадки непріятеля и движенія на наши пути сообщенія, отрѣзанный Севастополь могъ пасть только отъ одного недостатка въ боевыхъ припасахъ. Предвидя возможность такого печальнаго исхода, князь Горчаковъ умолялъ военнаго министра доставить какъ можно скорѣе порохъ, который, по его мнѣнію, можно было легко взять изъ крѣпостей Царства Польскаго, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи замѣнить его тамъ порохомъ новой выдѣлки. Царству Польскому не угрожала еще близкая опасность, а между тѣмъ тамъ были огромные запасы, которые могли поступить хотя частію на пополненіе недостатка въ Севастополѣ, конечно при согласіи и уступчивости фельдмаршала, но для такой уступчивости необходимо было чтобы военный министръ дѣйствовалъ настойчиво и энергически.

— Ne marchandez pas, говорилъ князь Горчаковъ князю Долгорукову, avec les égoistes, qui s'embarrassent de l'honneur de la Russie comme vous de vos vieilles bottes.

Сознавая, что за недостаткомъ пороха ослабленіе огня съ нашей стороны, кромѣ поврежденія верковъ и орудій, поведетъ къ столь значительнымъ потерямъ, что прибывающихъ подкрѣпленій будетъ едва достаточно для пополненія убыли, князь Горчаковъ просилъ о направленіи въ Крымъ новыхъ войскъ независимо отъ тѣхъ, которыя уже идутъ туда, «ибо, говорилъ онъ [1]), съ приходомъ ихъ я все таки буду несравненно слабѣе непріятеля. Осмѣлюсь доложить, что это дѣло первой важности. Ходъ дѣлъ въ Крыму издавна весьма испорченъ, и полагая даже, что мнѣ удастся отстоять Севастополь, до прибытія 40 батальоновъ, слѣдующихъ изъ Южной арміи — что впрочемъ весьма сомнительно — я не менѣе того буду гораздо слабѣе непріятеля, который стягиваетъ сюда огромныя силы, если съ своей стороны не получу новаго, значительнаго подкрѣпленія.

«Положеніе наше въ высшей степени трудно и одно ослѣпленіе непріятеля можетъ поправить наши дѣла. Мы сдѣлаемъ все, что требуетъ честь русскаго имени, все что требуетъ долгъ вѣрныхъ подданныхъ. Быть можетъ Богъ по особой милости выручитъ насъ, но Вашему Императорскому Величеству должно быть готовымъ на все: *и на потерю Севастополя, и на уничтоженіе большей части его храбраго гарнизона*».

---

[1]) Во всеподдан. донесеніи отъ 30-го марта 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 41.

«Осмѣлюсь доложить, что отъ высылки сюда новаго, особаго запаса пороха и новыхъ подкрѣпленій будетъ зависѣть многое, для величія и славы царствованія Вашего — иначе будетъ очень худо впослѣдствіи, если мнѣ даже и удастся отстоять Севастополь, до прихода войскъ идущихъ сюда изъ Южной арміи [1])».

Адскій огонь непріятеля и частыя стычки впереди нашей оборонительной линіи, стычки необходимыя, чтобы задержать осаждающаго и не дозволить ему безнаказанно приближаться къ нашему контръ-эскарпу — выводили у насъ изъ строя ежедневно болѣе 700 человѣкъ. Для замѣщенія этой убыли и для облегченія людей, подверженныхъ неимовѣрнымъ трудамъ при исправленіи поврежденій, князь Горчаковъ постепенно ввелъ въ Севастополь четыре новые полка и за тѣмъ на Бельбекѣ, у Инкермана, Мекензія и Чоргуна, для защиты этихъ мѣстъ, осталось всего 24 батальона, численностію около 15-тыс. человѣкъ. Хотя, съ прибытіемъ на Южную сторону новыхъ полковъ, въ составѣ гарнизона и было по счету 74 батальона, но они могли вывести въ строй только 25-тыс штыковъ, т. е. менѣе чѣмъ по 400 человѣкъ въ батальонѣ, а между тѣмъ, по самому тщательному и подробному расчету, для отбитія общаго штурма необходимо было не менѣе 37-тыс. штыковъ, считая въ томъ числѣ 16 тыс. человѣкъ въ четырехъ резервахъ.

Въ виду возможнаго движенія непріятеля со стороны рѣки Черной, или высадки у Качи, князь Горчаковъ не могъ болѣе ослаблять войска, назначенныя для защиты этихъ пунктовъ, и потому, для пополненія недостатка въ гарнизонѣ, онъ принужденъ былъ двинуть въ Севастополь, изъ окрестностей Евпаторіи, всю 8-ю пѣхотную дивизію, въ которой насчитывалось тогда до 10-тыс. штыковъ. Противъ Евпаторіи были оставлены: 62 эскадрона кавалеріи и только-что пришедшая изъ Южной арміи вторая бригада 14-й пѣхотной дивизіи, къ которымъ, въ случаѣ нужды, должны были присоединиться 20 эскадроновъ 2-й драгунской дивизіи, также прибывшей въ Крымъ и остановленной на высотѣ сел. Трехъ-абламъ. За тѣмъ, въ промежутокъ времени между 12 и 24 апрѣля, могли прибыть въ Крымъ 6-я и 9-я пѣхотныя дивизіи, но при ежедневно продолжающемся бомбардированіи и огромной убыли въ войскахъ гарнизона, участь города могла быть рѣшена ранѣе прибытія этихъ послѣднихъ подкрѣпленій.

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Горчакова 3-го апрѣля. Тамъ же.

Бомбардированіе города могло продолжиться неопредѣленное время и надо было думать, что союзники употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы добиться какого либо конечнаго результата: или сдѣлать проломы и штурмовать городъ, или сбить нашу артиллерію, и, пользуясь временемъ ея бездѣйствія, быстро повести впередъ свои осадныя работы. Въ обоихъ случаяхъ канонада должна была быть продолжительна и стоить намъ большихъ потерь. Теряя въ сутки болѣе 700 человѣкъ и переправивъ на Южную сторону даже всю 8-ю пѣхотную дивизію, мы должны были расчитывать, что, къ двадцатымъ числамъ апрѣля, въ гарнизонѣ Севастополя останется не болѣе 20-тыс. человѣкъ, которые, въ случаѣ штурма, принуждены будутъ выдержать нападеніе 80-ти тысячной непріятельской арміи, и защищать пространство въ девять верстъ, обнесенныхъ полуразрушеннымъ валомъ, подъ огнемъ осадныхъ батарей противника и имѣя въ тылу бухту, лишающую возможности отступить. Положеніе по истинѣ весьма опасное и дававшее весьма малую надежду на успѣхъ.

— Этому положенію, говорилъ князь Горчаковъ, проистекающему частію отъ недостаточнаго количества пороха, частію отъ событій прежнихъ, о коихъ упоминать не къ чему — никто помочь не въ состояніи. Но надо думать о будущемъ, на случай если Богъ пошлетъ ослѣпленіе на нашихъ враговъ и мнѣ удастся удержать Севастополь.

Нерѣшительность союзныхъ главнокомандующихъ долгое время спасала славный городъ отъ паденія. Хотя лордъ-Раглан и генералъ Канроберъ доносили, что солдаты требуютъ штурма, но тутъ же оговаривались, что рѣшатся на него только тогда, когда будутъ увѣрены въ успѣхѣ, на который въ настоящую минуту они надѣяться еще не могутъ. При тогдашнемъ положеніи союзниковъ рѣшительная атака, по словамъ Канробера, могла быть весьма опасною [1]).

— Благоразуміе и долгъ, говорилъ онъ, дозволяютъ намъ предпринять ее только при полной увѣренности въ успѣхѣ.

Этой увѣренности, какъ увидимъ не было у союзныхъ главнокомандующихъ весьма долгое время.

По первоначально составленному плану было рѣшено ими открыть бомбардированіе 28-го марта и послѣ непрерывной суточной канонады собрать военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о томъ,

[1]) L'expéditon de Crimée par Bazancourt. T. II, 240.

можно-ли будетъ штурмовать городъ. Совѣтъ этотъ не собирался до 31-го марта, такъ какъ, по сознанію самихъ непріятелей, русскія батареи не только не были сбиты, но дѣйствовали сильнѣе чѣмъ наканунѣ. Эта неожиданность заставляла союзниковъ отложить рѣшеніе вопроса о штурмѣ на три дни, потомъ еще на три дни и во все это время продолжать самое усиленное бомбардированіе. Такъ прошло десять дней, послѣ которыхъ канонада была ослаблена и союзники должны были сознать, что не достигли своей цѣли, — не ослабили артиллерійскаго огня обороняющагося. «Послѣднія депеши, писали англичане [1]), извѣщаютъ насъ, что огонь русскихъ батарей до сихъ поръ не могъ быть потушенъ огнемъ осаждающаго; изъ этого обстоятельства мы принуждены заключить, что послѣ полугодовой осады и двухъ бомбардированій, при которыхъ были употреблены всѣ средства разрушеній, Севастопольская крѣпость все еще въ состояніи устоять противъ штурма.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что столь продолжительное сопротивленіе много зависѣло отъ невозможности обложить городъ, но должно согласиться также, *что въ самыхъ работахъ, на которыя опирается оборона, есть нѣчто новое, нѣчто такое, чего не встрѣчалось еще въ исторіи достопамятнѣйшихъ осадъ и на это слѣдуетъ намъ обратить свое вниманіе*».

Испытавъ вторично неудачу въ артиллерійской борьбѣ съ защитниками Севастополя, союзники рѣшились, сосредоточивая свои войска на различныхъ пунктахъ, атаковать наши постройки по частямъ. Такъ въ ночь съ 1-го на 2-е апрѣля французы заняли наши траншеи впереди кладбища и въ слѣдъ затѣмъ они овладѣли контръапрошами впереди редута Шварца.

Контръ-апроши эти были заложены нами съ 11-го на 12-е апрѣля и хотя въ слѣдующую ночь французы пытались овладѣть ими, но были отбиты. Неудача эта не остановила нашихъ непріятелей и Пелисье, бывшій въ то время командиромъ перваго корпуса, все время переписывался съ Канроберомъ и доказывалъ ему необходимость занять наши контръ-апроши, какъ можно скорѣе.

— Теперь самая пора, говорилъ Пелисье, а то русскіе передѣлаютъ эти траншеи въ укрѣпленія и тогда штурмовать ихъ будетъ уже поздно.

Уступивъ столь энергическому настоянію, Канроберъ разрѣшилъ было произвести вторичное нападеніе въ ночь съ 19-го на 20-е апрѣ-

---

[1]) Матеріалы для исторіи крымской войны, вып. V, 431 и 432.

ля, но вечеромъ 19-го прислалъ сказать, что отмѣняетъ свое намѣреніе. Пелисье отвѣчалъ, что всѣ распоряженія уже сдѣланы, что войска стоятъ въ траншеяхъ и онъ беретъ на себя всю отвѣтственность за успѣхъ дѣла. Назначивъ въ составъ отряда семь полковъ и одинъ стрѣлковый батальонъ [1]), Пелисье поручилъ ихъ главному начальству дивизіоннаго генерала де-Салля. Послѣдній въ теченіе цѣлаго дня занимался изученіемъ мѣстности и около пяти часовъ пополудни сталъ стягивать и размѣщать войска противъ нашихъ работъ, значительно разрушенныхъ сосредоточеннымъ дѣйствіемъ осадныхъ батарей.

Контръ-апроши были захвачены непріятелемъ и авторъ весьма подробно описываетъ борьбу за право владѣнія ими.

Съ паденіемъ этихъ контръ-апрошей осада приняла болѣе острый характеръ и главнокомандующій справедливо опасался за благополучный исходъ обороны. Не имѣя достаточно силъ, чтобы атаковать противника и тѣмъ облегчить участь Севастополя, князь Горчаковъ не предвидѣлъ въ будущемъ ничего хорошаго. Значительная убыль отъ огня, вылазокъ, болѣзней и усталости войскъ, безпрерывно находившихся или въ бою, или на работахъ, вынудили главнокомандующаго повторить свою просьбу о присылкѣ въ Крымъ новыхъ силъ и при томъ какъ можно скорѣе, ибо непріятель получалъ ежедневно сильныя подкрѣпленія и по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ готовился перейти въ наступленіе.

Кампанія внутри края была постоянною мечтою союзниковъ. Представители Франціи и Англіи силились привести эту мысль въ исполненіе какъ можно скорѣе, въ особенности послѣ неоднократныхъ донесеній генерала Після, увѣрявшаго, что безъ совершеннаго обложенія Севастополя, нельзя ручаться за счастливый исходъ осады, и что штурмы будутъ хотя и кровопролитны, но рыскованы. По его мнѣнію, для скорѣйшаго и полнаго успѣха, союзникамъ необходимо было открыть полевыя дѣйствія. Наполеонъ раздѣлялъ это убѣжденіе, самъ составилъ планъ кампаніи и объявилъ, что пріѣдетъ въ Крымъ, и приметъ начальство надъ корпусомъ предназначеннымъ для дѣйствій внутри полуострова. «Если штурмъ Севастополя невозможенъ, писалъ онъ Канроберу, или требуетъ слишкомъ большихъ потерь, недоставивъ въ тоже время въ наши руки всего города, то вы должны держаться въ оборонительномъ положеніи и

---

[1]) Въ составъ отряда были назначены: 42, 43, 46, 79 и 98 линейные полки, 1 и 2-й полки иностраннаго легіона и 19-й стрѣлковый батальонъ.

распорядиться такъ, чтобы можно было отдѣлить отъ арміи двѣ дивизіи пѣхоты, гвардію, всю кавалерію, четыре пѣшихъ и четыре конныхъ батареи, съ тѣмъ чтобы войска эти, вмѣстѣ съ 40-тыс. человѣкъ сосредоточенныхъ въ Маслакѣ, близь Константинополя, могли бы по первому востребованію, начать кампанію въ Крыму».

Въ Петербургѣ, точно также, какъ и въ главной квартирѣ крымской арміи, было извѣстно о намѣреніи союзниковъ перейти въ наступленіе, но куда они направятъ ударъ опредѣлить было невозможно.

При помощи огромныхъ морскихъ средствъ англо-французы могли перебросить большую часть своихъ силъ на любую точку нашего черноморскаго прибрежья или съ тою цѣлью, чтобы разгромить наши морскія учрежденія въ Николаевѣ и выйти въ тылъ войскамъ защищающимъ Крымъ, или отвлечь на время вниманіе князя Горчакова отъ Севастополя, и, заставивъ его ослабить оборону этого пункта, снова обратиться къ нему пользуясь быстротою передвиженія, или же наконецъ на берегахъ Днѣстра нанести ударъ малочисленной въ то время Южной арміи генерала Лидерса, на обязанности которой лежала защита всего юга Россіи.

Въ виду возможности дѣйствій въ этомъ направленіи ослаблять Южную армію посылкою новыхъ войскъ въ Крымъ не представлялось никакой возможности и тѣмъ болѣе, что дѣла наши съ Австріею все еще находились въ крайне неопредѣленномъ положеніи.

Свѣдѣнія полученныя изъ Вѣны въ началѣ апрѣля, лишали послѣдней надежды на успѣшный результатъ мирныхъ соглашеній. Конференціи были прерваны если не совсѣмъ, то на неопредѣленное время и надо было предполагать, что враги наши, не успѣвъ дипломатическимъ путемъ достигнуть цѣли своихъ желаній, попытаются еще разъ рѣшить дѣло силою оружія.

Вѣнскій кабинетъ все еще не высказывалъ прямо и откровенно своихъ намѣреній и императоръ медлилъ назначеніемъ аудіенціи испрошенной нашимъ посланникомъ княземъ Горчаковымъ. По всему видно было, что онъ ожидалъ отъѣзда изъ Вѣны французскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Пребываніе послѣдняго въ Вѣнѣ не привело къ ожидаемымъ результатамъ: разстроивши ходъ мирныхъ переговоровъ, онъ не успѣлъ однако же склонить австрійскаго императора на явное и рѣшительное противъ насъ содѣйствіе западнымъ державамъ, и повидимому вѣнскій кабинетъ не принялъ на себя, въ этомъ отношеніи, никакихъ новыхъ обязательствъ. Такая нерѣшительность Австріи не нравилась въ Парижѣ

и вскорѣ послѣ отъѣзда французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, въ Вѣнѣ ожидали прибытія Наполеона, надѣявшагося, какъ говорили тогда, обольстить австрійскаго императора и личными объясненіями устранить его недовѣріе къ двумъ западнымъ державамъ.

Послѣднія депеши изъ Вѣны, были *весьма неудовлетворительны* Предложенія союзниковъ были таковы, *что мы рѣшительно не могли ихъ принять.* Австрія же, не смотря на всѣ свои обѣщанія, поддерживала претензіи нашихъ враговъ и князь А. М. Горчаковъ все еще не могъ добиться давно просимой имъ аудіенціи у Императора. Изъ всего этого можно было заключить что на дняхъ мы должны были получить извѣстія о томъ, *что Австрія намъ также объявитъ войну*

Нерѣшительное поведеніе Австріи вредило дѣлу болѣе чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы держава эта объявила себя нашимъ врагомъ. Тогда по крайней мѣрѣ мы знали бы что имѣемъ врага, съ которымъ должны бороться и не было бы прискорбно смотрѣть что войска наши, собранныя на Западной и отчасти Южной границѣ Имперіи, остаются праздными зрителями событій, совершающихся въ Крыму.

При столь важныхъ и трудныхъ обстоятельствахъ усилить князя Горчакова войсками Лидерса, не подвергая послѣдняго еще большей опасности, было невозможно. Тронуть ихъ не представлялось никакой возможности и князь Горчаковъ, до времени, долженъ былъ оставаться безъ всякихъ подкрѣпленій.

Не имѣя надежды получить значительную помощь, будучи стѣсненъ непріятельскими работами такъ, что нельзя было предпринять серьезной вылазки безъ того, чтобы не подвергнуться огню сильныхъ батарей и наконецъ не имѣя возможности, по характеру мѣстности, защищаться позади полуразрушенной ограды Севастополя, князь Горчаковъ считалъ свое положеніе весьма труднымъ.

— Не лучше ли, говорилъ онъ, оставить развалины этого города, котораго скорое паденіе неминуемо, и ограничиться оспариваніемъ полуострова. Тогда всѣ выгоды были бы на нашей сторонѣ.

Вскорѣ послѣ занятія французами нашихъ контръ-апрошей, главнокомандующій уже склонялся на сторону того, чтобы оставить Севастополь и вывести его славный гарнизонъ. «Истинная польза Вашего Императорскаго Величества и Россіи, доносилъ онъ [1]), ка-

---

[1]) Всеподдан. донесеніе князя Горчакова отъ 24-го апрѣля 1855 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 41.

жется требовала бы сего, ибо защищая Севастополь до послѣдней крайности, я рискую, если непріятель ворвется съ боя въ городъ, потерять почти всѣ войска его защищающія, т. е. болѣе чѣмъ половину арміи.

«Не менѣе того рѣшиться теперь оставить Севастополь я не могу, потому что война имѣетъ непредвидимыя случайности, но долженъ доложить Вамъ Всемилостивѣйшій Государь, о крайностяхъ до коихъ мы можемъ быть доведены силою обстоятельствъ, отъ моей вины не проистекающихъ».

Таково было положеніе осады и обороны послѣ занятія французами контръ-апрошей впереди 4-го бастіона. Умалчивая объ этихъ подробностяхъ М. И. Богдановичъ упоминаетъ о вылазкѣ охотцевъ и празднованіи ими полу-годоваго юбилея обороны Севастополя, говоритъ о расположеніи и числѣ войскъ обѣихъ сторонъ въ началѣ мая, и затѣмъ прямо переходитъ къ устройству контръ-апрошей у кладбища и у Карантинной бухты. Но прежде чѣмъ слѣдить за разсказомъ автора, мы скажемъ нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ предшествовавшихъ перемѣнѣ французскаго главнокомандующаго и о вступленіи Пелисье въ командованіе арміею.

XVI.

Нерѣшительность союзныхъ главнокомандующихъ. — Проэктъ экспедиціи въ Керчь. — Новый планъ дѣйствій, присланный Наполеономъ генералу Канроберу. — Несогласія, возникшія между французскимъ и англійскимъ главнокомандующими. — Просьба Канробера объ увольненіи и назначеніе Пелисье главнокомандующимъ французскими войсками. — Переформированіе армій. — Направленіе въ Крымъ новыхъ подкрѣпленій. — Дѣло съ 10-го на 11-ое мая у кладбища.

Дѣло 19-го апрѣля, впереди редута Шварца, возвысившее въ глазахъ союзниковъ военную репутацію Пелисье, доставило ему вскорѣ званіе главнокомандующаго французскою арміею. Нерѣшительность Канробера обнаруживалась все болѣе и болѣе. Обѣщая скорый штурмъ, онъ не дѣлалъ никакихъ серьезныхъ приготовленій, а между тѣмъ писалъ военному министру, что атака севастопольскихъ укрѣпленій необходима и союзники подошли къ нимъ

столь близко, что было бы опасно медлить, а тѣмъ болѣе, когда къ непріятельской арміи ежедневно прибываютъ подкрѣпленія. «Инженерные и артиллерійскіе генералы обѣихъ армій, доносилъ Канроберъ [1]), и корпусные командиры единодушно высказываютъ мнѣніе, что лучше уступить нетерпѣнію французскихъ и англійскихъ солдатъ, требующихъ штурма. Лордъ Рагланъ вполнѣ раздѣляетъ ихъ желаніе и я полагалъ, что моя обязанность была согласиться съ нимъ».

Соглашаясь съ требованіемъ большинства, Канроберъ самъ по себѣ не раздѣлялъ ихъ мнѣнія и медлилъ исполненіемъ. Но чтобы удовлетворить сторонниковъ штурма и, такъ сказать, отвязаться отъ докучливыхъ требованій, онъ поручилъ генералу Пелисье осмотрѣть и избрать мѣста для штурмующихъ колоннъ. Высказывая неоднократно, что на войнѣ часто встрѣчаются непредвидѣнныя обстоятельства, препятствующія задуманнымъ предпріятіямъ, Канроберъ былъ вполнѣ увѣренъ, что пока Пелисье будетъ избирать пункты для сосредоточенія войскъ, онъ всегда найдетъ предлогъ отдалить столь рискованный шагъ, какимъ ему казался въ то время штурмъ Севастополя.

Надежда не обманула Канробера и предлогъ этотъ скоро представился.

Во время одного изъ военныхъ совѣщаній, вице-адмиралъ Брюа получилъ депешу морскаго министра, въ которой сообщалось, что всѣ французскіе резервы прибудутъ въ Константинополь въ первыхъ числахъ мая. Сообщеніе это было спасительнымъ якоремъ для французскаго главнокомандующаго и, тѣмъ болѣе, что въ депешѣ подтверждалось извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ въ Крымъ Наполеона, желавшаго раздѣлить съ своею арміею всѣ опасности и славу.

Прибытіе Императора и значительныхъ подкрѣпленій были достаточно сильными предлогами, чтобы отложить на время задуманное дѣло. Срокъ прибытія новыхъ силъ былъ такъ близокъ, что по мнѣнію французскаго главнокомандующаго было бы безразсудно не подождать столь важныхъ пособій и рѣшиться на штурмъ, при которомъ могли возникнуть совершенно непредвидѣнныя препятствія и страшныя случайности. Канроберу и его сторонникамъ казалось, что Севастополь отлитъ изъ бронзы и осадныя батареи недостаточно еще сильны для его разрушенія.

---

[1]) L'éxpedition de Crimée par Bazancourt T. II, 242, 243.

«Противъ лѣвой стороны (Севастополя), говорилось въ письмахъ, отправляемыхъ съ театра дѣйствій [1]), работы союзниковъ идутъ худо. Русскія укрѣпленія до Малахова кургана весьма сильны, такъ что если мы необдуманно бросимся на нихъ, не можемъ причинить имъ вреда. Все, что мы портимъ, русскіе исправляютъ. Съ батарей, которыя мы нынѣ сбиваемъ, на другой день огонь становится сильнѣе. Вотъ чему надо приписать замедленіе въ штурмѣ. Штурмъ есть вещь совершенно невозможная; надо одолѣть русскія укрѣпленія орудіями и понемногу минами; посредствомъ сапы достигнуть до крѣпости, не прибѣгая къ опасному и отчаянному средству штурма».

Поддерживая мнѣніе противниковъ атаки открытою силою, Канроберъ успѣлъ уговорить членовъ совѣта отложить штурмъ Севастополя до прибытія подкрѣпленій, часть которыхъ, и именно сардинцы (въ составѣ двухъ дивизій и одной бригады, численностью въ 15-т. человѣкъ), начали уже высаживаться въ Балаклавѣ съ 26-го апрѣля.

Удовлетворяя желанію главнокомандующаго французскою арміею, но скучая бездѣйствіемъ, лордъ Рагланъ и въ особенности адмиралы Лайонсъ и Брюа предложили произвести въ этотъ промежутокъ времени экспедицію въ Керчь. Скромная роль перевозчиковъ груза не нравилась адмираламъ союзнаго флота и они настаивали, чтобы флотъ былъ допущенъ къ участію въ военныхъ операціяхъ.

— Надо, говорилъ лордъ Рагланъ, воспользоваться временемъ остающимся до прибытія резервовъ, чтобы совершить движеніе въ Керчь и Еникале, отдѣлить Азію отъ Европы и отнять у русскихъ средства снабжать свою армію припасами, которые они получаютъ по Азовскому морю. Дѣломъ этимъ тѣмъ болѣе необходимо спѣшить, что русскіе заграждаютъ проходъ и каждый день промедленія удваиваетъ для насъ трудности и уменьшаетъ благопріятныя случайности для такого предпріятія.

Получивши согласіе лорда Раглана отложить штурмъ, Канроберъ, принужденъ былъ на этотъ разъ, для поддержанія дружелюбныхъ отношеній, самъ сдѣлать уступку и экспедиція въ Керчь была рѣшена. 20-го апрѣля экспедиціонная эскадра оставила Камышевую бухту, имѣя на судахъ по одной французской и англійской дивизіи съ отрядомъ турецкихъ войскъ. Французскія войска состояли подъ

---

[1]) Въ письмахъ отъ 14 (26) апрѣля и 21 апрѣля (3 мая) 1855 г. Воен. учен. арх. д. № 3326.

начальствомъ генерала Отемара, а англійскими командовалъ генералъ Броунъ, который, какъ старшій въ чинѣ, былъ начальникомъ всей экспедиціи. Чтобы лучше скрыть свое намѣреніе, эскадра двинулась сначала по направленію къ Одессѣ, а затѣмъ, съ наступленіемъ ночи, перемѣнила курсъ и отправилась къ мѣсту назначенія. Въ Севастополѣ не могли прослѣдить за движеніемъ непріятельской флотиліи и долгое время оставались въ недоумѣніи, куда направился дессантъ.

«Отплытіе непріятельскаго флота съ дессантомъ для меня загадка, писалъ князь Горчаковъ [1]). Судя и по дѣйствіямъ осаждающихъ и по общему соображенію настоящаго положенія дѣлъ, нѣтъ ни малѣйшаго повода полагать, что союзники намѣрены отказаться отъ Севастополя. Кажется всего вѣроятнѣе, что видя съ одной стороны упорство нашей обороны, а съ другой—ожидая подкрѣпленія изъ Константинополя — они рѣшились, оставя здѣсь около 90-т., диверсіею отъ Феодосіи, Керчи, Азовскаго моря или отъ Евпаторіи, оттянуть меня отсюда и потомъ нанести Севастополю конечный ударъ».

Главнокомандующій ошибся въ своихъ предположеніяхъ и ударъ этотъ еще не насталъ.

Появившись въ виду Керчи эскадра, готовая уже къ дѣйствію, была остановлена посланнымъ Канробера. Поводомъ къ тому послужила полученная главнокомандующимъ депеша императора, не допускавшая никакихъ уклоненій. «Съ полученія сего, писалъ Наполеонъ, соедините всѣ ваши средства, чтобы быть готовымъ атаковать непріятеля внѣ Севастополя; сосредоточьте всѣ ваши войска, не исключая и находящихся въ Маслакѣ».

Сообщивши лорду Раглану приказаніе императора, Канроберъ отказался продолжать керченскую экспедицію и не смотря на настоянія англійскаго главнокомандующаго, призналъ необходимымъ возвратить французскія войска. Въ тотъ же день ординарецъ Канробера, лейтенантъ Мартенъ, полетѣлъ на легкомъ пароходѣ отыскивать эскадру и найдя ее у Керченскаго пролива, сообщилъ адмиралу Брюа приказаніе возвратиться въ Камышевую бухту. Вслѣдъ за тѣмъ прибылъ посланный и отъ лорда Раглана, привезшій точно такое же приказаніе адмиралу Лайонсу. Распоряженіе это, встрѣченное всеобщимъ неудовольствіемъ, поселило непримиримую

---

[1]) Во всеподдан. донесеніи отъ 24 апрѣля. Арх. канц. воен. минист., дѣло № 41.

вражду между двумя главнокомандующими и съ этого дня между Канробером и лордомъ Рагланомъ не существовало уже ни согласія, ни единства дѣйствій.

Отсутствіе взаимнодѣйствія могло весьма дурно повліять на союзную армію и вся надежда была на скорое прибытіе Императора, который одинъ былъ въ состояніи поправить дѣла, устранить возникшія недоразумѣнія и сосредоточить въ своемъ лицѣ распоряженія тремя союзными арміями. Но обстоятельства не благопріятствовали въ это время союзникамъ и скоро получено было извѣстіе, что политическія соображенія заставляютъ Наполеона оставаться въ Парижѣ.

Отказавшись такимъ образомъ отъ поѣздки въ Крымъ, императоръ не отказывался быть руководителемъ дѣйствій и отправилъ Канроберу свой планъ кампаніи, съ приказаніемъ привести его въ исполненіе. По мнѣнію Наполеона, былъ-ли успѣшенъ или неуспѣшенъ огонь осадныхъ батарей въ послѣднее бомбардированіе, союзная армія должна была во всякомъ случаѣ выйти изъ оборонительнаго положенія, въ которомъ находилась въ теченіе шести мѣсяцевъ. Для этого онъ предлагалъ раздѣлить всѣ войска на три арміи: одну оставить для осады, а двѣ для дѣйствія въ полѣ. Первая силою въ 60-т. человѣкъ [1]) должна охранять Камышъ и блокировать Севастополь; вторая, имѣя около 55-т. человѣкъ [2])—дѣйствовать въ недальнемъ разстояніи отъ Балаклавы и въ случаѣ нужды овладѣть Мекензіевыми высотами и, наконецъ, третья, силою въ 65-т. человѣкъ [3])—должна произвести диверсію.

«Если русскіе, писалъ Наполеонъ [4]), имѣютъ, какъ я полагаю, 35-т. въ Севастополѣ, 15-т. у Евпаторіи и 70-т. между Симферополемъ, Бельбекомъ и Черной рѣчкой, то будетъ достаточно 60-т человѣкъ, чтобы разбить ихъ армію, которую должно атаковать внезапно и обойти въ тылъ, прежде чѣмъ она успѣетъ сосредоточить всѣ свои войска. Еслибъ русскіе даже успѣли это сдѣлать, то мы будемъ почти въ равномъ съ ними числѣ; ибо не должно забывать одного изъ главныхъ стратегическихъ правилъ, что если

---

[1]) Въ составъ этой арміи предполагалось назначить: 30-т. французовъ, 30-т. турокъ и 10-т. человѣкъ находившихся внѣ строя.

[2]) Въ томъ числѣ 25 т. англичанъ, 15-т. сардинцевъ, 5-т. французовъ и 5-т. турокъ.

[3]) Для этой арміи предполагалось взять 40-т французовъ изъ войскъ подъ Севастополемъ и 25-т. французскихъ резервовъ изъ Константинополя.

[4]) L'expedition de Crimée par Bazancourt T. II, 269.

армія дѣлаетъ диверсію на большомъ разстояніи отъ основанія своихъ дѣйствій, то войска, употребленныя для этой диверсіи, должны быть въ достаточномъ числѣ, чтобъ сами по себѣ были въ состояніи сопротивляться непріятельской арміи, даже и въ томъ случаѣ, если она сосредоточитъ противъ нихъ всѣ свои силы».

На основаніи такихъ соображеній, предлагалось осадную армію поручить генералу Пелисье и возложить на его обязанность продолженіе и охраненіе осадныхъ работъ, а также защиту лагеря и портовъ. Первую операціонную армію подъ начальствомъ лорда Раглана думали направить въ Байдарскую долину и, выдвинувъ передовые отряды на довольно значительное разстояніе, угрожать нашему лѣвому флангу и сообщеніямъ между Симферополемъ и Севастополемъ. Наконецъ вторая операціонная армія, подъ личнымъ начальствомъ Канробера, направившись по дорогѣ къ Алуштѣ и присоединивъ къ себѣ 25-т. резервныхъ войскъ изъ Константинополя, должна была наступать изъ этого пункта къ Симферополю, въ тылъ русской арміи.

Еслибы князь Горчаковъ, желая защищать свои центральные запасы, вздумалъ принять бой около Симферополя, тогда лордъ Рагланъ, наступая на Бакчисарай, долженъ былъ угрожать нашему правому флангу и тылу. Но еслибы князь Горчаковъ сосредоточилъ свои силы у Севастополя, тогда Канроберъ направляется на Бахчисарай, а лордъ Рагланъ съ началомъ атаки поднимается на Инкерманскія высоты, и, принявъ участіе въ битвѣ, содѣйствуетъ пораженію русскихъ.

Когда Фаве, ординарецъ Наполеона, привезъ въ союзный лагерь этотъ планъ кампаніи, тогда согласіе между главнокомандующими было давно нарушено и Канроберъ встрѣтилъ большое затрудненіе относительно приведенія въ исполненіе желаній императора. «Трое главнокомандующихъ, доносилъ онъ, будутъ призваны для рѣшенія наступательныхъ дѣйствій противъ вспомогательной русской арміи; предметами этихъ дѣйствій Симферополь и Бахчисарай. Въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ я не могу не сожалѣть, что мы не имѣемъ генералиссимуса — человѣка уполномоченнаго высшею властью и имѣющаго достаточную опытность, чтобы надъ всѣми господствовать».

Обязанный сообщить волю императора остальнымъ главнокомандующимъ, Канроберъ не разсчитывалъ на ихъ согласіе. Лордъ Рагланъ не одобрялъ плана кампаніи, составленнаго въ Парижѣ, и, подобно Омеръ-пашѣ, предпочиталъ наступленіе со стороны Евпа-

торіи. Точность и опредѣленность инструкціи полученной французскимъ главнокомандующимъ не дозволяла ему согласиться на дѣйствія въ этомъ направленіи, ибо по словамъ Наполеона армія двигающаяся изъ Евпаторіи не имѣла бы ни операціонной линіи, ни обезпеченныхъ фланговъ, ни безопаснаго отступленія и выгодной позиціи для сраженія, ни, наконецъ, средствъ къ пропитанію. Рѣшившись настаивать на своемъ, но дѣлая видъ, что согласенъ съ послѣдними доводами своего союзника, лордъ Рагланъ возбудилъ вопросъ о направленіи движенія. Дорога на Алушту ему казалась болѣе опасною, чѣмъ изъ Байдаръ въ Бахчисарай и онъ предлагалъ наступать въ этомъ направленіи. На всѣ возраженія англійскій главнокомандующій отвѣчалъ молчаніемъ, въ которомъ замѣтно было только желаніе уклониться отъ спора, а не убѣжденіе въ справедливости возраженій. Такимъ образомъ совѣщанія не приводили ни къ какимъ результатамъ, время уходило и Канроберъ былъ готовъ пожертвовать личнымъ положеніемъ, чтобы добиться чего нибудь опредѣленнаго. Онъ предложилъ лорду Раглану, принявши на себя званіе старшаго главнокомандующаго, распоряжаться дѣйствіями и просилъ Омеръ-пашу послѣдовать его примѣру. Лордъ Рагланъ былъ пораженъ подобнымъ предложеніемъ и, считая весьма неудобнымъ принимать на себя отвѣтственность, долго отказывался, но потомъ согласился съ страннымъ условіемъ, чтобы французы заняли и защищали англійскія траншеи.

«Согласиться на такое предложеніе, говоритъ Базанкуръ, было нельзя, потому что для охраненія однѣхъ нашихъ громадныхъ траншей, уже требовалось ежедневно большое число войскъ, съ увеличеніемъ котораго стали бы возрастать и наши потери и безъ того уже чувствительныя. Англійскія траншеи могли быть охраняемы только англичанами: каждый долженъ былъ отвѣчать за свое, а потому генералъ Канроберъ отказался исполнить требованіе лорда Раглана».

Отказъ этотъ еще болѣе усилилъ взаимную вражду и положеніе французскаго главнокомандующаго, поставленнаго въ невозможность исполнить желаніе императора, сдѣлалось невыносимымъ. Сознавая, что успѣхъ дѣйствій союзниковъ возможенъ только при взаимномъ согласіи и единодушіи, Канроберъ рѣшился пожертвовать собой и сложить съ себя столь тяжелое для него званіе. Въ десять часовъ утра 4-го (16-го) мая онъ отправилъ военному министру депешу, въ которой просилъ, по разстроенному здоровью, уволить его отъ званія главнокомандующаго. «Обязанности къ пре-

столу и отечеству, прибавлялъ Канроберъ, принуждаютъ меня просить дозволенія передать это званіе генералу Пелисье, генералу способному и весьма опытному. Армія, которую я передамъ ему, освоена съ войною, неутомима и воодушевлена. Прошу императора позволить мнѣ остаться только во главѣ дивизіи».

Не желая скрывать истинныхъ причинъ побудившихъ его къ такой просьбѣ, Канроберъ въ письмахъ Наполеону и военному министру изложилъ всѣ обстоятельства дѣла и черезъ два дня получилъ отвѣтъ удовлетворявшій его желанію. «Императоръ, было сказано въ депешѣ, согласился на вашу просьбу, жалѣетъ что ваше здоровье такъ разстроено и благодаритъ васъ за чувства внушившія вамъ желаніе остаться при арміи. Вы назначаетесь не командиромъ дивизіи, а корпуса генерала Пелисье, которому передайте званіе главнокомандующаго.

Канроберъ отказался отъ принятія корпуса и 7-го (19 мая) сталъ во главѣ своей прежней дивизіи.

«Солдаты! писалъ новый главнокомандующій, моя довѣренность къ вамъ безпредѣльна. Послѣ многихъ испытаній и столькихъ благородныхъ жертвъ нѣтъ ничего невозможнаго для вашей храбрости. Вы знаете, чего ожидаютъ отъ васъ императоръ и Отечество. Оставайтесь тѣмъ же чѣмъ были до сихъ поръ и тогда, благодаря вашей энергіи, при содѣйствіи нашихъ доблестныхъ союзниковъ, при мужествѣ храбрыхъ моряковъ нашихъ эскадръ и съ помощію Бога, мы побѣдимъ» [1]).

Отдавъ приказъ Пелисье въ тотъ же день видѣлся съ лордомъ Рагланомъ, котораго и успѣлъ расположить въ свою пользу. Оказывая должное уваженіе союзнымъ главнокомандующимъ и часто совѣтуясь съ ними, онъ съумѣлъ поставить себя такъ, что скоро всѣ признали въ немъ, если не по званію, то на дѣлѣ, главнокомандующаго всѣми союзными арміями. Рѣшительный и энергическій характеръ Пелисье скоро отразился на войскахъ и среди союзниковъ стала замѣтна усиленная дѣятельность. Недоумѣнію Канробера онъ противопоставилъ ясно сознанную цѣль, не рѣшительности—смѣлость и энергію, а слабости—настойчивость въ достиженіи цѣли и умѣнье пользоваться обстоятельствами.

На первомъ же совѣтѣ главнокомандующихъ было рѣшено продолжать осаду съ упорствомъ; главную атаку вести противъ Малахова кургана и стѣсняя подступами Городскую часть, въ тоже время

---

[1]) L'éxpedition de Crimée par Bazancour T. II, 287.

отправить безотлагательно экспедицію въ Азовское море. Развернувши линію обсерваціонной арміи и угрожая лѣвому флангу нашей арміи, союзники рѣшили для лучшаго обезпеченія своихъ дѣйствій поспѣшить окончаніемъ укрѣпленій у Камышевой и Казачьей бухтъ. 7-го мая Пелисье вступилъ въ званіе главнокомандующаго, а 13-го, числа всѣ эти предположенія приводились уже въ исполненіе. Въ это время къ союзникамъ прибыла большая часть подкрѣпленій и численность ихъ арміи, включая турокъ и сардинцевъ, по свидѣтельству Оже, простиралась до 200 т. человѣкъ [1]).

Между тѣмъ, съ прибытіемъ 6-й и 9-й пѣхотныхъ дивизій, въ войскахъ крымской арміи, къ первому числу мая мѣсяца находилось 153 батальона, 108 эскадроновъ, 85½ сотенъ, 11½ конныхъ и 35½ пѣшихъ батарей. Во всѣхъ этихъ частяхъ состояло налицо:

Въ пѣхотѣ	2478	офиц.	113155	строев.	и 6569	нестроев.	нижн.	чин.
Въ кавал.	782	»	24850	»	1224	»	»	»
Въ артил.	310	»	10361	»	1417	»	»	»

Такимъ образомъ въ распоряженіи князя Горчакова находилось всего 3570 офицеровъ и 157576 чел. нижнихъ чиновъ [2]). Войска эти, кромѣ тѣхъ, которыя находились въ составѣ Севастопольскаго гарнизона, были разсѣяны по всему полуострову и составляли нѣсколько дѣйствующихъ отрядовъ и резервъ. Имѣя назначеніемъ охранять фланги или тылъ войскъ находившихся у Севастополя, отряды эти не могли быть тронуты съ мѣста. Въ распоряженіи главнокомандующаго находилось, слѣдовательно, самое незначительное число войскъ, которыми онъ могъ располагать лишь для пополненія гарнизона, несшаго огромныя потери.

«Le tableau n'est riant, писалъ князь Горчаковъ по этому поводу [3]). et il est dur de penser que c'est moi qui suit appelé à être le bouc émissaire d'une position que je n'ai pas créeé. Je prends acte de la promesse que vous m'avez faite d'etre juste envers moi si les circonstances continuent á s'aggraver».

---

[1]) Авторъ говоритъ что численность союзной арміи простиралась до 170 т. человѣкъ (Т. III, стр. 304) и основывается на показаніи Рюстова Мы же останавливаемся на цифрѣ показанной въ офиціальномъ сочиненіи Оже, которому не было причины увеличивать свои силы.

[2]) Строевые рапорты 30-го апрѣля и 1-го мая. Арх. глав. штаба дѣло крымской арміи № 52. Авторъ опредѣляетъ число нашихъ войскъ въ 110 т. челов. (стр. 299), но неуказываетъ источника изъ котораго взята эта цифра.

[3]) Въ письмѣ военному министру кн Долгорукову отъ 24-го апрѣля. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 9-й.

О наступательныхъ дѣйствіяхъ нечего уже было думать тогда когда силы осаждающаго превышали силы обороняющагося, и на сторонѣ атакующаго было то преимущество, что онъ могъ сосредоточивать ихъ по своему произволу. Овладѣвши однимъ изъ пунктовъ оборонительной линіи, англо-французы овладѣвали всѣмъ городомъ, гарнизонъ котораго не имѣлъ отступленія. Положеніе защитниковъ было бы тогда весьма критическимъ, а между тѣмъ оно было весьма возможно въ виду той близости, въ которой находились траншеи непріятеля отъ нашихъ укрѣпленій.

Вся цѣль, все вниманіе главнокомандующаго сосредоточивалось теперь на одной только оборонѣ города, но и при этомъ, весьма ограниченномъ кругѣ дѣятельности, князь Горчаковъ не предвидѣлъ успѣха. Онъ полагалъ, что съ открытіемъ огня осадныхъ батарей, защита не продержится болѣе двухъ, а много трехъ дней: что послѣ этого срока мы не будемъ имѣть орудій и штрумъ для союзниковъ будетъ дѣломъ не рискованнымъ, а вполнѣ безопаснымъ. Мысль объ оставленіи Севастополя являлась естественнымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ, но князь Горчаковъ не рѣшался привести ее въ исполненіе, опасаясь отвѣтственности передъ Государемъ и отечествомъ. Доходившіе до него слухи и даже письма заставляли предполагать, что въ будущемъ его ожидаетъ обвиненіе въ бездѣятельности, въ недостаткѣ энергіи и наконецъ въ томъ, что онъ не испыталъ всѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи. Онъ предлагалъ сдѣлать нѣкоторую уступку въ требованіяхъ вѣнской конференціи, чтобы тѣмъ отнять у Австріи предлогъ къ враждебнымъ замысламъ противъ Россіи и имѣть возможность освободить сосредоточенныя противъ этой державы войска, столь нужныя для защиты Севастополя и всего Крыма. Судя по характеру, который принимали дѣла на полуостровѣ, ни для кого не было уже тайною, что западныя державы направили всѣ свои средства и дѣятельность исключительно на этотъ пунктъ и что въ овладѣніи Севастополемъ, они видѣли удовлетвореніе своему самолюбію и нѣкоторое вознагражденіе, за огромную потерю людей, денежныхъ средствъ и слишкомъ долгихъ усилій.

Какимъ же образомъ можно было воспрепятствовать этимъ усиліямъ? По мнѣнію главнокомандующаго въ его рукахъ было только одно средство, а именно: подготовить оборону такъ, чтобы, съ открытіемъ новаго усиленнаго бомбардированія, непріятель не имѣлъ слишкомъ большаго превосходства огня и не могъ дѣйствовать по нашимъ веркамъ, днемъ и ночью. Чтобы достигнуть этого, необхо-

димо было наносить наибольшее пораженіе его батареямъ и орудіямъ, а слѣдовательно усилить наше вооруженіе, надъ которымъ трудился день и ночь почти весь гарнизонъ, подъ выстрѣлами непріятеля.

«Неутомимостію, писалъ князь Горчаковъ [1]), геройскимъ духомъ своимъ, люди продолжаютъ радовать и удивлять меня. Это тѣмъ болѣе достойно похвалы, что, въ послѣднее время, они лишились огромнаго числа самыхъ лучшихъ штабъ и оберъ-офицеровъ своихъ. Они совершенно закалены для теперешняго рода войны. Надѣюсь, что и въ полѣ они будутъ также хороши, хотя впрочемъ тамъ родъ дѣйствій будетъ иной, къ которому они менѣе привыкли и при томъ превосходство непріятельскаго оружія поставитъ ихъ въ сравнительно не выгодное положеніе».

Въ полевомъ сраженіи конечно всѣ выгоды были на сторонѣ противника: онъ былъ многочисленъ и лучше вооруженъ, тогда какъ мы имѣли весьма ограниченное число нарѣзнаго оружія.

— Будемъ, однакоже, отбиваться какъ можемъ, говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, и употребимъ все, чтобы по крайней мѣрѣ честь русскаго оружія не была помрачена. Положеніе наше дѣлается день отъ дня затруднительнѣе. Но кромѣ Бога помочь теперь этому никто не можетъ. Если союзники поступятъ благоразумно и вздумаютъ воспользоваться всѣми огромными выгодами своими, то мы потерпимъ большія неудачи. Вопросъ въ томъ станетъ-ли у нихъ на это ума и духа — я постараюсь воспользоваться ихъ ошибками.

Но чтобы имѣть возможность исполнить послѣднее обѣщаніе, князю Горчакову необходимы были новыя подкрѣпленія, а въ распоряженіи министерства не было ни одной свободной части войскъ, которая могла бы быть направлена въ Крымъ, — всѣ они имѣли опредѣленное назначеніе, измѣнить которое было весьма опасно. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ Императоръ рѣшился временно пожертвовать охраною Бессарабіи и передать остатки Южной арміи Лидерса въ распоряженіе князя Михаила Дмитріевича. Съ такою передачею, главнокомандующій, сообразуясь съ дѣйствіями непріятеля, лучше всякаго другаго могъ судить въ какой мѣрѣ необходимо усилить войска крымской арміи, а также опредѣлить какія именно части могутъ поспѣть во-время.

---

[1]) Во всеподан. донесеніи отъ 30 апрѣля. Арх. канц. воен. минис. д. № 41

Какъ только князь Горчаковъ получилъ такое разрѣшеніе Императора, онъ тотчасъ же приказалъ слѣдовать въ Крымъ маршевымъ баталіонамъ резервныхъ бригадъ 10 и 12 пѣхотныхъ дивизій, и въ слѣдъ за тѣмъ двинулъ форсированнымъ маршемъ, не только 7 дѣйствующую, но 7 и 15 резервныя дивизіи.

Скорое прибытіе этихъ войскъ было крайне необходимо въ виду потребности усиленія состава гарнизона и пополненія значительной убыли въ полкахъ, сильно разстроенныхъ послѣдними потерями. Потери эти были такъ велики, что слово полкъ, батальонъ или рота не выражали уже ни какого понятія о численности людей и князь Горчаковъ, поручая графу Остенъ Сакену указать: гдѣ, въ какихъ пунктахъ и сколько имѣть гарнизона, просилъ его сдѣлать это указаніе не числомъ батальоновъ, а числомъ людей. На пополненіе прислуги при орудіяхъ также не доставало людей подготовленныхъ къ этому дѣлу и пришлось размѣстить по батареямъ весь пятый резервный батальонъ Литовскаго полка и взять 245 человѣкъ изъ Охотскаго и Украинскаго полковъ. Къ тому же оставаясь безъ смѣны въ теченіе долгаго времени люди были истощены и нуждались въ отдыхѣ.

— Общій штурмъ Севастополя былъ бы для насъ счастіемъ, говорилъ князь Горчаковъ, но я вижу изъ всего, что непріятель его не предприметъ, а вѣроятно своевременно сдѣлаетъ частные штурмы на атакованные бастіоны № 4 и № 5. Это для насъ въ высшей степени опасно. По самому свойству этихъ верковъ и по прилегающей къ нимъ мѣстности, ихъ нельзя будетъ отстоять, если огонь артиллеріи будетъ потушенъ. Если непріятель ихъ возьметъ, то выбивать его изъ нихъ будетъ тоже въ высшей степени трудно: къ нимъ съ нашей стороны надлежащаго доступа не будетъ, ибо удобныхъ къ нимъ подходовъ, для движенія резервовъ, не существуетъ и устроить ихъ невозможно. Мы уповаемъ на Бога, покровительствующаго тѣмъ, кто въ трудныхъ обстоятельствахъ исполняетъ свой долгъ, сражаясь за своего Государя и отечество, но надежды на успѣхъ я имѣю мало. Прежнія ошибки непріятеля послужили ему урокомъ и превосходство его силъ и средствъ, коими онъ располагаетъ, огромны

Пользуясь этимъ превосходствомъ, французы въ ночь съ 10 на 11 мая овладѣли нашими контръ-апрошами у Карантинной бухты. Они сразу подвинулись впередъ на 250 саженъ и приблизили головныя части своихъ траншей на разстояніе 200 саженъ отъ шестаго бастіона. Успѣхъ этотъ ободрилъ англо-французовъ и

Пелисье повелъ дѣло еще рѣшительнѣе. Онъ овладѣлъ теченіемъ р. Черной и отправилъ особую флотилію въ Азовское море. При помощи дессанта союзники овладѣли Керчью и бомбардировали почти всѣ прибрежные города Азовскаго моря. Жаль, что уважаемый авторъ, описывая экспедицію союзниковъ въ Керчь, не входитъ въ большія подробности относительно мѣръ, предпринятыхъ для защиты Азовскаго моря и прегражденія Керченскаго пролива. Подробности эти, кромѣ высокаго интереса, имѣютъ характеръ поучительный для будущаго. Положеніе командовавшихъ войсками на Керченскомъ полуостровѣ, сначала Хомутова, а потомъ барона К. К. Врангеля, было крайне затруднительно и если на долю послѣдняго выпала печальная необходимость сдать городъ безъ боя, то повѣствователю этой эпохи необходимо обставить событіе такими подробностями, изъ которыхъ было бы ясно, что и самъ читатель, будучи поставленъ въ то положеніе, въ которомъ находился боронъ Врангель, поступилъ бы точно также. Положеніе послѣдняго было тяжко двадцать два года тому назадъ; оно осталось тяжкимъ и до нынѣ, а между тѣмъ пора бы высказать справедливую оцѣнку его дѣйствій. Въ виду этого мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя подробности, какъ о положеніи командующаго войсками въ восточной части Крыма, такъ и относительно мѣръ предпринятыхъ для загражденія Керченскаго пролива.

XVII.

Приготовленіе союзной эскадры къ экспедиціи въ Азовское море.—Мѣры къ укрѣпленію Керченскаго пролива. — Численный составъ войскъ, назначенныхъ для охраненія восточной части Крымскаго полуострова. — Положеніе дѣлъ передъ высадкою непріятеля.

Въ то время, когда мы приступали къ заложенію траншей на кладбищенской высотѣ, Пелисье приводилъ въ исполненіе рѣшеніе совѣта союзныхъ главнокомандующихъ относительно экспедиціи въ Азовское море. Для этой цѣли, у Камышевой бухты, была сосредоточена эскадра, состоявшая изъ 57-ми разной величины судовъ [1]), на которыхъ производилась посадка войскъ. Экспедиціон-

[1]) Въ числѣ коихъ находилось 33 англійскихъ и 24 французскихъ

ный корпусъ состоялъ: изъ отряда англичанъ въ 3-т челов., съ тремя полевыми батареями, подъ начальствомъ генерала Броуна; дивизіи французовъ, въ составѣ 7,400 человѣкъ и пяти полевыхъ батарей, подъ начальствомъ генерала д'Отмара и отряда турокъ около 6-т. человѣкъ, съ тремя полевыми батареями, подъ начальствомъ Решидъ-паши. Генералъ Броунъ, какъ старшій, принялъ начальство надъ отрядомъ, въ которомъ, такимъ образомъ, состояло 16,400 человѣкъ, съ 11-ю полевыми батареями [1]).

Скопленіе значительнаго числа непріятельскихъ военныхъ судовъ въ Камышевой и Казачьей бухтахъ обратило на себя вниманіе князя Горчакова и наводило его на мысль, что союзники намѣрены произвести, на одномъ изъ прибрежныхъ пунктовъ, новую высадку.

Предположеніе это весьма скоро оправдалось. Съ Волоховой башни видно было какъ въ Камышевой бухтѣ собирались войска и садились на суда. Вечеромъ, 10-го мая, въ главномъ штабѣ крымской арміи, получено было донесеніе, что часть непріятельскихъ судовъ, съ десантомъ, ушла въ море, а утромъ 11-го числа было сообщено, что и остальныя суда отправились туда же. Въ донесеніи говорилось, что, по числу ушедшихъ судовъ и величинѣ ихъ, можно предполагать, что они имѣютъ дессанта до 20-тыс человѣкъ [2]).

Въ тотъ же день, 11-го мая, въ Севастополѣ узнали сначала, что эскадра появилась на высотѣ Ялты, а вслѣдъ затѣмъ получено было свѣдѣніе, что она остановилась у Ѳеодосіи и до шести часовъ вечера того дня, вошло въ бухту этого города тринадцать непріятельскихъ пароходовъ. Овладѣніе Ѳеодосіею не представляло для непріятеля никакихъ выгодъ и, слѣдовательно, надо было полагать, что, предпринимая высадку въ довольно значительныхъ размѣрахъ, англо-французы имѣютъ въ виду цѣль болѣе важную, чѣмъ занятіе города неимѣющаго, кромѣ мирныхъ жителей, ни продовольственныхъ запасовъ, ни военныхъ учрежденій. По всему видно было, что союзники намѣрены овладѣть Керчью, чтобы имѣть доступъ въ Азовское море и прекратить сухопутное сообщеніе Крыма съ Имперіею, черезъ Арабатскую стрѣлку и морское съ портами, въ

---

[1]) См. соч. Оже. Цифры эти не согласны съ тѣми, которыя приняты авторомъ остановившемся на показаніяхъ Герена и Вейгельта.

[2]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру отъ 12 мая 1855 г. Арх. канц. воен. минист., дѣло № 11.

которыхъ находились значительные запасы хлѣба, какъ частнаго, такъ и казеннаго, предназначавшагося для продовольствія крымской арміи.

Съ занятіемъ Керчи, Азовское море переходило въ руки непріятеля, сообщеніе съ Черноморіею, Закубанскимъ краемъ и каботажное плаваніе прекращались и союзники легко могли овладѣть всѣмъ Керченскимъ полуостровомъ, на которомъ находилось до 40-т. татаръ, весьма сомнительной преданности.

Занявши полуостровъ, англо-французы, кромѣ пріобрѣтенія значительныхъ запасовъ, получали возможность довольствовать мѣстными средствами армію въ 25-т. человѣкъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ. Всѣ эти обстоятельства, придавая Керчи значеніе стратегическое, не оставляли сомнѣнія, что непріятель избралъ ее цѣлью дѣйствій.

Единственный входъ въ Азовское море, — Керченскій проливъ, имѣлъ весьма слабую защиту и его прибрежныя батареи не могли оказать почти никакого сопротивленія непріятелю, въ особенности такому, который имѣлъ на своихъ судахъ значительный дессантъ.

Керченскій проливъ, на высотѣ Еникале, имѣетъ ширины около 2-т. саженъ и представляетъ для прохода судовъ два удобные фарватера: *Западный*, прилегающій къ крымскому берегу, шириною въ 540 саженъ и *Восточный*—у косы Чески, шириною въ 770 саженъ. Оба фарватера раздѣлены банкою, ширина которой простирается до 690 саженъ.

Миновавъ Еникале и въ разстояніи тысячи саженъ далѣе отъ онаго, оба фарватера соединяются въ одинъ общій, идущій сначала параллельно берегу, а потомъ приближаясь къ мысу Акъ-Бурунъ. Противъ Павловскаго мыса ширина пролива до косы Тузлы простирается до 3.500 саженъ. На этомъ протяженіи имѣется средняя коса, длиною въ 1,300 саженъ, оконечность которой находится въ 1,500 саженяхъ отъ Павловскаго мыса. Въ этомъ промежуткѣ и проходитъ *собственно керченскій фарватеръ*, отстоящій около одной версты отъ оконечности косы и въ 80 саженяхъ отъ Павловскаго мыса.

Важность Азовскаго моря, въ смыслѣ доставокъ всякаго рода для войскъ расположенныхъ на Крымскомъ полуостровѣ, заставляла принять мѣры къ прегражденію непріятелю возможности ворваться въ Керченскій проливъ. Князю Меншикову, занятому приведеніемъ Севастополя въ оборонительное положеніе, не было никакой возможности, въ одно и тоже время слѣдить и за ра-

ботами Керченскаго пролива. По этому, въ концѣ апрѣля 1854 года состоялось Высочайшее повелѣніе, по которому защита пролива была возложена на исключительное попеченіе атамана войска донскаго генерала Хомутова, командовавшаго тогда войсками, расположенными въ Черноморіи и на восточномъ берегу Чернаго моря.

По новому распредѣленію обязанностей, Хомутову подчинена была вся мѣстность между Керчью, Ѳеодосіею и Арабатомъ, со включеніемъ и этихъ пунктовъ, — словомъ сказать вся территорія такъ называемаго Керченскаго полуострова. Такимъ образомъ, весь Крымскій полуостровъ, относительно обороны, былъ раздѣленъ на двѣ части: на западную или бо́льшую, защита которой поручена князю Меншикову и восточную или меньшую, оборона которой лежала на обязанности Хомутова.

Послѣдній, по предварительномъ осмотрѣ ввѣреннаго ему края, находилъ, что хотя Азовское море и можетъ считаться недоступнымъ для большихъ судовъ, но если непріятель вздумаетъ отдѣлить сильную пароходную эскадру, съ цѣлью, прорвавшись въ Азовское море, препятствовать нашимъ сообщеніямъ и запретить подвозы по Дону, то, вопервыхъ, онъ можетъ произвести это безъ затрудненія на небольшихъ пароходахъ, а вовторыхъ, находящаяся близъ Керчи Павловская батарея, вооруженная десяткомъ орудій небольшаго калибра, не въ состояніи будетъ остановить такого вторженія. Князь Меншиковъ вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе и еще въ февралѣ мѣсяцѣ [1]) указывалъ на необходимость самое узкое мѣсто у Еникале преградить бономъ, устроивъ его подъ защитою нѣсколькихъ орудій и вооруживъ этотъ замокъ сколько возможнымъ окажется. Онъ просилъ о присылкѣ для этого орудій, которыя и были отправлены изъ Ростова, но безъ лафетовъ, придѣланныхъ впослѣдствіи по распоряженію керчь-еникальскаго градоначальника, по особому чертежу и мѣстными средствами [2]).

Согласно съ мнѣніемъ керчь-еникальскаго градоначальника князя Гагарина, Хомутовъ находилъ необходимымъ преградить входъ въ проливъ затопленіемъ 20 или 30 судовъ, частію казенныхъ, частію пріобрѣтенныхъ покупкою, на что требовалось по его разсчету до 60-т. руб. сер. Относительно мѣсторасположенія этой преграды предполагалось заградить фарватеръ между отмелями идущими отъ Павловской батареи и подъ ея выстрѣлами и до от-

---

[1]) Письмо кн. Меншикова кн. Долгорукову 12 февраля 1854 г.

[2]) Арх. главн. арт. управл. 2-го крѣпостнаго стола, д. № 5

мелей южной косы Тузлы, оставивши небольшой проходъ со знаками для нашихъ судовъ съ тѣмъ чтобы, при первомъ появленіи непріятеля, знаки эти были немедленно снимаемы [1]). Руководясь этимъ мнѣніемъ, Хомутовъ созвалъ на совѣщаніе военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, которые положили преградить проливъ съ восточнаго берега (отъ косы Тузлы) затопленіемъ судовъ, а съ западной стороны запереть проходъ бономъ, въ два или три ряда. Жители прибрежья Азовскаго моря съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ устройству преграды и оказали свое содѣйствіе многочисленными пожертвованіями, превышавшими сумму въ 29-т. рублей.

Мѣры, предложенныя генераломъ Хомутовымъ, удостоились Высочайшаго утвержденія и работы были начаты съ 29-го апрѣля 1854 года. Пріобрѣтеніе судовъ было возложено на особую коммисію, подъ предсѣдательствомъ князя Гагарина, а загражденіе пролива поручено произвести контръ-адмиралу Вульфу. Послѣдній признавалъ необходимымъ пріобрѣсти 34 большихъ и 14 малыхъ судовъ и, сверхъ того, затопить старые казенные транспоры: «Кадосъ», «Мамай», «Цемесъ», «Субаши» и шкуну «Гонецъ» [2]).

На затопленіе этихъ судовъ послѣдовало разрѣшеніе Государя Императора, точно также какъ и на пріобрѣтеніе судовъ у частныхъ лицъ повелѣно было отпустить изъ военнаго капитала, въ распоряженіе генерала Хомутова, 75-т. руб. сер., присоединивъ къ нимъ и тѣ 29,427 рублей, которые были пожертвованы жителями [3]).

Для устройства бона князь Меншиковъ передалъ Хомутову старые якоря изъ числа хранившихся въ Севастополѣ. Установленіе бона и затопленіе судовъ представляло немаловажныя затрудненія, такъ такъ при значительной глубинѣ и ширинѣ Керченскаго пролива, онъ имѣетъ иловатое дно и иногда довольно сильное теченіе, требующее весьма прочной установки, при помощи значительнаго числа якорей, желѣзныхъ цѣпей и другихъ скрѣпленій. Существовавшее въ Керчи адмиралтейство не могло доставить необходимаго матеріала и на устройство бона поступила часть таке-

---

[1]) Рап. князя Гагарина кн. Меншикову 28 февраля. Воен. учен. арх., дѣло № 4279.

[2]) Рапортъ Хомутова военному министру 29 апрѣля 1854 г. Воен. учен. арх., д. № 3528 (А).

[3]) Арх. канц. воен. министерства, д. № 62.

лажа отъ четырехъ транспортовъ вѣдомства черноморской береговой линіи и лишь незначительное число бревенъ; остальные матеріалы пришлось покупать на сторонѣ у вольныхъ продавцовъ.

Первоначально предполагалось поставить бонъ въ три ряда, но какъ въ портахъ Азовскаго моря имѣлось весьма мало лѣса въ продажѣ, да и тотъ былъ плохаго качества, то рѣшено было сначала поставить его въ два, а потомъ въ одинъ рядъ, но и при этомъ уклоненіи купленные для устройства бона матеріалы не вполнѣ удовлетворяли своему назначенію и загражденіе Керченскаго пролива не привело къ желаемымъ результатамъ.

Составленный изъ бревенъ съ большою заболонью, не доброкачественныхъ и тонкихъ, бонъ былъ сплоченъ въ три бревна, установленъ въ одинъ рядъ и притомъ весьма плохо, такъ что не могъ выдержать теченія и зыби. Оконченный въ іюлѣ 1854 года бонъ скоро пришелъ въ совершенно негодное состояніе: бревна намокли и большая часть ихъ затонула. До сентября мѣсяца 1854 года онъ еще стоялъ на мѣстѣ, но 28-го числа этого мѣсяца, свѣжимъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, былъ разорванъ затопшимъ около него судномъ; часть бона отнесло на значительное разстояніе, такъ что преграда эта была снята и вытянутыя на берегъ бревна были употреблены впослѣдствіи на устройство блиндажей.

Одновременно съ устройствомъ бона генералъ Хомутовъ приступилъ къ затопленію судовъ и прежде всего противъ Павловской батареи. Къ началу іюля 1854 года было куплено 35 судовъ, которыя, по наполненіи ихъ пескомъ или камнемъ, частію купленнымъ, частію взятымъ изъ казенныхъ зданій, или пожертвованнымъ [1]), были опущены на дно вмѣстѣ съ пятью казенными судами [2]). Такъ какъ нѣкоторыя суда вышиною своею не соотвѣтствовали глубинѣ фарватера, то къ нимъ были наддѣланы особые борты.

Видя что прегражденіе пролива въ этомъ мѣстѣ приходитъ уже къ окончанію, генералъ Хомутовъ принялъ мѣры къ устройству второй преграды, на высотѣ Еникалѣ, тамъ, гдѣ два фарватера соединялись въ одинъ. Здѣсь предположено было установить въ шахматномъ порядкѣ, на якоряхъ, за-ранѣе подготовленныя суда, соединенныя между собою цѣпями, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ вторженія непріятеля въ Керченскій проливъ, суда эти можно было немедленно затопить. Предположеніе это удостоилось Высочайшаго

---

[1]) Для нагрузки судовъ употреблено камня 360 кубическихъ саженъ.

[2]) Кавказскіе транспорты «Кадосъ» «Мачай» «Цемесъ» «Субаши» и шкуна «Гонецъ».

одобренія и контръ-адмиралу Вульфу, какъ старшему флотскому начальнику, было поручено произвести промѣры и опредѣлить выгоднѣйшее направленіе для затопленія судовъ. Произведенное изслѣдованіе показало, что не только оба Еникальскіе фарватера но и все пространство между Еникале и косою Ческою, на разстояніи 2-тыс. саженъ, доступно для прохода мелкихъ пароходовъ и потому для исполненія предположенія потребовалось бы слишкомъ много судовъ. Не имѣя для такой работы достаточныхъ средствъ, генералъ Хомутовъ рѣшилъ затопить каботажными судами только южную часть фарватера, а остальную забросать якорями. По затрудненію встрѣченному въ пріобрѣтеніи судовъ мѣра эта не была приведена въ исполненіе и до конца марта 1855 года было куплено только семь судовъ [1]).

Между тѣмъ затопленныя у Павловской батареи суда дѣйствіемъ волненія разшатались и деревянныя части ихъ всплывали на поверхность воды. Такимъ образомъ большая часть установленныхъ преградъ сама собою уничтожалась, и защита Керченскаго пролива и полуострова лежала на $3^1/_4$ батальонахъ пѣхоты, изъ казаковъ и солдатъ внутренней стражи [2]), и на небольшой эскадрѣ судовъ, состоявшей изъ четырехъ пароходовъ, пяти транспортовъ, двухъ шкунъ и трехъ коммерческихъ пароходовъ.

Понятно, что съ такими ничтожными средствами трудно было расчитывать на успѣхъ и генералъ Хомутовъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости, для усиленія своихъ боевыхъ средствъ, сформировать особую азовскую гребную флотилію. По совѣщанію съ княземъ Меншиковымъ, онъ предполагалъ составить эту флотилію изъ 8-ми канонирскихъ лодокъ [3]) и 16-ти мѣстныхъ донскихъ ладей, съ 20 офицерами и 800 человѣками нижнихъ чиновъ. Утвердивши это предположеніе, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ приступить къ исполненію, отпустить необходимыя для того деньги 157192 руб. 92 коп., [4]) и обратить на суда

---

[1]) Записка о занятіи Керчи непріятелемъ 12 мая 1855 г. Воен. учен. арх. д. № 3537.

[2]) Въ Керчи находились: одинъ батальонъ Черноморскихъ казаковъ, двѣ роты Керченскаго гарнизоннаго батальона и двѣ роты батальона Азовскихъ казаковъ. Въ Еникалѣ были: одинъ Черноморскій казачій батальонъ и двѣ роты Черноморскаго казачьяго № 9 батальона.

[3]) Подобныхъ построеннымъ въ Николаевѣ для Дунайской флотиліи.

[4]) Въ счетъ этой суммы отпущено: въ ноябрѣ 1854 г. 100-тыс. р., въ мартѣ 1855 г. 7836 руб. 28 коп. и 29-го апрѣля—20-тыс. руб. См. Арх. канц. воен. минис. дѣло № 62.

азовскихъ казаковъ. Для вооруженія этой флотиліи было отпущено 40 каронадъ 24-хъ фунтоваго калибра. Суда строились въ Аксайской станицѣ войска Донскаго, подъ наблюденіемъ исправлявшаго въ то время должность наказного атамана генералъ-маіора Андріанова и должны были быть окончены къ маю мѣсяцу 1855 года.

Въ ожиданіи прибытія этой флотиліи и не надѣясь на слишкомъ большое содѣйствіе ея оборонѣ, Хомутовъ трудился надъ усиленіемъ защиты пролива устройствомъ береговыхъ батарей.

Еще зимою 1853 года, по распоряженію князя Меншикова, была возведена на Павловскомъ мысу приморская батарея, получившая названіе *Павловской*. Вооруженная двѣнадцатью орудіями 18-ти фунтоваго калибра, она имѣла цѣлью обстрѣливать рейдъ между мысомъ Камышъ-Буруномъ и косою Тузлою. Въ апрѣлѣ 1854 года, по распоряженію генерала Хомутова, приступлено было какъ къ усиленію Павловской батареи, такъ и къ устройству по берегу Керченскаго пролива трехъ новыхъ, а именно: *Николаевской*—на мысѣ Акъ-Бурунѣ; *Городской* — въ самомъ городѣ Керчи и *Георгіевской* (или карантинной)—надъ новымъ карантиномъ. Въ Еникалѣ находилась старая, упраздненная крѣпость, которую сначала думали привести также въ оборонительное положеніе. Въ іюнѣ 1854 года военный министръ спрашивалъ Хомутова: въ какомъ положеніи находятся верки Еникале и имѣется-ли въ виду вооружить этотъ пунктъ? Наказной атаманъ писалъ, что верки Еникальскаго замка совершенно разрушены и возстановленіе ихъ потребовало бы слишкомъ много времени и рабочихъ; что полезно было-бы вооружить орудіями одинъ только приморскій фасъ и устроить противъ него, на косѣ Ческѣ, батарею.

Въ отвѣтъ на это Хомутову было сообщено Высочайшее повелѣніе приступить немедленно къ составленію проэкта о возведеніи въ Керчи и Еникале такихъ укрѣпленій, которыя, при незначительныхъ гарнизонахъ, могли бы хотя нѣсколько дней выдержать правильную осаду. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Хомутовъ представилъ шесть проэктовъ объ укрѣпленіи Керчи, косы Тузлы, Еникале, косы Чески, Арабата и Ѳеодосіи. Онъ высказалъ при этомъ, что по совершенно невыгодному мѣстоположенію Керчи укрѣплять ее съ сухаго пути совершенно безполезно, что для этого пришлось бы строить самостоятельные форты, а между тѣмъ не имѣлось на то ни времени, ни средствъ. Наказной атаманъ писалъ, что возведеніемъ временныхъ укрѣпленій на узкой песчаной косѣ Тузлѣ невозможно усилить оборону Керченскаго пролива противъ Павлов-

ской батареи; что на всемъ двѣнадцати верстномъ протяженіи косы нѣтъ воды и что опасно устраивать тамъ укрѣпленія, которыя могутъ лишиться сухопутнаго сообщенія съ Черноморіею. Городъ Керчь, по своему положенію у подножія горы Митридата, составляющей оконечность высокаго каменнаго хребта, не представляетъ ни какой возможности къ укрѣпленію скорому и сколько нибудь надежному. Принимая въ соображеніе, что протяженіе линіи укрѣпленія кромѣ морской стороны будетъ составлять около 180 саженъ и что защита его будетъ весьма слаба, Хомутовъ полагалъ Керчь не укрѣплять, а ограничиться постройкою однѣхъ береговыхъ батарей, и въ случаѣ высадки непріятеля защищать городъ штыками. Укрѣпленіе же Еникале привести въ должный видъ для того, чтобы, въ случаѣ паденія Керчи и Павловской батареи, войска имѣли точку опоры и могли, нѣкоторое время защищаясь въ крѣпости, ожидать подкрѣпленій и охранять Еникальскій проливъ.

Придавая этому пункту весьма большое значеніе, наказной атаманъ, не ожидая разрѣшенія министерства, приступилъ въ іюнѣ 1854 года къ вооруженію одного приморскаго фаса Еникальской крѣпости и къ возведенію двухъ батарей: *Успенской* въ городѣ на четыре и другой на косѣ Ческѣ на 8-мь орудій.

Одобривъ распоряженія генерала Хомутова, въ Бозѣ почившій Императоръ Николай I, сознавалъ что отъ укрѣпленія береговъ Керченскаго пролива большой пользы ожидать нельзя, по весьма значительному разстоянію береговъ отъ фарватера; что приведеніе Еникальской крѣпости въ оборонительное состояніе было почти не возможно, по краткости времени. «Впрочемъ, писалъ военный министръ князь Долгоруковъ [1]), и въ нынѣшнемъ состояніи, при достаточномъ числѣ войскъ съ артиллеріею, крѣпость эта могла бы прикрывать тылъ двухъ приморскихъ батарей, ежели непріятельскій дессантъ не будетъ слишкомъ многочисленъ».

Въ такомъ положеніи находилась оборона Керчи и пролива, когда послѣдовавшія вслѣдъ затѣмъ обстоятельства приковали все вниманіе къ Севастополю и восточная часть Крыма до времени получила второстепенное значеніе.

Отправивъ, съ первымъ извѣстіемъ о высадкѣ, въ распоряженіе князя Меншикова 11-ть батальоновъ пѣхоты, три батареи и 14 сотенъ казаковъ, генералъ Хомутовъ очутился въ значительно

---

[1]) Генералу Хомутову отъ 15-го октября 1854 года за № 7464. Арх. канц. воен. минис., дѣло 1855 г. № 62.

худшемъ положеніи, чѣмъ былъ до начала военныхъ дѣйствій на Крымскомъ полуостровѣ. Оставаясь постоянно такъ сказать въ виду непріятеля, онъ долженъ былъ ожидать ежедневно нападенія, съ горькимъ сознаніемъ, что можетъ оказать весьма слабое сопротивленіе. За недостаткомъ средствъ и рукъ, постройка укрѣпленій шла весьма медленно и защищать ихъ было почти некому, ибо вся боевая сила отряда Хомутова состояла изъ $7^3/_4$ батальоновъ съ 12-ю полевыми орудіями. Разбросанныя на разстояніи девяноста верстъ войска эти были расположены: *въ Ѳеодосіи* находились два Черноморскіе линейные № 5 и № 15 батальоны, двѣ роты Таврическаго гарнизоннаго батальона и 8 орудій легкой № 3 батареи 17-й артиллерійской бригады; *въ Арабатъ* — одинъ Черноморскій казачій батальонъ; *въ Еникалѣ* — одинъ Черноморскій пѣшій казачій № 6 батальонъ и рота Черноморскаго линейнаго № 9 батальона, и наконецъ *въ Керчи* были расположены: Черноморскій казачій пѣшій № 9 батальонъ, двѣ роты Керченскаго гарнизоннаго батальона, двѣ роты Азовскаго казачьяго батальона и 4 орудія Черноморской казачей конно-артиллерійской № 11 батареи. Понимая что съ такимъ числомъ войскъ невозможно бороться съ непріятелемъ, Хомутовъ спрашивалъ военнаго министра: какихъ мѣръ ему держаться и на какія средства онъ можетъ расчитывать?

«Дѣла подъ Севастополемъ, писалъ онъ [1]), такъ дѣлаются сложными, что мудрено предвидѣть какой будетъ исходъ. Конечно все во власти Всевышняго; принятыя же предосторожности противъ покушеній непріятеля всегда будутъ полезны: Керчь и Ѳеодосія въ тѣсной связи съ Севастополемъ. Проливы Керченскій и Еникальскій день отъ дня укрѣпляются и когда всѣ предположенія будутъ приведены въ исполненіе и батареи снабдятся опредѣленнымъ количествомъ снарядовъ и подоспѣетъ Азовская флотилія, то воды будутъ довольно сильно защищены. Впрочемъ, все будетъ зависѣть отъ силъ непріятеля, которыя онъ выставитъ, но не менѣе того и сухопутная защита заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо всѣ наши батареи, при умѣренномъ даже дессантѣ, могутъ пасть и тогда Азовское море непріятелю будетъ открыто, а съ обладаніемъ онаго, подвозъ продовольствія моремъ остановится.

«Ежели Севастополь имѣетъ надежду получать продовольствіе кромѣ доставленія моремъ, то онъ будетъ тѣмъ же гранитомъ какъ

---

[1]) Въ письмѣ военному министру отъ 12-го декабря 1854 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 22 часть II.

и по сіе время, но ежели на сіе нельзя располагать, то войска подъ Севастополемъ будутъ поставлены въ самое затруднительное положеніе по продовольствію. Ежели Севастополь и можетъ обойтиться безъ Азовскаго моря, то все таки потеря онаго будетъ слишкомъ чувствительна. По настоящее время видимо промыслъ Всевышняго охранялъ насъ, но сдѣланныя непріятелемъ въ нынѣшнемъ году ошибки не наведутъ ли его на мысль поправить оныя. Нельзя не удивляться какъ онъ не занялъ Керчь, Ѳеодосію и Арабатъ, остававшіеся подъ самою слабою защитою».

Защита эта не усилилась и въ послѣдующее довольно долгое время. Въ концѣ декабря военный министръ писалъ генералу Хомутову, что не предстоитъ никакой возможности усилить его новыми войсками, но въ случаѣ крайней надобности, для защиты Керченскаго полуострова, ему разрѣшается, по своему усмотрѣнію, очистить на восточномъ Кавказскомъ берегу Чернаго моря Новороссійскъ и даже фортъ Раевскій. Выведенныя оттуда войска соединить съ гарнизономъ Анапы, и, оставивъ въ этой крѣпости и Закубанскихъ станицахъ нужныя для обороны этихъ пунктовъ войска, всѣ остальныя перевести или въ Тамань, или въ Керчь, смотря потому куда потребуютъ обстоятельства. При этомъ военный министръ прибавлялъ, что по мнѣнію Государя Императора главнѣйшею цѣлью дѣйствій генерала Хомутова должна быть оборона прохода въ Азовское море и что преимущественно слѣдуетъ, въ случаѣ дессанта, отстоять Керчь, какъ пунктъ наиболѣе важный чѣмъ Ѳеодосія.

Наступившая зима и извѣстія о печальномъ положеніи союзниковъ подъ Севастополемъ, дозволили Хомутову оставить до времени войска въ прежнемъ ихъ расположеніи и обратить все свое вниманіе на окончаніе батарей и укрѣпленій, защищавшихъ входъ въ Керченскій проливъ. Батареи эти все еще были въ неудовлетворительномъ состояніи: не хватало орудій, не имѣлось пороху, снарядовъ и даже артиллерійской прислуги, на пополненіе которой была обращена рота Черноморскаго линейнаго № 9 батальона. Хомутовъ нѣсколько разъ просилъ прислать все необходимое, но не получая отвѣта, написалъ письмо генералъ-адъютанту Безаку, бывшему въ то время начальникомъ штаба инспектора артиллеріи и директоромъ артиллерійскаго департамента [1]).

---

[1]) Нынѣ эти два учрежденія соединены въ одно главное артиллерійское управленіе и подчинены товарищу генералъ-фельдцейхмейстера.

«Понимаю, писалъ Хомутовъ [1]), что вы озабочены огромными дѣлами, что со всѣхъ сторонъ большія требованія, и есть-ли возможность выполнить ихъ — вамъ однимъ извѣстно. Совѣстно мнѣ безпокоить васъ, но какъ дѣло идетъ о защитѣ Азовскаго моря, отъ водъ коего зависитъ продовольствіе войскъ нашихъ въ Крыму: и острый русскій штыкъ безъ сухарей будетъ тупъ то я увѣренъ, что вы на меня не посѣтуете и раздѣлите мои заботы. Воздвигаемыя у меня батареи, крѣпости и Азовская флотилія безъ артиллерійскихъ снарядовъ, о доставленіи каковыхъ прошенъ артиллерійскій департаментъ; убѣдительнѣйше прошу васъ, по мѣрѣ возможности подвинуть его дѣйствія.

«Орудія и лафеты собираются со всѣхъ сторонъ, при этомъ естественно встрѣчаются не сообразности, о которыхъ не хочу васъ безпокоить и самъ исправляю ихъ по возможности. Одно меня весьма озабочиваетъ: я не имѣю артиллерійстовъ. Увѣренъ что вы мнѣ въ этой бѣдѣ поможете».

Но и эта просьба, какъ и многія другія, осталась не исполненною, а между тѣмъ почти въ теченіе всей зимы непріятельскія пароходы, какъ большіе такъ и малые, поминутно сновали возлѣ Керчи и держались постоянно въ виду города. Число ихъ видоизмѣнялось, но одинъ постоянно сторожилъ входъ въ Азовское море. По всему видно было, что непріятель зорко слѣдилъ за всѣмъ происходившемъ въ городѣ и ожидалъ только удобнаго времени, чтобы предпринять что нибудь рѣшительное.

Въ концѣ января крейсерство непріятельскихъ пароходовъ усилилось и характеръ дѣятельности ихъ болѣе опредѣлился. Пароходы доходили до самаго льда, — все еще, хотя и тонкимъ слоемъ покрывавшаго Керченскій проливъ, — дѣлали промѣры и производили рекогносцировки. Генералъ Хомутовъ опасался, что присутствіе непріятельскихъ пароходовъ воспрепятствуетъ ему съ наступленіемъ весны завести бонъ противъ Павловской батареи и тогда Керченскій проливъ будетъ лишенъ одной изъ преградъ, охраняющихъ доступъ въ Азовское море [2]).

Конечно, бонъ не могъ удержать предпріимчиваго и въ значительныхъ силахъ непріятеля, но отсутствіе бона дозволяло неболь-

---

[1]) Генералу Безаку отъ 30 го декабря 1854 г. Арх. артиллерійскаго департамента дѣло 2-го крѣпостнаго отдѣленія, № 5.

[2]) Письмо Хомутова военному министру 20-го января 1855 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 22 ч. II.

шимъ судамъ пройти черезъ проливъ внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей. Такъ въ 9-ть часовъ утра, 21-го января, одно изъ трехъ непріятельскихъ судовъ блокирующихъ Керчь и именно канонирская винтовая лодка направилась вдоль пролива къ городу, и, подойдя къ линіи затопленныхъ судовъ, сѣла на одно изъ нихъ. Хотя съ Павловской батареи и было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ изъ орудія 68 фун. калибра, но снаряды не долетали до непріятельскаго судна, тогда какъ отвѣтные выстрѣлы съ канонирской лодки ложились далеко за Павловскою батареею.

Въ первое время не имѣя возможности сдвинуться съ мѣста лодка подала сигналъ пароходамъ, съ которыхъ тотчасъ же были спущены на помощь гребныя суда, но не дождавшись ихъ прибытія, канонирка сама снялась и возвратилась на прежнюю стоянку.

Случай этотъ показалъ вопервыхъ, что даже мелкія непріятельскія суда носятъ на себѣ орудія весьма большихъ калибровъ, а во вторыхъ, что они могутъ легко избрать для себя мѣсто не обстрѣливаемое нашими батареями, уничтожить преграды и прорваться черезъ Керченскій проливъ [1]). Въ виду могущихъ послѣдовать столь печальныхъ событій, Хомутовъ, заботясь болѣе всего о загражденіи пролива и объ усиленіи обороны, приступилъ къ возведенію нѣсколькихъ новыхъ батарей и къ устройству подводныхъ минъ, съ тѣмъ, что если послѣднія и не будутъ имѣть существеннаго успѣха, то всетаки произведутъ сильное моральное впечатлѣніе на непріятеля. Онъ отправилъ въ Петербургъ состоявшаго въ распоряженіи начальника Черноморской береговой линіи Кавказскаго сапернаго батальона поручика фонъ-Крита, которому вмѣнилъ въ обязанность ближе ознакомиться съ способомъ устройства и постановки минъ на Кронштадтскомъ рейдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣсти въ достаточномъ количествѣ проводники и прочія принадлежности. По возвращеніи фонъ Крита изъ Петербурга и по доставленіи въ Керчь необходимыхъ принадлежностей [2]), рѣшено было установить 100 минъ: 40 минъ въ двѣ линіи въ шахматномъ порядкѣ, впереди затопленныхъ судовъ, между Павловскою батареею и косою Тузлою; 40 точно такихъ же минъ и въ томъ же порядкѣ впереди затопленныхъ якорей, между Еникале и Ческою, и двадцать минъ, въ одну линію, между мысомъ Акъ-Буруномъ и

---

[1]) Рапортъ Хомутова военному министру отъ 23-го января 1855 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 38.

[2]) Стоившихъ казнѣ 18888 рублей. Арх. канц. воен. минис., д. № 62.

новымъ карантиномъ [1]). Мины эти были двухъ сортовъ: *плавучія*, разрывавшіяся отъ удара непріятельскихъ судовъ и *постоянныя*, опущенныя въ мелкихъ мѣстахъ на дно, съ тѣмъ чтобы могли быть взорваны электрическимъ токомъ съ берега.

Всѣ эти мѣры, обезпечивавшія только до нѣкоторой степени прорывъ непріятельскаго флота въ Азовское море, не успокоивали Хомутова. Онъ сознавалъ, что сухопутная защита находится въ самомъ печальномъ положеніи, что войскъ у него весьма мало и тылъ возводимыхъ имъ укрѣпленій не имѣетъ никакой обороны. Слѣдовательно непріятель, высадившись безнаказанно близъ Керчи, даже съ весьма ограниченными силами, могъ легко овладѣть укрѣпленіями и уничтожить всю береговую защиту. Ходившіе слухи о намѣреніи союзниковъ открыть военныя дѣйствія внутри полуострова и высадить 15-тыс. сардинцевъ или въ Ѳеодосіи, или въ Керчи усиливали опасность и наказной атаманъ рѣшился еще разъ заявить о своемъ безъисходномъ положеніи.

«Пишу вамъ, говорилъ онъ въ письмѣ генералъ-адъютанту Катенину [2]), какъ старому и новому товарищу. Я нѣсколько разъ представлялъ и писалъ о бѣдственномъ моемъ положеніи по защитѣ ввѣреннаго мнѣ края, но изъ полученныхъ отвѣтовъ вижу, что долженъ ограничиться имѣющимися средствами. Не будетъ-ли вамъ случая представить Его Сіятельству г. Военному Министру мою крайность по защитѣ Керчи. Я едва ли имѣю 2-тыс. штыковъ и то казачьихъ, такъ что если придетъ дессантъ въ 1-тыс., я со стыдомъ и безъ боя долженъ отступить и бросить Керчь со всѣми батареями, госпиталями, заведеніями и запасами.

«Если бы ограничилось Керчью, то иногда военныя обстоятельства дозволяютъ бросать города, дѣлать большія жертвы для спасенія нужнѣйшаго пункта, но за Керчью слѣдуетъ Азовское море, а за Азовскимъ моремъ уничтоженіе всѣхъ нашихъ запасовъ. Геническъ также можетъ быть въ рукахъ непріятеля и тогда сотни батальоновъ, собранные подъ Севастополемъ, останутся безъ продовольствія. Признаюсь вамъ не могу не удивляться, какъ противъ видимой такой опасности не берутся мѣры. Если весь восточный край Крыма займетъ непріятель, гдѣ 40-тыс. татаръ готовы ему содѣйствовать, какое нужно будетъ усиліе, чтобы его выбить, а зло сдѣланное въ Азовскомъ морѣ ничемъ не вознаградится».

---

[1]) Записка о занятіи Керчи непріятелемъ. Воен. учен. арх., д. № 3537.

[2]) Отъ 10-го февраля 1855 г. Воен. учен. арх., д. № 3377.

Непріятелю также предстоитъ возможность сдѣлать дессантъ въ Ѳеодосіи, отрѣзать мои несчастные два съ половиною батальона. Дай Богъ чтобы эта чаша несчастія насъ обошла, но если она, должна быть, можете понять черезъ какія я долженъ пройти сочувствія (испытать чувства?) и за что же, за то, что съ полнымъ самоотверженіемъ ввѣренныя мнѣ войска, въ минуту крайности, передалъ его свѣтлости (князю Меншикову)».

Письмо это было получено въ Петербургѣ въ то время, когда главнокомандующимъ въ Крыму назначенъ уже былъ генералъ-адъютантъ князь Горчаковъ, а генералъ Хомутовъ уволенъ отъ обязанности охранять Керченскій полуостровъ и ему Высочайше повелѣно возвратиться въ Темрюкъ, для принятія начальства надъ войсками защищавшими восточный берегъ Чернаго моря.

Незначительность средствъ защиты Керченскаго полуострова и частое появленіе непріятельскихъ пароходовъ въ виду города, заботило Императора и онъ поручилъ князю Горчакову обратить особое вниманіе на защиту восточной части Крыма, «ибо потеря Керчи, писалъ Государь [1]) и явленіе непріятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ могутъ имѣть *весьма важныя послѣдствія.*»

«Надѣюсь, что съ усиленіемъ Крымской арміи по данному вамъ разрѣшенію, изъ войскъ южной арміи, вы найдете возможнымъ удѣлить какую либо часть на восточную половину Крыма, дабы, въ случаѣ дессанта сардинцевъ, не дать углубиться въ край и нанести рѣшительный имъ ударъ.

«Военный министръ вамъ уже писалъ о желаніи Моемъ поручить весь бывшій отрядъ генералъ-адъютанта Хомутова, съ могущими прибыть къ нему подкрѣпленіями, генералъ-лейтенанту Врангелю Баязетскому, дабы Хомутовъ могъ по прежнему завѣдывать всѣми войсками въ Черноморіи и на Черноморской береговой линіи, гдѣ также необходимъ общій начальникъ.»

Въ это время Керчь, Ѳеодосія, Арабатъ и все пространство между этими пунктами защищалось только шестью батальонами, одною ротою инвалидной команды, 8 сотнями и $1^1/_2$ батареями; общая численность этихъ войскъ къ 1 марта 1855 года состояла изъ 5729 человѣкъ пѣхоты и 869 человѣкъ кавалеріи.

Войска эти были расположены:

---

[1] Въ собственноручномъ письмѣ князю Горчакову отъ 23 февраля 1855 г.

Наименованіе частей и ихъ расположеніе.	Число. Баталь.	Сотенъ.	Батарей.	Списочное состояніе. Офицер.	Строев.	Нестроев.	Итого.
Въ Ѳеодосіи:							
Таврическій гарнизонный полубатальонъ съ прикомандированными къ нему рекрутами.....	1/2	—	—	7	614	9	630
Ѳеодосійская инвалидная команда.	—	—	—	1	76	2	79
Ѳеодосійскій подвижной отрядъ:							
Черноморскій линейн. № 5 батал.	1	—	—	15	808	30	853
» » № 15 »	1	—	—	19	875	46	940
» казачій № 6 »	1	—	—	12	819	10	841
Четыре сотни сводно-черноморскаго казачьяго полка.....	—	4	—	10	451	—	461
Двѣ сотни Донскаго казачьяго № 67 полка.....	—	2	—	3	121	—	124
Легкая № 3 батарея 17-й артиллерійской бригады	—		1	7	128	26	161
Керченскій отрядъ:							
Черноморскій казачій № 5 батал.	1	—	—	13	862	17	892
» » № 9 »	1	—	—	11	868	23	902
Гренадерская рота Черноморскаго линейнаго № 9 батальона [1].....	1/4	—	—	2	197	—	199
Керченскій гарнизонный полубатальонъ.....	1/2	—	—	11	373	19	403
Двѣ сотни Донскаго казачьяго № 53 полка.....	—	2	—	3	278		281
Дивизіонъ Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11 батареи.....	—		1/2	2	88	6	96
Итого.....	6 1/4	8	1 1/2	116	6561	188	6865

Изъ 6 батальоновъ защищавшихъ восточную часть Крыма гарнизонные батальоны, по мнѣнію обоза, были неспособны для движенія на встрѣчу непріятеля, а всѣ остальные состояли изъ линейныхъ и казачьихъ войскъ. Составъ этихъ войскъ, разбросанныхъ на протяженіи ста верстъ, между Керчью и Ѳеодосіею, не представлялъ никакого вѣроятія къ успѣшному отраженію непріятеля, если бы онъ высадилъ войска, съ цѣлью предпринять наступательныя дѣйствія. Къ тому же, при слабости и ничтожности

[1] Рота эта употреблена за отсутствіемъ свободной прислуги при орудіяхъ.

войскъ, самая защита Керченскаго пролива по свидѣтельству Хомутова находилась въ весьма слабомъ состояніи. По ограниченности мѣстныхъ способовъ многое было начато, но далеко не приведено къ окончанію и хотя часть фарватера была преграждена затопленными судами, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было предположено устроить мины и изготовлялись якоря большаго размѣра, чтобы опустить ихъ на дно Еникальскаго пролива — но всѣ эти мѣры не могли считаться достаточнымъ обезпеченіемъ отъ прорыва непріятеля.

«Безъ достаточной у насъ силы на сухомъ пути, писалъ Хомутовъ [1]), при рѣшительныхъ дѣйствіяхъ непріятеля, безполезны всѣ мѣры, принимаемыя къ огражденію Азовскаго моря отъ входа непріятельскаго флота. Если мы не въ состояніи будемъ ни воспрепятствовать высадкѣ непріятельскихъ войскъ близь Керчи, ни остановить движенія ихъ на первомъ шагу, береговыя батареи напи падутъ сами собою, а съ тѣмъ вмѣстѣ теряютъ всю силу преграды и препятствія устраиваемыя нами съ моря противъ непріятельскихъ судовъ. Небольшая эскадра судовъ нашихъ, старыхъ и слабо вооруженныхъ, находящихся нынѣ на керченскомъ рейдѣ, не защититъ Азовскаго моря, занятіе котораго непріятелемъ повлечетъ за собою такія послѣдствія, какія теперь и исчислить трудно».

Для усиленія своихъ средствъ, генералъ Хомутовъ сдѣлалъ распоряженіе о направленіи съ Дона на Арабатъ Донскаго казачьяго № 65-го полка, но признавалъ эту мѣру далеко недостаточною и писалъ князю Горчакову, что для обезпеченія Керчи необходима присылка значительныхъ подкрѣпленій. Главнокомандующій тотчасъ же по пріѣздѣ въ Севастополь пригласилъ къ себѣ генераловъ Хомутова и Врангеля, для болѣе обстоятельнаго обсужденія мѣръ къ защитѣ восточной части Крыма.

«Я радуюсь, писалъ Императоръ князю Горчакову [2]), вызову Хомутова и увѣренъ, что свиданіе его съ Врангелемъ будетъ весьма полезно для обороны Керченскаго полуострова. Буду ожидать извѣщенія вашего о тѣхъ войскахъ, которыя вы къ нему направите изъ числа вновь слѣдующихъ въ Крымъ».

Ограниченность собственныхъ боевыхъ средствъ не дозволила князю Михаилу Дмитріевичу оказать существенной помощи восточной части Крыма, и, назначая генералъ-лейтенанта барона Врангеля

---

[1]) Князю Горчакову отъ 9 марта 1855 года Воен. учен. арх. дѣло № 3535.

[2]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 20-го марта 1855 г.

начальникомъ войскъ Керченскаго полуострова, онъ передалъ въ его распоряженіе только гусарскій гросъ-герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ (8 эскадроновъ) съ Донскою конно-легкою резервною № 4-го батареею.

Назначеніе кавалерійскаго полка само по себѣ показывало уже, что князь Горчаковъ не имѣлъ въ виду усилить отрядъ генерала барона Врангеля на столько, чтобы придать ему самостоятельность дѣйствій, а желалъ имѣть въ восточной части Крыма лишь наблюдательный отрядъ, долженствовавшій отражать покушенія незначительныхъ непріятельскихъ силъ. Дальнѣйшее наставленіе главнокомандующаго генералъ-лейтенанту барону Врангелю еще болѣе подтверждаетъ такое заключеніе. Князь Горчаковъ поручалъ ему: 1) препятствовать непріятелю ворваться въ Азовское море; 2) охранять по возможности часть берега Чернаго моря ввѣренную его попеченію, отъ частныхъ, незначительныхъ высадокъ непріятеля и 3) въ случаѣ высадки союзниковъ въ такихъ силахъ, которымъ нельзя будетъ воспрепятствовать появиться на берегу и укрѣпиться, поступать такъ, чтобы не дозволить имъ распространиться въ краѣ, стараясь дѣйствовать на ихъ сообщенія и тылъ.

Наиболѣе удобными пунктами для высадки въ значительныхъ силахъ были окрестности Ѳеодосіи и Камыцъ-Буруна, близь Керчи, и потому главнокомандующій, указывая на крѣпостцу Арабатъ, какъ на хорошій опорный пунктъ въ случаѣ наступленія непріятеля, поручалъ Врангелю принять мѣры, чтобы крѣпостца эта была приведена въ сколь можно лучшее состояніе и чтобы въ ней былъ надежный комендантъ. Затрудненіе въ опредѣленіи точнаго мѣста высадки заставляло князя Горчакова совѣтовать барону Врангелю, чтобы онъ имѣлъ въ Керчи, Ѳеодосіи и на прибрежныхъ батареяхъ лишь необходимое число войскъ, для отраженія незначительныхъ дессантовъ, а главную часть ихъ держалъ въ центральной позиціи, между Ѳеодосіею и Керчью, примѣрно около Аргина или сел. Даутъ-Эли.

Если непріятель предприметъ серьезную высадку у Керчи, то, писалъ князь Горчаковъ [1]), «кажется будетъ полезно большую часть вашихъ силъ двинуть туда и когда непріятель пойдетъ на Еникале, то тревожить его въ тылъ. Изъ этого вы усмотрите сколь важно привести Еникале въ возможно оборонительное состояніе».

---

[1]) Барону Врангелю въ наставленіи отъ 14 марта за № 17.

«Вотъ все, что я могу вамъ указать въ отношеніи трудной обязанности на васъ возлагаемой. Я увѣренъ, что, при вашей опытности и доказанныхъ на дѣлѣ способностяхъ, вы не упустите ничего могущаго облегчить ваше положеніе. Будте дѣятельны, рѣшительны и берите много на себя; не тратьте времени на испрашиваніе разрѣшеній: особенно воспользуйтесь десятью или двѣнадцатью днями, которые вамъ остаются для приготовительныхъ распоряженій. При первой возможности я постараюсь усилить вашъ отрядъ».

20-го марта Хомутовъ сдалъ начальство и отправился въ Черноморію, а генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель вступилъ въ командованіе войсками на Керченскомъ полуостровѣ.

Въ виду Керчи стояло постоянно не менѣе двухъ непріятельскихъ пароходовъ, ничего, впрочемъ, не предпринимавшихъ. Работы по загражденію Еникальскаго пролива продолжались и баронъ Врангель оставилъ ихъ по прежнему въ веденіи контръ-адмирала Вульфа.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Азовское море и Керченскій проливъ совершенно очистились отъ льда, и такъ какъ со дня на день можно было ожидать покушенія непріятеля, то генералъ Врангель предписалъ Вульфу принять самыя дѣятельныя мѣры къ скорѣйшему окончанію работъ. Послѣдній донесъ, что семи купленныхъ купеческихъ судовъ не достаточно для загражденія пролива и тогда Врангель разрѣшилъ пріобрѣсти еще четыре судна, затопить конфискованное англійское судно и принадлежавшіе черноморскому вѣдомству два старыхъ тендера «Струя» и «Нырокъ». Оба тендера и одно купеческое судно не успѣли затопить до появленія непріятеля и часть Еникальскаго фарватера осталась не прегражденною [1]). Бона также не существовало и остатки его бревенъ лежали на берегу. Привести его въ исправность не было возможности, по недостатку средствъ и матеріаловъ. Къ тому же, передъ Павловскою батареею постоянно находились непріятельскія суда, препятствовавшія установкѣ бона и потому баронъ Врангель разрѣшилъ оставшіяся бревна употребить на устройство блиндажей и пороховыхъ погребовъ, оказавшихся ненадежными.

Что касается до минъ, то до 8-го апрѣля 1855 г. ихъ было погружено только 25, а остальныя приготовлялись и Врангель принужденъ былъ предписать поручику фонъ Криту приступить немед-

---

[1]) На расходы по загражденію Керченскаго пролива было отпущено 255,799 руб. Арх. канц. воен. министр. д. № 62.

лено къ установкѣ, покрайней мѣрѣ тѣхъ минъ, которыя были уже готовы и озаботиться скорѣйшимъ приготовленіемъ остальныхъ. Ко дню появленія непріятельской эскадры въ виду Керчи было установлено 75 минъ, а оставшыя 25-ть хотя и были готовы, но не поставлены на мѣсто и по приказанію барона Врангеля брошены въ воду [1]). Хотя баронъ Врангель принялъ отъ Хомутова флотилію состоявшую по счету изъ довольно большаго числа судовъ, но всѣ онѣ были по большей части старыя и мало годныя къ употребленію. Пароходъ «Боецъ» имѣя старыя котлы требовалъ серьезныхъ исправленій: у парохода «Могучій» была разобрана машина, пароходъ «Таганрогъ» находился въ Азовскомъ морѣ, а транспортъ «Аккерманъ» былъ отправленъ въ Бердянскъ, съ грузомъ вещей принадлежащихъ адмиралтейству. Въ итогѣ оказывалось, что громаднымъ средствамъ, которыми располагалъ непріятель, мы могли противопоставить два небольшіе парохода, съ орудіями довольно значительныхъ калибровъ и три небольшіе транспорта, на которыхъ, въ ожиданіи орудій большаго калибра, пришлось поставить одно-пудовые единороги, на сухопутныхъ не поворотливыхъ станкахъ. Къ тому же на судахъ ощущался недостатокъ какъ въ нижнихъ чинахъ, такъ и въ офицерахъ, ибо часть изъ нихъ замѣняла прислугу при орудіяхъ на сухопутныхъ батареяхъ. Контръ-адмиралъ Вульфъ просилъ возвратить хотя 5 унтеръ-офицеровъ и 89 матросовъ, но баронъ Врангель не могъ согласиться и на это потому, что не кѣмъ было замѣстить ихъ на батареяхъ.

Постройка, а главное вооруженіе послѣднихъ подвигалось весьма вяло и медленно; по прежнему не было достаточнаго числа орудій и не доставало рабочихъ. По соображенію сдѣланному Хомутовымъ для приведенія Еникале въ оборонительное положеніе потребно было на однѣ земляныя работы до 60 тыс. человѣкъ, а на покупку матеріаловъ и инструментовъ до 15 т. рублей. Баронъ Врангель доносилъ главнокомандующему, что у него нѣтъ ни рукъ, ни денегъ, чтобы окончить работы и получилъ приказаніе производить ихъ постепенно, по мѣрѣ возможности, и стараться привести крѣпость въ такое положеніе, чтобы она могла представить хотя нѣкоторый оплотъ гарнизону. По мѣрѣ силъ и средствъ Врангель хлопоталъ о скорѣйшемъ окончаніи укрѣпленій и ко времени появленія непріятеля успѣлъ вооружить ихъ 62-мя орудіями разныхъ ка-

[1]) Записка о занятіи Керчи. На устройство минъ израсходовано 4,500 руб. и до 200 пудовъ пороху. Воен. учен. арх. д. № 3537.

либровъ. Изъ этого числа 29-ть орудій [1]) обстрѣливали фарватеръ у Павловскаго мыса, 6-ть орудій [2]) — Керченскій рейдъ и 27-мь орудій [3]) дѣйствовали по проливу у Еникале.

Для защиты укрѣпленій съ сухаго пути и препятствованія союзникамъ высадиться на берегу, на всемъ его протяженіи отъ Ѳеодосіи до Керчи, имѣлось только семь съ половиною батальоновъ, 8 эскадроновъ, 16 сотенъ и 20 полевыхъ орудій, всего числомъ 8503 человѣка строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Войска эти были расположены:

Въ Ѳеодосіи, подъ начальствомъ коменданта генералъ-маіора Хржановскаго:

	Офиц.	Ниж. чин.	Муз.
2-й полубатальонъ Таврическаго гарнизонн. бат. вмѣстѣ съ рекрутами	5	247	5
Ѳеодосійская инвалидная команда	1	71	1
Рота Ѳеодосійской карантинной стражи	5	81	2
Вторая рота таврической полубригады пограничной стражи	6	103	—
	17	502	8

Въ лагерь при селеніи Парначъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Вагнера:

Черноморскій линейный № 5 батальонъ	13	764	14
Черноморскій линейный № 15 батальонъ	19	855	17
Легкая № 3-го батарея 17-й артиллерійской бригады	5	120	2
	37	1739	33

Въ укрѣпленіи Арабатъ:

Черноморскій казачій пѣшій № 6-го батальонъ	12	767	17

Въ лагерь при селеніи Аргинъ кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Сухотина:

Гусарскій Гросъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полкъ (8 эскадрон.)	28	1095	20
Донская конно-легкая резервная № 4-го батарея (8 орудій)	5	173	4

[1]) Павловской батареи 26 и Николаевской 3 орудія.

[2]) Четыре Городской и два Георгіевской батарей.

[3]) Пятнадцать орудій приморскаго фаса Еникальской крѣпости, четыре орудія Успенской батареи и 8-мь орудій на косѣ Ческѣ.

Керченскій отрядъ, подъ начальствомъ артиллеріи полковника Карташевскаго:

	Офиц.	Ниж. чин.	Муз.
Керченскій гарнизонный полубатальонъ	12	384	9
Керченскій полубатальонъ карантинной стражи.	9	261	3
Рота керчь-еникальской пограничной стражи .	3	84	—
Черноморскій казачій пѣшій № 9-го батальонъ [1]	10	852	16
	34	1581	28

Въ Камышъ-Бурунѣ и старомъ Карантинѣ, близъ Павловской батареи:

Черноморскій казачій пѣшій № 5-го батальонъ, съ ракетною командою	11	793	17
Дивизіонъ черноморской казачей конно-артиллерійской № 11-го батареи (4 орудія)....	2	82	1

Въ укрѣпленіи Еникале составляла артиллерійскую прислугу при орудіяхъ:

Гренадерская рота черноморскаго линейнаго № 9-го батальона.....	3	128	2

Для содержанія летучей почты и наблюденія за берегомъ моря отъ Керчи до Судака были назначены казачьи полки:

	Офиц.	Казаковъ.	Муз.
Донской № 65-го полкъ (6 сотенъ).....	18	835	18
Донской № 67-го полкъ (6 сотенъ).....	12	368	1
Сводно-черноморскій (4 сотни)	10	440	9
	40	1643	28

Такимъ образомъ на всемъ пространствѣ отъ Ѳеодосіи до Керчи находилось:

	Офиц.	Строев.	Нестр.
Пѣхоты	109	5390	103
Кавалерія.....	28	1095	20
Казаковъ	40	1643	28
Артиллеріи	12	375	7
	189	8503	158

[1]) Одна рота этого батальона находилась въ прикрытіи Еникальской батареи.

Изъ этого числа собственно на защиту Керчи приходилось 47 офицеровъ, 2584 строевыхъ нижнихъ чиновъ и 48 человѣкъ нестроевыхъ. Далѣе къ сѣверу все Азовское море не имѣло никакой защиты, если не считать пикетовъ четырехъ донскихъ полковъ, расположенныхъ по всему берегу отъ Ейска до Чонгарскаго моста на Сивашѣ. На усиленіе береговой защиты этого моря предполагалось, какъ мы видѣли, употребить часть гребной азовской флотиліи, строившейся и вооружавшейся въ Аксайской станицѣ, но предположеніе это не осуществилось. 11-го мая генералъ Хомутовъ, прибывъ въ Новочеркаскъ, нашелъ тамъ всѣ 8 баркасовъ и 16 ладей окончательно готовыми. Половина ихъ въ тотъ же день была отправлена въ Таганрогъ, куда на другой день пошли и остальныя суда. Имъ приказано было отправиться въ Керчь, на присоединеніе къ флотиліи контръ-адмирала Вульфа, но появленіе непріятеля лишило ихъ возможности соединиться съ эскадрою и гребная флотилія скрылась въ гирлахъ Дона.

Непріятельскій флотъ въ первый разъ показался въ виду Керчи 23-го апрѣля. Въ семь часовъ утра этого дня, онъ появился на высотѣ Бугаза и сблизившись около восьми верстъ къ берегу продолжалъ тихимъ ходомъ подвигаться по направленію къ крымскимъ берегамъ. Приближеніе его произвело большой переполохъ между жителями, но во второмъ часу дня они успокоились, ибо непріятель, оставивъ въ виду Керчи пять пароходовъ, скрылся въ морѣ. Удаленіе это не успокоивало однако же генераловъ Врангеля и Хомутова, хорошо понимавшихъ, что союзная эскадра въ столь большомъ числѣ судовъ подходила къ Азовскому морю не для одной только военной прогулки: что если она отдалилась отъ берега, то вслѣдствіе какихъ либо временныхъ причинъ и что вторичное появленіе ее несомнѣнно.

«Насъ ожидаютъ большія событія, писалъ Хомутовъ генералу Врангелю [1]) Да благословитъ насъ Господь обоихъ; на одномъ изъ насъ долженъ пасть ударъ и если Всемогущій поможетъ намъ сохранить войска, то уже будетъ большое счастіе».

Въ тотъ же день Хомутовъ отправился изъ Тамана въ Керчь, чтобы обсудить на мѣстѣ и условиться съ Врангелемъ, какую помощь они могутъ оказать другъ другу. Совѣщавшіеся рѣшили, что, оба слабые войсками, они должны обходиться каждый своими средствами.

---

[1]) Въ письмѣ отъ 24 апрѣля 1855 г. Воен. учен. арх., д. № 3582.

«Не могу скрыть отъ вашего сіятельства, писалъ Хомутовъ военному министру [1]), что мы оба находимся въ критическомъ положеніи—одинъ изъ насъ долженъ пасть».

Предсказаніе сбылось и грустное событіе это выпало на долю барона Врангеля.

XVIII.

Появленіе союзной эскадры въ виду Ѳеодосіи и Керчи.—Занятіе Керчи непріятелемъ.—Отступленіе нашихъ войскъ.—Письмо барона Врангеля генералу Броуну.—Грабежи въ городѣ.—Выселеніе Керченскихъ жителей.

Утромъ 11-го мая къ ѳеодосійскому коменданту генералъ-маіору Хржановскому прискакалъ посланный, отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Коцебу, съ увѣдомленіемъ, что въ Камышевой бухтѣ 6-ть винтовыхъ непріятельскихъ кораблей и 26 пароходовъ сажаютъ десантъ, и если пойдутъ въ Ѳеодосію, то прибудутъ туда 11-го числа вечеромъ или 12-го утромъ. Посланный былъ тотчасъ же возвращенъ въ главную квартиру съ донесеніемъ, что непріятельскій флотъ, въ числѣ 13-ти пароходовъ, появился уже на Ѳеодосійскомъ рейдѣ съ 8 часовъ утра, 11-го мая. Тогда князь Горчаковъ приказалъ генералъ-маіору Вреде, съ драгунскимъ Принца Емилія Гессенскаго полкомъ и двумя казачьими сотнями донскаго № 53 (Александрова) полка, слѣдовать изъ Карасубазара къ Ѳеодосіи, наблюдать за движеніемъ непріятеля и въ тоже время служить авангардомъ для войскъ, которыя, въ случаѣ нужды, будутъ посланы изъ Симферополя на помощь ѳеодосійскому отряду.

Отчаянная борьба подъ Севастополемъ не дозволяла князю Горчакову придти къ барону Врангелю на помощь съ болѣе значительными силами и удѣлить ему часть силъ сосредоточенныхъ на главномъ пунктѣ дѣйствій. Главнокомандующій находилъ, что послѣ подкрѣпленіе войскамъ восточной части Крыма значило дѣйствовать въ смыслѣ непріятеля, стремившагося, различнаго рода демонстраціями и второстепенными дѣйствіями, принудить насъ къ раздробленію силъ и получить возможность рѣшительнымъ ударомъ

[1]) Князю Долгорукову 24 апрѣля 1855 г. Тамъ же.

овладѣть Севастополемъ, а потомъ и всѣмъ Крымомъ [1]). Предоставляя барону Врангелю дѣйствовать съ собственными средствами, и сообщая только объ отплытіи непріятельскаго флота съ дессантомъ по направленію къ Керчи, князь Горчаковъ писалъ ему [2]), что «конечно съ силами, которыми вы располагаете, вамъ нельзя будетъ противиться высадкѣ. Необходимо только стараться не потерять внутренней линіи со мною и для сего держаться съ войсками вашими на высотѣ Тулумчака и дѣйствовать согласно съ данною вамъ инструкціею».

Союзная эскадра между тѣмъ оставила Ѳеодосію и въ 8 часовъ утра 12-го мая, генералъ-лейтенантъ баронъ Врангель получилъ первое извѣстіе о томъ, что наблюдательный постъ у Таклинскаго маяка, находившагося на южной оконечности Керченскаго пролива и въ 30 верстахъ отъ города, усмотрѣлъ непріятельскій флотъ въ числѣ до 70 вымпеловъ, направляющійся на Керченскій проливъ. По большому туману, союзная эскадра была замѣчена только тогда, когда была уже на высотѣ Таклинскаго маяка.

Поднявъ сигнальный флагъ на горѣ Митридатъ, генералъ Врангель приказалъ всѣмъ судамъ быть готовыми къ дѣйствію и пароходамъ развести пары. Начальникъ Керченскаго отряда полковникъ Карташевскій получилъ приказаніе немедленно отправиться въ Камышъ-Бурунъ, гдѣ находились пѣшій казачій Черноморскій № 5-го батальонъ и дивизіонъ Черноморской казачьей конно-артиллерійской № 11-го батареи. Принявши начальство надъ этимъ отрядомъ и наблюдая за непріятелемъ, Карташевскій долженъ былъ какъ можно чаще доносить барону Врангелю о томъ, что будетъ предпринято союзниками. На подкрѣпленіе Камышъ-Бурунскаго отряда были двинуты двѣ роты Керченскаго гарнизоннаго полубатальона и три роты пѣшаго черноморскаго казачьяго № 9-го батальона, а съ тѣмъ вмѣстѣ приказано стянуться къ этому же пункту донскому казачьему № 65-го полку, занимавшему посты по берегу Чернаго моря. Находившемуся въ селеніи Аргинъ гусарскому Гросъ Герцога Саксенъ-Веймарскаго полку и Донской резервной конно-легкой № 4-го батареи приказано слѣдовать къ ст. Султановкѣ.

Въ ожиданіи что предприметъ непріятель, баронъ Врангель оставилъ остальныя части Керченскаго отряда на своихъ мѣстахъ.

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 1856 г. № 1028. Арх. канц. воен. минис. дѣло 1855 г. № 62.

[2]) Въ предписаніи отъ 12-го мая за № 46. Воен. учен. Арх. д. № 3534

Такимъ образомъ въ Камышъ-бурунѣ было сосредоточено 9 ротъ, съ четырмя орудіями или всего около 1848 человѣкъ. Въ Керчи находились: часть Керченской карантинной стражи, жандармская команда, часть карантинной пограничной стражи и команда Азовскихъ казаковъ, исполнявшихъ обязанность прислуги при орудіяхъ на Городской батареѣ. Войска эти въ числѣ до 300 человѣкъ, поступившія подъ начальство Керчь-Еникальскаго градоначальника полковника Антоновича, очевидно не могли защитить города и предназначались главнѣйшимъ образомъ для сохраненія порядка и огражденія христіанскаго населенія отъ насилія татаръ.

Въ Еникале находилась гренадерская рота черноморскаго линейнаго № 9-го батальона, бывшая прислугою при орудіяхъ, и рота черноморскаго казачьяго пѣшаго № 9-го батальона, служившая прикрытіемъ для двухъ тамошнихъ батарей. Части эти, всего до 350 человѣкъ, поступили подъ начальство Еникальскаго воинскаго начальника подполковника Белизо.

На Павловской, Николаевской и Георгіевской батареяхъ прислуга состояла изъ флотскихъ командъ и нижнихъ чиновъ Керченскаго карантиннаго батальона всего вмѣстѣ до 400 человѣкъ.

Ѳеодосійскому отряду приказано оставаться на мѣстѣ и быть готовымъ встрѣтить непріятеля. Генералъ Врангель не рѣшился его тронуть, потому что непріятель, показавшись близь Керчи и попытавшись заставить насъ стянуть туда всѣ малочисленныя войска, въ тотъ же день могъ отплыть къ Ѳеодосіи и, сдѣлавъ тамъ десантъ, стать на сообщеніи съ главною арміею. Союзники поставили бы тогда отрядъ Врангеля въ крайне затруднительное положеніе и лишили бы его возможности отступить.

Между тѣмъ полковникъ Карташевскій прибывъ въ Камышъ-Бурунъ донесъ, что непріятельскій флотъ, огибая Таклинскій маякъ, входитъ въ Керченскій проливъ, и, оставивъ вдали большіе корабли, имѣетъ на пароходахъ десантныя суда, на бортахъ и на буксирѣ. Ожидая по числу судовъ значительнаго десанта и понимая, что съ горстью войскъ, которая была въ его распоряженіи, нѣтъ возможности противиться высадкѣ, баронъ Врангель предписалъ контръ-адмиралу Вульфу дѣйствовать съ его эскадрою по обстоятельствамъ, имѣть въ виду нанесеніе непріятелю наибольшаго вреда, и, въ крайнемъ случаѣ, принять мѣры къ спасенію экипажей и къ уничтоженію судовъ. При этомъ контръ-адмиралу Вульфу сообщено, что частнымъ начальникамъ предписано, по истощеніи всѣхъ усилій и средствъ къ противодѣйствію, отступать къ сел. Султановкѣ,

уничтоживъ предварительно всѣ военные снаряды, припасы и испортивъ орудія на батареяхъ; что въ такомъ случаѣ Еникальскому начальнику подполковнику Белизо разрѣшено при отступленіи воспользоваться судами, которыя контръ-адмиралъ Вульфъ признаетъ возможнымъ для того назначить. Вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику морскихъ командъ и Керченскаго адмиралтейства приказано употребить всѣ усилія къ спасенію казеннаго имущества, которое окажется возможнымъ вывезти, а за тѣмъ все остальное уничтожить. Равномѣрно на обязанность Керчь-Еникальскаго градоначальника возложено уничтожить всѣ имѣвшіеся въ городѣ запасы и затопить всѣ суда, оставшіяся по какому либо случаю въ гавани.

Для спасенія казенныхъ суммъ, дѣлъ и архивовъ пароходъ «Бердянскъ» былъ предоставленъ въ распоряженіе дежурнаго штабъ-офицера Черноморской береговой линіи, а шкуна «Аргонавтъ», долженствовавшая прибыть изъ Еникале — въ веденіе Керчь-Еникальскаго градоначальника полковника Антоновича и въ помощь пароходу «Донецъ», бывшему еще до этого въ постоянномъ его распоряженіи [1]).

Полковникъ Антоновичъ приказалъ командиру парохода «Бердянскъ», лейтенанту Свѣшникову, принимать казенныя суммы и дѣла всѣхъ вѣдомствъ до тѣхъ поръ, пока придетъ изъ Еникале шкуна «Аргонавтъ», а за тѣмъ погрузку прекратить, съ тѣмъ чтобы оставшіяся дѣла были приняты послѣднею. Шкуна «Аргонавтъ» прибыла въ Керчь и стала на якорь вблизи адмиралтейства въ первомъ часу пополудни, т. е. тогда уже, когда непріятель стоялъ въ виду города и дѣлалъ всѣ приготовленія къ высадкѣ.

Около 11 часовъ утра, 12 мая, союзный флотъ, миновавъ мысъ Эльтигень, остановился около Камышъ-Буруна и расположилъ большія суда въ нѣкоторомъ отдаленіи, а пароходы близъ самаго почти берега, но внѣ выстрѣловъ нашихъ батарей, причемъ построилъ ихъ въ три линіи и такимъ образомъ, что въ одно и тоже время всѣ суда могли открыть огонь. Обстрѣлявши предварительно берегъ, англо-французы, въ половинѣ втораго часа, стали спускать со всѣхъ судовъ шлюпки и сажать на нихъ дессантъ. Вслѣдъ за тѣмъ передовыя канонирскія лодки двинулись къ старому карантину и открыли огонь по отряду полковника Карташевскаго. Подъ прикрытіемъ этого огня гребныя суда подошли къ берегу и часть дессанта была

[1] Записка о занятіи Керчи непріятелемъ 12 мая 1855 года Воен. учен. арх. д. № 3537.

высажена на равнинѣ между мысомъ и деревнею Камышъ-Буруномъ. Генералъ д'Отмаръ тотчасъ же занялъ своими войсками высоту лежавшую надъ селеніемъ и тѣмъ обезпечилъ дальнѣйшую высадку. Скоро къ лѣвому флангу французовъ примкнули англичане, а лѣвѣе ихъ и фронтомъ къ Босфорской лощинѣ, обозначаемой на картахъ соленымъ озеромъ, стали турки.

Какъ только высадка была окончена, союзники тотчасъ же, подъ прикрытіемъ пароходовъ, двинулись къ старому карантину. Опасаясь быть отрѣзаннымъ многочисленнымъ непріятелемъ, полковникъ Карташевскій сталъ отступать по большой Ѳеодосійской дорогѣ о чемъ и донесъ барону Врангелю. Послѣдній послалъ приказаніе, чтобы всѣ нагружавшіеся пароходы уходили изъ Керченской гавани, а самъ отправился на высоты у Павловской батареи, гдѣ и увидѣлъ, что шесть непріятельскихъ колоннъ, съ густою цѣпью стрѣлковъ приближались къ большой дорогѣ — единственному пути отступленія для Керченскаго отряда. Большая часть непріятельскаго флота перешла уже въ это время къ старому карантину, а передовые пароходы, слѣдуя одинъ за другимъ, дѣлали промѣры и подвигаясь вдоль берега, приближались къ Павловской батареѣ. При этомъ передвиженіи одна изъ канонирскихъ лодокъ, отдѣлившись отъ прочихъ и выдвинувшись на высоту нашихъ укрѣпленій, открыла по нимъ огонь съ весьма дальняго разстоянія.

Направленіе, по которому двигался непріятель, ясно указывало, что онъ имѣетъ въ виду занять батареи съ сухаго пути. Понимая, что въ этомъ случаѣ нѣтъ возможности ему воспрепятствовать, баронъ Врангель приказалъ гарнизону Павловской и Николаевской батарей уничтожить запасы, заклепать орудія, взорвать пороховые погреба и, отступивъ, слѣдовать на соединеніе съ полковникомъ Карташевскимъ. Послѣднему приказано было, выйдя на почтовую дорогу, ведущую къ ст. Султановкѣ, остановиться на высотѣ, съ которой видно было мѣсто высадки непріятеля и, прикрывъ отрядъ казачьими пикетами, ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. Градоначальнику полковнику Антоновичу послано приказаніе уничтожить запасы и каботажныя суда, но самому оставаться въ городѣ до крайней возможности и всѣми силами стараться сохранить въ немъ надлежащій порядокъ.

Около трехъ часовъ пополудни на Павловской и потомъ Николаевской батареяхъ пороховые погреба были взорваны, деревянные лафеты сожжены, орудія заклепаны, снаряды брошены въ воду и запасы пороха уничтожены. То же самое сдѣлали командиры

остальныхъ батарей и прикрытіе вмѣстѣ съ прислугою при орудіяхъ, отступивъ, присоединилось къ отряду полковника Карташевскаго. Находившіяся противъ Павловской батареи мины были также взорваны.

Услышавъ взрывы на батареяхъ, контръ-адмиралъ Вульфъ приступилъ къ затопленію транспортовъ, а потомъ со всѣми пароходами выступилъ въ Азовское море.

Съ оставленіемъ нами батарей непріятель устремился въ Керченскій проливъ и одна изъ его лодокъ была отправлена впередъ, для промѣра и наблюденія за берегомъ. Въ линіи затопленныхъ нашихъ судовъ былъ оставленъ проходъ, обстрѣливаемый прямыми выстрѣлами съ Павловской батареи. Со взрывомъ этой батареи непріятельскія суда, имѣвшія конечно путеводителями проходившихъ прежде иностранныхъ шкиперовъ, шли безпрепятственно по указанному ими направленію. Подвигаясь медленно и мелко сидя въ водѣ, лодка свободно прошла линію затопленныхъ судовъ и тогда, по данному сигналу, за нею двинулись три другихъ. Съ таманскаго берега видно было, говоритъ Хомутовъ, какъ непріятельскія суда при входѣ ихъ въ проливъ шли одно за другимъ держась въ линію.

Въ это время паровая наша шкуна «Аргонавтъ», принявъ часть дѣлъ и взявъ на буксиръ шаланду нагруженную также дѣлами и казеннымъ имуществомъ, снялась съ якоря и пошла къ Еникальскому проливу. Передовое англійское судно, вошедшее уже на Керченскій рейдъ, открыло по ней огонь и бросилось въ погоню. Чтобы имѣть возможность отвѣчать на выстрѣлы противника «Аргонавтъ» принужденъ былъ бросить шаланду и она, попавшись въ руки непріятеля, была истреблена имъ. Видя преслѣдованіе шкуны «Аргонавтъ» и желая поддержать ее, контръ-адмиралъ Вульфъ отдѣлилъ отъ своей эскадры пароходъ «Боецъ» и послалъ его на встрѣчу непріятелю. Открывъ огонь по англійскому судну, «Боецъ» прикрылъ «Аргонавта» и, отступая вмѣстѣ съ нимъ, подвелъ непріятельское судно подъ выстрѣлы Еникальскихъ батарей, съ которыми оно и завязало перестрѣлку.

Въ то время когда шкуна «Аргонавтъ» оставила Керченскій рейдъ, командиръ парохода «Бердянскъ» лейтенантъ Свѣшниковъ все еще продолжалъ грузить дѣла и принималъ команду съ парохода «Могучій», назначеннаго къ уничтоженію, по случаю значительнаго поврежденія оказавшагося въ его машинѣ. Видя, что на берегу не оставалось болѣе груза, для передачи на пароходъ, полковникъ Антоновичъ послалъ сказать лейтенанту Свѣшникову, чтобы

онъ торопился сняться съ якоря и слѣдовалъ къ Еникалю. Едва только пароходъ «Бердянскъ» вышелъ изъ керченской гавани, какъ лейтенантъ Свѣшниковъ замѣтилъ, что изъ за мыса Акъ-Буруна показались два непріятельскіе парохода. Онъ приказалъ дать полный ходъ и усилить пары до высшаго предѣла. Направляя курсъ къ Еникальскому мысу и видя что нѣтъ возможности уйдти отъ преслѣдованія непріятеля, перерѣзывавшаго ему путь, Свѣшниковъ круто поворотилъ къ берегу, преднамѣренно сѣлъ на мель, снялъ съ парохода команду и сжегъ судно, не успѣвъ произвести выгрузку казенныхъ суммъ и прочаго имущества.

Съ уходомъ парохода «Бердянскъ» въ керченской гавани оставалось только два парохода: «Могучій» и «Донецъ». Послѣдній былъ назначенъ для перевозки командъ, оставленныхъ въ городѣ въ томъ случаѣ, если бы непріятель отрѣзалъ имъ отступленіе съ сухаго пути. Но какъ непріятель прежде всего занялъ керченскій рейдъ, то пароходъ «Донецъ» и былъ сожженъ. Таже участь постигла и пароходъ «Могучій» [1]).

Командиръ послѣдняго парохода лейтенантъ Кушакевичъ еще съ утра получилъ приказаніе, въ случаѣ появленія непріятеля на рейдѣ, уничтожить судно. По пароходу была разлита смола и масло, разбросано сало, свѣчи и прочіе горючіе матеріалы. Весь порохъ бывшій на пароходѣ былъ выброшенъ и въ крюйтъ-камерѣ оставлено только пять боченковъ съ тою цѣлью, чтобы взрывъ окончательно уничтожилъ судно. Команда была пересажена на пароходъ «Бердянскъ» и на «Могучемъ» осталось только человѣкъ десять, вмѣстѣ съ капитаномъ. Долго Кушакевичъ не рѣшался привести въ исполненіе полученное приказаніе, но когда непріятельскія суда одинъ за другимъ стали входить на рейдъ, онъ приказалъ зажечь «Могучаго».

— Нѣтъ, отецъ родной, отвѣчали солдаты—на тожи самъ руку.

Кушакевичъ зажегъ лучину и внесъ огонь въ кубрикъ; его примѣру послѣдовала команда и «Могучій» загорѣлся въ разныхъ мѣстахъ. Кушакевичу казалось однако же что пароходъ его горитъ медленно и онъ приказалъ кочегарамъ Аниценкѣ и Мамонтову зажечь крюйтъ-камеру и вставить въ одинъ изъ пороховыхъ боченковъ длинный фальшфейеръ [2]). По неловкости поджигавшихъ, взрывъ послѣдовалъ ранѣе чѣмъ предполагалось; оба кочегара

[1]) Записка о занятіи Керчи 12-го мая 1855 г.

[2]) Встрѣча съ старымъ знакомымъ. Воен. Сборникъ 1859 г.

и лейтенантъ Ушаковъ были убиты, прапорщикъ Ивановъ раненъ, а самъ Кушакевичъ былъ переброшенъ съ правой стороны кормы на лѣвую. Раненый и избитый онъ былъ завалъ обломками, изъ подъ которыхъ освобожденъ матросами и отнесенъ въ Керченскій госпиталь.

Все это случилось около пяти часовъ пополуд., когда на рейдѣ находилось уже до 20 непріятельскихъ пароходовъ, изъ которыхъ нѣкоторые направились къ Еникалю, гдѣ были встрѣчены выстрѣлами съ приморскаго фаса упраздненной крѣпости, поддерживавшей огонь до самой ночи.

Подъ прикрытіемъ этого огня и пользуясь временною задержкою непріятельскихъ судовъ, контръ-адмиралъ Вульфъ ушелъ съ своими пароходами въ Азовское море и въ 11 ть часовъ 13 го мая прибылъ въ Бердянскъ. Войти въ устьѣ Дона пароходамъ не представлялось возможности и потому Вульфъ, пользуясь разрѣшеніемъ барона Врангели, тотчасъ же приступилъ къ уничтоженію своей флотиліи. Пароходы «Молодецъ», «Боецъ», «Колхида» и шкуна «Аргонавтъ» были преданы огню, орудія заклепаны и брошены въ море, машины испорчены и частію взорваны порохомъ, такъ что когда на разсвѣтѣ 14-го числа непріятель подошелъ къ Бердянску, то нашихъ судовъ уже не существовало.

Шесть Азовскихъ казачьихъ баркасовъ также успѣли уйти въ Азовское море и дойдя до Геническа казаки затопили въ Сивашѣ свои лодки.

Съ уходомъ флотиліи и съ наступленіемъ темноты, подполковникъ Белизо, испортивъ въ Еникальской крѣпости орудія, взорвалъ погреба, зажегъ провіантскій магазинъ и уничтоживъ все, что могло достаться въ руки непріятеля, отступилъ сначала по дорогѣ къ Азовскому морю, чтобы не встрѣтиться съ непріятелемъ, а затѣмъ пошелъ по дорогѣ въ селеніе Аргинъ, вслѣдъ за отступавшимъ полковникомъ Антоновичемъ. Послѣдній, приступивъ къ уничтоженію провіантскихъ запасовъ и частныхъ хлѣбныхъ складовъ, приказалъ остававшимся еще войскамъ отступать, а самъ, съ небольшою командою, оставался въ городѣ, для сохраненія порядка при выходѣ жителей, которые толпами спѣшили вслѣдъ за отступавшими командами: кто пѣшкомъ, кто на подводахъ, унося съ собою все что могли изъ своего имущества. На морѣ горѣли зажженныя нами суда, а на берегу провіантскіе магазины и запасы сѣна. Отъ Еникальскаго маяка до Камышъ-Буруна все было объято пламенемъ, среди котораго виднѣлись тѣни удалявшагося изъ

города населенія. Каждый торопился уйдти, чтобы не попасть въ руки непріятеля, двинувшагося къ городу около $6^1/_2$ часовъ вечера. То былъ генералъ д'Отмаръ съ бригадою пѣхоты и стрѣлковымъ батальономъ, направлявшимися къ Павловской батареѣ, для окончательнаго ея уничтоженія. Оставаться въ городѣ, при видѣ приближающагося непріятеля, значило рисковать попасть въ плѣнъ и полковникъ Антоновичъ съ конными командами также отступилъ. Въ Керчѣ и Еникалѣ остались только больные и тяжело раненые нижніе чины, доставленные изъ Севастополя. Они помѣщались въ Керчѣ въ городскомъ, а въ Еникалѣ — въ военномъ госпиталяхъ, снабженныхъ всѣмъ необходимымъ для леченія и продовольствія. Недостатокъ подводъ лишалъ Врангеля возможности вывезти нашихъ раненыхъ и онъ вынужденъ былъ просить начальника экспедиціоннаго корпуса принять ихъ подъ свою защиту и покровительство.

«Генералъ! писалъ онъ Броуну. Прежде чѣмъ оставить Керчь, я считаю необходимымъ исполнить долгъ, котораго требуетъ человѣчество и который возлагается на меня какъ моимъ положеніемъ, такъ и живымъ участіемъ, питаемымъ мною къ тяжело-больнымъ, храбрымъ солдатамъ. Лишенные возможности, по своей слабости, отступить съ отрядомъ, эти солдаты оставлены въ военномъ городскомъ госпиталѣ, на попеченіи доктора Марценовскаго (отличнаго во всѣхъ отношеніяхъ), которому приданы въ помощь аптекарь, коммисаръ и 40 служителей.

«Прошу васъ принять подъ свое покровительство нашихъ больныхъ, равно какъ и лицъ, попеченію которыхъ они ввѣрены и оказать имъ ваше вниманіе.

«Больные обезпечены съ избыткомъ на нѣсколько недѣль припасами и всѣмъ необходимымъ для облегченія ихъ тяжкаго положенія.

«Матеріальная часть госпиталя, устроеннаго на гораздо большее противу наличнаго числа больныхъ, осталась неприкосновенна. Считая ее исключительно посвященною облегченію страданій человѣческихъ, я не уничтожилъ ее.

«Въ увѣренности, что мое ходатайство о страждущихъ и слабыхъ воинахъ будетъ принято в. п., какъ долгъ передъ человѣчествомъ, прошу васъ принять увѣреніе въ моихъ лучшихъ чувствахъ къ Вамъ».

Письмо это осталось безъ отвѣта и какъ увидимъ не имѣло того дѣйствія, котораго отъ него ожидали.

Къ вечеру 12 мая большая часть керченскаго отряда собралась у ст. Султановки, гдѣ присоединились къ нему гусарскій Гросъ-Герцога Веймарскаго полкъ и донская резервная конно-легкая № 4 батарея. Генералъ Врангель тотчасъ же выслалъ въ подкрѣпленіе донскаго № 65 полка, содержавшаго цѣпь, дивиліонъ гусаръ и четыре орудія черноморской казачей конно-артиллерійской № 11 батареи. Командованіе этимъ кавалерійскимъ отрядомъ было поручено генералъ-маіору Сухотину, а полковнику Карташевскому съ пѣхотою приказано слѣдовать въ селен. Аргинъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ города Керчи оставаться было невозможно, какъ по неимѣнію на этомъ пространствѣ достаточнаго количества воды, такъ и потому, что Врангель признавалъ необходимымъ быть ближе къ г. Ѳеодосіи, на случай если бы непріятель предпринялъ что-либо въ этомъ пунктѣ.

Вечеромъ 13-го мая отрядъ прибылъ въ селеніе Аргинъ, куда тянулись также по разнымъ дорогамъ остатки командъ изъ Керчи и Еникаля. По мѣрѣ того какъ одна команда нагоняла другую, затрудненіе въ движеніи увеличивалось по недостатку воды. Около 11 часовъ утра, 13 мая, керченскія команды соединились съ еникальскими и полковникъ Антоновичъ принялъ общую команду. Въ семь часовъ пополудни проѣхалъ мимо отряда негоціантъ Моноле́зъ и объявилъ, что въ городъ былъ присланъ парламентеръ съ объявленіемъ, чтобы жители оставались покойными, что союзныя войска пройдутъ только черезъ Керчь и отправятся прямо въ Арабатъ. Это извѣстіе заставило Антоновича перемѣнить направленіе и онъ вмѣсто Аргина пошелъ на Парпачъ. Отрядъ двигался весьма медленно. При сильномъ жарѣ и жаждѣ онъ находилъ только на пути однѣ грязныя лужи. Люди истомились и подбились, волы тоже, а перемѣнить подводъ было не гдѣ. Дорога была покрыта въ нѣсколько рядовъ всевозможными экипажами и пѣшеходами, въ числѣ которыхъ были и дамы, представительницы лучшаго общества въ Керчи. Спасаясь бѣгствомъ, безъ предварительныхъ приготовленій, онѣ вышли изъ города въ чемъ были. Въ одномъ платьѣ, въ тонкихъ башмакахъ отъ непривычной скорой ходьбы по каменистой дорогѣ, женщины падали въ изнеможеніи, съ распухшими и окровавленными ногами. Но этого мало: измѣнники татары бросались въ догоню, грабили, убивали, а надъ молодыми дѣвушками производили страшныя безчинства. Насилія татаръ заставляли переселенцевъ забывать объ усталости и спѣшить за войсками обезпечивавшими ихъ отъ опасности.

«При войскахъ, писалъ Антоновичъ [1]), за нами, съ нами и впереди много обозовъ съ семействами. Отрядъ мой — приводящая въ отчаяніе компиляція. Прикажите ваше превосходительство что съ ними дѣлать и куда ихъ направить? До сихъ поръ не могу составить не только строеваго рапорта, но даже и простыхъ записокъ о частяхъ и командахъ находящихся со мною. Для васъ пригодилась бы только рота Еникальскаго гарнизона и другая—артиллерійской прислуги. Карантинный полубатальонъ — съ одышкой, ревматизмами уже и теперь едва движущійся; мелкія же команды — такой народъ, съ которымъ ничего не сдѣлаешь, а кормить его надо».

Въ Аргинѣ войскамъ была дневка, главнѣйшимъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы дать возможность христіанскому населенію г. Керчи и окрестныхъ деревень выйти подъ защиту нашихъ войскъ. Выходцы тянулись по всѣмъ дорогамъ керченскаго полуострова; городъ быстро пустѣлъ и изъ 12-тыс. населенія въ немъ осталось не болѣе 2-тыс. человѣкъ. Уходя изъ города, кто какъ могъ, жители оставляли въ домахъ все свое имущество безъ всякаго присмотра, ибо мало кто имѣлъ телѣгу или экипажъ, но и тѣ были необходимы для помѣщенія членовъ семейства. Татары же за проѣздъ 27-ми верстъ отъ города до ст. Султановки просили съ одного пасажира отъ 20 до 100 руб. сер. и не иначе какъ звонкою монетою. Такая дороговизна заставляла многихъ идти пѣшкомъ, не зная гдѣ придется приклонить голову, какъ укрыться отъ жаркаго южнаго солнца, чѣмъ подкрѣпить силы и утолить жажду. «Съ моря угрожаемые непріятелемъ, говоритъ г. Григорьевъ [2]), на своей степи преслѣдуемые измѣнниками татарами, несчастные керченцы при всемъ изнуреніи силъ, движимые чувствомъ страха, бѣжали по терновой и каменистой дорогѣ, пока не укрылись въ безопасное мѣсто».

Рано утромъ 13-го мая, съ музыкой и барабаннымъ боемъ союзный экспедиціонный корпусъ двинулся къ Керчи и не останавливаясь въ городѣ прошелъ его скорымъ шагомъ. Дойдя до карантина, находившагося въ четырехъ верстахъ отъ города, англо-французы остановились и тотчасъ же приспособили зданіе къ ружейной оборонѣ. Отдохнувши около часа, французы направились въ Еникале и, прибывши туда въ полночь, расположились лагеремъ

[1]) Барону Врангелю въ письмѣ отъ 13-го мая 1855 г. Воен. учен. арх., д. № 3534 (А).

[2]) Записки по поводу войны 1853—1856 г. (рукоп.).

впереди города. Къ нимъ присоединились въ ту же ночь англичане и турки.

И такъ Керчь была оставлена нами и занята непріятелемъ. «По телеграфу намъ уже извѣстно, писалъ Государь князю Горчакову [1]), объ овладѣніи Керчи. Сколь оно ни прискорбно, но Я это предвидѣлъ, ибо отрядъ генерала Врангеля былъ слишкомъ слабъ, чтобы противостоять сильной высадкѣ. Надѣюсь, что отступленіе его теперь обезпечено. Самое непріятное послѣдствіе есть овладѣніе Азовскимъ моремъ, которое лишитъ насъ всѣхъ морскихъ подвозовъ.

«Любопытно будетъ знать рѣшатся ли союзники идти въ глубь полуострова, или посадивши войска свои снова на суда, сдѣлаютъ дессантъ у Анапы и Новороссійска. Надѣюсь, что генералъ-адъютантъ Хомутовъ будетъ въ силахъ имъ дать отпоръ».

Не думая о движеніи впередъ, союзники заботились объ обезпеченіи своего положенія въ Керчи постройкою укрѣпленій и не принимая въ теченіи нѣсколькихъ дней никакихъ мѣръ къ сохраненію порядка въ городѣ, предоставили его на разграбленіе мародерамъ. Въ тотъ же день вечеромъ нѣсколько непріятельскихъ купеческихъ судовъ, бросили якорь противъ Керчи и высадили на берегъ свой экипажъ. Люди эти немедленно кинулись на оставленные дома и найдя ихъ запертыми разламывали двери и предавались грабежу. Къ нимъ присоединились турецкіе мародеры и ушедшіе тайкомъ солдаты экспедиціоннаго корпуса. Вмѣстѣ съ татарами, они ворвались въ институтскую церковь, унесли облаченіе, серебряное кадило, дискосъ и даже мѣдные кресты. Снявъ съ престола одѣяніе, мародеры опрокинули его, думая найти подъ нимъ все церковное богатство.

По начамъ татары воровали скотъ и отгоняли его въ лагерь для продажи. Узнавши, что многіе изъ жителей окрестныхъ селеній такимъ способомъ составили себѣ значительныя стада, союзники отправили отрядъ солдатъ, отобрали скотъ у татаръ и въ одну ночь отправили болѣе четырехъ сотъ головъ въ Севастополь. Во всемъ городѣ и его предмѣстьяхъ осталось не болѣе двѣнадцати коровъ и то спрятанныхъ въ скрытныхъ мѣстахъ.

Въ первые дни послѣ занятія города многія лавки оставались еще открытыми и союзники платили за покупаемые товары довольно выгодно, но впослѣдствіи они стали назначать произвольныя цѣны

[1]) Въ собственноручномъ письмѣ отъ 19-го мая 1855 г.

и установили особый курсъ для своихъ денегъ: пяти франковая монета стоющая 1 руб. 25 коп. ходила за 1 руб. 70 коп. [1]) Такой произволъ заставилъ купцовъ запереть лавки, но непріятель разламывалъ ихъ и расхищалъ товары. При этомъ винные погреба обращали на себя особенное вниманіе и мародеры стекались туда со всѣхъ сторонъ. Пьянство, буйство и грабежи заставили хозяевъ для избавленія отъ докучливыхъ посѣтителей, разбить бочки и выпустить вино, но охотники до хмѣльнаго бродили въ погребахъ по колѣно въ винѣ, черпали его ведрами, или напивались до смерти. Къ сожалѣнію офицеры союзныхъ войскъ служили во многомъ примѣромъ для своихъ солдатъ и въ особенности у англичанъ. Очевидцы разсказываютъ, что у англійскихъ офицеровъ были повѣшены черезъ плеча парусинныя сумы, въ которыхъ помѣщались стамески, разной величины отвертки и молотокъ. Многіе комоды городскихъ жителей пострадали отъ ловкаго обращенія съ ними англійскихъ офицеровъ. «Я видѣлъ, говоритъ одинъ изъ керченскихъ жителей, англійскихъ офицеровъ, которые не стыдились собственными руками таскать разнаго рода мебель, алебастровыя фигуры и все что попадалось подъ руку».

Дорога отъ Керчи до Еникале была усѣяна обломками всякаго рода мебели и разбитымъ стекломъ. Многіе дома въ городѣ сожжены, литейная взорвана и машины вытащены: музей разграбленъ и его мраморные полы выломаны. Почти всѣ зданія были разрушены и добытый изъ нихъ лѣсъ употребленъ на топливо. Обломки разной дорогой мебели, черепки фаянсовой посуды, груды различной домашней утвари, куски изломанныхъ роялей — все это запрудило улицы города [2]). Только по истеченіи трехъ дней, когда почти все было уже разграблено и уничтожено, союзники приступили къ водворенію порядка и небольшія команды французовъ и англичанъ заняли Керченское адмиралтейство и прилежащій къ нему кварталъ. Адмиралтейство обращено было въ гауптвахту, куда союзники приводили своихъ нижнихъ чиновъ нерѣдко кончавшихъ свои похожденія въ погребахъ смертоубійствомъ.

Начальники командъ пригласили жителей сформировать полицію изъ горожанъ. Въ составъ ее было набрано до 50 человѣкъ, которымъ и были розданы ружья уцѣлѣвшія еще въ керченскомъ

---

[1]) Показаніе купца Молчанова. Арх. канц. воен. мин., д. № 38 ч. II

[2]) Сѣверная Пчела 1855 г. № 158, 213 и 273. Русскій Инвалидъ 1855 г. № 141

складѣ. Полиція эта не имѣла впрочемъ никакого значенія, по малочисленности своего состава и потому что рядомъ съ нею находилась полиція союзниковъ. Безпорядки въ Керчи по прежнему продолжались; грабежи и насильства также. Участи этой не избѣгли даже наши раненые, оставленные въ госпиталяхъ въ полномъ довольствѣ. Продовольственныя запасы ихъ были расхищены и больные въ теченіе нѣсколькихъ дней питались однимъ хлѣбомъ и водою.

Слухъ о печальномъ положеніи нашихъ раненыхъ крайне безпокоилъ барона Врангеля и когда онъ получилъ письмо отъ оставшагося въ Керчи прусскаго медика Бутлера, писавшаго что госпитали находятся въ безпомощномъ положеніи — онъ рѣшился отправить парламентера съ просьбою выдать намъ всѣхъ больныхъ [1]). Посланный въ Керчь лейтенантъ баронъ Гейкингъ исполнилъ данное ему порученіе весьма успѣшно: онъ вывезъ 48 больныхъ морскаго и сухопутнаго вѣдомствъ, 3-хъ мѣщанъ и 12-ть женщинъ, при 2-хъ медикахъ. Пользуясь случаемъ, за обозомъ послѣдовали многія семейства керченскихъ жителей, преимущественно женщины съ дѣтьми, искавшія спасенія отъ жестокостей турокъ и татаръ. Раззоренные и ограбленные, голодные и томимые жаждою, несчастные выходцы едва двигались, не зная чѣмъ прокормить себя и дѣтей. Молва объ ихъ тяжкомъ положеніи скоро распространилась между чинами кавалерійскаго отряда ген.-маіора Сухотина, расположеннаго у сел. Анбъ-эли и чувство состраданія отозвалось въ сердцахъ русскихъ воиновъ. Мысль о посильной помощи прежде всего явилась у протоіерея Овсянкина, обратившагося къ благотворительности чиновъ отряда.

«Воины! писалъ онъ въ своемъ воззваніи. Вы неоднократно были свидѣтелями того горестнаго положенія жителей города Керчи, въ которое поставило ихъ варварское обращеніе съ ними враговъ нашихъ. Многіе изъ жителей лишась крова не имѣютъ дневнаго пропитанія для себя и своихъ семействъ, и, изнеможенные, едва достигаютъ нашего лагеря. Вамъ не нужно объяснять все происходившее въ самомъ городѣ, современи занятія онаго непріятелями, вамъ оно извѣстно отъ самихъ страждущихъ.

«Зная готовность вашу на всякое христіанское пожертвованіе, я смѣло обращаюсь къ вамъ съ предложеніемъ: посыльнымъ ва-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 13-го іюня 1855 г. Арх. канц. воен. минис. д. № 38 ч. II.

шимъ пожертвованіемъ, хотя на время облегчить жалкую участь страдальцевъ, доставивъ имъ средство къ пропитанію и достиженію безопаснаго отъ враговъ пріюта.

«Я совершенно увѣренъ, что мое предложеніе будетъ принято вами съ обычнымъ вамъ радушіемъ, считая при этомъ священнымъ долгомъ повторить обѣтъ возсылать мои недостойныя молитвы къ Всевышнему о вашемъ благоденствіи, а Господь, не оставляющій безъ наградъ и одной чаши студеной воды, поданой страждущимъ во имя Его, за ваше пожертвованіе, воздастъ вамъ должное въ будущемъ.

«Благословляю васъ какъ пастырь церкви на это святое дѣло и Господь не видимо осѣнитъ васъ всесильною своею десницею».

Воззваніе это оказало свое дѣйствіе. Въ самое короткое время въ отрядѣ, состоявшемъ изъ гусарскаго Гроссъ-Герцога Саксенъ-Веймарскаго полка и донской резервной № 4 батареи, было собрано 756 руб., которые и были переданы генералъ-маіору Сухотину, для раздачи по его усмотрѣнію всѣмъ нуждающимся жителямъ и ихъ семействамъ. Независимо отъ этого, по прибытіи транспорта съ жителями и ранеными, въ полку и батареѣ былъ приготовленъ ужинъ, при чемъ каждый солдатъ и казакъ спѣшилъ подѣлиться своею порціею водки и старался показать свое вниманіе къ страждущимъ [1]).

Таковы были въ общихъ чертахъ событія, сопровождавшія занятіе непріятелемъ Керчи. «Съ сердечною грустію имѣю несчастіе донести», писалъ тогда баронъ Врангель, объ оставленіи города и просилъ главнокомандующаго подкрѣпить его хотя небольшимъ числомъ пѣхоты.

«Я уже имѣлъ честь докладывать вашему сіятельству, писалъ онъ князю Горчакову [2]), и теперь осмѣливаюсь повторить, что изъ числа находящейся у меня пѣхоты, большая часть оной не имѣетъ должнаго образованія для дѣйствій противъ регулярныхъ войскъ и потому, при всѣхъ соображеніяхъ о противодѣйствіи предпріятіямъ непріятеля, я всегда прихожу къ одному печальному результату, что мнѣ остается только забота избѣгать боя съ непріятелемъ, имѣющемъ передо мною огромныя преимущества, не по одной только своей численности. Не считаю нужнымъ говорить, до какой степени

[1]) Рап. ген.-маіора Сухотина генералу Врангелю 14-го іюня № 687. Воен. учен. арх., д. № 3656 (А).

[2]) Въ письмѣ отъ 14-го мая 1855 г. Воен. учен. арх., д. № 3534.

тяжело и прискорбно такое положеніе: хотя и въ немъ есть утѣшеніе, — *выполненіе своего долга по мѣрѣ средствъ и возможности, но простительно, однако же, желать выполнить его съ честью для русскаго оружія.*

«Указывая мнѣ въ повелѣніяхъ своихъ, что можетъ предпринять непріятель, особенно владѣя теперь Азовскимъ моремъ, ваше сіятельство изволите видѣть и всю опасность коей подвергаются ввѣренныя мнѣ войска, при малочисленности ихъ и при возможности быть отрѣзанными отъ всѣхъ сообщеній, если непріятель отважится ввести войска свои на пароходахъ въ Азовское море и высадить ихъ близь Арабата. По этому я позволяю себѣ вновь безпокоить ваше сіятельство покорнѣйшею просьбою подкрѣпить меня регулярною пѣхотою, если только это возможно».

Князь Горчаковъ не призналъ возможнымъ подкрѣпить барона Врангеля даже и тогда, когда непріятель ворвавшись въ Азовское море угрожалъ его тылу.

Простоявши одни сутки въ селеніи Аргинъ, и опасаясь, чтобы непріятель, высадившись у Ѳеодосіи или Арабата, не сталъ на сообщеніяхъ отряда, баронъ Врангель оставилъ въ Аргинѣ кавалерію, а самъ съ пѣхотою перешелъ въ село Парпачъ, (Братское тоже).

Парпачская позиція обезпечивала отрядъ отъ обходнаго движенія морскихъ дессантовъ, и потому пунктъ этотъ избранъ былъ для окончательнаго отступленія къ нему Керченскаго отряда. Притомъ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Керчи это было единственное мѣсто, гдѣ изъ большаго *аута* [1]) можно было имѣть достаточно воды, хотя и не вполнѣ хорошаго качества и гдѣ еще оставался провіантъ сложенный на Арабатской косѣ. Въ этомъ мѣстѣ перешеекъ полуострова, по прямой линіи отъ арабатскаго укрѣпленія черезъ Парпачъ, до Чернаго моря, имѣетъ всего 16 верстъ и мѣстность его на столько возвышена, что баронъ Врангель могъ наблюдать за движеніемъ непріятельскаго флота и за всѣмъ происходящемъ въ Керчи.

Въ такомъ положеніи онъ оставался весьма долгое время.

---

[1]) Аутами называютъ татары нарочно выкопанныя ямы для собиранія въ нихъ дождевой воды, посредствомъ устраиваемыхъ стоковъ.

XIX

Штурмъ передовыхъ редутовъ. — Намѣреніе князя Горчакова оставить Севастополь. — Впечатлѣніе произведенное этимъ извѣстіемъ въ Петербургѣ. — Генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій и его записка. — Мысль о возможности атаковать непріятеля на р. Черной. — Командированіе Вревскаго въ Крымъ. — Его совѣщанія съ главнокомандующимъ и письма военному министру. — Канунъ сраженія на р. Черной. — Послѣдствія сраженія. — Бомбардированіе и штурмъ Севастополя. — Оставленіе города. — Дѣйствія союзниковъ въ Балтійскомъ морѣ и нашихъ войскъ въ Азіятской Турціи. — Паденіе Карса. — Заключеніе.

Одновременное, въ одинъ и тотъ же день овладѣніе Керчью и теченіемъ р. Черной значительно усложняло положеніе нашихъ дѣлъ подъ Севастополемъ. Съ занятіемъ Федюхиныхъ и Балаклавскихъ высотъ непріятель пріобрѣталъ прекрасный водопой и доступъ въ Байдарскую долину, гдѣ можно было запасаться сѣномъ и дровами.

Прикрытые съ фронта рѣкою Черною, а съ праваго фланга горами, и понимая важность занятой ими позиціи, союзники все-таки не считали себя достаточно обезпеченными отъ нашего наступленія и потому тотчасъ же приступили къ устройству укрѣпленія у Каменнаго моста и батарей съ траншеями, на высотахъ, противъ селенія Чоргунъ. Эти мѣры, и самое расположеніе непріятеля лишало насъ послѣднихъ способовъ сдѣлать что либо для облегченія участи Севастополя: наступленіе съ нашей стороны становилось невозможнымъ, ибо приходилось переправляться черезъ рѣку, штурмовать двѣ группы высотъ, изъ коихъ одна была почти недоступна.

С другой стороны движеніе союзниковъ въ этомъ направленіи указывало на желаніе ихъ обойти нашъ лѣвый флангъ и заставило князя Горчакова усилить отрядъ расположенный на Мекензіевыхъ высотахъ.

«Je réunis maintenant, писалъ главнокомандующій военному министру [1]), aux environs de Mekensie tout ce que j'ai de disponible (50 bataillons, 28 escadrons, y compris deux régiments hussards [2]),

---

[1]) Въ письмѣ отъ 15 мая 1855 г. Арх. кан. воен. минис. д. № 9.

[2]) Для усиленія войскъ расположенныхъ на Мекензи и Инкерманѣ были придвинуты: 1-я бригада 9 пѣх. дивизіи изъ Евпаторіи и Отлакіой; 2-я бригада 6 пѣх. дивизіи изъ Симферополя на Бельбекъ и два полка 2 й драгунской дивизіи изъ Симферополя къ Бакчисараю.

ce qui fera une 40-ne de mille hommes en comptan l'artillerie, la cavalerie et les cosaques. Ce serait un joli paquet, si par suite des localités il n'était distribué sur un espace de 20 verstes. Je n'aurai de véritable reserve que 16 bataillons et 20 escadrons. Le reste de mes troupes doit rester à Sevastopol; peut-être en cas d'urgence tirerai je de là une brigade (4500 hommes) pour me prêter un coup de main du côté d'Inkermann».

По всѣмъ свѣдѣніямъ союзники могли, не стѣсняя себя въ дальнѣйшихъ осадныхъ работахъ, сосредоточить для наступательныхъ дѣйствій до 100 т. человѣкъ не считая войскъ находившихся въ Керчи и 30 т. у Севастополя. Если бы они двинулись одновременно по тремъ направленіямъ: изъ Евпаторіи, на Мекензіевы высоты и изъ Керчи, то положеніе Крымской арміи было бы весьма затруднительно. Князь Горчаковъ могъ противопоставить многочисленному непріятелю не болѣе 40 или 45 т. человѣкъ, да и то съ большимъ ослабленіемъ себя на другихъ пунктахъ. Ослабленіе это было тѣмъ опаснѣе, что угадать направленіе главныхъ дѣйствій противника было весьма трудно, и при быстротѣ передвиженій моремъ почти не возможно. Изъ Вѣны сообщали главнокомандующему, что рѣшительное наступленіе назначено англо-французами между 26 мая и 1 іюня [1]), но куда и въ какомъ направленіи намѣрены они двинуться оставалось неизвѣстнымъ.

Скоро недоумѣніе разъяснилось и сообщенныя свѣдѣнія оказались вѣрными.

Въ три часа пополудни 25 мая осаждающій открылъ *третье* бомбардированіе Севастополя, болѣе жестокое чѣмъ оба предъидущія, а на слѣдующій день, 26 мая, Пелисье рѣшился штурмовать передовыя укрѣпленія и овладѣлъ ими. Не касаясь подробностей бомбардированія и штурма укрѣпленій, такъ какъ они вѣрно и въ живомъ очеркѣ описаны авторомъ, мы скажемъ, что успѣхъ непріятеля въ этомъ направленіи произвелъ весьма сильное впечатлѣніе на князя Горчакова.

— Со времени Петра Великаго подъ Прутомъ, говорилъ онъ, ни одна армія въ мірѣ не была въ столь дурномъ положеніи, въ какомъ нахожусь я въ настоящее время, но думаю что это не моя ошибка....

Паденіе редутовъ открывало доступъ къ Малахову кургану и положеніе осажденнаго города становилось критическимъ. Непрія-

---

[1]) Всеподдан. донесеніе кн. Горчакова 22 мая. Арх. канц. воен. министер. д. № 41.

тель постоянно превышалъ насъ въ силахъ, его боевые запасы были огромны, тогда какъ мы имѣли ихъ въ ограниченномъ размѣрѣ, и, по свойству путей сообщенія, не могли ожидать скораго ихъ доставленія. Все это убѣждало князя Горчакова, что развязка близится къ концу и онъ терялъ надежду спасти Севастополь.

На другой день послѣ паденія передовыхъ редутовъ, т. е. 27 мая, онъ уже отправилъ донесеніе, въ которомъ высказалъ необходимость покинуть городъ. Всматриваясь въ свое положеніе, Горчаковъ все болѣе и болѣе убѣждался, что съ одной стороны Севастополь можетъ продержаться только весьма короткое время, послѣ котораго мы рискуемъ видѣть его взятымъ штурмомъ; а съ другой — что трудно и почти не возможно будетъ оставить городъ въ виду 80,000 непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ весьма близко отъ оборонительной линіи. Главнокомандующій не предвидѣлъ измѣненія своего положенія даже и съ прибытіемъ подкрѣпленій, такъ какъ, судя по предшествовавшимъ событіямъ и по усиленной бомбардировкѣ, онъ долженъ былъ разсчитывать, что въ самый короткій промежутокъ времени Севастополь лишится десятка тысячъ храбрыхъ и, слѣдовательно, вновь пришедшія войска немногимъ увеличатъ численность его арміи. Въ виду этого, онъ намѣренъ былъ приступить немедленно къ предварительнымъ распоряженіямъ по переправѣ гарнизона на Сѣверную сторону города и къ очищенію Южной.

Извѣстіе о такомъ намѣреніи главнокомандующаго въ первый разъ достигло Петербурга въ началѣ іюня. Оно не произвело, конечно, впечатлѣнія, поражающаго своею внезапностію, но вызвало глубокое сожалѣніе лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія. Въ числѣ ихъ былъ и директоръ канцеляріи военнаго министерства, генералъ-адъютантъ баронъ Вревскій. Подъ живымъ впечатлѣніемъ послѣднихъ донесеній князя Горчакова, онъ составилъ записку, въ которой изложилъ личное мнѣніе относительно будущихъ дѣйствій. Прося военнаго министра повергнуть его соображеніе на Высочайшее благоусмотрѣніе, Вревскій находилъ, что подобное отступленіе недостойно обороны Севастополя.

«Если намъ суждено, писалъ онъ [1]), очищать твердыни, орошенныя русскою богатырскою кровью, то движеніемъ не назадъ, а впередъ. Такъ мы не потеряемъ болѣе 20,000 человѣкъ, но возвысимъ славу русскаго оружія. Крайнія обстоятельства требуютъ и крайнихъ мѣръ. Смѣлымъ Богъ владѣетъ».

---

[1]) Записка генералъ-адъютанта барона Вревскаго, отъ 4 іюня 1855 г.

Вревскій предлагалъ сосредоточить весь гарнизонъ Севастополя на корабельной сторонѣ, а на городской оставить лишь самое необходимое число артиллерійской прислуги съ готовыми заклепками и застрѣльщиковъ для поддержанія огня, во время предполагаемаго рѣшительнаго дѣйствія. Войска, дѣйствующія въ полѣ, двинуть двумя или тремя колоннами къ рѣкѣ Черной, для очищенія лѣваго берега этой рѣки.

Имѣя единственною цѣлью выводъ нашего гарнизона на правый берегъ рѣки, онъ предлагалъ занять во что бы то ни стало передовыя батареи праваго фланга непріятельской позиціи и тѣмъ облегчить присоединеніе гарнизона къ главнымъ силамъ. «Непріятель беретъ наши батареи, писалъ Вревскій, и я не понимаю, почему его батареи для насъ не приступны».

Когда будутъ заняты эти батареи, тогда, по мнѣнію писавшаго, слѣдовало перевести на Сѣверную сторону всѣхъ оставшихся въ Севастополѣ, приготовить къ взрыву все, что можетъ быть взорвано и въ роковой часъ взорвать.

«Вотъ основная мысль, прибавлялъ онъ: подробности могутъ быть опредѣлены только на мѣстѣ. Если суждено Севастополю пасть — да падетъ, какъ оборонялся, на славу Россіи. Я глубоко убѣжденъ, что предполагаемое мною дѣйствіе, въ коемъ я считалъ бы за высокую честь участвовать съ однимъ изъ передовыхъ батальоновъ, обойдется для насъ съ меньшею потерею и съ большею славою, нежели переправа севастопольскаго гарнизона на Сѣверную сторону».

Мысль о возможности наступленія со стороны рѣки Черной обратила на себя вниманіе и была тотчасъ же сообщена по телеграфу князю Горчакову съ тѣмъ, чтобы онъ сообразилъ, «не выгоднѣе ли, вмѣсто гибельной переправы войскъ на Сѣверную сторону подъ выстрѣлами непріятеля, двинуть ихъ впередъ Южнымъ берегомъ, на соединеніе съ главными силами».

Сообщеніе это не имѣло дальнѣйшаго исхода, такъ какъ главнокомандующій, видя передъ собою сравнительно слабую дѣятельность противника, занятаго передѣываніемъ редутовъ въ свою пользу, положилъ выждать пока опредѣлятся его дальнѣйшія намѣренія. Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что онъ остановился въ приведеніи въ исполненіе своего намѣренія оставить Севастополь и приступить къ тому въ самомъ крайнемъ случаѣ, и притомъ не прежде, какъ по зрѣломъ обсужденіи необходимости такой мѣры.

— Я рѣшился, говорилъ онъ, остановиться на нѣсколько дней

оставленіемъ Севастополя потому, что если въ настоящемъ положеніи дѣлъ, непріятель предприметъ штурмъ, то я надѣюсь отбить его. Послѣ же нѣсколькихъ дней будетъ совершенно иное. Быть можетъ, что для пользы моего Монарха и отечества было бы лучше сейчасъ же оставить городъ, но я не могу еще на это рѣшиться. Сначала меня останавливала крайняя трудность исполненія, а потомъ сознаніе, что мое имя можетъ быть предано стыду и безчестію. Мы принесли уже столько жертвъ и испытали столько опасности, сохраняя этотъ городъ, что если будетъ хотя тѣнь возможности — я удержу его, mais pour cela, il me faudra voir les allures de l'ennemi dans l'espace de cinq ou six jours qui vont suivre.

Это послѣднее заявленіе главнокомандующаго нѣсколько примиряло его съ тѣми русскими людьми, которые надѣялись еще отстоять Севастополь и въ Крымъ были направлены 1-я и 5-я пѣхотныя дивизіи съ ихъ артиллеріею, 2-й саперный и 2-й стрѣлковый батальоны. Войскамъ этимъ приказано слѣдовать какъ можно скорѣе, чтобы дать возможность главнокомандующему, не только съ успѣхомъ бороться съ непріятелемъ, но и самому перейти въ наступленіе и нанести рѣшительный ударъ противнику [1])».

Оставшіеся за тѣмъ въ составѣ Южной арміи полки рѣшено сблизить къ берегу моря и сосредоточить кавалерійскій резервъ въ недальнемъ разстояніи отъ Одессы и Николаева. Для своевременнаго же подкрѣпленія Южной арміи, придвинуть войска гренадерскаго корпуса и расположить ихъ по Бугу, между Брацлавомъ и Ольвіополемъ; на Волыни оставить только одну 7-ю легкую кавалерійскую дивизію.

Сверхъ того Высочайше повелѣно на низовьяхъ Дона, около Ростова и Аксайской станицы, образовать также резервъ, употребивъ для сего часть ополченія и сколько можно донскихъ казачьихъ полковъ и батарей. Корпусъ этотъ долженъ былъ охранять берега Азовскаго моря, сообщеніе съ Кавказомъ и служить резервомъ войскамъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Другую же и большую часть ополченія, сверхъ четырнадцати дружинъ, назначенныхъ уже въ распоряженіе князя Горчакова, направить также въ Крымъ и предоставить главнокомандующему употребить ихъ или въ самомъ полуостровѣ, или образовать, вмѣстѣ съ войсками 2-го пѣхотнаго корпуса, особую резервную армію къ сѣверу отъ Перекопа.

---

[1]) Отношеніе военнаго министра кн. Горчакову отъ 5-го іюня № 4158. Тоже князя Горчакова военному министру отъ 15-го іюня.

Сообразно съ этими общими основаніями, все государственное ополченіе было распредѣлено на четыре отдѣла: *Южный* и самый значительный въ 78 дружинъ [1]), назначался для поддержанія войскъ въ Крыму; *Восточный* — изъ 17 дружинъ [2]), предположено расположить на низовьяхъ Дона, для защиты береговъ Азовскаго моря; *Западный*, — въ 64 дружины [3]), расположившись вдоль лѣвой стороны Днѣстра, долженъ былъ составить резервъ для войскъ расположенныхъ на западной границѣ и наконецъ *Сѣверный* — изъ остальныхъ ополченій, распредѣленныхъ по разнымъ частямъ прибалтійскихъ губерній.

По приблизительному разсчету 4 и 5 пѣхотныя дивизіи могли быть на высотѣ Николаева между 7 и 15 іюля, а Курское ополченіе должно было вступить въ Таврическую губернію около 10-го числа того же мѣсяца.

Скопленіе столь значительной массы войскъ на полуостровѣ внушало опасеніе относительно средствъ къ продовольствованію Крымской арміи. Вторженіе непріятеля въ Азовское море лишало насъ этого важнаго пути снабженія войскъ въ Крыму и имѣло послѣдствіемъ истребленіе значительныхъ запасовъ казеннаго провіанта. Вся тяжесть продовольствія легла на южныя окраины Россіи и провіантъ требовался уже изъ Воронежской и Курской губерній. Сухопутная доставка его изнуряла край, и по части комисаріатскаго довольствія возникали различнаго рода затрудненія. Чтобы устранить эти затрудненія, и согласить распоряженія министерства съ дѣятельностію полеваго интендантства, рѣшено было отправить въ Крымъ генералъ-адъютанта барона Вревскаго, какъ лице близко знакомое съ подробностями распоряженій военнаго министерства, и, по своему положенію, пользующееся извѣстнымъ авторитетомъ.

Барону Вревскому было поручено обратить особенное вниманіе на численный составъ арміи, время прибытія подкрѣпленій и назначеніе, которое имъ дано; на устройство укрѣпленныхъ лагерей, на мѣры къ сохраненію сообщеній и для защиты Севастополя и спасенія его гарнизона, въ случаѣ неблагопріятнаго для насъ обо-

[1]) Ополченіе губерній: Курской, Пензенской, Калужской, Тульской, Рязанской и Орловской.

[2]) Ополченіе Тамбовской губерніи.

[3]) Губерній: Московской, Владимірской, Смоленской, Нижегородской, Костромской и Ярославской.

рота дѣлъ. Онъ долженъ былъ ближе познакомиться съ предметами довольствія войскъ всѣмъ необходимымъ и съ состояніемъ запасовъ; слѣдить за успѣхомъ поставки продовольствія и за мѣрами принятыми для безостановочнаго пополненія боевыхъ запасовъ и провіанта. Однимъ словомъ, не вмѣшиваясь отнюдь въ распорядительную часть арміи, баронъ Вревскій обязанъ былъ входить во все, что касалось до снабженія арміи предметами хозяйства, и въ этомъ отношеніи облегчать дѣятельность главнокомандующаго. «Для сего, писалъ военный министръ [1]), отстраняя все, что могло бы возбудить превратные толки о цѣли вашего командированія, вы должны стараться входить съ главнокомандующимъ и чинами управленія арміи въ откровенныя объясненія, дабы, по возвращеніи въ С.-Петербургъ, представить мнѣ, для доклада Государю Императору сколь можно полный и вѣрный обзоръ настоящаго положенія дѣлъ и вновь возникающихъ видовъ.

«Государю Императору благоугодно было, писалъ вмѣстѣ съ тѣмъ военный министръ князю Горчакову [2]), поручить мнѣ покорнѣйше просить ваше сіятельство передать барону Вревскому ваши виды и соображенія на счетъ хозяйственнаго снабженія крымской и южной арміи *при дальнѣйшемъ развитіи военныхъ событій*».

Расчитывая, что съ прибытіемъ подкрѣпленій, князь Горчаковъ будетъ въ состояніи не только отстоять Севастополь, но, при нѣкоторой рѣшимости, и перейти въ наступленіе, военный министръ, князь Долгоруковъ надѣялся, что присутствіе директора канцеляріи военнаго министерства въ главной квартирѣ, какъ лица близко знакомаго съ нашими видами, окажетъ нѣкоторое давленіе на главнокомандующаго; что не вмѣшиваясь ни въ распоряженія, ни въ военныя соображенія, но будучи обязанъ часто сталкиваться съ княземъ Горчаковымъ и входить съ нимъ въ объясненія Вревскій, какъ человѣкъ ратующій за движеніемъ впередъ, поддержитъ энергію главнокомандующаго въ пользу наступательныхъ дѣйствій.

Баронъ Вревскій оставилъ Петербургъ въ то время, когда подъ Севастополемъ произошли весьма крупныя событія, и измѣнившіяся обстоятельства вызвали иную дѣятельность чѣмъ та, которая предполагалась.

Послѣ дѣла 26-го мая Пелисье рѣшился воспользоваться энтузіазмомъ войскъ и назначилъ черезъ десять дней штурмъ, кото-

---

[1]) Предписаніе военнаго министра барону Вревскому отъ 8-го іюня, № 577.

[2]) Въ отношеніи отъ 8-го іюня № 558.

рому должно было предшествовать бомбардированіе. Главнымъ пунктомъ штурма избранъ Малаховъ-курганъ и потому рѣшено было прекратить бомбардированіе, продолжавшееся въ теченіи трехъ дней, и, для успѣха будущаго штурма, построить нѣсколько новыхъ батарей. Съ 31-го мая канонада вовсе прекратилась и князь Горчаковъ сначала не зналъ чему приписать такое ослабленіе огня [1]), но скоро увидѣлъ, что осаждающій погрузился въ земляныя работы, и въ траншеяхъ впереди Малахова закипѣла усиленная дѣятельность.

Предъугадывая намѣреніе противника, обороняющійся перемѣнилъ направленіе многихъ амбразуръ, прибавилъ на своемъ вооруженіи нѣсколько новыхъ орудій и обратилъ особенное вниманіе на усиленіе наиболѣе слабаго лѣваго фланга оборонительной линіи.

Усиленныя земляныя работы съ обѣихъ сторонъ послужили поводомъ къ взаимному прекращенію канонады на довольно продолжительное время. Орудійные выстрѣлы слышались рѣдко и хотя противники поддерживали постоянный ружейный огонь, но послѣ жестокихъ бомбардированій онъ казался ничтожнымъ. Севастополь, а съ нимъ вмѣстѣ и главнокомандующій вздохнули свободнѣе. Время уходило; наши подкрѣпленія подвигались все ближе и въ ожиданіи скораго ихъ прибытія, князь Горчаковъ ласкалъ себя надеждою отстоять Севастополь, или, по крайней мѣрѣ, выдержать хотя одинъ штурмъ. Мысль объ оставленіи города откладывалась день за день.

— Я все еще не могу рѣшиться оставить Севастополь, говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. При настоящемъ положеніи дѣлъ, мнѣ слѣдуетъ, кажется, попытать счастіе въ отбитіи штурма. Но если непріятель, вмѣсто того, чтобы штурмовать, возобновитъ ужасное и продолжительное бомбардированіе, я буду вынужденъ отдать ему городъ, ибо онъ истолчетъ какъ въ ступкѣ не только настоящій гарнизонъ, но и всю армію. Предъидущее бомбардированіе доказываетъ это. Если непріятель поступитъ такимъ образомъ, а я буду упорствовать въ удержаніи Севастополя, я рискую потерять и городъ и армію. Два послѣднія бомбардированія показали, что войска долго остающіяся подъ огнемъ разстраиваются, отъ большой убыли начальниковъ. Пополнивъ необходимыя потери новыми полками, я кончу тѣмъ, что городъ возмутъ приступомъ, и мнѣ не съ чѣмъ будетъ удержаться въ полѣ. Тѣмъ не менѣе

---

[1]) См. письмо кн. Горчакова военному министру 31-го мая.

оставить Севастополь теперь мнѣ кажется рано, но найду-ли я минуту когда окажется это возможнымъ сдѣлать безъ потерь, — не знаю; полагаю, однакоже, что лучше подвергнуться этой случайности, чѣмъ преждевременно уходить. Если непріятель атакуетъ меня отъ Черной или съ тыла, то буду отбиваться чѣмъ и какъ могу. Особенно трудны для меня настоящіе десять дней до прихода 7-й и 15-й дивизій.

«Вотъ мое положеніе Всемилостивѣйшій Государь, писалъ князь Горчаковъ [1]). Ввѣренное мнѣ войско готово биться и умирать за Вашу славу; но весьма большое числительное превосходство непріятеля (его болѣе 150-тыс. за исключеніемъ урона), огромныя средства, коими онъ располагаетъ во всѣхъ отношеніяхъ; возможность угрожать мнѣ повсюду высадками и несчастное обстоятельство, что я прикованъ такъ сказать къ Севастополю, — все это ставитъ насъ въ столь невыгодное положеніе, что не только нельзя надѣяться на какой либо успѣхъ, но даже можно опасаться большихъ неудачъ. Будетъ что угодно Богу, мы исполнимъ свой долгъ по силамъ и возможности».

Опасеніе, что непріятель предприметъ усиленное бомбардированіе скоро оправдалось.

Раннимъ утромъ 5-го іюня союзники открыли *четвертое* бомбардированіе Севастополя и около трехъ часовъ утра 6-го іюня двинулись на штурмъ нашихъ укрѣпленій, но были отбиты на всѣхъ пунктахъ. И на этотъ разъ мы не станемъ повторять подробностей штурма, тщательно описанныхъ М. И. Богдановичемъ, и составляющихъ блестящую страницу геройскихъ подвиговъ совершенныхъ вѣрными сынами Россіи. «Безпримѣрные защитники Севастополя, по выраженію Императора, покрыли себя въ этотъ день еще новою неувядаемою славою». «Скажите имъ, писалъ Монархъ, что я и вся Россія ими гордимся. Объ оставленіи Севастополя, надѣюсь, съ Божіею помощью, что рѣчи не будетъ больше».

«Позвольте Всемилостивѣйшій Государь, писалъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ [2]), имѣть счастіе принести поздравленіе съ двумя событіями: съ оборотомъ дѣлъ въ Австріи и съ блистательно отбитымъ штурмомъ 6-го іюня.

«Геройское дѣло сіе, не только покрыло славою нашъ храбрый гарнизонъ, но имѣло для насъ несомнѣнную пользу, доказавъ

---

[1]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 4 іюня 1855 г.

[2]) Во всеподданнѣйшемъ донесеніи отъ 30 іюня.

хвастливымъ врагамъ, что девяти-мѣсячныя усилія ихъ остались тщетными. Что я ни думалъ — не могу постигнуть, что предпримутъ союзники послѣ столь жестокаго пораженія; кажется едва-ли они осмѣлятся предпринять что либо важное. Къ несчастію я бывалъ въ отбитыхъ штурмахъ, и знаю, какое нравственное вліяніе производитъ неудача на солдата, на офицера и даже на генерала. Наша пѣхота первая въ свѣтѣ, но и она подвергается сему вліянію».

Славный день 6-го іюня не разсѣялъ опасеній главнокомандующаго; онъ предвидѣлъ, что отбитіе штурма повлечетъ новыя усилія враговъ, а слѣдовательно будетъ стоить намъ громадныхъ жертвъ. Князь Горчаковъ просилъ о присылкѣ новыхъ подкрѣпленій, доносилъ о недостаткѣ пороха и пріискивалъ средства, при помощи которыхъ могъ бы оставить Севастополь съ меньшею потерею. Въ его глазахъ оставленіе города было необходимо, не смотря на то, что послѣ штурма дѣятельность союзниковъ значительно ослабѣла и что работы ихъ, подъ огнемъ нашей артиллеріи, подвигались весьма медленно. Въ теченіи цѣлаго мѣсяца дѣятельности англо-французовъ почти не замѣчалось; они строили новыя батареи, вели подступы, но какъ тѣ такъ и другіе подвигались впередъ туго.

Три недѣли, употребленныя союзниками на возведеніе девятнадцати новыхъ батарей и нѣсколькихъ траншей, при содѣйствіи арміи, имѣвшей подъ ружьемъ гораздо болѣе 150-тыс., нельзя считать особою дѣятельностью. Напротивъ, все это свидѣтельствовало объ истомленіи нравственномъ и физическомъ, о недостаткѣ энергіи и незнаніи, что предпринять и на что рѣшиться. Отбитый штурмъ показалъ непріятелю, что русскія укрѣпленія сильны и гарнизонъ ихъ стоекъ; что на успѣхъ новаго штурма, безъ предварительной подготовки, расчитывать нечего, а заставить оборонящагося очистить городъ при помощи полевыхъ дѣйствій для союзниковъ было дѣломъ невозможнымъ. Потеря многихъ генераловъ, свирѣпствовавшая въ рядахъ холера, отсутствіе перевозочныхъ средствъ, малое число кавалеріи и полевой артиллеріи — это были такія причины, которыя не дозволяли англо-французамъ двинуться съ мѣста и расчитывать на успѣхъ. Союзные главнокомандующіе понимали, что движеніе ихъ впередъ на одинъ переходъ не принесетъ никакой пользы для дѣла, а двинутся далѣе одного перехода было-бы весьма опасно. Прикованные къ Севастополю, они рѣшились тянуть прежнюю лямку и продолжать осаду. Канонада прекратилась

и наши потери значительно уменьшились. Къ Севастополю подошли: 7-я пѣхотная дивизія и 1-я бригада 15-й дивизіи; вторая же бригада этой послѣдней дивизіи была оставлена въ Симферополѣ [1]). Несмотря на то, что войска эти передвигались «суворовскими маршами» они пришли въ полномъ составѣ, оставивъ на пути весьма мало больныхъ. Случаи холеры хотя и встрѣчались въ нашихъ рядахъ, но они были незначительны и болѣзнь не имѣла эпидемическаго характера. Такое состояніе войскъ, прибытіе подкрѣпленій и наконецъ прекращеніе огня непріятелемъ нѣсколько успокоивали главнокомандующаго.

— Не смѣю однако же, говорилъ онъ, увлекаться такою надеждою. Севастополь не крѣпость, а огромный, наскоро укрѣпленный лагерь, коего сила состоитъ единственно въ большомъ числѣ орудій охраняющихъ подступы къ нему. Это дѣло безпримѣрное въ исторіи, что подобный лагерь держится болѣе восьми мѣсяцевъ. Вся бѣда въ томъ, что Севастополь не былъ за-ранѣе укрѣпленъ съ сухопутной стороны, хотя хорошими полевыми отдѣльными верками.

Тѣ же укрѣпленія, которыя окружали городъ были недостаточно прочны и при постепенно увеличивающемся числѣ орудій имѣли столь узкіе мерлоны, что не могли выдержать продолжительной канонады. Князь Горчаковъ особенно опасался, чтобы союзники не предприняли новаго бомбардированія, хотя изъ общаго хода дѣлъ и положенія непріятеля бомбардированіе должно было быть естественнымъ результатомъ дѣятельности осаждающаго. Безъ бомбардированія союзники немогли овладѣть Севастополемъ и самый штурмъ былъ для нихъ невозможенъ.

Вопросъ сводился къ тому, какъ скоро непріятель предприметъ рѣшительныя дѣйствія и дастъ-ли онъ намъ время и возможность исправить укрѣпленія усилить артиллерійскую оборону и дождаться прибытія 4 и 5-й пѣхотныхъ дивизій? Въ послѣднемъ случаѣ положеніе наше значительно бы улучшилось и князь Горчаковъ мечталъ даже о возможности тогда перейти въ наступленіе.

— Если дѣло протянется, говорилъ онъ, до сближенія сюда ополченія, 4 и 5-й пѣхотныхъ дивизій, тогда перевѣсъ будетъ на нашей сторонѣ и можно будетъ помышлять о совокупномъ наступательномъ дѣйствіи: состороны Черной и состороны Севастополя, отъ Корниловскаго бастіона. Дѣло будетъ трудное, потому что укрѣ-

---

[1]) Отношеніе кн. Горчакова военному министру 15-го іюня 1855 года.

ленія непріятеля весьма сильны и позиція почти неприступная, но полагая даже неудачу — бѣды не будетъ. Понесенный нами уронъ не доведетъ насъ до крайности; непріятель съ своей стороны потерпитъ большую потерю и дѣйствія его противъ Севастополя ослабятся, а съ наступленіемъ осени онъ отплыветъ отсюда; другой зимы онъ не рѣшится здѣсь провести.

Полученное въ главной квартирѣ извѣстіе объ отправленіи въ Крымъ изъ Франціи 40 т. человѣкъ и появленіе въ Камышевой бухтѣ 150 купеческихъ судовъ, съ боевыми припасами, разстроили нѣсколько виды главнокомандующаго.

— Кажется, говорилъ онъ, дѣло сближается къ развязкѣ. Я Севастополя не оставлю безъ крайней и не отъемлемой необходимости, но положеніе наше въ высшей степени трудно — въ этомъ нечего себя обманывать. Видно, что непріятель готовитъ новое огромное бомбардированіе, дабы послѣ него пуститься на новый штурмъ и если у него есть хоть искра ума, то онъ предприметъ, вмѣстѣ съ бомбардированіемъ, какое либо движеніе на мои сообщенія.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ князь Горчаковъ все время былъ въ нѣкоторомъ заблужденіи относительно средствъ противника. Онъ чистосердечно вѣрилъ, что союзники нетолько могутъ зайти ему въ тылъ, но и имѣютъ достаточно способовъ для открытія и поддержанія полевыхъ дѣйствій внутри полуострова. Разновременное появленіе незначительныхъ отрядовъ непріятеля въ Байдарской долинѣ и оттѣсненіе нашихъ аванпостовъ заботило главнокомандующаго. Опасаясь диверсіи въ этомъ направленіи, онъ поручилъ генералъ-адъютанту Реаду, для укрѣпленія позиціи у Юхары-Каралеза устроить эполементы на нѣсколько орудій, которые могли бы обстрѣливать долину Хаджи-Сала и лѣвую сторону косогора Магутскаго хребта; устроить точно такіе же эполементы передъ самымъ Юхары-Каралезомъ, для обстрѣливанія тѣснины лежавшей непосредственно передъ мѣстечкомъ, какъ такого пункта, въ которомъ всего удобнѣе было окончательно защищаться [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующій призналъ необходимымъ ускорить движеніе и направить прямо къ Севастополю 4 и 5 пѣхотныя дивизіи, 2-й стрѣлковый, 2-й саперный батальоны и дружины Курскаго ополченія. Послѣднихъ онъ предполагалъ распредѣлить по полкамъ, которые будутъ болѣе другихъ въ томъ нуждаться; намѣренъ былъ назначить часть ополченцовъ для замѣщенія артилле-

---

[1]) Предписаніе Реаду отъ 17-го іюня № 1891-мъ.

рійской и госпитальной прислуги, для которой, за недостаткомъ нестроевыхъ, употреблялись строевые нижніе чины [1]).

Видя упорство и желаніе союзныхъ правительстъ, для достиженія успѣховъ въ Крыму, довести свои силы до возможно большей цифры, князь Горчаковъ, какъ только узналъ о посылкѣ подкрѣпленій изъ Франціи, тотчасъ же просилъ о направленіи къ Балтѣ и Ольвіополю 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, съ тѣмъ, чтобы войска эти, въ случаѣ нужды, могли быть безотлагательно двинуты въ Крымъ [2]).

Эта послѣдняя просьба была предупреждена нашимъ правительствомъ. Какъ только изъ Вѣны получено было достовѣрное извѣстіе, что Австрійское правительство, отказавшись отъ намѣренія присоединиться къ Западнымъ державамъ, расформировываетъ свою армію, Императоръ тотчасъ-же приказалъ двинуть на Югъ войска гренадерскаго корпуса.

Сдѣлавъ все что было возможно для усиленія и облегченія Крымской арміи, въ Петербургѣ надѣялись, и вправѣ были ожидать, что князь Горчаковъ, пользуясь бездѣятельностію непріятеля, въ непродолжительномъ времени перейдетъ въ наступленіе, но нерѣшительность князя была причиною, что дѣло это не подвигалось впередъ. При свѣхъ своихъ прекрасныхъ качествахъ, князь Михаилъ Дмитріевичъ не стоялъ на высотѣ своего назначенія и не имѣлъ твердости довести начатое дѣло до конца. Придавая часто большое значеніе мелочнымъ и неважнымъ извѣстіямъ, онъ поминутно измѣнялъ свои предположенія и не рѣшался привести ихъ въ исполненіе. Совѣтуя другимъ брать больше на себя, быть рѣшительными и неподать духомъ, князь Горчаковъ самъ терялся при первой неудачѣ и даже при однихъ слухахъ, не благопріятныхъ для задуманнаго имъ предпріятія. Какъ бы сомнительны не были эти слухи, князь Михаилъ Дмитріевичъ колебался уже въ своихъ распоряженіяхъ и только при постороннемъ вліяніи, которому поддавался весьма легко,—и при энергическомъ настаиваніи, онъ въ состояніи былъ разсѣять свои ложныя опасенія.

Къ сожалѣнію человѣкъ легко подчиняющійся вліянію постороннихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ лишенъ самостоятельности, не имѣетъ опредѣленнаго направленія и характера дѣйствій. Весьма часто, такія лица слѣдуютъ или болѣе рѣшительному настоянію

---

[1]) Отношеніе князя Горчакова военному министру отъ 18-го іюня № 1917.

[2]) Всеподан. письмо князя Горчакова отъ 24-го іюня.

или послѣднему высказанному мнѣнію. Если въ теченіе іюня и половины іюля князь Горчаковъ покинулъ совершенно мысль объ оставленіи Севастополя и даже мечталъ о возможности наступательныхъ дѣйствій, то онъ обязанъ былъ тѣмъ генералъ-адъютанту барону Вревскому.

Прибывъ, въ первомъ часу ночи, съ 15-го на 16-е іюня, въ главную квартиру Крымской арміи, баронъ Вревскій тотчасъ-же явился главнокомандующему и былъ принятъ имъ весьма ласково и можно сказать родственно.

Пріѣздъ Вревскаго въ Крымъ былъ предметомъ напряженнаго вниманія нашей арміи. Всѣ терялись въ догадкахъ, отыскивая причины не ожиданнаго прибытія въ главный штабъ генералъ-адъютанта. Одни говорили, что Вревскій присланъ разслѣдовать почему въ арміи болѣе ртовъ чѣмъ штыковъ, а другіе, что онъ привезъ планъ кампаніи. Какъ тѣ, такъ и другіе были правы только отчасти, но во всякомъ случаѣ пріѣздъ Вревскаго былъ событіемъ важнымъ для каждаго изъ защитниковъ. Помѣстивъ пріѣхавшаго въ собственной палаткѣ, раскинутой возлѣ домика, въ которомъ самъ жилъ, князь Горчаковъ предложилъ Вревскому, для лучшаго ознакомленія съ положеніемъ дѣлъ, присутствовать при докладахъ и занятіяхъ его съ чинами главнаго штаба. Знакомство это на первыхъ порахъ привело барона къ самымъ удовлетворительнымъ заключеніямъ и, по его мнѣнію положеніе дѣлъ давало надежду на благопріятный исходъ [1]).

По собраннымъ къ 5-му іюля свѣдѣніямъ, въ Крыму находилось налицо 128,453 человѣка пѣхоты и въ томъ числѣ 74,306 человѣкъ въ гарнизонѣ Севастополя. «Эта цифра, писалъ баронъ Вревскій, опровергаетъ всѣ сомнѣнія въ возможности отстоять Севастополь, даже если бы новое бомбардированіе нанесло намъ значительную потерю въ людяхъ».

Вревскій полагалъ, что для насъ было бы весьма выгодно и возможно, дождавшись подкрѣпленій, перейти въ наступленіе. Считая своею обязанностью, если не склонять то по крайней мѣрѣ поддержать князя Горчакова, баронъ Вревскій старался представить ему необходимость наступательныхъ дѣйствій [2]).

— Я вижу, говорилъ онъ, выходъ изъ нашего положенія только въ нанесеніи безъ замедленія сильнаго удара непріятелю, но онъ

---

[1]) Письмо барона Вревскаго военному министру, 18-го іюня 1855 г.

[2]) Тоже отъ 24 іюня 1855 г.

долженъ быть направленъ и приведенъ въ исполненіе человѣкомъ энергичнымъ.

Проводя большую часть вечеровъ съ глазу на глазъ съ главнокомандующимъ и играя съ нимъ въ шахматы, Вревскій имѣлъ случай убѣдить князя Горчакова въ справедливости своихъ идей и достигъ того, что въ половинѣ іюля было уже приказано приготовить матеріалы для возстановленія моста на рѣкѣ Черной, вытребовано нѣсколько понтоновъ Бираго и поручено командирамъ частей приготовить сколь можно болѣе ручныхъ перекидныхъ мостиковъ, для переправы черезъ водопроводный каналъ [1]). Князь Горчаковъ самъ всецѣло предался задуманному предпріятію и доносилъ, что если къ намъ скоро прибудутъ подкрѣпленія и непріятель до тѣхъ поръ не предприметъ ничего рѣшительнаго, то онъ двинется ему въ тылъ [2]).

«Главный вопросъ, писалъ онъ [3]), чьи подкрѣпленія подоспѣютъ скорѣе. Съ послѣдующимъ курьеромъ я буду имѣть счастіе представить Вашему Императорскому Величеству мысли мои на счетъ будущихъ дѣйствій, во всѣхъ вѣроятнѣйшихъ предположеніяхъ».

Основываясь на такомъ заявленіи главнокомандующаго, въ Петербургѣ считали наступленіе съ нашей стороны дѣломъ рѣшеннымъ и несомнѣвались въ томъ, что оно будетъ произведено со стороны рѣки Черной. «Вы знаете, писалъ военный министръ барону Вревскому [4]), на сколько я раздѣляю ваше мнѣніе относительно того, какое дѣйстіе должна произвести на союзниковъ наша демонстрація со стороны рѣки Черной. Я полагаю, что движеніе противъ праваго ихъ фланга чрезвычайно полезно и отъ этой операціи я ожидаю блестящихъ результатовъ. Но чтобы исполнить ее съ успѣхомъ необходимо, по моему убѣжденію,—которое, полагаю, раздѣляете и вы—имѣть во главѣ войскъ, назначенныхъ для экспедиціи, такого генерала, на энергію котораго можно вполнѣ положиться».

Въ столицѣ съ нетерпѣніемъ ожидали послѣдняго слова главнокомандующаго и обѣщанныхъ имъ подробностей о томъ, какъ и

---

[1]) Къ 10-му іюля въ одномъ VI корпусѣ было приготовлено 30 пѣшеходныхъ мостиковъ, изъ которыхъ каждый могъ быть переносимъ четырмя человѣками и пять мостиковъ для артиллеріи, при чемъ каждый могъ быть перевозимъ на 2-хъ роспускахъ. Рапортъ Липранди кн. Горчакову, 10 іюля № 4,882.

[2]) Всеподдан. донесенія кн. Горчакова, 29 іюня и 5-го іюля 1855 г.

[3]) Всеподдан. донесеніе отъ 5-го іюля.

[4]) Въ письмѣ отъ 1-го іюля 1855 г. Арх. канц. воен. минист. дѣло № 85.

когда онъ выйдетъ изъ оборонительнаго положенія. Обѣщая съ прибытіемъ подкрѣпленій двинуться во флангъ, князь Горчаковъ въ началѣ іюля сталъ колебаться въ своихъ намѣреніяхъ. Сначала доставленныя по телеграфу свѣдѣнія изъ Берлина, о посылкѣ 40,000 человѣкъ въ подкрѣпленіе союзныхъ армій, а потомъ слухъ о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа и проникнуть въ Сивашъ, озадачили князя Михаила Дмитріевича и парализовали всѣ его виды и намѣренія. Веселое настроеніе, въ которомъ находился князь Горчаковъ, съ тѣхъ поръ, какъ задумалъ атаковать непріятеля, и вѣра въ лучшее будущее покинули его теперь окончательно.

— Если союзникамъ, говорилъ онъ, отправлены значительныя подкрѣпленія, то едва-ли можно будетъ атаковать ихъ съ надеждою на успѣхъ, даже и въ томъ случаѣ, когда армія наша будетъ усилена прибытіемъ 4-й и 5-й дивизій и Курскаго ополченія.

Сдѣлавшись мрачнымъ и задумчивымъ, князь Горчаковъ сталъ высказывать сомнѣніе въ успѣхѣ наступательныхъ дѣйствій и не перемѣнилъ своихъ убѣжденій даже и послѣ того, какъ получилъ изъ Петербурга нѣсколько телеграммъ, извѣщавшихъ его, что готовящіяся союзникамъ подкрѣпленія вовсе не такъ значительны и далеко не доходятъ до первоначальной цифры; что въ Марсели посажено будетъ на суда не болѣе четырехъ полковъ; что, затѣмъ, могутъ быть отправлены еще подкрѣпленія, но не въ томъ числѣ, какое просилъ Пелисье, и что слухи о намѣреніи французовъ высадиться у Перекопа считаются невѣроятными. Всѣ эти доводы казались главнокомандующему недостовѣрными и онъ отвѣчалъ на нихъ или отрицаніемъ, или сомнѣніемъ. Онъ говорилъ, что хотя предъидущія извѣстія ему самому кажутся преувеличенными, но что въ послѣднихъ телеграммахъ военнаго министра численность посылаемыхъ непріятелю подкрѣпленій доведена уже до слишкомъ малой цифры.

— Невозможно, говорилъ кн. Горчаковъ, чтобы Наполеонъ, послѣ всѣхъ своихъ усилій, назначилъ къ отправленію только отъ 8 до 12 батальоновъ. Мнѣ кажется, всего вѣроятнѣе, что подкрѣпленія, которыя пришлютъ сюда, будутъ значительны.

Надѣясь получить въ скоромъ времени болѣе достовѣрныя свѣдѣнія о числѣ ожидаемыхъ союзниками подкрѣпленій, главнокомандующій откладывалъ свое рѣшеніе день за день и никакіе доводы не въ состояніи были убѣдить его въ противномъ. Ссылаясь на одну иностранную военную газету, одобрявшую осторожность нашего главнокомандующаго и его предусмотрительность, князь

Михаилъ Дмитріевичъ писалъ военному министру, что, конечно, статья эта не была писана подъ его диктовку, а между тѣмъ она отдаетъ ему полную справедливость въ умѣньѣ дѣйствовать.

«Я бы желалъ, любезный князь, прибавлялъ онъ [1]), чтобы вы убѣдились въ одной истинѣ, которую я считаю непреложною, а именно: что усвоенная мною система осторожности есть, конечно, наилучшая, которой можно было слѣдовать, и что полученные отъ того результаты доставили неисчисленную выгоду для Россіи».

«Съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь во главѣ Крымской арміи, непріятель постоянно имѣлъ надо мною численное превосходство. Если бы я пытался атаковать его, я бы потерпѣлъ неизбѣжное пораженіе и первымъ слѣдствіемъ неудачи была бы потеря Севастополя. Напротивъ, однимъ сохраненіемъ этого города Россія вызвала настоящее разоруженіе Австріи и тѣмъ, по крайней мѣрѣ, до будущей весны устранила отъ себя опасность имѣть дѣло съ 200 тысячъ, а можетъ быть съ 250 тысячъ лишнихъ непріятельскихъ войскъ».

Отстаивая свое мнѣніе, князь Горчаковъ былъ въ это время въ какомъ то переходномъ состояніи, въ борьбѣ и противорѣчіи съ самимъ собою. Обнадеживая въ возможности перейти въ наступленіе главнокомандующій, въ половинѣ іюля, приступилъ къ устройству моста черезъ главную бухту, моста, давшаго ему возможность совершить впослѣдствіи блестящее отступленіе и оставить непріятелю одни развалины города. Донося, что заливъ у Перекопа такъ мелководенъ, что высадка въ этомъ мѣстѣ значительныхъ силъ представляетъ мало вѣроятія, онъ въ то же время опасался этой высадки и сформировалъ для защиты Перекопа особый отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Апрена-Эльмита, а для защиты Сиваша усилилъ геническій отрядъ и передалъ его въ вѣдѣніе генералъ-лейтенанта Рыжова. Не считая и этихъ мѣръ вполнѣ достаточными, главнокомандующій возложилъ на командующаго Южною арміею, генерала Лидерса, охраненіе всего южнаго прибрежья Херсонской губерніи съ г. г. Николаевомъ, Кинбурномъ, и просилъ военнаго министра, чтобы 2 и 3 гренадерскія дивизіи были немедленно направлены къ Перекопу.

Прибытие въ Крымъ гренадеровъ могло послѣдовать не ранѣе сентября, а между тѣмъ было почти невѣроятно, чтобы Севасто-

---

[1]) Письмѣ князю Долгорукову, отъ 5 іюля. Письмо это напечатано въ «Руской Старинѣ» 1876 г. № 5, но окончаніе его переведено не вѣрно и имѣетъ совершенно обратный смыслъ.

поль въ состояніи былъ продержаться столь долгое время и чтобы союзники предприняли высадку у Перекопа. Поэтому многіе не раздѣляли опасеній главнокомандующаго и въ числѣ ихъ наиболѣе вліятельнымъ противникомъ былъ баронъ Вревскій. Онъ находилъ, что высадка у Перекопа вовсе не опасна для Крымской арміи, что, имѣя внутри полуострова продовольствіе на пять мѣсяцевъ для 200,000 арміи, занятіе перешейка непріятелемъ нельзя считать рѣшительнымъ ударомъ, а тѣмъ болѣе въ виду двухъ гренадерскихъ дивизій и большей части войскъ Южной арміи. Доказывая не состоятельность опасеній главнокомандующаго, баронъ Вревскій старался убѣдить его, что лучше настоящаго момента онъ не найдетъ другаго времени для атаки союзниковъ.

— Съ тридцатью тысячами чѣловѣкъ, находящихся на позиціи отъ Инкермана до Ташъ-Басты, говорилъ онъ, съ 20 тысяч. человѣкъ 4 и 5 пѣхотныхъ дивизій и 15 тысячъ человѣкъ Курскаго ополченія, мы будемъ имѣть армію въ 65 тысячъ штыковъ, атака которой со стороны р. Черной можетъ быть поддержана вылазкою изъ Севастополя, по крайней мѣрѣ, въ 30 тысячъ человѣкъ. Обладая преимуществомъ въ кавалеріи и артиллеріи и, наконецъ, пользуясь моральнымъ превосходствомъ послѣ отбитаго штурма, мы можемъ отважиться на многое.

— Несвоевременная атака, отвѣчалъ князь Горчаковъ, превосходныхъ силъ, прикрытыхъ укрѣпленіями, можетъ кончиться пораженіемъ и ускорить паденіе Севастополя. Оставаясь въ оборонительномъ положеніи, мы изнуряемъ противника и есть вѣроятность, что онъ не рѣшится остаться здѣсь на другую зиму и тогда Севастополь спасенъ.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ баронъ Вревскій, непріятель попытается вторично штурмовать городъ. Въ ожиданіи такого штурма, мы должны подвергнуться усиленному бомбардированію, которое причинитъ намъ столь значительныя потери, что прибывающихъ подкрѣпленій недостаточно будетъ, чтобы покрыть ихъ. Будетъ тоже, что было съ тремя дивизіями, прибывшими съ вами и съ тремя, пришедшими въ іюнѣ. Онѣ пополнили только нашъ дефицитъ, но не дали намъ возможности перейти въ наступленіе. Съ другой стороны, мы должны покончить съ осадою и обороною до наступленія осени и дурной погоды. Если Севастополь не будетъ взятъ открытою силою, то мы все-таки будемъ ощущать недостатокъ въ дровахъ, сѣнѣ, а можетъ быть и въ боевыхъ припасахъ. Недостатокъ фуража заставилъ уже насъ выслать изъ полуострова

часть полковыхъ лошадей; придется выслать еще и даже часть кавалеріи. Число больныхъ и потери постепенно увеличиваются и армія можетъ придти въ совершенное разстройство. Уже теперь большая часть начальниковъ дивизій, бригадныхъ, полковыхъ и батальонныхъ командировъ или временно командуютъ, или только что назначены. Матеріальная часть полковъ разбросана по разнымъ пунктамъ и люди разсѣяны по госпиталямъ на всемъ пространствѣ отъ Севастополя до военныхъ поселеній. Севастополь въ настоящую минуту — это бочка Данаидъ, поглощающая столько средствъ и въ то же время ступка, въ которой толкутъ нашихъ великолѣпныхъ солдатъ, такъ что каждый лишній часъ осады стоитъ намъ множество драгоцѣнныхъ жизней.

Оставаться въ такомъ положеніи до осени, по мнѣнію барона Вревскаго, значило по напрасну истощать собственныя силы, ибо Севастополь, даже безъ усиленнаго бомбардированія и не считая обыкновенной убыли отъ болѣзней, поглощалъ ежедневно круглымъ числомъ до 250 человѣкъ. Изъ представленной вѣдомости видно было, что въ теченіе девяти дней, съ 1-го по 9-е іюля, при довольно скромной дѣятельности союзниковъ, мы потеряли отъ однихъ непріятельскихъ выстрѣловъ 2,261 человѣка, и слѣдовательно, оставаясь въ выжидательномъ положеніи, до конца ноября, мы могли потерять еще до 30 тысячъ человѣкъ. Потеря эта, конечно, значительно превышала число людей, которое могло выбыть изъ строя въ самомъ кровопролитномъ сраженіи. Къ этому надо прибавить, что убыль начальниковъ могла окончательно разстроить армію; оставшіеся на своихъ мѣстахъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе изнемогали въ силахъ физическихъ и нравственныхъ; лица же вновь прибывающія были неизвѣстны войскамъ, принуждены знакомиться съ мѣстностью и пріучаться къ порядкамъ, заведеннымъ при оборонѣ.

«Начальники гарнизона, писалъ Вревскій [1]), подаютъ собою примѣръ самоотверженія, бдительности и трудовъ. Но постоянное напряженіе изнуряетъ силы уцѣлѣвшихъ отъ огня. Въ теченіе нѣсколькихъ дней ранены: Тотлебенъ и смертельно Нахимовъ, а Васильчиковъ, всегда храбрый, но изнуренный работою, принужденъ оставить строй. Что же будетъ, если Хрулевъ, Семякинъ, Урусовъ и Панфиловъ насъ покинутъ? Смерть угрожаетъ имъ ежеминутно, да, наконецъ, и физическимъ силамъ есть предѣлъ. Для замѣны

[1]) Военному министру, 10-го іюля № 13.

ихъ найдутся другіе такіе же храбрые и бдительные начальники, но они не будутъ такъ близки войскамъ и не будутъ знать всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Не пора ли положить конецъ этому не нормальному порядку вещей»?

Писавшій эти строки, съ своей стороны, полагалъ необходимымъ, по прибытіи ожидаемыхъ подкрѣпленій, не отлагая далѣе, предпринять что либо рѣшительное, и во что бы то ни стало, выйдти, наконецъ, изъ того тяжкаго положенія, которое гарнизонъ Севастополя выдерживаетъ уже болѣе десяти мѣсяцевъ. По мнѣнію его, чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе будетъ нанесенъ ударъ, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ его успѣхъ, такъ какъ союзники находились въ состояніи выгодномъ для насъ и невыгодномъ для нихъ.

— Сардинцы, говорилъ Вревскій, ослаблены холерою и склоны къ дезертированію, турокъ мы всегда били, англичане имѣютъ въ своихъ рядахъ болѣе конскриптовъ, чѣмъ старыхъ солдатъ, а французы въ послѣднихъ стычкахъ и въ особенности при штурмѣ лишились лучшихъ своихъ войскъ: зуавовъ, иностраннаго легіона, венсенскихъ стрѣлковъ и даже гвардіи.

День за днемъ проходило время; разговоры вертѣлись все на одной и той же темѣ, но не приводили ни къ какому результату, а между тѣмъ непріятель все усиливался и ближе и ближе подходилъ къ нашимъ укрѣпленіямъ.

Послѣ неудачнаго штурма союзники снова обратились къ постепенной атакѣ, причемъ имѣли въ виду: 1) пріобрѣсти перевѣсъ надъ артиллеріею оборонительной линіи; 2) приблизиться, по возможности, траншеями къ нашимъ укрѣпленіямъ, и 3) усилить огонь по рейду, что бы не позволить нашимъ пароходамъ занимать выгодныя позиціи.

Руководимые такою цѣлью, англо-французы хотя и весьма медленно, но все-таки подвигались впередъ и заставляли обороняющагося обратить особенное вниманіе на внутреннюю оборону. Послѣдняя хотя и была усилена постройкою нѣсколькихъ новыхъ укрѣпленій, но осада пріобрѣла уже столь значительный перевѣсъ надъ обороною, что возведенныя укрѣпленія не могли обезпечить города отъ паденія.

Къ концу іюля Севастополь представлялъ грустный и тяжелый видъ. Улицы запружены были снарядами и ихъ осколками; земля взрыта бомбами; дома разрушены. Въ самыхъ скрытыхъ мѣстахъ и зданіяхъ шныряли пули; никому не было ни покоя, ни пощады и остряки сравнивали городъ и его защитниковъ съ бревномъ

постепенно подвигаемымъ въ печь, по мѣрѣ того, какъ сгоралъ одинъ изъ его концовъ. Положеніе гарнизона было тяжко и почти невыносимо.

«Непріятель нашъ, писалъ генералъ П. А. Крыжановскій [1]), все подвигается ближе и ближе. Почти по всей линіи траншеи его доходятъ до 80 саженъ отъ нашихъ верковъ; во многихъ мѣстахъ устроены имъ плацдармы для сбора войскъ — по видимому онъ готовится къ новому штурму и ждетъ только прихода новыхъ силъ.

«Близость непріятеля и постоянная перестрѣлка влекутъ за собою, конечно, большія потери. Въ Севастополѣ и на бухтѣ нѣтъ уже точки, на которую не падали бы непріятельскіе снаряды; по самымъ отдаленнымъ отъ бастіоновъ улицамъ города нельзя уже иначе ходить какъ съ акомпаниментомъ бомбъ, ядеръ и даже пуль. Легко изъяснить себѣ можно почему ежедневная убыль въ людяхъ такъ велика. Продолжать подобнаго рода состояніе довольно трудно: невольно желаешь такъ или иначе окончить его, и по славянскому обычаю — или панъ или пропалъ — готовъ сдѣлать coup de tête подобный сдѣланному Пилисье 6-го іюня и полѣзть на Сапунъ гору, которая гораздо болѣе похожа на крѣпость, чѣмъ нашъ Севастополь. Можетъ быть это и безразсудно, но, признаюсь, вся армія желаетъ этого безразсудства потому, что отъ человѣческой натуры нельзя требовать невозможнаго».

Севастополь видимо отживалъ послѣдніе дни и чтобы отсрочить хотя на нѣсколько дней его паденіе необходимо было принять рѣшительныя мѣры и отвлечь вниманіе противника отъ осажденнаго города. Такимъ отвлеченіемъ съ нашей стороны могли быть только одни наступательныя дѣйствія и князю Горчакову оставалось рѣшить вопросъ: когда и въ какомъ направленіи, они должны быть предприняты. Отъ болѣе или менѣе удачнаго рѣшенія этого вопроса зависѣла участь города и положеніе его храбрыхъ защитниковъ. Главнокомандующій не отвергалъ необходимости наступательныхъ дѣйствій, но и не зналъ какъ достигнуть того, чтобы произвести ихъ съ успѣхомъ.

«Я благоговѣю, писалъ Вревскій, предъ огромною отвѣтственностію, которая лежитъ на князѣ Горчаковѣ; часто мнѣ кажется, что онъ готовъ склониться къ наступательному образу дѣйствій, пламенно желаемому арміею и въ особенности гарнизономъ, и мо-

---

[1]) Въ письмѣ А. П. Безаку отъ 14-го іюля 1855 г. Арх. канц. воен. минис., д. № 26.

жетъ быть пошелъ бы съ меньшимъ колебаніемъ по этому пути славы и спасенія, если бы онъ былъ увѣренъ, что будетъ одобренъ Императоромъ.

«Итакъ, писалъ онъ въ другомъ письмѣ, мы должны ожидать скорую бомбардировку, а въ ноябрѣ отдаленной развязки. Въ промежуткѣ мы будемъ жить со дня на день и съ Божіею помощью не будемъ выбиты ни изъ укрѣпленій, ни съ позицій. Но можемъ ли мы атаковать непріятеля съ приходомъ 4-й и 5-й пѣхотныхъ дивизій? вотъ, по моему мнѣнію, жизненный вопросъ.

«Мои убѣжденія должны преклониться передъ великою опытностью (главнокомандующаго), оживляемою горячею преданностію къ Императору и Россіи, но смѣю думать, что они были бы раздѣлены нѣкоторыми лучшими людьми нашей арміи, если бы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію въ военномъ совѣтѣ, подобномъ тому, какой былъ передъ штурмомъ Варшавы».

Получивъ такое заявленіе, а вмѣстѣ съ нимъ и письмо главнокомандующаго, военный министръ возбудилъ два вопроса: *слѣдуетъ ли*, по желанію князя Горчакова, *направить къ Перекопу обѣ гренадерскія дивизіи*, и какой образъ дѣйствій предстоитъ избрать въ Крыму, т. е. *продолжать ли, какъ полагаетъ князь Горчаковъ, пасивную оборону Севастополя, стараясь только выиграть время*, или согласно мнѣнія барона Вревскаго, *перейти въ наступленіе немедленно по прибытіи войскъ 2-го корпуса (4-й и 5-й дивизій) и курскихъ ополченій?*

Входя въ разсмотрѣніе перваго вопроса, князь Долгоруковъ пришелъ къ заключенію о невозможности удовлетворить безотлагательно желанію князя Горчакова относительно направленія въ Крымъ гренадерскихъ дивизій. Въ распоряженіи главнокомандующаго, къ 15-му іюля, находилось, по свѣдѣніямъ о состояніи строевыхъ чиновъ, 152,772 человѣка пѣхоты и моряковъ, 24,512 человѣкъ кавалеріи и 12,230 человѣкъ артиллеріи.

Число это было столь значительно, что при недостаткѣ фуража, о которомъ неоднократно заявлялъ и самъ князь Горчаковъ, предвидѣлась невозможнось прокормить все состоявшее при войскахъ количество скота и лошадей. Съ прибытіемъ же гренадерскихъ дивизій, затрудненіе это неизбѣжно должно было увеличиться. Между тѣмъ, по сдѣланному уже распоряженію, гренадерскія войска служили резервомъ Южной арміи, которая, по чрезвычайно малому составу, не могла, безъ такого подкрѣпленія, охранять обширное пространство отъ устья Днѣпра до устья Дуная. Имѣя въ виду,

что на всемъ южномъ театрѣ войны гренадеры составляли послѣдній надежный резервъ и что они могли прибыть въ Крымъ не ранѣе сентября, военный министръ полагалъ, что гренадеровъ посылать въ Крымъ не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что оставаться въ бездѣйствіи до ихъ прибытія было бы для насъ крайне невыгодно. Но, что же оставалось намъ дѣлать: продолжать-ли пасивную оборону Севастополя, или перейти въ наступленіе? Это были такіе вопросы, рѣшеніе которыхъ въ Петербургѣ военный министръ, по справедливости, считалъ совершенно невозможнымъ, и говорилъ, что только лица, непосредственно участвующія въ дѣйствіяхъ и притомъ на мѣстѣ, могутъ основательно обсудить всѣ стороны этого сложнаго предмета. Отдавая полную дань уваженія высокимъ качествамъ главнокомандующаго и понимая, какъ тяжело ему одному нести всю отвѣтственность въ столь важномъ дѣлѣ [1]), князь Долгоруковъ пришелъ къ тому заключенію, что предложенный вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависятъ результаты всей кампаніи, достоинъ быть предметомъ совѣщанія съ тѣми лицами, которыя, находясь на мѣстѣ, ознакомились вполнѣ съ положеніемъ дѣла и заслуживаютъ довѣріе главнокомандующаго [2]).

Удостоившись получить Высочайшее одобреніе своему мнѣнію военный министръ, на другой же день вечеромъ, 19-го іюля отправилъ письмо, въ которомъ объявилъ князю Горчакову Высочайшую волю, чтобы онъ немедленно собралъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, *военный совѣтъ для обсужденія и окончательнаго рѣшенія предложеннаго вопроса.* На слѣдующій день, 20-го іюля Государь Императоръ писалъ князю Горчакову: «Ежедневныя потери *неодолимаго севастопольскаго гарнизона*, все болѣе и болѣе ослабляющія численность войскъ вашихъ, которыя едва замѣняются вновь прибывающими подкрѣпленіями, приводитъ Меня еще болѣе къ *убѣжденію*, выраженному въ послѣднемъ моемъ письмѣ, *въ необходимости предпринять что либо рѣшительное, дабы положить конецъ сей ужасной бойнѣ*, могущей имѣть, наконецъ, пагубное вліяніе на духъ гарнизона».

«Въ столь важныхъ обстоятельствахъ, дабы облегчить нѣкорымъ образомъ лежащую на васъ отвѣтственность, предлагаю вамъ собрать изъ достойныхъ и опытныхъ сотрудниковъ вашихъ *военный совѣтъ*. Пускай жизненный вопросъ этотъ будетъ въ немъ со всѣхъ

[1]) Письмо военнаго министра князю Горчакову 19 го іюля № 101.

[2]) Высочайше одобренный докладъ военнаго министра, отъ 18-го іюля.

сторонъ обсужденъ, и тогда, призвавъ на помощь Бога, *приступите къ исполненію того, что признается наивыгоднѣйшимъ*».

Еще ранѣе полученія этого письма, князь Горчаковъ самъ пришелъ къ заключенію, что наступленіе необходимо, и что при всей видимой невозможности движеніе впередъ вызывается непреодолимою силою обстоятельствъ.

— Съ прибытіемъ моимъ сюда, говорилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ, я нашелъ непріятеля значительно превышающаго численностію русскія войска. Подступы союзниковъ были уже въ 80 саженяхъ отъ четвертаго бастіона; позиція Сапунъ горы, прикрывающая ихъ тылъ и по природѣ почти неприступная — была ими сильно укрѣплена. Хотя ко мнѣ въ два раза пришли значительныя подкрѣпленія, но не менѣе того, союзники не переставали быть постоянно въ превосходныхъ силахъ, частію по причинѣ новыхъ сикурсовъ, разновременно ими полученныхъ, частію, по причинѣ урона нами постоянно претерпѣваемаго въ большей мѣрѣ, чѣмъ непріятелемъ — что весьма естественно, потому что мы испытали два сильнѣйшія бомбардированія и постоянно подвержены сосредоточенному навѣсному и прицѣльному огню, тогда какъ наша стрѣльба есть разобщенная. Только въ день отбитія штурма, 6-го іюня, уронъ непріятеля былъ значительно сильнѣе нашего. Въ такомъ положеніи дѣлъ, я, по необходимости, долженъ былъ ограничиться одними оборонительными дѣйствіями, особенно потому, что по неприступности позиціи Сапунъ горы, прикрывающей тылъ непріятеля — атака противъ нея можетъ имѣть успѣхъ только при *весьма значительномъ численномъ превосходствѣ*. Оборонительная система, которой мы слѣдовали, принесла большую пользу. Благодаря стойкости русскаго войска и ошибочнымъ дѣйствіямъ непріятеля, намъ удалось удержаться до нынѣ въ Севастополѣ. Пади этотъ городъ два мѣсяца тому назадъ — и это неминуемо послѣдовало бы при иной системѣ дѣйствій — Австрія вѣроятно пристала бы къ союзникамъ, частію отъ боязни, частію въ надеждѣ округлиться на счетъ Россіи. Теперь же, когда значительная часть австрійской арміи распущена, опасность эта миновала и Россія, покрайней мѣрѣ до будущаго года, имѣетъ противъ себя двумя стами, а можетъ быть и пятью-стами тысячами менѣе непріятельскаго войска, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы мы не отстояли Севастополя. Но мы понесли при семъ весьма значительный уронъ и, не взирая на всѣ усилія наши, непріятель подвелъ свои апроши весьма близко къ бастіонамъ № 1, 2, 3, 4 и 5-го. Послѣдствіемъ подобнаго сближенія то, что въ ско-

ромъ времени Севастополь вѣроятно не будетъ въ состояніи отразить хорошо поведеннаго штурма; а изъ сего проистекаетъ необходимость для насъ перейти къ наступленію при первой возможности, не ожидая того времени, когда числительное превосходство будетъ на нашей сторонѣ, потому что сильнѣе непріятеля мы можемъ быть не прежде какъ осенью, а Севастополь будетъ вѣроятно доведенъ до опасности быть взятымъ посредствомъ штурма, не позже какъ черезъ двѣ, или три недѣли. *По этимъ уваженіямъ необходимо перейти къ наступленію, не смотря на невыгодныя условія при которыхъ оно будетъ производиться.*

Чтобы сколько нибудь уменьшить невыгоды нашего положенія, князь Горчаковъ рѣшился выждать прибытія 4-й, 5 и 7-й резервной дивизій, такъ какъ безъ ихъ содѣйствія не признавалъ возможнымъ атаковать непріятеля.

— Это значило-бы, говорилъ онъ, идти на явную неудачу, послѣдствіемъ коей была бы потеря Севастополя. Съ приходомъ же сихъ дивизій, я перейду въ наступленіе, разсчитывая, что если непріятель и получитъ до 20-тыс. новаго сикурса, то всетаки превосходство его будетъ менѣе чѣмъ теперь. Притомъ приходъ нашихъ дивизій вѣренъ, а прибытіе непріятельскихъ 20-тыс. подлежитъ еще сомнѣнію.

Предполагая перейти въ наступленіе въ началѣ августа [1]), князь Горчаковъ нѣсколько разъ лично осматривалъ мѣстность и непріятельскую позицію [2]). Взвѣсивъ всѣ обстоятельства, которыя должны были сопровождать наступленіе, главнокомандующій пришелъ къ тому заключенію, что, при тѣхъ силахъ, которыми мы могли располагать, сбить непріятеля съ Сапунъ-горы не было никакой возможности, даже и при совокупномъ дѣйствіи со стороны рѣки Черной и изъ Севастополя, и что при предстоящемъ наступленіи необходимо ограничиться попыткою оттѣснить непріятеля съ позиціи, занимаемой главными силами обсерваціонной арміи, т. е. овладѣть Федюхиными высотами и Гасфортовою горою. Занятіе этихъ двухъ высотъ могло имѣть для насъ важныя послѣдствія: мы стѣсняли непріятеля, лишали его обильнаго водопоя, могли заставить очистить Байдарскую долину, въ которой онъ запасался дровами, пользовался подножнымъ кормомъ, и, наконецъ, находясь вблизи Сапунъ-горы, постоянно угрожали бы ему нападеніемъ.

[1]) Время это избрано потому что хвостъ трехъ дивизій (4-ой, 5-ой и 7-ой) прибывалъ къ Севастополю не ранѣе какъ 22-го іюля.

[2]) Письмо барона Вревскаго военному министру 21-го іюля.

Союзникамъ трудно было бы тогда двинуть на штурмъ всѣ свои силы, при опасеніи быть атакованными въ тылъ. Но князь Горчаковъ не увлекался и не расчитывалъ на такія блестящія послѣдствія. «Не должно, писалъ онъ [1]), обманывать себя. За успѣхъ и этой атаки ручаться невозможно. Хотя помянутая позиція непріятеля несравненно слабѣе позиціи Сапунъ-горы, однако-же, она довольна сильна и непріятель, если будетъ дѣйствовать благоразумно, противопоставитъ намъ на ней превосходное число войскъ».

— Сколь атаки отъ Черной и отъ Корниловскаго бастіона (Малахова-кургана) не опасны, говорилъ онъ, но не остается ничего другаго какъ рѣшиться на нихъ, держась правила изъ худаго выбирать менѣе вредное и болѣе совмѣстное съ достоинствомъ русскаго оружія. Переходя къ наступленію мы постараемся сдѣлать все, что возможно ожидать отъ войска, вынужденнаго, — по обстоятельствамъ отъ него независящимъ,—къ неровному бою, противъ непріятеля превосходнаго численностію и занимающаго сильныя позиціи.

Независимо отъ весьма затруднительнаго положенія, въ которомъ находилась крымская армія у Севастополя, главнокомандующаго все еще безпокоила высадка у Перекопа. Остановивъ тамъ десять дружинъ ополченія, онъ считалъ ихъ недостаточными для отраженія непріятеля въ значительныхъ силахъ и вновь просилъ придвинуть къ Перекопу 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи. Присутствіе ихъ у этого пункта онъ считалъ необходимымъ во первыхъ, какъ обезпеченіе своего тыла, а во вторыхъ, чтобы при первой надобности имѣть возможность двинуть ихъ къ Севастополю.

Необходимость въ такомъ передвиженіи должна была представиться весьма скоро. Занятіе нами однѣхъ только Федюхиныхъ и Гасфортовыхъ высотъ, не обезпечивало еще окончательно Севастополь отъ штурма и паденія. Это былъ лишь первый шагъ къ его спасенію. Только одновременнымъ занятіемъ Сапунъ-горы и редута Викторіи, мы могли достигнуть положительнаго успѣха, возстановить утраченное сухопутное сообщеніе съ гарнизономъ, и, взявъ во флангъ непріятельскія работы, противъ оборонительной линіи, стать въ положеніе преобладающее. Для достиженія такихъ результатовъ очевидно, необходимо было новое усиленіе Крымской арміи. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, овладѣли-ли бы мы Федюхиными высотами, отбили-ли бы штурмъ, или достигли-бы иныхъ благопріят-

---

[1]) Во всеподданнѣйшей запискѣ о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ отъ 21-го іюля.

ныхъ результатовъ, крымская армія должна была понести огромныя потери и подкрѣпленіе ея двумя свѣжими дивизіями было необходимо: безъ этого дальнѣйшія наступательныя дѣйстія наши становились невозможными.

«По долгу чести и вѣрноподданнической присяги, присовокуплялъ князь Горчаковъ [1]), я считаю обязанностію повергнуть всѣ вышеизложенныя соображенія къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества. Я не дерзаю просить безусловнаго разрѣшенія ввести 2-ю и 3-ю гренадерскія дивизіи далѣе окрестностей Перекопа; но смѣю доложить, что немедленный приводъ ихъ къ сему пункту, можетъ возъимѣть самыя важныя послѣдствія, если мнѣ будетъ дозволено держать ихъ у этого пункта, для охраненія перешейка, и двинуть къ Севастополю въ томъ случаѣ, когда по обстоятельствамъ сближеніе ихъ сюда доставитъ возможность, съ большею вѣроятностію на успѣхъ, предпринять дѣйствія, послѣдствіемъ коихъ было-бы снятіе осады Севастополя. Этимъ однимъ намъ можно надѣяться выйдти изъ крайне труднаго положенія, въ которомъ находимся столь долгое время, и кончить кампанію съ большею славою для оружія Вашего Императорскаго Величества и съ неисчисленными выгодами для будущности Россіи.

Въ такомъ положеніи было дѣло, когда 27 іюля князь Горчаковъ получилъ повелѣніе собрать военный совѣтъ. На слѣдующій день большинство лицъ приглашенныхъ на совѣщаніе высказалось за наступленіе. Главнокомандующій склонился на сторону большинства потому, что, по его мнѣнію, цѣль кампаніи состояла для насъ въ сохраненіи Севастополя какъ можно долѣе, а для союзниковъ— въ занятіи его хотя бы временно. Стараясь отдалить торжество непріятеля и представляя на Высочайшее благоусмотрѣніе мнѣнія членовъ совѣта, князь Горчаковъ писалъ [2]): «Польза оставленія южной части Севастополя, собственно въ военномъ отношеніи, столь очевидна, что нѣкоторые изъ членовъ совѣта выразили ее въ своихъ мнѣніяхъ. Смѣю завѣрить Ваше Величество, что они сдѣлали это единственно по чувству долга и вѣрноподданнической присяги. Согласно съ Высочайшими видами Вашими и по собственному убѣжденію, я нахожу, что хотя обстоятельства и могутъ повлечь за собою можетъ быть и въ скоромъ времени, необходимость очистить южную часть Севастополя, но что время для сего еще не настало, и

---

[1]) Во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 21-го іюля 1855 г.

[2]) Во всеподд. письмѣ отъ 30 іюля. Арх. канц. воен. минист. д. № 41. Ч. II.

что прежде чѣмъ приступить къ этой крайности, надобно испытать не помогутъ-ли дѣлу наступательныя дѣйствія въ полѣ, нашими свободными войсками. Конечно и первоначальный успѣхъ со стороны Черной рѣки, если Богъ намъ его даруетъ, мало поможетъ Севастополю, но послѣ подобнаго успѣха, дальнѣйшія выгодныя обстоятельства могутъ развится въ нашу пользу и покрайней мѣрѣ будетъ предпринято и исполнено возможное» [1]).

Итакъ, вотъ при какихъ условіяхъ было рѣшено наступленіе и состоялось, 4-го августа, сраженіе на р. Черной. Мы не коснемся подробностей боя, такъ какъ описаніе его составляетъ одну изъ лучшихъ страницъ исторіи «Восточной войны».

Сраженіе это было неудачно отчасти и потому, что кн. Горчаковъ, приступая къ нему, не имѣлъ достаточно энергіи и, вступая въ бой разсчитывалъ на неудачу, а не на успѣхъ.

Наступалъ канунъ боя. Былъ прекрасный вечеръ. Главнокомандующій, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта Вревскаго, прибылъ верхомъ съ инкерманской позиціи на Мекензіеву гору. Онъ находился въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, ѣхалъ молча и ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Тяжкія думы тяготили его душу—онъ не разсчитывалъ на успѣхъ. Утромъ, 3-го августа, кн. Горчаковъ писалъ военному министру: «C'est demain que je commence à régler les comptes de l'héritage que m'a légué le P. Menchikoff».

«Я наступаю противъ непріятеля, писалъ онъ въ тотъ же день въ другомъ письмѣ кн. Долгорукову, потому что, если бы я не сдѣлалъ этого, Севастополь былъ бы всетаки потерянъ въ самое короткое время. Непріятель дѣйствуетъ медленно и осмотрительно; онъ собралъ баснословное количество снарядовъ на своихъ батареяхъ—это видно простымъ глазомъ. Подступы его стѣсняютъ насъ все болѣе и болѣе и почти нѣтъ мѣста въ Севастополѣ, которое не было бы подвержено его выстрѣламъ. Пули свищутъ на Николаевской площади. Нечего себя обманывать, я атакую непріятеля при скверныхъ условіяхъ. Его позиція очень сильна: на правомъ его флангѣ нахо-

---

[1]) Въ тотъ же день онъ писалъ военному министру. Faites des voeux pour nous, car notre position est extrêmement difficile. J'en ai trop souvent développé les raisons pour revenir encore sur cet objet. Ce n'est pas ma faute si les affaires sont arrivées au point où elle en sont. J'ai différé jusqu'à présent de risquer mon dernier enjeu et en cela je crois avoir bien mérité. Mais maintenant il n'y a plus à balancer. Le plan que j'adopte me parait le seul qui puise offrir quelques chances de réussite. Si l'affaire manque, il faudra songer à évacuer Sévastopol. См. Арх. канцеляріи военнаго министерства, дѣло № 1/9.

дится Гасфортова гора, почти отвѣсная и сильно укрѣпленная; на лѣвомъ—Федюхины высоты, передъ которыми течетъ глубокій каналъ съ каменными одеждами, наполненный водою и черезъ который невозможно переправиться иначе, какъ по мостикамъ, накидываемымъ подъ огнемъ непріятеля, дѣйствующаго въ упоръ.

«У меня нѣтъ воды, чтобы оставаться противъ непріятеля 24 часа времени У меня 43,000 пѣхоты [1]) и если у непріятеля есть здравый смыслъ, то онъ выставитъ противъ меня 60,000 человѣкъ.

«Если счастіе—на которое я надѣюсь весьма мало—будетъ мнѣ благопріятствовать, я постараюсь воспользоваться успѣхомъ, а въ противномъ случаѣ необходимо покориться волѣ Божіей. Я отойду на высоты Мекензи и постараюсь очистить Севастополь съ возможно-меньшими потерями. Надѣюсь, что мостъ черезъ бухту будетъ готовъ во-время и облегчить мои дѣйствія.

«Прошу васъ припомнить данное мнѣ обѣщаніе—оправдать меня въ свое время. Если дѣла примутъ дурной оборотъ—вина не моя. Я сдѣлалъ все, что возможно, но со времени моего прибытія въ Крымъ, задача была слишкомъ трудна».

На Мекензіевой горѣ князь Горчаковъ долго бесѣдовалъ съ начальниками отдѣльныхъ частей и въ особенности съ генераломъ Липранди.

— Ну-съ, сказалъ онъ, затѣмъ, обращаясь къ барону Вревскому теперь пора и отдохнуть.

— Я завидую вашему сіятельству, отвѣчалъ баронъ; нѣсколько часовъ отдѣляютъ васъ отъ дня вашей славы.

— Что вы говорите? сурово спросилъ князь и потомъ отвѣтилъ: я знаю, что меня ожидаетъ завтра—прощайте.

Присутствовавшіе разошлись. Что ожидало каждаго изъ нихъ завтра, извѣстно было только одному Творцу. Главнокомандующій всю ночь провелъ въ молитвѣ, стоя на колѣнахъ передъ образомъ Смоленской Божіей Матери.

«Наканунѣ этихъ событій, писалъ баронъ Вревскій военному министру [2]), быть можетъ рѣшительныхъ, позвольте вамъ сказать, положа руку на сердце, что если Богу будетъ угодно и князь Горчаковъ погибнетъ въ этомъ дѣлѣ, то честь нашего оружія тре-

---

[1]) На самомъ дѣлѣ войска, собранныя для атаки непріятельской позиціи, состояли изъ 47,622 человѣкъ пѣхоты, 10,263 чел. кавалеріи и 272 орудій.

[2]) Въ письмѣ отъ 2-го августа 1855 г.

буетъ, чтобы преемникомъ ему былъ назначенъ человѣкъ энергичный и рѣшительный — словомъ генералъ Лидерсъ».

Писавши эти строки, баронъ Вревскій не предчувствовалъ, что не князю Горчакову, а ему суждено было сложить свою голову въ долинѣ рѣки Черной.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ сраженія 4-го августа было открытіе союзниками новаго, почти трехнедѣльнаго бомбардированія, окончившагося штурмомъ Севастополя. На всѣхъ пунктахъ, кромѣ Малахова кургана, наши войска одержали успѣхъ надъ непріятелемъ и вечеромъ того же дня, совершивъ блестящее отступленіе на сѣверную сторону рейда, оставили непріятелю одни развалины города.

Такъ кончилась геройская защита славнаго города и авторъ «Исторіи Восточной войны», переходитъ, затѣмъ, къ описанію дѣйствій на другихъ театрахъ войны.

Со дня оставленія нами Севастополя и до заключенія мира дѣйствія въ Крыму не заключали въ себѣ ничего важнаго; дѣятельность же союзнаго флота въ Черномъ морѣ ограничилась занятіемъ Кинбурна—пункта почти неукрѣпленнаго. Что же касается до дѣйствій англо-французовъ въ Балтійскомъ морѣ, то они были далеко не блестящи.

Недовольные результатами экспедиціи 1854 года, союзники снарядили въ 1855 году флотъ изъ 67 судовъ, съ цѣлью подвергнуть строгой блокадѣ балтійскіе порты и дѣйствовать противъ укрѣпленныхъ городовъ и нашихъ морскихъ силъ.

Въ половинѣ мая главныя силы англо-французовъ появились въ виду Кронштадта, надѣясь выманить въ море стоявшій тамъ русскій флотъ. Не дождавшись его выхода и убѣдившись, что кронштадтскія укрѣпленія значительно усилены, и что во многихъ мѣстахъ заложены мины, англо-французы принуждены были ограничиться набѣгами легкихъ судовъ на различныя мѣста финскаго прибрежья, для раззоренія жителей и казенныхъ зданій.

Между тѣмъ во Франціи строились особыя плавучія батареи, на которыя союзники возлагали большія надежды. Въ ожиданіи ихъ прибытія, желая ознаменовать какимъ-либо подвигомъ предстоявшій пріѣздъ въ Парижъ королевы Викторіи, союзные адмиралы рѣшились предпринять бомбардированіе Свеаборга. Усилившись прибытіемъ новыхъ судовъ, англо-французскій флотъ въ числѣ 75 вымпеловъ, подошелъ 25-го іюля къ Свеаборгу, и въ восемь часовъ утра 28-го іюля открылъ огонь по крѣпости. Послѣ 45 часоваго

бомбардированія, союзные адмиралы рѣшились прекратить его, во-первыхъ, потому, что кромѣ разрушенія строеній не могли нанести крѣпости никакого вреда, а во-вторыхъ, потому, что большая часть мортиръ и бомбардъ атакующаго, отъ собственной стрѣльбы, пришла въ совершенную негодность.

«По возвращеніи союзнаго флота къ Наргену, говоритъ М. И. Богдановичъ, контръ-адмиралы Дундасъ и Пено, считая кампанію оконченною, довольствовались высылкою легкихъ судовъ къ различнымъ пунктамъ Финскаго и Ботническаго заливовъ; эти экспедиціи не имѣли — да и не могли имѣть — никакихъ результатовъ, кромѣ раззоренія построекъ и случайнаго истребленія мирныхъ жителей; съ войсками же нашими у союзниковъ не произошло ни одной замѣчательной встрѣчи. Въ началѣ (половинѣ) августа были отправлены въ Англію и Францію всѣ пришедшія въ негодность бомбарды; затѣмъ, постепенно уходили прочія суда, такъ что въ началѣ ноября оставалась у Наргена лишь небольшая эскадра, да и та, при наступленіи первыхъ морозовъ, отплыла къ Килю».

Такимъ образомъ, бомбардированіе Свеаборга было единственнымъ вознагражденіемъ за четырехъ мѣсячное содержаніе флота въ Балтійскомъ морѣ, стоившее одной Англіи не менѣе 250 милліоновъ франковъ (до 75 милліоновъ рублей).

Въ концѣ 1854 года генералъ-адъютантъ Н. Н. Муравьевъ былъ назначенъ намѣстникомъ кавказскимъ и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ. Не смотря на побѣды, одержанныя нашими войсками, дѣла на Кавказѣ находились въ довольно затруднительномъ положеніи. Турки дѣлали значительныя приготовленія къ новому походу. Побуждаемые союзниками, они собирали войска въ Эрзерумѣ и, съ помощью иностранныхъ инженеровъ, укрѣпляли Карсъ, снабжая его продовольственными и боевыми припасами. Съ другой стороны, Шамиль угрожалъ вторженіемъ въ Закавказье и заставлялъ насъ, для противодѣйствія его намѣреніямъ, удерживать часть войскъ, необходимыхъ для его отраженія. «Такимъ образомъ, въ это время, болѣе нежели когда-либо, надлежало принять мѣры для противодѣйствія горскимъ полчищамъ; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, для имѣвшихся въ виду наступательныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, было необходимо усилить войска, стоявшія на турецкой границѣ».

Какъ только генералъ Муравьевъ прибылъ на кавказскую линію, онъ тотчасъ же отправилъ въ Закавказье восемь баталіоновъ резервной кавказской дивизіи, съ двумя пѣшими батареями и три

донскихъ казачьихъ полка, съ донскою казачьею батареею. Сверхъ того, изъ полковъ, расположенныхъ на кавказской линіи, были высланы люди на усиленіе частей войскъ, отправленныхъ въ предыдущемъ году въ Закавказье.

Въ маѣ 1855 года войска, назначенныя въ составъ дѣйствующаго отряда, собрались: *главныя силы*, въ числѣ 24,500 человѣкъ съ 76 орудіями, подъ начальствомъ генералъ лейтенанта Бриммера, въ Александрополѣ; *отрядъ праваго крыла*, до 10,200 человѣкъ съ 16 орудіями, подъ командою генералъ-лейтенанта Ковалевскаго —въ Ахалцихѣ и Ахалкалакахъ, и *лѣваго крыла*, въ числѣ до 5,000 человѣкъ при восьми орудіяхъ, подъ начальствомъ генаралъ-маіора Суслова—въ Эриванской губерніи, у подошвы Арарата.

Въ это время силы непріятеля были расположены: до 20,000 турокъ находилось въ Карсѣ; до 6,000 человѣкъ—въ долинѣ верхняго Ефрата, у Сурбъ Оганеса; около 1,500 человѣкъ—въ Эрзерумѣ; небольшіе отряды стояли въ Ардаганѣ, Ольтѣ и Кагызманѣ, и, наконецъ, отдѣльный Батумскій корпусъ, силою въ 15,000 человѣкъ, былъ разбросанъ по берегу Чернаго моря до Сухума. Бо́льшая часть пѣхоты и артилеріи состояла изъ регулярныхъ, хорошо организованныхъ и вооруженныхъ войскъ; что же касается до кавалеріи, то она была на тощихъ лошадяхъ, вооружена плохими карабинами и бракованными саблями.

Не смотря на то, что въ анатолійской арміи были собраны лучшія войска, турки и не помышляли о вторженіи въ наши предѣлы. Они заботились лишь объ оборонѣ Карса и границы до Баязета, т. е. о прикрытіи путей, ведущихъ къ Эрзеруму. Карсъ и Эрзерумъ были такими, именно, пунктами, противъ которыхъ должны были быть обращены главныя дѣйствія русской арміи, и генералъ Муравьевъ предполагалъ: 1) стать на главномъ сообщеніи Карса съ Эрзерумомъ и окружить первую крѣпость посредствомъ движенія сильныхъ конныхъ отрядовъ съ артиллеріею; 2) занять крѣпость Ардаганъ и городъ Кагызманъ; 3) лишить непріятеля продовольственныхъ запасовъ, собранныхъ въ селеніяхъ на пути къ Эрзеруму и 4) неожиданнымъ и быстрымъ движеніемъ части дѣйствующаго корпуса, вмѣстѣ съ эриванскимъ отрядомъ, атаковать Вели-пашу, стоявшаго у Баязета съ отрядомъ въ 12,000 человѣкъ. На основаніи этихъ соображеній, главнокомандующій приказалъ генералу Ковалевскому двинуться на Ардаганъ на соединеніе съ главными силами, а генералу Суслову наступать по долинѣ верхняго Ефрата.

30-го мая Ковалевскій занялъ Ардаганъ и вошелъ въ сообщеніе

съ главными силами, перешедшими 3-го (15-го) іюня въ окрестности Агджы-Кала и Заима. Здѣсь сосредоточено было 21,200 человѣкъ пѣхоты, 3,000 регулярной и 3,000 иррегулярной кавалеріи, съ 88 орудіями. Отправивъ затѣмъ отрядъ Ковалевскаго обратно въ Ахалкалаки и поручивъ ему охранять границу и ввести управленіе въ занятыхъ нами турецкихъ санджакахъ, Муравьевъ съ остальными силами предпринялъ фланговое движеніе, отъ Агджы-Кала къ селенію Махараджихъ, для угроженія сообщеніямъ карскаго гарнизона съ Эрзерумомъ.

Къ вечеру 6-го (18-го) іюня войска и обозы собрались въ лагерѣ у Махараджиха въ полупереходѣ отъ Карса. Турки оставались покойными во все время фланговаго марша, и выслали свою кавалерію только тогда, когда войска наши расположились уже на позиціи.

«Проливные дожди, пишетъ М. И. Богдановичъ, начавшіеся вскорѣ по прибытіи русскихъ войскъ къ Махараджиху, продолжались цѣлую недѣлю. Весь лагерь обратился въ болото, а рѣка Карсъ-чай, отъ таянія снѣговъ на Саганлугѣ, выступила изъ береговъ и затопила равнину. Дальнѣйшее движеніе главныхъ силъ на сообщенія непріятеля было весьма затруднительно; но поиски легкихъ отрядовъ по эрзерумской дорогѣ производились ежедневно».

Въ половинѣ іюня погода прояснилась и 16-го (28-го) числа войска дѣйствующаго отряда перешли къ селенію Каны-кёвъ, въ 12 верстахъ къ югу отъ Карса. Хотя около этого времени генералъ Муравьевъ и получилъ письмо военнаго министра, въ которомъ излагалась воля Императора, «чтобы наступательныя дѣйствія были направлены къ скорѣйшему достиженію рѣшительныхъ успѣховъ», онъ все-таки не призналъ возможнымъ неотлагательно штурмовать Карсъ, а предпочелъ обложить его. Постепенно стѣсняя кругъ дѣйствій карскаго гарнизона, генералъ Муравьевъ приступилъ къ полному обложенію крѣпости и съ 1-го августа главныя силы были расположены у развалинъ селенія Чифтликая, по обѣ стороны Карсъ-чая. На лѣвой сторонѣ и примыкая правымъ флангомъ къ рѣкѣ, а лѣвымъ къ селенію Тамры находился отрядъ генерала Ковалевскаго (16 баталіоновъ, 2 роты саперовъ, 2 роты стрѣлковаго баталіона, одна казачья сотня и 4 батареи). На правой сторонѣ рѣки, упираясь лѣвымъ флангомъ въ скалистый берегъ, стояли войска генерала Бриммера (18 баталіоновъ, 2 роты саперовъ, 2 роты стрѣлковаго баталіона, 4 эскадрона драгуновъ, сотня казаковъ и 7 сотенъ милиціи съ 4 батареями). Въ четырехъ верстахъ отъ лагеря

у селенія Каны-кёвъ, расположенъ былъ вагенбургъ, а впереди верстахъ двухъ отъ лагеря и у селеній Хадживали и Меликъ-кёвъ, были расположены кавалерійскіе отряды, подъ начальствомъ графа Нирода, полковника Едигарова и генералъ-маіора Бакланова. Небольшіе отряды стояли у озера Айгеръ-гель, селеній Омеръ-ага, Хопанлы и у подошвы Саганлуга.

Всѣ эти отряды, охватывая Карсъ кругомъ на протяженіи 50 верстъ, связывались между собою разъѣздами и скоро «сообщеніе обложенной крѣпости съ окрестною страною было почти совершенно прервано». Только одиночные люди иногда успѣвали прокрадываться на сѣверо-западную сторону Карса, «гдѣ способствовала тому гористая мѣстность, либо по восточную сторону крѣпости, пользуясь промежуткомъ на безводной равнинѣ между отрядами Бакланова и графа Нирода, гдѣ не было возможности поставить достаточно сильный наблюдательный отрядъ».

Со времени тѣснаго обложенія крѣпости, всѣ попытки непріятельскихъ фуражировъ были безуспѣшны. Запертая въ Карсѣ непріятельская кавалерія, не принося никакой пользы гарнизону, увеличивала только число состоящихъ на продовольствіи людей и лошадей, и потому турки рѣшились выслать ее изъ крѣпости скрытно по частями. Попытка эта не увѣнчалась успѣхомъ и лишь одной первой партіи въ 300 человѣкъ удалось уйти изъ Карса, но затѣмъ, блокада крѣпости была еще болѣе стѣснена нами.

Между тѣмъ, генералъ Муравьевъ узналъ отъ лазутчиковъ, что Омеръ-паша, высадившись въ Батумѣ, намѣренъ двинуться на помощь Карсу, а вслѣдъ затѣмъ 12-го сентября получилъ извѣстіе объ оставленіи Севастополя. Предполагая, что Омеръ-паша могъ собрать отъ 35,000 до 40,000 довольно хорошаго войска, главнокомандующій видѣлъ въ этомъ движеніи желаніе заставить насъ или ослабить блокадный корпусъ, или даже снять блокаду Карса и въ такомъ случаѣ всѣ наши труды остались бы напрасны. «Единственнымъ средствомъ, говоритъ авторъ «Восточной войны», предупредить столь невыгодный исходъ дѣла, былъ штурмъ Карса. Уничтоживъ армію, обложенную въ крѣпости, не трудно было справиться со вспомогательнымъ корпусомъ. Повидимому, всѣ обстоятельства ручались въ успѣхѣ этого предпріятія: изнуреніе карскаго гарнизона и превосходное состояніе нашего дѣйствующаго корпуса; общее желаніе всѣхъ и каждаго довершить труды цѣлой кампаніи рѣшительнымъ ударомъ и блистательно отмстить за паденіе Севастополя, и постоянныя удачи при каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ».

Рѣшаясь на штурмъ, Муравьевъ собралъ 15-го (27-го) сентября военный совѣтъ, большинство членовъ котораго согласилось съ мнѣніемъ главнокомандующаго о необходимости штурма. 17-го (29 го) сентября, наши войска штурмовали Карсъ, но принуждены были отступить съ весьма значительною потерею, простиравшеюся до 6,500 человѣкъ.

Неудавшійся штурмъ не измѣнилъ относительнаго положенія двухъ противниковъ. Хотя въ нашемъ лагерѣ и считали кампанію оконченною, но генералъ Муравьевъ думалъ иначе и сдѣлалъ распоряженіе объ усиленіи блокады, и пополненіи потери въ рядахъ дѣйствующаго корпуса. Призвавъ къ себѣ полковника Лорисъ-Меликова, главнокомандующій спросилъ его: есть ли возможность имѣть топливо и фуражъ на два мѣсяца? и получилъ утвердительный отвѣтъ. Во время доклада Лорисъ-Меликова прибылъ къ главнокомандующему генералъ Бриммеръ.

— Въ которомъ часу, завтра, прикажите выступать войскамъ? спросилъ онъ такимъ тономъ, какъ будто послѣ отбитаго штурма не могло быть и рѣчи о продолженіи осады.

— Прикажите Эдуардъ Владиміровичъ, отвѣчалъ хладнокровно Муравьевъ, усилить всѣ посты блокирующіе крѣпость.

— Кто же будетъ кормить насъ? спросилъ Бриммеръ.

Муравьевъ указалъ на Лорисъ-Меликова.

«По мѣрѣ того, пишетъ М. И. Богдановичъ, какъ усиливался нашъ дѣйствующій корпусъ, слабѣлъ гарнизонъ Карса отъ голода и холеры, которая въ осажденной крѣпости была губительнѣе, нежили въ нашемъ лагерѣ».

Наступила осень, и положеніе гарнизона стало особенно тягостно: солдаты не получали мясной пищи; бульонъ изъ конины раздавался только больнымъ и людямъ, которымъ приходилось стоять ночью на часахъ. Турки вырывали изъ земли коренья и лошадиные трупы, которые и употребляли въ пищу. Безпрестанныя ложныя тревоги, которыя производили наши охотники, еще болѣе изнуряли осажденныхъ. Видя безвыходное положеніе карскаго гарнизона, англійскій генералъ Вилліамсъ, руководившій обороною, рѣшился собрать военный совѣтъ, на которомъ постановлено было вступить въ переговоры съ русскимъ главнокомандующимъ.

12-го (24-го) ноября прибылъ въ нашъ лагерь въ званіи парламентера адъютантъ Вилліамса съ просьбою назначить время для свиданія. Муравьевъ просилъ англійскаго генерала пріѣхать къ нему на другой день въ 12 часовъ.

13-го ноября состоялась первое свиданіе въ домикѣ главнокомандующаго.

— Я человѣкъ прямой и искренній, сказалъ Вилліамсъ; лгать не умѣю; не буду хвалиться изобиліемъ нашего продовольствія и не стану скрывать отъ васъ бѣдственное положеніе, въ которомъ находится гарнизонъ Карса. Какъ честный человѣкъ, я исполнилъ свою обязанность до послѣдней возможности; но теперь уже у меня не достаетъ къ тому способовъ. Войско изнурено до крайности, мы теряемъ отъ голода до 150 человѣкъ въ сутки; точно также гибнутъ и городскіе жители. Помощи намъ ожидать неоткуда; хлѣба у насъ осталось только на три дня. Движимый человѣколюбіемъ, я прибылъ къ вамъ, съ согласія нашего главнокомандующаго Вассифа-паши, предложить сдачу Карса, предоставляя условія на ваше великодушіе.

Муравьевъ отвѣчалъ, что какъ Вилліамсъ предложилъ свиданіе, то имъ же должны быть выражены и условія сдачи крѣпости. Послѣ предварительныхъ совѣщаній заключены были слѣдующія условія: 1) крѣпость сдается съ полнымъ вооруженіемъ, а гарнизонъ, сложивъ на указанномъ мѣстѣ оружіе, отправится по назначенію русскаго главнокомандующаго. Въ уваженіе мужественной защиты офицеры сахраняютъ при себѣ оружіе; 2) частное имущество, памятники, и городскія зданія остаются неприкосновенными, и 3) милиція и нестроевые чины арміи будутъ отпущены по домамъ, съ обязательствомъ не сражаться противъ русскаго Императора.

16-го (28-го) ноября послѣдовала сдача крѣпости, вслѣдъ затѣмъ занятой нашими войсками.

Сдача Карса была послѣднимъ актомъ Восточной войны, тянувшейся почти три года и окончившейся Парижскимъ миромъ, заключеннымъ 18 марта 1856 года. Война эта изгладила слѣды священнаго союза, возвысила вліяніе Франціи на дѣла Европы и ввела Турцію въ «ареопагъ европейскихъ державъ».

«Но едва прошло нѣсколько лѣтъ, справедливо замѣчаетъ авторъ въ концѣ своей книги, какъ исчезли всѣ послѣдствія войны. Согласіе трехъ сѣверо-восточныхъ имперій оказалось необходимымъ для сохраненія общаго мира; Франція дорого поплатилась за эфемерные успѣхи своего властителя; а Турція, всемѣрно уклонявшаяся отъ вліянія Россіи, попала подъ опеку нѣсколькихъ державъ, которая едва-ли можетъ спасти ее отъ разрушенія — неизбѣжнаго слѣдствія внутреннихъ неустройствъ и безпорядковъ. Восточный вопросъ — вопросъ времени: его развязку можно отстрочить, но отстранить ее никто не въ силахъ».

Такъ оканчиваетъ авторъ свою исторію «Восточной войны». Слѣдя за его разсказомъ, мы останавливались преимущественно на тѣхъ мѣстахъ, которыя, по нашему мнѣнію, требовали болѣе полной обрисовки событій. Мы дозволили себѣ это только потому, что сочиненіе М. И. Богдановича заслуживаетъ полнаго вниманія, имѣетъ несомнѣнныя достоинства и можетъ быть вполнѣ отнесено къ числу сочиненій, которыя, во-первыхъ, соотвѣствуютъ современнымъ требованіямъ, а во-вторыхъ, восполняютъ тотъ пробѣлъ, который ощущался въ нашей военной литературѣ.

Досихъ поръ послѣдняя не имѣла общаго очерка борьбы Россіи съ Турціею и западными державами и полная исторія «Восточной войны» явилась впервые въ изложеніи М. И. Богдановича.

Почтенный авторъ, за исключеніемъ исторіи обороны Севастополя, не имѣлъ путеводителя и долженъ былъ самъ прокладывать себѣ путь, среди многочисленнаго и весьма разнообразнаго матеріала. Оцѣнка послѣдняго вполнѣ зависѣла отъ личныхъ взглядовъ автора. Взгляды на достоинство и важность источника, даже на самыя событія могутъ быть различны и слагаются подъ впечатлѣніемъ характера и обилія источниковъ. Владѣя послѣдними, въ бо́льшей или меньшей степени, авторъ можетъ останавливаться или на описаніи лишь однихъ фактовъ, или же, вмѣстѣ съ тѣмъ, изслѣдовать и причины вызвавшія совершившіяся событія. Восточная война, М. И. Богдановича, можно сказать, принадлежитъ къ первой категоріи.

Придерживаясь преимущественно фактической, спеціально-военной стороны авторъ, за весьма немногими исключеніями, сообщаетъ точныя данныя о численности и составѣ войскъ. Описаніе хода дипломатическихъ переговоровъ, военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, въ Балтійскомъ, Бѣломъ и Черномъ моряхъ и въ Тихомъ океанѣ, совершенно ново и основано на неизданныхъ документахъ. Въ особенности удачно изложеніе военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи. Владѣя частными записками и пользуясь указаніями многихъ участниковъ этой кампаніи, авторъ имѣлъ возможность охарактеризовать событія и лицъ и поставить ихъ въ то положеніе, въ которомъ они дѣйствительно находились.

Вообще характеристика дѣятелей и біографическія о нихъ свѣдѣнія придаютъ сочиненію характеръ жизненности и въ этомъ отношеніи исторія «Восточной войны» не подлежитъ никакому упреку. Большая часть сраженій описана авторомъ подробно и притомъ сообщено много новыхъ свѣдѣній. Приводя въ своемъ

сочиненіи многіе документы, досихъ поръ неизданные и не всѣмъ доступные, М. И. Богдановичъ не отвергаетъ и иностранныхъ писателей. Сличая показанія двухъ противныхъ сторонъ и устраняя противорѣчія въ нихъ встрѣчающіяся, авторъ достигъ того, что достоинства его сочиненія превышаютъ замѣченные мною недостатки. Поэтому я считаю долгомъ просить Академію наукъ благосклонно отнестись къ сочиненію М. И. Богдановича и удостоить его преміи графа Уварова, которой оно заслуживаетъ.

ЗАМѢЧЕНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
19	6	l'ont soit	l'on sait
50	21	печи	печи
56	17	имерiи	Имперiи
57	34	Завладѣть этимъ городамъ	Завладѣвши этимъ городомъ
81	14	вашимъ	нашимъ
95	6	позиций	позицiи.
122	14	возводимы	возводимыя.
127	13	были	бы
127	23	были	было
136	40	la haut	le haut
147	38	bocufs	boeufs
168	4	въ усиленiе	въ усиленiи
169	37	inquietudes, nous considerons	inquiétudes, nous nous considérons
171	22 и 23	подважнаго № 1, 4, 7-го и 10-го;	подвижныхъ № 1, 4, 7 и 10-го магазейновъ
171	30	кн. Гррчаковъ	кн. Горчаковъ
172	3	оно дѣлаетъ	онѣ дѣлаютъ
184	12	въ эти дня	въ эти дни
187	20	флангъ	флагъ
197	27	доставлены	доставленныя
201	36	batteront	battront
205	6	съ Александровской	къ Александровской.
216	18	прибется	придется
233	34	сдѣланъ пропускъ: послѣ словъ на второй дистанцiи, должно быть: 38, 40, 41 и 45 экипажи на третьей дистанцiи;	
246	34	послать туда	послать оттуда
259	1	впореди	впереди
288	21	отыскивавшин	отыскивавшiе
291	18	не свѣренныя	не свѣренная
303	7	imprevues	imprévues
303	8	celiu	celui
305	25 и 26	inforçables	inforçable

Стран.	*Строка сверху.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
305	27	sont blocus	son blocus
305	29	l'epuissement	l'épuisement
305	30	penible	pénible
313	22	reellement	réellement
313	24	d'experience	d'expérience
313	26	pas liu	pas lui
315	27	которюй	который
321	15	пѣнистыхъ	пѣнистымъ
337	35	adjiont	adjoint
337	35	qui nous	que nous
358	5	разстроенныхъ	разстроеннымъ
392	1	Бъ	Въ
392	11	flateuse	flatteuse.
398	13	paralleles	parallèles
398	13	de défence	de défense
398	14	avancées	avancée
403	3	abimés	abîmés
408	24	seul	seule
411	14	égoistes	égoïstes
426	27	n'est riant	n'est pas riant
426	28	qui suit	qui suis
426	29	créeé	créée
449	15	пероходa	парохода
456	15	въ веденіе	въ вѣдѣніе
475	30	за движеніемъ	за движеніе

2007096091